ISSN 0131-6095

Русская литература

3

2023

300 лет Российская Академия Наук

Институт русской литературы (Пушкинский Дом)
Российской академии наук

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

Русская литература

№ 3 Историко-литературный журнал 2023

Издается с января 1958 года

Выходит 4 раза в год

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Т. И. Краснобородько, В. В. Турчаненко. Пушкинский Дом и процесс концентрации в СССР рукописей Пушкина (1930–1940-е годы): по архивным источникам 5

ИЗ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАУКИ

М. А. Фролов. Н. К. Гудзий в Государственной Академии Художественных Наук: к истории сотрудничества. Часть 2: 26 ноября 1924 года — 7 декабря 1928 года 30

А. В. Пигин. Дневники Л. А. Дмитриева и Е. А. Маймина: археографическая экспедиция в Заонежье в 1948 году 65

Приложение. 1. Дневник Л. А. Дмитриева. 2. Полевой дневник экспедиции. 3. Перечень книг, приобретенных экспедицией 1948 года 71

ПУБЛИКАЦИИ И СООБЩЕНИЯ

Т. Н. Галашева. Предания о трех братьях и главе Георгия Угрина в Житии Ефрема Новоторжского 85

Е. Д. Кукушкина. Тема воспитания и изображение детей в притчах А. П. Сумарокова . . . 95

О смерти Андрея Тургенева по неопубликованным письмам Д. Н. Блудова к В. А. Жуковскому 1803 года (вступительная статья и комментарии С. В. Березкиной; подготовка текста С. В. Березкиной и Н. Л. Дмитриевой) 107

М. В. Строганов. А. С. Грибоедов и М. Н. Загоскин, или О проблеме описания литературного процесса 117

Лю На (*КНР*). Российская достоевистика 1844–2020 годов в зеркале больших данных . . . 126

А. В. Романова. «Литератор Майков» (из комментария к письмам И. А. Гончарова 1858–1859 годов) 145

Н. П. Генералова, В. А. Лукина. Луи Дьемер — корреспондент И. С. Тургенева (к истории литературно-музыкальных благотворительных концертов в Париже) 152

Неизвестные рецензии В. В. Розанова (по материалам архива П. П. Перцова) (вступительная статья, подготовка текста и комментарии Е. И. Гончаровой) 159

А. С. Александров. «Идти по самому краю цензурного обрыва...»: А. В. Амфитеатров в газете «Русская воля» (письмо А. В. Амфитеатрова к М. М. Гаккебушу (Горелову) от 27 сентября 1916 года) 166

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

А. Д. Савина, Я. Д. Чечнёв. Заседание памяти А. А. Блока во «Всемирной литературе» 26 августа 1921 года 178
Приложение. Заседание редакционной коллегии «Всемирной литературы», посвященное памяти А. А. Блока 182
Г. В. Куницын, Д. К. Поливанова, К. М. Поливанов. Темы и вариации Книги Бытия: к интерпретации цикла Б. Л. Пастернака «Нескучный сад» 195
А. М. Грачева. Опыт авангардной агиографии: повесть А. М. Ремизова «В розовом блеске: Из Пр́олога» 210
В. Ю. Вьюгин. Что хотел сказать советский классик, но не сказал? (речь М. А. Шолохова на Втором Всесоюзном съезде советских писателей) 217
«Я имел право написать об Аввакуме...». Письма В. Т. Шаламова В. И. Малышеву (вступительная статья, подготовка текста и комментарии К. Н. Тимашова) 231

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

А. Ю. Соловьев. Людвиг Хольберг и Россия 240
В. А. Котельников. Двойное зрение 243
Т. В. Мисникевич. «Четыре жизни» Николая Минского: опыт реконструкции 246
Т. В. Игошева, Г. В. Петрова. О «срочной словесности» 248
Л. В. Хачатурян. Притяжение Бунина 251

ХРОНИКА

Ю. А. Секушина. Международная научная конференция «Socialist Culture Recycled (Eastern Europe: from Disillusions to Nostalgia and Beyond)» 254
А. Б. Белова. Научная конференция «Житийные топосы в русской литературе» 258
И. В. Аршинова. Международная научная конференция «Переходные эпохи в литературе: мотивация обновления» 260
О. А. Линдеберг. Научно-практическая конференция «Наследие русских писателей XX в.: вопросы эдиционной практики» 265
Е. Р. Обатнина. XXVI Научные чтения Рукописного отдела Пушкинского Дома 269
Дин Лян (*КНР*). Международная научная конференция «„Мыслящие миры“ Ю. М. Лотмана», посвященная 100-летию со дня рождения ученого 272

Памяти Ростислава Юрьевича Данилевского 276

Summaries 277

Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН

Редакционный совет:

М. ГАРДЗАНИТИ, С. ГАРДЗОНИО, Ж. Ф. ЖАККАР, ЛЮ ВЭНЬФЭЙ, ДЖ. МАЛМСТАД, Ж. НИВА, М. Б. ПЛЮХАНОВА, ДЖ. СМИТ, Р. Д. ТИМЕНЧИК, Р. ХЁДЕЛЬ, Т. В. ЦИВЬЯН, В. ШМИД

Главный редактор *В. Е. БАГНО*

Редакционная коллегия:

М. Л. АНДРЕЕВ, М. Н. ВИРОЛАЙНЕН, Е. Г. ВОДОЛАЗКИН, В. В. ГОЛОВИН, А. М. ГРАЧЕВА, И. Ф. ДАНИЛОВА (зам. главного редактора), Е. Е. ДМИТРИЕВА, Н. Н. КАЗАНСКИЙ, А. В. ЛАВРОВ, А. М. МОЛДОВАН, А. Ф. НЕКРЫЛОВА, С. И. НИКОЛАЕВ, Г. В. ОБАТНИН, М. В. ОТРАДИН, А. А. ПАНЧЕНКО, В. В. ПОЛОНСКИЙ, А. Л. ТОПОРКОВ, Т. С. ЦАРЬКОВА

Адрес редакции: 199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4.
Телефон/факс (812) 328-16-01; e-mail: rusliter@mail.ru

© Российская академия наук, 2023
© Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, 2023
© Составление. Редколлегия журнала «Русская литература», 2023

Санкт-Петербург

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF RUSSIAN LITERATURE (PUSHKIN HOUSE)

RUSSKAYA LITERATURA

№ 3 Historical and Literary Studies 2023

Founded in January 1958

Published Quarterly

CONTENTS

Page

T. I. Krasnoborod'ko, V. V. Turchanenko. Pushkin House and the Process of Concentrating Pushkin's Manuscripts in the USSR (1930s–1940s): Archival Sources 5

HISTORY OF RUSSIAN SCHOLARSHIP

M. A. Frolov. N. K. Gudzij at the *State Academy of Art Sciences*: The History of Cooperation. Part 2: November 26, 1924 — December 7, 1928 30
A. V. Pigin. The Diaries of L. A. Dmitriev and E. A. Maimin: An Archeographic Expedition to Zaonezhye in 1948 65
Appendix. 1. L. A. Dmitriev's Diary. 2. The Field Diary of the Expedition. 3. List of Books Purchased by the 1948 Expedition 71

REPORTS AND RELEASES

T. N. Galasheva. The Legend of the Three Brothers and of the Head of George the Hungarian in the *Life of St. Ephraim of Torzhok* 85
E. D. Kukushkina. Parenting and Images of Children in A. P. Sumarokov's Parables . . . 95
Concerning the Death of Andrei Turgenev; Based on Unpublished Letters of D. N. Bludov to V. A. Zhukovsky, 1803 (Introduction and Commentary by S. V. Berezkina, Editing by S. V. Berezkina and N. L. Dmitrieva) 107
M. V. Stroganov. A. S. Griboyedov and M. N. Zagoskin, or Challenges of Describing Literary Process 117
Liu Na (*China*). Russian Studies on Dostoevsky from the Perspective of Big Data Analysis (1844–2020) 126
A. V. Romanova. «Maykov, a Man of Letters» (Commenting the Letters of I. A. Goncharov, 1858–1859) 145
N. P. Generalova, V. A. Lukina. Louis Diémer as a Correspondent of I. S. Turgenev (Towards the History of Literary and Musical Benefit Concerts in Paris) 152
Unknown Reviews by V. V. Rozanov (Based on the Data from P. P. Pertsov Archives) (Introduction, Editing and Commentary by E. I. Goncharova) 159
A. S. Aleksandrov. «To Walk on the Very Edge of the Censorship Cliff...» A. V. Amfiteatrov in the Newspaper *Russkaia Volia* (A. V. Amfiteatrov's Letter to M. M. Gakkebush (Gorelov), September 27, 1916) 166

St. PETERSBURG

A. D. Savina, Ia. D. Chechnev. The Meeting in Memoriam of A. A. Blok at the *Vsemirnaya Literatura* Publishing House, August 26, 1921 178
Appendix. Meeting of *Vsemirnaya Literatura* Editorial Board in Memoriam of A. A. Blok 182
G. V. Kunitsyn, D. K. Polivanova, K. M. Polivanov. Themes and Variations of The Genesis: To the Interpretation of B. L. Pasternak's Cycle *Neskuchny Sad* 195
A. M. Gracheva. An Attempt of Vanguard Hagiography: A. M. Remizov's Novella *In Pink Glow: From the Prologue* 210
V. Iu. Viugin. What the Famous Soviet Writer Wanted to Say, Yet Didn't (M. A. Sholokhov's Speech at the Second National Congress of the Soviet Writers) 217
«I Had the Right to Write about Avvakum...». V. T. Shalamov's Letters to V. I. Malyshev (Introduction, Editing and Commentary by K. N. Timashov) 231

REVIEWS

A. Iu. Solovev. Ludvig Holberg and Russia 240
V. A. Kotel'nikov. Double Vision 243
T. V. Misnikevich. The «Four Lives» of Nicholas Minskii: Attempted Reconstruction . . . 246
T. V. Igosheva, G. V. Petrova. On «Literature of the Moment» 248
L. V. Khachaturian. The Allure of Bunin 251

NEWSREEL

Iu. A. Sekushina. *Socialist Culture Recycled (Eastern Europe: from Disillusions to Nostalgia and Beyond)* International Research Conference 254
A. B. Belova. *Hagiographic Topos in Russian Literature* Research Conference 258
I. V. Arshinova. *Transitional Epochs in Literature: Motivation for Renewal* International Research Conference 260
O. A. Lindeberg. *The Legacy of Russian Writers of the 20th Century: Editing Practices* Research and Practical Conference 265
E. R. Obatnina. 26th Academic Readings of the Manuscript Department, Pushkin House . . . 269
Ding Liang (*China*). *Yu. M. Lotman's Universe of the Mind* International Research Conference, Honoring the Scholar's 100th Anniversary 272

In Memoriam of Rostislav Iurievich Danilevskii 276

Summaries 277

Published under the Auspices of History and Philology Department Russian Academy of Sciences

Editorial Council:

M. GARZANITI, S. GARZONIO, R. HODEL, J. F. JACCARD, J. MALMSTAD, G. NIVAT, M. B. PLIUKHANOVA, V. SCHMID, G. SMITH, R. D. TIMENCHIK, T. V. TSIVIAN, WENFEI LIU

Editor-in-Chief *V. E. BAGNO*

Editorial Board:

M. L. ANDREYEV, I. F. DANILOVA (Deputy Editor-in-Chief), E. E. DMITRIEVA, V. V. GOLOVIN, A. M. GRACHEVA, N. N. KAZANSKY, A. V. LAVROV, A. M. MOLDOVAN, A. F. NEKRYLOVA, S. I. NIKOLAEV, G. V. OBATNIN, M. V. OTRADIN, A. A. PANCHENKO, V. V. POLONSKII, A. L. TOPORKOV, T. S. TSAR'KOVA, M. N. VIROLAINEN, E. G. VODOLAZKIN

Editorial Office: 4, Makarova Embankment, St. Petersburg 199034.
Phone/fax (812) 328-16-01; e-mail: rusliter@mail.ru

© Russian Academy of Sciences, 2023
© Insitute of Russian Literature (Pushkinskij Dom), 2023
© Compilation. *Russkaya Literatura* Editorial Board, 2023

St. Petersburg

DOI: 10.31860/0131-6095-2023-3-5-29

© Т. И. КРАСНОБОРОДЬКО, © В. В. ТУРЧАНЕНКО

ПУШКИНСКИЙ ДОМ И ПРОЦЕСС КОНЦЕНТРАЦИИ В СССР РУКОПИСЕЙ ПУШКИНА (1930–1940-е ГОДЫ): ПО АРХИВНЫМ ИСТОЧНИКАМ

Судьба рукописного наследия Пушкина обстоятельно изучена в исследованиях и обзорах Б. Л. и Л. Б. Модзалевских, Б. В. Томашевского, М. А. Цявловского, Н. В. Измайлова, О. С. Соловьевой. В работах этих ученых (все они, за исключением М. А. Цявловского, в разное время были хранителями рукописного фонда поэта в Пушкинском Доме) подробно прослежены основные этапы истории важнейшего пушкинодомского собрания.[1] Формирование этого фонда было неотъемлемой частью общего процесса постепенной концентрации автографов Пушкина в нескольких крупных государственных хранилищах — вплоть до распоряжения Президиума Академии наук СССР от 2 июня 1948 года. В соответствии с ним архивные и музейные фонды Государственного музея А. С. Пушкина,[2] созданного в Москве в 1938 году и состоявшего в ведении академического Института мировой литературы им. А. М. Горького, были переданы Институту русской литературы (Пушкинскому Дому) Академии наук. С этого времени практически все рукописи Пушкина — за редким исключением — сосредоточены в его Рукописном отделе.

Право хранения всего рукописного наследия поэта было передано Пушкинскому Дому в середине XX века. Полвека спустя, на фоне 200-летнего юбилея со дня рождения Пушкина, оно неожиданно стало предметом обсуждения и оценок — архивных, правовых и даже этических. Так, например, Н. Б. Волкова, в то время директор Российского государственного архива литературы и искусства, о постановлении Академии наук 1948 года писала следующее: «Несомненно, концентрация в одном месте всего архивного наследия Пушкина облегчила его описание, изучение и публикацию, в том числе подготовку нескольких собраний сочинений поэта, но одновременно лишила Москву музея (хотя наиболее ценную его часть составили материалы именно московских хранилищ), а московских пушкинистов М. А. и Т. Г. Цявловских, С. М. Бонди, Г. О. Винокура, Л. П. Гроссмана, Д. Д. Благого и других, которые проделали огромную работу по систематизации и описанию пушкинских

[1] См.: Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме: Научное описание / Сост. Л. Б. Модзалевский и Б. В. Томашевский. М.; Л., 1937; *Цявловский М. А.* 1) Судьба рукописного наследия Пушкина // Цявловский М. А. Статьи о Пушкине. М., 1962. С. 260–275; 2) «Посмертный обыск» у Пушкина // Там же. С. 276–356; Рукописи Пушкина, поступившие в Пушкинский Дом после 1937 года: Краткое описание / Сост. О. С. Соловьева. М.; Л., 1964; *Измайлов Н. В.* О рукописях Пушкина // Белые ночи. Л., 1974. С. 52–88, и др.

[2] Далее используется и аббревиатура — ГМП. Отметим, что ныне существующий в Москве Государственный музей А. С. Пушкина (Пречистенка, 12/2) был создан в 1957 году и не является преемником музея, речь о котором идет в настоящей статье.

рукописей, — документальной базы для своих исследований. Кроме того, извлечение пушкинских рукописей и писем из фондов его современников нарушило их целостность, а сами изъятые документы потеряли свой контекст, приведя к утрате связей, благодаря которым они туда попали. <...> Так Москва лишилась Музея Пушкина, а огромное число уникальных документов Архивного фонда перешло из государственной собственности в собственность АН СССР, теперь РАН».[3] Жесткие оценки, которые Н. Б. Волкова дала в своей статье процессу изъятия пушкинских рукописей из многих архивов в советское время, можно было бы признать справедливыми, но в отношении другого документа — постановления № 256 Совета народных комиссаров СССР от 4 марта 1938 года «Об организации Государственного музея А. С. Пушкина» в Москве. К сожалению, это постановление нередко трактовалось как тот исходный документ, на основании которого Пушкинский Дом стал «единственным в стране хранилищем рукописей великого поэта». Именно так интерпретировал его В. Н. Баскаков в обоих изданиях своей монографии «Пушкинский Дом», замечая при этом, что вплоть до конца 1930-х годов сосредоточение рукописного наследия поэта осуществлялось в Пушкинском Доме «стихийно».[4] Историк Пушкинского Дома упускал из виду тот факт, что в строгом соответствии с правительственным постановлением 1938 года Институт русской литературы,[5] как и другие архивохранилища, обязан был передать весь свой Пушкинский фонд вновь организуемому московскому музею.

Легенды об изъятиях рукописей поэта, которые якобы производили представители Пушкинского Дома в конце 1930-х годов, время от времени возникают в профессиональной архивной и музейной среде и оказываются на удивление живучими. Так, например, в 1983 году Д. Н. Альшиц рассказывал Н. Я. Эйдельману странную историю о «стараниях» заведующего Отделом рукописей Публичной библиотеки И. А. Бычкова «скрыть пушкинские рукописи (!) от сдачи в П<ушкинский> Д<ом>».[6]

В юбилейном 1999 году была напечатана и статья одной из старейших сотрудниц Российской государственной библиотеки В. С. Гречаниновой. Наряду с публикацией источников по истории пушкинского собрания московского Румянцевского музея мы находим здесь эмоциональный рассказ о том, как в соответствии с постановлением 1938 года из Отдела рукописей Ленинской библиотеки изымались «все материалы, все рукописи А. С. Пушкина, накопленные за семьдесят лет собирательства», и как накануне Великой Отечественной войны «все пушкинские рукописи из Москвы переехали в Ленинград, в Пушкинский Дом». «Сотрудники библиотеки, — вспоминала В. С. Гречанинова, — в том числе и мужчины, плакали, получив это постановление. Так приказом свыше была нарушена воля детей А. С. Пушкина. Так первая библиотека страны была лишена величайшего достояния. Так город Москва утра-

---

[3] Из истории концентрации архивного наследия Пушкина (1930–1940-е годы) / Публ. подг. Н. Б. Волкова // Отечественные архивы. 1999. № 4. С. 51.

[4] *Баскаков В. Н.* 1) Пушкинский Дом: Исторический очерк. 1905–1930–1980. Л., 1980. С. 162; 2) Пушкинский Дом. 2-е изд., доп. Л., 1988. С. 155.

[5] На протяжении 1930–1940-х годов Институт несколько раз менял свое официальное название (Институт новой литературы, Институт русской литературы, Институт литературы). В предлагаемой статье для удобства изложения используются названия, принятые в настоящее время: и Институт русской литературы (ИРЛИ), и Пушкинский Дом.

[6] *Эйдельман Ю. М.* Дневники Натана Эйдельмана. М., 2003. С. 303. Д. Н. Альшиц — историк, источниковед, сотрудник Отдела рукописей Публичной библиотеки в 1945–1949, 1955–1984 годах, автор нашумевшей мистификации, связанной с X главой «Евгения Онегина», якобы обнаруженной им в 1949 году в одном из томов Собрания сочинений П. А. Вяземского. И. А. Бычков, с 1881 года заведовавший Отделением рукописей Публичной библиотеки, скончался в 1944 году. Во время его хранительства никогда не ставился вопрос о передаче в Пушкинский Дом сложившегося в Публичной библиотеке собрания автографов поэта.

тил „нравственную связь“ с наследием поэта».[7] Завершая статью, ее автор в довольно категоричной форме поставила вопрос о реституции пушкинских рукописей: «Время вносит свои коррективы: во всем мире решаются вопросы реституции ценностей, по той или иной причине поменявших своих владельцев. Можно надеяться, что проблема интеллектуальной собственности со временем будет разрешена с учетом волеизъявления наследников, тем более что в данном случае идет речь о наследниках А. С. Пушкина. Государственное и частное право со временем должно принимать цивилизованные формы».[8]

Статьи Н. Б. Волковой и В. С. Гречаниновой появились в год 200-летия Пушкина, но вряд ли стоит относиться к высказанным в них суждениям как к неизбежным юбилейным казусам, ибо высоки и авторитет их авторов, и репутация изданий, на страницах которых они были напечатаны.

Анализ ситуации, в которой Пушкинский Дом как один из основных хранителей рукописного наследия поэта оказался во второй половине 1930-х годов, предполагает обращение к его истокам, тем более что предыстория Государственного музея А. С. Пушкина, созданного в 1938 году в Москве, как будто повторяла предысторию Пушкинского Дома: юбилей поэта — пушкинская выставка как одно из главных, если не главное событие юбилея — создание памятного учреждения. Но этой схемой сходство, пожалуй, и ограничивается.

Б. Л. Модзалевский считал создание Пушкинского Дома «лучшим способом ознаменования 100-летнего юбилея Пушкина».[9] Прообразом будущего Дома его устроители называли пушкинскую выставку, развернутую в большом Конференц-зале Академии наук в мае 1899 года. Как известно, она была создана усилиями двух людей — вице-президента Академии наук Л. Н. Майкова и недавнего выпускника Санкт-Петербургского университета Б. Л. Модзалевского, зачисленного в академический штат за полтора месяца до открытия выставки. В немыслимо короткие сроки им удалось собрать в одном зале громадный материал, рассеянный по частным собраниям и различным учреждениям. На академической юбилейной выставке был представлен 771 экспонат, более 90 из них — пушкинские автографы. Именно эта выставка подсказала организаторам мысль «так или иначе сохранить весь тот ценный материал, который был собран воедино, помешать ему вновь распылиться и понемногу погибнуть», однако «сразу этого сделать не удалось».[10] После закрытия выставки экспонаты были возвращены владельцам, а «средой, хранившей и развивавшей» идею постепенного собирания пушкинского наследия, «суждено было стать» академической Комиссии по постройке памятника Пушкину в Петербурге. 15 декабря 1905 года в ее заседании и было принято решение о создании Пушкинского Дома. М. Д. Беляев, один из первых пушкинодомцев, заметил однажды, что Пушкинский Дом начинался «на пустопорожнем месте» и «мы лишь с трудом можем представить себе, чего стоило основателям его заставить принести <...> для какого-то воображаемого учреждения первую рукопись, книгу и портрет», когда «вокруг были старые, с заслуженной репутацией библиотеки, архивы и музеи».[11] К этому времени уже существовал

---

[7] *Гречанинова В. С.* Место хранения на «вечные времена» // Наше наследие. 1999. № 50–51. С. 186. Недостоверные сведения о прямом «перемещении» пушкинского собрания РГБ в Пушкинский Дом находим и в статье Е. П. Мстиславской «Окружение А. С. Пушкина в дневнике Е. А. Соймоновой 1833–1835 гг. (по материалам Отдела рукописей Российской государственной библиотеки)» (Пушкинские материалы в архивах России: Материалы научно-практической конференции 16 февраля 1999 г. М., 1999. С. 82).

[8] *Гречанинова В. С.* Место хранения на «вечные времена». С. 188.

[9] СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а (1923). № 172. Л. 169 об. — 170.

[10] Пушкинский Дом при Российской академии наук: Исторический очерк и путеводитель. Л., 1924. С. 8.

[11] Памяти основателей Пушкинского Дома Академии наук / Публ. Т. И. Краснобородько // Пушкинский Дом: Материалы к истории. 1905–2005. СПб., 2005. С. 195.

Пушкинский музей при Императорском Александровском (бывшем Царскосельском) лицее, и выпускники разных поколений почитали своим долгом пополнять его коллекции. В 1880 году старший сын поэта передал в московский Румянцевский музей для хранения в нем на «вечные времена» все (кроме дневника) рукописи Пушкина, которые были в распоряжении семьи. Богатые собрания пушкинских материалов сложились и в «депо манускриптов» Императорской Публичной библиотеки, и в Рукописном отделении Библиотеки Императорской Академии наук, и они продолжали пополняться новыми дарами и приобретениями.

Хотя «Положение о Пушкинском Доме» определяло его первой и важнейшей задачей «собирание всего, что касается Пушкина как писателя и человека», создатели нового академического учреждения никогда не подразумевали под этим тотальную концентрацию пушкинских материалов в его стенах. «От надежды собрать в одном месте все реликвии Пушкина пришлось <...> отказаться, — писал Н. А. Котляревский в предисловии к первому «Временнику Пушкинского Дома», — так как вряд ли те учреждения, которые такими реликвиями обладают, согласятся передать их новому учреждению, пока еще не окрепшему».[12] Преимущественное внимание основателей Дома, как и при устройстве выставки 1899 года, было обращено на реликвии, рассеянные по частным собраниям: у наследников Пушкина и его друзей, известных коллекционеров и случайных лиц. Соратники и единомышленники Н. А. Котляревского и Б. Л. Модзалевского избрали путь «долгих трудов и усилий», путь «медленного собирания», путь систематического выявления новых документов и сведений о них преимущественно у частных лиц, ибо общей незыблемой нормой было представление о неделимости исторически сложившихся собраний. Основатель Рукописного отделения Библиотеки Академии наук В. И. Срезневский определял их как «неподвижный фонд» государственных, общественных, монастырских и церковных хранилищ, одним из важнейших источников пополнения которых считал частные коллекции.[13]

В этом отношении характерно письмо М. Д. Беляева (будущего сотрудника Пушкинского Дома) от января 1919 года к Б. Л. Модзалевскому. Оно свидетельствует о стойкой приверженности Бориса Львовича старым архивным принципам уже в новых, радикально изменившихся условиях. В то время Беляев состоял уполномоченным Главархива по Симбирской губернии. Одновременно, имея на руках мандат Пушкинского Дома, он выяснял судьбу автографов Пушкина в местных собраниях, а напав на их след, нередко прибегал к помощи М. Горького и А. В. Луначарского, чтобы приобрести их для Пушкинского Дома. Вот фрагмент письма Беляева, важный для наших рассуждений: «Что бы Вы и Нестор Александрович <Котляревский> сказали на то, если б я как совершенно частный человек вдохновил сих мужей на новую субсидию, а также на давление свыше в пользу передачи всех материалов по Пушкину и его современникам Дому, как центральному хранилищу, и на извлечение их для этой цели отовсюду, где бы они ни находились (по крайней мере из провинции). Я знаю Ваш пуризм, но, мне кажется, дело можно было бы обстроить так, что с Вашей стороны потребовалось бы лишь одно непротивление. Хочу обменяться с Алексеем Максимовичем самыми предварительными на этот счет мыслями, а Вас очень прошу написать, насколько этот план согласен с общей Вашей политикой, и обещаю до получения ответа не предпринимать решительных шагов».[14] Что именно отвечал Модзалевский, неизвестно: его письмо не дошло до нас. Об одном можно говорить уверенно: «общая политика» основателей Пушкинского Дома была неизменной. Так,

[12] *Котляревский Н. А.* Предисловие // Временник Пушкинского Дома. 1913. СПб., [1914]. С. V.

[13] См.: Известия Отделения русского языка и словесности Имп. Академии наук. 1902. Т. 7. Кн. 2. С. 270.

[14] Цит. по: *Степанов А. Н.* У книг своя судьба... Л., 1974. С. 153–154.

в письме Пушкинского Дома С. Ф. Платонову от 15 января 1921 года (оно касалось пушкинского собрания покойного И. А. Шляпкина) особо подчеркивалось, что Пушкинский Дом, «ставя себе широкие научные задачи собирания материалов по истории литературы всего XIX века, преимущественное внимание свое обращает на сосредоточение в своих стенах всех тех рукописей Пушкина, которые, не попав в фонды Румянцевского музея и Публичной библиотеки, до последнего времени находились, а частию и теперь находятся в частных руках коллекционеров и других лиц, более или менее случайно ими владеющих».[15] Несколько лет спустя в одном из официальных документов 1927 года, отложившемся в делопроизводственном архиве Пушкинского Дома, мы обнаруживаем ту же, что и прежде, формулировку первоочередной задачи: «Сосредоточить в себе все то, что относится к истории жизни и творчества Пушкина и что не вошло еще в другие государственные хранилища».[16]

Не ставя перед собой цель быть единственным хранителем рукописного наследия поэта, Пушкинский Дом почти за 25 лет целенаправленного собирательского труда стал вторым по значению хранилищем пушкинских автографов — после Румянцевского музея (к тому времени — Всесоюзной библиотеки СССР им. В. И. Ленина), но первым по количеству собранных документов. За это время были получены по завещанию и в дар, спасены от уничтожения в годы войн, революций и разрухи, приобретены путем обмена и покупки тысячи документов: личная библиотека Пушкина и часть архива поэта — от его прямых наследников, более 600 отдельных рукописей Пушкина — из собраний П. А. Ефремова, П. А. Плетнева, вел. кн. Константина Константиновича, О. С. Журавлевой (урожд. Комовской), Т. Б. Семечкиной (урожд. Данзас), П. Я. Дашкова, Я. К. Грота, И. А. Шляпкина, М. И. Семевского, П. И. Бартенева, семейных архивов Павлищевых, Раевских, кн. Голицыных, кн. Юсуповых, Пушкинского лицейского музея и парижского музея А. Ф. Онегина.

Собрание пушкинских рукописей, начало которому положил Б. Л. Модзалевский, стало краеугольным камнем архивных, книжных, музейных коллекций Дома. Именно этот фундамент сохранил Пушкинский Дом как институцию во время сфабрикованного властью «академического дела» 1929–1931 годов, несмотря на аресты и увольнения основных сотрудников, коренную реорганизацию учреждения (в его структуре сохранились Архив, Музей и Библиотека, но на правах вспомогательных подразделений) и утрату его исторического имени — к счастью, временную. П. Е. Рейнбот в письме к М. А. Цявловскому с нескрываемой горечью вынужден был называть Пушкинский Дом «бывш<им> П. Д.».[17] Еще более трагическую формулировку

---

[15] СПбФ АРАН. Ф. 150. Оп. 1 (1921). № 3. Л. 5–6; см. также: Там же. Ф. 1. Оп. 1а (1921). № 169. Л. 10 об.

[16] Там же. Оп. 1 (1927). № 2. Л. 59. В этой связи важно отметить, что в том же 1927 году в коллегии Центрархива возникла идея о «создании *единого для всего СССР хранилища пушкинских рукописей и материалов о Пушкине*», для обсуждения которой предполагалось созвать «специальное совещание с участием представителей Главнауки и виднейших специалистов-пушкиноведов». На нем должны были «решить вопрос и о *будущем местонахождении единого пушкинского архива*» — в Москве или Ленинграде ([Б. п.]. Единый пушкинский архив // Вечерняя Москва. 1927. 5 авг. № 176; см. также: [Б. п.]. Москва. (По телефону). Объединенный пушкинский архив // Красная газета (веч. вып.). 1927. 5 авг. № 209). Впрочем, тогда эта идея не получила своего развития.

[17] ИРЛИ. Ф. 387. № 281. Л. 12 об. (письмо от 2 января 1931 года). Именно П. Е. Рейнбот, будучи членом Комиссии по сооружению памятника А. С. Пушкину в Санкт-Петербурге (она была образована при Императорской Академии наук в 1899 году), весной 1905 года высказал «великолепную мысль» об учреждении «Пушкинского музея» на средства, собранные Комиссией по добровольной подписке. Собственное же имя у будущего академического учреждения появилось с легкой руки Непременного секретаря Академии наук С. Ф. Ольденбурга — «не „музей“, не „пантеон“, а просто „Дом Пушкина“» (см.: В. А. Рышков и его «Дневник» / Публ. В. П. Степанова // Пушкинский Дом. Статьи. Документы. Библиография. Л., 1982. С. 129–130, 132).

нашел К. Я. Грот, говоря о судьбе дорогого и близкого ему по духу академического учреждения, когда в одном из писем к Т. Г. Цявловской он вспоминал о знакомстве с М. А. Цявловским «у покойного Б. Л. Модзалевского в его рабочем кабинете — тоже уже покойного Пушкинского Дома».[18]

В первые годы после завершения «академического дела» и в официальных документах, и в различных изданиях неизбежное уточнение «б<ывший> Пушкинский Дом» сопровождало упоминание Института русской литературы АН СССР, созданного на месте «аполитичного» учреждения, чуждого «марксистско-ленинской разработке литературного наследства», как утверждалось, например, в неподписанном предисловии «От редакции» в первом томе «Литературного наследства».[19] На идеологические установки и тон этого программного текста «по горячим следам» отреагировал В. Ф. Ходасевич в статье «О пушкинизме» (1932): «Пушкинский Дом уже наводнен коммунистами, переименован и в значительной мере парализован. <...> Для советского пушкинизма настают времена, когда, как всему живому в России, ему придется уйти в подполье».[20]

Новый период существования рукописного собрания поэта в Пушкинском Доме тесно связан с деятельностью академической Пушкинской комиссии, реорганизованной на новых началах и возобновившей свою работу весной 1931 года (она стала структурным подразделением Института русской литературы).[21] В ее первом заседании под председательством А. В. Луначарского (кроме него в заседании участвовали Н. К. Козмин, Ю. Г. Оксман, Б. В. Томашевский, Ю. Н. Тынянов, Д. П. Якубович) в числе главных пропедевтических работ для осуществления нового академического издания Полного собрания сочинений Пушкина были обозначены факсимильное издание всех рукописей поэта и их научное описание. В связи с этим было принято решение «выделить ответственное лицо в Архивохранилище ИНЛИ для специального хранения пушкинианы и обеспечить льготные условия работы в Архивохранилище для членов П<ушкинской> к<омиссии>».[22] Короткое время, с мая 1931 по август 1932 года, эту работу исполнял Б. В. Томашевский, освобожденный в связи с этим от заведования библиотекой Института. А с 15 декабря 1933 года по инициативе Н. К. Пиксанова, который в то время заведовал Архивом, на должность штатного хранителя Пушкинского фонда был приглашен Л. Б. Модзалевский.[23] Месяц спустя, сообщая М. А. Цявловскому о своем назначении, он писал: «Очень увлекаюсь новой работой. Сейчас закончил систематизацию материалов по Пушкину; разбил их на несколько групп; воссоздал *архив Пушкина* (письма к нему разных лиц и др<угие> документы, бывшие у него), выделил дела разных учреждений о Пушкине, автографы родственников <...>, копии произведений Пушкина, биографические материалы о нем, касающиеся дуэли, и т. под.; нашел подлинное воен-

---

[18] ИРЛИ. Ф. 387. № 397. Л. 1 об. (письмо от 4 декабря 1933 года).

[19] См.: Лит. наследство. 1931. Т. 1. С. 2–4. Первые два тома этого издания вышли под грифом РАПП и Института литературы, искусства и языка (ЛИЯ) Комакадемии при ЦИК СССР. Историческое имя постепенно возвращалось в академический обиход с 1934 года и было официально закреплено в новом Положении об Институте, утвержденном 28 сентября 1937 года (см.: *Солдатова Л. М.* Традиция памяти Пушкина на виражах политической жизни России XX века // Русская литература. 2006. № 1. С. 174).

[20] *Ходасевич В. Ф.* Колеблемый треножник. Избранное. М., 1991. С. 200.

[21] Об этом см.: *Турчаненко В. В.* Научные заседания, организационные собрания и совещания Пушкинской комиссии Академии наук СССР в Ленинграде в 1931–1936 гг. (по материалам Санкт-Петербургского филиала Архива РАН) // Временник Пушкинской комиссии. СПб., 2020. Вып. 34. С. 145.

[22] СПбФ АРАН. Ф. 150. Оп. 1 (1931). № 16. Л. 169 об.

[23] ИРЛИ. Ф. 387. № 239. Л. 19. Отметим случайное, но тем не менее символичное совпадение дат: в этот же день в 1905 году было принято решение о создании Пушкинского Дома при Императорской Академии наук.

но-судное дело, бывшее *временно* утраченным и т. под. Сейчас начну описание всех этих материалов, бывших никак не зарегистрированных».[24]

Вряд ли кто-нибудь, кроме Л. Б. Модзалевского, смог бы осуществить такой объем работы за месяц. Он сформировал структуру вновь созданного Пушкинского рукописного фонда, который зарегистрировали под № 244. Лев Борисович фронтально просматривал в Рукописном отделе фонды и коллекции пушкинского времени, выявлял документы, относящиеся к поэту, проводил атрибуцию почерков «неустановленных лиц», параллельно извлекал сведения по истории пушкинских автографов из материалов делопроизводственного архива Института и «одевал» рукописи в новые архивные обложки. Существующий ныне в Пушкинском Доме порядок хранения этого фонда, архивной обработки пушкинских материалов и их использования в основном и главном был определен его первым ученым хранителем. Тогда же было установлено незыблемое правило, в соответствии с которым, как писал Л. Б. Модзалевский в одном из своих первых отчетов, «ни одна рукопись <Пушкина. — *Т. К., В. Т.*> не остается ни в фотолаборатории, ни в читальном зале ни на одну ночь: они в конце дня подкладываются в Пушкинский сейф».[25]

Вернемся к 1933 году. В мае по инициативе ленинградской Пушкинской комиссии была созвана конференция пушкинистов. Местом ее проведения стал Институт русской литературы АН СССР. Конференция была посвящена обсуждению проблем академического собрания сочинений Пушкина, которое необходимо было издать к «юбилею» 1937 года. Рассматривались тип и характер, состав, объем, композиция будущего издания в целом и отдельных его томов, проекты текстологической и орфографической инструкций, «внешность» издания, организационные вопросы. В последнем заседании 11 мая обсуждался также предварительный план юбилейных мероприятий, в который, разумеется, был включен и пункт о всесоюзной Пушкинской выставке — пока без указания места ее проведения. Вне объявленной повестки возник вопрос о создании Пушкинского музея.

Приведем фрагменты стенограммы этого заседания:

«*Благой.* Мне думается, что нельзя ограничиться к юбилею только организацией пушкинской выставки. У нас существует целый ряд персональных музеев — Музей Толстого в Москве, музей Горького, имеется даже постоянная выставка Маяковского. Необходимо, мне кажется, организовать и музей Пушкина. <...> Организация музея в последней квартире Пушкина наталкивается на почти непреодолимые, во всяком случае, тяжелые затруднения. Но вопрос не в месте и не в форме организации, а в самом факте необходимости к юбилею 1937 года такой музей организовать. <...>

Канаев. Вопрос об открытии постоянного пушкинского музея нужно будет включить. Можно поставить вопрос о том, чтобы были отведены 3–4 зала в Институте литературы — это вопрос деталей, но чтобы была научная выставка, которая бы существовала десятки лет. Я целиком это поддерживаю, может быть, Москва захочет также организовать подобную выставку, может быть, захочет ряд других городов это сделать, но определенная научная выставка по всем материалам должна быть организована. <...>

Эфрос. <...> Что касается музея, то я музейный человек, но я принципиальный противник того, чтобы из Центрального Литературного музея выделять по принципу персональному музеи. Что же получится? Получится, что в истории русской литературы не будет Пушкина. Можно в системе данного музея дать особое место, но выделять, мне кажется, совершенно нецелесообразно.

---

[24] Там же. Л. 20 об. — 21 (письмо от 12 января 1934 года).

[25] СПбФ АРАН. Ф. 150. Оп. 1. № 25. Л. 35.

Я предлагаю снять вопрос о пушкинском музее как таковом. Я бы даже внес, я не знаю, уместно ли это или неуместно, — предложение о том, чтобы восстановить название Пушкинского Дома за ИРЛИ, чтобы внизу, под заголовком, было написано Институт русской литературы, но я не решаюсь вносить это предложение.

Пиксанов. Это совершенно лишняя вещь.

Эфрос. Я не настаиваю на этом.

Благой. Центральный Литературный музей еще не существует, а музей Горького, музей Маяковского существуют. Вообще это проблема чрезвычайно сложная. Мы стоим сейчас перед лицом того факта, что по существу такого места, где был бы сосредоточен пушкинский материал, нет.

Председатель <акад. А. С. Орлов>. Позвольте мне дискуссию по этому вопросу прекратить. Сделано пожелание, реализация его встречает очень много и „за“ и „против“. Прежде всего — мы ни в коем случае ничего не отдадим. Вот первое, что я скажу. <...> Что касается до того, что осталось от трудов конференции, то я не говорю, что в Институте русской литературы завеял дух Пушкина, — он ни в коей мере отсюда и не выходил, но он был так живо обновлен и так живо было опять нами почувствовано, что, если Пушкинский Дом останется Институтом русской литературы по названию, а таким он и останется, то все-таки хозяином этого Института окажется хозяин этого Дома».[26]

Вряд ли кто-нибудь из участников этой дискуссии мог тогда предположить, что неожиданно возникший теоретический вопрос о «персональном» пушкинском музее из области «пожеланий» и «дискуссии», которую без труда остановил академик А. С. Орлов (в то время он был заместителем директора Института[27] и председателем Пушкинской комиссии), в не столь отдаленном будущем перейдет в область правительственных постановлений и официальных директив.

Сразу после ленинградской конференции началась подготовка отдельных томов академического издания. Из Москвы в Пушкинский Дом стали поступать регулярные запросы о присылке рукописных оригиналов для работы московских редакторов — прежде всего М. А. Цявловского и С. М. Бонди. Модзалевский, сознавая, сколь опасны для рукописей грядущие перемещения, в письме Цявловскому объяснял свою позицию по поводу пересылки лицейских материалов, необходимых для составления комментариев к 1-му тому издания: «Я не вижу другого исхода, как тот, чтобы Вы приехали сюда и просмотрели их сами. Переписывать их невозможно, ибо это очень много и дорого будет стоить (до 500 рублей), и все равно Вам будет нужно лишь в небольшой части. Пересылать же Вам подлинники <...> также невозможно, ибо такой ценный материал нельзя рисковать отсылать в другой город, даже если бы были приняты все предосторожности. Прошли времена Майкова. Вы, я думаю, сами не пожелаете на этом настаивать. Я же, как хранитель этих материалов и человек, служащий в *архиве* и знающий архивные правила, заявил, <...> что не могу разрешить этого сделать. Если же прикажет начальство, то покорюсь распоряжению, но подам особую записку, мотивируя в ней нежелательность пересылки. Итак, лучше всего, если Вы приедете сюда».[28] В течение трех недель для Цявловского были изготовлены и отправлены в Москву 68 листов выписок из подлинных дел лицейского архива за 1814–1817 годы.[29]

В декабре 1934 года в ответ на запрос о присылке пушкинских автографов сроком на три месяца для работы С. М. Бонди Пушкинский Дом предложил

[26] ИРЛИ. Ф. 244. Оп. 26. № 391. Л. 295, 297, 303, 307.

[27] Директором ИРЛИ со 2 октября 1931 года до 26 декабря 1933 года был А. В. Луначарский.

[28] ИРЛИ. Ф. 387. № 240. Л. 46 (письмо от 12 сентября 1934 года).

[29] См.: СПбФ АРАН. Ф. 150. Оп. 1 (1934). № 10. Л. 44.

Редкомитету академического издания предоставить ученому командировку в Архив ИРЛИ.[30]

До конца 1936 года стены Пушкинского Дома не покинула ни одна рукопись поэта. Бóльшая часть этого года была связана с выполнением распоряжений Всесоюзного Пушкинского комитета и его выставочной комиссии, которая готовила масштабную выставку в Москве. Она должна была сосредоточить все пушкинские материалы за 100 лет и открыться в «юбилейные» дни. В числе тех, кто разрабатывал концепцию выставки и ее тематический план, — крупнейшие московские пушкинисты М. А. Цявловский, С. М. Бонди, Д. Д. Благой, Г. О. Винокур, Н. С. Ашукин. Особое постановление Совнаркома предписывало архивам и музеям немедленно представить материалы для этой выставки и — более того — запрещало экспонировать их на собственных выставках без разрешения Всесоюзного Пушкинского комитета. «Юбилейная» выставка в столице изначально рассматривалась как дело политической важности.

Специальная московская комиссия отобрала в Пушкинском Доме первоначально 117 архивных единиц, в том числе — 51 пушкинский автограф.[31] Удалось добиться лишь одного — чтобы эти документы были перевезены в Москву «в самую последнюю очередь, так как <...> постоянно необходимы Институту для работ, связанных с изданием сочинений Пушкина». «Передача этих материалов в Москву теперь же, — писал ученый секретарь ИРЛИ Н. Г. Свирин непременному секретарю АН СССР Н. П. Горбунову 25 ноября 1936 года, — была бы очень чувствительна Институту и нарушила бы нормальную работу по разным мероприятиям, связанным с Пушкинским юбилеем».[32] 29 декабря 1936 года затребованные рукописи были отправлены в Москву фельдъегерской почтой через отдел связи НКВД.

Этим организаторы Всесоюзной выставки не ограничились: в начале следующего года стали приходить дополнительные требования немедленной присылки очередных партий пушкинских подлинников.

17 января 1937 года датирован запрос, подписанный председателем Всесоюзного Пушкинского комитета А. С. Бубновым, о предоставлении еще 44 писем Пушкина 1820–1825 годов по списку, который был составлен поспешно и небрежно. Сохранились комментарии к нему Л. Б. Модзалевского, поданные им в дирекцию Института. В них хранитель Пушкинского фонда отмечал ветхое состояние ряда документов, делающее невозможным их транспортировку и экспонирование, указывал на то, что в Центрархиве в Москве хранится около 100 писем к П. А. Вяземскому, и не видел «никакой надобности отсылать» письмо, принадлежавшее Пушкинскому Дому. Письма поэта к Н. И. Гнедичу и А. А. Бестужеву были запрошены организаторами выставки в полном объеме (8 и 7 автографов соответственно), и Модзалевский предлагал «ограничиться одним-двумя <...>, выбрав письма лучшей сохранности». Кроме того, Лев Борисович указал организаторам, что подлинник одного из затребованных из Пушкинского Дома писем хранился тогда в библиотеке Харьковского университета, а сведениями о местонахождении еще одного письма пушкинисты не располагали. «Считаю вообще совершенно ненужным и нецелесообразным отсылать в Москву такое количество писем, — заключал Модзалевский. — В московских архивохранилищах имеется совершенно достаточное количество писем Пушкина, чтобы экспонировать их на выставке».[33]

---

[30] Там же. Л. 6, 8.

[31] Эта внушительная цифра была обозначена и в прессе (см. заметку «Рукописи поэта», напечатанную в «Вечерней Москве» 9 января 1937 года).

[32] СПбФ АРАН. Ф. 150. Оп. 1 (1936). № 63. Л. 20.

[33] Документ хранится в секторе учета РО ИРЛИ (в деле о передаче материалов на Всесоюзную Пушкинскую выставку в 1936–1937 годах).

На следующий день, 18 января, из Москвы в адрес Пушкинского Дома было отправлено новое требование «совершенно срочно выслать во временное пользование для экспозиции на Всесоюзной Пушкинской выставке» еще 21 автограф Пушкина. Приложенный список был составлен так же небрежно, как и предыдущий. В нем дважды значилось письмо А. Н. Мордвинову от 30 июля 1833 года. Кроме того, кураторы выставки снова запрашивали автографы, которые находились в собраниях других государственных хранилищ, и документы, замену которым легко было отыскать в московских архивах и библиотеках. К новому перечню Л. Б. Модзалевский также приложил свою пояснительную записку. Максимум из того, что могли предпринять хранители Пушкинского Дома, — это по возможности сократить количество подлинных рукописей поэта для пересылки в Москву. Игнорировать же требования Всесоюзного Пушкинского комитета, возглавляемого наркомом просвещения А. С. Бубновым, было невозможно и, кроме того, опасно.

23 января из Пушкинского Дома были отправлены еще две посылки с 71 пушкинским автографом — в дополнение к тем, что были переданы в последних числах декабря; 27 января в Москву переслали 18 изданий из личной библиотеки Пушкина, 7 февраля — еще 6 пушкинских подлинников.[34]

Всесоюзная Пушкинская выставка открылась 16 февраля 1937 года в семнадцати залах Исторического музея. На ней было представлено более 5600 экспонатов из 102 различных учреждений Советского Союза. Наибольшее количество материалов пришло из Пушкинского Дома.[35]

С марта Пушкинский Дом настаивал на возвращении тех своих материалов, что не вошли в экспозицию юбилейной выставки. С этой целью в Москву неоднократно выезжал Л. Б. Модзалевский,[36] и лишь в июне 1937 года ему удалось вернуть в Ленинград 48 не востребованных организаторами автографов поэта. Таким образом, в продолжение 1937 года более 30% подлинных рукописей Пушкина отсутствовало на месте — беспрецедентный случай в истории Пушкинского Дома. Бóльшая их часть экспонировалась на двух юбилейных выставках, меньшая (68 автографов) — находилась в Гослитмузее и Всесоюзной библиотеке СССР им. В. И. Ленина на временном хранении (по требованию В. Д. Бонч-Бруевича они были отправлены туда для работы московских пушкинистов над отдельными томами академического издания Пушкина).

Ситуация, сложившаяся вокруг изъятия пушкинских автографов для «юбилейной» выставки, которое изначально было заявлено как временное, оказалась общей для всех архивов и музеев — хранителей пушкинских материалов. Она отражена в подробном письме В. Д. Бонч-Бруевича, направленном 5 апреля 1937 года президенту Академии наук СССР В. Л. Комарову:

«Глубокоуважаемый Владимир Леонтьевич,

на заседании пленума Редакторского комитета полного собрания сочинений А. С. Пушкина издания АН, состоявшемся 2 и 3 апреля с. г., было вынесено постановление, в силу которого я обязан доложить Вам о том катастрофическом положении, в котором мы сейчас находимся с работами по целому ряду Пушкинских томов ввиду изъятия подлинных рукописей А. С. Пушкина

[34] Кроме того, параллельно с московской шла работа по созданию ленинградской Областной юбилейной выставки в залах Эрмитажа, концепция которой была разработана пушкинистами Института русской литературы. На эту выставку Пушкинский Дом передал 259 рукописей и документальных материалов (в том числе 137 автографов Пушкина). Они были возвращены в Пушкинский Дом в начале июля 1937 года.

[35] Всего на выставку было доставлено около 15 500 экспонатов, в том числе около 1000 рукописей Пушкина и архивных материалов; в экспозицию, как видно, вошла только третья часть поступившего (см.: Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1939. [Т.] 4–5. С. 570).

[36] См.: СПбФ АРАН. Ф. 150. Оп. 1 (1936). № 65. Л. 51, 57 и др.

из соответствующих архивохранилищ: Всесоюзная Ленинская библиотека, Пушкинский Дом, Центрархив, Гослитмузей и др.

Эти рукописи в огромном своем числе лежат на Всесоюзной Пушкинской выставке или в витринах, или в запасном фонде.

Когда выставка устраивалась, то предполагали, что в витринах рукописи будут лежать не более 10 дней и что по истечении 10 дней рукописи будут заменены фотографиями, а самые рукописи будут возвращены в архивохранилища, где они находились и ранее. Сейчас идет второй месяц, как открылась выставка, однако рукописи не возвращаются обратно в свои архивохранилища. Более того, те рукописи, которые хранятся в запасе, стало быть, не использованы на самой выставке и хранятся в кладовых Гос<ударственного> Исторического Музея, также не возвращаются обратно в свои архивохранилища.

Все это создало совершенно непреодолимые препятствия, в силу которых целый ряд работ по Пушкину абсолютно приостановился.

Так, например, 13-й том, который мы предполагали сдать еще в марте месяце, не может быть сдан в печать, так как целый ряд писем Пушкина 1826 и 1827 гг. находится как раз на выставке. Специально на их выверку приезжал из Ленинграда профессор Д. П. Якубович. Он обратился в рукописное отделение Библиотеки им. Ленина, а потом на выставку, и там, и там получил совершенно отрицательные ответы, работу провести не смог и вернулся обратно в Ленинград, так как его служебные обязанности не позволяют задерживаться в Москве более нескольких дней.

Точно так же не смог заняться сверкой по подлинникам писем Д. Д. Благой, редактирующий 13-й том. Точно такое положение и с 16-м томом нашего издания. Дальнейшее грозит еще худшими осложнениями, так как целый ряд самых первоклассных рукописей Пушкина — „Дубровский“, „Капитанская дочка“ и др. также изъяты из архивохранилищ и также находятся на выставке в том недоступном положении, о котором я Вам писал выше.

Все это вместе взятое вынуждает Редакторский комитет единодушно просить Вас сообщить о всех этих фактах председателю Пушкинского Комитета наркому просвещения А. С. Бубнову и просить его сделать распоряжение о немедленной раздаче всех рукописей Пушкина по их принадлежности в те архивохранилища, откуда они взяты.

Редакторский комитет поручил мне лично с Вами об этом переговорить. Я, зная как Вы постоянно заняты, посылаю Вам это письмо и буду очень благодарен, если Вы распорядитесь мне сообщить, когда бы я смог заехать к Вам в АН для личного свидания с Вами по этому поводу, если Вы, конечно, найдете это нужным.

Считаю также совершенно необходимым как специалист по архивно-музейному делу довести до Вашего сведения, что помимо этой литературно-исследовательской нужды в рукописях Пушкина, которые находятся на выставке, крайне тяжело видеть, что они находятся там до сих пор, так как им ведь более чем сто лет от роду, а рукописи такого давнего происхождения, а впрочем, как и все остальные, чрезвычайно портятся, находясь в витринах под действием лучей солнца, сильного света, даже и электрического, перемены температуры воздуха, пыли и пр. т. п. <sic!>

Все эти отрицательные свойства как раз в изобилии имеются на выставке и надо очень бояться, что рукописи Пушкина сильно пострадают от всех этих явлений.

С глубоким уважением к Вам,
зав. редакцией Влад. Бонч-Бруевич».[37]

[37] АРАН. Ф. 394. Оп. 1 (1937). № 47. Л. 120–121.

В этом письме В. Д. Бонч-Бруевича звучит нескрываемое беспокойство о пушкинских рукописях, которые оказались в условиях, недопустимых для экспонирования ценных документов (заметим при этом, что часть оригиналов была представлена даже не в витринах, а «на стенах и стендах»[38]). Как выясняется, еще бóльшую угрозу для сохранности подлинников, извлеченных по распоряжению Выставочного комитета из всех архивохранилищ СССР, представлял организационный период, который предшествовал открытию выставки. Красноречиво свидетельствует об этом документ более позднего времени — докладная записка о проверке фондов, представленная заведующим Фондом хранения Е. Н. Сперанским директору Всесоюзной Пушкинской выставки И. К. Лупполу в январе 1938 года, вскоре после окончания ее работы:

«<...> Выставка организовывалась в обстановке чрезвычайной спешки. Средства, необходимые для организации выставки в сумме 1 200 000 р., были отпущены за месяц до открытия выставки. В небольшой, оставшийся до открытия выставки срок предстояло не только развернуть выставку, но и провести такие обширные работы подготовительного периода, как капитальный ремонт и полное переоборудование 17 зал верхнего этажа в здании Гос<ударственного> Исторического Музея, отведенных для размещения выставки <...>.

Практически это привело к тому, что ремонт выставочного помещения, включавший такие трудно совместимые с задачей сбережения ценных экспонатов работы, как удаление переборок в 13<-м> и 17<-м> залах, перенос внутренней стены в 15<-м> зале, оттирка потолков и стен от старой краски, новая их окраска, лепные работы, оструж ка паркетов, полное световое переоборудование зал — производились одновременно с развертыванием выставки, на одной и той же площади, уступая место друг другу.

Работы по развертыванию выставки велись под лозунгом: „Выставка должна быть открыта в срок“. Ремонтные работы, а поближе к концу и все прочие работы велись в течение круглых суток, несколькими сменами. На небольшой территории выставки работало 1600 работников всех специальностей — от строительных рабочих всех оттенков, художников, оформителей, музыкантов и кончая научными работниками. <...>

В этой сложной обстановке Фонд хранения, вопреки утвержденному для него „Положению“, не имел своего постоянного изолированного помещения для хранения экспонатов. Дважды построенные мною запасники <...> были сломаны по требованию руководства Пушкинским Комитетом и Выставочной Комиссии, чтобы не задерживать хода ремонтных работ. Первый запасник был сломан прежде, чем Фонд хранения успел его занять, а во втором Фонд проработал 2–3 дня. Взамен сломанных запасников мне было предложено перейти к „запаснику на колесах“. Это означало, что Фонд хранения должен был размещаться с своим громадным имуществом в проходных залах, передвигаясь вместе с ремонтом из зала в зал, чтобы освобождать дорогу для немедленного развертывания экспозиции в залах, вышедших из ремонта.

За организационный период Фонд хранения переменил свое место 11 раз. Громоздкие и ответственные передвижки фонда из зала в зал производились бригадой квалифицированных технических работников Третьяковской Галереи под моим руководством и наблюдением.

---

[38] Там же. Л. 148 (из письма В. Д. Бонч-Бруевича непременному секретарю АН Н. П. Горбунову от 22 мая 1937 года). С этого времени на выставке начались «фотографические работы для замены подлинных рукописей копиями». Не исключено, что это произошло вследствие писем Бонч-Бруевича в академический Президиум, но растянулось при этом на долгие месяцы. И только летом 1938 года оригиналы пушкинских рукописей в выставочных залах были заменены на фотокопии (см.: *Богаевская К. П.* Государственный музей А. С. Пушкина (к годовщине его существования) // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1941. [Т.] 6. С. 543).

Но и помимо этих организационных передвижек имущество Фонда перебрасывалось непрерывно из угла в угол, чтобы освободить место для работы то штукатуров или маляров, то паркетчиков, драпировщиков, электромонтеров, связанных в своей работе календарными сроками выполнения.

Вот те сложные, весьма далекие от обычных, законом предусмотренных норм порядка и хранения музейных ценностей условия, в которые была поставлена работа Фонда хранения в организационный период.

Охрана, достигавшаяся размещением музейных ценностей в проходных залах, в условиях ни днем, ни ночью не прекращавшейся людской толчеи и ремонта, непрерывных перемещений Фонда с места на место, в условиях трудно поддающегося контролю вноса и выноса портфелей и свертков с проектами, планами и др<угими> материалами по организации выставки, завоза строительных материалов и инструментов и вывоза строительного мусора и пустой тары — являлась по существу охраной больше символической, чем реальной. Усложнив и в громадной степени затруднив задачу аппарата по охране музейных ценностей, предложенная руководством упрощенная форма охраны лишила аппарат Фонда тех гарантий, которые обеспечиваются хранением ценностей в изолированном запирающемся помещении, запретом доступа в помещение запасника для лиц, не принадлежащих к составу работников фонда, запрещением вноса и выноса портфелей и свертков и т. д. В этой обстановке аппарат Фонда хранения сделал все от него зависящее, чтобы удесятеренной заботой о сбережении доверенного ему имущества и неослабным надзором за его сохранностью восполнить пороки организации охраны и уберечь экспонаты от грозивших хищения и порчи.

Результаты произведенного учета экспонатов свидетельствуют о том, что эта задача выполнена аппаратом с честью.

Через трудности, нагромождавшиеся на его пути несовершенной организацией охраны, аппарат Фонда хранения провел 15-тысячное имущество фонда с минимальными потерями в наименее ценной его части. <...>».[39]

За несколько месяцев до закрытия выставки в центральном правительственном органе было размещено открытое письмо под заголовком «Вопрос Председателю Всесоюзного Пушкинского Комитета тов. А. С. Бубнову». Под обращением стояло 34 подписи — ученых, писателей, артистов, деятелей культуры. Они предлагали превратить юбилейную выставку, которая «представляла собой дело всех трудящихся Союза», в постоянный музей, чтобы представленные на ней экспонаты вновь не «распылились по шестидесяти двум <sic!> учреждениям», откуда они поступили.[40]

Руководители Пушкинского Дома без промедления отреагировали на эту публикацию, видимо осознавая, что вопрос о создании нового музея предрешен и необходимы срочные меры по сохранению за Институтом его Пушкинианы. Уже 10 октября П. И. Лебедев-Полянский, назначенный директором ИРЛИ в конце июня 1937 года,[41] и его заместитель академик А. С. Орлов отправили в академический Президиум письмо, где просили «срочно возбудить перед Совнаркомом СССР ходатайство о передаче Всесоюзной Пушкинской выставки в ведение Академии наук СССР и о создании Пушкинского музея на базе Института литературы АН СССР», в котором «сосредоточены богатейшие

---

[39] РГАЛИ. Ф. 2123. Оп. 2. № 3. Л. 1 об. — 2 об.

[40] Известия. 1937. 8 окт. № 235. С. 3. Подобные предложения возникали не только в публичном поле. 18 ноября письмо с таким же ходатайством направили председателю Совнаркома В. М. Молотову М. А. Цявловский, С. М. Бонди и В. В. Вересаев (см.: *Цявловский М. А., Цявловская Т. Г.* Вокруг Пушкина / Изд. подг. К. П. Богаевская и С. И. Панов. М., 2000. С. 266). Нельзя исключить, что инициаторами письма в «Известиях» также были М. А. Цявловский и С. М. Бонди.

[41] См.: АРАН. Ф. 597. Оп. 3. № 29. Л. 1.

материалы, послужившие основой для Всесоюзной Пушкинской выставки», и который «является единственным литературоведческим центром пушкиноведения».[42] 22 октября было отправлено письмо и академику-секретарю Отделения общественных наук А. М. Деборину — уже с конкретным предложением о здании для будущего музея: «Как раз в ближайшие месяцы начнется постепенный перевод в новое помещение Всесоюзной Публичной библиотеки им. Ленина. Нынешнее помещение библиотеки — одно из наиболее интересных зданий старой Москвы — специально приспособлено для музея, — и в нем в течение многих десятилетий находился Румянцевский музей. В этом помещении мы считали бы целесообразным развернуть постоянный музей Пушкина в системе Академии наук СССР, который может быть сделан на базе Всесоюзной Пушкинской выставки».[43]

Закрытие выставки намечалось на конец декабря 1937 года. В начале декабря в Москву был командирован Б. В. Шапошников — заведующий Музеем Пушкинского Дома. Он привез из столицы тревожные новости, которые циркулировали в выставочных кругах и которые ученый секретарь ИРЛИ О. В. Цехновицер немедленно изложил в служебной записке, направленной директору Института П. И. Лебедеву-Полянскому 7 декабря:

«<...> Особо тревожит меня вопрос о положении с Пушкинской выставкой. Как выяснил сейчас в Москве Б. В. Шапошников (он беседовал с директором и администратором Всесоюзной Пушкинской выставки т. Бек и секретарем выставки т. Г. А. Волковым):

1) Выставка формально должна закрыться 30 декабря 1937 г.

2) Передали, что имеется принципиальное мнение ЦК партии о желательности сохранения выставки как постоянного музея в Москве.

3) Директор выставки И. К. Луппол входит в Совнарком с проектом превращения выставки в Музей. Проект т. Луппола был возвращен Совнаркомом, так как в нем не было указано, в какой системе мыслится будущий Пушкинский музей. В числе возможных систем намечались: Институт литературы им. Горького,[44] Наркомпрос, Комитет по делам искусств и Академия наук.

4) В проекте намечаются возможные помещения для Музея: здание бывш<его> Румянцевского музея (дом Пашкова, ныне Ленинская библиотека), филиал Инст<итута> Маркса–Энгельса–Ленина (бывш<ее> здание Музея Щукина в Знаменском пер.), здание школы на ул. Герцена (д<ом> б<ывших> Бобринских против церкви, где венчался Пушкин) и др.

Так как ни одно из этих помещений не свободно, есть предположение задержать выставку в помещении Исторического музея (месяца на три), так как надобность в нем для юбилейной выставки Красной Армии миновала.

5) Из отдельных намеков можно понять, что наиболее нежелательным для московских кругов Пушкинской выставки является передача ее в ведение Академии наук, так как Академия не проявляет никакого интереса к ее судьбе, и предполагают, что в ее системе она будет финансироваться хуже, чем в другой.

6) Передавал т. Волков, что будто бы зав. Комитетом по делам искусства т. Керженцев высказался за сохранение выставки как Музея, но предупредил, что экспонаты, принадлежащие музеям, входящим в систему Комитета по делам искусства, должны быть им возвращены. Не исключено такое же отношение со стороны других учреждений, давших экспонаты на выставку. Таким образом, основное ядро выставки, состоящее из экспонатов, представлен-

[42] Цит. по: *Солдатова Л. М.* Традиция памяти Пушкина на виражах политической жизни России XX века. С. 175.

[43] СПбФ АРАН. Ф. 150. Оп. 1 (1937). № 12. Л. 37.

[44] Институт мировой литературы был создан в 1932 году и находился в ведении ЦИК СССР.

ных Пушкинским Домом, является и единственным твердым ядром будущего Музея.

Из всего этого следует, что необходимо, чтобы Академия наук срочно вынесла твердое решение по вопросу об ее заинтересованности в судьбе предоставленных экспонатов и будущего Музея Пушкина. В дни юбилея высказывалось Президиумом Академии желание сохранить эту выставку в системе Академии. До того как вопрос будет обсуждаться в Совнаркоме, с проектом Музея надо познакомиться представителю Академии, для соответствующего контрпроекта, если представитель Академии уже не входит в комиссию, вырабатывающую проект. Если не будут приняты срочные меры, то Академия наук потеряет все свои пушкинские материалы <...>».[45]

В сложившейся ситуации, которая требовала решительных действий, директор Пушкинского Дома прибегнул к старым большевистским связям. Информацию, полученную от О. В. Цехновицера, он кратко изложил в личном письме вице-президенту Академии наук Г. М. Кржижановскому (их объединяло членство в РСДРП практически с момента ее основания, активное участие в революционном движении и пребывание на высоких государственных постах после октября 1917 года). Письмо датировано 15 декабря 1937 года:

«*Лично.*

Глеб Максимилианович,

30-го декабря этого года должна закрыться выставка Пушкина. До меня дошли слухи, что в ЦК партии имеется принципиальное мнение о желательности оставить выставку как постоянный музей и намечаются следующие здания: бывший Румянцевский музей, бывшее здание музея Щукина на Знаменском пер. и здание школы на улице Герцена против церкви, где венчался Пушкин.

В Совнаркоме в ближайшее время должен будет решаться вопрос, в ведении какого ведомства должна остаться выставка Пушкина. В связи с этим Керженцев, заведующий Комитетом по делам искусств, высказался за то, чтобы выставку превратить в Музей, но предупредил, что экспонаты, принадлежащие музеям, входящим в систему Комитета по делам искусств, должны быть им возвращены.

Московские круги Пушкинской выставки указывают на нежелательность передачи выставки Академии Наук, мотивируя это тем, что выставка в системе Академии будет финансироваться хуже, чем в другой системе.

Чтобы предупредить нежелательное для Академии наук решение и учитывая, что Президиум Академии в дни юбилея высказал пожелание сохранить эту выставку в системе Академии, я думаю, что нужны какие-то особые решения со стороны Президиума Академии, чтобы выставка осталась в составе Института литературы, тем более что громадное количество экспонатов для выставки взято из Пушкинского Дома.

Жду от Вас директивы, как действовать в дальнейшем.

С коммунистическим приветом
П. Лебедев-Полянский».[46]

На письме — резолюция Г. М. Кржижановского академику-секретарю Отделения общественных наук А. М. Деборину от 17 декабря 1937 года: «Переговорите со мной». «Особые решения», о необходимости которых писал директор ИРЛИ, были приняты 29 января 1938 года. Заслушав доклады

[45] СПбФ АРАН. Ф. 150. Оп. 1 (1936). № 9. Л. 108.
[46] АРАН. Ф. 394. Оп. 1 (1937). № 47. Л. 171.

А. М. Деборина и П. И. Лебедева-Полянского, академический Президиум постановил «войти в СНК СССР с ходатайством о передаче в Академию наук всех материалов Пушкинской выставки»[47] — во-первых, и «подтвердить решение Президиума АН СССР от 15.06.1937 г. о целесообразности слияния Института литературы АН и Ин<ститу>та мировой литературы им. Горького и образования единого Института литературы в составе Академии Наук СССР»[48] — во-вторых.

Академический план не был поддержан. 4 марта 1938 года председатель Совета народных комиссаров Союза ССР В. М. Молотов подписал постановление № 256 «Об организации Государственного музея А. С. Пушкина». Оно представляло, по существу, приговор дальнейшему существованию Пушкинского фонда ИРЛИ, который, напомним, был сформирован незадолго до этих событий. Московский музей А. С. Пушкина, созданный на базе юбилейной выставки, передавался в ведение Института мировой литературы им. А. М. Горького.[49] Постановление № 256 не только закрепляло за вновь учрежденным московским Музеем все экспонаты выставки, но и «обязывало Академию наук СССР, Всесоюзный комитет по делам искусств, Центральное архивное управление, государственные музеи и другие учреждения и организации» передать в музей «имеющиеся у них материалы, связанные с жизнью и творчеством Пушкина».[50]

Исполнение этого документа означало не только изъятие из Пушкинского Дома личной библиотеки поэта, с которой Пушкинский Дом, собственно, начинался, и 823 автографов, хранившихся в нем, но и отчуждение всех пушкинских материалов — архивных, музейных, книжных.

Заведующим Сектором рукописей Государственного музея А. С. Пушкина был назначен М. А. Цявловский. По разработанному им плану[51] и под его прямым руководством осуществлялась концентрация рукописных материалов в новом музее.[52] В мае–июне 1938 года беспроблемно прошла передача 1071 архивной единицы из Государственного литературного музея. «Согласно точным словам и указаниям этого постановления <...>, — писал основатель и директор музея В. Д. Бонч-Бруевич, — мы стремились не спеша сдать эти драгоценные рукописи и материалы „на отлично“. <...> Все наши фонды по А. С. Пушкину поступили в музей Пушкина в полном порядке и не вы-

[47] Там же. Ф. 597. Оп. 3. № 30. Л. 1.

[48] Там же. № 29. Л. 6. Упомянутое в этом документе июньское решение академического Президиума было принято по результатам работы в ИРЛИ «обследовательской комиссии» в марте–апреле 1937 года, завершившейся отчетным докладом заместителя директора института А. С. Орлова на заседании Президиума 15 апреля 1937 года (см.: Там же. № 27).

[49] К моменту подписания Постановления СНК СССР от 4 марта 1938 года ИМЛИ еще находился в ведении ЦИК СССР (решение о передаче Института в систему АН СССР было принято полтора месяца спустя, 16 апреля 1938 года).

[50] Цит. по: Каталоги фондов Государственного Литературного музея. А. С. Пушкин: Рукописи. Документы. Иллюстрации / Ред. К. П. Богаевская. М., 1948. Вып. 7. С. XVIII.

[51] См. протокол № 3 заседания дирекции Института мировой литературы им. А. М. Горького от 16 марта 1938 года, где рассматривался «вопрос о Музее А. С. Пушкина» (см.: АРАН. Ф. 397. Оп. 1 (1932–1993). № 15. Л. 3–5).

[52] М. А. Цявловскому в этом деле нужен был опытный помощник за пределами Москвы, и на месте уполномоченного от Пушкинского музея по выявлению пушкинских автографов и материалов в Ленинграде и организации их доставки в ИМЛИ он видел только Л. Б. Модзалевского (переписка по этому вопросу шла в течение марта–мая 1938 года и завершилась в конце концов отказом Модзалевского, сославшегося на работу «в двух научных учреждениях Академии наук» и «отсутствие времени»); см.: ИРЛИ. Ф. 187. Оп. 2. № 119. Л. 1, 2–2 об. (небольшие фрагменты этого дела процитированы в статье: *Хитрово Л. К.* Л. Б. Модзалевский: материалы к биографии по документам личного архива в Рукописном отделе Пушкинского Дома // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2020 год. СПб., 2020. С. 15); Оп. 3. № 345. Л. 280 об., 282, 286 об. — 287, 288 об. — 289; Ф. 387. № 242. Л. 25 об., 27–27 об., 31, 32, 34.

звали ни с чьей стороны никаких замечаний».[53] К июлю 1938 года Ленинская библиотека полностью передала Государственному музею А. С. Пушкина все свое собрание пушкинских рукописей, включая пожертвованные сыном поэта в 1880 году.[54]

В августе 1938 года М. А. Цявловский выехал в Ленинград. В интервью «Красной газете» он, в частности, рассказывал о том, что рукописи Пушкина, хранящиеся в Публичной библиотеке, «подготовляются к сдаче заведующим рукописным отделением библиотеки И. А. Бычковым, хранившим их, кстати сказать, в течение 57 лет»,[55] и в «ближайшие дни» они будут отправлены в Москву.[56] Относительно пушкинодомских материалов Цявловский сообщал, что «вопрос о времени передачи этого собрания в музей остается открытым, так как президиум Академии наук еще не вынес своего решения».[57] Этого не произошло ни в 1938 году, ни в последующие годы. В инвентарные книги ГМП со 2 сентября по 22 декабря 1939 года как поступившие из Института русской литературы были внесены только 92 пушкинских автографа и 16 книг из личной библиотеки поэта, которые экспонировались на выставке и не были возвращены в Ленинград по ее окончании. Отметим при этом, что постановление Президиума ЦИК СССР от 14 февраля 1937 года о централизации в академическом Институте мировой литературы рукописей Максима Горького и постановление СНК СССР от 27 августа 1939 года о централизации рукописей Л. Н. Толстого в его московском музее Пушкинский Дом выполнил, хотя и предпринимал шаги по сохранению этих важных фондов в своем архиве.[58] С рукописным фондом Пушкина все обстояло иначе: с его изъятием прекратилась бы история Пушкинского Дома в том виде, как он был задуман его основателями, и «родовое» имя Института русской литературы навсегда бы ушло из его названия. В этом смысле «особая» медлительность при исполнении постановления Совнаркома СССР о создании московского Музея А. С. Пушкина была необходима, хотя, конечно, небезопасна.

Борьба за сохранение Пушкинского фонда — главного в составе Архива ИРЛИ — происходила в крайне напряженной общественно-политической и академической обстановке второй половины 1930-х годов.

В преддверии пушкинских «торжеств», 6 ноября 1936 года, по ложному доносу был арестован Ю. Г. Оксман — заместитель директора Института, заведующий редакцией академического издания Полного собрания сочинений

---

[53] Цит. по: Каталоги фондов Государственного Литературного музея. А. С. Пушкин: Рукописи. Документы. Иллюстрации. С. XIX.

[54] См.: [Б. п.]. Рукописи великого поэта // Красная газета. 1938. 7 авг.; *Соломина О. Л.* Судьба архива А. С. Пушкина в Московском публичном и Румянцевском музеях в XIX–XX вв. // Вопросы источниковедения и текстологии русской литературы XIX века: Сб. статей по материалам Международной науч. конф. М., 2022. С. 58–59.

[55] [Б. п.]. Рукописи великого поэта; см. также: [Б. п.]. Рукописи Пушкина отправляются в Москву // Известия. 1938. 27 июля.

[56] С июля по ноябрь 1938 года Публичная библиотека официально передала в московский Музей 128 автографов поэта и более 200 дел Пушкинианы. При этом на протяжении 1938–1940 годов И. А. Бычков «добивался возвращения материалов и мемориальных предметов, которые, по его представлениям, должны были остаться в П<убличной> Б<иблиотеке>. Об этом свидетельствуют его докладные записки на имя ее директора, а также составленные им проекты писем дирекции Библиотеки в вышестоящие инстанции» (см.: *Любимова М. Ю.* Пушкинские материалы в Публичной библиотеке // История в рукописях и рукописи в истории: Сб. науч. трудов к 200-летию Отдела рукописей Российской национальной библиотеки. СПб., 2006. С. 419).

[57] [Б. п.]. Рукописи великого поэта. Дирекция ИМЛИ приняла решение направить «докладную записку в Президиум АН СССР о немедленной передаче Музею А. С. Пушкина, в соответствии с декретом СНК, всех материалов по Пушкину, имеющихся в Пушкинском Доме АН и других учреждениях АН» еще 4 июня 1938 года (АРАН. Ф. 397. Оп. 1 (1932–1993). № 15. Л. 39 об.).

[58] См.: *Иванова Т. Г.* Рукописный отдел Пушкинского Дома: Исторический очерк. СПб., 2006. С. 261–265.

Пушкина и председатель организационной комиссии по подготовке к Пушкинскому юбилею в Ленинграде. Накануне, 5 ноября 1936 года, Президиум АН СССР признал работу ученого по подготовке «юбилейного» издания «совершенно неудовлетворительной», и он, «как не оправдавший оказанного ему доверия», был освобожден от исполнения обязанностей заведующего редакцией.[59]

26 июня 1937 года арестовали ученого секретаря Института Н. Г. Свирина. В октябре этого же года были расстреляны А. Д. Камегулов и Г. Е. Горбачев — бывшие сотрудники ИРЛИ, арестованные ранее.

В марте–апреле 1937 года в Институте работала «обследовательская комиссия» Президиума АН под председательством П. И. Лебедева-Полянского, которому несколько месяцев спустя суждено было возглавить Институт. По результатам работы комиссии и докладу академика А. С. Орлова, состоявшемуся в Москве 15 апреля 1937 года, Президиум АН принял резолюцию, в которой, в частности, отмечал: «В Институте литературы АН (бывш. Пушкинский Дом) собраны исключительной ценности материалы в количестве более 3 миллионов объектов, и он располагает всеми объективными возможностями для того, чтобы стать ведущим научным учреждением Союза ССР в области изучения литературы. Однако в течение ряда лет враги народа и вредители (Каменев, Оксман) дезорганизовали его работу, засоряли его состав, использовали институт в вредительских целях и расхищали накопленные в нем ценности, всемерно препятствуя осуществлению Институтом возложенных на него задач».[60] В этой же резолюции впервые было зафиксировано и положение о целесообразности слияния двух институтов — ИРЛИ и ИМЛИ, вновь подтвержденное 29 января 1938 года.[61] Резолюция по итогам работы «обследовательской» комиссии была заслушана 6 июня 1937 года и на партийном собрании Института, а в конце июня «состояние работы» в ИРЛИ обсуждалось на специальном заседании бюро Василеостровского райкома ВКП(б). План работы Института на 1936 год был признан «вредительским», на 1937 год — «головотяпским», уводящим «в сторону от современности», «расплывчатым» и «безыдейным».[62] 1 апреля 1938 года в «Известиях» была напечатана обличительная статья «В стенах Ленинградского института литературы», которая стала предметом обсуждения на общем собрании коллектива Института.[63]

Весной 1939 года возникла угроза еще одного внутриакадемического конфликта, связанного с исполнением постановления № 256 о создании Государственного музея А. С. Пушкина. Суть его изложена в письме директора ИМЛИ И. К. Луппола президенту АН СССР В. Л. Комарову. Оно датировано 20 марта 1939 года:

---

[59] СПбФ АРАН. Ф. 150. Оп. 2. № 127. Л. 38. 15 июня 1937 года Ю. Г. Оксман был осужден на пять лет с отбыванием срока в «исправительно-трудовом лагере» на Колыме. Подробно об Ю. Г. Оксмане см.: *Азадовский М. К., Оксман Ю. Г.* Переписка. 1944–1954 / Сост., вступ. статья, комм. К. М. Азадовского. М., 1998; «Искренне Ваш Юл. Оксман» (письма 1914–1970-х годов) / Публ. М. Д. Эльзона; предисловие В. Д. Рака; прим. В. Д. Рака и М. Д. Эльзона // Русская литература. 2003. № 3. С. 137–184; № 4. С. 182–220; 2004. № 1. С. 145–199; № 2. С. 189–244; 2005. № 4. С. 140–201; 2006. № 1. С. 227–273.

[60] АРАН. Ф. 597. Оп. 3. № 27. Л. 58.

[61] См.: Там же. Л. 60; № 29. Л. 6, 7 об.; № 30. Л. 3; Ф. 397. Оп. 1 (1932–1993). № 15. Л. 32; СПбФ АРАН. Ф. 150. Оп. 1 (1936). № 9. Л. 44. Внешним препятствием к объединению двух литературоведческих Институтов было отсутствие соответствующего здания в Москве. Об этом также см.: *Курилов А. С.* Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской Академии наук. Предпосылки. Предыстория. Начало. Становление. 1932–1945. М., 2022. С. 306–309.

[62] Цит. по: *Солдатова Л. М.* Традиция памяти Пушкина на виражах политической жизни России XX века. С. 171–173.

[63] См.: Там же. С. 176–178.

«Уважаемый Владимир Леонтьевич!

<...> „Пушкинские дела“ в Академии наук не упорядочены, хотя ясные указания на этот счет со стороны Правительства даны уже давно. Но я не поднимал этого вопроса, считая, что мы переживаем, правда, несколько затянувшийся „переходный период“.

В самом деле, ко времени пушкинских торжеств, да и на всем протяжении 1937 года все пушкиноведение в Академии наук выражалось в следующих учреждениях, организациях и предприятиях:

1. Работа в Институте литературы АН: хранение рукописей, научная работа в Пушкинской комиссии, издание „Временника“.

2. Музей — последняя квартира Пушкина в Ленинграде и Пушкинский Заповедник — в ведении ИЛ АН.

3. Пушкинская комиссия в Москве.

4. Издание академического собрания сочинений Пушкина от АН в целом.

Между тем преобразование по постановлению Совнаркома СССР от 4 марта 1938 г. Всесоюзной Пушкинской Выставки в Гос<ударственный> музей А. С. Пушкина с передачей последнего в ведение Института мировой литературы внесло полную ясность в дальнейшую организацию пушкиноведения в СССР, поскольку Правительством Союза был определен для этого научный центр. Последовавшая в апреле 1938 г. передача Института мировой литературы им. А. М. Горького в Академию наук должна была лишь облегчить создание такого центра. Между тем на деле получилось иное.

Институт литературы им. А. М. Горького за год, истекший со дня постановления Правительства, проделал громадную работу по сосредоточению в Музее А. С. Пушкина, согласно этому постановлению, всех рукописей поэта, документов, связанных с его жизнью и творчеством, книг и большого количества художественно-изобразительного материала, до того рассеянных по сотне учреждений во всех союзных республиках. Кроме того, положено начало систематической научной работе над творческим наследием Пушкина. В плане 1939 г. стоят: исследовательский коллективный труд о творчестве Пушкина, составление исчерпывающей „Летописи жизни и творчества“, начало работы над „Пушкинским словарем“, описание рукописей Пушкина и т. п. В штат привлечены крупнейшие пушкинисты: Цявловский, Благой, Бонди, Винокур и другие.

И лишь одно учреждение в СССР не выполнило постановления Правительства, именно Институт литературы Академии наук:

1. Решительно все учреждения, хранившие у себя рукописи Пушкина, передали их в Музей А. С. Пушкина, — только одно учреждение не сделало это — Институт литературы АН.

2. Квартира Пушкина и Пушкинский заповедник организационно никак не связаны с Гос<ударственным> музеем Пушкина и продолжают находиться в ведении ИЛ АН.

3. Пушкинский „Временник“ никак не связан с декретированным Правительством центром пушкиноведения и продолжает издаваться Институтом литературы АН как сборник подчас случайных материалов.

4. К изданию академического собрания сочинений Пушкина никак не привлечен Институт мировой литературы им. А. М. Горького.

<...> Я думаю, что только объединение обоих Институтов, на что есть уже давно решение Президиума Академии наук, устранит все никчемные обиды и недоразумения.

Мне представляется, что как бы ни затянулось это объединение, для выполнения Правительственного решения о Музее Пушкина необходимо Ваше распоряжение:

1. Передать все рукописи Пушкина в Сектор рукописей Музея А. С. Пушкина.

2. Передать Музей-квартиру Пушкина и Пушкинский заповедник в ведение Института мировой литературы им. А. М. Горького в качестве филиалов Музея Пушкина.

3. Превратить „Пушкинский временник“ в орган Музея Пушкина.

Академик И. К. Луппол».[64]

В своем обращении к президенту Академии наук, составленном в предельно категоричных выражениях, директор ИМЛИ фактически обвинял Пушкинский Дом в саботаже правительственного постановления, избегнув, впрочем, самого слова «саботаж». По неясным причинам это письмо больше года оставалось без движения. В мае 1940 года Л. Б. Модзалевский был командирован в Москву в связи с новым инцидентом, возникшим между Пушкинским Домом — с одной стороны, и Музеем А. С. Пушкина и Литературным музеем — с другой. Речь шла об автографах поэта, которые принадлежали Пушкинскому Дому и находились в Москве на условиях временного хранения.[65] В столице Модзалевский узнал о предстоящем заседании президиума Академии по вопросу концентрации пушкинских рукописей, которое инициировали директор ИМЛИ И. К. Луппол и директор ГМП Л. И. Пономарев. Лев Борисович сразу же встретился с П. И. Лебедевым-Полянским и об этом разговоре сообщил Б. П. Городецкому (в то время — заведующему Архивом ИРЛИ). Как писал Модзалевский, директор Пушкинского Дома «сказал, что вопрос о передаче рукописей в Музей Пушкина не так прост, как думают в Музее, и что он будет настаивать на их оставлении у нас, тем более что постановление правительства выполнено в отношении хранения их в одном учреждении — Академии наук и что нахождение части рукописей в Ленинграде есть внутреннее академическое дело. Он очень был недоволен самовольным распоряжением В. Д. Бонч-Бруевича о „временной“ передаче хранившихся у него в Литературном музее рукописей в Музей Пушкина. Таким образом, предстоит еще борьба, которая еще неизвестно как разрешится. Он просил ускорить присылку отзывов разных учреждений о методах хранения рукописей у нас в Институте. Мою информацию П. И. Лебедев-Полянский принял к сведению».[66] Это письмо Модзалевский передал в Ленинград через директора академического Архива Г. А. Князева 15 мая 1940 года.

20 мая директор академической Лаборатории консервации и реставрации документов Н. П. Тихонов дал заключение об условиях хранения рукописей в московском Музее А. С. Пушкина. В нем было зафиксировано несоблюдение

[64] АРАН. Ф. 597. Оп. 3. № 30. Л. 2–2 об.

[65] Еще в начале августа 1937 года по распоряжению В. Д. Бонч-Бруевича в Гослитмузей для работы С. М. Бонди по XI тому собрания сочинений были отправлены во временное пользование пять пушкинских автографов. С лета 1939 года все попытки возвратить их в Пушкинский Дом оставались безуспешными. В начале 1940 года Рукописное отделение ГЛМ переехало в новое помещение, и 14 марта 1940 года Бонч-Бруевич, как заведующий Редакцией академического издания, распорядился передать автографы Пушкинского Дома на временное хранение в Музей А. С. Пушкина. Директор ГМП Л. И. Пономарев отказался выдать рукописи Л. Б. Модзалевскому, оставив на его доверенности резолюцию следующего содержания (она датирована 11 мая): «Вопрос о передаче рукописей А. С. Пушкина будет разрешен Президиумом АН в течение мая м<есяца> т<екущего> г<ода>. До решения Президиума нецелесообразно в данный момент перевозить рукописи в Ленинград». В результате В. Д. Бонч-Бруевич вынужден был писать в ИРЛИ письмо, в котором признал «поступок директора Гос<ударственного> Муз<ея> А. С. Пушкина по отношению этих рукописей <...> неправильным» (переписка, вызванная этим инцидентом, хранится в секторе учета РО ИРЛИ).

[66] Там же.

основных требований, предъявляемых к хранению особо ценных архивных документов и гарантирующих их долговременную сохранность: рукописи «помещаются в отдельной комнате, рядом с залой для занятий,[67] а сами документы хранятся в обычном железном бухгалтерском шкафе <sic!>. Никаких мероприятий по соблюдению нормального режима по температуре и влажности и полной изоляции от действия газовой среды не установлено».[68]

Следующим днем, 21 мая, датирован акт, который подписали авторитетные специалисты в области архивного дела и реставрации: директор Архива Академии наук Г. А. Князев, профессор Н. П. Тихонов и ученый консультант центральных государственных архивов в Ленинграде В. К. Лукомский. Комиссия «произвела детальный осмотр хранилища Пушкинского фонда» ИРЛИ и «пришла к следующим выводам»:

«1. Помещение, где хранятся рукописи Пушкина, является совершенно изолированным, с каменным полом, железными решетками и ставнями, изолирующими яркое солнечное освещение, и полностью неопасным в пожарном отношении. Вход в помещение хранилища закрывается железной дверью. Никаких работ в самом помещении, где хранится Пушкинский фонд, не производится.

2. Автографы Пушкина хранятся в двух несгораемых шкафах, остальные документы — в двух деревянных шкафах, в картонных папках с изолирующими бумажными прослойками.

3. Температура помещения — нормальная. Излишков влажности не замечается, а при обследовании самих документов ни поражений плесенью, ни насекомых не обнаружено. Общее состояние документов — хорошее.

За состоянием документов производится систематическое наблюдение ответственным их хранителем.

Общий режим хранения, согласованный с указаниями ЛКРД АН, поддерживается систематически и для контроля за ним ведется ежедневное наблюдение за температурой и относительной влажностью, в свою очередь контролируемое точными приборами ЛКРД АН.

4. Комиссия считает, что как состояние документов, так и методы хранения при соответствующих возможностях в Архиве Института литературы являются нормальными и никаких явлений, угрожающих изменению состояния документов в их дальнейшем хранении, не наблюдается».[69]

---

[67] Такое неизолированное расположение хранилища пушкинских рукописей привело к тому, что в конце 1938 — начале 1939 года, во время проветривания сейфов, был украден автограф стихотворения «Воспоминания в Царском Селе», ранее хранившийся в Ленинской библиотеке. 13 марта 1939 года по ИМЛИ был издан приказ И. К. Луппола, которым М. А. Цявловский был отстранен от заведования Сектором рукописей «как не обеспечивший надлежащую организацию охраны государственных ценностей». На этом фоне в октябре 1939 года Л. Б. Модзалевский получил предложение Л. И. Пономарева, заведующего Музеем, возглавить Сектор рукописей ГМП (см.: ИРЛИ. Ф. 187. Оп. 2. № 119. Л. 3–7; небольшие фрагменты процитированы в статье: *Хитрово Л. К.* Л. Б. Модзалевский: материалы к биографии по документам личного архива в Рукописном отделе Пушкинского Дома. С. 15–16). Назначение Л. Б. Модзалевского на должность заведующего не состоялось, так как Музей А. С. Пушкина, видимо, не смог принять условия ученого. История о пропаже пушкинского автографа в ГМП и административных последствиях этого чрезвычайного происшествия подробно рассказана К. П. Богаевской (см.: *Цявловский М. А., Цявловская Т. Г.* Вокруг Пушкина. С. 14–16; также см.: ИРЛИ. Ф. 387. № 243. Л. 4, 5; НИОР РГБ. Ф. 645. Карт. 46. № 9).

[68] ИРЛИ. Ф. 150. Оп. 15. № 45. Л. 61, 62. Свидетельства об отсутствии необходимых условий для хранения рукописей встречаются и в частной переписке пушкинистов, относящейся еще ко времени работы выставки. Так, например, 11 января 1938 года Б. С. Мейлах в письме из Москвы предупреждал Д. П. Якубовича: «Если Вы пожелаете работать на Пушкинской выставке, то учтите — в комнате хранения рукописей (где работают пушкинисты) очень холодно, она не отапливается» (Там же. Ф. 800. № 144. Л. 5).

[69] Там же. Ф. 150. Оп. 15. № 45. Л. 64, 65.

Из этих двух документов прямо следовало, что Пушкинский Дом обеспечивал более высокий и надежный уровень хранения рукописей и что перемещение их в Москву, в худшие условия и необустроенное помещение, было бы нецелесообразно.

Так, в сохранении за Пушкинским Домом его главного архивного фонда оказались важны не только усилия руководителей Института и хранителей его Рукописного отдела, но и само хранилище — бронированное помещение в здании бывшей Петербургской морской таможни, где Пушкинский Дом обосновался в 1927 году. Тогда же это особое помещение получило и свой новый статус — хранилища рукописей поэта, которое в пушкинодомском обиходе называлось комнатой-сейфом.[70]

Представленные архивные документы позволяют высказать предположение, что тактика «мягкого саботажа», избранная Пушкинским Домом в ходе тотального изъятия пушкинских материалов из архивов, музеев и библиотек ради создания нового московского музея, помогла в конце 1930-х — начале 1940-х годов не только сохранить Пушкинский фонд, но и избежать при этом новых репрессий по отношению к самому Институту. Неизвестно, как бы могло разрешиться административное противостояние (или «борьба», если вспомнить слово Л. Б. Модзалевского) между ИРЛИ и ИМЛИ, но в этот процесс вмешались обстоятельства «непреодолимой силы». Одно из них — тюремное заключение директора ИМЛИ академика И. К. Луппола, арестованного по ложному обвинению в сентябре 1940 года. Другим внешним фактором, прервавшим нарастающий драматизм событий вокруг исполнения постановления № 256 СНК СССР от 4 марта 1938 года, стала Великая Отечественная война. В самом ее начале фонды Государственного музея А. С. Пушкина, наряду с другими музейными и архивными собраниями Института мировой литературы, были эвакуированы в Ташкент и Томск, где сохранялись «в свернутом и упакованном виде», что «требовало непрерывного наблюдения и контроля и принятия разного рода профилактических мер».[71]

В марте 1945 года Музей А. С. Пушкина был реэвакуирован в Москву, но из-за отсутствия помещения[72] и штатов оставался в законсервированном виде.[73] Распаковали только ящики с пушкинскими рукописями. Они были «временно развернуты в архиве Горького на ул. Воровского», где московские пушкинисты, как сообщала Т. Г. Цявловская Б. В. Томашевскому 4 мая 1946 года, работали для академического собрания сочинений. В этом же письме Т. Г. Цявловская подняла «очень больную и тяжелую тему» о возникшем в Академии наук плане перевода московского Музея А. С. Пушкина в город Пушкин под Ленинградом. Свое отношение к грядущим переменам Цявловская формулировала в письме ленинградскому коллеге чрезвычайно резко и откровенно: «Московский Музей, созданный постановлением Совнаркома, не может и не

[70] Десятилетия спустя это название удостоилось отдельной статьи: Новое в русской лексике. Словарные материалы — 82 / Под ред. Н. З. Котеловой. М., 1986. С. 87; Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 80-х годов / Под ред. Е. А. Левашова. СПб., 1997. С. 353. Пушкинский фонд сохранялся в комнате-сейфе до 2001 года, когда Рукописный отдел переехал в новое здание во дворе Института, специально построенное для архива к 200-летию рождения Пушкина.

[71] См.: *Курилов А. С.* Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской Академии наук. Предпосылки. Предыстория. Начало. Становление. С. 203. Об этом также см. в личном деле М. М. Калаушина (СПбФ АРАН. Ф. 150. Оп. 2. № 702).

[72] После закрытия Всесоюзной Пушкинской выставки за Музеем А. С. Пушкина временно (до предстоящего переезда в собственное здание) были закреплены 17 залов в Историческом музее, но после войны ГИМ не принял на свою территорию Пушкинский музей, так как развернул в этих залах собственную постоянную экспозицию.

[73] См.: *Курилов А. С.* Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской Академии наук. Предпосылки. Предыстория. Начало. Становление. С. 273.

будет аннулирован. Достаточно Пушкин испытал ссылок при жизни, чтобы быть застрахованным от посмертных ссылок! Поэтому, пусть эта забота не гнетет Вас, что будет, если моск<овские> рукописи вольются в архив Пушк<инского> Дома. Не волнуйтесь! Не вольются!»[74]

Проект «По организации Всесоюзного музея А. С. Пушкина и восстановлению музейных памятников г. Пушкина в связи со 150-летием со дня рождения А. С. Пушкина» возник в конце ноября 1945 года. Вместе с сопроводительным письмом его представил в правительство новый президент Академии наук СССР С. И. Вавилов.[75] Предполагалось, что Институт русской литературы будет переведен в город Пушкин и разместится в зданиях Царскосельского Лицея и Александровского дворца, туда же переедут Библиотека, Рукописный отдел и два музея — собственно пушкинодомский и Всесоюзный музей А. С. Пушкина. Под этим новым названием должен был возобновить свою деятельность в составе Пушкинского Дома довоенный Государственный музей А. С. Пушкина, фонды которого после возвращения из эвакуации оставались законсервированными. Этот проект вызвал активное противодействие московских пушкинистов — прежде всего, М. А. и Т. Г. Цявловских и С. М. Бонди. По их инициативе в конце 1946 — начале 1947 года в высшие правительственные инстанции были направлены коллективные и личные обращения против перевода московского Музея А. С. Пушкина в бывшее Царское Село.[76] Письма в защиту музея, основанного «волей советского народа и распоряжением советского правительства», подписывали выдающиеся деятели науки, искусства, литературы и театра.[77] Адресатами обращений московской «общественности» были И. В. Сталин и К. Е. Ворошилов (тогда заместитель председателя Совета министров СССР). Одно из писем от 4 января 1947 года было подписано В. Д. Бонч-Бруевичем, М. А. Цявловским, С. М. Бонди и Г. О. Винокуром — участниками академического издания Пушкина, которых изменение «прописки» московского музея затрагивало и лично. В основных положениях этого письма К. Е. Ворошилову отражена позиция московских пушкинистов, которую ранее так эмоционально высказала Т. Г. Цявловская в частном письме. Теперь эта позиция формулировалась в официальном документе, но с той же эмоционально зыбкой аргументацией:

«Глубокоуважаемый Климентий Ефремович!

Мы решаем обратиться к Вам, встревоженные сведениями о предполагаемом переводе Музея А. С. Пушкина, со всеми его фондами, в том числе — *рукописными* (курсив наш. — *Т. К., В. Т.*), в г. Пушкин (б<ывшее> Царское Село). <...>

Вокруг музея сплотилась значительная группа ученых-пушкинистов, организовавшая планомерную научную работу по изучению жизни и творчества Пушкина.

На время войны вся эта работа была приостановлена, но возродить ее полностью до сих пор не удавалось из-за отсутствия помещения.

Однако перевод музея из Москвы в г. Пушкин был бы равносилен его прямой ликвидации. Гор. Пушкин лежит в развалинах. Если он будет восстановлен, то это будет город-музей, в осмотре которого преимущественную роль

---

[74] Цит. по: *Цявловский М. А., Цявловская Т. Г.* Вокруг Пушкина. С. 266–267.

[75] Подробно об этом см.: *Солдатова Л. М.* Традиция памяти Пушкина на виражах политической жизни России XX века. С. 179–191.

[76] См., например, фрагменты дневниковых записей М. А. Цявловского, опубликованных в кн.: *Цявловский М. А., Цявловская Т. Г.* Вокруг Пушкина. С. 267.

[77] Эти документы опубликованы Н. Б. Волковой (Отечественные архивы. 1999. № 4. С. 53–58).

будут играть архитектурные памятники и парки, а Музей Пушкина естественно отойдет на последнее место. Если же город не будет восстановлен, то ради одного Музея Пушкина никто не станет ездить так далеко.

Ясно, что и научно-исследовательскую работу музея в г. Пушкине развернуть не удастся. Переселение туда на жительство ученых — нереально, да и работать там, в отрыве от крупных столичных книгохранилищ, от центральных научных и учебных заведений, было бы невозможно. <...>

И неужели же Москва только для того получила первоклассный Пушкинский музей в столетнюю годовщину смерти поэта, в 1937 году, чтобы спустя двенадцать лет в день 150-летия дня рождения поэта, этого музея лишиться?»[78]

Подробный ответ Президиума Академии наук с аргументированным обоснованием главных положений своего масштабного проекта по созданию под Ленинградом гуманитарного научного центра — в своем роде «Русского Веймара», убедил К. Е. Ворошилова. «План развертывания деятельности Государственного музея А. С. Пушкина, находящегося в системе Академии наук», он счел, «в основном, правильным и целесообразным».[79]

2 июня 1948 года было подписано распоряжение № 508 Президиума Академии наук СССР, которое обязывало «Институт мировой литературы им. А. М. Горького передать Институту литературы (Пушкинский Дом) в Ленинграде все архивные и музейные фонды, принадлежащие Музею А. С. Пушкина, необходимые для подготовки к 150-летнему юбилею со дня рождения А. С. Пушкина и для организации в г. Пушкин Всесоюзного Пушкинского музея».[80] Передача «Пушкинских фондов» должна была пройти «безвозмездно, со всем относящимся к ним музейно-хозяйственным инвентарем и экспозиционным оборудованием». Специальная комиссия, созданная Институтом русской литературы в соответствии с этим распоряжением (ее возглавил заведующий Музеем Пушкинского Дома М. М. Калаушин), с 22 июня по 10 августа обеспечила весь комплекс работ по перевозке фондов и музейно-хозяйственного оборудования Государственного музея А. С. Пушкина — от проверки фондов в Москве до их получения в Пушкинском Доме.

Начало работы Комиссии было омрачено трагической гибелью Льва Борисовича Модзалевского. Он был командирован в Москву по телеграмме С. И. Вавилова — для «приемки пушкинских музейных и архивных фондов».[81] Телеграмма была отправлена поздним вечером 25 июня. На следующий день Л. Б. Модзалевский с коллегами выехал поездом из Ленинграда. В пути произошла роковая случайность: он выпал из двери тамбура, открывшейся во время движения поезда, недалеко от Вышнего Волочка.[82] Некролог в «Ленинградской правде» подписали президент АН СССР С. И. Вавилов, академики В. М. Алексеев, И. Ю. Крачковский, Н. С. Державин, коллеги-пушкинодомцы Б. В. Томашевский, М. П. Алексеев, В. М. Жирмунский, Б. М. Эй-

[78] Там же. С. 55.

[79] Там же. С. 58. О письме С. И. Вавилова и реакции на него К. Е. Ворошилова см. дневниковую запись Т. Г. Цявловской от 17 марта 1947 года: «О музее Пушкина уже давно Пономарев сказал мне, что он сам прочел бумагу, присланную Фадееву. И увы! все подтвердилось. Бумага эта — возражения Вавилова главн. образом последнему письму пушкинистов (Ворошилову) — по пунктам. Возражения „наивны“ до крайности. Вроде в Англии музеи находятся вне города. Ворошилов на письме Вавилова сделал помету „Согласен“» (*Цявловский М. А., Цявловская Т. Г.* Вокруг Пушкина. С. 121).

[80] СПбФ АРАН. Ф. 150. Оп. 2. № 724. Л. 299.

[81] См.: Там же. Л. 297.

[82] Конспирологическая версия А. Лациса и В. Козаровецкого о причастности к гибели Л. Б. Модзалевского Министерства государственной безопасности, появившаяся в периодической печати в середине 1990-х годов, бездоказательна и документально не подтверждена.

хенбаум, М. К. Азадовский, В. П. Адрианова-Перетц, В. А. Десницкий, директор Архива АН СССР Г. А. Князев и др.[83] Прием автографов А. С. Пушкина и Пушкинианы, которые были сосредоточены в Секторе рукописей Государственного музея А. С. Пушкина, начался 27 июня — без Л. Б. Модзалевского. Пушкинские рукописи, как особо ценный «груз», были отправлены в Ленинград отдельно от других фондов Музея — «через Спец<иальную> связь Московского почтамта, что обеспечило их полную сохранность и срочность доставки».[84] В июле 1948 года пушкинские рукописи из ГМП «влились в архив Пушкинского Дома» — для дальнейшего присоединения к фонду 244 — Пушкинскому, который в свое время сформировал Л. Б. Модзалевский.

Таким образом, постановление № 256 СНК СССР от 4 марта 1938 года было, наконец, исполнено — в той его части, которая касалась концентрации автографического наследия Пушкина, но при этом право хранения воссоединенного архива поэта было передано Институту русской литературы (Пушкинскому Дому) в Ленинграде.

Вернемся к вопросам, поставленным в начале статьи. Было ли возможно «справедливое» разрешение конфликта, изначально заложенного в правительственном постановлении № 256 о реорганизации Всесоюзной Пушкинской выставки 1937 года в Государственный музей А. С. Пушкина в Москве? И может ли лежать на Пушкинском Доме «историческая вина» за последствия тотального изъятия пушкинских документов из государственных архивов, музеев и библиотек, предпринятого для этого Музея во второй половине 1930-х годов в соответствии с решениями правительства? Вероятнее всего, судьба Государственного музея А. С. Пушкина сложилась бы иначе, если бы ему своевременно предоставили собственное здание в столице. Однако в его отсутствие невозможно было обеспечивать сохранность богатых фондов Музея, которые пребывали в «свернутом» состоянии с 1941 года (не говоря уже об изучении этих фондов!). Предлагаемое сегодня в качестве акта восстановления «справедливости» возвращение архивных и музейных ценностей по своим «родным адресам», которое не состоялось после закрытия Всесоюзной Пушкинской выставки 1937 года, могло произойти только при одном условии — отмене постановления Совнаркома от 4 марта 1938 года. В обстановке послевоенного времени это было нереально. Компромиссное решение, принятое Академией наук СССР в июне 1948 года, в исторической перспективе, как нам представляется, оказалось взвешенным и оправданным — прежде всего, в интересах хранения рукописного наследия Пушкина и его академического изучения.

---

[83] См.: Ленинградская правда. 1948. 30 июня. № 153.

[84] АРАН. Ф. 456. Оп. 1. № 218. Л. 1 об. (из докладной записки зам. директора ИРЛИ Т. И. Шаргородского). Все имущество Государственного музея А. С. Пушкина, переданное Пушкинскому Дому, заняло «13 вагонов и 7 контейнеров <...> общим объемом порядка 150 тонн в количестве 1144 мест» (Там же. Л. 1).

DOI: 10.31860/0131-6095-2023-3-30-65

© *М. А. ФРОЛОВ*

Н. К. ГУДЗИЙ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ АКАДЕМИИ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ НАУК: К ИСТОРИИ СОТРУДНИЧЕСТВА ЧАСТЬ 2: 26 НОЯБРЯ 1924 ГОДА — 7 ДЕКАБРЯ 1928 ГОДА*

Продолжая во второй части настоящей статьи публикацию материалов, отражающих многолетнюю работу Н. К. Гудзия в Государственной Академии Художественных Наук (далее — ГАХН) и охватывающих на сей раз период с ноября 1924 года по декабрь 1928 года, заметим, что одни его доклады представлены либо тезисами, либо протоколами, а другие документированы максимально полно. Укажем также на те из них, что оказались за рамками публикации. На сегодняшний день нам не удалось выявить никаких материалов, кроме минимальных упоминаний в протоколах, повесток, сведений о содокладчиках или более информативных источников — программ литературных вечеров с артистической или музыкальной частью (в том случае если мероприятие имело именно такой формат), относительно следующих выступлений: «Литературная деятельность декабристов», «Поэты пушкинской плеяды» (28 января, 18 мая 1926 года), «Гоголь и русские символисты», «Памяти Шевченко», «Обзор новейших работ по древней литературе», вступительное слово на «вечере поэзии 1840-х гг.» (14 марта, 17 апреля, 31 октября, 19 декабря 1927 года), «Путь поэта (о Федоре Сологубе)», «Чернышевский как критик» на объединенном заседании Пленума Литературной секции (далее — ЛС) и Общества любителей российской словесности к 100-летию Н. Г. Чернышевского, а также речь на Торжественном совместном заседании ЛС, Общества любителей российской словесности и Общества им. А. П. Чехова к 25-летию со дня смерти писателя (6 февраля и 29 ноября 1928 года, 13 ноября 1929 года).

Большинство из них, за исключением двух — посвященных Т. Г. Шевченко и обзору новейших работ по древнерусской литературе, — являлись не научными докладами, а вступительными словами, речами на литературных вечерах или торжественных заседаниях. Именно эти мероприятия, как становится ясно из фронтального просмотра материалов о деятельности ЛС, зачастую не находили своего отражения в протоколах, а тезисы секретарю секции докладчиком не предоставлялись и, конечно, не могли быть обнаружены нами.

Что касается вечера памяти Федора Сологуба в феврале 1928 года, то, по нашему осторожному предположению, единственный источник, который может дать представление о содержании речи Гудзия, — это автограф, сохра-

* См.: *Фролов М. А.* Н. К. Гудзий в Государственной Академии Художественных Наук: к истории сотрудничества. Часть 1: 7 мая 1923 года — 28 мая 1924 года // Русская литература. 2023. № 2. С. 29–50.

нившийся в его личном архиве в РГБ, план-конспект, набросок к публичному выступлению о Сологубе. Он находится в комплекте подготовительных материалов к работам по истории русского символизма, а «прототекстами» для него послужили статьи «Творимое творчество» Ан. Н. Чеботаревской и «О Сологубе, Недотыкомке, Гоголе, Грозном и пр. (Критико-психологический этюд)» В. Ф. Боцяновского. Вероятнее всего, Гудзий пользовался сборником «О Федоре Сологубе», составленным Чеботаревской (1911).[1]

Доклад «Памяти Шевченко» (вариант названия: «Шевченко и русская литература») 1927 года, тезисы которого не сохранились, как и протокол заседания, на котором он прозвучал, без сомнения, имеет прямую связь со статьей Гудзия «Письма Шевченка к С. Т. Аксакову». В ней были опубликованы три письма Шевченко из аксаковской части рукописного собрания ГАХН, которые ученый охарактеризовал следующим образом: «Несомненная ценность этих писем прежде всего в том, что они освещают не вполне изученный период творчества Шевченка, когда он дебютировал в русской прозе. Из них с очевидностью явствует, как энергично стремился Шевченко не только к тому, чтобы овладеть великорусским литературным языком, но и к тому, чтобы писать свою художественную прозу на этом языке».[2]

В отношении материалов объединенного заседания Подсекции истории русской литературы и Фольклорной подсекции ЛС 7 мая 1928 года мы приняли следующее решение. Сохранился его совсем краткий протокол, но ни тезисов основных докладов (отсутствуют они и в общей их «подшивке» за этот период) — Гудзия и Ю. М. Соколова — с разбором книги П. Н. Сакулина «Русская литература: социолого-синтетический обзор литературных стилей. Ч. I. Литературная старина» (М., 1928), ни их участия в дальнейшей дискуссии он не зафиксировал, поэтому в настоящей статье текст его мы не приводим.[3]

* * *

26 ноября 1924 года на заседании Подсекции критики и литературоведения ЛС прозвучал доклад Гудзия «Дружинин как литературный критик». Полный его текст сохранился в личном архиве ученого. Приведем фрагменты

---

[1] Считаем важным процитировать начальные строки этого автографа, представляющие собой авторский текст Гудзия (далее в автографе он практически неотделим от цитат из упомянутых статей): «В истории русск<ой> поэзии последних десятилетий — фигура Сологуба одна из наиболее сложных, загадочных и противоречивых. Необычна, прежде всего, его биография. Сын портного и кухарки, восп<итанник> учит<ельского> института, учитель в Крестцах Новг<ородской> губ<ернии> (3 г.), Великих Луках (4 г.), Вытегре (3 г.). Инспектор городского училища. В 1907 г. пенсия. <...> Зачинатель русского символизма, мало кому известный, не кричащий <...> Он нашел свой писательский путь, как не начинающий, а уже вполне определившийся писатель. С самого начала и в расск<азе> „Тени“ и в романе „Тяжелые сны“, и в ранних книгах стихов звучали те мотивы и темы, которые надолго определили Сологуба в сознании читателя как декадента по преимуществу, сатаниста, глумящегося над жизнью и славящего смерть. Встречался глумлением и в лучшем случае — недоумением. Сравнение с Бальмонтом и Брюсовым. И только „Мелкий бес“ — 1907 г. выдвинул С<ологуба>» (РГБ. Ф. 731. Разд. I. Карт. 1. № 10. Л. 75–75 об.).

[2] *Гудзий Н.* Письма Шевченка к С. Т. Аксакову // Искусство. 1927. Т. III. Кн. 2–3. С. 157.

[3] См.: РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 6. № 56. Л. 11–11 об. В архиве Гудзия имеется черновой автограф заметок с анализом обеих частей этого труда Сакулина (вторая часть под названием «Новая литература» была опубликована в 1929 году), который можно датировать второй половиной 1950-х годов — текст записан на оборотных страницах машинописи текстологического комментария к роману Л. Н. Толстого «Воскресение». В каком именно издании он увидел свет, установить не представляется возможным, но, судя по ссылкам на «Описание рукописей художественных произведений Л. Н. Толстого» (1955), наша датировка автографа Гудзия правильна. Вероятно, эти заметки каким-то образом содержательно соотносятся с выступлением ученого в ГАХН, несмотря на разделяющие их три десятилетия (Отдел редких книг и рукописей НБ МГУ. Ф. 7. Оп. 1. № 29. Л. 10–12).

отчета о деятельности ЛС: «В связи с исполнившимся в октябре 1924 г. столетием со дня рождения А. В. Дружинина, Н. К. Гудзием был прочитан доклад (26-XI) на тему „Дружинин как критик“. Дружинин был обрисован как добросовестный популяризатор иноземных литератур, преимущественно английской; главной же заслугой его были признаны ценные статьи о Пушкине и русских классиках середины столетия. Будучи врагом искусства тенденциозного, Дружинин не стоял за исключительность „чистого искусства“ и даже признавал дидактизм, если он вытекал из природных свойств данного автора. Особенно ценно учение Дружинина о писательской энергии («необходимо петь во весь голос»). Недостатками этого критического творчества следует признать некоторую вялость темперамента и отсутствие в его творчестве определенного философского миросозерцания».[4]

К столетнему юбилею писателя, когда исполнилось и шестьдесят лет со дня его кончины, литература о нем, крайне медленно пополнявшаяся, насчитывала незначительное количество публикаций, равно как и число выходивших в свет изданий произведений и эпистолярного наследия Дружинина было ограничено. Гудзий недаром ставил своей задачей, помимо исследовательских, историко-литературных целей, напомнить собравшимся о творчестве ярко о себе заявившего в конце 1840-х годов писателя и критика. Период его литературной активности уместился всего в пятнадцать лет (из них шесть лет критика составляла центральную часть его работы), но все это время он оставался в центре внимания как литераторов, так и читателей.

Доклад Гудзия ознаменовал собой завершение отчетливого периода в одно десятилетие, когда публикации о Дружинине не выходили в свет, и незадолго до того момента, когда на рубеже 1920-х и 1930-х годов в печати вновь стали появляться работы, если не напрямую посвященные ему, то так или иначе упоминающие его имя. Напомним некоторые существенные статьи первой четверти двадцатого столетия, которые не могли не обратить на себя внимание Гудзия.

Одна из ранних попыток в научной литературе охарактеризовать Дружинина-критика — главка в «Истории русской литературы XIX столетия» Н. А. Энгельгардта (1903): «Отношение к Дружинину установилось в литературе достаточно поверхностное, как к блестящему фельетонисту, которым он и был, конечно. Но рядом находим в нем и чрезвычайно просвещенного критика <...> серьезные критические статьи Дружинина о явлениях словесности 50-х годов составляют целый том в его собрании сочинений, характеристики Дружинина блестящи и часто глубоки <...> Он требовал той черновой разработки литературной эволюции, которая одна дает возможность правильно оценить все ее крупные и мелкие явления — разработки историко-хронологической».[5] Представляет особый интерес и цитируемая Гудзием статья С. А. Венгерова «Дружинин». Мысли, высказанные автором на первых же страницах, перекликаются с содержанием доклада Гудзия, в особенности — те, что касаются судьбы наследия Дружинина, истории его восприятия читателями, критиками и историками литературы: «Странное положение занимает Дружинин в кругу писателей. С одной стороны, он, бесспорно, принадлежит к наиболее выдающимся именам новейшей русской литературы <...> И тем не менее Дружинин очень скоро перешел в разряд мало или почти никем не читаемых авторов, известных исключительно по преданию».[6]

---

[4] РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 1. № 49. Л. 35.

[5] *Энгельгардт Н.* История русской литературы XIX столетия. СПб., 1903. Т. 2. 1850–1900 (Критика, роман, поэзия и драма). С. 60–61, 64.

[6] *Венгеров С. А.* Дружинин // Венгеров С. А. Собр. соч.: [В 5 т.]. СПб., 1911. Т. 5. Дружинин. Гончаров. Писемский. С. 1–2 (впервые: Вестник Европы. 1895. Кн. 1. С. 81–100).

В третьей статье — «Забытые критики» А. В. Круковского — освещались специфические особенности критического дарования Дружинина, обусловившие, в свою очередь, и некоторые его недостатки: «Художественный дилетантизм, навеянный отчасти влиянием английской литературы, в которой Дружинин изучал явления второстепенной важности, оказал значительное влияние на направление его критики <...> Отсутствие широких общеевропейских перспектив или... художественной высоты... наложило свой отпечаток на критическую мысль Дружинина <...> Это тем досаднее, что в Дружинине нельзя отрицать литературного понимания явлений и эстетического вкуса. Многие выводы критика поражают своей проницательностью и меткостью, но при всем том Дружинину чужды более широкие светлые горизонты <...> То немногое, чем он располагает на своей критической палитре, он умеет облекать в простые, подчас искренние мысли, умеет благоразумием и трезвостью суждений, в общем не особенно глубоких, расположить к себе непредубежденного читателя». Круковский справедливо относил Дружинина к представителям «общелитературного направления» в русской критике, «не порывавшего связи с традициями западноевропейской литературы». Перекликается с докладом Гудзия и утверждение, что «критик далек от идей века, чужд тем литературным течениям, в которых заключались источники обновления нашего общества», что в свою очередь объясняет отсутствие «исторической перспективы» и представления о «литературной эволюции» в его статьях.[7]

Процитированные нами три работы были единственными на тот момент опытами систематического и аналитического обзора наследия Дружинина (в особенности его литературно-критической части), предшествующими докладу Гудзия. Именно на них ученый опирался и от их основных положений отталкивался, соглашаясь или вступая с ними в спор, чтобы сказать о писателе и критике то новое, что позволяла сделать значительная временная дистанция в шестьдесят лет.

Упомянута в докладе и показательная для истории восприятия творчества Дружинина статья А. И. Кирпичникова «Забытый талант» (1884),[8] автор которой преследовал, по сути дела, ту же цель, что и сорок лет спустя, на новом этапе и в новых обстоятельствах — Гудзий.

Протокол № 3 заседания Отдела критики и литературоведения Литературной секции от 26 ноября 1924 г.

Присутствовали: П. Н. Сакулин, Б. В. Горнунг, А. И. Кондратьев, М. А. Цявловский, Н. К. Пиксанов, Л. П. Гроссман, Н. П. Кашин, Н. К. Гудзий, И. Л. Поливанов и лица, приглашенные на заседание.

Председатель П. Н. Сакулин Секретарь А. И. Кондратьев

<...>

II. Доклад Н. К. Гудзия на тему «Дружинин как критик».

Сакулин П. Н., предоставляя слово докладчику и напоминая собранию о предшествовавшем постановлении Отдела, сообщает, что доклад Н. К. Гудзия был поставлен по случаю исполнившегося в этом году столетия со дня рождения А. В. Дружинина.

---

[7] *Круковский А. В.* Забытые критики (К 50-летию смерти А. В. Дружинина и Ап. А. Григорьева) // Русский филологический вестник. 1916. № 1–2. С. 65–68. Круковский, по сути дела, отказывал Дружинину в том, что ставил ему в заслугу Энгельгардт.

[8] *Кирпичников А. И.* Забытый талант // Исторический вестник. 1884. Т. 16. Кн. 4. С. 34–55 (перепеч.: *Кирпичников А. И.* Очерки по истории новой русской литературы. 2-е изд., доп. М., 1903. Т. 1. С. 290–314).

Гудзий Н. К. в начале своего доклада отметил, что доклад вызван не только столетием со дня рождения А. В. Дружинина, но также и насущной потребностью напомнить о забытом критике, забытом, по крайней мере, потомством. В дальнейшем докладчик устанавливает следующие положения:

Несмотря на сравнительно большой период времени, который отделяет нас от эпохи деятельности Дружинина, литература о нем, появившаяся за этот период, очень незначительна. Можно назвать работу Венгерова и три-четыре других, менее значительных исследования. Между тем в свое время Дружинин был весьма заметной величиной в нашей литературе. Выступив на литературном поприще с повестью «Полинька Сакс», тепло принятой публикой и критикой, Дружинин впоследствии мало ею интересовался, что объясняется значительным распространением в широких читательских кругах последних сочинений Жорж Санд.

В самом начале пятидесятых годов Дружинин выступает перед читателями «Современника» со статьями по западно-европейской литературе, главным образом, английской, составившими у нас в некотором смысле эпоху и не только в литературе, но и в педагогике. По справедливому замечанию Кирпичникова, эти статьи, несомненно, оказали влияние на открытие у нас кафедр по западноевропейской литературе.[9]

В это же время Дружинин помещает в том же «Современнике» свои знаменитые «Письма иногороднего подписчика», которые давали повод считать Дружинина первым критиком того времени и преемником только что сошедшего со сцены Белинского. Одновременно с «Письмами иногороднего подписчика» Дружинин выступает в «Современнике» с «Сентиментальным путешествием Чернокнижникова».

И «Письма», и «Чернокнижников» писались Дружининым в легкой фельетонной форме, без определенных задач и без исчерпывающей полноты поставленной цели. В них Дружинин говорит, что он не имеет горячей привязанности к литературе и смотрит на нее равнодушно, с некоторой долей любопытства. Он резко высказывается против тогдашней полемики в литературе, относясь к этим спорам равнодушно, с чувством некоторого пренебрежения и ставя себя выше таких споров. Не менее резко высказывается Дружинин и о тогдашней литературной партийности и нетерпимости.[10]

Чуждый и равнодушный к основным вопросам, которые тогда обсуждались в литературе, Дружинин во всех своих статьях щеголяет знаниями, европейскою образованностью, злоупотребляя в то же время западноевропейскими параллелями, и недостаточно верно освещает значение русской литературы.

Так было до 1856 г., когда Дружинин стал во главе одного из больших журналов того времени, «Библиотеки для чтения», с которым Белинский и «Современник» вели ожесточенную борьбу. Этот год Венгеров справедливо считает переломом и в русской жизни, и в литературе. Такой же перелом про-

---

[9] Ср.: «...Дружинин принес косвенно пользу нашей науке, нашим университетам: 10 лет в двух популярнейших журналах человек пробуждал интерес не только к Шекспиру и Вальтеру-Скотту, но и к Босвелю и даже к романам XVI и XVII веков <...> в том, что основание новой кафедры — истории всеобщей литературы — было так сочувственно принято нашим обществом и печатью, мы видим отчасти результат деятельности Дружинина» (*Кирпичников А. И.* Забытый талант. С. 40).

[10] Сходные оценки находим и в работе Венгерова, который считал главной причиной такого отношения Дружинина к текущей литературной жизни тот факт, что он стал ее непосредственным участником в момент, когда наполненные высоким культурным смыслом литературные встречи и собрания, дискуссии и споры старшего поколения литераторов уходили в прошлое: «Дружинин более других нуждался именно в такого рода бурных, страстных дебатах, которые расшевелили бы его дилетантскую натуру, которые уничтожили бы его индифферентизм, главным образом вытекавший из его аристократического дэндизма, из его отвращения к шуму и сутолоке» (*Венгеров С. А.* Дружинин. С. 11).

изошел и в деятельности Дружинина. Начиная с конца 1855 г. он помещает в «Библиотеке для чтения» ряд критических статей о наиболее выдающихся наших писателях. В этих статьях, которые ныне составляют 7-й том собрания его сочинений, Дружинин высказал очень много верного и важного для нашей литературы. В них он изложил свои основные взгляды на задачу литературной критики и поэзии. Наиболее важными из них нужно считать статью о критике Гоголевского периода и о сочинениях Белинского.[11]

Воспитанный в аристократическом духе и широко осведомленный о западноевропейской литературе, Дружинин во многих случаях смотрит на наши литературные и житейские факты с точки зрения европейского просвещения, что, к сожалению, сказалось и на оценке этих фактов.

Основной чертой творчества Дружинина является враждебность к сентиментализму и дидактизму в литературе. Эта антипатия сказалась в статье о Пушкине. За пристрастие к сентиментализму достается Огареву и Полежаеву, писателям, по мнению Дружинина, 2-го разряда. В их творчестве он видит душевную дряблость и неустойчивость. Ни тот, ни другой не обладают поэтической энергией, которая свойственна всякому истинному поэту и которой Дружинин придает важное значение. В статье о критике Гоголевского периода изложено отрицательное отношение критика к дидактизму, с которым Дружинин боролся на протяжении всей своей литературной деятельности. В этой статье, направленной не только против Белинского, но и вообще против так называемой тенденциозной литературы того времени, Дружинин отметил несколько литературных ошибок Белинского, сделанных последним в отношении Пушкина, Марлинского и др. Правда, отзывы эти по отношению к Белинскому весьма сдержанны. Вместе с тем, в этой статье были отмечены очень важные заслуги Белинского перед русскою литературою, в том числе заслуги исторического характера, по пересмотру отношений ко многим литературным именам. Когда вышли из печати первые три тома сочинений Белинского, Дружинин вновь написал о нем восторженную статью, подчеркнув в ней свое глубокое уважение к знаменитому критику и отметив свои ошибки, сделанные им по отношению к Белинскому в статье о критике Гоголевского периода. В последней статье были упомянуты и выделены статьи о Гоголе и театре. В этих статьях Дружинин усматривал, насколько Белинский глубоко постигал драматургию и театр, чего не было у других критиков.

Дружинин не был поклонником чистого искусства, в силу чего он приветствовал как выдающиеся явления в нашей литературе творчество таких писателей, как Щедрин, Толстой, Писемский.[12] Под дидактизмом же он понимал только намеренное извращение действительности, искусственно созданное отношение к окружающему миру. Взгляды свои на дидактизм он изложил в своей статье о Марко Вовчок.[13] Дидактизм его огорчает не потому, что наша

---

[11] [Дружинин А. В.]. 1) Критика гоголевского периода русской литературы и наши к ней отношения [Статьи I–II] // Библиотека для чтения. 1856. № 11. Отд. V. С. 1–30; № 12. Отд. V. С. 31–64 (подп.: Редактор); 2) Сочинения Белинского, томы 1, 2 и 3. Москва 1859 г., издание Солдатенкова и Щепкина // Там же. 1860. № 1. Отд. III. С. 1–42 (подп.: Ред.).

[12] Статьи Дружинина о повестях Толстого «Метель» и «Два гусара», его же «Военных рассказах», «Губернских очерках» Салтыкова-Щедрина, «Очерках из крестьянского быта» и романе «Тысяча душ» Писемского появились на страницах «Библиотеки для чтения» в сентябре и декабре 1856 года, январе 1857 года и феврале 1859 года.

[13] [Дружинин А. В.]. Украинские народные рассказы Марко Вовчка // Библиотека для чтения. 1859. № 11. Отд. IV. С. 1–14 (подп.: Ред.). Ср., в частности: «Спросите у каждого из умных людей, глубоко преданных делу эмансипации, что он думает о дидактически-обличительной литературе по части крестьянского дела, и постоянно вы получите ответ один и тот же: „грязь, болтовня неумелых людей, вздорная рапсодия писак ничего не знающих“. Самый зоркий из спрошенных, может быть, прибавит к этому: „бесплодная возня с исключительными явлениями, помимо настоящей сущности дела“».

беллетристика чересчур натуралистична, а тем, что она книжна и не вытекает из органического наблюдения над фактами жизни, что имеется в творчестве Толстого, который внимательно наблюдает окружающую действительность. Кроме того, в дидактизме намечается, по его мнению, немало шаблона, который очень часто переносится из одного произведения в другое.

Не питая симпатии к искусству отвлеченному, Дружинин в то же время полагает, что настоящий художник тот, который пишет то, что им самим глубоко пережито, даже и в том случае, если его влечение будет дидактично.

Выдержкою из статьи об Огареве[14] вновь подчеркивается необходимость для поэта обладать поэтической энергией, без которой не может существовать истинная поэзия. — «Необходимо жить и петь во весь свой голос». Это замечание Дружинина очень ценно и справедливо, так как оно касается самой сущности поэтического творчества и им глубоко продумано.

В статье о Пушкине Дружинин высказал ряд метких замечаний о творчестве писателя, которого он ставит в один уровень с мировыми гениями. На большую высоту ставятся Дружининым последние произведения поэта, о которых в то время принято <было> говорить как о незначительных достижениях. Статья написана в лирическом тоне и свидетельствует о любви Дружинина к русской литературе.[15]

В выявлении творчества Толстого Дружининым сделано то же самое, что сделано Белинским в отношении Достоевского. Тургеневу посвящена большая статья, где имеется ряд тонких наблюдений критика. Сделанные им об этом писателе выводы приняты в настоящее время многими писателями — Истомин и др. Творчество Гончарова, Островского и Писемского получают у Дружинина исчерпывающую оценку, правда, эти оценки потом были полностью покрыты другими критиками — Апол<лоном> Григорьевым, Добролюбовым, но творчеству Фета и до сего времени никто не дал такой яркой характеристики, как это сделал Дружинин, который в этом отношении не превзойден до сих пор.[16]

Когда приходится перечитывать статьи Дружинина, вы видите перед собою чрезвычайно умного и эстетически образованного писателя. Со многими положениями его можно согласиться, но, в общем, эти статьи не волнуют, не захватывают вас, как, например, статьи Ап. Григорьева. Отчасти это можно объяснить ровностью и спокойствием стиля Дружинина, у которого фразы как-то вылощены. В его творчестве вы не чувствуете особого подъема, глубокого и внутреннего интереса, как это наблюдается у того же Ап. Григорьева.

---

[14] [Дружинин А. В.]. Зимний путь. Поэма Н. Огарева: [Рецензия] // Там же. 1856. № 5. Отд. V. С. 19–30 (без подп.).

[15] [Дружинин А. В.]. А. С. Пушкин и последнее издание его сочинений [Статьи I–II] // Там же. 1855. № 3. Отд. III. С. 41–70 (подп.: Д.); № 4. Отд. III. С. 71–104. См., в частности: «По некоторым качествам повествователя, как то: по способности замысла, по обилию поэтического чутья, облагораживающего каждый предмет, взятый истинным повествователем, Александр Сергеич не имел поэтов себе равных между величайшими поэтами нашего столетия <...> по сочинению своих повествовательных вещей Пушкин превосходил и Байрона, и Мура, и Ламартина, и Крабба, и Вордсворта, и Кольриджа, и Гейне. Смеем спросить, в какой литературе за последние годы можем мы найти план поэмы, подобный плану „Цыган“, по своей простоте, замысловатости и возвышенной мысли так тесно слившейся со всею ее постройкою? „Онегин“, задуманный в то время, когда наш поэт находился под влиянием Байрона, „задуманный более для отступления, чем для самого рассказа“, в целом представляет один из занимательнейших романов, когда-либо приходивших на мысль самым высокодаровитым писателям» (цит. по: *Дружинин А. В.* Прекрасное и вечное / Вступ. статья и сост. Н. Н. Скатова; комм. В. А. Котельникова. М., 1988. С. 84–85).

[16] [Дружинин А. В.]. 1) Повести и рассказы И. С. Тургенева [Статьи I–III] // Библиотека для чтения. 1857. № 2. Отд. V. С. 21–48; № 3. Отд. V. С. 1–38; № 5. Отд. V. С. 1–44; 2) Сочинения Островского // Там же. 1857. № 8. Отд. III. С. 1–42 (подп.: Ред.); 3) «Обломов»: Роман И. А. Гончарова // Там же. 1859. № 12. Отд. IV. С. 1–42 (подп.: Ред.); 4) Стихотворения А. А. Фета // Там же. 1856. № 5. Отд. V. С. 1–19 (без подп.).

Кроме того, в его творчестве не содержится определенного философского миросозерцания. Правда, оно не обязательно для критика, но когда его нет в творчестве, последнее быстро поглощается другими критиками.

Необходимо отметить еще одну особенность в творчестве Дружинина, которая тоже повлияла на скорое забвение писателя. Дружинин не высказался ни об одном писателе по совокупности творчества. У него нет также оценки выдающихся произведений писателей. Высказываясь неоднократно о Тургеневе, Островском, Толстом и др., Дружинин не пытался оценить творчество кого-нибудь из них в целом.

Дружинин скончался довольно молодым, ему было всего 40 лет, но как критик он сошел со сцены четырьмя годами ранее естественной смерти. В памяти его современников создалось впечатление, что критическая деятельность его продолжалась всего 6–7 лет, и она не была устремлением всей его жизни. Более подробно выяснить различные точки зрения Дружинина, высказанные им в фельетонах, в данном случае не представляется возможным и не составляет задачу доклада.

В заключении необходимо отметить, что Дружинин не волновал умы современников, не вращался в круге больших вопросов, как это было с Писаревым и Добролюбовым, которые имели свое миросозерцание. Но и при такой оговорке память о творчестве Дружинина должна быть сохранена на долгие годы, так как он оказал и своему потомству и нашей литературе неизгладимые услуги.[17]

Пиксанов Н. К.: <...> Несомненно, было что-то в самом писателе, в существе его творчества, что вызвало забвение, до некоторой степени обусловливало его. Оглашенные докладчиком некоторые выдержки о Полежаеве, Фете и др. писателях расплывчаты, рыхлы, в них, как и в других статьях Дружинина, не чувствуется основного стержня <...> Воскресенье Дружинина возможно только на основах эстетического вкуса. Кто хочет этого воскресенья, тот должен тщательно отобрать из 8 томов творческие крупицы и вычеркнуть все остальное, выбрать так, чтобы эти крупицы заиграли как самоцветные камни. К таким драгоценностям нужно отнести замечание критика о прозе Пушкина и другие тонкости. Это дало бы возможность глубоко почувствовать аромат творчества лучших писателей и выгодно отличить его замечания от эстетического безвкусия Чернышевского и др. <...> Докладчик сосредоточил свое внимание главным образом на личности Дружинина, на специфических свойствах его критики и не коснулся историко-социологической стороны вопроса, которая для понимания Дружинина имеет большое значение. Дружинин имеет ту особенность, что в литературе он отличается эстетизмом, а в политике — консерватизмом. Критика Дружинина есть дворянская критика. <...>

Цявловский М. А.: <...> Докладчик мало остановился на общественном положении Дружинина, который из-за стремления к литературе сменил прекрасную карьеру чиновника на скромное звание писателя. Материальные средства его были очень ограничены, но он был аристократ по природе и вместе с тем его в полном смысле можно назвать одиноким человеком. <...> К концу своей жизни Дружинин постепенно отходил вправо. К этому времени

[17] Примечательно, что еще в 1855 году, в середине литературного пути Дружинина, особенности его творчества и черты личности, обусловившие их появление и восприятие читателями, декларировались на страницах «Библиотеки для чтения»: «При редкой деятельности г-на Дружинина, постоянно направленной по указанному пути, большая часть произведений его не могут вполне удовлетворять строгим требованиям искусства. Удивляясь его уму и силе его таланта, вы скорее подметите существенные недостатки в его произведениях, чем в какой-нибудь пугливо написанной повести, метящей на журнальное одобрение и страшно боящейся порицаний» (Журналистика // Там же. 1855. № 6. Отд. VI. С. 39–40 (без подп.)).

в литературной критике резко выступили и заняли боевую позицию разночинцы, которые постепенно оттеснили Дружинина на задний план <...> Докладчиком, к сожалению, не отмечена деятельность Дружинина как редактора «Библиотеки для чтения» <...>

Гроссман Л. П.: <...> если Дружинина можно упрекнуть в недостатке общественного пафоса, за ним необходимо признать несомненные заслуги в области развития нашей художественной культуры. Критика такого типа имеет свою ценность, как и критика публицистического толка. Этот художественный уклон сказался и на собственных писаниях Дружинина. Его статьи необходимо оценивать в исторической перспективе и в таком случае их нельзя упрекнуть в растянутости и расплывчатости. Они гораздо содержательнее статей Чернышевского, который писал свои статьи в три-четыре листа. У Дружинина такой разбавленности нет <...> в основе критических суждений Дружинина лежала продуманная эстетика, в силу чего его отзывы о художественных произведениях отличались систематичностью и последовательностью. Дружинин касался главным образом творчества писателей, соответствующих его эстетическому и философскому мировоззрению <...>

Кондратьев А. И.: <...> Чрезвычайная зависимость творчества Дружинина от критики Белинского не подлежит сомнению. Существующее в литературе мнение о неприязненности Дружинина к творчеству Белинского должно быть отвергнуто <...> Утверждение об отсутствии у Дружинина философского мировоззрения, пущенное в оборот с легкой руки Волынского, ничем не доказано.[18]

Горнунг Б. В.: <...> По сравнению с Писаревым и Добролюбовым, Дружинин был чрезвычайно бледной фигурой. Взгляды его весьма кустарны и лишены философских подходов, как это было у Белинского. Отсюда незначительная весомость его творчества для последующих поколений.

Сакулин П. Н.: <...> для правильной оценки Дружинина необходимо строго определить социальную среду, которая окружала писателя и влияла на его творчество. Важно также учесть исторические моменты, которых докладчик почти не коснулся в своем докладе. Подходя к Дружинину с этой стороны, мы увидим светского человека, весьма корректного и воспитанного в духе умеренного либерализма с английским уклоном. Отличительные свойства этого критика — это терпимость, благожелательность, тонкий вкус и, наконец, полное отсутствие темперамента. В довершение сказанного у Дружинина не было призвания быть литературным критиком. Он выступал в литературе со значительными задатками историка. <...>

Заключительное слово докладчика

Докладчик в заключительном слове указывает, что возражения его будут незначительны, так как почти все оппоненты, главным образом, дополняли доклад, а не возражали против высказанных им положений, кроме Л. П. Гроссмана.

Н. К. Пиксанову: <...> Собрания сочинений Дружинина следует отнести к меценатским изданиям. Литература о нем незначительна даже с точки зрения противников. Роль Дружинина в русской литературе, несомненно, преуменьшена. В его статьях меньше рыхлости, даже по сравнению с Белинским. Оглашенные места из статей о Фете и др. писателях чрезвычайно ярки, сугге-

[18] Речь идет о следующих оценках А. Л. Волынского: «Противоположение артистической теории дидактической в том виде, как его делает Дружинин, заключает в себе крайне узкий смысл. Критика не может быть исключительно эстетической: ее задача быть органом широкого *философского* понимания, в котором эстетика, только один из необходимых ее элементов, занимает определенное место, исполняет свою, точно указанную функцию <...> Критика не должна быть преднамеренно дидактическою, но она не должна быть и орудием бесстрастного созерцания <...> Критика должна быть не эстетическою, а философскою. Все замечания Дружинина, относящиеся к последнему периоду деятельности Белинского, имеют самое ограниченное значение. Дружинин борется за свободное, чистое искусство самыми слабыми средствами» (*Волынский А. Л.* Русские критики: литературные очерки. СПб., 1896. С. 25–26).

стивны и вполне выявляют творчество писателя. Что среда предопределяет творчество писателя, это верно, справедливо и об этом говорилось в докладе, но безоговорочно относиться к социальной среде невозможно. По вопросу об отношении разночинцев к чистому искусству нужно признать, что некоторые представители чистой критики вышли из среды разночинцев.

Л. П. Гроссману: <...> нужно иметь в виду, что писателю необходимо иметь свое мировоззрение, свою физиономию — философскую, общественную, которой у Дружинина не было. Дружинин сделал свое дело, очень ценное с исторической точки зрения, но критическая деятельность не была для него основой всей жизни, как это было у Писарева, Добролюбова и др., что и поставлено ему в минус при исторической оценке. <...>

П. Н. Сакулину: <...> Хотя историко-литературное призвание и было сильно у Дружинина, но не одно это повлияло на его уход, главной причиною которого следовало считать отсутствие у писателя философского миросозерцания и пафоса, без которых истинный критик обойтись не может. Затем оказало влияние и переживаемое тогда литературою и в особенности критикой общественное настроение, поддерживавшееся Добролюбовым, Чернышевским, Писаревым и др.[19]

* * *

5 декабря 1924 года Гудзий выступил с докладом «О книге Ходасевича „Поэтическое хозяйство Пушкина“» на заседании Подсекции русской литературы ЛС, целиком посвященным Пушкину (содокладчиками ученого стали М. О. Гершензон и Л. П. Гроссман). Отчет по деятельности подсекции зафиксировал основные положения речи ученого: «План работы в книге не выдержан. Материал тематических пристрастий, словарный и иной, б<ольшей> ч<астью> историко-литературно не осмыслен. Общие выводы или не сделаны, или являются неудачными. Удачны в книге реконструкция стих<отворен>ия „Шалость“ и рассмотрение автобиографической связи „Скупого Рыцаря“ с личной жизнью поэта в Михайловском».[20]

Слово Гершензона (старшего друга Ходасевича, его наставника), заметно противоречащее по окраске и содержательной направленности общему тону обсуждения, наиболее объективно оценивает и оттеняет все достоинства и недостатки книги. Бесстрастный, снисходительный тон в оценках, высказанных М. А. Цявловским, вызывает некоторое удивление.[21] Несмотря на то, что

---

[19] РГБ. Ф. 731. Разд. I. Карт. 11. № 2. Л. 1–7. Машинопись; РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 6. № 20. Л. 16–22 об. Машинопись. Тезисы — на л. 23–23 об. (автограф), 24–24 об. (машинопись); отдельно мы их не публикуем, так как текст доклада содержательно и по объему их многократно превосходит. Менее чем через месяц, 10 декабря, к наследию Дружинина обратился Цявловский в своем докладе «Письма Дружинина к Толстому и Боткину» на заседании Подсекции критики и литературоведения (протокол и тезисы см.: Там же. Л. 29–31).

[20] РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 1. № 50. Л. 82.

[21] Б. В. Томашевский и Г. О. Винокур также выступили в печати с критическими откликами: *Томашевский Б.* [Рец.:] Владислав Ходасевич. Поэтическое хозяйство Пушкина // Русский современник. 1924. № 3. С. 262–263; *Винокур Г.* [Рец.:] Владислав Ходасевич. Поэтическое хозяйство Пушкина // Печать и революция. 1924. Кн. 6. С. 222–224. Первую рецензию Ходасевич в переписке с М. Л. Гофманом охарактеризовал так: «...хамская, ибо передергивающая» (*Ходасевич В. Ф.* Письма к М. А. Цявловскому / Публ. Р. Хьюза // Русская литература. 1999. № 2. С. 216). Г. И. Чулкова Ходасевич просил в письме от 30 июля 1924 года: «Сообщай, кто и где изругает меня за „Поэтическое хоз<яйство> Пушкина“» (*Ходасевич В.* Пушкин и поэты его времени: В 3 т. / Под ред. Р. Хьюза. Berkeley, 1999. Т. 1. Статьи, рецензии, заметки 1913–1924 гг. С. 426). Впоследствии дважды — публично, на заседании Подсекции русской литературы ЛС 13 февраля 1925 года в докладе «Об автобиографичности Пушкина», а затем и печатно — «изругал» метод Гершензона и книгу Ходасевича присутствовавший на ее обсуждении Вересаев: «...своим утверждением о полной автобиографичности Пушкина Гершензон... устанавливает определенный

в прениях прозвучало немало действительно важных и конструктивных его замечаний, не следует забывать, что Цявловский — не только участник обсуждения книги, но человек, посвященный во все обстоятельства ее создания, в предысторию ее текста, а кроме того — ведущий пушкинист, имевший доступ к основным собраниям пушкинских рукописей. Летом 1924 года в письме к А. И. Ходасевич автор «Поэтического хозяйства Пушкина», рассчитывая подготовить окончательную, исправленную и дополненную рукопись к концу года, просил по получении ее передать по экземпляру именно Гершензону и Цявловскому.[22]

Включение в повестку заседания доклада с разбором книги Ходасевича в стенах ГАХН было событием весьма симптоматичным, как и некоторые, высказанные на заседании оценки. Отношение к Ходасевичу, проецировавшееся, главным образом, на его работы в области истории литературы и пушкинистики, было именно в эти годы достаточно сложным, а ближе к 1930-м годам еще более усугубилось. И. З. Сурат очень точно написала об этом: «Даже в академических исследованиях имя Ходасевича почти не упоминается с конца 1920-х гг., а если и упоминается, то в полемическом контексте и почти всегда по поводу его книги „Поэтическое хозяйство Пушкина“ (Л., 1924) или доотъездных статей <...> Гершензон и своими идеями, и своим на редкость обаятельным человеческим обликом оказал на личность младшего друга существенное и глубокое влияние, следы которого отложились в поэзии Ходасевича, в его исследовательской, и более всего в пушкиноведческой, работе <...> „Медленное чтение“ — это углубление текста, обогащение его за счет различных контекстов, это чтение „заново“, в процессе которого читатель входит во все смысловые оттенки и все связи слова, входит в самый процесс творчества. Ходасевич усвоил этот гершензоновский метод и развил его; именно „медленное чтение“ лежит в основе его книги „Поэтическое хозяйство Пушкина“ и ряда статей <...> Ему оказался особенно близок тезис Гершензона о так называемом „автобиографизме“ пушкинских созданий <...> именно в отношениях с Гершензоном определились основные линии развития Ходасевича-литературоведа, основные принципы его пушкинистских исследований».[23]

В 1924 году, к 125-летию со дня рождения Пушкина в издательстве «Мысль» из печати вышел сокращенный, урезанный вариант книги (10 заметок из 52 были исключены из текста, а некоторые другие подверглись правке, нарушившей их смысловую целостность). Это издание настолько не соответствовало воле автора, а ее редакторы в такой степени проигнорировали его намерения, что Ходасевич должен был вскоре после выхода книги публично отказаться от нее, напечатав в марте 1925 года открытое письмо в журнале «Беседа» (символично, что в этом издании двумя годами ранее началась публикация первой части будущей книги). Более поздний и подробный вариант письма Ходасевича, отложившийся в архиве Цявловского, опубликовал в 1999 году Р. Хьюз, процитируем небольшой его фрагмент: «В апреле 1924 г.

подход к художественным произведениям Пушкина. В этом направлении и до Гершензона биографы грешили сверх всякой меры, теперь же такой подход освящается авторитетом одного из выдающихся современных пушкинистов. К каким негодным, ненаучным результатам ведет такой подход, показывает недавно вышедшая книжка В. Ф. Ходасевича „Поэтическое хозяйство Пушкина“ <...> в некоторых других отношениях, впрочем, весьма ценная. В. Ф. Ходасевич так же категорически и так же бездоказательно декретирует абсолютную автобиографичность Пушкина» (*Вересаев В.* Об автобиографичности Пушкина // Печать и революция. 1925. Кн. 5–6. С. 30–31).

[22] См.: *Ходасевич В. Ф.* Письма к М. А. Цявловскому. С. 225; письмо от 10 июля 1924 года. Ср. в нем же просьбу и грустное замечание: «Книгу никуда ни в каком виде пока не предлагай. Хуже всего то, что ее будут ругать — и справедливо. В таком виде она никуда не годится. Но ты этим не огорчайся».

[23] *Сурат И.* Пушкинист Владислав Ходасевич. М., 1994. С. 22, 28, 32–34.

уполномоченное мною лицо предложило из<дательст>ву „Мысль“ (Ленинград) напечатать I-ую часть моей книги „Поэтическое хозяйство Пушкина“. Согласившись на это предложение и торопясь выпустить эту книгу к пушкинскому юбилею, издательство тотчас приступило к набору, для чего воспользовалось текстом, напечатанным в №№ 2 и 3 журнала „Беседа“ (заметки 1–41), а также рукописью заметки № 42. При этом издательство не только не захотело дождаться от меня исправленного и значительно дополненного текста, но и отказало моему уполномоченному в возможности прочитать корректуру. В результате книга появилась в продаже, содержа все опечатки и погрешности „Беседного“ текста. С этим я был бы готов примириться. Но вот с чем примириться нельзя: сверх неисправностей текста „Беседы“ издательство прибавило от себя ряд таких вопиющих искажений, которые лишают возможности читать мою книгу» (далее следовал перечень замечаний и поправок).[24] Приведенная цитата указывает на еще одно очень важное обстоятельство, нисколько не благоприятствующее обсуждению работы, а подготовившее для него весьма критическую почву. Участники заседания оценивали, по сути дела, неавторизованную книгу, лишь в малой степени отражающую авторский замысел. Тем не менее, по справедливому определению И. З. Сурат, Ходасевичу «удалось оставить в нашем пушкиноведении исследование совершенно оригинальное по постановке проблемы, богатое множеством интересных наблюдений, сопоставлений, догадок (спорных и бесспорных) и кроме всего очень полезное собранным и систематизированным материалом». К «Поэтическому хозяйству Пушкина» Ходасевич в последний раз вернулся в 1937 году, готовя к печати свою книгу «О Пушкине», но первоначального своего намерения не осуществил — в свет вышел значительно переработанный и сокращенный уже самим автором вариант издания 1924 года. Лишь в 1999 году Р. Хьюзом была предпринята попытка реконструировать текст в полном соответствии с авторским замыслом на основании изучения всех имеющихся в наличии материалов, как печатных, так и рукописных, а также по авторским замечаниям и указаниям, сохранившимся в его архиве, прежде всего в переписке.[25]

Обратимся теперь к протоколу заседания.

Протокол № 7 заседания Подсекции русской литературы
Литературной секции от 5 декабря 1924 г.

Присутствовали: В. В. Вересаев, Г. О. Винокур, М. О. Гершензон, Л. П. Гроссман, Н. К. Гудзий, М. А. Петровский, И. Л. Поливанов, Б. М. Соколов, Ю. М. Соколов, Д. С. Усов, М. А. Цявловский, Г. И. Чулков, А. К. Шнейдер, В. И. Язвицкий.

Гостей 50 человек.

Председатель Н. К. Гудзий Секретарь Д. С. Усов

<...>

Заслушано 4. Доклад Н. Гудзия «О книге Владислава Ходасевича „Поэтическое хозяйство Пушкина“».

---

[24] *Ходасевич В.* Пушкин и поэты его времени. Т. 1. С. 415–416. 28 апреля 1924 года, словно предчувствуя бесславное будущее книги, Ходасевич писал А. И. Ходасевич: «Настаивай самым решительным образом, чтобы книга вышла полной, ибо иначе мое „участие в пушкинском юбилее“, о котором ты заботишься, выйдет позорное и глупое, а мне придется от книги отрекаться <...> До самой последней минуты не соглашайся на выпуск книги в уменьшенном объеме. Согласись только в крайнем случае» (Там же. С. 422).

[25] *Сурат И.* Пушкинист Владислав Ходасевич. С. 42; *Ходасевич В.* Пушкин и поэты его времени. Т. 1. С. 105–374. Обоснование принципов публикации этих материалов, сведения об истории текста книги, а также примечания к нему принадлежат Р. Хьюзу (см.: Там же. С. 415–443).

Книга В. Ходасевича посвящена преимущественно рассмотрению вопроса о реминисценциях у Пушкина, их происхождении и эволюции;[26] но план работы в ней не выдержан. Наряду с интересными и существенными наблюдениями, автор уделяет немало места мелочам, случайным совпадениям и т. д. Словарный материал, тематические пристрастия и т. д., будучи соответственно сгруппированы, могут дать яркую характеристику творчества писателя. Но материал, собранный в книге В. Ходасевича, большею частью историко-литературно не осмыслен, не сделаны никакие общие выводы. Там же, где они сделаны, их нельзя признать ни удачными, ни серьезными <...> В. Ходасевич констатирует некоторые факты, среди которых есть положительно не имеющие отношение к теме и бесплодные — например, о пристрастии Пушкина к определенным звукам, замечание о нелюбви Пушкина к сонету, неточность терминологии «жена» и «невеста» в отношении к Н. Н. Гончаровой и т. д. В «поэтическом хозяйстве» Пушкина есть более важные факты. У Ходасевича есть наблюдения и соображения, хотя и не особенно ценные, но интересные, как, например, о зависимости образа «волшебного фонаря» от Державина, констатирование образа «невинности» и др.[27] Впрочем, не везде приходится говорить о *сознательных* реминисценциях.

Иногда Ходасевич не ограничивается констатированием факта, а пытается философствовать. Так, строки: «И эта смесь чинов и лиц» — «Какая смесь чинов и лиц» дают ему повод приписать Пушкину мысль о сходстве светского раута с шайкой разбойников. Констатировав пристрастие Пушкина к восклицанию «Пора», Ходасевич замечает, что «лексические и интонационные пристрастия не случайны... они обнаруживают подсознательные душевные и духовные процессы». Заключение слишком пышное и не подготовляемое предварительной работою над материалом. Довольно много места уделяет Ходасевич теме «грозы» и «бури», причем пытается вывести из нее нечто характерное для мироощущения поэта. Говоря о теме «возлюбленной тени», Ходасевич высказывает несколько гипотез, желая расширить цикл стихов и высказываний, приуроченных к Ризнич. Ризнич угадывается им под образом Инессы;[28] прозрачные тона в 1830 г. обуславливаются отдаленностью перспективы.

---

[26] Ср. в предисловии к книге: «Всем, кто хорошо читал Пушкина, известно обилие самоповторений в его стихах и прозе. Повторяются темы, приемы, образы, мысли, сопоставления, звуковые и ритмические ряды, эпитеты, рифмы и т. д. <...> Самоповторения у художника не случайны, не могут быть случайны <...> Изучение автореминисценций может оказаться полезным в разных областях пушкиноведения: в изучении пушкинской поэтики, стилистики, биографии, в вопросах об авторстве пьес, даже в датировке их. Но всего больше даст оно тому, кто интересуется психологией пушкинского творчества. Мысль заняться автореминисценциями Пушкина пришла мне еще в 1914 г., но работа, по внешним причинам, оборвалась в самом начале. Я решился вернуться к ней теперь, — к сожалению, в самых неблагоприятных условиях, без многих необходимейших книг, не имея под рукою даже хоть сколько-нибудь полного и компетентного издания Пушкина. Это, конечно, обрекает меня на ряд промахов, понятных всякому <...> Тем не менее я решился предложить вниманию читателей ряд заметок, содержащих по преимуществу наблюдения и не стремящихся к обобщениям и выводам» (*Ходасевич В.* Поэтическое хозяйство Пушкина. Книга первая. Л., 1924. С. 3–4).

[27] Ходасевич установил влияние «Фонаря» Державина на «Послание к Юдину» Пушкина как «в построении пьесы», так и в «отдельных строках». «Сходство мотивов» Ходасевич усматривал, сопоставляя «Евгения Онегина» («Шутя невинность изумлять...», «И после ей наедине давать уроки в тишине...») и «Гаврилиаду» («И дерзостью невинность изумлять...», «Я научил послушливую руку...»).

[28] Книга Ходасевича открывается разбором нескольких стихотворений, в частности «Заклинания», обращенного к умершей Амалии Ризнич, «Осени» и того фрагмента «Каменного гостя», где Дон Гуан вспоминает об умершей Инезе — их объединяет сходным образом построенная метафора: уподобление женщины состоянию природы, погоде: «Есть общее во всем, что сказано об осени, об Инезе и о той, к кому обращено „Заклинание“. Как будто слегка приоткрывается завеса над этой любовью, о которой мы знаем так мало».

Удачною необходимо признать реконструкцию стихотворения «Шалость», подтвержденную изучением рукописного текста.

Заслуживает внимания рассмотрение «Скупого рыцаря», где Ходасевич посвящает очень много страниц уяснению его автобиографической связи с личной жизнью поэта в Михайловском. Но такая же попытка в отношении «Русалки» неудачна, так как она сомнительна и с фактической, и с психологической точки зрения.[29]

Многие недостатки книги В. Ходасевича извиняются трудностью условий, в которых писалась работа — за границей, вдали от необходимейших пособий и материалов по Пушкину.[30] Но и независимо от этих, оправдывающих многое обстоятельств, работа Ходасевича заслуживает все же упрека за бессистемность, хаотичность и методологическую невыдержанность.

В. В. Вересаев находит, что от В. Ходасевича нельзя требовать систематического трактата — в его книге есть ряд заметок, довольно мало связанных. Ряд наблюдений Ходасевича представляется В. Вересаеву довольно ценными (напр<имер>, о «быстроте» и др.). Но, подходя к «поэтическому хозяйству» Пушкина, сам Ходасевич проявляет большую бесхозяйственность. Методы Ходасевича — непригодны. Априорное положение об автобиографичности Пушкина могло быть сделано лишь на основании предшествующей работы. Ряд необоснованных биографических догадок вполне дилетантского характера не должен был найти себе места в книге, которая претендует быть научной.

М. А. Цявловский указывает, что книге Ходасевича сопутствуют 3 неблагоприятных обстоятельства, до известной степени оправдывающих автора: 1. Книга написана за границей в недопустимой для работы пушкиниста обстановке — без литературы о Пушкине; напр<имер>, в Берлине Ходасевич не

---

[29] Обсуждение именно этой пушкиноведческой проблемы, наиболее спорной в интерпретации Ходасевича (по признанию целого ряда пушкинистов), стало одной из тем его переписки с Цявловским (она также неоднократно поднималась в журнальной дискуссии в 1924–1928 годах, см.: *Ходасевич В.* Пушкин и поэты его времени. Т. 1. С. 437–438). С ним он консультировался также и относительно датировки «Русалки», сохранившихся рукописных материалов пьесы. К этому вопросу Ходасевич продолжал возвращаться и в 1920-е, и в 1930-е годы и признал, что обнаружение новых архивных материалов существенно скорректировало его гипотезы, но от основной мысли своей работы не отказался (см.: *Ходасевич В. Ф.* Письма к М. А. Цявловскому. С. 215, 216). Гершензон отозвался на книгу в целом и на гипотезу Ходасевича в отношении «Русалки» в письме от 17 августа 1924 года: «Издание, конечно, небрежное, но не стоит огорчаться. <...> У меня двойное чувство: по общему чувству ваша догадка мне кажется вероятной, по размышлению нахожу ее ни на чем не основанной. Даже если Вы правы насчет раскаяния Пушкина, — не обязательно, что та девушка именно утопилась: она могла и вовсе не покончить с собой, и все же П<ушкин> мог с нее писать Русалку. Притом и Ваш анализ фактов кажется мне не совсем верным: мне кажется неясным многое, что Вы излагаете как факты» (Переписка В. Ф. Ходасевича и М. О. Гершензона / Публ. И. Андреевой // De Visu. 1993. № 5. С. 36).

[30] Действительно, по собственному признанию Ходасевича в одном из писем к Цявловскому, он располагал достаточно скудной подборкой пушкинской литературы, работая над своей книгой, хотя ограниченность круга использованных им в работе изданий была преувеличена и Гудзием, и другими участниками заседания: Собрание сочинений поэта в восьми томах под редакцией П. А. Ефремова (1902–1905), «Труды и дни Пушкина» Н. О. Лернера (2-е изд., доп.: 1910), отдельные выпуски серийного издания «Пушкин и его современники», работа В. Е. Якушкина «Рукописи А. С. Пушкина, хранящиеся в Румянцевском музее в Москве», увидевшая свет в десяти номерах журнала «Русская старина» в 1884 году. От М. Горького Ходасевич получил летом 1923 года две книги П. В. Анненкова — «Материалы для биографии Пушкина» (1855) и «Пушкин в Александровскую эпоху» (1874), труд Л. Н. Майкова «Пушкин: Биографические материалы и историко-литературные очерки» (1899), «Дневник Пушкина 1833–1835» под редакцией Б. Л. Модзалевского (1923). Ходасевич также пользовался факсимильным изданием «Рукописи Пушкина» (1911) и трехтомным академическим собранием «Переписки Пушкина» под редакцией В. И. Саитова (1906–1911), которые также были получены при помощи Горького (*Ходасевич В. Ф.* Письма к М. А. Цявловскому. С. 218–219; письмо от 27 августа 1923 года и комментарии к нему).

мог найти академического издания, и потому его книга выпадает из ряда российской пушкинианы. 2. Эта книга — фрагмент. Но можно ожидать, что и следующая книга Ходасевича в этом роде будет таким же нанизыванием заметок. 3. Книга имеет неряшливый вид — поражает огромное количество опечаток и выпадение абзацев.

Жанр бессистемных заметок все же имеет некоторое право на существование; оппонент напоминает сравнительно мало известные «Marginalia» В. Брюсова, помещенные в свое время в «Русском архиве».[31] Отраден, по мнению Цявловского, уже тот факт, что мы читаем Пушкина лучше наших предшественников, как Анненков, Бартенев и др., не говоря уже о современниках Пушкина.

<...> Самое ценное у Ходасевича это именно открытие автобиографичности «Русалки», одновременное с аналогичным открытием Вересаева в Москве.[32] Биографические реминисценции могут быть и в «Каменном госте», и в «Скупом рыцаре», но здесь они недостоверны.

М. О. Гершензон: <...> По поводу книги В. Ходасевича оппонент замечает, что тт. Вересаев и Гудзий были к ней чрезмерно строги. Книга эта писалась с 1918 года в исключительно тяжких условиях. Она написана с большой любовью. Н. К. Гудзий не усмотрел стержня, проходящего в ней — она вся нанизана на тему о реминисценциях; это — *книга о реминисценциях*. В. Ходасевич не только талантливый поэт, но и необыкновенно тонкий читатель. Его книга — это рассказ о мастерстве, и притом такой, какого пушкинисты не сумели бы дать. В искусстве медленного чтения М. О. Гершензон считает Ходасевича своим учеником — превзошедшим учителя. Эта книга разойдется, как соль в воде; очень многое из нее останется в сознании читателя, даже если источник этого будет им забыт. Каждый из пишущих мыслит и не все из своих мыслей использует: многое пропадает. У Пушкина же было единственное в своем роде насыщенное ощущение конкретности и объективной ценности найденного образа, словосочетания и ритма. Едва <ли> всякий эпитет Пушкиным запоминается и воспроизводится потому, что он объективно ценен. Это знание о Пушкине, которое мы получаем из книги Ходасевича — чрезвычайно ценно.

Но Ходасевич подобен человеку, копающему яму и беспрестанно засыпаемому песком — он весь засыпан реминисценциями и только стоя на его плечах, мы убеждаемся в полновесности найденного.

Н. К. Гудзий отметил разницу между повторением и рецепцией данного образа — с одной, рецепцией мысли — с другой стороны. Реминисценции второго рода — своего рода суверенная игра. Происходило ли это от того, что Пушкин <не> раз забывал свою строку и снова ее находил. Вряд ли. Пушкин *помнил* все создаваемое им. Можно привести образец того, как Пушкин играет в сне Татьяны и в сне Руслана. Тема 30-х годов — тема «Утопленницы» — трижды была обработана Пушкиным: в «Русалке», в «Песнях западных славян» (Яныш — королевич) и в черновом наброске, впервые напечатанном Морозовым.[33] Перед нами — автобиографичность переживания.

---

[31] См.: *Брюсов В.* Marginalia — Puschkiniana. Заметки на полях сочинений Пушкина // Русский архив. 1916. Кн. 1. Вып. 4. С. 397–406.

[32] Речь может идти либо об устном выступлении Вересаева, либо о его публикации: *Вересаев В.* Поэт (Комментарии) // Красная новь. 1924. № 2. С. 246–271 (заметка «Нереида» — с. 246–247).

[33] Гершензон говорит о стихотворении Пушкина «Как счастлив я, когда могу покинуть...» (1826), черновой автограф которого был напечатан П. О. Морозовым сначала в статье «Новые стихи Пушкина» (Русское слово. 1916. 10 апр. № 83. С. 2), а затем в издании: Сочинения Пушкина. М., 1916. Т. 4. Лирические стихотворения (1825–1827). Жених (1825). Борис Годунов (1825). Граф Нулин (1825). Сцена из Фауста (1825) / Под ред. П. О. Морозова. С. 221–222 (текст и прим.), 324–325 (варианты) (Издание Императорской Академии Наук). См.: *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: [В 16 т.]. М.; Л., 1949. Т. 3. Кн. 2. Стихотворения, 1826–1836. Сказки. С. 36, 579, 1132.

В заключение М. О. Гершензон еще раз отмечает ценность прелестной и полной ошибок книжки Ходасевича.

А. И. Ромм находит, что книгу В. Ходасевича следует судить особо. Ошибка Ходасевича заключается в том, что он покусился на выводы. В этой книге ценно знание Пушкина вдоль и поперек. Чтобы построить науку о Пушкине — необходимо знание Пушкина именно «поперек», необходимо начетчество — нужно, чтобы каждое слово имело себе ряд параллелей. Слово, сюжет, оборот, ритмико-синтаксическая фигура в сопоставлении с рядом других наблюдений будет ценно для исследователя <...> Такие исследования, как работа Ходасевича, должны быть сведены к комментарию; первый камень комментария и представляет собою обсуждаемая книга.

Ю. Н. Верховский говорит, что ему подход к способу рецензирования книги В. Ходасевича представился бы иным — в ней нельзя было видеть плохого *исследования*. Эта книга, прежде всего, богата интуицией — и это обстоятельство следовало четко отметить; таково наблюдение (без работы на рукописном материале) над стихотворением «Румяный критик мой...».

Н. К. Гудзий подчеркивает, что книга Ходасевича дает меньше, чем обещает ее заглавие. Докладчик видит в ней то «начетчество», о котором говорил один из оппонентов и которое не всегда способно отличить органическое от неорганического. В «поэтическом хозяйстве» Пушкина *главное* все-таки не то, на что указывает Ходасевич; он отмечает ряд мелочей, повторения слов и выражений, не играющих в поэтическом багаже Пушкина той существенной роли, которую он им приписывает. Работа эта могла бы быть значительно ярче. Часть интересных и приемлемых замечаний, сделанных Ходасевичем, так сказать, на полях читаемой книги, может быть учтена при изучении творчества Пушкина, но лишь как membra disjecta;[34] к широким обобщающим выводам книга Ходасевича не приводит.[35]

* * *

19 февраля 1925 года скончался историк русской литературы и культуры, пушкинист М. О. Гершензон, возглавлявший ЛС с момента ее возникновения. 9 марта на заседании Пленума ЛС, посвященном его памяти, Гудзий выступил с докладом под названием «М. О. Гершензон — историк русской духовной культуры». Содокладчиками ученого были Н. К. Пиксанов («М. О. Гершензон как председатель Литературной секции») и М. А. Цявловский («Неизданные отрывки о Пушкине М. О. Гершензона»). Протокол заседания не зафиксировал ни сами выступления, ни последующее обсуждение — предположим, что

[34] разрозненные фрагменты (*лат.*)

[35] РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 6. № 23. Л. 27 об. — 29 об. Машинопись. Тезисы доклада — на л. 34–34 об. (автограф), 35 (машинопись); основные положения доклада, зафиксированные в протоколе, дословно их повторяют. Ср. с дневниковой записью историка литературы Н. А. Трифонова, в то время — студента литературно-лингвистического отделения педагогического факультета 2-го МГУ: «5.XII. Заседание п<од>секции русской литер<атуры> Литературной секции Росс<ийской> Акад<емии> Худ<ожественных> Наук было посвящено некоторым вопросам пушкиноведения. 1-м явился доклад М. О. Гершензона о „Путешествии в Арзрум“ <...> Далее прочел доклад о мадригалах Пушкина Л. П. Гроссман, не дав, впрочем, точного определения этого поэтического жанра, что и отмечали оппоненты (Винокур и др.). Наконец, Н. К. Гудзий сделал сообщение о книге В. Ходасевича „Поэтическое хозяйство Пушкина“; его оценка в общем отрицательная. Еще более резкий отзыв дал в прениях В. В. Вересаев. Наоборот, М. А. Цявловский и, особенно, М. О. Гершензон дали высокую оценку, причем последний подчеркнул, что эта книга — продукт медленного чтения, проповедником которого он сам является» (*Трифонов Н. А.* Из дневника читателя 1920-х годов // Шестые Тыняновские чтения. Тезисы докладов и материалы для обсуждения. Рига; М., 1992. С. 209).

формат памятного заседания его не предусматривал.[36] В архиве ГАХН сохранились тезисы доклада Гудзия, которые мы опубликуем ниже.

Гудзий с пристальным интересом и глубочайшим уважением относился к работе старшего коллеги. Так, уже 3 декабря 1923 года он выступает на обсуждении доклада Гершензона «О социологическом методе изучения литературы», посвященного актуальной ситуации в литературоведении. Критикуя набиравший силу научный метод и разбирая, вслед за Гершензоном, его достоинства и недостатки, Гудзий сказал о чем-то более значительном и обобщенном, а именно — о ситуации, складывавшейся в науке о литературе в те годы: «...правильно ли связывать метод научный со злобой дня, безразлично — социальной или политической. Социологический метод выдвинут не только потому, что он важен и существен, а только потому, что он почему-то признается идущим в ногу с текущими задачами жизни. Наука стала прагматической и в связи с этим выдвинут так наз<ываемый> „социологический метод“, которого нет и не может быть в изучении литературных произведений; возможен подход, а не метод. Все обусловлено социальными условиями, вся наша психическая жизнь, но историк литературы интересуется в первую голову теми методами, которые вытекают из изучаемого материала <...> при социологических выводах из материала возник бы социологический метод, но не в других условиях <...> Социологический анализ не может избежать биографического изучения; когда нам приходится изучать отдельного писателя, здесь социологический метод законен».[37] Ученый затронул важную и весьма деликатную тему — для этого необходима была изрядная доля интеллектуальной независимости.

Сам Гершензон, как о том свидетельствуют дневниковые записи Гудзия, относился к нему со вниманием, часто в той или иной форме выражая ему свою поддержку. Процитируем запись от 18 февраля 1924 года, посвященную обсуждению книги П. С. Когана «Литература этих лет» и докладу И. И. Гливенко, содержащему ее разбор: «Вечером — засед<ание> в литературной секции Ак<адемии> Худ<ожественных> Наук. Позорный доклад Гливенка о пустой книге Когана „Литература этих лет“. Оба вульгарны и плоски. Выступил с категорическими возражениями. Гершензон сказал, что это мое выступление — одно из талантливейших и наиболее ярких. Сам Гершензон возбужденно говорил против формального метода и приветствовал здоровую „революционность“ метода Когана».[38] Слова Гершензона, зафиксированные в протоколе, вполне подтверждают достоверность дневниковой записи: «Старая историко-литературная традиция сталкивается <...> с новым революционным подходом. П. С. не дает новых форм, но он разрушает старые формы, и это необходимо приветствовать. Формальный метод, не открывающий никаких путей, есть самодовлеющее творчество дурного тона».[39] Этот эпизод тем более примечателен, что он показывает нам Гершензона не только как историка духовной культуры, но и как критика современного положения в науке.

Обратимся к дневниковой записи Гудзия от 21 марта 1924 года: «Вечером большое засед<ание> в истор<ико>-лит<ературном> отд<елении> Ак<адемии> Х<удожественных> Н<аук>. Читал Гершензон докл<ад> на тему „Сны Пушкина“. Масса народу».[40] Выступление Гудзия сохранил для нас протокол

[36] РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 6. № 16. Л. 57.

[37] Там же. № 4. Л. 36 об. Основные пункты доклада Гершензона: «Притязания социологического метода на единство», «Законность социологического метода», «Неразработанность социологического метода и его трудности» (Там же. Л. 38).

[38] РГБ. Ф. 731. Разд. II. Карт. 1. № 2. Л. 1.

[39] РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 6. № 4. Л. 74. Возражения Гудзия — на л. 73 об.

[40] РГБ. Ф. 731. Разд. II. Карт. 1. № 2. Л. 9 об. Доклад Гершензона в отчете секции назывался «Сны у Пушкина» (РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 1. № 30. Л. 312).

заседания, приведем его фрагменты, которые показывают, как воспринимал Гудзий гипотезы и открытия Гершензона-пушкиниста. Несомненна, хотя на первый взгляд и не столь очевидна, некоторая перекличка в характере тех критических замечаний Гудзия, которые были высказаны при обсуждении книги Ходасевича и оценок, запечатленных в протоколе мартовского заседания: «Проникновения докладчика основываются на собственном психологическом опыте и на внимательном изучении Пушкина. Но в докладе хотелось бы видеть больше позитивных оснований. Нет литературы предмета. Материал можно было рассматривать в двух плоскостях: 1) в плоскости психологической, 2) в плоскости историко-литературной. Поэтика сна есть нечто устоявшееся, где Пушкину приходилось следовать за известными выработавшимися канонами. В каких же случаях изображения сна Пушкин был отгадчиком, а в каких — писателем? <...> Пушкин намекает в начале пути на то, что произойдет в конце. Это свойственно не только Пушкину. Моцарт пишет „Реквием“ — здесь Пушкин также намекает на то, как в будущем раскроется судьба Моцарта. Позитивные основы, направленные в ту или иную сторону, очень подкрепили бы ценные соображения М. О. Гершензона».[41]

В заключение предлагаем вниманию читателей тезисы упомянутого выступления Гудзия 9 марта 1925 года:

1. В литературном наследии М. О. Гершензона его труды о судьбах русской духовной культуры стоят на первом месте. В сущности все, что писал Г<ершензон>, он писал о путях человеческого духа даже тогда, когда его работы вращались в сфере литературы.[42]

2. Заслуга М. О. Гершензона в том, что он настойчиво заявил о необходимости разделения истории русской общественной мысли и истории художественной литературы.

3. М. О. Гершензон в русской духовной культуре прослеживает два явления: идейное или психологическое ядро и ту форму, которую оно принимает в массе общества как типичное умонастроение эпохи.[43]

---

[41] РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 6. № 6. Л. 60 об. Ср. в докладе Гершензона: «5 сновидений, изображенных Пушкиным, оказываются как бы вариациями одной и той же темы — до такой степени они совпадают в своих главных чертах. Здесь приоткрывается общее представление Пушкина о строе и движениях человеческого духа. Человек воспринимает несравненно больше того, что доходит до его сознания <...> Но эти бессознательные знания души не мертвы <...> в сонном сознании они все выступают в круг созерцания души <так!>. Татьяна знает многое такое об Онегине, Марья Гавриловна — о Владимире, Гринев — о Пугачеве, а Отрепьев — *о самом себе*, чего они отдаленно не сознают наяву» (Там же. Л. 59).

[42] Об этом говорит и название первого же выступления Гершензона, прозвучавшего на заседаниях ЛС, а именно — доклада «Взаимоотношение личности и общества в русской художественной литературе» (3 декабря 1921 года, см.: Государственная Академия Художественных Наук. Отчет: 1921–1925. М., 1926. С. 24).

[43] Гудзий цитирует авторское предисловие к книге «История молодой России» (М., 1908; 2-е изд.: Пг., 1923): «Мы ни до чего не добьемся, пока не отделим историю общественной мысли от истории художественной литературы (то есть поэзии и критики), и в самой истории общественной мысли — историю преемственности творческих мировоззрений от истории массовых настроений. Это — грубейшие черты разделения, но они напрашиваются прежде всего, и именно с них надо начать <...> Во всяком общественном движении легко различить два элемента: его идейное или психологическое ядро и ту форму, которую оно принимает в массе общества, как типичное умонастроение эпохи. Сущность движения всегда воплощается в немногих личностях, соединяющих в себе острую врожденную предрасположенность к очередной идее времени с недюжинной силой духа. Такой человек не всегда стоит во главе движения, не всегда даже сколько-нибудь заметно влияет на него, — да это и безразлично: важно то, что только в нем, в отдельной предрасположенной и одаренной личности зерно движения дает свой полный цвет, только в нем раскрывается вполне смысл очередной исторической задачи. Таким образом, изучить смену общественных идей в их сущности (а именно такую цель ставит себе история общественной мысли) — значит

4. М. О. Гершензона особенно интересовали 30 и 40 гг. — эпоха, выдвинувшая основные вопросы морально-философского характера (Чаадаев, Печерин, славянофилы).[44]

5. Наряду с вершинами духовной культуры М. О. Гершензона интересует и середина («Декабрист Кривцов», «Грибоедовская Москва»).[45]

6. М. О. Гершензон, учивший о цельном знании в своем отношении к истории и науке, был субъективен и прагматичен. И то и другое особенно сильно сказывается в его трудах последнего времени (особенно о Пушкине).[46] Они представляют большой интерес и для характеристики М. О. Гершензона как крупной индивидуальности, которая сама по себе — большое значительное явление в истории русской духовной культуры.

9/III <1>925 Ник. Гудзий[47]

Выступление оказалось первым опытом Гудзия в том исследовательском направлении, которое впоследствии займет в его работе одно из центральных мест, а именно — в области истории отечественной филологической и шире — гуманитарной науки. Этой проблематике был посвящен и следующий по времени доклад Гудзия в ГАХН. 10 июня 1925 года он принял участие в совместном заседании Пленума ЛС и Общества любителей российской словесности памяти скончавшегося 12 мая историка русской и западноевропейской литератур, критика, педагога, академика, директора Пушкинского Дома в 1910–1925 годах Нестора Александровича Котляревского.

Доклад «Нестор Котляревский — историк русской литературы и общественной мысли» ценен, в частности, уже тем, что это единственный в научном наследии Гудзия опыт обращения к личности и творчеству Котляревского.

изучить эти идеи в их индивидуальной углубленности, в лице их типичнейших представителей. Соответственное умонастроение массы общества должно рассматриваться при этом только как почва, из которой выросла типическая индивидуальность и соками которой она питается» (цит. по: *Гершензон М. О.* Избранное: [В 4 т.]. М.; Иерусалим, 2000. Т. 2. Молодая Россия. С. 8).

[44] Гудзий имеет в виду книги Гершензона «П. Я. Чаадаев: жизнь и мышление» (СПб., 1908), «Жизнь В. С. Печерина» (М., 1910). Среди его работ, посвященных истории и теории славянофильства, отметим следующие: очерк «И. В. Киреевский» в августовской книжке «Вестника Европы» за 1908 год; главы о И. В. Киреевском и Ю. Ф. Самарине в книге «Исторические записки» (М., 1910); биографический очерк, предпосланный изданию «Русских народных песен, собранных П. В. Киреевским» (М., 1910); собрание сочинений И. В. Киреевского в 2 томах под редакцией Гершензона (М., 1911); главу о П. В. Киреевском в книге «Образы прошлого» (М., 1912).

[45] «Декабрист Кривцов и его братья» (М., 1914; 2-е изд.: М.; Берлин, 1925); «Грибоедовская Москва» (М., 1914; 2-е изд.: М.; Берлин, 1922).

[46] Целый ряд поздних статей Гершензона-пушкиниста, прежде чем появиться в печати, был представлен в виде докладов в ГАХН. 5 декабря 1924 года, на одном заседании, обсуждались книга Ходасевича и выступление Гершензона «Путешествие в Арзрум», посвященное датировке пушкинского произведения (на основании изучения рукописей, особенностей стиля) и установлению его литературных источников. Гершензон относил «Путешествие...» к осени–зиме 1829/1830 года, а годом написания предисловия и переписки текста набело назвал 1835 год. Два источника «Путешествия», указанные Гершензоном, — «Записки во время поездки из Астрахани на Кавказ и в Грузию в 1827 году» (1829), автор которых, Н. А. Нефедьев, скрылся за криптонимом «Н. Н.», и «Voyage dans les steps d'Astrakhan et du Caucase» (1829) гр. Я. Потоцкого. Гудзий высказал соображения относительно датировки («...не поможет ли здесь другая редакция стихотворения „Стамбул гяуры нынче славят", которая отличается от помещенной в „Путешествии в Арзрум" тем, что к ней прибавлено несколько строк, делающих это стихотворение поразительно насыщенным»); охарактеризовал он и стиль пушкинского произведения: «Пушкин является в нем непревзойденным стилистом. Стиль „Путешествия в Арзрум" ценен, между прочим, и потому, что русская проза уже в наши дни пришла к нему <...> Этот лапидарный, стремительный стиль набегающих длительных периодов и придаточных предложений характерен для лучших произведений русской прозы» (РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 6. № 23. Л. 26–26 об.). Впоследствии статья Гершензона вошла в сборник «Статьи о Пушкине» (М., 1926).

[47] РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 6. № 16. Л. 59–59 об. (автограф), 60 (машинопись).

Выступление Гудзия оказалось зафиксированным лишь в тезисах, ход заседания в полном виде протокол не отразил. Но даже по этим кратко сформулированным основным его положениям можно сделать вывод о том, что докладчик коснулся ряда важных моментов — «научной родословной» Котляревского, особенностей его исследовательского метода, а также просветительской стороны его деятельности.

Протокол заседания
Пленума Литературной секции ГАХН от 10/VI-25 г.

Присутствовали: А. К. Шнейдер, М. А. Петровский, Г. И. Чулков, Б. И. Ярхо, А. А. Бахрушин, И. Г. Званский, Н. Л. Бродский, А. И. Анисимов, Б. А. Грифцов, И. К. Линдеман, И. Н. Кубиков, Н. Ф. Бельчиков, П. И. Карпов, Н. П. Кашин, Л. П. Гроссман, П. Н. Сакулин, Н. Д. Виноградов, Н. А. Черникова, Н. Я. Колли, Б. В. Шапошников, М. И. Каган, С. А. Стороженко, В. С. Нечаева, Н. К. Пиксанов, И. В. Рыльский, А. Ф. Лосев.

Председатель: П. Н. Сакулин Секретарь Л. П. Гроссман

Заседание открывается словом П. Н. Сакулина, посвященным памяти Нестора Александровича Котляревского.

Доклад Н. К. Гудзия: «Н. А. Котляревский — историк русской литературы и общественной мысли».

1. В своих историко-литературных работах Н. Котляревский стоит на культурно-психологической точке зрения, уделяя немалое место и общественному моменту, поскольку он сказывается в памятниках художественного творчества.

2. Труды Н. Котляревского подсказаны в своей методологической основе, с одной стороны, традицией, идущей от Пыпина, с другой теоретическими предпосылками Тэна.[48]

3. Наиболее ценными работами Котляревского являются его книга о Гоголе и отчасти о Лермонтове.[49] Несмотря на ряд методологических недостатков, эти работы вносят свежий материал в историко-литературную историографию.

4. Остальные работы Н. Котляревского («Старинные портреты», «Декабристы», «Рылеев» и др.)[50] в ряде случаев представляют собой интересные психологические характеристики, не всегда, однако, поставленные в историко-литературную перспективу.

5. Не будучи в строгом смысле слова историком литературы, Н. Котляревский, благодаря наличию литературного вкуса и художественного чутья,

[48] Гудзий называет имена основоположников русской и европейской ветвей культурно-исторической школы. С А. Н. Пыпиным, известным своими работами по истории общественной мысли, Котляревский был хорошо знаком, профессионально и человечески близок с 1890 года. Именно Пыпин инициировал и всячески приветствовал работу Котляревского над трудом о Лермонтове (*Казанович Е.* Нестор Александрович Котляревский (Краткие биографические сведения) // Памяти Нестора Александровича Котляревского (1863–1925). [Л.], 1926. С. 40–41; см. след. прим.). И. А. Тэн — глава культурно-исторической школы в искусствознании и философии во Франции.

[49] См.: *Котляревский Н. А.* 1) Михаил Юрьевич Лермонтов. Личность поэта и его произведения: Опыт историко-литературной оценки. СПб., 1891 (переизд.: СПб., 1905, 1909, 1912); 2) Н. В. Гоголь. Очерк из истории русской повести и драмы. СПб., 1903 (переизд.: СПб., 1908, 1911, 1915).

[50] *Котляревский Н. А.* 1) Старинные портреты: Е. А. Баратынский, Д. В. Веневитинов, кн. В. Ф. Одоевский, В. Г. Белинский, И. С. Тургенев, гр. А. К. Толстой. СПб., 1907; 2) Декабристы: Кн. А. И. Одоевский и А. А. Бестужев-Марлинский: Их жизнь и литературная деятельность. СПб., 1907; 3) Рылеев. СПб., 1908.

удачно в ряде случаев популяризовал художественную литературу в широкой читательской массе, никогда, однако, не допуская ни вульгарности, ни элементарности дурного тона.[51]

5/VI–25 г. Н. Гудзий[52]

* * *

Следующий важный документ, отложившийся в архиве ГАХН и не только связанный напрямую с деятельностью Гудзия в Академии, но и дополнительно высвечивающий процесс разработки одной из интереснейших тем его исследований в 1920–1930-е годы — истории русского символизма,[53] — это тезисы к докладу «Первые шаги московского символизма (сборники «Русские символисты» 1894–1895 гг.)», прочитанному на заседании Пленума ЛС 26 апреля 1926 года. Протокол этого заседания не сохранился, поэтому мы лишены возможности познакомиться как с полным текстом выступления Гудзия, так и с материалами обсуждения. В этой связи, да и сама по себе, исключительную ценность первоисточника имеет статья ученого, опубликованная в 1927 году (в основу которой и был положен прозвучавший доклад).[54] Из ее содержания, а также из личной переписки Гудзия становится ясно, что значительную помощь в работе над темой оказывали ему, в частности, И. М. Брюсова (позволившая работать с архивом В. Я. Брюсова) и особенно — П. П. Перцов.[55]

---

[51] К такого рода публикациям Котляревского следует отнести, например, значительное количество статей по самым разнообразным вопросам — от истории литературы, «Очерков истории общественного настроения в шестидесятых годах» и воспоминаний самого Котляревского до рецензий на труды в области литературы, театра, — появлявшихся в журнале «Вестник Европы» и в газете «Биржевые ведомости» в 1895–1917 годах. Этой же стороне его деятельности — просветительской — способствовала его многолетняя педагогическая работа на Высших женских курсах, в Александровском лицее, Николаевской Академии Генерального Штаба, на Высших женских курсах П. Ф. Лесгафта и на Высших женских историко-литературных курсах Н. П. Раева.

[52] РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 6. № 16. Л. 93 (протокол; машинопись). Тезисы — на л. 94–94 об. (автограф), 95 (машинопись).

[53] Говоря об истоках этой темы в научном наследии Гудзия, нельзя обойти вниманием работу руководимых им семинариев по русскому символизму и русской литературе начала XX века, участниками которых были его воспитанники, студенты 2-го МГУ (хронологически их непродолжительная, но, несомненно, плодотворная деятельность была ограничена учебным университетским годом — с сентября 1923 года по июнь 1924 года). Прозвучавшие на заседаниях доклады (более 20) были посвящены творчеству Валерия Брюсова, Вячеслава Иванова, Андрея Белого, Федора Сологуба, Александра Блока, Михаила Кузмина, Иннокентия Анненского и Константина Бальмонта. Именно в организации этих семинариев, помимо многолетней работы ученого в ГАХН, следует видеть истоки интереса Гудзия к истории русского символизма и первый этап многолетней деятельности по ее изучению. См. протоколы заседаний и списки участников: РГБ. Ф. 731. Разд. I. Карт. 10. № 5.

[54] *Гудзий Н. К.* Из истории раннего русского символизма (Московские сборники «Русские символисты») // Искусство. 1927. Т. 3. Кн. 4. С. 180–218.

[55] Важнейшие, этапные для изучения истории русского символизма издания, выход которых к апрелю 1926 года был еще впереди, — «Письма В. Я. Брюсова к П. П. Перцову. 1894–1896 гг. (К истории раннего символизма)» (М., 1927) и «Литературные воспоминания» Перцова (М.; Л., 1933). Частично материалы обеих книг были известны Гудзию до их публикации благодаря доброму расположению автора. Кроме того, письма, составившие первое издание, в 1924–1926 годах появлялись в периодике — в вечернем выпуске «Красной газеты», журналах «Русский современник» и «Печать и революция» (*Перцов П. П.* Литературные воспоминания / Вступ. статья, сост., подг. текста и комм. А. В. Лаврова. М., 2002. С. 7). Следует также принять во внимание, что за три месяца до выступления Гудзия, 15 и 29 января 1926 года, на заседаниях Подсекции истории русской литературы прозвучали доклады Перцова «Ранний русский символизм» и «Московский символизм 90-х (по письмам В. Брюсова и личным воспоминаниям)». В частности, в первом из них он коснулся творчества Н. М. Минского, Д. С. Мережковского, К. Д. Бальмонта, В. Я. Брюсова, кружка журнала «Северный вестник», а также связи поэзии К. М. Фофанова и В. С. Соловьева с истоками раннего русского символизма. Гудзий присутство-

Работа Гудзия предназначалась для редактировавшегося им сборника «Ранний русский символизм» (об истории которого мы упомянули в первой части настоящей статьи) в его изначальном составе, включавшем статьи Л. Я. Гуревич, С. Н. Дурылина, В. Ф. Саводника, Ю. Н. Верховского и статью Гудзия «Московские сборники „Русские символисты“». Позднее, в 1928 году, ее место займет монографическая статья «Тютчев в поэтической культуре русского символизма», которая также будет опубликована спустя несколько лет в совершенно другом издании (о чем мы скажем подробно в свое время); статьи Саводника и Верховского будут вовсе исключены из книги и заменены новыми, написанными А. А. Штейнберг, Б. В. Михайловским и Н. Г. Булычевым.[56] В редакторском предисловии к рукописи раннего ее варианта (недатированном, но явно относящемся к осени 1926 года) Гудзий подчеркивал, что в 1925/1926 академическом году «подсекция в плане своих занятий на первом месте поставила изучение русского символизма», и сборник был задуман как первый в серии подобных изданий («Дальнейшие этапы изучаемой школы найдут себе освещение в последующих сборниках, подготовляемых к печати»).[57] В конце ноября 1928 года Гудзий отправил П. Н. Сакулину (руководившему ЛС ГАХН с марта 1926 года по январь 1929 года) окончательную рукопись. В сопроводительном письме, датированном 27 ноября, нашли свое отражение существенные изменения в содержании и в концепции сборника: «Дорогой Павел Никитич. Передаю Вам сборник по символизму. В нем 6 статей объемом около 12 листов. Статьи эти в совокупности представляют собой нечто стройное и, кроме работы Булычева, которую, в случае недостатка места (в крайнем случае), можно опустить, — затрагивают не частные, а более или менее основные вопросы истории русск<ого> символизма. Моя статья касается вопроса русской традиции в символизме в лице наиболее определительного в этом отношении поэта — Тютчева, статья Дурылина — характернейшего представителя западн<ого> символизма — Бодлера, также — по другой линии — теснейше связанного с нашим символизмом. Статьи Л. Я. Гуревич (о «Сев<ерном> Вестн<ике>») и Штейнберг (о «Весах») разрабатывают насущную проблему изучения символистической журналистики в начальной ее стадии и в стадии расцвета и перерождения. Статья Михайловского — очень интересная по замыслу и исполнению — посвящена теоретическим проблемам символизма. Она в значительной мере опирается на работы Вальцеля и задумана в плане социологической разработки темы (автор не успел ее к сегодняшнему дню целиком переписать и вторую половину работы доставит дня через два-три). Наконец, статья Булычева на частном вопросе пытается также разрешить некоторые проблемы символистической теории искусства и критики и т<аким> обр<азом> в известной мере примыкает к работе Михайловского, тем более, что попутно в ней идет речь и о главных основоположниках теории символизма — Вяч. Иванове и А. Белом. Статьи мной тщательно проредактированы. В частности, статья Дурылина носит строго описательный характер (она не переписана на машинке, но написана очень разборчиво и наборщика не затруднит). Предисловие к сборнику мной в ближайшее время будет написано. В нем будет мной дана и социологическая

вал на обоих заседаниях и высказал немало существенных замечаний (РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 6. № 36. Л. 25–27, 29–30).

[56] *Нефедьев Г. В.* К истории русского символизма: С. Н. Дурылин о Ш. Бодлере // Книгоиздательство «Мусагет»: История. Мифы. Результаты: материалы и исследования. М., 2014. С. 257; *Павлова М. М., Богомолов Н. А.* Из воспоминаний Л. Я. Гуревич о журнале «Северный вестник». Статья первая // Литературный факт. 2021. № 1 (19). С. 12–13; *Фролов М. А.* Н. К. Гудзий в Государственной Академии Художественных Наук: к истории сотрудничества. Часть 1: 7 мая 1923 года — 28 мая 1924 года. С. 34.

[57] РГБ. Ф. 731. Разд. I. Карт. 1. № 8. Л. 1–1 об.

установка к печатающимся статьям».[58] Это письмо относится к наиболее трудному этапу в печатной судьбе сборника, закончившемуся полным крушением надежд на его выход в свет.[59]

О фундаментальном характере и задаче развернутой в ГАХН коллективной научной работы, «хорошо определяемой временем», справедливо писали М. М. Павлова и Н. А. Богомолов: «...собрать материалы и по возможности создать историю русского символизма, значение которого осознавалось как чрезвычайно важное для всей русской литературы XX в., и в то же время его основные деятели или были еще живы, или совсем недавно ушли из жизни, оставив обширные архивы».[60]

Мы ограничимся публикацией тезисов, оставив читателю возможность самостоятельно проследить, как автором были раскрыты в статье основные положения, намеченные в докладе. За столетие без малого, прошедшее с момента упомянутого заседания, литература о русском символизме, биографии и наследии Брюсова, об истории издания сборников «Русские символисты» пополнилась очень многими важными исследованиями. Подробный рассказ, восстанавливающий историографию вопроса, не представляется нам продуктивным — приведенные в тезисах сведения и лаконично сформулированные выводы многократно документально подкреплены и уточнены. Главное, что нам хотелось бы особенно отметить, — работа Гудзия была для своего времени новаторской по теме и по широте привлеченного круга источников. Впоследствии фактическая часть исследования уточнялась вводимыми в научный оборот документами, а его аналитическая часть послужила первоисточником для постановки новых проблем в рамках обозначенной темы, стимулируя интерес исследователей.[61]

<Первые шаги московского символизма (сборники «Русские символисты» 1894–1895 гг.)>

1. Появление в свет сборников «Русские символисты» подготовлено было пробудившимся в <18>90<-е> гг. в русской литературе интересом к символизму и декадентству, с одной стороны, постепенным высвобождением русской поэзии от общественных и политических тенденций — с другой.

2. В культуре раннего символизма на русской почве заметную роль сыграло творчество В. Соловьева, Минского, Мережковского, З. Гиппиус, а также литературная позиция «Северного Вестника». Кроме того, имели значение появившиеся в ряде журналов переводы, гл<авным> обр<азом>, из французских символистов, и статьи, знакомившие с западными поэтами-символистами.

---

[58] Там же. Карт. 14. № 12. Л. 1–1 об.

[59] Это можно проследить и по письмам Гудзия Дурылину, относящимся к началу 1929 года. Процитируем самое важное из них, датированное 18 марта: «Академия наша сейчас переживает очень острый момент. На нее обильные нападки в печати, обвинения в <...> реакционности, в отсутствии марксистского ядра. Назначено обследование, в результате которого последует реорганизация учреждения <...> Сейчас идет усиленная ревизия на всем культурном фронте, в том числе и в университетах <...> В частности наш сборник о символизме — не знаю когда увидит свет, хоть он давно уже предназначен для печатания и ждет лишь отправки в типографию» (*Нефедьев Г. В.* К истории русского символизма: С. Н. Дурылин о Ш. Бодлере. С. 257).

[60] *Павлова М. М., Богомолов Н. А.* Из воспоминаний Л. Я. Гуревич о журнале «Северный вестник». Статья первая. С. 12.

[61] См., в частности, статьи, напрямую связанные с темой работы Гудзия: *Тяпков С. Н.* К истории первых изданий русских символистов (В. Брюсов и А. Емельянов-Коханский) // Русская литература. 1979. № 1. С. 143–152; *Иванова Е., Щербаков Р.* Альманах В. Брюсова «Русские символисты» — судьбы участников // Блоковский сборник. Тарту, 2000. Вып. XV: Русский символизм в литературном контексте рубежа XIX–XX вв. С. 33–75; *Гужиева Н. В.* «Русские символисты» — литературно-книжный манифест модернизма // Русская литература. 2000. № 2. С. 64–80; Переписка В. Я. Брюсова с Н. Н. Бахтиным (Н. Новичем) / Вступ. статья, подг. текста и комм. Е. В. Ивановой и Р. Л. Щербакова // Русская литература. 2004. № 4. С. 155–183.

3. Существо русского символизма, как он окончательно себя у нас обнаружил, в значительной степени разнится от того литературного направления, которое принято называть символизмом в применении к Западу. Западный символизм, особенно французский, по существу, скорее может быть назван декадентством. Наиболее последовательным нашим ранним декадентом явился А. Добролюбов, принципиально же символическую позицию заняли Вл. Соловьев, Минский, Мережковский.

4. Сборники «Русские символисты» явились попыткой привить русской поэзии западные формы декадентства.[62] Поэтическая практика «Русских символистов», однако, эклектична. Наряду с подражанием крайним образцам «новой» поэзии (Маллармэ, Метерлинк), мы наблюдаем в этих сборниках и продолжение традиций русских поэтов школы чистого искусства и связь с лирикой Гейне.[63]

5. Сопровождающие «Русских символистов» предисловия Брюсова и ряд его ненапечатанных статей, замет<ок> и писем дают любопытную картину теоретической эволюции на протяжении 2-х лет главы раннего московского символизма, точнее декадентства. От взгляда на символическую школу, как на равноправную в ряду других, Брюсов постепенно переходит к утверждению абсолютного превосходства и даже исключительности символического искусства («Эдг. Поэ, как поэт, выше Шекспира»). В определении существа символизма для Брюсова неизменно определяющим моментом является художественный прием, а не содержание.

6. Брюсов явился не только фактическим редактором сборников, широко осуществлявшим свои редакторские права, но и автором большей части напечатанного материала. Ознакомление с архивом Брюсова дает любопытную картину тех многочисленных исправлений и переделок, которые он допускал в помещенных в сборниках стихах других авторов. В ряде случаев мы имеем дело с такими «исправлениями», которые могут характеризоваться почти как самостоятельное творчество Брюсова.

7. Некоторые имена, которыми подписаны стихи в «Русских символистах», вымышлены. Это искусно скрытые псевдонимы самого Брюсова. В этом убеждает ознакомление с черновыми тетрадями Брюсова, дающими материал для раскрытия упорных мистификаций, к которым любил прибегать Брюсов.

8. Появление «Русских символистов» вызвало обильную критическую литературу, характеризующую собой то эстетическое окружение, в котором

---

[62] Далеко не случайно и закономерно появление приблизительно в это же время такой темы в ряду прозвучавших на заседаниях ЛС докладов, как «Валерий Брюсов и французский символизм» — ей посвятил свое выступление 11 июня 1926 года (несостоявшаяся публикация которого предполагалась в сборнике «Ранний русский символизм») В. Ф. Саводник: «Ситуация в русской литературе в середине 90-х годов имела мало общего с ходом развития литературы французской; поэтому перенос к нам французского символизма был в значительной мере делом механического подражания, а не органического роста. Характер дарования самого Брюсова соответствовал принятой им на себя задаче — стать проводником символизма в русской литературе». Протокол заседания зафиксировал и очень важное замечание Гудзия, обращенное к докладчику: «Брюсов подлинным символистом не был. В первые годы своей деятельности он был декадентом, а позднее стал парнасцем <...> Весьма показательно, что Брюсов только в одной его статье „Ключи тайн“ касается идейной стороны символизма, а впоследствии он никогда глубин символизма не раскрывал. Влияние на него французского символизма было чисто формальное. И вообще неясно, были ли французские символисты настоящими символистами в том значении этого слова, в каком его понимают у нас, ибо у них не замечается тенденции вскрыть ноуменальную суть вещей, которая так ярко проявляется, напр<имер>, у Блока и Андрея Белого. Даже Верлен был декадент, а не типический символист» (РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 6. № 36. Л. 53а–54).

[63] Вслед за Брюсовым Н. В. Гужиева в своей статье напоминает о «двух отрицающе разных источниках юношеского вдохновения» поэта — о «французском модернизме» и «отечественной традиционной лирике» (*Гужиева Н. В.* «Русские символисты» — литературно-книжный манифест модернизма. С. 65).

очутилось наше раннее декадентство.[64] Эта литература существенно важна и для утверждения тезиса о декадентской преимущественно стихии в раннем московском символизме.

23/IV 26. Ник. Гудзий[65]

* * *

История русского символизма, последовательное изучение которой на богатом архивном и печатном материале Гудзий продолжал многие годы, закономерно привела его к задаче определения основных особенностей поэтики символизма, важнейших предпосылок и почвы для ее формирования. Двигаясь в этом направлении, он вернулся к своим изысканиям, начатым в 1923–1924 годах, когда на заседаниях ЛС прозвучали его первые два доклада о Тютчеве. Во втором из них — «Тютчев и немецкий романтизм» (отметим в скобках, что ему предшествовала монография Ю. Н. Тынянова «Тютчев и Гейне» (1922), в которой также затрагивался этот сюжет) — содержится упоминание о работе над темой, реализованной в комментируемом нами докладе и впоследствии в обширном монографическом исследовании «Тютчев в поэтической культуре русского символизма», законченном в сентябре 1928 года и напечатанном в 1930 году. По собственному признанию автора, «попытка разрешить поставленный в заглавии вопрос является частью более общей задачи — изучения русской художественной традиции в поэтической культуре русского символизма или, пожалуй, задачи еще более широкой — уяснения роли русской духовной традиции в судьбах русского символизма вообще».[66] Этой же теме были посвящены и некоторые выступления коллег Гудзия в ГАХН; назовем доклады, предшествующие по времени публикуемому нами ниже докладу — «Баратынский и символизм» Г. О. Винокура (5 июня 1925 года)[67] и «Жуковский и символизм» С. М. Соловьева (8 октября 1926 года).[68]

Напомним, что Г. И. Чулков еще в 1904 году назвал Тютчева «первым русским символистом», открывающим «в мировом хаосе до него неведомые тайны»,[69] а В. М. Жирмунский спустя десять лет высказался несколько более подробно о «родословной» русского символизма: «От Тютчева через Фета и Вл. Соловьева <...> струя романтической лирики подготовляет наступление символизма».[70] Таким образом, важность изучения поставленной в работе

[64] Ср.: «До сих пор не отменены обвинения в дурной субъективности и эстетстве со стороны первых читателей, оказавшихся не готовыми к восприятию колоссальной литературной реформы Брюсова, подхваченные затем критикой, дисциплинарно подчинившейся идеологическим предписаниям о декадентстве как разложении культуры буржуа. Наиболее благоприятные для объективных оценок 1900-е годы также не богаты ими» (Там же. С. 64).

[65] РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 2. № 3. Л. 210–211 об. (автограф), 212–212 об. (машинопись).

[66] *Гудзий Н. К.* Тютчев в поэтической культуре русского символизма // Известия по русскому языку и словесности АН СССР. 1930. Т. III. Кн. 2. С. 465.

[67] *Саливетти К.* О статье Винокура «Баратынский и символисты» // Russica Romana. 1994. Vol. 1. P. 121–128; *Винокур Г. О.* Баратынский и символисты / Публ. и прим. К. Саливетти // Ibid. P. 129–156. За указание на эту публикацию, как и за другие важные советы и замечания, которые позволили сделать предлагаемую вниманию читателей работу полнее и интереснее, мы сердечно признательны А. В. Лаврову.

[68] Протокол заседания и тезисы доклада см.: РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 6. № 47. Л. 3–5.

[69] *Чулков Г.* Светлеют дали // Весы. 1904. № 3. С. 16.

[70] *Жирмунский В.* Немецкий романтизм и современная мистика. СПб., 1914. С. 197. Гудзию были хорошо известны эти оценки, как и еще одна, принципиально важная и принадлежащая Вячеславу Иванову — «подлинный родоначальник нашего истинного символизма» (*Иванов Вяч.* Заветы символизма // Аполлон. 1910. № 8. С. 13). В статье Гудзий упомянул и работу еще одного своего предшественника, в которой были приведены отзывы о Тютчеве некоторых

Гудзия во всей полноте научной проблемы была обозначена еще в начале века. Логичным и последовательным результатом большой предварительной работы стало выступление Гудзия 20 мая 1927 года на заседании Подсекции истории русской литературы с докладом «Тютчев в русском символизме».[71] Вот его тезисы:

1. Ряд поэтов, виднейших участников символистической школы (В. Иванов, Блок, Чулков и др.) утверждают органическую связь русского символизма не с западными течениями, а с русскими литературными традициями. Это утверждение обязывает к установлению связи русского символизма с предшествующей русской поэзией, в первую очередь с Тютчевым.

2. Большое влияние Тютчева на поэтов-символистов подтверждается: 1) личными признаниями поэтов, 2) значительным вниманием, которое они уделяли в своих критических высказываниях и посвященных им историко-литературных работах, 3) анализом поэтической продукции символистов.

3. Крупная роль популяризации Тютчева принадлежит Вл. Соловьеву, впервые наиболее глубоко интерпретировавшему философский смысл творчества Тютчева и испытавшему его влияние как поэта.

4. Наиболее сильное воздействие Тютчев оказал на творчество Коневского, Вяч. Иванова, Балтрушайтиса, Брюсова. Воздействие Тютчева испытали в большей или меньшей мере Мережковский, З. Гиппиус, Блок, Вл. Гиппиус, Чулков, Верховский, Волошин, С. Соловьев, Диесперов, Кречетов и др.

5. Культ Тютчева, характерный для поэтов символистов, распространил его влияние и за пределы символизма в его обычном персональном приурочивании. Следы Тютчевского влияния ощутимы в лирике Ходасевича, Мандельштама, Ахматовой и др.[72]

Протокол заседания отразил дискуссию и заключительное слово докладчика весьма полно. Отметим на редкость содержательное выступление Усова, который, указав Гудзию на ближайшие возможные исследовательские перспективы его труда, вполне справедливо назвал представленный ученым доклад «программой исследования тютчевского влияния в русском символизме», добавим от себя — полностью и успешно реализованной спустя три года «программой». Сопоставляя тезисы доклада с монографической статьей Гудзия, мы находим этому множество доказательств, равно как и тому, что масштаб и уровень воплощения этой программы многократно ее превзошли.

Протокол № 12 заседания п/с истории русской литературы
Литературной секции ГАХН от 20 мая 1927 г.

Присутствовали: А. В. Артюшков, Н. К. Гудзий, В. А. Дынник, М. А. Петровский, И. Л. Поливанов, Д. С. Усов, Г. И. Чулков, Г. А. Шенгели, И. Р. Эйгес.

Приглашенных: 30 чел<овек>

Председатель: М. А. Петровский Ученый секретарь Д. С. Усов

поэтов и критиков-символистов: *Благой Д.* Тютчев, его критики и читатели // Тютчевский сборник (1873–1923). Пг., 1923. С. 63–105.

[71] Летом 1928 года, когда работа над статьей по материалам доклада близилась к завершению, С. Н. Дурылин в письме к Гудзию сообщал: «Очень интересуюсь Вашей статьей о Тютчеве и символистах. Учеником Т<ютче>ва признавал себя Вяч. Иванов, а <В. В.> Бородаевский («Уединенный дол», «Мусагет») даже писал о нем книгу для „Пути“. Белый бесподобно читал „Часов однообразный бой“» (РГБ. Ф. 731. Разд. I. Карт. 24. № 28. Л. 2; открытка, отправленная из Томска 9 июля 1928 года).

[72] РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 6. № 47. Л. 41. Машинопись.

<...>
Заслушано 3. Доклад Н. К. Гудзия.

Тютчев в русском символизме
Прения по докладу

Г. И. Чулков отмечает, что в докладе многое остается неразвитым. Так как докладчик выходит за пределы чисто литературные — оппонент напоминает один эпизод 1913 г.: после лекции Мережковского о Тютчеве произошло столкновение его с Ф. Сологубом; оно привело к обмену письмами, которые потом попали в печать. Эта переписка очень важна для темы доклада.[73]

Д. С. Усов находит, что доклад поставлен слишком общо, являя, в сущности не более, как программу, по которой двинется дальнейшее исследование тютчевского влияния в русском символизме. Доклад дает не «принципиальную точку зрения», как утверждает докладчик, а только некоторые точки соприкосновения. Не удовлетворяет само построение доклада: может быть, лучше было не провести исследование по портретной галерее русских символистов, больших и малых, а сгруппировать материал вокруг таких основных устоев, как «Высказывания символистов о Тютчеве», «Тютчевская тематика в символизме», «Отражение Тютчевского словаря у символистов» и т. д. Тогда исследование тютчевской традиции приняло бы отчетливые очертания.[74] Сейчас возможны лишь фактические дополнения к данному <докладу> или указания фактических недочетов. Не все текстуальные сближения убедительны. Так, бездоказательно сближение брюсовского «Все каменней ступени» с тютчевским «все лазурней», не доказано воздействие ритмики «Последней любви» на ритмику «Вечеровых песен». У Балтрушайтиса пропущено такое тютчевское стихотворение, как «Тишь... Безмолвие лесное». Из разновременных мелких поэтов символизма — которых желательно вообще привлечь более широко — надо упомянуть Софию Парнок, в лирике которой очень сильна тютчевская струя, и В. К. Шилейко с его стилизующим стихотворением «В манере Тютчева»: «Кругом не молкнет птичий голос, а посмотри — какая синь...».[75] Вообще же, плодотворнее было бы ограничение периода символизма, изучаемого в отношении тютчевского влияния.

И. Р. Эйгес выдвигает вопрос, было ли влияние Тютчева на символистов влиянием словарным или влиянием символического мироощущения. Возможно установить троякое воздействие: 1) воспитание мифического мироощущения, 2) влияние символической поэзии или 3) независимое влияние Тютчева на поэтов.[76] Влияние может идти в трех направлениях: аллегория,

---

[73] Дата указана Чулковым не совсем точно (этот эпизод имел место в январе–феврале 1914 года), см. о нем, в частности: *Клейнборт Л. М.* Встречи. Федор Сологуб / Публ. М. М. Павловой // Русская литература. 2003. № 2. С. 110, 118–119.

[74] Композиция статьи Гудзия в результате не претерпела существенных изменений по сравнению с принципами построения доклада. В ее основе — «портретная галерея» символистов (Мережковский, Льдов, Коневской, Брюсов, Вяч. Иванов, Балтрушайтис, Блок, Вл. Гиппиус, Диесперов, Чулков, Верховский, С. М. Соловьев, Волошин, С. Кречетов), а внутри главок или абзацев (часто в несколько строк), посвященных творчеству каждого из них, анализируемый материал распределен по проблемам: тематика и образность, приемы и формы их словесного воплощения, эпитеты, метрика, инструментовка и др. Вместе с тем почти в каждой главе Гудзий, как к тому призывал Усов, останавливается и на высказываниях того или иного поэта о Тютчеве, и на отражении в его творчестве словаря и тематики Тютчева, и на других, близких к ним проблемах.

[75] Этот стихотворный пример Гудзий в свою статью не включил и творчества упомянутых Усовым и Эйгесом поэтов в ней не коснулся.

[76] На эту тему Гудзий сделал в своей статье специальную оговорку о том, что «усвоение тютчевской традиции в самой поэтической практике поэтов-символистов <...> обнаруживается как в плане тематическом, так и в плане чисто структурном, в заимствовании у Тютчева приемов

символ и миф. Вячеслава Иванова и Коневского следовало бы выделить. Нельзя все символическое в русской поэзии так прямо относить к Тютчеву. До него сильно влиял Жуковский, возможно — воспитавший символику Тютчева. Вл. Соловьев и Блок решительно связываются более с Жуковским, чем с Тютчевым. По линии словесного воздействия можно было сделать более определенную группировку. По поводу отдельных поэтических примеров надо заметить, что Мережковский является аллегористом, Сологуб напрасно отведен с такою решительностью — магия ночи в его лирике могла все же питаться Тютчевым. Очень удачно помянут Льдов. В ряде посредников между Тютчевым и символизмом следует упомянуть Голенищева-Кутузова.

П. А. Журов присоединяется к предыдущим оппонентам в оценке доклада. Доклад имеет первоначальный обзорный характер. В нем отсутствует интереснейшее различие традиций формальной и мифологической. Предлагается ряд высказываний символистов о Тютчеве, дается богатая россыпь поэтических созвучий. Но докладчик мало касается совпадений в основном мирочувствии. Одна из основных граней тютчевской поэзии — «порог двойного бытия», ее разделяют с ним поэты-символисты. Тема вечной женственности также намечена у Тютчева — стих «День вечереет». В основном миропонимании Блок, символисты и Тютчев, их родоначальник, разделяют один общий путь. В этом смысле к Тютчеву всего ближе Вячеслав Иванов. Мало уделено внимания Белому.

Л. П. Семенов: в докладе, несомненно, есть известная, хотя и намеренная — беглость и программность. Перед нами в сжатом виде план дальнейшего исследования. Сообщенные примеры в большем числе убедительны. В виде итога желательны указания на значение формальной, особенно *звуковой* стороны тютчевской лирики для символистов. В докладе ценны 1) широкий подход вплотную к теме, пересмотр вопроса, 2) указание того значения, какое имели *русские* истоки нашего символизма.[77]

М. А. Петровский: подход докладчика — широкий, но не «вплотную». Докладчик поставил перед собою слишком огромную задачу. Это материал для целой книги. Доклад должен быть принят как программа и вступление к соответственному исследованию.

Д. С. Усовым уже отмечено, что не все сближения одинаково убедительны. Совершенно неожиданно сравнение стихотворения Брюсова «Холод ночи; смерзлись тучи» с тютчевским «Зима не даром злится». Брюсовская строка «Все каменней ступени» могла быть связана с неологизмами в самой школе символистов.

Путь построения работы уже указан Д. С. Усовым. Исследование надо строить, не развертывая галерею поэтов — что легче, сколько развертывая ряд проблем — синтаксис, лексику, фонику Тютчева.

Удивляет, что докладчик легко отстранил Ф. Сологуба. В нем, м<ожет> б<ыть> чище, чем в ком-либо другом, течет источник тютчевских вдохновений. Также и для Андрея Белого Тютчев обладал впечатляющей силой.

Из поэтов меньших напрасно пропущен Юрий Сидоров. Очень существенно замечание по поводу промежуточных поэтов: здесь необходимо дифференцировать влияние (Фет и Тютчев); надо различать органическое воздействие

и форм словесного воплощения». Но еще более значительна, по его мнению, иная форма — «органическое приобщение к глубинам тютчевского космического мироощущения, свидетельствующее о некоей конгениальности с Тютчевым тех поэтов, которые так близко с ним соприкоснулись» (*Гудзий Н. К.* Тютчев в поэтической культуре русского символизма. С. 548).

[77] Ср. в статье Гудзия: «...поэты-символисты склонны были видеть источник русского символизма не в западной традиции, как обыкновенно принято было думать, а именно в творчестве Тютчева» (Там же).

и стилизацию. Под таким углом зрения многие обследуемые явления нашли бы себе место либо здесь, либо там. В отношении стилизаторов — кроме отдельного небольшого примера Шилейко — должен быть назван Брюсов. Диесперов относится к области органического воздействия. Вячеслав Иванов в этом отношении для оппонентов проблематичен.

Для разработки трудного вопроса о влиянии мы, вообще, еще не достаточно знаем поэтику Тютчева. Мы еще слишком многое считаем архаизмом и оживленной этимологией — напр<имер>, эпитет «баснословный».

Обследовав влияние Тютчева на символизм, мы сможем возвратиться к поэту и «отраженно» будем строить его поэтику. Можно предложить такой метод для исследования влияний: читать Тютчева и узнавать в нем позднейших поэтов. Аналогично тому, как в музыке, разбирая творчество Бетховена, видишь, из какой пьесы вышли Мендельсон, Шуман и т. д. В этом смысле очень удачен был опыт с Ахматовой, выходящей за пределы символизма. Но это путь усложнений и требующий большого знания *разных поэтов*.

Работа Н. К. Гудзия побуждает желание идти дальше в исследовании влияния Тютчева на русский символизм.

Н. К. Гудзий: существует два метода докладов 1) <по>дача конкретного исследования на небольшом материале, 2) предварительное сообщение — когда приступающий к большой работе делится мыслями по поводу своей работы; этим путем и хотел идти докладчик; при том свои наблюдения он доложил *частично*.

Сделанное Д. С. Усовым и другими оппонентами предложение иной группировки докладчик принимает; основные черты тютчевской поэтики им уже исследованы.

Замечание И. Р. Эйгеса о влиянии мифологемы Тютчева и о влиянии его фоники на символистов надо будет учесть. Влияние же Жуковского, конечно, не могло быть объято данною работой. П. А. Журову докладчик отвечает, что в Блоке Тютчева найти трудно. Формальное обследование не производилось потому, что это значительно увеличило бы объем доклада. Последнее является также ответом Л. П. Семенову.

Докладчик не соглашается с утверждением М. А. Петровского об органическом воздействии Тютчева на Сологуба и Ю. Сидорова. Вяч. Иванов — великолепный стилизатор, прежде всего; он совершенно лишен той подлинной наивности, которая есть у Коневского и Балтрушайтиса.[78]

* * *

Осенью 1927 года ЛС избрала в качестве одной из «стержневых» плановых тем своей работы на ближайшие два академических года биографию и творчество Л. Н. Толстого, столетие со дня рождения которого планировалось отметить в сентябре 1928 года. В круг проблем, намеченных к изучению, входили: литературные связи, творческая история, мотивы и композиция произведений писателя, эволюция его мысли и литературно-критических взглядов.[79] Разумеется, одним из первых в эту работу включился Гудзий. Ниже мы печатаем тексты двух его докладов, посвященных Толстому, — двух его последних заметных выступлений в ГАХН.

18 ноября 1927 года на заседании Подсекции истории русской литературы прозвучал доклад Гудзия «Толстой и Лесков». Одноименная статья увидела свет в начале следующего, 1928 года, в журнале «Искусство», став первой

[78] РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 6. № 47. Л. 39–40 об. Машинопись.
[79] Там же. № 74. Л. 9, 50.

в ряду работ ученого, посвященных Толстому, и обозначив эту центральную (на три с половиной десятилетия вперед) тему его исследований. Как мы уже упоминали, весной 1924 года Гудзий подготовил статью под тем же названием, но публикация ее тогда не состоялась. Таким образом, доклад в ГАХН стал вторым этапом в изучении темы «Толстой и Лесков».

Первенство в постановке этого вопроса Гудзий разделил со своим младшим коллегой, уже в 1920-е годы сделавшим значительные открытия в лескововедении. С. П. Шестерикову, еще в 1927 году напечатавшему одно из писем Толстого Лескову (от 7 октября 1894 года),[80] возможно, были неизвестны и доклад, и статья Гудзия, как и Гудзию, в свою очередь — публикация Шестерикова, во всяком случае — на момент их появления. Ближе к концу 1928 года увидели свет еще две его работы — «Толстовские материалы из архива Н. С. Лескова» и обширная подборка писем Лескова к Толстому, в которых молодой исследователь ввел в научный оборот значительный корпус материалов по этой теме.[81] По-видимому, в силу объективных обстоятельств учесть открытое коллегой и внести какие-либо принципиальные изменения в свои работы, находившиеся в печати, оказалось для обоих исследователей невозможным. Но об этом не могли не знать присутствовавшие на заседании Н. Н. Апостолов, зачитавший письмо Толстого, и Н. Н. Гусев, один из редакторов сборника, где появилась первая из упомянутых нами публикаций — на заседании он осторожно упоминает октябрьское письмо Толстого Лескову 1894 года как еще не напечатанное.[82] Шестериков в сопровождающей текст письма вводной заметке указал на ставшие известными в 1891, 1911 и 1913 годах пять писем Толстого к Лескову. Гудзий счел необходимым в своей статье 1928 года, основой для которой послужил доклад, отметить библиографический труд Шестерикова «К библиографии сочинений Н. С. Лескова» (1925), зафиксировавший все печатные выступления Лескова, связанные с Толстым (как подписанные самим автором, так и впервые атрибутированные составителем). Все перечисленные выше работы практически исчерпывают круг материалов по теме «Толстой и Лесков», известных к концу 1920-х годов.

Тезисы доклада Гудзия, которые мы приводим ниже полностью, как и протокол заседания, достаточно подробно отразили и содержание доклада, и последующее его обсуждение. Выступление Л. Я. Гуревич ценно не только как фактическое уточнение, но и как важное мемуарное свидетельство. Скажем несколько слов о самом эпизоде, комментируемом ею. В 1890–1891 годах в переводах английского ученого и журналиста, специального корреспондента «Daily Telegraph» в Петербурге Эмилия Диллона вышли в свет «Крейцерова соната», «Ходите в свет, пока есть свет», «Семейное счастье», «Плоды просвещения». Диллон состоял в переписке с Толстым еще в 1880-е годы, но никаких документальных свидетельств за этот период не сохранилось. Упомянутый Гуревич эпизод связан с обстоятельствами издания перевода запрещенной цензурой статьи Толстого «О голоде», выполненного Диллоном по гранкам, предоставленным ему П. А. Гайдебуровым с одобрения автора. Перевод был напечатан в «Daily Telegraph» в январе 1892 года в нескольких номерах в виде отдельных «писем» под общим названием «Почему русские крестьяне голодают?». Вскоре

---

[80] Письмо Л. Н. Толстого к Н. С. Лескову (Из архива Н. С. Лескова) / Вводная заметка С. Шестерикова // Толстой и о Толстом: Новые материалы. М., 1928. Сб. 4. С. 11–13.

[81] Письма Н. С. Лескова / Ред. и вступ. заметка С. П. Шестерикова // Письма Толстого и к Толстому. М.; Л., 1928. С. 60–189; Толстовские материалы из архива Н. С. Лескова / С комм. С. П. Шестерикова // Лев Николаевич Толстой: Юбилейный сб. / Собрал и редактировал Н. Н. Гусев. М.; Л., 1928 [на обл.: 1929]. С. 321–331.

[82] Более того, не следует забывать, что Апостолов посвятил специальную главу в своей книге «Лев Толстой и его спутники» (М., 1928) взаимоотношениям двух писателей.

в газете «Московские ведомости» появилась передовая статья, где на основе обратного неточного перевода текста Толстого с английского делался вывод о том, что «письма графа Толстого являются открытою пропагандой к ниспровержению всего существующего во всем мире социального и экономического строя». С. А. Толстая подготовила опровержение в форме «Письма к издателю», заявив, что ни она, ни сам Толстой никаких материалов в иностранные издания не посылали, а опубликованные на страницах «Московских ведомостей» фрагменты охарактеризовала как «до неузнаваемости искаженные выдержки из статьи Льва Николаевича, предназначавшейся для журнала „Вопросы психологии и философии“». Опровержение опубликовано не было, но о содержании его было доведено до сведения Диллона в телеграмме, отправленной ему редакцией «Daily Telegaph». Журналист приехал в Бегичевку с письмом В. С. Соловьева, поддержавшим его. В присутствии Диллона Толстой составил письмо, ему же и адресованное, где разъяснил возникшее недоразумение, полностью сняв вину с него и возложив ее целиком и полностью на редакцию «Московских ведомостей» — именно там 12 марта Диллон и опубликовал его.[83]

<Толстой и Лесков>

1. Тяготение Лескова к Толстому начинается с 80-х гг., еще до их знакомства. Оно обнаруживается в ряде газетных статей, написанных Лесковым о Толстом в сочувственном духе.

2. Непосредственно <вслед> за знакомством обоих писателей в 1887 г. начинается их оживленная переписка, особенно интенсивная со стороны Лескова. Она тянется почти вплоть до смерти Лескова. За это время Лесковым было написано Толстому до 50-ти писем, доныне неопубликованных и хранящихся в рукописном отделении Ленинской библиотеки.

3. В этой переписке находим ряд ценных указаний, касающихся процесса создания произведений Лескова и в еще большей мере — материалы для уяснения духовной эволюции Лескова, обусловленной сильным влиянием на него Толстого.

4. Толстой не однажды высказывался о Лескове как о человеке и естественно как о писателе. Несмотря на противоречивость последних высказываний, все же очевидно, что Толстой высоко расценивал художественный талант Лескова.

5. Несмотря на подавляющее влияние на Лескова личности и проповеди Толстого, Лесков умел проявлять критическое отношение, как к самому Толстому, так и к его последователям. Органическая разница в подходе к сходным проблемам между Толстым и Лесковым хорошо уясняется на сравнении «Крейцеровой сонаты» Толстого и очерка Лескова «По поводу „Крейцеровой сонаты“».[84]

Протокол № 4
Заседания Подсекции истории русской литературы Литературной секции от 18 ноября 1927 г.

Присутствовали: Н. К. Гудзий, Л. Я. Гуревич, Л. П. Гроссман, Н. Н. Лямин, М. А. Петровский, И. Л. Поливанов, И. Н. Розанов и мн. др., всего 65 человек. <...>

Открыл заседание П. Н. Сакулин. После перерыва (объявленного во время чтения доклада) председательство принял М. А. Петровский, обязанности секретаря исполнял Ю. Г. Перель.

---

[83] См.: *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч.: В 90 т. М., 1953. Т. 66. Письма 1891 (июль–декабрь) — 1893. С. 125–126, 144–146.

[84] РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 6. № 59. Л. 15. Машинопись.

В заседании происходило следующее:

Н. К. Гудзий прочел (с перерывом) доклад на тему «Толстой и Лесков» (тезисы прилагаются)

В прениях по докладу:

Л. Я. Гуревич сообщает фактическую поправку к сообщению (приведенному докладчиком) о коллизии, возникшей в 1892 г. между Толстым и журналистом Диллоном после известной статьи «Московских ведомостей». 27/VIII 1892 г. оппонентка, перед своим отъездом в Ясную Поляну, виделась с Лесковым, который в разговоре с ней упомянул о своем нервозном состоянии в связи с действиями Толстого, направленными к его реабилитации. Лесков просил Л. Я. не сообщать Толстому содержание этого разговора. Однако, после приезда оппонентки в Ясную Поляну, Толстой сам заговорил об отношении Лескова к эпизоду с Диллоном и выразился так об этом эпизоде: «Это тяжелая история, которая меня угнетает; опровергнуть письмо я не мог — но я написал Диллону: объяснил ему все и жду ответа». Ответ вскоре был получен (до отъезда Л. Я. из Ясной Поляны). Л. Н. по прочтении его сказал: «Прекрасное письмо, он меня прощает» и заплакал. Далее он говорил, что никогда не забудет откровенного отношения Лескова к нему во время описываемого эпизода и высоко ценит такую откровенность. Подобное указание со стороны Толстого наводит Л. Я. на мысль, что Лесков непосредственно обращался к Л<ьву> Н<иколаеви>чу с письмом, в котором изложил свое отношение к линии поведения, взятой Толстым в отношении всей этой тягостной истории.

Н. Н. Гусев отмечает ценность работы, проделанной докладчиком, и указывает, что переписка Толстого и Лескова сохранилась только частично — за целые годы не сохранилось ни одного письма, уцелевшие письма Толстого к Лескову считаются буквально единицами (есть неопубликованное письмо от 7.X.1894 г.).

Как художники слова, Толстой и Лесков не были близки между собой. Различная писательская манера, специфический стиль, присущий каждому из них — все это не могло их сроднить. Толстой принципиально отвергал художественную обработку народных сюжетов, ставил это в вину <Гете> и Шиллеру и отрицательно относился за это к Лескову.[85] Впоследствии, получив в дар от Эдисона фонограф, Толстой переделал для записи на валике рассказ Лескова, придав ему соответственно и другое название — «Воров сын». И в плане религиозно-философском также не было внутренней близости между Толстым и Лесковым — оба писателя ценили друг в друге крупных людей — и только отдельные черты в отношении Лескова к нему — сравнение его с Филаретом и частое повторение обычных возражений против Толстовского учения — указывает, что в глубинные основы этого учения Лесков не проникал.

По поводу Диллоновского эпизода Н. Н. указывает, что ничего предосудительного, по отношению к Диллону, Толстой не совершил. Писем в английские газеты он не писал. «Московские Ведомости» допустили искажение фактов, а значительная доля ответственности за происшедшее пала на С. А. Толстую.

Вопреки указаниям М. Горького (в его воспоминаниях) Толстой не считал Лескова «вздорным» писателем. Вообще показания Горького на три четверти фантастичны — напр<имер>, он указывает на близкое отношение Толстого к Л. Суллержицкому, тогда как в действительности между ними такого знакомства не было.[86]

---

[85] Ср. ниже, в приведенных фрагментах воспоминаний Горького о Толстом.

[86] Речь идет о мемуарном очерке Горького «Лев Толстой», опубликованном в пяти номерах газеты «Жизнь искусства» в сентябре–октябре 1919 года, а затем включенном в книгу «Воспоминания» (1923). Процитируем упомянутые Гусевым фрагменты очерка: «К Сулержицкому он

Н. Н. Апостолов читает неопубликованное письмо Толстого к Лескову от 7/X 1894 г. — в этом письме Л. Н. пишет, что не может прислать написанного им, так как оно несовершенно (речь идет о «Христианском учении»).

Е. Г. Адамова интересуется вопросом о возможных причинах тяготения Лескова к Толстому и отталкивания от него. Повод для отталкивания оппонентка находит в православном мистицизме Лескова.

А. П. Глаголев развивает соображения, касающиеся той плоскости, которой касался докладчик, — именно социологической интерпретации Толстого и Лескова.

Н. К. Гудзий благодарит оппонентов и подчеркивает необходимость <сравнить отношение> Толстого к Диллону с рецензией, помещенной в «Московских Ведомостях». По поводу замечаний Е. Г. Адамовой Н. К. указывает, что Лесков специально воспринимал православие, был знатоком богословской литературы (даже побивал в спорах К. Леонтьева), но самого его тяготило мистическое бремя и влекло к рационализму. Толстой и Лесков были идеологически различны, их отношения вовсе не касались вопросов религиозного порядка. Отвечая А. П. Глаголеву, докладчик разъясняет, что он интересовался Толстым и Лесковым как сложившимися литературными величинами, совершенно не касаясь вопросов, связанных с той почвой, на которой эти величины сформировались и получили свою идеологическую окраску.[87]

* * *

7 декабря 1928 года Гудзий на заседании Подсекции истории русской литературы выступил с докладом «Лев Толстой о русской литературе». Тезисы не сохранились, протокол также ни в малой степени не отразил его содержания. Но статья Гудзия, увидевшая свет в следующем году в подготовленном силами сотрудников ГАХН сборнике статей «Эстетика Льва Толстого» (М., 1929), полностью основана на тексте доклада и включает все его основные находки и выводы. Концептуальную задачу своей работы Гудзий определял следующим образом: «В системе эстетических взглядов Толстого суждения его о тех или иных фактах словесного искусства занимают, естественно, преимущественное место. Они заключены не только в таких трактатах, как „Что такое искусство?“ или „О Шекспире и о драме“, но и в статьях педагогического характера, в предисловиях к отдельным произведениям различных писателей, далее — в обширной переписке, в дневниках самого Толстого, а также в дневниках, записях и воспоминаниях тех лиц, которые были близки с Толстым, общались с ним или являлись его эпизодическими собеседниками. Систематизация всех, очень многочисленных высказываний Толстого о литературе и о писателях является, с одной стороны, естественным комментарием и конкретной иллюстрацией к его основному эстетическому трактату „Что такое искусство?“, с другой стороны — прямым дополнением к этому трактату, по-

---

относится с нежностью женщины <...> Сулер вызывает у него именно нежность, постоянный интерес и восхищение»; «Вот как хорошо сочиняют мужики. Всё просто, слов мало, а чувства — много. Настоящая мудрость немногословна, как — Господи помилуй <...> все мужики говорят у вас очень умно. В жизни они говорят глупо, несуразно, — не сразу поймешь, что он хочет сказать. Это делается нарочно, — под глупостью слов у них всегда спрятано желание дать выговориться другому. Хороший мужик никогда сразу не покажет своего ума, это ему невыгодно <...> А у вас — всё нараспашку, и в каждом рассказе какой-то вселенский собор умников. И все афоризмами говорят, это тоже неверно, — афоризм русскому языку не сроден <...> Потом вы прикрашиваете всё: и людей и природу, особенно — людей! Так делал Лесков, писатель вычурный, вздорный, его уже давно не читают» (*Горький М.* Воспоминания: Н. Е. Каронин-Петропавловский. А. П. Чехов. Лев Толстой. М. М. Коцюбинский. Леонид Андреев. Берлин, 1923. С. 43, 48).

[87] РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 6. № 59. Л. 13–14. Машинопись.

скольку из них извлекаются такие данные, которых в трактате мы не найдем <...> Это дает возможность в ряде случаев и доискаться генезиса основоположных мыслей Толстого об искусстве и проследить дальнейшее их развитие <...> В виду обширности задачи ограничиваем себя материалом исключительно русской литературы, причем намеренно привлекаем не все высказывания Толстого на этот счет, а лишь наиболее существенные и определительные».[88]

Гудзию удалось проследить эволюцию взглядов Толстого на своеобразие, значение и роль словесного искусства (включая сюда и образцы народного творчества), специфику писательского труда и формирования писательской репутации на богатом фактическом и иллюстративном материале, охватившем шесть десятилетий — от дневниковой записи, датированной весной 1851 года, в которой Гудзий усматривал «зерно» будущего трактата, до позднейших высказываний Толстого 1910 года, зафиксированных современниками из ближайшего круга общения писателя.

Протокол № 6
Заседания п/с истории русской литературы
Литературной секции ГАХН от 7-го декабря 1928 г.

Присутствовали: А. В. Алпатов, Б. В. Горнунг, Н. К. Гудзий, П. А. Журов, В. Д. Измаильская, Н. Н. Лямин, Б. В. Михайловский, Б. В. Нейман, Ю. Г. Перель, А. А. Реформатский, Д. С. Усов, И. Р. Эйгес.

Посетителей 25 человек

И.о. председателя Н. Н. Лямин Ученый секретарь Д. С. Усов

Заслушано: Доклад Н. К. Гудзия «Лев Толстой о русской литературе».
Прения по докладу

И. Р. Эйгес находит, что характеристика Фета, данная Н. К. Гудзием, более приложима к Тютчеву. Толстой был более близок жизненно к Фету — человеку и помещику, нежели к Фету — лирику. Не исключается и сродство черт в характерах Толстого и Фета. В поэзии же Фета Толстой ценил не ее «серафическое начало», не «струю эфирности», а иррационализм, из которого выходит все творчество Толстого, вопреки его собственному рационалистическому толкованию творчества.[89] В Гоголе Толстой ценил чистейший юмор, чего нельзя не отметить.[90] После некоторых частных замечаний по разделам, посвященным Тургеневу, Гончарову и Аксакову, оппонент подчеркивает, что в работе приведены 4 оценки, исключительно важные для истории литературы, причем лишь первая из них была до сих пор учтена критикой: 1) «Гоголь — наш Паскаль» 2) сближение Тургенева и Жуковского

[88] *Гудзий Н.* Толстой о русской литературе // Эстетика Льва Толстого: Сб. статей / Под ред. П. Н. Сакулина. М., 1929. С. 185–186.

[89] Ср. в статье Гудзия: «Несмотря на огромную разницу в их (Толстого и Фета. — *М. Ф.*) умственном и духовном строе, у них была одна общая особенность, которая тесно сближала их и делала натурами родственными — это сходство в непосредственном, „утробном“ чувстве жизни и мира. Оба жадно тянулись к буйным, полнокровным и полнозвучным стихиям жизни. У обоих это стремление было неутомимым и неутолимым <...> У обоих — творчество, преображавшее земную юдоль, вырастало из самой земли, жило и питалось ее соками и ее жирным удобрением <...> от этой общности непосредственного инстинкта жизни и любовь Толстого к Фету, поэзию которого он воспринимал, большею частью, не мудрствуя лукаво, потому что она говорила „понятным его *сердцу* языком“, и которую ценил, несмотря на то, что стихи Фета считал иногда лишенными глубины, серьезности и значительности содержания» (Там же. С. 205).

[90] Эйгес все же ошибается. Отношение Толстого к юмору Гоголя было иным, что и подчеркнул в своей работе Гудзий (Там же. С. 211–215).

3) сближение Успенского с Достоевским и 4) высказывание о Чехове как о «Пушкине в прозе».[91]

П. А. Журов: докладчик приходит к выводу, что в основе всех разноречивых взглядов Толстого на литературу лежала единая эстетическая система: 1) содержание, 2) любовь к своему произведению, 3) техника. Второй член этой формулы неясен. В оценках Толстого есть расхождения по основным мотивам, по которым они делались: *противоречивость* ответов не получила достаточного объяснения в докладе.

И. Я. Фейнберг-Самойлов предлагает некоторые дополнения к оценке взглядов Толстого на поэзию и отмечает, что Толстой ценил стихотворения, *несмотря* на их стихотворную данность.

А. В. Алпатов останавливается на одном звене очень интересного доклада: упущено одно высказывание Толстого о Фете, приводимое в дневнике Т. Кузьминской; оно говорит об известном непонимании Фета Толстым.[92]

Н. Н. Апостолов: 1) хотелось бы восстановить положительные оценки Гончарова, данные Толстым,[93] 2) из общей оценки выпали Державин и Лесков, 3) сентенция об аскетической теории искусства у Толстого лишена доказательств.[94] Что касается доклада, то трудно представить себе более законченный и сжатый вывод из материала оценок русской литературы Толстым.

---

[91] Приведен фрагмент письма Толстого В. Г. Черткову от 10 октября 1887 года, написанного под впечатлением от чтения «Выбранных мест из переписки с друзьями»: «Пошлость, обличенная им, закричала: он сумасшедший, и 40 лет литература продолжает идти по тому пути, ложность которого он показал с такой силой, и Гоголь, наш Паскаль, — лежит под спудом» (*Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч. Т. 86. С. 90). Также цитируется фраза Толстого, зафиксированная Г. А. Русановым в воспоминаниях «Поездка в Ясную Поляну (24–25 авг. 1883 г.)»: «Мне кажется, что о Тургеневе сохранится память, похожая на ту, какую оставил по себе Жуковский» (Толстовский ежегодник. 1912 г. М., 1912. С. 59). Наконец, последняя оценка засвидетельствована Горьким в процитированных выше воспоминаниях (о Г. И. Успенском: «Вот — писатель! Он силой искренности своей Достоевского напоминает, только Достоевский политиканствовал и кокетничал, а этот — проще, искреннее» (*Горький М.* Воспоминания. С. 76). Фразу Толстого, впервые появившуюся в печати в воспоминаниях М. П. Чехова в июльской книжке «Журнала для всех» за 1905 год, посвященной памяти Чехова («Чехов — это Пушкин в прозе»), Гудзий в 1929 году, готовя статью к печати, из окончательного текста исключил.

[92] Алпатов, скорее всего, ссылается на первое издание воспоминаний свояченицы писателя, осуществленное «Издательством М. и С. Сабашниковых». Речь может идти о следующем их фрагменте, описывающем один из «литературных обедов» в имении писателя, на котором присутствовала супружеская чета Кузминских: «Обедали Фет, Григорович, Островский и мы двое. Фет острил, как всегда. Лев Николаевич вторил ему. Всякий пустяк вызывал смех. Например, Лев Николаевич, предлагая компот, говорил: „Фет, faites moi le plaisir“ (сделайте мне удовольствие (*фр.*)» (*Кузминская Т. А.* Моя жизнь дома и в Ясной Поляне. Воспоминания. 1846–1862. М., 1925. С. 153). Не исключено, что имеется в виду другой фрагмент — юмористического плана — о знаменитом впоследствии стихотворении Фета «Сияла ночь. Луной был полон сад»: «Стихи понравились Льву Николаевичу, и однажды он кому-то читал их при мне вслух. Дойдя до последней строки: „Тебя любить, обнять и плакать над тобой“, — он нас всех насмешил: „Эти стихи прекрасны, — сказал он, — но зачем он хочет обнять Таню? Человек женатый...“. Мы все засмеялись, так неожиданно смешно у него вышло это замечание» (*Кузминская Т. А.* Моя жизнь дома и в Ясной Поляне. Воспоминания. 1864–1868. М., 1926. С. 111).

[93] Гудзий в своей статье справедливо отмечает, что положительные оценки Толстым творчества Гончарова единичны и «аннулируются» несколькими несочувственными отзывами (*Гудзий Н.* Толстой о русской литературе. С. 219–220).

[94] Речь идет о выводе Гудзия, основанном на мемуарном свидетельстве А. Б. Гольденвейзера: «...как бы укоряя себя за пристрастие к стихам, за отступничество от своей аскетической теории искусства, Толстой, <...> просматривая биографию Тютчева, написанную Аксаковым, и восхищаясь многими приведенными там стихотворениями, говорил: „Мы так развращены и испорчены, что радуемся этому. Я мало знал Тютчева, но чувствую в нем громадные духовные силы и не могу не жалеть, что они ушли на такие пустяки. А он, очевидно, думал, что писание стихов — это дело необыкновенной важности“» (*Гудзий Н.* Толстой о русской литературе. С. 203–204).

Н. К. Гудзий: творчество Фета и творчество Толстого в одинаковой мере питались утробным чувством жизни, близостью к *почве*. В отношениях к поэзии для Толстого характерно отсутствие чутья поэтической формы. «Записки охотника» давали Толстому повод отметить известную отсталость в изображении крестьянского быта. Мысль о подчинении эстетических оценок моральным (которую Н. Н. Апостолов определяет как «аскетическую теорию искусства») докладчик склонен отстаивать.[95]

Завершая публикацию материалов, отражающих многолетнюю и разнообразную по темам и жанрам работу Гудзия в ГАХН, необходимо сказать, что этот период в его научной биографии, а именно 1922–1929 годы, представляется, несомненно, этапным, до некоторой степени определившим дальнейшие перспективы развития, эволюции исследовательского метода ученого, подходов и принципов архивно-публикаторской работы и обозначившим многие ее центральные темы и главных героев. Это отнюдь не означает, что мы склонны абсолютизировать роль ГАХН в судьбе Гудзия. К 1922 году, когда ему исполнилось 35 лет, за его плечами уже был значительный педагогический опыт, одна монография и три десятка статей, публикаций и рецензий, посвященных, главным образом, истории славянских литератур XI–XVII веков (в том числе сочинений религиозного и апокрифического характера), а также творчеству Лермонтова, Пушкина, Гоголя и Тургенева.

Научный кругозор и тематические предпочтения Гудзия, и до того отличавшиеся исключительной широтой, параллельно с работой в ГАХН, приобрели еще более масштабный характер. «Магистральной» темой научной деятельности именно в эти годы и в следующие за ними десятилетия стало наследие Л. Н. Толстого. Параллельно Гудзием было сделано немало для изучения поэзии Тютчева, русского символизма (и специально — творчества Брюсова), истории филологической науки XIX–XX веков и для разработки многих других проблем, к которым он обращался на протяжении своего более чем полувекового исследовательского пути.

[95] РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 6. № 74. Л. 19–19 об. Машинопись. Аннотация доклада в отчете о деятельности Литературной секции за 1928 год выглядит следующим образом: «Систематизация и оценка богатого материала высказываний Толстого о творчестве русских писателей с конца 18 до начала 20 в.» (Там же. Л. 50а).

DOI: 10.31860/0131-6095-2023-3-65-84

© *А. В. ПИГИН*

ДНЕВНИКИ Л. А. ДМИТРИЕВА И Е. А. МАЙМИНА: АРХЕОГРАФИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ В ЗАОНЕЖЬЕ В 1948 ГОДУ

Одним из наиболее крупных и интересных рукописных собраний Древлехранилища им. В. И. Малышева в ИРЛИ является Карельское собрание, насчитывающее сегодня более 600 единиц хранения. Начало его формирования относится к предвоенному периоду, первые находки были сделаны сотрудниками Карельского научно-исследовательского института культуры

(КНИИК) А. Д. Соймоновым и О. Г. Большаковой в ходе фольклорной экспедиции в Пудожский район Карелии летом 1940 года. Вскоре к археографическим поискам подключился В. И. Малышев. Он предпринял поездки в Поморье (сентябрь 1940 года, апрель 1941 года), Пудож и Данилово (район бывшего старообрядческого Выго-Лексинского общежительства) (август–сентябрь 1946 года). К концу 1946 года в институте Петрозаводска (с этого года — Институт истории, языка и литературы Карело-Финской научно-исследовательской базы АН СССР (ИИЯЛ)) образовалось крупное собрание древнерусских и старообрядческих рукописей — более 300 кодексов и отдельных листов XV–XX веков.[1]

Руководство ИИЯЛ планировало и в дальнейшем осуществлять систематическое археографическое обследование Карелии. Особую заинтересованность в этой работе проявлял К. В. Чистов, возглавивший в 1947 году сектор литературы петрозаводского института. В письме от 7 июня 1948 года он писал Малышеву: «Мне все-таки удалось разыскать в смете средства на поездку за рукописями, и мы решили просить тебя от нее не отказываться. <...> Мне очень хотелось бы, чтобы работа, начатая с таким успехом, не заглохла и, больше того, я был бы рад видеть в плане сектора на 1949 г. тему, связанную с изучением местной рукописной традиции».[2] Однако Малышев в это время уже стал сотрудником ИРЛИ и помышлял о создании будущего знаменитого пушкинодомского Древлехранилища.

Поиск рукописей на территории Карелии с целью пополнения собрания петрозаводского института был продолжен с конца 1940-х годов Львом Александровичем Дмитриевым (1921–1993) — в те годы начинающим ученым, студентом, впоследствии — авторитетным медиевистом, чл.-корр. РАН, сотрудником Отдела древнерусской литературы ИРЛИ, ближайшим соратником Д. С. Лихачева. По заданию карельского института Дмитриев ездил за рукописями три года подряд: в 1948 и 1949 году — в Заонежье, в 1950-м — в Беломорский район (Кемь, Беломорск и Шуерецкое). Институтское собрание благодаря этим поездкам пополнилось 55 рукописными и старопечатными книгами и отдельными листами. Позднее, в 1959 и 1960 году, состоялись еще две археографические поездки Дмитриева (совместно с А. И. Копаневым) в Карелию (Беломорский, Кемский и Лоухский районы),[3] но в это время рукописное собрание находилось уже в ИРЛИ, и общее руководство собирательской работой Древлехранилища осуществлял Малышев. Как известно, собрание было передано из Петрозаводска в Древлехранилище Пушкинского Дома по решению Президиума АН СССР в 1954 году: рукописи составили основу Карельского собрания, а печатные книги вошли в собрание старопечатных книг (оп. 36).

Заонежье, выбранное для экспедиции 1948 года по совету Малышева,[4] представлялось в конце 1940-х годов в археографическом отношении весьма перспективным регионом. В начале XX века большое число рукописей для

---

[1] Охранная опись собрания, составленная Малышевым в 1947 году, включает 355 номеров, но в их числе указаны и 43 рукописи, утерянные во время эвакуации в г. Кадников в годы войны (подробнее об истории рукописного собрания петрозаводского института см.: *Пигин А. В.* Об археографической работе В. И. Малышева в Карелии: К истории Карельского собрания Древлехранилища Пушкинского Дома // Литература и история в контексте археографии: Сб. науч. трудов. Новосибирск, 2022. С. 231–249).

[2] Там же. С. 240.

[3] См.: *Дмитриев Л. А., Копанев А. И.* 1) Археографическая экспедиция в Беломорский, Кемский и Лоухский районы Карельской АССР летом 1959 г. // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1961. Т. 17. С. 531–544; 2) Археографическая экспедиция в Мурманскую область и Карельскую АССР летом 1960 г. // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1962. Т. 18. С. 412–419.

[4] *Дмитриев Л. А.* Археографические экспедиции в Заонежский район Карело-Финской ССР // Доклады и сообщения Филологического института Ленинградского государственного университета. Л., 1951. Вып. 3. С. 287.

Библиотеки Академии наук в Санкт-Петербурге собрал в Заонежье В. И. Срезневский, но его «открытие», как справедливо писал позднее Дмитриев, «не привлекло к себе должного внимания»[5] — систематическая археографическая работа здесь с тех пор не проводилась. Посещавшие Заонежье в разные годы ученые и любители старины, разумеется, приобретали и рукописи, но они оседали, как правило, в частных коллекциях.

Заонежская экспедиция 1948 года стала для Дмитриева первым опытом археографической работы, приобщила его к миру старообрядчества и народной культуры Русского Севера. В эту поездку он отправился вместе со своим близким другом Евгением Александровичем Майминым (1921–1997), ставшим в последующие годы крупным специалистом по русской литературе XIX века, профессором Псковского педагогического института. Летом 1948 года, когда состоялась экспедиция, им обоим было по 26 лет, они учились на третьем курсе филологического факультета Ленинградского университета, куда поступили после войны, которую провели на фронте от первого до последнего ее дня. В экспедицию их отправил профессор Ленинградского университета М. О. Скрипиль, семинар которого по древнерусской литературе они посещали; ряд важных практических советов дали Малышев и Чистов. Последний помог также решить финансовые и организационные вопросы в Петрозаводске, поскольку экспедиция предпринималась на средства местного института для пополнения его рукописного фонда. Экспедиция длилась чуть меньше трех недель: 14–15 июля Дмитриев и Маймин провели в Петрозаводске, 16 июля на пароходе «Володарский» добрались до Великой Губы, в Петрозаводск вернулись 1 августа. За это время они обследовали около 50 деревень Заонежского полуострова (Великая Губа, Космозеро, Великая Нива, Фоймогуба, Толвуя, Падмозеро, Кузаранда и менее крупные поселения рядом с ними), всего было найдено 14 книг: 10 рукописных и 4 старопечатных. Спустя почти полвека Маймин так вспоминал об этой поездке: «Я хорошо помню эту нашу экспедицию, и счастлив, что у меня в жизни это было. Первозданная красота природы Заонежья, памятники старины, бедные, но крепкие люди-староверы, их особенная и высокая культура, их двухэтажные крепко сколоченные избы, их незабываемые бани, самовары, разного рода самодельная утварь — все это помнится мне и никогда не забудется».[6]

Подробности поездки становятся известны благодаря хорошо сохранившимся экспедиционным архивным материалам, публикациям и мемуарам. Среди них — отчет Дмитриева и Маймина для руководства петрозаводского института, опись найденных книг, экспедиционные фотографии,[7] публикации Дмитриева о заонежской книжности,[8] воспоминания Маймина и Чистова.[9]

---

[5] *Дмитриев Л. А.* Состояние и перспективы изучения книжно-рукописных традиций Заонежья // Рукописное наследие Древней Руси: по материалам Пушкинского Дома. Л., 1972. С. 333.

[6] *Маймин Е. А.* Памяти друга // Лев Александрович Дмитриев. Библиография. Творческий путь. Воспоминания. Дневники. Письма. СПб., 1995. С. 57.

[7] Отчет, опись и фотографии (всего 20: церкви, пейзажи, владельцы книг и участники экспедиции) хранятся в Научном архиве Карельского научного центра РАН (НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 4. Д. 100). Более полная подборка фотографий (41) — в фотоальбоме Дмитриева и на диапозитивах (ИРЛИ. Карельское собр. № 606); ценная информация содержится и в подписях Дмитриева к этим фотографиям. Фотографии не опубликованы.

[8] *Дмитриев Л. А.* 1) Археографические экспедиции в Заонежский район Карело-Финской ССР. С. 287–290; 2) Состояние и перспективы изучения книжно-рукописных традиций Заонежья. С. 330–337.

[9] *Маймин Е. А.* 1) Лев Александрович Дмитриев (К 70-летию со дня рождения) // Русская литература. 1991. № 3. С. 193; 2) Лев Александрович Дмитриев // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 1993. Т. 48. С. 7–9; 3) Памяти друга. С. 56–57; *Чистов К. В.* Одни и те же боги нас посещали, милый друг // Лев Александрович Дмитриев. С. 62–64. Впрочем, в воспоминаниях Чистова содержится ряд неточностей.

Особый интерес представляют публикуемые ниже дневники участников экспедиции.[10] Дневник Дмитриева — написанный карандашом текст на 13 листах, вырванных из блокнота, — хранится в личном архиве Н. Л. Дмитриевой. В нем зафиксированы события лишь первых четырех дней: 14–17 июля. По-видимому, собиратель вел записи «для себя», поскольку в дневнике сообщается среди прочего о событиях, не имеющих прямого отношения к экспедиции («...я написал открытку Тане <сестре. — *А. П.*>» и др.). Привычка записывать события своей жизни, мысли и переживания в дневнике сформировалась у него еще во время войны.[11]

Второй дневник вошел в отчетные материалы экспедиции, которые были переданы ее участниками в петрозаводский институт и хранятся сейчас в Научном архиве Карельского научного центра РАН. Архивное дело включает рукописный оригинал дневника (л. 60–68 об. — школьная тетрадь в линейку петрозаводской типографии) и две его машинописные копии (л. 24–39 — с приклеенными фотографиями; л. 69–84 — без фотографий).[12] Заглавие на обложке тетради написано рукой Дмитриева, текст самого дневника — автограф Маймина. Повествование в дневнике ведется от лица обоих участников экспедиции, но, несомненно, основным его автором является Маймин. События двух дней (16–17 июля) изложены в обоих дневниках: первый сделал свои записи, а второй стал вести более «официальный» экспедиционный дневник, поэтому и начал его со дня отъезда в Великую Губу и писал от имени коллективного «мы». Впрочем, нет сомнений, что в дневник вошли и фрагменты, продиктованные Дмитриевым своему другу — таким образом, это их совместный труд. Идея составления полевого дневника была, вероятно, подсказана молодым ученым кем-то из их консультантов — скорее всего, Малышевым или Чистовым. Несмотря на то, что полевой дневник предназначался для отчета, он не сводится к бесстрастной и сухой констатации фактов, относящихся к «делу»: в нем фиксируются живые впечатления от всего увиденного, от встреч с новыми людьми, пейзажные зарисовки, забавные ситуации, порой прорываются эмоции еще совсем молодых людей, почувствовавших себя первооткрывателями, но при этом относящихся к себе с некоторой самоиронией. Эта свободная непринужденная манера изложения, характерная для обоих дневников, позволяет увидеть в них черты литературных произведений. Как вспоминал позднее Маймин, они были «просто студенты, одетые в поношенные шинели, без карт и не очень знающие, что и как искать, но полные интереса и жажды найти, голодные и неунывающие».[13] Публикуемые дневники хорошо передают это состояние увлеченности будущих ученых своим делом и желание беззаветно служить науке.

Дневники 1948 года содержат ценный материал для изучения культуры послевоенного Заонежья. Особенно интересны в них образы местных жителей, владельцев книжной старины и сказителей. На пароходе по пути в Великую Губу Дмитриев и Маймин познакомились с Петром Григорьевичем Горшковым — знатоком заонежских былин, сказок и духовных стихов, которые неоднократно были записаны от него в 1920–1940-е годы и частично опубликованы. Горшков обратил на себя внимание молодых ученых своим «патриар-

[10] Благодарю Н. Л. Дмитриеву и Е. Е. Дмитриеву (Маймину) за разрешение опубликовать дневники. Большую помощь в комментировании заонежских реалий в дневниках оказали мне И. И. Набокова, Л. Б. Афонина, Т. А. Мошина и О. В. Захарова, которым также выражаю свою благодарность.

[11] См.: Из солдатского дневника Л. А. Дмитриева (1939–1942 гг.) // Лев Александрович Дмитриев. С. 125–132.

[12] НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 4. Д. 100.

[13] *Маймин Е. А.* Памяти друга. С. 57.

хальным видом», старинной одеждой, особенностями произношения слов — заонежским говором. В 1948 году ему было 72 года, его хорошо знали в петрозаводском институте, направившем Дмитриева и Маймина в экспедицию, он являлся участником съездов и конференций сказителей. Наиболее колоритная фигура, представленная в дневниках, — Иван Михеевич Абрамов — заонежский иконописец и книжник из деревни Космозеро, у которого была приобретена самая первая рукопись — сборник поморского письма со «Скитским покаянием». В это время он был слепым стариком, но при этом охотно общался с посетителями, фотографировался, делился своими воспоминаниями. Исследователям Заонежья хорошо известны фотографии Абрамова (в том числе с женой А. А. Куницыной, которая упоминается в одном из дневников) и его дома, сделанные в 1942–1943 годах Л. Петтерссоном.[14] В фотоальбоме Дмитриева также имеются фотографии Абрамова с семейством.[15] В своих статьях об экспедиции Дмитриев привел позднее интересные сведения, которые не вошли в дневники: Абрамов был не просто знаком со Срезневским, но собирал для него старинные книги и вещи и посылал их в Петербург.[16] Весьма резкий отзыв оставили Маймин и Дмитриев еще об одном владельце книг — старообрядце из деревни Якорь-Лядина Михаиле Федоровиче Котове: «...тартюфствующий старик 83 лет отроду, лицемер и фанатик, исполненный глубокой веры и странно противоречивый». С ним пришлось долго торговаться о стоимости книг, а в свое «книгохранилище» он так и не пустил. Усилия, впрочем, были потрачены не напрасно: в итоге экспедиция приобрела очень ценные книги, среди них — толковое Евангелие от Матфея (рукопись XVII века) и печатный Требник 1625 года с интересными записями.

Участники экспедиции пытались выполнить рекомендацию, данную им, по всей видимости, Чистовым, — фиксировать тексты, представляющие интерес для фольклористов, а также произведения местного самобытного творчества. В Великой Губе от библиотекаря Ольги Собакиной они получили записи частушек ее собственного сочинения, в деревне Загорье записали стихи Ивана Антиповича Якушева о колхозной жизни. Следует отметить, что в Заонежье и сегодня очень развито самодеятельное литературное творчество; многие жители, преимущественно женщины, сочиняют стихи, сказки, рассказы о жизни в Заонежье, пытаясь воспроизводить на письме особенности местного говора.[17]

Конечно, в дневниках запечатлена уже уходящая культура, былые осколки некогда крепкого крестьянского мира. Новые советские порядки 1920–1930-х годов, а потом финская оккупация 1940-х все «нарушили» («теперь все нарушено») в традиционном жизненном укладе и культуре Заонежья. Участникам экспедиции не раз приходилось слышать о гибели древних рукописей, а один из местных жителей убеждал их в том, что книги, которые они собирают, «следует непременно сжигать, поскольку они „не отвечают политике“». Некоторые жители встречали Дмитриева и Маймина с едва скрываемым недоверием и страхом и очень радовались, когда те уходили, и благодарили их за это. И все же в целом заонежане представлены в дневниках, несмотря на их внешнюю суровость, как радушные, гостеприимные и готовые прийти на помощь люди.

---

[14] *Мильчик М. И.* Заонежье. История и культура. Очерки. Фотографии. СПб., 2007. С. 102, 152–161.

[15] ИРЛИ. Карельское собр. № 606. Фото 20, 24 и 25.

[16] *Дмитриев Л. А.* 1) Археографические экспедиции в Заонежский район Карело-Финской ССР. С. 288; 2) Состояние и перспективы изучения книжно-рукописных традиций Заонежья. С. 335.

[17] См. сборник таких текстов: Когда поет самовар: Сб. стихов и рассказов / Сост. Л. В. Герасева. СПб., 2022.

Краткая опись привезенных из экспедиции книг была составлена Дмитриевым спустя три дня после ее завершения[18] — не без ошибок в атрибуции и датировках. Предвидя трудности, которые могут возникнуть у начинающих археографов, Чистов еще до их возвращения из экспедиции написал Малышеву: «Дмитриев звонил из Толвуи и хвастал, что нашел Евангелье XIV–XV в. <...> Не поторопился ли он с датировкой? Говорил, что собрал десятка 2 рукописей. В Кижах и вокруг еще не был, а из Великой Губы проехал прямо в Толвую вслед за одним стариком, с которым они разговорились на пароходе. <...> Когда хлопцы вернутся, интересно было бы уточнить их датировки и оценки привезенного. Не смог бы ты позже приехать для этой цели?»[19] Исполнил ли Малышев эту просьбу, сведений нет.

Благодаря экспедиции 1948 года собрание петрозаводского института пополнилось весьма ценными рукописными и печатными книгами. Наиболее ранней из них является рукописное Евангелие-тетр XVI века (см.: Приложение 3. № 2). Рукописный сборник XVIII века (№ 4) включает житие широко почитаемых на Севере Зосимы и Савватия Соловецких, «Тропник» Иннокентия, папы Римского, главы из «Беседословия» Лаврентия Зизания и др. Некоторые рукописи напоминают о тесной связи Заонежья в конце XVII — XIX веке со старообрядческим Выго-Лексинским общежительством: поморским полууставом переписаны сборник XVIII века со «Скитским покаянием» и старообрядческим помянником, включающим упоминание протопопа Аввакума (№ 8), богослужебный сборник XIX века (№ 5) и др. Некоторые книги интересны своими записями (№ 1, 11, 12).

Летом 1949 года Дмитриев вновь отправился в Заонежье в археографическую экспедицию, на этот раз один, и приобрел 20 рукописных и печатных книг и отдельных листов. Опыт заонежских экспедиций и изучение рукописей, привезенных из Заонежья Срезневским, позволили ему в дальнейшем описать некоторые особенности книжной культуры региона. Среди наиболее важных он отметил влияние старообрядческого Выга и большое число, наряду с богослужебными книгами, сборников литературного содержания, включающих жития святых, историко-героические и сказочно-повествовательные произведения, а также оригинальные местные сочинения.[20]

Маймин в археографических экспедициях участия больше не принимал; ученик Б. М. Эйхенбаума, он посвятил свою научную деятельность русской литературе XIX века. Однако, как уже было сказано, он с большой теплотой вспоминал о поездке 1948 года в своих статьях о Дмитриеве. Но не только в них. В опубликованной не так давно пьесе Маймина «Бунт профессора Аврова», в основу которой легли события 1949 года, связанные с изгнанием из Ленинградского университета Эйхенбаума (прототип Аврова), автор наделил одного из персонажей — ученика профессора Аврова Колю — своими личными чертами. Соотнести этого героя пьесы с Майминым позволяет всего несколько деталей, и одна из них — археографическая заонежская экспедиция: «Он только что вернулся из экспедиции, один ездил в Заонежье за старинными рукописями, полон восторга от всего, что увидел, людей, мест».[21] Поездку в Заонежье Маймин считал, несомненно, одним из главных событий своей юности.

---

[18] НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 4. Д. 100. Л. 47–59 (автограф Дмитриева; 4 августа 1948 года).

[19] Письмо К. В. Чистова к В. И. Малышеву, 30 июля 1948 года (ИРЛИ. Ф. 494. Оп. 2. Д. 1324. Л. 5 об. — 6).

[20] *Дмитриев Л. А.* Состояние и перспективы изучения книжно-рукописных традиций Заонежья. С. 330–337.

[21] *Маймин Е. А.* Бунт профессора Аврова / Публ. Е. Е. Дмитриевой-Майминой // Евгений Александрович Маймин и его время: Материалы Междунар. науч. конф. «VIII Майминские чтения». 22–24 октября 2015 г. Псков, 2017. С. 7.

Ниже представлены материалы, связанные с экспедицией 1948 года. В Приложении 1 публикуется дневник Л. А. Дмитриева по рукописи, хранящейся в личном архиве Н. Л. Дмитриевой. Приложение 2 — Полевой дневник экспедиции (НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 4. Д. 100. Л. 60–68 об.). В Приложении 3 воспроизведен Перечень книг, приобретенных экспедицией 1948 года. Книги перечислены в том же порядке и под теми же номерами, что и в описи Л. А. Дмитриева (НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 4. Д. 100. Л. 47–59). В охранной петрозаводской описи всего собрания эти книги указаны в той же последовательности под номерами 356–369 (НА КарНЦ РАН. Разр. 1. Оп. 1. Л. 17–18). Орфография и пунктуация приведены к современным нормам; ошибки и описки исправлены без оговорок.

ПРИЛОЖЕНИЕ

1. Дневник Л. А. Дмитриева

14.VII.48.

Как и всегда бывает на новом месте и после многих впечатлений, трудно написать что-либо путное и написать много и как следует.

Приехали сегодня в 11 часов в Петрозаводск. Доехали ничего. Пришлось нам почти всю ночь ухитряться с Женей заснуть вдвоем на одной боковой нижней полке, но как ни старались мы этого сделать, ничего не получалось, так наполовину промучились, наполовину продремали до 6 часов утра. Часов в 5 встали, умылись, закусили, а в 6 часов в Лодейном Поле вышло много народа, и освободились третьи полки, так что мы смогли забраться на них, и под одной шинелью после наших мучений на боковой полке это уже нам показалось блаженством — как значит все относительно!

Когда подъезжали к Петроз<аводску>, разговорились в поезде с женщиной, которая оказалась из Заонежья. Она нам кое-что порассказала о том, куда мы едем — по всей видимости, сейчас мы там уже ничего не найдем — после войны там все разрушили и из старых жителей никого почти не осталось. Сама она оказалась племянницей последнего представителя знаменитых былинников Рябининых — Рябинина-Андреева,[1] который сейчас живет в Петрозаводске. Выгрузились мы со своими мешками на вокзал и сразу же пошли к автобусу. На автобусе доехали до площади Кирова, где нам нужно было пересесть на другой автобус, чтобы ехать к Академии. Еле-еле нам удалось толком добиться, где ждать автобуса. Когда мы его прождали уже около получаса, оказалось, что по этому маршруту автобус пойдет только через час. Расспросили, как идти пешком, нам сказали, что придется пройти километра два; оказался человек, который шел тоже в ту сторону и который любезно согласился проводить нас. Если бы не моя спина (вот не повезло!), все было бы ничего, но тут пришлось довольно тяжело тащиться с мешком, хотя, к счастью, эти два километра оказались очень маленькими.

15.VII.48.

Конечно, дописать не успел, и теперь уже многое выпущено и забыто.

Когда мы проходили с нашим провожатым через садик около городского музея, в котором стоит памятник Петру,[2] то я, зная об этом памятнике, но боясь ошибиться, спросил у нашего проводника — чей это памятник? Помолчав несколько секунд, он, не моргнув глазом, ответил — Екатерины! Мы едва не прыснули. Екатерина в брюках и со шпагой на боку! Здание Академии нам

понравилось, очень чистенькое, аккуратное, и я бы сказал, самое красивое, т. е. на фоне всех прилежащих домов.

Сдали в раздевалке все наши шмутки, зашли в буфет выпить по стакану чая, и сразу же к Чистову.[3] Он принял нас очень мило и любезно, немного поговорили в общих чертах о поездке, я передал ему письмо от Анатолия Васильевича[4] к Гардину,[5] которое Чистов сразу же и отнес ему.

После этого мы вскоре ушли искать нашу гостиницу, где для нас было уже забронировано место. С некоторым трудом, но все-таки благополучно нашли ее. Нам дали по кровати в общей комнате на 5 чел<овек>, но очень чистенько и уютно, окна выходят прямо на Онежское озеро. Мы сразу же легли отдыхать и благополучно проспали до вечера. Вечером закусили и пошли бродить по городу. Прошлись по улице Ленина, которая идет круто вниз, спускаясь к озеру. Улица очень хорошая, много новых каменных домов, да и деревянные дома неплохие, зелень, бóльшая часть улицы асфальтирована. На озере вечером вид чудесный, с удовольствием постояли на берегу, подышали свежим хорошим воздухом и пошли бродить дальше. Зашли в какой-то небольшой сад — чисто, тихо, народу нет совершенно. Потом забрались на кладбище, хорошенькая церковь, кладбище в довольно порядочном состоянии. Вернулись уже поздно вечером, но около 11 часов было еще совсем светло, и я записал свои первые страницы сюда.

Сегодня с утра пошли в Академию. Тут оказалось уже все готово. Чистов представил нас Гардину, и этот последний принял нас очень вежливо и хорошо — без сомнения, тут имело значение письмо Анатолия Васильевича. Поговорили с ним о экспедиции, о нашем впечатлении от Петрозаводска. После этого начали оформлять свои документы. Все это было очень быстро, просто легко — совершенно ничего общего с нашей ленинградской волокитой. Бухгалтерша просто очаровала нас — ничего бухгалтерского — веселая, приветливая — черты характера в бухгалтере совершенно необычайные. Денег получили 1800 рублей — 1000 на рукописи, а 800 на наши нужды. Из Акад<емии> сходили вместе с Чистовым на почту, оттуда пошли на пристань и узнали о пароходе, после этого пошли в буфет, и Чистов угостил нас пивом. После этого мы на обратном пути в свою гостиницу зашли в столовую при педагогическом техникуме. Очень недорого, но неплохо пообедали, малость отдохнули и после этого пошли опять по городу. Зашли в Парк культуры и отдыха — сад ничего, послушали духовой оркестр, и я написал открытку Тане.[6] Вечером в гостинице написал письмо Анатолию Васильевичу и поговорил по телефону с домом и Игорем Петровичем Лапицким.[7]

16.VII.48 г.

С утра сегодня собрались и двинулись на пристань, достали билеты до Великой Губы. Я заходил к Гардину, он позвонил местному начальнику по культурно-просветительным учреждениям КФССР. После этого я побежал к этому человеку, а Женя остался ждать карту. У Власова (это к кому я ходил) пришлось ждать, т<ак> к<ак> он был занят, но потом он быстро написал мне письмо к районным властям. От него я побежал обратно в Академию, но Ж<еню> там уже не застал, побежал в столовую, но там его тоже не оказалось, тогда решил пообедать один. Наскоро перекусил и — на пристань. Встретились уже там.

На пароходе смотрели на грузчиков, которые грузили пароход — все пьяны настолько, что еле-еле держатся на ногах, т<ак> ч<то> приходилось удивляться, как они могут при этом таскать на себе еще груз.

Но вот прозвонили все звонки, прогудели гудки, и наш «Володарский» тронулся. Мы ехали во 2-м классе, но почти все время сидели на верхней палубе, на носу.

Дорога чудесная — озеро очень красивое — берега, покрытые лесом, мелкие островки, когда подъезжаешь к пристани, но прежде всего над лесом на фоне неба вырисовывается силуэт церкви.

Когда подъезжали к Кижам, то уже далеко-далеко от Кижей появился многоглавый Кижецкий собор. Он стоит прямо против пристани на пригорке, так что с парохода его видно весь как на ладони. Тут в сущности две церкви — одна большая, а другая маленькая.[8] Большая, как нам объяснил старик, с которым мы сидели рядом на палубе, — холодная, а маленькая — теплая. Рядом с большой — колокольня с остроконечной крышей. Вся церковь из дерева. Она настолько выветрена временем, что в сущности красок уже никаких не сохранилось, и все серого цвета, только чувствуется слегка старая окраска куполов. Тем более она была такая серая, что подъехали мы к ней уже вечером, но это делает ее еще более привлекательной и интересной: чувствуется древность и века, и только удивляешься, как она могла простоять столько времени и сохраниться.

Перед Кижами я заметил на палубе очень интересного старика:[9] с небольшой седой бородой, в шляпе такой формы, какую я видел только однажды на одной из фотографий фольклорной хрестоматии. Мы стали с ним разговаривать. Сначала спросили про собор, потом начали говорить, за чем мы едем, и так и проговорили с ним всю дорогу до Великой Губы. Старик этот нам назвал имена двух стариков, кот<орых> он знает: одного из Космозеро, а другого из Якорь-Ледины,[10] старообрядцев, у которых, как он нас уверял, есть старинные книги. Мы решили из Вел<икой> Губы ехать сразу же к ним. Старик этот мне очень понравился, и я жалел только об одном, что было уж очень поздно и нельзя было его сфотографировать.

Когда он обращался к кому-нибудь из нас, то говорил: «Вот, братец ты мой», а когда говорил о чем-нибудь страшном и опасном, то приговаривал: «Упаси господь!» Онежское озеро он наз<ывал> «Онего». Очень интересное у него произношение слов, я даже не мог уловить в них никакой резкой особенности, но вместе с тем он произносил слово не совсем так, как мы говорим. Он как-то очень мягко «цокает» и «гокает», но так незаметно и неуловимо, что чувствуешь это только, если прислушиваешься к его разговору очень внимательно. Он произносит «ч» как слегка озвонченное палатальное «т». Рассказывал нам он о том, как он в старые времена ездил от самого Белого моря до Ленинграда на лошадях. Приятно и интересно было разговаривать с ним и слушать его.

Около 11 часов вечера подъехали к Великой Губе. Вышли и пошли, вот уж в буквальном смысле, «куда глаза глядят» и куда вела нас дорога. Спросили встречного, где здесь райсовет (Великая Губа — районный центр Заонежского р<айо>на), и пошли туда. Там был дежурный, который нас провел в комнату для приезжающих. Там были кровати с простынями, одеялами и подушками. Выспались очень хорошо.

17.VII.48 г.

Проснулись сегодня в 8 часов утра, но валялись в кроватях, и вставать еще не хотелось. В это время в окно постучала женщина, предлагая молока, мы взяли 2 литра, и наш завтрак состоял из молока и хлеба. После этого пошли в райсовет к Нефедкину с петрозаводским письмом (Нефедкин — здешний начальник культурно-просветительных учреждений). Он, конечно, ничего о возможных «залежах» рукописей в своем районе ничего <так!> не знает.

Пытался сегодня дозвониться до Чистова, чтобы попросить прислать сюда карту, но ничего не вышло — дозвониться не удалось, а без карты быть здесь очень трудно.

Сегодня сидим и ждем возможности уехать отсюда в Космозеро — утром машину прозевали. Сидим сейчас в библиотеке местной и ждем «у моря погоды».

К вечеру мы в Космозере. Доехали сюда на машине. Нефедкин провожал нас и определил избу, где переночевать. Сидим сейчас в избе, как дураки. Мы молчим, и хозяйка молчит, и никак с ней не заговорить — то ли она слишком сумрачная, то ли напуганная, то ли страшно злится на то, что ей всучили нас.

Ходили сейчас к Ивану Михеичу Абрамову.[11] Старик 80 лет, уже слепой, жена его тоже слепая старуха.[12]

Первый наш поход оказался все же довольно удачным: купили мы у него одну книгу — «Скитские покаяния»,[13] рукописная, уставом, но устав поздний. Из остальных книг более или менее интересной оказалась одна — «Сказание о Иерусалиме» печатная в 1771 г. Но много книг, как он говорит, лежит у него в амбаре, но он не решается и просто не может сейчас из-за своей слепоты достать их, говорит, что сможет это сделать только тогда, когда вернется его внук из армии.[14] Говорит, что у него там есть и религиозные и не религиозные книги, и рукописные, и печатные.

Говорит он, что многое у него взяли финны.[15] Этот старик сам умел писать уставом и был писцом икон и переплетчиком. У него бывал Срезневский[16] и приглашал его даже в Петербург. Бывали у него и из Петрозаводска и из Москвы.

[1] Рябинин-Андреев Петр Иванович (1905–1953) — сказитель, наследник по прямой линии былинной традиции Трофима Григорьевича Рябинина, крестьянин из заонежской деревни Гарницы; после Великой Отечественной войны жил в Петрозаводске. Племянницей Рябинина-Андреева, с которой участники экспедиции встретились в поезде, могла быть Мария Федоровна Дьякова (дочь родной сестры Рябинина-Андреева Ольги Ивановны), проживавшая после войны в Сенной Губе, или одна из дочерей другой сестры — Пелагеи Ивановны.

[2] Памятник Петру I в Петрозаводске (скульптор И. Н. Шредер) был открыт 30 июня 1873 года в честь 200-летия со дня рождения императора. Первоначально был установлен на Круглой площади (ныне пл. Ленина); в 1940–1978 годах находился в сквере рядом с краеведческим музеем, располагавшимся в здании закрытого собора Александра Невского; в 1978-м перенесен на набережную Онежского озера.

[3] Чистов Кирилл Васильевич (1919–2007) — доктор исторических наук, чл.-корр. АН СССР (1981), фольклорист; в 1947–1961 годах работал в Петрозаводске, возглавлял сектор литературы в академическом институте, читал лекции в Петрозаводском университете.

[4] Предтеченский Анатолий Васильевич (1893–1966) — доктор исторических наук, профессор, в конце 1940-х годов работал в Ленинградском отделении Института истории АН СССР и преподавал на историческом факультете Ленинградского университета.

[5] Гардин Ефим Семенович (1913–1994) — кандидат исторических наук, в 1946–1957 годах работал в петрозаводском академическом институте, заведовал сектором истории, в 1948–1950 годах являлся заместителем директора.

[6] Сестра Л. А. Дмитриева Татьяна Александровна Дмитриева.

[7] Лапицкий Игорь Петрович (1920–1998) — кандидат филологических наук, доцент кафедры истории русской литературы Ленинградского государственного университета, преподавал в 1948–1957 годах, исследователь древнерусской литературы.

[8] Кижский погост на о. Кижи: церковь Преображения Господня (1714), церковь Покрова Богородицы (1764) и колокольня (1874).

[9] Как сообщается в другом дневнике, это был Петр Григорьевич Горшков (см. ниже, с. 81, прим. 2 к Приложению 2).

[10] Официальное название в списке населенных мест Карелии — Якорь-Лядина (или Якорьлядина). «Лядина» в севернорусских говорах — участок в лесу, расчищенный под посев.

[11] Абрамов Иван Михеевич (1869–1949) — крестьянин из деревни Космозеро, иконописец, живописец, резчик по дереву, книжник, занимавшийся перепиской рукописей.

[12] Жена И. М. Абрамова — Анастасия Александровна Куницына, известная в Заонежье вышивальщица.

[13] Правильно — «Скитское покаяние», см.: с. 83, Приложение 3, № 8.

[14] Внук И. М. Абрамова — Василий Петрович Абрамов (1925–2007); ему по наследству достался родовой дом Абрамовых в Космозере, перевезенный в 1961 году в Великую Губу. Часть сохранившихся в доме предметов В. П. Абрамов передал в фонды Карельского краеведческого музея, в 1966 году эта мемориальная коллекция поступила в музей-заповедник «Кижи» и впо-

следствии пополнялась новыми приобретениями, в том числе книгами (см.: *Харебова Л. С.* Новые биографические материалы о космозерских иконописцах Абрамовых // Кижский вестник. Петрозаводск, 2015. Вып. 15. С. 128–133).

[15] В 1943 году, во время финской оккупации Заонежья (ноябрь 1941 — июль 1944), иконы и оборудование иконописной мастерской Абрамовых были приобретены финнами и вывезены в Финляндию. Современное местонахождение этих предметов не известно (см.: *Набокова И. И.* Коллекция космозерских иконописцев Абрамовых в собрании музея-заповедника «Кижи» // Искусство Евразии [Электронный журнал]. 2022. № 2 (25). С. 112–123).

[16] Срезневский Всеволод Измаилович (1867–1936) — археограф, чл.-корр. по Отделению русского языка и словесности Академии наук, хранитель Отдела рукописей в Библиотеке Академии наук. В 1902–1905 годах собирал рукописи в Олонецкой губернии, в том числе в Заонежье; деревню Космозеро он посетил в 1903 году.

2. Полевой дневник экспедиции

Дневник археографической экспедиции в Заонежский район летом 1948 г. (16.VII–1.VIII.1948 г.) в составе студентов филологического фак<ульте>та ЛГОЛУ[1] Дмитриева Л. А. и Маймина Е. А.

16 июля

Выехали из Петрозаводска. Пароход. Необычной красоты залив. Зеленеющие вдали скаты хвойных лесов. Озеро спокойно-волнистое, и только под кормой сердито разлетаются хрустально-серебристые брызги.

На палубе старик, местный старожил. На нем черная катаная шапочка, которую в старину носили только холостые, потрепанный кафтан; его патриархальный вид внушает нам скромные надежды. Мы знакомимся. Зовут его Горшков Петр Григорьев.[2] Он весьма словоохотлив, и когда мы подъезжаем к Кижам, рассказывает нам, как давно построена тамошняя церковь, с большой точностью исчисляет количество глав и в заключение не без гордости заявляет:

— В России этаких церквей только три и имеется.

Мы слушаем его как оракула; один из нас скидывает с себя шинель и заботливо укутывает старика, другой — достает из мешка пачку чая и угощает:

— Возьмите, папаша! У вас здесь, кажется, любят.

Он очень признателен. Узнав, куда и зачем мы едем, дает два верных адреса: в Космозеро к Абрамову — слепому, и в деревню Якорь-Ледина к Котову Михайло Федоровичу. У них, уверяет он, непременно найдутся «досюльные книги», и они охотно их продадут.

— Один слепой стал, а другой, братец ты мой, начто ему они!

Потом прибавляет:

— А если чайку!... — и делает выразительный жест рукой.

— Иван Михеич (это Абрамов), тот так на чаю и заквашен!

Здесь приходит нам время пожалеть, что захватили слишком мало чаю — и это в первый, но не в последний раз.

Тем временем на озере крепчает ветер, и один из нас, съежившись и стуча зубами, предлагает:

— Вы кутайтесь лучше, папаша! Моя шинель теплая, солдатская.

Он твердо уверен, что его жертва нужна науке.

В Великой Губе мы сходим на берег. Прощаемся со стариком, взаимные пожелания — и мы уже в поисках ночлега. Находим райсовет, дежурные девушки радушно предлагают нам устраиваться в одной из служебных комнат. Растроганные, мы угощаем их конфетами. Спустя несколько минут входит какой-то начальник, и тогда оказывается, что «здесь спать нельзя». Нас препровождают в местную гостиницу, дом для приезжающих. Это чистенькая комнатка, в которой правильным порядком расставлены 5 кроватей. Удовольствие

стоит 10 руб<лей>. Поскольку из 5 кроватей нам удается сделать две и этим обеспечить себе надлежащие удобства, цена нам не кажется слишком высокой. Впрочем, это начало путешествия, и наши финансы кажутся нам несокрушимым форпостом. Спим мы крепким безмятежным сном.

17 июля

Кажется, что в деревне солнце встает особенно рано. Во всяком случае в это великолепное утро именно оно разбудило нас. Потом пришла женщина, хранительница ключей от гостиницы, и принесла нам молока — за деньги. К 9 часам мы отправились представляться. Самым важным для нас человеком был некто Нефедкин, что-то вроде районного министра по делам культуры. Он был очень обязателен и решил сделать все, что было в его силах. На первых порах он познакомил нас со своими сотрудниками. Пока сам Нефедкин хлопотал относительно машины и устраивал всякие формальные, но совершенно необходимые дела, касающиеся нас, мы обнаружили среди его окружения самобытные таланты. По нашему настоянию библиотекарь Ольга Собакина записывает для нас частушки собственного сочинения. Не сразу она соглашается, отговариваясь тем, что частушки не о колхозной работе, а «все больше о любви». Но мы ее уговариваем:

— Что ж, ведь и любовь тоже в жизни бывает...

Этот довод оказывает поразительное действие — спустя некоторое время нам вручается 25 частушек «о любви и разных чувствах». Мы удовлетворены. В заключение таланты фотографируются.

Менее удачно обстоит дело с книгами. В селе их нет; расспросы населения только подтверждают те сведения, которые мы уже имеем. Решаем сделать маленькую вылазку, обследуем деревню Верховье в 5 км. от В<еликой> Губы, после чего возвращаемся обратно. В 6 часов на машине отправляемся в Космозеро. Нас сопровождает Нефедкин. Он доставляет нас на место, устраивает на ночлег, затем, простившись и пожелав успеха, отправляется по своим делам. Мы идем в указанный нам дом. Там складываем свои вещи и тотчас же спешим сделать визит Абрамову. Заранее трепещем. Однако, как оказалось, напрасно.

Абрамов Иван Михеевич очень приветлив. Это слепой старик, 80 лет, еще довольно бодрый, живет со старухой-женой, тоже ослепшей, и дальней родственницей. Нашему приходу не удивлен. Он многое видел на своем веку, к нему приезжал сам Срезневский, а из менее знаменитых Каликин,[3] Морозов,[4] Агапов.[5] Говорит языком, близким к литературному. Оптимист. Напротив, жена его — ярко выраженный тип скептика. На жену покрикивает:

— Ты говори божественное, а дурацких примеров мне не ставь!

Отец Ивана Михеича был известным в Заонежье иконописцем и мастером на все руки, умел писать уставом.[6] Сын пошел по его стопам, сначала помогал ему, а потом работал и самостоятельно, также владел уставным письмом. Теперь вот ослеп, но любовь к книгам сохранил до сих пор. На предложение сфотографироваться отвечает:

— Дедушка со всех боков уже фотографировался.

Однако не возражает, если и лишний раз... Несмотря на протест жены, продает 1 книгу. Остальные из тех, что показывает, нам не подходят. Говорит, что имеет много книг в чулане, но ждет внука: тот приедет, тогда распорядится. Сам он не в состоянии, а доверить чужим боится, его и так недавно обокрали.

— Я вот лучше внука, внука-то дождусь...

Мы обещаем зайти завтра поутру и прощаемся, выходим с чувством удачливых золотоискателей. Книжка нам кажется кладом неоцененным, а вся экспедиция представляется в самом розовом свете.

18 июля

Озеро однолико, спокойно-подвижно, одни только голубые краски — и глубина вод, недоступная глазу.

Еще раз у Абрамова. Фотографируем его во всех возможных положениях, угощаем чаем и сахаром. Он принимает как должное, дает нам несколько адресов и обещает написать, когда вернется внук.

От Абрамова — к председателю сельсовета. Т<ак> к<ак> он проживает в другой деревне, по пути к нему нам удается обследовать Демидово и Артово — небольшие деревушки. Председателя сельсовета нет дома. Решаем не дожидаться и в 2 ч<аса> дня направляемся в дер. Пурьино.[7] Не доходя ее, задерживаемся в Терехово — безрезультатно. В Пурьино нас принимает патриархальная семья: очень бодрый старик 80 лет, добрая широколицая старуха с круглыми, но несколько суженными к краю глазами, сын с рыжей бородкой в черном пиджаке — характерный тип русского крестьянина. Некоторая замкнутость и гостеприимство. У хозяина обнаруживаем книги и 3 из них покупаем.[8]

До самого вечера бродим по деревне, отыскивая и не находя. Расспросы жителей чаще всего наводят на ложные пути. Мы понемногу убеждаемся, что самые верные сведения дают старики, сами причастные к книжному делу.

Вечером обнаруживаем пропажу 140 руб<лей>. Кто-то, очевидно из посторонних детишек, задумал «полегчить» нам и проявил при этом своеобразное чувство справедливости, поскольку с таким же успехом он мог украсть и значительно больше. В наши чистые мысли о науке и исканиях врывается призрак «презренного металла».

19 июля

Угощают калитками и чаем. Чай превосходен. Вспоминаем цитату из солидной книги старинного автора: «Русские очень выносливы, имеют большую территорию и употребляют обильное количество чаю».

В поиски отправляемся по одному. Обследуем космозерскую церковь, еще раз дер. Космозеро и Терехово, дер. Мягкая Сельга, Комлево и некоторые другие.

В Космозеро председатель сельсовета, удачно застигнутый в своем кабинете, очень любезен. Обещает поискать «досюльщины» у своей матери, однако после долгих поисков приходит со словами сожаления: были, мол, но сожжены — во время финской оккупации, обысков боялись, — а были, даже письма Ивана Грозного были... И участник экспедиции с горечью думает: зачем не был он, когда сжигались эти неоценимые письма, зачем не мог он броситься в огонь с риском для собственной[9] жизни во имя святых преданий, во имя науки... И еще он думает: почему экспедиция организована так поздно...

Ближе к вечеру знакомимся с местными типами. Много интересного.

20 июля

Великая Нива. Очень удачно расквартировались. Небольшая семья: бабушка и два внука. Скромная приветливость и радушие. Говорят очень своеобразно: женщины нараспев, мужчины с той особой, не лишенной добродушия изысканностью, которая свойственна только истинно русским людям — слушаем и восхищены.

Днем в поисках, преимущественно в самом селе. Вечером паломничество в Якорь-Ледину к начетчику и старообрядцу Котову Михайло Федоровичу. Долго говорил с нами, не приглашал в дом. Потом сжалился, понял, зачем пришли, но все хитрил. Хитрил с нами, с богом, со своей совестью.

— Сии книги неоцененные! Что деньги, ой, хой-хой!

И торгуется: долго, со знанием дела торгуется.

— Может быть, накинете десяточку?

Вытаскивал книги по одной, над каждой без конца умилялся и заодно делал нам экзамен: достойны ли мы сего божественного? Едва ли остался совершенно удовлетворен, но 2 книги все-таки продал.[10] Это стоило нам значительной доли терпения и не менее значительной доли чисто вещественных запасов. После совершения купли не задерживал нас: стоял высокий, бледновато-тусклый, с круглыми запавшими глазами — тартюфствующий старик 83 лет отроду, лицемер и фанатик, исполненный глубокой веры и странно[11] противоречивый.

21 июля

Один из нас заболел. Зато другой проявил максимум деятельности, ходил в дер. Пороги, Крохино, Палтега. В Крохино некогда жил «интересный мужик» по имени Корцов. О нем рассказывал пастух, встретившийся по дороге. На пастухе шляпа, подобная той, которую видели на старике с парохода. Пастух рассказывает о Корцове:

— В Петрограде вместе с ним работал, паркетчиком. Богатый был мужик, любил старинные вещи собирать.

Однако книги... У Корцова осталась жена, и она отыскивается с чувством «трепетной надежды». Но: «оккупация», «были выселены», «теперь все нарушено» — и в результате наш фонд остается неизменным.

22 июля

С утра по разным направлениям. Один обследует в р<айо>не В<еликой> Нивы близлежащие деревни — без видимого успеха. Другой предпринимает большой поход в Фоймогубинский сельсовет. Поход трудный, но удачный. По пути заходит в деревню Шильтья[12] и несколько очень мелких деревушек. В самой Фойма-губе ничего нет. В следующей деревне, Спировке, предпринимается систематический обход всех домов подряд. У крестьянки Малышевой Марьи Яковлевны отыскиваются дедовы книги, однако интересного мало. Все же одну, Псалтирь,[13] писанную поздним уставом, — покупает. Из Спировки в обход Фойма-губы и на другой берег — огромный крюк. В деревне Патрово находится председатель сельсовета, очень толковый, многое знает и понимает, а главное — знает хорошо своих крестьян, дает несколько адресов. И в первом же доме — удача. У Панфиловой приобретается интересный рукописный сборник.[14] По другому адресу, у местного фельдшера Котомкина, хранится много книг, но они принадлежат владельцу дома, местному священнику, который в настоящее время отсутствует, а без его ведома ни показывать, ни тем более продавать книги фельдшер не решается. По третьему адресу приходится сидеть до вечера в ожидании хозяев, но результатов никаких.

Из рассказов становится известным, что в деревне жил некто Федоров Петр Григорьевич, известный в свое время иконописец (теперь в живых осталась его дочь Настасья Петровна), работал в Петрозаводске и Заонежье, умер в 1912 г. Жил также сказочник Кузьмин Степан Петрович, партизан гражданской войны — ныне находится в Сортавале. Мать председателя сельсовета Силкина Александра Федоровна из дер. Патрово была известная в этом районе причитальщица,[15] в 1908–<19>10 гг. ее записывала местная учительница Богоявленская.[16]

23 июля

Севрозеро, Мироньково, Бесово — ничего не обнаружено. Вечером снова у Котова. Из полученных за книги 2 дня назад 100 рублей 10 потерял, унывает весьма. И только потому, что потерял, готов продать еще 2 книги, разуме-

ется, не за 10 рублей. На этот раз причитал значительно меньше, позволил даже сфотографировать себя — в первый раз в жизни. В «книгохранилище» свое, однако, не пустил.

Ночью долгий и тяжелый бой с клопами, который закончился нашим позорным отступлением.

24 июля

Днем приехали в Толвуй. Остановились в ближнем селе, на самом берегу залива. Очень живописно. Бродили вокруг, деревень здесь много, но ничего не нашли.

В помещении сельсовета вели занимательный и поучительный разговор о чертях и привидениях, после чего один из его участников долго доказывал нам, что книги, которые мы собираем, следует непременно сжигать, поскольку они «не отвечают политике».

25 июля

Ходили по одному, обследовали р<айо>н Падмозера, деревни Падмозеро, Загорье, Белохино, Толстиковское, Пикалевское. В дер. Падмозеро у невестки умершего старообрядца Гайдиной Прасковьи Алексеевны[17] много книг, все в прекрасном состоянии, но интересных мало: слишком поздние, притом печатные. Куплены 2 книги.[18]

В Пустошах — «правильная старушка», живая и набожная, но для нас и нашего дела бесполезная. Старая часовня по почтовому тракту — исключительно служебные книги. И безрезультатные поиски в дер. Русино.

26 июля

Наши запасы катастрофически уменьшаются. Добрые люди помогают нам в этом, но из скромности они желают остаться в неизвестности. Предельно сокращаем свой прожиточный минимум.

В Толвуе куплена книга — зачем? Впервые не только не удовлетворены покупкой, но и осталось что-то вроде чувства сомнения. До самого позднего вечера все ходим, ходим и ищем.

27 июля

С утра по деревням. Говорят, что все книги «нарушены» во время оккупации. Удалось только достать старое Евангелие,[19] писанное уставом. В некоторых домах нас совершенно очевидно боятся. Разъяснительная работа не всегда приводит к желаемым результатам. Порой приходится слышать:

— Нету, родименький, нету. Я и грамоте-то не обучена. Откуда у меня книги?

А когда уходишь, делаются особенно признательны:

— Спасибо, спасибо, миленький!

И едва ли сами ведают, за что благодарят. К счастью, такие приемы не составляют правила.

28 июля

Ночь в пути. Тихо, безветренно, хорошо. Местный продовольственный начальник, который в продолжении всего дня «закладывал» и ругал жену обидными словами, а к ночи необычайно раздобрел, изволил «шутки строить» и весьма интимно и добродушно похлопывал по коленке свою красношекую и толстую подчиненную.

В 9 часов утра вступили в здание Кузарандского сельсовета. Председатель его, ласковая женщина в очках, очаровала нас своей нескончаемой болтовней, дала нам адрес в Петрозаводске сказительницы Елисеевой, обещала сама ходить с нами повсюду и регулярно обеспечивать нас молоком из собственного хозяйства. Милая женщина!

Хозяева, к которым мы попали, — чистенькие, зажиточные, скупые. Самое гостеприимное в их доме — тулуп, которым мы укрываемся. Поистине, да будет он благословен, ибо за окном шумит ветер и холодно!

Вторую половину дня мы по обыкновению проводим в розысках. В дер. Вицино на поле отыскиваем Чуркину Лизавету Павловну. У ее сестры, скрытницы,[20] были книги, но остались лишь печатные Четьи-минеи. Расспрашиваем о ее родственнике, о котором слыхали еще прежде. Старообрядец, живет в Беломорском районе, в дер. Тюкция,[21] пишет уставом. Чуркина о нем только и знает, что зовут его Василий. Всю жизнь проводит в постоянных молитвах, способен с утра до вечера и всю ночь[22] писать книги, не обращая внимания ни на что окружающее. А когда спросят, кто он, как его зовут, ответит: «Раб божий». Его имя сделалось почти легендарным даже среди его ближайших родственников.

29 июля

Сегодня устроили первый выходной день. Приводим в порядок всю документацию. Несколько ребятишек принесли старые учебники и новенькое Евангелие 42 года издания — результат нашей научно-разъяснительной пропаганды. Когда мы вежливо отказались от книг, они были искренно огорчены. Один, кажется, сделал специально для нас не менее 5 километров.

30 июля

Обошли по меньшей мере 7–8 деревень. В Загорье записали стихи Якушева Иван<а> Антипова.[23] Это полуслепой старик, талантливый, 62 года. Стихи стал писать недавно. На 21 году жизни «свет потерял из глаз — все плакал, плакал, не до стихов было». А теперь он сторожем в колхозе, и вот «стоишь так иногда на часах — я дежурству несу — мечтаешь, оно и придет разом!» Стихи свои считает плохими, но все «так, как оно было». Когда дали ему денег, был очень тронут.

— Чем же я теперь отблагодарю вас?!

Возвратились домой лишь поздно вечером. Встретились с председателем сельсовета. Она стала необычайно солидной, говорит едва-едва, а о молоке и не вспоминает. Зато хозяева с каждым часом становятся все добрее и добрее.

31 июля

Небольшой поход, а все остальное время приводим в порядок записи. Когда надоедало писать, помогали хозяевам молоть зерно, точить косы. Старики очень снисходительны и позволяют нам «побаловаться». Наши отношения все улучшаются. От первого впечатления не осталось и следа. Мы совершенно убеждены, что и в нашем специальном деле, чтобы оно шло успешнее, требуется, главным образом, время. Надобно завоевать доверие, а это в каждом отдельном случае достигается наилучшим образом не за несколько часов и даже не за день — в этом наше несчастье.

Вечером превосходная баня. А спустя пару часов уже на пристани. Холодный пронизывающий ветер. И до 5 часов утра на холоду, без сна. Это уже из области романтики.

1 августа

Пароход. Мимо Кижей. На пристани слезли, 2 раза сфотографировали церковь, по возможности все узнали. Решили не оставаться: кажется, не имеет смысла. В 3 часа дня в Петрозаводске.

[1] ЛГОЛУ — Ленинградский государственный ордена Ленина университет.

[2] Горшков Петр Григорьевич (1875–1949) — крестьянин из деревни Демидово Космозерской волости, исполнитель сказок, духовных стихов, былин и «новин», которые были записаны от него фольклористами в 1920–1940-е годы; часть этих записей опубликована (см.: Исполнители фольклорных произведений (Заонежье. Карелия) / Изд. подг. Т. С. Курец. Петрозаводск, 2008. С. 85–89).

[3] Исправлено, в рукописи «Калитин». Каликин Федор Антонович (1876–1971) — старообрядец, собиратель древнерусских и старообрядческих рукописей, иконописец, реставратор икон. В 1910–1920-е годы совершил серию поездок по Северу с целью приобретения рукописей, икон, произведений прикладного искусства; посещал он и Космозеро (известны сделанные им в 1920 году фотографии космозерских храмов).

[4] Морозов Федор Михайлович (1883–1962) — искусствовед, коллекционер, специалист музейного дела. С И. М. Абрамовым он встречался во время Заонежской экспедиции 1926 года, организованной Секцией изучения крестьянского искусства Государственного института истории искусств, фотографировал иконописца в мастерской за работой. Вероятно, Абрамова Морозов навещал и позднее, в 1927–1928 годах, когда занимался фотофиксацией памятников архитектуры в Заонежье по заданию комиссии по охране памятников Наркомпроса Карельской АССР. Некоторые поездки по Северу Морозов совершил совместно с Каликиным.

[5] Агапов Василий Михайлович (1898–1984) — искусствовед, художник; в 1930-е — начале 1940-х годов работал в Карельском научно-исследовательском институте культуры, изучал прикладное искусство Карелии. С И. М. Абрамовым и его женой А. А. Куницыной встречался, скорее всего, в 1946 году, когда изучал в Заонежье местную вышивку.

[6] Абрамов Михей Иванович (1830–1912) — крестьянин из деревни Космозеро, иконописец, ученик одного из последних иконописцев старообрядческого Выговского общежительства — Ивана Аверкиева. В доме Абрамовых в Космозеро была устроена иконописная мастерская (см.: *Петтерссон Л.* Иконописная мастерская в Заонежье // Памятники культуры: Новые открытия. Ежегодник 1993. М., 1994. С. 264–275).

[7] Официальное название в списке населенных мест Карелии — Пургино.

[8] В деревне Пургино (Пурьино) у Ефима Максимовича Власова были приобретены две рукописи и одна печатная книга (см.: Приложение 3. № 5, 10, 11). Имя этого владельца книг, не названное в дневнике, указано в подписях к фотографиям.

[9] Слово «собственной» дописано над строкой.

[10] Всего у М. Ф. Котова в этот день, а потом 23 июля были приобретены три рукописи и одна печатная книга (см.: Приложение 3. № 1, 3, 9, 12).

[11] Исправлено, в рукописи «странной».

[12] Официальное название в списке населенных мест Карелии — Шильтя.

[13] См.: Приложение 3. № 7.

[14] См.: Приложение 3. № 4.

[15] Александра Федоровна Силкина, 1865 г. р., д. Погост Фоймогубского сельсовета, имела четырех детей, в живых остались двое. В 1948 году ей было 83 года, к этому времени она ослепла. В молодые годы знала много причитаний, водила свадьбы, была одной из лучших вопленицы округи. В 1944 году два плача от нее записала фольклорист А. П. Разумова (см.: Исполнители фольклорных произведений. С. 229, № 249). В дневнике упоминаются ее дети: Николай Яковлевич Силкин (председатель сельсовета) и Мария Яковлевна Малышева (Силкина; работала бригадиром в колхозе), от которой была получена рукописная Псалтырь (см.: Приложение 3. № 7). В 1940-е годы А. Ф. Силкина жила у дочери. Н. Я. Силкин и М. Я. Малышева также были носителями фольклорной традиции. От первого записаны сказки в 1926 году (Севернорусские сказки в записях А. И. Никифорова / Изд. подг. В. Я. Пропп. М.; Л., 1961. С. 350), а от его сестры — в 1932 году (сказка «Как поп с попадьей боролись» опубл.: Сказки Заонежья / Сост. Н. Ф. Онегина. Петрозаводск, 1986. С. 171–172, 235 (ошибочно названа Марфой)).

[16] В Фоймогубской церковно-приходской школе в начале XX века преподавала учительница Мария Богоявленская (см.: Памятная книжка Олонецкой губернии на 1904 год. Петрозаводск, 1904. С. 132), но сведений о ее собирательской деятельности найти не удалось.

[17] Свекром П. А. Гайдиной (в девичестве Беззубиковой) и, вероятно, владельцем книг был Алексей Семенович Гайдин, крестьянин из деревни Падмозеро (Национальный архив Республики Карелия. Ф. 25. Оп. 22. Д. 579. Л. 45 об. (Метрическая книга 1911 года)).

[18] См.: Приложение 3. № 6. Вторая книга — № 13 или № 14.

[19] См.: Приложение 3. № 2.

[20] Скрытники (странники) — беспоповское старообрядческое согласие, отделившееся от старообрядцев-филипповцев в 60-е годы XVIII века.

[21] В отчете Дмитриева и Маймина об экспедиции 1948 года эта деревня упомянута под другим названием — Нюнция; обнаружить ее среди поселений Беломорского района не удалось. Возможно, имеется в виду Нюхча.

[22] Слова «и всю ночь» дописаны над строкой.

[23] Дополнительные сведения содержатся в статье Дмитриева: в 1948 году И. А. Якушеву было 62 года, он показал участникам экспедиции свои произведения: «...это оригинальные небольшие стихотворные повествования на местные темы (письмо к сыну, рассказ о своей работе колхозным сторожем и т. п.)» (*Дмитриев Л. А.* Состояние и перспективы изучения книжно-рукописных традиций Заонежья. С. 337). Фрагмент одного стихотворения приведен в фотоальбоме Дмитриева в подписи к фотографии Якушева: «Я колхозник, хоть и старый / На работу все ж хожу. / Наряд колхозный выполняю — / Колхозным сторожем служу» (ИРЛИ. Карельское собр. № 606; перечень фотографий, л. 2).

3. Перечень книг, приобретенных экспедицией 1948 года

I. Рукописи

1. Евангелие от Матфея толковое, XVII век, 4°, полуустав, 322 л. Переплет: доски в коже с тиснением, две застежки.

Записи: «Сия же богодухновенна книга Матфей евангелистъ толковой написанна труды и тщанием многогрѣшного и непотребнаго в человѣцех нарицаемаго именемъ Деонисия <...>. А писана сия книга Матфей евангелистъ толковой в Павловѣ монастырѣ в опале государевѣ будучи»[1] (л. 319–319 об.). На л. 1 и 4 штамп: «Архив К.-Ф. филиала АН СССР». На нижней крышке переплета наклейка: «Архив Карело-Финского Филиала АН СССР. Разряд № I. Опись № 1. Ед. хран. № 356».

Рукопись приобретена в д. Якорь-Лядина у старообрядца М. Ф. Котова за 50 рублей.

Карельское собр. № 239.

2. Евангелие-тетр, XVI век, 2°, полуустав, 202 л. Переплет: доски; кожаное покрытие и застежки утрачены.

На л. 1 штамп: «Архив К.-Ф. филиала АН СССР». На нижней крышке переплета наклейка: «Архив Карело-Финского Филиала АН СССР. Разряд № I. Опись № 1. Ед. хран. № 357». На корешке наклейка: «1948/357/238».

Рукопись приобретена в д. Русиновской Толвуйского сельсовета у родственницы старообрядца за 25 рублей.

Карельское собр. № 238.

3. «Небо новое» Иоанникия Галятовского с дополнительными сказаниями об иконах Богородицы, XVIII век, 4°, полуустав, 203 л. Переплет: доски в коже с тиснением, застежки утрачены.

На л. 2 штамп: «Архив К.-Ф. филиала АН СССР». На нижней крышке переплета наклейка: «Архив Карело-Финского Филиала АН СССР. Разряд № I. Опись № 1. Ед. хран. № 358». На корешке наклейка: «1948/358/145».

Рукопись приобретена в д. Якорь-Лядина у М. Ф. Котова за 50 рублей.

Карельское собр. № 145.

4. Сборник с Житием Зосимы и Савватия Соловецких и другими статьями, XVIII век, 4°, полуустав нескольких почерков, 408 л. Переплет: доски в коже, фрагменты двух застежек.

На л. 1 штамп: «Архив К.-Ф. филиала АН СССР». На нижней крышке переплета наклейка: «Архив Карело-Финского Филиала АН СССР. Разряд № I. Опись № 1. Ед. хран. № 359». На корешке наклейка: «1948/359/40».

Рукопись приобретена у крестьянки Панфиловой в д. Патрово Фоймогубского сельсовета.

Карельское собр. № 40.

5. Сборник богослужебный, XIX век, 4°, поморский полуустав, 66 л. Переплет: картон.

На припереплетных листах штамп: «Архив К.-Ф. филиала АН СССР». Отдельно в конверте наклейка, оторвавшаяся от корешка: «1948/360/330».

Рукопись приобретена в д. Пургино Космозерского сельсовета у Е. М. Власова.

Карельское собр. № 330.

6. Псалтырь, XIX век, 4°, полуустав, 299 л. На л. 36 об. миниатюра с изображением царя Давида. Переплет: доски в коже, застежки утрачены.

На л. 1 штамп: «Архив К.-Ф. филиала АН СССР», на корешке наклейка: «1948/361/228».

Рукопись приобретена в д. Падмозеро у П. А. Гайдиной.

Карельское собр. № 228.

7. Псалтырь, XVIII век, 4°, полуустав, 320 л. Переплет: доски в коже с тиснением, сохранилась одна застежка из двух.

На л. 1 штамп: «Архив К.-Ф. филиала АН СССР», на корешке наклейка: «1948/362/229».

Рукопись приобретена у М. Я. Малышевой («родственницы старообрядца») в д. Спирово Фоймогубского сельсовета.

Карельское собр. № 229.

8. Сборник старообрядческий со «Скитским покаянием», XVIII век, 8°, полуустав разных почерков, 149 л. Переплет: доски в коже с тиснением, фрагменты двух застежек.

На корешке наклейка: «1948/363/322».

Рукопись приобретена в д. Космозеро у И. М. Абрамова за 25 рублей.

Карельское собр. № 322.

9. Требник, XIX век, 8°, полуустав, 195 л. Переплет: доски в коже, две застежки.

На корешке наклейка: «1948/364».

Рукопись приобретена в д. Якорь-Лядина у М. Ф. Котова за 20 рублей.

Карельское собр. № 364.

10. Часослов, XVII век, 8°, полуустав, 200 л. Переплет: доски в коже, сохранилась одна застежка из двух.

На л. 1 штамп: «Архив К.-Ф. филиала АН СССР». Наклейка на нижней крышке переплета: «Архив Карело-Финского Филиала АН СССР. Разряд № I. Опись № 1. Ед. хран. № 365». Наклейка на корешке: «1948/365/394».

Рукопись приобретена в д. Пургино Космозерского сельсовета у Е. М. Власова.

Карельское собр. № 394.

II. Печатные книги

11. Апостол. М., 1597. 318 л. (издание Андроника Тимофеева Невежи).[2] Несколько утраченных листов в разных местах заменено рукописными (поморский полуустав, XVIII век).

В книге имеется несколько записей; наиболее ранняя из них: «Лѣта 7111 (*1603*) положил сию книгу глаголемую Апостолъ в дом святыя живоначальныя Троица Отца и Сына и Святаго Духа <один лист утрачен. — *А. П.*> бывый архимаритъ Чюдова манастыря старець Христофоръ[3] вкладом за своего

племеника да старца Федосья Рушанинаво» (л. 17–22, полуустав). На л. 1 штамп: «Архив К.-Ф. филиала АН СССР».

Книга приобретена в д. Пургино Космозерского сельсовета у Е. М. Власова за 40 рублей.

Собр. старопечатных книг (Оп. 36). № 6.

12. Требник. М.: Печатный двор, 1625. 513 л.[4] Первые утраченные четыре листа (оглавление) заменены рукописными (полуустав XVII — начала XVIII века).

Записи: «Сия книга Михаловского Гедевского погоста Собор архистратига Михаила да Николы чюдотворца да Борисо <так!> и Глеба казенная, а подписалъ того жъ Михаловского Гедевского погоста Федоръ Алексеевъ»[5] (припереплетный лист; скоропись XVIII века); «В дом архис<...> Михаилу <...> Елизарьевъ сынъ Карсаковъ по себѣ и по своих родителех, а потписал самъ своею рукою, дал сию книгу» (л. 5–15, скоропись XVII–XVIII веков); «Сия книга глаголемая Требникъ Михалова Гедевскаго погоста церковь архистратига Божия Михаила да Гавриила, да Николы чудотворца, да Бориса и Глеба, а подписал сию книгу Требникъ того ж погоста поповъ сынъ Петр Данилов, 1714 году декабря в 11 день...» (л. 17–46, скоропись); «Сия книга глаголемая Требник Новгороцкаго уезду Обонежской пятины» (л. 377 об.; скоропись XVIII века). На л. 5 штамп: «Архив К.-Ф. филиала АН СССР», на корешке наклейка: «1948/367».

Книга приобретена в д. Якорь-Лядина у М. Ф. Котова за 50 рублей.

Собр. старопечатных книг (Оп. 36). № 13.

13. «Церковный устав на 232 листах, печатанный в Почаевской типографии».

По петрозаводской охранной описи — № 368. В Собрании старопечатных книг (Оп. 36) Древлехранилища имеются две печатные книги, которые подходят под это описание: 1) № 150 — Устав со святцами. Почаев, без года. 232 л.; 2) № 133 — Устав о христианском житии. Почаев, без года. 232 л. Но ни штампа архива Карело-Финского филиала АН СССР, ни архивных наклеек и помет Дмитриева и Маймина в них нет.

14. Василий Великий. Богоугодные труды. СПб., 1787. Кн. 3.[6]

На л. 1 штамп: «Архив К.-Ф. филиала АН СССР», на корешке наклейка: «1948/369».

Собр. старопечатных книг (Оп. 36). № 103.

[1] Полностью запись опубл.: Древнерусские рукописи Пушкинского Дома (обзор фондов) / Сост. В. И. Малышев. М.; Л., 1965. С. 192.

[2] См.: *Зернова А. С.* Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI–XVII веках. Сводный каталог. М., 1958. С. 18, № 13.

[3] Христофор являлся архимандритом Чудова монастыря в Москве в 1579–1587 годах (*Строев П. М.* Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877. Стлб. 163).

[4] См.: *Зернова А. С.* Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI–XVII веках. С. 32, № 56.

[5] Михайловский Гедевский погост («Гедевичи») находился в Лодейнопольском уезде Олонецкой губ. при реке Оять.

[6] См.: Сводный каталог русской книги кирилловской печати XVIII века / Сост. А. С. Зернова, Т. Н. Каменева. М., 1968. С. 508, № 1441.

ПУБЛИКАЦИИ И СООБЩЕНИЯ

DOI: 10.31860/0131-6095-2023-3-85-95

© *Т. Н. Галашева*

ПРЕДАНИЯ О ТРЕХ БРАТЬЯХ И ГЛАВЕ ГЕОРГИЯ УГРИНА В ЖИТИИ ЕФРЕМА НОВОТОРЖСКОГО

История Борисоглебского монастыря в Торжке, согласно Житию его основателя, непосредственно связана с памятью великих князей Бориса и Глеба. Ефрем Новоторжский был не просто их современником — он имел чин конюшего при княжеском дворе: «еще бѣ в мире преже убиения святых страстотерпец Бориса и Глѣба. Жилище его бѣ в дому их».[1] В Житии рассказывается о братьях Ефрема — Георгии Угрине (голову которого Ефрем принес в Торжок) и Моисее Угрине; возникает образ трех братьев-угринов, служивших русским князьям. Об отроке Георгии Угрине сообщают памятники борисоглебского цикла; Моисею Угрину посвящено слово Киево-Печерского патерика; но о самом Ефреме Новоторжском сведений в ранних источниках нет.

Среди легенд, относящихся к Борисоглебским храмам и монастырям, можно выделить два основных вида. Первый связан с местными преданиями о событиях жизни святых князей (например, история церкви в Кидекше, заложенной там, «идеже бѣ становище святою мученику Бориса и Глѣба»[2]). Другой вид легенд сообщает о явлении святых князей, как, например, в Житии Александра Невского,[3] в повести об основании Ростовского Борисоглебского монастыря.[4] История Ефрема Новоторжского выделяется в этом ряду. Причислять ли позднее Житие к источникам по ранней русской истории или видеть в нем один из этапов ее осмысления?

Как исторический источник Житие Ефрема Новоторжского было задействовано в исследованиях А. А. Шахматова, И. У. Будовница, П. Д. Малыгина, А. М. Салимова, И. А. Новицкого.[5] В других работах Житие привлекается с некоторыми оговорками.[6]

---

[1] БАН. П. I. А. № 29 (17.5.3). Л. 367–367 об. Далее текст цитируется по этой рукописи с указанием номера листа. Житие читается в составе житийного сборника-конволюта середины XVII века, 4°, 378 л. (подробнее см.: *Лебедева И. Н.* Библиотека Петра I. Описание рукописных книг. СПб., 2003. С. 53–56). Текст жития опубл.: *Малыгин П. Д., Кузнецов В. В.* Житие св. прп. Ефрема Новоторжского — исторический и литературный источник // «Государева дорога» и ее дворцы: Материалы межрегиональной науч. конф. 19–21 ноября 2002 г. Тверь, 2003. С. 280–289.

[2] Полн. собр. русских летописей. Л., 1927. Т. 1. Лаврентьевская летопись. Вып. 2. Суздальская летопись по Лаврентьевскому списку. Стлб. 349.

[3] *Янин В. Л.* Церковь Бориса и Глеба в Новгородском детинце (о новгородском источнике «Жития Александра Невского») // Янин В. Л. Очерки комплексного источниковедения: Средневековый Новгород. М., 1977. С. 123–135.

[4] *Лопарев Х. М.* Повесть о Борисоглебском монастыре (около Ростова) XVI века. СПб., 1892. С. 7; см. также: *Сукина Л. Б.* Борисоглебский культ в Переславле-Залесском в XII–XIII вв.: источники и проблемы исследования // История и культура Ростовской земли. Ростов, 2010. С. 144–152.

[5] *Шахматов А. А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908. С. 95–96; *Будовниц И. У.* Повесть о разорении Торжка в 1315 г. // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1960. Т. 16. С. 446–451; *Малыгин П. Д.* К топографии Торжка XII–XIII вв. // История и археология Новгородской земли: Тезисы науч.-практич. конф. Новгород, 1987. С. 38–40; *Салимов А. М.* Древний собор Борисоглебского монастыря в Торжке // Academia. Архитектура и строительство. 2009. № 3. С. 45–53; *Новицкий И. А.* Первый монастырь Руси // Вестник славянских культур. 2017. Т. 45. С. 86–93.

[6] *Стефанович П. С.* Боярство и церковь в домонгольской Руси // Вопросы истории. 2002. № 7. С. 52–53; см. также: *Артамонов Ю. А., Преображенский А. С.* Георгий Угрин // Православная

Есть традиция, полностью принимающая историю трех братьев-угринов, — это прежде всего венгерские исследователи, например И. Феринц, датирующий прибытие братьев-угринов на Русь 1003–1008 годами и предполагающий, что они были выходцами из Трансильвании и бежали от католической экспансии.[7]

Выводы о ранних русско-венгерских связях могут быть справедливыми по отношению к Георгию и Моисею Угринам, которых Киево-Печерский патерик действительно называет братьями. Что касается Ефрема Новоторжского (в источниках не встречается его именование Ефремом Угрином), то само Житие препятствует буквальному восприятию описанных в нем событий: оно начинается с сообщения об утрате рукописи с подлинным «писанием» о святом. Подобный мотив, по замечанию С. А. Семячко, присутствует в целом ряде агиографических текстов: «Мы имеем дело с топосом, появляющимся в тех случаях, когда между кончиной подвижника и созданием его жития проходит значительное время, а надежные источники о жизни святого отсутствуют».[8]

Неизвестно, существовало ли древнее «писание» о Ефреме. Сохранившееся Житие, относящееся к последней трети XVI века, очевидно, возникает на основе устных источников.[9] Попробуем взглянуть на него как на литературный текст, который интересен независимо от его исторического правдоподобия и характерен для своего времени. Поскольку сведения о Ефреме, сообщаемые в Житии, крайне скудны и его связь с братьями — едва ли не наиболее заметная черта его биографии, процесс формирования сюжета о трех братьях особенно важен. Неотделим от него и сюжет об обретении Ефремом главы Георгия Угрина. В ходе статьи будет рассмотрено движение текста от ранней редакции к позднейшим.

Отсеченная глава Георгия Угрина

Как показывает текстологическое исследование, первоначальное Житие, отразившееся в Краткой редакции, было создано в 1570–1580-е годы в Борисоглебском Новоторжском монастыре, вероятно, архимандритом Мисаилом. В середине XVII века этот текст был полностью переработан, — была составлена Пространная редакция Жития.[10]

Автор Краткой редакции пересказывает устное сообщение священноинока Юрьева монастыря Иоасафа о Ефреме: «У него же быста два брата: первый брат Георгий, *на него же святый Борис возложи гривну злату, за нея же и убиен бысть со святым Борисом*; вторый же брат его — Моисей, той же и *убийства злаго избежа*, послѣди же пленен бысть в ляцкой землѣ и мучен бысть *от ляцкие нѣкия жены*, целомудрия ради» (л. 367 об. — 368; здесь и далее курсив в цитатах наш. — *Т. Г.*).

Этот рассказ весьма схематичен, как будто напоминает об общеизвестном. С другой стороны, можно заметить, что все сказанное о Моисее и Георгии легко почерпнуть из одного вступления к слову о Моисее Угрине в Киево-Печерском патерике: «Увѣдѣно же бысть о сем блаженом Моисеи Угринѣ, яко любимъ бысть святымъ Борисом. Сей бо бысть родом угринъ, брать же Георгиа, *на негоже Борисъ возложи гривну злату, его-*

энциклопедия. М., 2006. Т. 11. С. 84–87; *Легких В.* Венгры среди русских святых: Служба на успение прп. Ефрема Новоторжского // Słowianie w monarchii Habsburgów. Literatura, język, kultura / Red. M. Cistiakova, M. Kuczyńska, Ja. Stradomski. Kraków, 2020. S. 9–34.

[7] *Феринц И.* Моисей Угрин и его братья // Studia Slavica. Academiae scientiarum hungaricae. Budapest, 1993. T. 38. Fasc. 1–2. P. 19–25; *Дьердь Р.* К иконографии Георгия Угрина // Византийский временник. М., 1976. № 37. С. 219–227; *Лепахин В. В.* Преподобный Моисей Угрин — «второй» или «другой» Иосиф // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 2003. Т. 54. С. 370–389.

[8] *Семячко С. А.* Житие преподобного Иннокентия Комельского. Вологда, 2021. С. 14.

[9] См.: *Кузнецов В. В.* Житие Ефрема Новоторжского как часть народнопоэтической традиции Торжка // Из истории и теории культуры. Труды Филиала ГАСК в г. Твери. Тверь, 2004. Вып. II. С. 50–63.

[10] *Галашева Т. Н.* К истории текста Жития Ефрема Новоторжского // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 2020. Т. 67. С. 175–205.

же убиша съ святым Борисом на Алтѣ и главу его отрѣзаша златыя ради гривны. Сий же Моисей единъ избывъ от горкыа смерти и *горкаго заколениа избежа*».[11]

Краткое изложение Иоасафом мучения Моисея Угрина «от ляцкие нѣкия жены», скорее всего, связано с дальнейшим текстом Патерика: «Сего видѣвши *нѣкаа жена* от великых» (КПП, с. 49), хотя перекликается и со вставкой о Моисее Угрине в Тверском сборнике: «много пострада *въ Лясьхъ* въ плѣну *отъ жены нѣкыя*».[12] Заметим, что отсеченная голова Георгия в словах священноинока Иоасафа не упоминается. Далее автор Жития делится своим собственным суждением: «И нынѣ глаголю, яко и брата своего Георгия главу взя во свои руцѣ. Писания о сем не обрѣтохом, но, видимо всѣми, в раце преподобного Ефрѣма есть вторая глава и до сего дни. И мы вѣру имем, яко та есть глава святого Георгия, брата Ефрѣмля» (л. 368).

В Краткой редакции каждый факт сопровождается указанием на источник. В данном случае повествование опирается на веру иноков монастыря. Вторая голова рядом с мощами основателя Борисоглебского монастыря нуждалась в объяснении: возможно, посвящение монастыря Борису и Глебу заставляло вспомнить события, связанные с убиением князя Бориса и отсечением главы отрока Георгия. Мы видим, что на раннем этапе истории текста предание о Георгии высказывается без уверенности: сначала сообщается о голове и только затем о ее предположительном происхождении.

В службе, составленной, скорее всего, тем же архимандритом Мисаилом,[13] ни братья-угрины, ни глава Георгиева не упоминаются. Одним из центральных мотивов службы является построение Ефремом Борисоглебской церкви после того, как Ефрем «узрел» мучения Бориса и Глеба: «церковь прекрасну страстотръпцем Христовым Борису и Глѣбу въздвигл еси <...> идѣже и нынѣ честное тѣло твое исцѣления подавает».[14]

Глава находилась в монастыре до его закрытия в 1919 году. Архиепископ Димитрий (Самбикин) в «Тверском патерике» даже сообщал: «Судя по размеру головы, хранящейся при мощах преп. Ефрема, Георгий был высокого роста».[15]

Созданное в последней трети XVI века, Житие Ефрема отразило приметы своей эпохи. Так, Ефрем назван *конюшим* князя Бориса, и это должно выражать его наибольшую приближенность к князю. Именно при Иване Грозном возрастает значение придворного чина конюшего, в 1584 году конюшим становится Борис Годунов.[16] Образ князя Владимира получает новое значение предшественника царя,[17] особую символичность приобретает и почитание князей Бориса и Глеба, воплотившееся, например, в строительстве в 1561 году Борисоглебского собора в Старице.[18]

В книге «Сюжеты и символы Московского царства» М. Б. Плюханова подробно исследует возросшее в царствование Ивана Грозного значение культа Иоанна Предтечи и символа усеченной главы, проявившееся, в частности, в символических житиях русских главоносцев, Меркурия Смоленского и Иоанна Казанского.[19] Можно

---

[11] Древнерусские патерики: Киево-Печерский патерик. Волоколамский патерик / Подг. Л. А. Ольшевская, С. Н. Травников. М., 1999. С. 48. Далее — КПП, с указанием номера страницы.

[12] Полн. собр. русских летописей. СПб., 1863. Т. 15. Летописный сборник, именуемый Тверскою летописью. Стлб. 126.

[13] *Галашева Т. Н.* К истории текста Жития Ефрема Новоторжского. С. 185–186.

[14] РНБ. Софийское собр. № 1467. Л. 175–175 об.

[15] Тверской патерик. Краткие сведения о Тверских местночтимых святых. Казань, 1908. С. 210.

[16] См. подробнее: *Сергеевич В. И.* Древности русского права. СПб., 1909. Т. 1. Территория и население. С. 479; *Пономарева И. Г.* Конюшие XV в. // Грани русского Средневековья: Сб. статей к 90-летию Ю. Г. Алексеева. М., 2016. С. 281–285.

[17] *Сиренов А. В.* Святой князь Владимир как креститель Северо-Восточной Руси: несостоявшееся «место памяти» // «Места памяти» руси конца XV — середины XVIII в. М., 2019. С. 34.

[18] Необычная архитектура и убранство собора, как и вопрос о его заказчике, по-разному интерпретируются исследователями: *Юрганов А. Л.* Отражение политической борьбы в памятнике архитектуры (Борисоглебский собор в Старице) // Генезис и развитие феодализма в России. Проблемы идеологии и культуры: К 80-летию проф. В. В. Мавродина. Л., 1987. С. 176–185; *Кавельмахер В. В., Чернышев М. Б.* Древний Борисоглебский собор в Старице. М., 2008.

[19] *Плюханова М. Б.* Сюжеты и символы Московского царства. СПб., 1995; также см.: *Бродовая Ю. В.* «Усекновение главы св. Иоанна Крестителя» в древнерусском искусстве XV — первой половины XVII веков // Искусство христианского мира: Сб. статей. М., 2004. Вып. 8. С. 162–177.

вспомнить и получившее распространение в поствизантийскую эпоху на Афоне, в Греции и у южных славян изображение другого Георгия — великомученика — как кефалофора.[20] В отличие от кефалофоров, несущих свою главу, Ефрем не делает ничего сверхъестественного: несет главу брата с собой в Торжок. Здесь может быть актуален и другой мотив, отмеченный М. Б. Плюхановой, — мотив строительной жертвы в основании чего-либо прочного, особенно явно выраженный в Пространной редакции, которая будет рассмотрена ниже, где о главе сказано: «И принесе ю на се мѣсто в город Торжок, идѣже бѣ обитель преподобнаго».[21] Вероятно, в таком культурном контексте было создано и предание о главе Георгия Угрина.

Три брата-угрина

Если сведения о Георгии и Моисее Угринах были доступны по письменным источникам, то сам сюжет о трех братьях-чужеземцах, пришедших на Русь и послуживших ей, имеет, как кажется, устную природу. Три брата связывались между собой не только своим иноземным происхождением, но и верностью святым братьям Борису и Глебу.

Эта тема была характерна для самого раннего периода русской литературы: в этиологических легендах Повести временных лет она звучит несколько раз.[22] История о пришедших на Русь угринах в форме «династической легенды» продолжает ряд, повествующий о начале «порядка» на Руси, и ставит Торжок среди древнейших русских городов. Братья как культурные герои указаны и в «Motif-index» С. Томпсона: «A15.2. Brothers as creators»; «A515.1. Culture heroes brothers».[23] Экспедиция Пушкинского Дома и теперь записывает нарративы о возникновении старообрядческих согласий в результате раздора трех братьев — «Даниила, Федосея, Филиппа» (Кировская обл.).[24]

Ценнейшую параллель к сюжету Жития Ефрема Новоторжского приводит в своей диссертации о верхневолжских преданиях В. В. Кузнецов. Исследователь указывает в связи с тремя братьями-угринами на топонимическое предание «Сказание об основании Зубцова за 90 лет до Рожества тремя братьями» и заключает: «...в основе обоих памятников лежит один и тот же сюжетный архетип, который можно обозначить как „три брата — основателя культурной традиции“ <...> три брата — основателя Зубцова: Зубец, Рубец, имя третьего забыто, или Зубец, Вертран и Обряк».[25]

Три брата, кроме того, фигурируют во многих сказочных сюжетах, однако в сказках братья чаще всего не равны между собой. Сходен с рассматриваемым единственный сюжет СУС 654:[26] «Три искусных брата: отец посылает их учиться; они показывают свое искусство: фехтовальщик машет своей шпагой так, что его не мочит сильный

---

[20] *Овчинникова Е. С.* Икона «Георгий с отсеченной головой» в собрании Московского исторического музея // Византия. Южные славяне и Древняя Русь. Западная Европа: Сб. статей в честь В. Н. Лазарева. М., 1973. С. 164–171.

[21] Тверской государственный объединенный музей. ТвМ. КП-1879. Л. 41 об. (далее — КП-1879, с указанием номера листа). Рукопись издана факсимиле: Житие Ефрема Новоторжского: Из фонда «Редкая книга» Тверского государственного объединенного музея / Вступ. ст., пер. и комм. В. З. Исакова; археограф. описание Г. С. Гадаловой; науч. ред. П. Д. Малыгин. Торжок, 2011.

[22] См. также тюркские параллели к сюжету «о трех братьях и сестре»: *Потанин Г. Н.* Восточные мотивы в средневековом европейском эпосе. М., 1899. С. 838–841.

[23] *Thompson S.* Motif-index of folk-literature: A classification of narrative elements in folktales, ballads, myths, fables, mediaeval romances, exempla, fabiaux, jest-books, a. local legends. Bloomington; London, 1966.

[24] Приношу благодарность А. И. Васкул, указавшей мне на это явление: *Васкул А. И.* Экспедиции к старообрядцам-филипповцам Вятского края 2014–2015 гг. // Кижский вестник. Петрозаводск, 2017. Вып. 17. С. 287.

[25] *Кузнецов В. В.* Предания Верхневолжья: генезис и жанровые особенности. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2005. С. 7.

[26] Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка / Сост. Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. Л., 1979.

дождь, цирюльник бреет на бегу зайца и т. п.» (например, сказка братьев Гримм «Три брата»).

Близок к этому и бродячий сюжет средневековой духовной литературы «Три брата становятся монахами» в «Index exemplorum» Ф. Тубаха (№ 803). Братья («три искусных брата») при этом посвящают себя разным сторонам христианской добродетели: миротворчеству, посещению больных, отшельничеству.[27] Подобным образом выглядит история братьев-угринов: Георгий становится страстотерпцем за верность князю, Моисей, приняв мучения за целомудрие, принимает постриг; Ефрем, согласно Пространной редакции Жития, сначала создает странноприимный дом, а потом основывает монастырь. Три брата-угрина действительно оказываются искусными в различных областях христианского делания. Именно таким предстает их образ в многократно переизданной брошюре Троице-Сергиевой лавры «Три святых брата в Древней Руси» (1902, 1904, 1914, 2012).

Сюжет о трех братьях часто встречается в новеллах: например, в известной притче «Декамерона» о трех перстнях три одинаково доблестных брата становятся символическим изображением трех религий (день первый, № 3).[28] В текстах, о которых речь пойдет далее, нас будет особенно интересовать устойчивая сочетаемость разных сюжетов. Так, еще одна новелла примечательна тем, что в ней сюжет о трех братьях, растративших имение, сочетается, как и в повествовании Жития о Моисее Угрине, с сюжетом о страсти богатой женщины к бедному юноше (день второй, № 3).[29] Бережно хранимая отрубленная голова, напоминающая голову Георгия Угрина, появляется в новелле о трех братьях — богатых купцах (день четвертый, № 5).[30]

Литературные обработки XVII века: Сказание о трех братьях-угринах

Краткая редакция не получила распространения, к настоящему времени известны всего три ее списка. После создания Краткой редакции и, вероятно, до составления Пространной было написано Сказание о трех братьях-угринах. История этого текста не совсем ясна; его единственный список дополняет Краткую редакцию в рукописи-конволюте из библиотеки царевны Натальи Алексеевны (БАН. П. I. А. № 29. Л. 373–378; начальные листы текста утрачены). Можно сделать предположение о том, что Сказание составлялось как дополнение к Житию при подаче царю Алексею Михайловичу в 1640-е годы сведений о монастыре и содержащихся в нем святынях. Цель нового произведения, возможно, была в том, чтобы дополнить сухой и неубедительный текст Краткой редакции весомыми доводами в пользу древности и значительности Новоторжского Борисоглебского монастыря. Удивительно, что и Краткая редакция, передающая простой текст Мисаила, и Сказание, в котором все изложено несколько иначе, переписаны одним и тем же почерком друг за другом и должны не оспоривать, а дополнять друг друга. В Сказании о трех братьях-угринах священноинок Иоасаф уже не упоминается, о братьях Георгии, Моисее и Ефреме говорится как о подлинной монастырской истории.

В начале текста рассказывается об умирающем князе Владимире, который, изнемогая, посылает за Борисом: «он же благочестивый бяше, вѣру имѣет, вскоре поиде в Киев со слугами своими» (л. 373). «Окаянные» слуги «окаянного» Святополка «шедше на пути немилостиви» убивают Бориса «на пути» к Киеву. Автор Сказания далее сразу переходит к Георгию. Летописное замечание «бѣ бо се *любимъ Борисомь* бяше» дополняется мотивом верности: «Нѣкто же боярин великого князя Бориса, велика рода Егорей, Угрин зовом, *любим* зѣло и вѣрен ему бысть великим князем *Борисом*»

---

[27] *Tubach Fr. C.* Index exemplorum. A handbook of medieval religious tales. Helsinki, 1969. P. 66 (Folklore Fellows Communications; № 204).

[28] *Боккаччо Дж.* Декамерон / Пер. Н. Любимова. М., 2008. С. 81–84.

[29] Там же. С. 128–136.

[30] Там же. С. 375–378.

(л. 373 об.). Сообщение летописи о гривне «бѣ бо *възложилъ на нь гривну злату* велику, в ней же предъстояше пред нимь»[31] сопровождается повелением носить дар: «На него же святый *Борис возложи гривну злату* на вые его и носити ему повелѣ» (л. 373 об.). Гривна очень важна и упоминается дважды: в первом случае она, как и в летописи, и в Патерике, «возложена», во втором — «висит» на шее Георгия («главу ему отсекоша *златыя ради гривны*, юже висяще на вые его», л. 374), что может указывать на смещение в содержании понятия гривны (от шейного украшения к денежной единице). Как и в летописи («и слугу его *падша на нем* прободоша с нимь»[32]), в Сказании («и *пад над тѣлом его*», л. 374) изображается падение Георгия, которое опущено в патериковом слове.

Кратко обрисовав судьбу Владимира, Бориса и Георгия, составитель Сказания обращается к описанию действий Ефрема — свидетеля убийства: «Брат же его, Ефрѣм, *видев сие, поим главу брата своего Егория* и иде в Ноугородцкую область во град Торжок, и тамо вселися. <...> *Честная же глава* и донынѣ брата его Егория, юже убиен бысть над святым великим князем Борисом, *ея же принесе с собою брат его, преподобный Ефрѣм*, и по смерти своей повелѣ вложити в раку свою с тѣлом своим преподобный Ефрѣм, лежит же та *честная глава* Егорьева во гробѣ с тѣлом преподобного Ефрѣма и донынѣ, цѣла и нетлѣнна» (л. 374–375 об.).

В этом тексте впервые формируется сюжет о принесении главы Ефремом в Торжок как процессе. Сообщение о главе, как и упоминание о гривне, повторяется дважды, и в целом весь фрагмент сосредоточен вокруг «честной главы» Георгия, пребывающей в монастыре. Заметна художественная незавершенность и прагматичность Сказания: в этом тексте, по-видимому, делается попытка представить главу Георгия Угрина как монастырскую святыню. «Честной главой» именовалась в первую очередь глава Иоанна Предтечи.[33] Вновь любопытно подчеркнуть сочетание мотивов: усекновение главы Иоанна Предтечи уже в Евангелии, а впоследствии и в многочисленных словах и поучениях, было тесно связано с мотивом «женской злобы»:[34] так и в Сказании о трех братьях рассказ о главе Георгия Угрина сменяется рассказом о злой жене «ляховке», мучившей Моисея Угрина.

Ефрем сам видел убийство Георгия и тут же взял главу брата, путь Ефрема в Торжок с главой в руках указан документально точно. Еще одну важную параллель к сюжету о принесении главы брата братом можно увидеть в Повести о разорении Рязани Батыем, — так проявляется братская любовь к убитым. Как и Ефрем, князь Ингварь Ингоревич приходит на поле битвы, когда кровопролитие закончилось, собирает тела братьев и особенно бережно относится к «честной главе» брата Олега Ингваревича: «и собра раздробленыи уды брата своего <...> и несоша его во град Резань, а *честную его главу* сам князь велики Ингварь Иньгоревич и до града понеси, и целова ю любезно. Положиша его с великим князем Юрьем Ингоревичем во единой раце».[35] Очевидно обращение к одной и той же этикетной братской модели поведения. Мы не можем с уверенностью говорить о прямой связи этих текстов, но отметим возможные лексические заимствования из Повести в дальнейшем повествовании Сказания о Моисее Угрине: «*остася един, никѣм брегом*, и плениша его ляхи» (л. 375 об.), «и повелѣ его *не брегома поврещи* во убогой храмине, яко да злѣ живот свой сконча» (л. 377 об.). Ср. в Повести о разорении Рязани Батыем: «тѣло его повелѣ *поврещи* зверем и птицам на разтерзание», «зря на блаженное тѣло честнаго своего господина и видя его *ником брегома*», «снѣгом и ледом померзоша, *ником брегома*», «меня *единаго оставиша* в толице погибели».[36]

---

[31] Полн. собр. русских летописей. Л., 1926. Т. 1. Лаврентьевская летопись. Вып. 1. Повесть временных лет. Стлб. 134.

[32] Там же.

[33] Ср., например: Минея служебная. Москва, 1622. Февраль. Л. 215 (24 февраля).

[34] Сердечно благодарю А. Г. Боброва, поделившегося со мной этим наблюдением.

[35] Повесть о разорении Рязани Батыем / Подг. текста, пер., комм. И. А. Лобаковой // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 1997. Т. 5. С. 152.

[36] Там же. С. 142, 150.

Сказание о трех братьях заканчивается упоминанием о чудотворениях, на которые способен третий брат, и ссылкой на Киево-Печерский патерик: «Мнише же сей, Моисей, и целбоносный дар от Бога, о нем же писано в Пятерикѣ Печерьском, яко добрый исповѣдник, пострада целомудрия ради от жены ляхови девки» (л. 378). Образ третьего брата, Моисея Угрина, создан с опорой на этот источник, но дополнен отсутствующими в патериковом рассказе топосами: «аще и юн возрастом, но стар разумом»[37] (л. 376) и др. Диалоги, из которых состоит патериковое слово, опущены; сюжет упрощен. Некоторые повороты судьбы Моисея переданы в тексте весьма оригинально: например, сообщение Патерика о том, что Моисей единственный уцелел во время убиения Бориса, подано в Сказании как знак одиночества и незащищенности третьего брата и причина его пленения:

Киево-Печерский патерик	**Сказание о трех братьях-угринах**
Сий же Моисей *един* избыв от горкыа смерти и горкаго заколениа избежа. <...> с нимиже и сего блаженаго Моисея *веде* (КПП, с. 48–49)	Моисей Угрин, по убиении великого князя Бориса и брата своего Егоргия и по отшествии брата своего Ефрѣма остася *един*, никѣм брегом, и плениша его ляхи, и *ведоша* с собою в Ляцкую землю (л. 375 об.)
бѣ бо добръ тѣлом и *красен лицем*. Сего видѣвши нѣкаа жена от великыхъ, *красна сущи и уна*, имуще богатство (КПП, с. 49)	Жена же нѣкая ляховка, богата зѣло, виде его, плѣнника *юна возрастом и красна лицем* (л. 375 об.)
Разумѣв же блаженый *похотѣние ея скверненое* (КПП, с. 49); «но страха дѣля Божиа *гнушаюся* тебе» (КПП, с. 52)	и не восхотѣ *скверного ея смущения*, но паче *возгнушаяся* ея (л. 376).
Многажды *гладом и ранами томящи* того, недоволно бысть ему. 5 лѣт *оковану бывшу* от плѣнившаго и (КПП, с. 51)	И много мучим *ранами, и томим гладом*, и жаждею, и *блюдом во оковах* с нужею (л. 376)
Мукы тяжкы налагаеть (КПП, с. 51)	по вся дни его *томяще муками, отягчеваше* ранами его (л. 376 об.)
послѣдиже и тайныя уды отрѣзати ему повелѣ, глаголющи: «Да не пощажю сего доброты, да не насытятся инии сего красоты». Моисей же *лежа акы мертвъ* от *течениа крови, мало дыханиа в тѣле имый* (КПП, с. 52)	*Напослѣдок же повелѣ ему обрѣзати тайныя уды*, и едва жива оставиша его, и видев его *едва дышуща*, и *много крови* от него излиянной быти. И повелѣ его не брегома поврещи во убогой храмине, яко да злѣ живот свой сконча. Он же многи дни *лежаще, яко мертв* <...> (л. 377–377 об.)

На последнем примере видно, как составитель Сказания добавляет новые подробности страданий Моисея: описывает бедное жилище, где святой брошен умирать один. Сказание о трех братьях-угринах, как и Краткая редакция, не получило распространения в рукописях и представляет собой попытку развития сюжета в агиографическом ключе, которая почему-то оказалась невостребованной.

Литературные обработки XVII века: Пространная редакция

Мы предполагаем, что в те же 1640-е годы была осознана необходимость в составлении новой, Пространной, редакции Жития. Она наиболее часто встречается в рукописях и представляет собой риторически украшенный текст. Известные по Краткой редакции сведения в Пространной приобретают подробности живого рассказа. Слова Иоасафа (занимавшие лишь несколько строк в Краткой редакции) превратились в две

[37] Герменевтический анализ этого топоса, а также сравнение текста со Словом о Моисее Угрине Киево-Печерского патерика представлены в статье: *Кузнецов В. В.* Преподобный Моисей Угрин в житии Ефрема Новоторжского // Родная словесность в современном культурном и образовательном пространстве. Тверь, 2021. Вып. 10 (16). С. 100–107. Однако анализируемый текст связывается автором статьи с именем архимандрита Мисаила и датируется концом XVI века, с чем мы не можем согласиться.

отдельные главки: первая развернуто повествует о Моисее, вторая — о Георгии и об обретении Ефремом его главы.

Текст рассмотренного выше Сказания о трех братьях, очевидно, вовсе не использовался автором Пространной редакции (может быть, в связи с тем, что единственный его список был подан царю?). Составитель вновь обращается к тем же первоисточникам. В начале первой из главок полностью повторены слова Иоасафа о братьях, известные по Краткой редакции: «Повѣда нам священноинок Иоасаф о преподобном чюдотворцѣ Ефремѣ, от коея страны и какова бѣ отечества и рода» (КП-1879, л. 38 об. — 39). О Моисее далее повествуется подробнее. Как и в Патерике, отмечена его красота: «бѣ бо лицем зѣло красен и благозрачен» (КП-1879, л. 39). Удивительно, что в дальнейшем текст развивается совершенно иначе, чем в Сказании о трех братьях, но также с опорой на текст Патерика.

Пропуская начало страданий Моисея, составитель Пространной редакции переходит сразу к моменту его выкупа. Дословные заимствования малочисленны: «хотя с ним, окаянная, смѣситися, *яко господьскую власть имѣя над ним*» (КП-1879, л. 39 об.), ср. в Патерике: «*Яко* се *власть приимши на нем*» (КПП, с. 49). В целом же главка похожа на торопливый пересказ с редким обращением к источнику. Жена в Патерике «посылаеть же к *держащему* того» (КПП, с. 49), но человек, к которому попал в рабство Моисей, в Пространной редакции превращается в «*держащего* тогда град». «Лютая змея», вероятно, связана со словами Моисея в Патерике «яко лутши змии нашептаниа, иже в раи Евзѣ» (КПП, с. 50). Дальнейшая речь Моисея об Иосифе кратко пересказана («И яко на прекраснаго *Иосифа* нѣкая жена *египтенина* оболга мужу своему прелюбодѣйства ради, тако же и сия безбожная злая жена не улучи *желания своего* <*лукаваго*>,[38] *повелѣ* преподобному Моисею *обрѣзати тайныя уды*», КП-1879, л. 39 об. — 40); задействуются слова Патерика «*помыслъ лукав* въ сердци приимши» (КПП, с. 51); «и *тайныя уды отрѣзати* ему повелѣ» (КПП, с. 52). Жена, как и Святополк, названа «окаянной и злой», действиям ее дано привычное объяснение: «бѣсом бо бѣ научаема и подстрѣкаема». Сообщение Патерика об отшествии Моисея в Киево-Печерский монастырь трактуется в Пространной редакции Жития Ефрема Новоторжского как «тайное пострижение» «от нѣкоего монаха Печерскаго монастыря» (хотя по Патерику известно, что тайное пострижение произошло еще в плену и от Афонского монаха).

Георгию Угрину посвящена следующая главка Жития. Злая сила, противостоящая второму брату, охарактеризована теми же эпитетами, что и в первой главке: «злокозненный враг, лютый змий, окаянный брат его Святополк». С князем Борисом «бѣ в то время брат преподобнаго Ефрема Георгий, на него же бѣ великий князь Борис *златую гривну возложи* во украшение ради своего великаго княжения» (КП-1879, л. 40 об.). Когда Бориса убивают, «тогда же брат преподобнаго Ефрема Георгий *паде на тѣло* великаго князя Бориса. Они же злии и немилосердии людие и окаяннии пси рыкнуша, *яко лютии звѣрие*, и *отсѣкоша главу Георгиеву*, и отнесоша от тѣлеси его. *Златую же* положенную *гривну* великим Борисом на Георгия взяша себѣ» (КП-1879, л. 40 об. — 41). В Пространной редакции Жития впервые характеризуются убийцы князя Бориса и отрока Георгия: как и в летописи, «се нападоша *акы звѣрье дивии*»; «*усѣкнуша главу его*».[39] Как и в летописи, мы видим Георгия «падша» на Бориса. В Пространной редакции возложение гривны находит новое толкование — «во украшение великого княжения» (напомним, в Сказании о трех братьях после возложения гривны Борис «и носити ему повелѣ»). При втором упоминании гривна оказывается «положена» на Георгия и «взята» убийцами (в Сказании она «висела» на шее Георгия). Эти примеры показывают, что один и тот же летописный текст порождал разные представления о произошедшем на Альте.

Роль Ефрема видоизменилась от очевидца, избежавшего убийства, в Сказании о трех братьях-угринах до отсутствовавшего при происшествии брата в Пространной

[38] «Лукаваго» — так в других списках, например в рукописи РНБ. Собр. Погодина. № 718; слово пропущено в цитируемой рукописи КП-1879.

[39] Полн. собр. русских летописей. Т. 1. Вып. 1. Стлб. 134.

редакции: «Тогда же блаженный Ефрем прииде на мѣсто, идѣже убиен бысть благовѣрный и великий князь Борис и брат преподобнаго Ефрема Георгий, и *поискаше тѣлесе Георгиевъ и не обрѣтоша*, но точию обрѣте едину главу Георгиеву *по нѣкоему признатну мѣсту, иже бѣ на главѣ Георгиеве*. И *плакася* преподобный Ефрем *над главою брата своего Георгия на мног час*. И взем с собою главу Георгиеву, и поиде с нею оттуду. И принесе ю на се мѣсто в город Торжок, идѣже бѣ обитель преподобнаго, — видима же есть и доднесь. *И никому не повѣда о главѣ брата своего Георгия.* <...> повелѣ главу брата своего Георгия *положити во гроб с собою* <...>» (КП-1879, л. 41–42).

Рассказ здесь дополнен совершенно новыми мотивами: опознание по примете, плач над телом, тайное хранение воспоминания о близком. Глава Георгия уже не именуется «честной главой», теперь это прежде всего голова родного для Ефрема человека, которую отличает только он. Появляется мотив узнавания, связанный в фольклоре с мотивом разоблачения: можно вспомнить проколотые ноги Эдипа и другие, по определению В. Я. Проппа, «знаки смерти», наносимые на тело младенцев.[40] К включению в текст этого мотива узнавания «по признатному месту» могло привести сообщение летописи о невозможности найти тело Георгия — «усѣкъноуша главу его и тако сняша гривну, а главу отвергоша прочь, и тѣмьже послѣже *не обрѣтоша тѣла сего въ трупии*».[41]

Если принесение братом главы брата, как в Повести о разорении Рязани Батыем, вероятно, было частью воинского этикета, то тайное хранение головы у себя — новеллистический сюжет, характерный для изображения несчастной любви. В уже упоминавшейся новелле «Декамерона» убитый Лоренцо является во сне возлюбленной и сообщает, где он похоронен. Изабетта находит это место, и, не сумев унести все тело, отрезает ножом голову Лоренцо и уносит с собой. Девушка кладет ее в цветочный горшок, сажает над ней базилик и все дни проводит возле спрятанной головы своего возлюбленного, поливая ее слезами.[42] Этот же сюжет лежит в основе сказки Г. Х. Андерсена «Эльф розового куста»: девушка «разрыла землю и нашла убитого. <...> и вот она взяла бледную голову с закрытыми глазами, поцеловала холодные губы и отряхнула землю с прекрасных волос. — Оставлю же себе хоть это!»[43] В середине XIX века бродячий сюжет восстанавливается по формулам, очень близким к тем, что задействованы в Житии Ефрема Новоторжского.

Литературные обработки XVII века: Проложное Житие

Проложное Житие Ефрема Новоторжского, вошедшее в печатный Пролог 1661 года, было создано на основе Пространной редакции, без обращения к первоисточникам. Вероятно, по этой причине вольность трактовки событий достигает в Проложном Житии высшей степени. Так, дар князем Борисом отроку Георгию златой гривны приурочен к самому моменту мучения Бориса: «Егда же *во время убиения* великаго страстотерпца Бориса посланнии от окаяннаго брата его Святополка *начаша святаго убивати, тогда* святый страстотерпец Борис, сняв с себе свою княжескую гривну златую, положи на брата преподобнаго Ефрема втораго, на Георгия, украшения ради великаго своего княжения».[44]

Уподобление Моисея Иосифу Прекрасному, приведенное в Пространной редакции, не только заимствуется в Пролог («яко прекрасный Иосиф пострада от жены ляхини за лѣпоту лица своего»),[45] но и уводит составителя Проложного Жития от подлинной судьбы Моисея, которого преследовала незамужняя женщина. В Прологе Моисей оказывается рабом в доме мужа жены-ляхини: «и оболга его мужу своему любодѣянием».

---

[40] *Пропп В. Я.* Эдип в свете фольклора // Пропп В. Я. Фольклор и действительность. М., 1976. С. 274, 293.

[41] Полн. собр. русских летописей. Т. 1. Вып. 1. Стлб. 134.

[42] *Боккаччо Дж.* Декамерон. С. 375–378.

[43] *Андерсен Г. Х.* Снежная королева и другие сказки / Пер. А. В. Ганзен, П. Г. Ганзена. М., 2013. С. 128–129.

[44] Пролог. М., 1661. Декабрь–февраль. Л. 335.

[45] Там же. Л. 335 об.

Итак, сведения о Георгии и Моисее, почерпнутые из книжных источников, были объединены в сюжете, имеющем устную природу. Главным письменным источником был Киево-Печерский патерик, который непременно указывался в литературных обработках XVII века при повествовании о Моисее: «Житие же его и терпѣние пишет в Печерском патерикѣ» (КП-1879, л. 40). Если Краткая редакция, по-видимому, целиком основывалась на вступлении к Слову о Моисее Угрине, то в Сказании о трех братьях-угринах заметна глубокая работа с текстом Патерика, с летописной повестью об убиении Бориса и Глеба, а также, возможно, Повестью о разорении Рязани Батыем. Составитель Пространной редакции был знаком и с Патериком, и с летописью, но более всего старался выдержать агиографический стиль.

Рассказ о Георгии Угрине в каждом случае строится как последовательность картин: падение отрока, золотая гривна, отсеченная голова.[46] Сказание о Борисе и Глебе, в котором образ Георгия Угрина прописан выразительнее, чем в других источниках,[47] скорее всего, оставалось неизвестным для составителей редакций. Ни одна из редакций Жития Ефрема Новоторжского не воспроизводит возгласа верности Георгия, переданного Сказанием, ни в одной из редакций не упоминается древнее чудо Бориса и Глеба, совершенное в присутствии несущего свечу Георгия (чудо о хромом Миронеге),[48] которое могло бы стать доказательством значительности хранящейся в Борисоглебском монастыре святыни.

Вероятно, народное почитание отрока Георгия не было сильно, если вообще существовало, поэтому «глава Георгия» в Пространной редакции утратила образ святыни, т. е. предмета, значительного для потомков, зато обрела черты предмета, значительного для основателя монастыря, стала символом братских чувств. Один из современных читателей текста так описал свои впечатления от Жития Ефрема Новоторжского: «Миссия Ефрема была в сохранении достойной памяти о человеке: родном брате, князьях Борисе и Глебе <...> в этом мотиве заложен важный гуманистический посыл ценности личности каждого человека».[49]

Вопрос о том, бытовали ли рассмотренные предания до создания Жития, остается неразрешенным. Положение В. В. Кузнецова о том, что предание о трех братьях «превратилось в житие»,[50] с учетом истории развития текста, не кажется бесспорным. Кроме того, был ли Ефрем действительно угрином, иноземцем, как Антоний Римлянин, Меркурий Смоленский, Довмонт Псковский, или это результат ассоциативной связи? Авторитетный источник, на который ссылается архимандрит Мисаил, рассказывая о трех братьях-угринах и о главе Георгиевой, — священноинок Иоасаф Юрьева монастыря. Интересно, что именно из этого монастыря происходит рукопись XII века, запечатлевшая в себе «венгерский след» в книгописном искусстве Древней Руси, — знаменитое Юрьевское Евангелие 1119–1128 годов.[51] Писцовая запись свидетельствует, что оно написано венгром: «Угриньць псаль».[52] В месяцеслове под 24 июля помещена память «убиения Бориса, князя русьскааго». Таким образом, для памяти о венграх в Юрьевом монастыре действительно было основание.

---

[46] В скандинавских сюжетах эти элементы были связаны с убийством конунга. См. об этом: *Ильин Н. Н.* Летописная статья 6523 года и ее источник. М., 1957; *Михеев С. М.* Золотая гривна Бориса и родовое проклятье Инглингов: к проблеме варяжских источников древнерусских текстов // Славяноведение. 2005. № 2. С. 28–42.

[47] В Чтении о Борисе и Глебе имя слуги князя не упомянуто, известие о нем кратко: «И се един от предстоящих ему слуг паде на немь, они же и того пронизоша» (*Бугославский С. А.* Текстология Древней Руси. М., 2007. Т. 2. Древнерусские литературные произведения о Борисе и Глебе. С. 582).

[48] Успенский сборник XII–XIII вв. / Изд. подг. О. А. Князевская, В. Г. Демьянов, М. В. Ляпон. М., 1971. С. 60–61.

[49] *Пучков В. М.* Над вечным покоем // Аркадий Вяземский: По материалам I Аркадьевских чтений. Вязьма, 2010. С. 156.

[50] *Кузнецов В. В.* Предания Верхневолжья. С. 14.

[51] ГИМ. Синодальное собр. № 1003.

[52] Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI–XIII вв. М., 1984. С. 92–94.

Три венгерских брата продолжают свою жизнь в литературе: в повести Н. С. Плотникова (Фуделя) «Георгий Угрин»[53] братьям Георгия даны и характеры, и мирские имена — Иларий и Анфир. Ефрем Новоторжский, наравне с одним из своих исследователей, стал героем отмеченного литературными премиями романа П. М. Алешковского «Крепость».[54] Подобная сюжетопорождающая способность Жития также может свидетельствовать о его литературных достоинствах, о явленной в нем задаче поиска и осмысления собственной истории.

Исследования Новоторжской археологической экспедиции показывают древность Борисоглебского монастыря: по заключению П. Д. Малыгина, об этом говорит его близость к кремлю, мощный культурный слой, находки раннегончарной керамики, отсутствие в округе языческих могильников XI–XII веков.[55] Среди берестяных грамот Торжка XII века сохранились даже литературные тексты.[56] Плинфа древнего монастырского собора датируется археологами концом XII — началом XIII века,[57] фрагменты фресок могут быть отнесены к началу XIII века.[58] К сожалению, подлинная история основателя Борисоглебского монастыря утрачена, как и древний каменный храм. Остается только догадываться, насколько предание, запечатленное в Житии, сохранило связь с действительной историей преподобного Ефрема.

---

[53] *Плотников (Фудель) Н. С.* Георгий Угрин: Повесть. М., 2000.

[54] *Алешковский П. М.* Крепость: Роман. М., 2015.

[55] *Малыгин П. Д.* К топографии Торжка XII–XIII вв. С. 39.

[56] *Янин В. Л., Зализняк А. А., Малыгин П. Д.* Берестяные грамоты из новгородских и новоторжских раскопок 2001 г. // Вопросы языкознания. 2002. № 6. С. 3–11.

[57] *Малыгин П. Д., Салимов А. М., Зайцев А. А.* К изучению плинфы собора Борисоглебского монастыря в Торжке // Архитектурно-археологический семинар: Из истории строительной керамики средневековой Восточной Европы. СПб., 2003. С. 85–92.

[58] *Салимов А. М.* Древний собор Борисоглебского монастыря в Торжке. С. 49.

DOI: 10.31860/0131-6095-2023-3-95-106

© *Е. Д. Кукушкина*

ТЕМА ВОСПИТАНИЯ И ИЗОБРАЖЕНИЕ ДЕТЕЙ В ПРИТЧАХ А. П. СУМАРОКОВА

Интерес к детству как особому значимому этапу в жизни человека, признание за ним самостоятельной социальной и психологической ценности окончательно сформировались в России лишь в эпоху романтизма. До этого времени дети воспринимались как маленькие взрослые, что нашло отражение в детской одежде: детям шили такие же платья и костюмы, как и взрослым людям, но маленького размера. Нормы семейной жизни определялись религиозными правилами и ритуалами, восходящими еще к «Домострою», составленному в XVI веке. Основными требованиями по отношению к детям были строгость, ограничение свободы, а методом воздействия — нравоучения и наказания. Послушание проповедовалось как наиважнейшая добродетель. Не являясь социальным субъектом в представлении общества, дети не были и объектом для художественной литературы — ни как персонажи, ни как читатели. Единственным литературным жанром, обращенным не только к взрослым людям, но и к детям, всегда оставалась басня, имеющая большой воспитательный потенциал. Более 350 эзоповских басенных сюжетов стали известны на Руси благодаря переводам Федора Гозвинского с греческого языка (1607), Андрея Виниуса с немецкого (1674) и Петра Кашинского с польского (1675). Составив сборник басен Эзопа из двух немецких изданий и переведя их на русский язык, Виниус в предисловии к своей книге «Зрелище жития человеческого» писал, что сделал это «во общую пользу, наипаче же младым отроком,

иже во дверь сего многомятежного вступают жития, сия притчи в поучение и в употребление ко всяким случаям составих и, яко же на зрелищи, предложих...».[1] На протяжении почти всего XVIII века «Зрелище» распространялось в рукописях.[2] Широкий круг читателей обрел сборник прозаических басен английского писателя и журналиста Роже Летранжа (Л'Эстрейдж, 1616–1704) «Езоповы басни», переведенный на русский язык С. С. Волчковым в 1747 году. В XVIII веке он выдержал шесть изданий.

Жанр басни, вне зависимости от того, стихами или прозой были переложены сюжеты, обладал художественными особенностями, сохранявшимися на всем протяжении его существования. Индивидуальные черты персонажей изображались в баснях бегло, так как они были лишь носителями сюжетных функций, которые в подавляющем большинстве случаев поручались животным, значительно реже людям. Характеристика человеческих персонажей сводилась к обозначению рода их занятий: пастух, рыбак, охотник, крестьянин, мясник, и еще реже к указанию на возраст. Причем дети становились героями басен чрезвычайно редко. Для разъяснения аллегорического смысла басен, иногда непонятного детям, Летранж присоединил к каждой басне свои примечания, но они были чересчур пространными, иногда в несколько раз превышавшими тексты самих басен. В 1766 году басни Летранжа были изданы для детского употребления с сокращенными нравоучениями и без примечаний, рассеивающих внимание учеников.

Педагогические и философские трактаты западноевропейских ученых, появившиеся в России в 1760-е годы в русских переводах, привлекли внимание российского общества к детству как важному этапу формирования личности. Басня приобретает в это время, по мнению русских литераторов, особое воспитательное значение. Публикуя свои переводы басен Федра по типу учебной книги параллельно на латинском и русском языке, И. С. Барков писал в предисловии: «Дети предлагаемыми в баснях простыми примерами приучаются способнее к добродетели, нежели философским нравоучением».[3]

А. П. Сумароков предпочитал называть свои басни притчами, по аналогии с Евангельскими притчами, как серьезный жанр с учительным смыслом. В первом же номере своего журнала «Трудолюбивая пчела» он поместил статью «О пользе мифологии», характеризующую и его отношение к этому жанру, и автора статьи Г. В. Козицкого, который использовал более распространенный термин «басня»: «Как искусный и о здоровье ближнего своего пекущийся врач горькие, но спасительные лекарства растворяет в сахаре, так прозорливые Мифологии нравоучения для большей всем пользы под баснями скрыли». Опираясь на высказывания Платона и Горация, статья утверждала всеобщую и незыблемую пользу басни: «Нет ни единого похвального дела, ко исполнению которого не побуждали бы нас басни. Нет ни единого беззакония, от которого бы нас басни не отвращали».[4]

В 1762 году в типографии Академии наук были напечатаны «Притчи Александра Сумарокова» (книга 1 и 2, а в 1769 году — книга 3). Первую и вторую книги притчей Сумароков посвятил Великому князю Павлу Петровичу, в ту пору восьмилетнему мальчику. 17 апреля 1765 года С. А. Порошин, исполнявший обязанности «кавалера» (учителя) наследника престола и ежедневно фиксирующий его времяпрепровождение,

---

[1] *Виниус А. А.* Зрелище жития человеческого. В нем же изъявлены суть дивные беседы животных со истинными, к тому приличными, повестми в научение всякого чина и сана человеком. Ныне новопреведено с немецкого языка всем в общую пользу трудолюбием А. А. с. В. в царствующем великом граде Москве в лето от воплощения бога слова 1674 // Эзоп на Руси. Век XVII: Исследование, тексты, комментарии / [Очерк истории басни в России XVII века] Р. Б. Тарковский и Л. Р. Тарковская; [исследование и комм. Р. Б. Тарковского; подг. текста Р. Б. Тарковского и Л. Р. Тарковской]. СПб., 2005. С. 302.

[2] *Тарковский Р. Б.* «Зрелище жития человеческого» // Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1969. Т. 24. Литература и общественная мысль Древней Руси. С. 252–253.

[3] Федра, Августова отпущенника, нравоучительные басни, с Езопова образца сочиненные, а с латинских российскими стихами переложенные ... Иваном Барковым. СПб., 1764. С. 3.

[4] Трудолюбивая пчела. 1759. Январь. С. 28–31.

записал в своем дневнике: «Чтение и раздача Сумарокова притчей».[5] В предуведомлении к дневнику, объясняя его необходимость, он писал: «Если в сих повседневных записках кому что маловажным покажется, тому я отвечаю, что иногда по видимому и не важные бы вещи лучше, нежели прямые дела, изображают нрав и склонности человеческие, особливо в нежной младости».[6] Эта запись свидетельствует о знакомстве Порошина с переводной педагогической литературой. Теория о господствующем значении воспитания для формирования личности человека, изложенная в трактате английского философа и педагога Джона Локка «Мысли о воспитании» («Some Thougths Concerning Education», 1693), уже в 1739 году легла в основу сатиры А. Д. Кантемира «О воспитании».[7] Идеи Локка получили широкое распространение в России, а его книга в 1759 году была переведена на русский язык. Дж. Локк писал: «Самые малейшие и нечувствительнейшие впечатления в наших чувствах, получаемые во время нежнейшего младенчества, производят в нас следствия наиважнейшие и весьма долговременные. Сии впечатления подобны реке, которыя течение можно разделить без дальнего труда на разные струи через места совсем противные, так что нечувствительным уклонением, получаемым при начале устья, вода приемлет различное течение и напоследок заходит в места, весьма отдаленные друг от друга. Толь же легко, по моему мнению, можно обратить и разум младенческой, куда бы кто ни пожелал».[8] Стали известны в России и другие педагогические сочинения. С. С. Волчков перевел труд аббата Ж.-Б. Бельгарда (Bellgarde Jean Baptiste Morvan de, 1647–1734) «Совершенное воспитание детей» (1747), посвященный воспитанию в дворянских семьях, и «Светскую школу» (1761) Э. Ленобля (Lenoble Eustache, 1643–1717). Но роман Ж.-Ж. Руссо «Эмиль, или О воспитании» («Emile, ou de L'Education», 1762), в котором три книги из пяти были посвящены Эмилю — ребенку, в 1763 году был запрещен к продаже в России. Многие мысли Руссо заимствовал у Локка, но по-своему их интерпретировал. Задачи и приемы воспитания, изложенные им, не соответствовали педагогическим установкам, принятым в русском обществе.[9] В сокращенном виде пятая книга романа была переведена П. И. Страховым в 1779 году, уже после смерти Сумарокова.

Локк придавал большое значение личности воспитателя: «Главнейшая должность учителя научить ученика учтивым поступкам, исправить его разум, вперить добрые навыки, вдохнуть твердые основания добродетели и мудрости, научить нечувствительно познавать людей, преклонить к любви и подражанию того, что превосходно и достойно почитанию...».[10] По его мнению, дети достойны доброжелательного отношения к тем потребностям, которыми природа наделила детский возраст: «Все неповинные забавы, игрушки и маленькие увеселения должно им со всем позволить и без всякого изъятия, пока они могут в них вдаться, не теряя почтения к тем, кои при них находятся <...> И для того-то веселый дух, который сама натура премудро в них вложила, смотря по их возрасту и сложению, не только не должно теснить и удерживать, но надлежит еще возбуждать, чтобы через то содержать его в движении и тело их учинить сильнее и здоровее».[11] Едва ли не под влиянием его теории Порошин, осознавая важность детства во всех его проявлениях для формирования человеческой личности, описывал с сентября 1764-го по январь 1766 года занятия великого князя, его

---

[5] Семена Порошина Записки, служащие к истории Его императорского высочества ... великого князя Павла Петровича. 2-е изд., испр. и значительно дополненное по рукописям. СПб., 1881. Стлб. 308.

[6] Семена Порошина Записки. Стлб. 6.

[7] *Николаев С. И.* Кантемир Антиох Дмитриевич // Словарь русских писателей XVIII века. СПб., 1999. Вып. 2. К–П. С. 19.

[8] *Локк Дж.* О воспитании детей господина Локка. Переведено с французского на российский язык имп. Московского университета профессором Николаем Поповским. [Ч. 1–2]. [М.]: Печ. при тип. Моск. ун-та, 1759. Ч. 1. С. 2–3.

[9] *Левин Ю. Д.* Начало 1760 — середина 1780-х годов: Просветительство // История русской переводной художественной литературы. Древняя Русь. XVIII век. СПб., 1995. Т. 1. Проза / Отв. ред. Ю. Д. Левин. С. 170–171.

[10] *Локк Дж.* О воспитании детей. Ч. 1. С. 204.

[11] Там же. Ч. 1. С. 99–100.

рассуждения, замечания, вопросы и ответы, содержание бесед с ним. «Записки» Порошина, особенно его записи 1764 года, стали первым документальным фактом внимания к внутреннему миру ребенка. Позже, когда о них узнал Н. И. Панин, потребовавший предъявлять дневник ему, записи стали более сухими и лаконичными. «Записки» были напечатаны только в 1844 году, но свидетельствовали об усилении в русском обществе 1760-х годов интереса к педагогике и детской психологии.

Сумароков, знакомый с трудами Локка, высоко ценил отрицание им врожденных понятий и ту важную роль в формировании человека, которую он придавал чувствам: «Все то, что мы ни понимаем, въясняется в разум чувствами <...> Разум ни что иное, как только действия души, в движение чувствами приведенные <...> Все что ни есть неопровергаемое Локково мнение утверждает <...> Врожденного понятия нет». Не существует врожденных понятий и в области нравственности: «Воспитание, наука, хорошие собеседники и прочие полезные наставления приводят нас к беспорочной жизни, а не врожденная истина».[12] Упомянув Локка в одной из своих эпиграмм, он относит его к числу великих людей:

Не вознесемся мы великими чинами,
Когда сии чины не вознесутся нами.
Великий человек, великий господин,
Кто как ни думает, есть титул не один,
Великий господин, кто чин большой имеет,
Великий человек, кто много разумеет,
Лок не был господин великий в весь свой век,
Ни конь Калигулин великий человек.[13]

Вопросы обучения и воспитания детей волновали Сумарокова. В комедии «Приданое обманом» (1756, 2-я ред. 1768) он высмеивал преподавание многих предметов в Кадетском корпусе и Академической гимназии на французском и немецком языках, а в одной из статей с возмущением писал о недопустимо равнодушном отношении дворянства к детскому образованию: «Имея достаток и способы обучати детей, и не обучати есть вина непростительна. Не чудно ли это, мы своих детей не учим, а государыня наша и чужих детей обучати старается! Ей потребны разумные подданные, но и нам потребны разумные дети. А о домочадцах наших почти никто из нас и не думает».[14] Не случайно дети стали персонажами его притчей, причем не только как объекты воспитания. Сумароков старался показать читателям басен внутренний мир ребенка. Некоторые басенные сюжеты были им заимствованы. Но русский сочинитель по-своему раскрывал их выразительные возможности, уточнял и конкретизировал эпизоды или ситуации, в которых изображались дети, преодолевал, насколько это было возможно, схематичность басенных персонажей. В собственных притчах о детях Сумароков откровенно нарушал жанровые требования. Их сюжеты выглядят как короткие зарисовки, небольшие истории реальной жизни с неожиданным финалом, иногда приближаясь к новелле. Этот опыт Сумарокова русскими баснописцами повторен не был.

Один из первых исследователей творчества Сумарокова К. А. Заусцинский считал, что притча Сумарокова «Волк и рабенок» является переводом басни Лафонтена «Le Loup, La Mére et L'Enfant» («Волк, мать и ребенок»).[15] Ее сюжет восходит к басне Эзопа «Волк и старуха». Голодный волк услышал, как в хижине старуха грозит плачущему ребенку: «Перестань, не то выброшу тебя волку!» Наступил вечер, но старуха все не исполняла обещанного. Не дождавшись, волк ушел со словами: «В этом доме люди

[12] *Сумароков А. П.* О разумении человеческом по мнению Локка // Трудолюбивая пчела. 1759. Май. С. 260–263.

[13] *Сумароков А. П.* Полн. собр. всех соч. в стихах и прозе / Собр. и изд. Н. Новиковым при имп. Московском ун-те: [В 10 ч.]. М., 1781. Ч. 9. С. 125.

[14] *Сумароков А. П.* Некоторые статьи о добродетели // Там же. Ч. 6. С. 278.

[15] *Заусцинский К. А.* Басни Сумарокова // Варшавские университетские известия. 1884. № 5. Отд. III. С. 123.

говорят одно, а делают другое».[16] У Лафонтена действие басни происходит возле большой уединенной мызы, здесь волк караулит возможную добычу. Он видит овец, ягнят, поросят и индюшек, но они недосягаемы для него. Вдруг за стеной он слышит детский крик и голос матери, которая грозит отдать дитя волку, если он сейчас же не замолчит. Голодный волк ждет, но мать спешит утешить малыша, уверяя его: если волк покажется, его убьют. Волк возмущен обманом и решает расправиться с ребенком, когда тот пойдет собирать орехи. Обнаруженный людьми, он признается, что ждал, когда мать отдаст ему дитя. Люди кольями и вилами убивают волка, а у дверей вешают его голову и надпись с поучением: «Не придавай значение угрозе матерей».[17]

У короткой притчи Сумарокова больше сходства с оригиналом, чем с басней его перелагателя Лафонтена, хотя вслед за ним он включает в речь матери угрозы волку, которых нет у Эзопа, но есть в ранних русских переложениях Гозвинского и Кашинского. Сумароков сразу обозначает завязку сюжета: волк был голоден и «нигде не мог сыскати пищи». Высказав свое равнодушное отношение к этому обстоятельству и судьбе волка, даже если его «дубины в две ударят» или «изжарят» (отсылка к басне Лафонтена), он конкретизирует место действия: крестьянский дом. Персонажем басни становится мать — крестьянка, поэтому ее слова выдержаны в сниженной лексике. Волк слышит, что «в избе рабенка се́кла[18] мать и, Волку выбросив, грозилася отдать». Он ждет своего часа. Но когда шум в избе умолк,

Рабенка мать не устрашает,
Да утешает,
И говорит ему: «Когда придет лишь Волк,
Так мы ему поправим рожу,
И, чтоб он нас забыл, сдерем с него мы кожу».

Волк уходит, размышляя:

И ожидать тут доброго напрасно,
Где мнение людей с речами не согласно.[19]

В восприятии русского читателя притча Сумарокова оказалась в поле слияния двух древних жанров: басни и фольклорной колыбельной песни, в которой сохранились отзвуки народных воззрений, восходивших к дописьменной истории человечества. Они выполняли магическую, охранную функцию. Очевидно, что в басне Сумарокова, как и в колыбельной песне, речь идет о младенце, которого укладывают спать, хотя эта важная деталь осталась за рамками сюжета. Соединение мотивов пугания-предупреждения, упоминания волка и исходящей от него опасности содержит одна из самых известных русских колыбельных песен, дошедшая до нас в многочисленных вариантах, — песня о Волчке:

А баю, баю, баю,
Не ложися на краю:
Придет серенький Волчок,
Тебя схватит за бочок
И утащит во лесок
Под ракитовый кусток.[20]

---

[16] Античная басня / Пер. с греч. и лат. М. Гаспарова; сост., предисловие и комм. М. Гаспарова. М., 1991. С. 129.

[17] Fables de la Fontain deux cent soixante-huit illustrations de J.-B. Oudry. Paris, [s. a.]. P. 180–181.

[18] Секла — хлестала, била (Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. СПб.; М., 1882. Т. 4. P–V. С. 392).

[19] Трудолюбивая пчела. 1759. Май. С. 308–309.

[20] Мудрость народная: Жизнь человека в русском фольклоре. [Сб.]: В 10 вып. М., 1991. Вып. 1. Младенчество. Детство / Сост., подг. текста, вступ. статья и комм. В. П. Аникина; под ред. В. П. Аникина. С. 70.

В колыбельных песнях «ребенка, утомившего криком и беспокойством, в раздражении обещают поколотить, пугают старичком, хворостиной, волком и таинственной букой <...>, но чаще уговаривают обещанием пряника, калачей, обновы. Такие нехитрые приемы имеют целью овладеть вниманием ребенка, успокоить его».[21] Колыбельная песня решала и другие воспитательные задачи: «Мотив пугания-предупреждения, мотив изгнания вредителя также кроме «усыпительной», эпистемологической функций имеют и охранительный контекст. <...> Изгнание чужого, опасного <...> может даже завершаться его ритуальным умерщвлением, и мы встречаем такой пример и в колыбельной песне: „Мы бабайчика убьем, / Ване шубоньку сошьем“».[22] Слова матери выполняют контактную связь с ребенком, учат его преодолению страха. Уменьшительно-ласкательные суффиксы в словах колыбельной песни: *волчок, бочок, лесок, кусток* — снимают психологическое напряжение текста, что подтверждается и упоминанием ракитового (ивового) куста, дерева-оберега в языческой Руси. Мир мыслей и чувств матери, ухаживающей за ребенком, не могут быть понятны волку, а его хищные устремления в басне заведомо неосуществимы. У колыбельной песни как жанра схожая с басней судьба. Генетически связанная с мифологией, уже в последней трети XVIII века она вышла за рамки фольклора и в 1820–1840-х годах стала в России популярным жанром литературы.

Теме воспитания, столь важной для сочинений в жанре басни, посвящена притча Сумарокова «По трудах на покой». Сюжет, заимствованный из басни Летранжа «Детина с матерью», восходит к басне Эзопа «Мальчик-вор и его мать» с моралью: «Если не наказать вину в самом начале, она становится все больше и больше».[23] Сумароков дал притче название, варьирующее русские поговорки «По делам и покой», «По делам вору и мука». У Эзопа мальчик начинает с кражи дощечки у товарища, у Летранжа — с кражи азбуки, у Сумарокова — с кражи чепцов и шапок. В финале басни Эзопа сын, уличенный в воровстве и приговоренный к казни, откусил у матери кусок уха и обвинил ее в попустительстве. В басне Летранжа сына приговорили к виселице, и он прилюдно обвиняет мать: «Ежели бы она в те поры меня в две плети выпорола, как я к ней в ребячестве моем первой раз книгу укравши принес, то бы мне на виселице не бывать».[24] У Летранжа и в лубочной картинке «Зачем мать сына худо учила», воспроизводящей текст басни, появилась уточняющая подробность, указывающая на отношение матери к первой краже сына: «...она, не наказавши, погладила его по головке, и чрез то его к бóльшему воровству впредь ободрила».[25] Сумароков опускает эту деталь, но излагает басню эмоционально, высказывая свое отношение к неразумному поведению любящей матери:

О всем известна мать,
Однако мать
Не хочет мальчика замать,
А я б велел ему все ребры изломать.[26]

Такое отношение к преступным поступкам ребенка, опиравшееся на старую русскую педагогическую традицию, не противоречило и взглядам Дж. Локка. Он не одобрял физические наказания детей, но все же считал, что иногда их следует применять, хотя и очень редко, только по серьезным основаниям и лишь в крайних случаях: «...бить детей есть самое худое средство к исправлению их, следовательно, самое уже послед-

[21] *Аникин В. П.* Начало всех начал // Там же. С. 7.
[22] *Головин В. В.* Русская колыбельная песня в фольклоре и литературе. Åbo, 2000. С. 67–68.
[23] Античная басня. С. 141.
[24] Езоповы басни с нравоучением и примечаниями Рожера Летранжа, вновь изданные, а на российской язык переведены в Санкт-Петербурге канцелярии Академии наук секретарем Сергеем Волчковым. СПб., 1747. С. 305.
[25] *Ровинский Д. А.* Русские народные картинки. СПб., 1881. Кн. 1. Сказки и забавные листы. С. 260–262.
[26] Притчи Александра Сумарокова. СПб., 1769. Кн. 3. С. 23–24.

нее, которое употреблять можно, и только в отчаянном случае, когда все прочие кротчайшие меры, кои можно вздумать, истощены будут без всякой пользы <...> До сей крайности по большей части не что иное доводит, как печальные следствия потачки, которую сперва имели к детям, и небрежение о исправлении их пороков».[27]

В притче Сумарокова под названием «Яйцо» на сюжет басни Лафонтена «Les Femmes et le Secret» («Женщины и секрет») описание детских зимних игр становится художественным приемом — развернутой метафорой. В басне Лафонтена муж решил проверить, не болтлива ли его жена, и сообщил ей, что снес яйцо.[28] У Сумарокова муж пошутил, сказав, что его околдовали, и попросил сохранить появление яйца в тайне: «Не молви этого с соседкой, / Ты знаешь, назовут меня еще наседкой». Однако «ложь ходит завсегда с прибавкой в мире» и слухи разнеслись по всей деревне. Сумароков начинает притчу обширным вступлением, в котором формулирует мораль:

Когда снега не тают,
Рабята из него шары катают,
Сертят
И шар вертят,
Шар больше становится,
Шарочек их шарищем появится.
Да кто ж
На шар похож?
Ложь:
Что больше бродит,
То больше в цену входит:
Снежной шаришка будет шар,
А изо лжи товаришка товар.[29]

В высшей степени одобрительно отозвался об этом сравнении А. С. Шишков «В стихах сих, выключая глагол *сертят*, слишком простонародного, означающего *стоять нагнувшись,* все остальное весьма хорошо. Уподобление возрастания лжи с возрастанием снежного шара есть самое лучшее, какое придумать можно, и притом настоящее русское, напоминающее нам о зимних забавах ребятишек в такое время, когда от теплоты погоды снег делается липким. Некоторые красоты собственно языку нашему свойственны: *шарочек становится шарищем*, не скажешь ни на каком языке, не имеющем умалительных и увеличительных имен <...> Глагол *бродит* весьма хорошо изображает здесь скитание лжи из дома в дом, из уст в уста <...> Конец русской притчи таков, что стих стиха лучше, и последний из них сильнее всех: „Ложь ходит завсегда с прибавкой в мире“ <...> Какая вместе и смешная и огромная картина! Это Гогартов вымысел, изображенный кистию Рафаэля».[30]

Трудно узнать в притче Сумарокова «Одноколка» легенду о Фаэтоне, рассказанную Овидием в «Метаморфозах», или краткое его изложение в одной из проповедей Симеона Полоцкого.[31] Увидев в желании юного Фаэтона управлять крылатой солнечной колесницей своего отца Гелиоса лишь пагубное самодовольство, Симеон Полоцкий заканчивает свое переложение этого сюжета христианским назиданием: «Баснь се есть пиитическая, но родителем в наставлении полезна: да не всякому чад прошению соизволение творят...».[32] Перевод этой легенды Овидия с латинского языка, выполненный студентом Академического университета В. И. Крамаренковым, был помещен

[27] *Локк Дж.* О воспитании детей. Ч. 1. С. 169, 171.
[28] Fables de la Fontain deux cent soixante-huit illustrations de J.-B. Oudry. P. 352–354.
[29] Притчи Александра Сумарокова. СПб., 1762. Кн. 1. С. 19–20.
[30] *Шишков А. С.* Собр. соч. и переводов. СПб., 1828. Ч. 12. С. 137–140.
[31] *Тарковский Р. Б.* Старшие русские переводы как сюжетные источники притч А. П. Сумарокова // Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1971. Т. 26. Древнерусская литература и русская культура XVIII–XX вв. С. 91.
[32] Симеон Полоцкий. Обед душевный. М., 1681. С. 542–542 об.

в мартовском номере «Трудолюбивой пчелы».[33] Сумароков перелагает известный сюжет как трагическое происшествие, случившееся с мальчиком старше семи лет. В этом возрасте по русской традиции кончалось младенчество и ребенку впервые доверяли управлять конем.[34] Отдавая дань жанру, Сумароков начинает с морали: «Отцы, сей притчи вы не забывайте, / Ребятам воли не давайте». Сумароков рисует избалованного дворянского мальчика, любящего резвиться, не знающего ни гнева родителей, ни наказаний:

Мальчишка был изнежен,
Резвиться был прилежен,
Не знает он аза
В глаза,
И что гроза,
И что лоза,
И что слова, которы детям колки...

Картина беспорядочной скачки ребенка в отцовской одноколке изобилует подробностями сельского быта:

Едва конем мальчишка правит,
Свиней, собак и кошек давит,
Мяученье, лай, визг во всей деревне той,
Во всей деревне шум.
Кричат ему: «Постой, направо, влево, прямо!»

В описании переживаний ребенка, оказавшегося в критической ситуации, звучит голос автора, полный сочувствия. Оно отчетливо проявляется в употреблении местоимения «мой» и уменьшительно-ласкательных характеристиках мальчика: «дитя», «дитятя»:

Мальчишка плачет,
Мальчишка мой дрожит,
Дитя мое визжит,
В дитяти сердце ноет,
Мальчишка воет
И вожжи, не учив он кучерских наук,
Пустил из рук <...>
Мальчишка мой, стеня,
Не держит уж коня...

И лишь строка в заключительных стихах, похожая на метафору: «Летит мое дитя с небес»[35] — отсылает читателя к рассказу Овидия. Трагизм этого стихотворения, его эмоциональная напряженность отчетливо ощущается в сравнении с рассказом А. Т. Болотова о том, как в детстве в такой же ситуации он едва не лишился жизни. В соответствии с жанром мемуаров Болотов больше излагает ход событий, чем собственные переживания.[36]

В притче Сумарокова «Учитель и ученик» на сюжет Лафонтена «L'Enfant et le Maître d'Ecole» («Ребенок и учитель»),[37] восходящий к басне Эзопа «Купающийся мальчик»,[38] Сумароков также описывает поведение ребенка в опасной ситуации, сопе-

[33] Баснь о Фаэтоне из Овидиевых превращений // Трудолюбивая пчела. 1759. Март. С. 131–154.

[34] *Шляпкин И. А.* Возрасты человеческой жизни (Из истории человеческих понятий): Речь, [произнесенная на акте имп. Археологического ин-та 25 мая 1907 года]. СПб., 1909. С. 14.

[35] Притчи Александра Сумарокова. СПб., 1762. Кн. 2. С. 14–16.

[36] Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. СПб., 2021. 1738–1757: В 2 кн. Кн. 1. Текст / Подг. текста А. Ю. Веселовой, А. Л. Толмачева. С. 57–58.

[37] Fables de la Fontain deux cent soixante-huit illustrations de J.-B. Oudry. P. 44.

[38] Античная басня. С. 144.

реживая ему. Лафонтен рассказывает, что Учитель, «престрогий человек и славный сочинитель», увидел ребенка, который, резвясь на берегу пруда, упал в воду, но уцепился за ветку ивы. Учитель произносит длинную гневную речь, сочувствуя родителям и одноклассникам шаловливого ученика. Возмущение его столь велико, что он высказывает желание высечь мальчика, но боязливый и слабый ребенок тем временем тонет. Сумароков начинает басню наставлением: «Во время крайности к словам не прилипай, / Да к действию ступай». Учитель у него — «учащихся мучитель», который «не любил <...> ребячьих голосов и резвость ненавидел». Автор не столько излагает сюжет басни, сколько описывает трагическое происшествие глазами свидетеля. Беспомощный ребенок, упавший в колодец,

уж до пояса купался.
На смертном он одре без немощи лежит,
Свиненком он визжит,
Терзаясь ужасом и лютою тоскою,
За ветви дерева держась рукою...

Тем временем Учитель «журил ученика»:

«Тебя потребно сечь».
И стал ему вещать ученейшую речь.
Рабенок молит. —
«Вот теперь меня ты молишь» —
А тот кричит еще, в колодезе стеня:
«Пожалуй, прежде вынь меня
И после говори,
Что ты тогда изволишь».[39]

Мораль басни, сформулированная дважды: в зачине сюжета автором, а в финале ребенком, отчаянно борющимся за свою жизнь, — обращена не к ученику, а к учителю.

Перелагая короткую басню Федра «Pastor et Carella» («Пастух и коза»), Сумароков заменил одного из персонажей и финальную реплику, тем самым придав больше правдоподобия сюжету и усилив комический эффект. У Федра пастух, дубинкой обломивший рог козы, просит не выдавать его хозяину. Коза ответила: «Смолчу, хотя поступок твой и мерзостен, / Но сами вопиют его последствия».[40] В басне Сумарокова «Пастуший сын и коза» ребенок, боясь гнева отца — пастуха и наказания за тот же проступок наивно просит Козу:

«Не сказывай, дружочек,
Что сломлен у тебя рожочек».
Ответствует Коза:
«Дружок, у пастуха еще во лбу глаза».[41]

В притчах о детях на собственные сюжеты Сумароков рисует сцены реальной жизни с ее конфликтами и этическими проблемами, что сказалось на стилистике текстов. Они содержат широкий спектр авторских интонаций. Эти басни тяготеют к небольшому рассказу или новелле и лишены сформулированного назидания, в роли которого иногда выступает остроумная концовка. При краткости, заданной жанром, они в своей совокупности составляют некую фрагментарную картину семейных отношений.

Два мальчика, персонажи басни «Война за бабки», предавались занятию, которое заключалось в ловкости бросания «бабок», в качестве которых использовались кости

[39] Притчи Александра Сумарокова. Кн. 1. С. 43–44.
[40] Античная басня. С. 326.
[41] *Сумароков А. П.* Полн. собр. всех соч. в стихах и прозе. Ч. 7. С. 249 («Притчи», кн. 5).

животных, чаще таранная кость надкопытного сустава коровы. Этой игрой забавлялись и крестьянские, и дворянские дети. Играющие выставляли бабки «на кон» и сбивали их с определенного расстояния такой же костью, но утяжеленной гвоздем или свинцом. Дети поссорились и подрались. Их отцы, вместо того чтобы

ребяток пожурили
Или с отеческой грозой
Посе́кли их лозой,

стали думать и действовать иначе:

Вот то дитя мое,
А то твое
И, следственно, мое мне мило
Твое постыло.

Читатель оказывается свидетелем сцены, в которой жизнь и здоровье ребенка обесценены в угоду отцовскому самоутверждению и ложному пониманию родительской любви:

Один взял мальчика чужого,
Другой другого.
Тот выдрал пук волос и «подписал указ»,
Крича: «Не трогай нас».
Другой, не говоря ни слова,
У мальчика вон вышиб глаз.
За гривы и отцы друг у друга берутся <...>
Соседы их мирят.
Но что за мир: одно дитя хохол поправит,
А глаза в лоб никто другому не поставит! [42]

О трагикомическом разрешении конфликта отца с детьми говорится в басне «Чурбаны». В семье нет покоя: старый отец не может поладить с сыновьями, вышедшими из повиновения:

Два сына у отца, и оба не в него <...>
Отец детьми не может овладети.
Родитель туп и остры дети.

Не желая смириться с этой ситуацией, отец создает для себя иллюзию семейного мира:

Старик велел себе подать чурба́нов
И вырезал болванов.
Родились детушки. Он вопит: «Как хочу,
Своих я детушек теперь поворочу.
От молчаливости они немножко скушны,
Однако завсегда родителю послушны».[43]

Притча Сумарокова «Мальчишка и часы» могла бы служить иллюстрацией к выводам педагогической психологии, получившей развитие лишь в начале XX века. По наблюдениям Л. С. Выготского все, что трехлетний ребенок видит, он оживляет, одушевляет, делает предметом своих фантазий. При этом каждая вещь «заряжена для ребенка <...> притягивающей или отталкивающей силой <...> Всякой вещи присущ

[42] Притчи Александра Сумарокова. Кн. 3. С. 17–18.
[43] Там же. С. 48–49.

какой-то аффект, настолько побудительный, что он приобретает для ребенка характер „принудительного“ аффекта».[44]

Услышал мальчик то, трех лет,
Что нечто во стенных часах стучит и бьет;
Мальчишка ни часов и ни минут не числит,
И о часах по-свойски мыслит.
И кажется ему тогда,
Залезла мышь туда.
Он мыши угрожает,
А именно часы он палкой поражает.
Мальчишка мыши не убил,
Лишь только он часы во дребезги разбил.[45]

Полноправными и активными персонажами стали дети в притче «Рабята и Рак». Свое жанровое определение эта короткая сценка оправдывает только тем, что автор воспроизводит в ней мысли Рака. Авторская позиция не формулируется, она едва намечена в уменьшительно-ласкательном слове «рабятки». События словно совершаются на глазах автора, он пересказывает их, включая в свой свободный стих эмоциональные реплики персонажей:

Рабятки у реки играли,
Не дожидаяся ни ссор, ни драк,
Ан выполз Рак.

Оказавшись в руках детей и не желая терпеть их грубость: «Мне стыдно от рабят ругательство терпеть», Рак «давнул» палец оного из мальчиков.

Кричат рабятки все: «Бездушник он и плут!»
И сделали они над Раком суд.
«Не станешь, — говорят, — напредки куролесить».
Хотят его повесить,
«Да нет веревки тут» — так суетна та речь, —
«Ин голову отсечь».
Хваля такой предлог, рабятки величали
И все они кричали:
«Ура, ура!
Пора, пора!»
Да нет и ножика, не только топора.
Пораненный кричит, ему то всех важнее,
Отмщение ему гораздо всех нужнее:
«Я сам злодею казнь, рабята, изреку:
Возьмем и бросим мы бездельника в реку».
Они сей вымысел и больше величали,
И более еще и прежнего кричали:
«Ура, ура!
Пора, пора!
Не будет от него напредки больше страху,
Не будет более его на свете праху!
Пришла достойная разбойнику кара», —
И бросили его в реку они с размаху.[46]

---

[44] *Выготский Л. С.* Детская психология / Под ред., [с послесловием и комм.] Д. Б. Эльконина // Выготский Л. С. Собр. соч.: В 6 т. М., 1984. Т. 4. С. 341–343.

[45] *Сумароков А. П.* Полн. собр. всех соч. в стихах и прозе. Ч. 7. С. 249–250 («Притчи», кн. 5).

[46] Там же. С. 206–207 («Притчи», кн. 4).

Уникальность этого стихотворения заключается в воспроизведении звуковой структуры детского языка, его диалогичности, особой ритмической организации с повтором отдельных лексем. Сумароков изображает эмоции детей, их испуг, замешательство при поиске выхода из возникшей ситуации и наивное финальное решение. Такое соединение лирического «я» автора и лирического «я» ребенка, передающее детское возбуждение и детский строй мыслей, редкое явление в поэтической стилистике XVIII века. Оно появляется позже, в 1780-е годы в стихотворениях А. С. Шишкова «Песенка на купанье»[47] и «Николашина похвала зимним утехам».[48] Последнее было включено им в перевод двухтомника «Детская библиотека»,[49] в который вошли нравоучительные сочинения о детях, предназначенные для детского чтения. Их авторами были Арно Беркен (Arnaud Berquin, 1749–1791) и И. Г. Кампе (Joachim Heinrich Campe, 1746–1818).

Сделав детей персонажами притчей, Сумароков привлек внимание читателей к проблемам воспитания и внутреннему миру ребенка. Нарушая строгие жанровые рамки притчей, он рассказал о детских играх, слабостях, страхах, переживаниях, о детской неосознанной вере в собственное бессмертие, толкающей их на отчаянные и гибельные поступки, об их стремлении к самоутверждению и попытках в критической ситуации постоять за себя, их наивности. Эти рассказы наполнены авторским присутствием и авторским сочувствием. Притчи Сумарокова о детях предвосхитили появление многочисленной детской литературы, пришедшей в Россию сначала с переводами Шишкова.

Притчи «Рабята и Рак», «Пастуший сын и коза», «Мальчишка и часы» были написаны Сумароковым в 1770-е годы и подготовлены им к печати, но увидели свет уже после его смерти. А в 1774 году он осуществил замысел, связанный с детским образованием. В типографии Академии наук тиражом 400 экземпляров была издана небольшая по формату и объему книжка Сумарокова под названием «Наставление младенцам. Мораль, история и география». С ее помощью Сумароков хотел в игровой форме приобщить детей к изучению основных сведений по истории, географии и морали, которые, по его мнению, были взаимосвязаны.[50] В статье «К добру или худу человек рождается?» Сумароков писал: «Мораль без политики бесполезна, политика без морали бессловесна <...> Мораль и политика делают нас, по размеру просвещения разума и очищения сердца, полезными общему благу. А без того бы человеки давно уже друг друга без остатка истребили».[51] Руководство к этому изданию, каким предварялась «Любовная гадательная книжка» Сумарокова, по-видимому, существовало, но не сохранилось.

Прошло около десяти лет, и «детская» тема продолжила свое развитие в русской литературе. В двадцати номерах журнала Н. И. Новикова «Детское чтение для сердца и разума» (1785–1789) были напечатаны переводы сочинений западноевропейских авторов, предназначенные для детей и рассказывающие о детях, а также стихотворения Н. М. Карамзина, его сентиментальная повесть о любви молодых людей «Евгений и Юлия», драма Н. Н. Сандунова «Добрые дети». Карамзину также принадлежит первая русская повесть «Рыцарь нашего времени» (1802–1803) о судьбе мальчика из дворянской семьи и о тех нежных возвышенных чувствах, которые ему довелось испытать.

---

[47] *Шишков А. С.* Собр. соч. и переводов. Ч. 1. С. 14–16.

[48] Об этом стихотворении подробно см.: *Головин В. В., Николаев О. И.* Г. Кампе «Winterlied» — А. С. Шишков. «Николашина похвала зимним утехам» // Детские чтения. 2017. № 2. С. 346–381.

[49] Детская библиотека, изданная на немецком языке г. Кампе, а с оного переведена г. *** [А. С. Шишковым]. СПб., 1785. Т. 2. С. 14–16.

[50] Подробнее об этом издании см.: *Дёмин А. О.* «Наставление младенцам» А. П. Сумарокова: порядок чтения // Commentarii literarum. Ad honorem viri doctissimi Valentini Colovin / Отв. ред. М. Л. Лурье. СПб., 2020. С. 183–192.

[51] *Сумароков А. П.* К добру или худу человек рождается? // Сумароков А. П. Полн. собр. всех соч. в стихах и прозе. Ч. 10. С. 133.

DOI: 10.31860/0131-6095-2023-3-107-117

О СМЕРТИ АНДРЕЯ ТУРГЕНЕВА ПО НЕОПУБЛИКОВАННЫМ ПИСЬМАМ Д. Н. БЛУДОВА К В. А. ЖУКОВСКОМУ 1803 ГОДА

(ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ И КОММЕНТАРИИ © С. В. БЕРЕЗКИНОЙ; ПОДГОТОВКА ТЕКСТА © С. В. БЕРЕЗКИНОЙ И © Н. Л. ДМИТРИЕВОЙ)

Граф Дмитрий Николаевич Блудов приковывает к себе внимание современных историков в первую очередь как видный государственный деятель эпохи царствований Николая I и Александра II, причастный к широкому спектру важнейших событий и процессов.[1] Значимыми для исследователей остаются и собственно исторические его работы, связанные и с изданием в 1828 году посмертного тома «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина, и со статьями по секретным материалам Государственного архива, вышедшими посмертно, и с записками Блудова, писавшимися по заданию правительства и вызванными такими событиями, как восстание декабристов и смерть Николая I.[2]

Для литературоведов личность Блудова сохраняет неизменный интерес благодаря своей причастности к истории общества «Арзамас» (1815–1818)[3] и дружбе с «арзамасцами» как в пору, когда они таковыми еще не были, так и в дальнейшем, после 1818 года. Блудов познакомился с В. А. Жуковским, будущим неизменным секретарем «Арзамаса», нареченным в нем Светланой, в пору учебы его в московском Университетском благородном пансионе. Сам Блудов получил домашнее образование, но был хорошо знаком со всем близким Жуковскому кругом его соучеников по пансиону. Неопубликованной до сего времени[4] остается самая ранняя и, пожалуй, самая информативно насыщенная часть писем Блудова к Жуковскому,[5] из которых первое датируется концом 1801 года, когда они оба уже состояли на службе (Блудов в Московском архиве Коллегии иностранных дел, Жуковский в Соляной конторе). Эти письма изобилуют ценнейшими свидетельствами, выводящими на поверхность неизвестные факты из жизни Блудова, Жуковского и их дружеского окружения.

Разнообразные сведения содержатся в письмах Блудова 1802–1803 годов об Андрее Ивановиче Тургеневе, старшем из братьев Тургеневых. Соученик Жуковского по пансиону, Тургенев был связан с ним по-особому крепкой, проникновенной дружбой. Блудов писал о нем в письмах к Жуковскому, понимая, насколько важны для него эти сообщения после расставания с друзьями и отъезда в конце мая 1802 года из Москвы на родину в Тульскую губернию (произошло это после получения им отставки). Вместе с тем и самому Блудову Тургенев был очень интересен как поэт, подающий большие надежды, и как многосторонне образованный собеседник с оригинальной трактовкой проблем развития современной литературы. Объединяла их и страстная любовь к театру.

---

[1] См., например: *Долгих Е. В.* К проблеме менталитета российской административной элиты первой половины XIX века: М. А. Корф, Д. Н. Блудов. М., 2006; *Ружицкая И. В.* 1) Просвещенная бюрократия (1800–1860-е гг.). М., 2009. С. 108–156; 2) Законодательная деятельность в царствование императора Николая I. М.; СПб., 2015 (по указ.); 3) Государственный совет при Николае I: особенности функционирования. М.; СПб., 2018 (по указ.).

[2] См.: *Песков А. М.* Блудов Дмитрий Николаевич // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. М., 1989. Т. 1. С. 283–284.

[3] См.: *Майофис М. Л.* Воззвание к Европе: литературное общество «Арзамас» и российский модернизационный проект 1815–1818 годов. М., 2008. С. 348–365, 479–486, 737–741 и др.

[4] П. И. Бартеневым (см.: Русский архив. 1902. № 6. С. 341–348) была осуществлена публикация лишь позднейших писем к Жуковскому Блудова, относящихся к 1819–1831 годам (в основу этой публикации легли следующие архивные материалы: ИРЛИ. № 27928 (32 л., 17 п.)).

[5] Там же. № 21823 (49 л., 29 п., 1801–1817 годы). Далее ссылки на эту единицу хранения даются в тексте сокращенно, с указанием номера листа.

15 августа 1802 года Блудов писал Жуковскому из Москвы, имея в виду только что вышедшую в «Вестнике Европы», с подписью «–в», «Элегию» («Угрюмой осени мертвящая рука...»): «Анд<рея> Ива<новича> Элегия fait beaucoup de bruit;[6] под этим названием расспрашивают меня об авторе, а я, не без самолюбия, говорю: он редкий молодой человек, он обещает быть некогда гением, он мой друг» (л. 5). В этом же письме Блудов, взбудораженный слухами о том, что И. В. Лопухин, по-особому близкий к семье Тургеневых, назначается на должность генерал-прокурора (слухи не оправдались), выражал сожаление об отъезде Андрея Тургенева на службу в русскую дипломатическую миссию в Вене, поскольку уже видел перед ним более высокие возможности в Петербурге.

Блудов был хорошо осведомлен и о творческих занятиях Тургенева, и о полемике его с Жуковским. Перевод шекспировского «Макбета», которым Тургенев занимался весной 1802 года в Вене, вызвал критические замечания со стороны Жуковского относительно фантастического в трагедии, граничащего, по его мнению, с нехудожественным.[7] Полемика о «Макбете» на основании сообщений Тургенева в его письмах и дневнике оценена исследователями как эпизод, «характерный для преромантического литературного сознания».[8] Между тем письмо Блудова от 15 августа 1802 года вносит неожиданный штрих в этот, казалось бы, известный эпизод из истории русского шекспиризма. В нем есть приписка, которая говорит о каком-то творческом замысле самого Жуковского: «Может быть, для тебя интересно знать, что Дюсис сочинил трагедию *Махбета*. Приехавши в П<етер>б<ург>, я постараюсь найти ее и прислать к тебе. Она тебе поможет, если в самом деле захочешь сделать Махбета русского». В письме Блудова речь идет об адаптированном переводе шекспировской трагедии, изданном в 1784 году французским драматургом Ж.-Ф. Дюси (Ducis; 1733–1816). Обещанную книгу Дюси Блудов выслал Жуковскому из Петербурга с письмом от конца декабря 1802 года.

Знакомство с письмами Блудова позволяет внести ясность в датировку записей Жуковского о «Макбете» Дюси. Отзыв о нем был вписан Жуковским в тетрадь (четвертую по счету) под заглавием «Драма и театр», отнесенную в современном Полном собрании сочинений к 1810 году (включено в подборку текстов из шести тетрадей, озаглавленную «<Конспект по истории литературы и критики>», 1805—1811).[9] Письма Блудова к Жуковскому 1802 года позволяют высказать предположение о том, что часть этой тетради, связанная с «Макбетом» (это ее начало, после которого в тетради следует текст иного типа — конспект «Лицея» (1799—1805) Ж.-Ф. Лагарпа), была создана в 1803 году, по-видимому, в первой половине года, т. е. до смерти Андрея Тургенева. Об этом свидетельствует полемическая заостренность мнения Жуковского о «Макбете», вызванная, по-видимому, тургеневским переводом. Заключая свой резко критический разбор произведения, Жуковский пишет: «План Дюсисова „Макбета“ кажется лучше, его Макбет по крайней мере представлен в сражении с самим собою и несчастным от своего преступления; зато он и интереснее. Впрочем, предмет сам по себе неспособен произвесть никакого интереса, он не годится для трагедии. Ужас, им причиняемый, стесняет душу и располагает ее к какой-то унылой робости, которая отменно неприятна и тягостна».[10] В комментарии современного издания высказано предположение, что рассуждение Жуковского о «Макбете» представляет конспект некоего неустановленного источника,[11] однако вероятнее, что это был самостоятельный критический набросок Жуковского, связанный, если можно судить об этом по письму Блудова, с какими-то его творческими планами.

---

[6] наделала много шуму (*фр.*)

[7] См.: *Вацуро В. Э., Виролайнен М. Н.* Письма Андрея Тургенева к Жуковскому // Жуковский и русская культура. Л., 1987. С. 401–402, 406–409.

[8] Там же. С. 353 (вступ. статья *В. Э. Вацуро*); см. также: *Заборов П. Р.* От классицизма к романтизму // Шекспир и русская культура. М.; Л., 1965. С. 83–85; *Левин Ю. Д.* Шекспир и русская культура. Л., 1988. С. 16–17.

[9] *Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М., 2012. Т. 12. С. 458.

[10] Там же. С. 118.

[11] Там же. С. 465.

1 февраля 1803 года Андрей Тургенев вернулся в Петербург, и Блудов, по-видимому, был шокирован переменой, произошедшей в нем за время заграничной командировки, продолжавшейся немногим менее года. «Тургенев здесь. Его грубое и глупое острословие несносно. <...> вчерась и я с ним поссорился» (л. 18 об.), — написал Блудов Жуковскому 10–12 февраля 1803 года. Книга А. Л. Зорина,[12] в которой без купюр печатаются отрывки из дневника Андрея Тургенева за последние месяцы его жизни, показывает, что перемена, действительно, произошла и была следствием вольной венской жизни. Блудов подобным откровениям в общении с приятелями не предавался, тем более что с юных лет был пленен девушкой исключительных нравственных достоинств. В возрасте 16 лет он влюбился в 24-летнюю княжну Анну Щербатову, которая стала его женой спустя одиннадцать лет в 1812 году. Блудов неоднократно упоминал Нанину, как он ее называл, на страницах своих писем к Жуковскому.[13] Умерла она раньше мужа, и М. А. Корф упомянул о жене Блудова в своем дневнике как о «женщине тихой и кроткой и очень обыкновенной, но при всем том нежно им любимой».[14] История Дмитрия и Анны Блудовых — это история любви редкостного благородства и верности.

Нет сомнения, что Андрей Тургенев внял каким-то протестам со стороны Блудова, и их общение вошло в русло живого и, что немаловажно, обоюдно приятного дружеского общения. Вскоре они поселились на одной квартире, о чем Блудов сразу же сообщил Жуковскому. Сообщение сохранилось в виде приписки, отрезанной от какого-то письма: «Надписывай ко мне: в Садовой улице, против ворот Михайловского замка, в доме Петра Ивановича Турчанинова. Андрей <так!> Ивановича пожитки только что привезли в мою квартиру: он будет жить со мной вместе; я этому очень рад. Приезжай к нам!» (л. 12). Переезд произошел, по-видимому, в апреле 1803 года (возможно, после того, как из Петербурга в начале весны (не позднее марта) 1803 года уехали родители Тургенева, приезжавшие повидаться с ним). 28 мая 1803 года в канун отъезда Блудова в Москву в отпуск, где ему предстояло провести около месяца, Тургенев писал Жуковскому: «С Блудовым мы славно здесь поживали, хотя часто спорили <...> Ты бы приехал, брат, в Петербург, хоть на месяц с Блудовым, когда он будет возвращаться»; здесь же он сообщал, что ему «жаль <...> расстаться» с ним; по-видимому, об этом же их совместном проживании идет речь и в письме Тургенева к Жуковскому от начала мая 1803 года.[15] Следует отметить, что в публикации процитированных писем Андрея Тургенева нет разъяснительного примечания к этим фрагментам, поскольку факт проживания Блудова на одной с ним квартире становится известен нам лишь благодаря знакомству с его письмами к Жуковскому.

На этой же квартире началась скоротечная болезнь Андрея Тургенева, здесь же он и скончался от сыпного («пятнистого», как писали современники) тифа 8 июля

---

[12] *Зорин А. Л.* Появление героя: Из истории русской эмоциональной культуры конца XVIII — начала XIX века. М., 2016.

[13] Из письма Блудова от 3 (15) июля 1802 года: «Буду еще при свете луны любоваться портретом; тогда ка́к не мечтать <...> что обладаешь ее прелестями, что <...> буду некогда смотреть на нее, на ее милинькие глазки, закрытые; на ее щеки, где играет румянец самый милый, самый розовый, на грудь ее... ах! тогда в восхищении буду целовать ее, будить, может быть, буду целовать так, как я теперь только портрет целую; как она проснется, взглянет на меня усталыми, томными глазами, улыбнется, пожмет мне руку, которую я поцелую, и в то же время я почувствую горячие ее уста на щеке моей, и в то же время я прижмусь к ее груди, почувствую биение ее сердца — и в то же время ужасное слово: jamais раздается в душе моей <...> Я смотрю еще на портрет, еще целую ее и в слезах, в отчаянии — засну» (л. 2 об.). Ср. в письме Блудова от 27 апреля 1812 года, с которым были отправлены Жуковскому каких-то два портрета его невесты: «Один в наряде, другой во вседневном ее платье. Оба, особливо последний, очень похожи, и точно потому не нравятся моей невесте. Она требовала, чтобы я их бросил: я должен был обещать, но не знаю, отчего мне не хочется их истребить. <...> Сделай одолжение, милый друг, не показывай их никому и побереги у себя, пока время не сделает жены моей благоразумною. <...> завтра наша свадьба, и ты увидишь, или отгадаешь по портрету, какие удовольствия обещает мне завтрашняя ночь. Прости: когда ты получишь мое письмо, я буду уже на век прикован к своей старухе» (л. 24 об. — 25).

[14] *Долгих Е. В.* К проблеме менталитета российской административной элиты... С. 222.

[15] Жуковский и русская культура. С. 427, 426.

1803 года. Блудов в это время был уже в Петербурге, поскольку он вернулся из Москвы в конце июня. Со смертью Тургенева связаны два письма Блудова к Жуковскому, написанные в ноябре–декабре 1803 года. Эти письма не были учтены в работах В. М. Истрина и А. Л. Зорина, где рассматривались все известные исследователям на момент их написания свидетельства о смерти Андрея Тургенева.[16] Не было учтено в них и письмо Жуковского к Блудову от 7 ноября 1803 года, в котором речь шла о Тургеневе и которое впервые было напечатано в новейшем издании поэта.[17] Необходимо восполнить этот пробел в истории потрясшего весь дружеский круг трагического события, проанализировав в ряду материалов о нем переписку Блудова с Жуковским.

Письма Блудова, посвященные смерти Тургенева, представляются явлением странным для эпистолярной культуры того времени, когда проникновенные послания о кончине кого-либо из близких были само собой разумеющимся делом. Блудов не написал Жуковскому письма о Тургеневе сразу же после его смерти. Их переписка вообще прервалась, и последним из известных писем его к Жуковскому перед этим перерывом было именно то, где он извещал о переезде к нему Тургенева. Первым письмом Блудова после этого перерыва было письмо от 20 ноября 1803 года с воспоминанием о Тургеневе, которое писалось под влиянием друзей, предупредивших его о недовольстве Жуковского. Вскоре до Блудова дошло письмо и самого Жуковского от 7 ноября 1803 года, однако оно не было ответным, поскольку тот еще не успел получить его первое письмо. Речь шла о разрыве дружбы, и Блудов почти сразу же начал писать Жуковскому другое письмо о Тургеневе, назвав первое «письмом вертопраха» (подлинник по-французски), поскольку понимал, что ответа на него не будет.[18]

Жуковский требовал от Блудова рассказа о кончине Тургенева: «...ты <...> видел его в последние минуты его жизни».[19] Теперь, когда мы знаем, что Тургенев снимал квартиру вместе с Блудовым, эта просьба не вызывает удивления, тем более что о его присутствии рядом с ним в «последние минуты» Жуковский мог знать и от своих друзей. Однако для Блудова здесь была какая-то сложность, и он, уходя от нее, иначе обозначил в письме от 10 декабря 1803 года свое местонахождение в день смерти Тургенева, ответив Жуковскому, что он о ней «узнал». То есть с ним рядом его в этот день не было! И. П. Тургенев, отец Андрея, в письме к Жуковскому от конца июля — начала августа 1803 года с восхищением и благодарностью упомянул только Петра Кайсарова, указав, что он не испугался заразной болезни сына и был рядом с ним до конца.[20] Болезнь была скоротечной, и оправдание Блудова можно связать с тем, что он видел Андрея Тургенева больным, но не ожидал, что развязка наступит так быстро. Жуковскому Блудов, естественно, не написал о том, где он находился в последний день жизни Тургенева.

Согласно обычаям, по которым составлялись в дружеском или родственном кругу письма о кончине какого-либо лица, они включали сообщения не только непосредственных свидетелей, но и пересказы слышанного от других людей. Например, А. Ф. Мерзляков, писавший убитому горем Александру Тургеневу в конце 1803 года и призывавший его «воскресить» брата Андрея «в самом себе» (автор письма знал о смерти Андрея Тургенева из рассказов его отца и друзей), не обинуясь утверждал: «Сам он, отходя от нас, поручил тебе эту священную должность! Сам он запретил тебе предаваться излишней печали».[21] Подобного сообщения в других текстах не встречает-

---

[16] *Истрин В. М.* Из архива братьев Тургеневых. Смерть Андрея Ивановича Тургенева // Журнал Министерства народного просвещения. 1910. № 3. Отд. 2. С. 1–36; *Зорин А. Л.* Появление героя. С. 480–488.

[17] *Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 15. С. 18–19, 602–603.

[18] Жуковским ответ был дан только на второе письмо Блудова от 10 декабря 1803 года. Он был вполне умиротворенным и написан 21 января 1804 года (Там же. С. 20–22). Этим письмом Жуковского была закончена его размолвка с Блудовым.

[19] Там же. С. 19 (подлинник по-французски).

[20] Архив братьев Тургеневых. СПб., 1911. Вып. 2. Письма и дневник А. И. Тургенева геттингенского периода (1802–1804 гг.) и письма его к А. С. Кайсарову и братьям в Геттинген 1805–1811 гг. / С введением и с прим. В. М. Истрина. СПб., 1911. С. 288.

[21] *Истрин В. М.* Из архива братьев Тургеневых. С. 9.

ся, поэтому можно лишь гадать, было ли это в действительности сказано Тургеневым о брате или же домыслено Мерзляковым в жанровых рамках старинного некролога.

Письма Блудова об Андрее Тургеневе необычны в ряду эпистол такого рода, поскольку лишены искусных стилистических клише, призванных возвысить человека в рассказе о его кончине. Блудов пишет Жуковскому об умершем друге с сочувствием и печалью, но не касается воспоминаний о последних моментах из его жизни. Письмо от 10 декабря 1803 года информативно сосредоточено на результатах первоначального разбора архива Андрея Тургенева, что придает сообщениям в нем большую ценность. В целом же, оба этих письма Блудова, при всей их искренности, оставляют впечатление какой-то недоговоренности, как будто он уклонился от воспоминания о смерти Андрея Тургенева.

Среди писем о Тургеневе нет ни одного, где упоминалось бы последнее церковное напутствие; можно предположить, что такового и не было (возможно, из-за какого-то опоздания); о нем не говорится и в письме митрополита Платона (Левшина), написанном 23 июля 1803 года в ответ на письмо к нему И. П. Тургенева и повествующем лишь об «истинной вере», «благой надежде» и воспитании сына «в благочестии, утвержденном благонравием».[22] Если бы умирающий приобщился Святых Даров, митрополит, который отвечал И. П. Тургеневу на просьбу об утешении в связи со смертью сына, упомянул бы об этом в первую очередь. Отсутствие последнего церковного напутствия могло смутить Блудова, который и в молодые годы был человеком религиозным.[23] Об этом вспоминал Ф. Ф. Вигель, восхищавшийся смелостью и независимостью Блудова: в то время, когда «неверие почиталось непременным условием просвещения», а целомудрие «верным признаком слабоумия», он не скрывал ни своих убеждений, ни своих чувств.[24]

Два письма Блудова к Жуковскому 1803 года публикуются по автографам (ИРЛИ. № 21823. Л. 12–17 об.). Орфография и пунктуация писем приведены в соответствие с современными нормами, но с сохранением некоторых особенностей оригинала.

1

Из Петербурга
Сего ноября 20-го <1803 года>.

Наконец я могу писать к тебе, любезный друг, и следственно, просить у тебя прощения.[1] Для чего я не писал к тебе до сих пор, для чего, казалось, забыл тебя?.. Ответ известный: для того, что ленился; и теперь тороплюсь писать и пишу мало, для того, что не перестал быть ленивым. Вероятно, никогда не перестану, однако ж буду писать к тебе и часто, ибо дружба побеждает все трудности. Если б ты знал, как ужасно было для меня не получать о тебе никаких известий и, по обыкновению, сомневаться в твоей дружбе (хотя ты мне запретил это делать), то, конечно, простил бы мне мою вину, которая меня сама уже наказывала. Впрочем, я имел причины молчать: сначала для того, чтоб не возвещать тебе о потере друга, после для того, что не знал, как себя извинить в беспечности непростительной, в рассуждении нашего доброго и любезного Андрея Ивановича, за которую ты по справедливости на меня сердился и которой я сам не понимаю и не прощу себе (надеюсь, однако ж, что *ты* меня простишь и что гнев будет гневом друга; vous ne pouvez pas m'en dire plus, que je ne m'en dis

[22] Там же. С. 14.

[23] В письме от 29 ноября 1817 года Блудов дал оригинальное толкование знаменитого изречения Жуковского «Всё в жизни к прекрасному средство», свидетельствующее, на наш взгляд, о высоком градусе религиозности автора письма: «Дай Бог скорее и благополучнее дойти к сему прекрасному, то есть к *тихому* гробу; но дотоле, однако ж, дай Бог! пожить с тобою и с другими друзьями, *близкими к тебе*» (л. 32 об.).

[24] *Вигель Ф. Ф.* Записки. М., 2000. С. 129–131; см. также: *Ружицкая И. В.* «Просвещенная бюрократия» (1800–1860-е гг.). С. 112.

moi-même, et nous nous parlons si rarement, qu-il ne faut pas perdre le temps en reproches[2]). После... не писал оттого, что должен был написать письмо длинное; такое, как теперь. Сделай милость, помирись со мною, то есть отвечай мне: брани меня, или лучше не брани, потому что я жалок. Надеюсь, друг мой, что ни отдаление, ни долгое молчание, ни мои глупости не лишат меня твоей дружбы; надеюсь, если могу судить о тебе, по себе самому.

Желал бы сказать тебе что-нибудь об Андрее Ивановиче, то есть о моих сожалениях, но не могу, потому что пришел сейчас от *одной женщины*; et quand la tête est remplie de frivolités, d'obscenités peut-être, ce n'est pas le temps de parler d'amis morts.[3] Скажу только, что я стал любить его гораздо больше с тех пор, как нет его; по крайней мере, мне так кажется; может быть, также сожаление *уведомило* меня о всей моей привязанности к нему и о всех его достоинствах. Замечаю также, что я и тебя люблю гораздо больше, когда мы розно, нежели, когда вместе. Прости, друг мой, люби меня столько же, как я тебя, пиши больше; пиши обо всем, что касается до тебя, о твоих делах бессмертных (à propos, est-il vrai, que *vous* serez le rédacteur du Courrier d'Europe?[4]), о всех своих упражнениях. Прости. Ты, я думаю, получил L'Esprit des lois, два последние тома,[5] и своего Телемаха,[6] и поэму La Pitié, которая (par parenthèse[7]) не годится никуда.[8] Прости. Je vais retrouver une Nymphe qui m'attend.[9]

[1] По-видимому, до Блудова дошли слухи от кого-то из петербургских приятелей (вероятнее всего, от братьев Кайсаровых) о том, что Жуковский, по его словам, «сердился» на него за «беспечность непростительную, в рассуждении нашего доброго и любезного Андрея Ивановича».

[2] ты не можешь сказать мне об этом больше, чем я сам себе говорю, а мы разговариваем так редко, что незачем тратить время на упреки (*фр.*)

[3] а когда в голове фривольности, может быть, даже непристойности, не время говорить об умерших друзьях (*фр.*)

[4] кстати, это правда, что *ты* будешь редактором «Вестника Европы» (*фр.*)? Из сообщения Блудова можно сделать вывод, что слухи о Жуковском как редакторе журнала «Вестник Европы» появились уже в конце 1803 года. Они могли быть связаны с приездом Жуковского к Карамзину в мае 1803 года, когда он жил у него на даче в подмосковном Свирлове. Редактором журнала, однако, Жуковский стал только в 1808 году.

[5] Речь идет о посылке книг Жуковскому осенью 1803 года, которую Блудов не соблаговолил сопроводить письмом к нему. Именно этот жест недовольный Жуковский назвал в своем письме к Блудову от 7 ноября 1803 года «пантомимой» (*Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 15. С. 18). Среди полученных им книг были последние два тома четырехтомного труда французского публициста и политического деятеля А.-Ф.-К. Феррана «Дух истории, или Письма отца к сыну о политике и морали» («L'esprit de l'Histoire, ou Lettres politique et morales d'un pere a son fils»), вышедшего в Париже в 1802 году. В начале марта 1803 года Блудов выслал Жуковскому два первых тома по его просьбе, о которой известно из упоминания о ней в письме от 10–12 февраля 1802 года: «Твою книгу „Esprit de l'Histoire" поищу, но без надежды», — обещал в нем Блудов (л. 18). Жуковский хотел перевести труд Феррана и увлек этим замыслом Андрея Тургенева. Этот перевод, который они поделили «пополам», неоднократно упоминался в их переписке весной 1803 года (см. об этом: *Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 15. С. 602–603). Блудов в письме от 20 ноября 1803 года привел название высылаемого издания с ошибкой, вызванной воспоминанием о книге «De l'Esprit des loix» («О духе законов», 1748) Ш.-Л. Монтескье; о том, что им выслан был именно Ферран, свидетельствует письмо Жуковского от 7 ноября 1803 года, где приведено точное название книги (Там же. С. 18). Посылка последних томов Феррана могла быть связана с предсмертной просьбой Тургенева (по-видимому, это была та часть, которую должен был переводить именно он); в библиотеке поэта издание не сохранилось.

[6] Имеется в виду роман Ф. Фенелона «Приключения Телемака» (1699), сохранившийся в библиотеке Жуковского только в русском издании 1839 года. Возвращение Жуковскому какого-то принадлежащего ему издания («...ты, я думаю, получил <...> своего Телемаха...») могло быть связано с разбором книг Андрея Тургенева.

[7] в скобках (*фр.*)

[8] Поэма Ж. Делиля была опубликована в 1803 году под названием «La Pitié» («Сострадание»), в 1804 году — под названием «Le Malheur et la Pitié» («Несчастье и сострадание»). О ней Блудов писал Жуковскому в письмах 31 октября и в конце декабря 1802 года (л. 9 об., 11 об.).

[9] Иду к одной Нимфе, меня ожидающей (*фр.*).

2

10 Décembre <1803 года; Петербург>

Je vous écris à la hâte, mon bon ami, et je vous écris avec de l'encre rouge n'en ayant pas d'autre dans l'instant. Je vous demande bien des pardons pour mon silence, et je vous en demande bien d'autres pour ma dernière lettre, que vous devez avoir reçue et qui est celle d'un étourdi. Je sens bien que ce n'étoit là le ton, dont devoit être une lettre qu'on écrit à un homme affligé; surtout quand on doit l'être soi-même et qu'on l'est en effet malgré les apparences. Mais je vous écrivois dans un de ces accès de gaieté folle, qui me viennent fort rarement et qui me viennent toujours mal-à-propos. J'espère que vous voudrez bien me pardonner tout cela, du moins en faveur de ma sincérité; j'espère que vous ne voudrez pas me juger d'après quelques étourderies, où j'ai paru plus coupable que je ne l'étais.

J'ai maintenant à vous parler de votre lettre que j'ai reçue un mois après son départ. (C'est bien du plaisir retardé.) Je vous remercie et vais vous répondre comme je pourrai.

Vous me grondez et vous avez raison. Vous me pardonnez et vous avez bien raison encore, car je le mérite au moins autant que les reproches. Vous me demandez si je veux *rester* votre ami? Cette demande seroit impardonnable dans une autre occasion: elle n'est peut-être que juste en celle-ci. En tout cas la réponse n'est point douteuse: j'entends trop mes intérêts pour me priver de l'amitié *d'un homme tel que vous* et surtout de *votre* amitié. Cette phrase est précieuse, mais n'importe, elle rend bien ma pensée, et je vous aime autant pour vous-même que je vous estime pour votre mérite. Ne doutez pas de mes sentiments, mon ami, et laissez-moi douter tout seul, puisqu'enfin la nature m'a fait douteur. Je ne sais pas, si c'est par politesse que vous me reprochez de ne vous avoir consolé sur la mort de *notre* ami. Je sais bien toujours que ce n'est pas là mon affaire et je ne suis pas plus en état de consoler les personnes vraiment affligées, que celles qui ne le sont pas. Le premier emploi est impossible, le second est ridicule. Vous n'êtes pas dans la règle générale, mais vous ne pouviez pas non plus être consolé ni par moi, ni par personne. Ce qu'il falloit faire? C'etoit de nous affliger ensemble, et en ne le faisant pas, j'ai beaucoup perdu. Ce n'est pas, mon cher, par froideur, mais bien par intérêt que j'ai laissé à d'autres à vous apprendre la nouvelle de la mort de Tourguénef. Mettez-vous un moment à ma place et jugez s'il n'étoit pas possible de vous annoncer un événement auquel pourtant je n'ai pu croire, lorsqu'on me l'apprit, et auquel je ne puis encore penser sans douleur. Non, mon cher, ce n'est point aux affligés à s'apprendre le sujet de leurs pleurs: ce soin est mieux rempli par un homme indifférent, ou du moins par un homme qui ne fait que *prendre part* à notre douleur.

Je sens que ma lettre sera trop longue, mais j'ai tant de choses à vous dire... Bornons-nous à celles qui vous consernent. Votre commission étoit remplie avant que je reçoive votre lettre. Les papiers d'A... sont encore ici. Les Mrs Kayssaroff doutent s'ils les renverront à son père, ou à son frère, qui les redemande, et je serais pour le dernier. Je ne sais pas exactement en quoi ils consistent, mais il s'y trouve une partie de son journal et des différentes lettres qu'il a reçues: le reste est encore à Vienne. D'ailleurs Kayssaroff n'a voulu entrer avec moi en aucun détail sur tout cela, peut-être par discrétion. Une chose assez singulière et que je puis vous apprendre: à vous sans craindre d'être ridicule c'est qu'à la dernière feuille de son journal écrite quelques jours avant sa maladie il parle longtemps de la mort et dit qu'il trouve la plus grande douceur à y songer. Je ne veux pas en faire preuve pour les pressentiments auxquels j'ai toujours tenu, comme vous le savez bien; mais peut-être il est consolant pour ses amis de penser qu'il a reçu le trépas sans s'effrayer et que sa mort n'a été un mal que pour les autres. Vous apprendrez sans doute avec plaisir que cet excellent ami étoit encore l'homme le plus bienfaisant. Vous le saviez déjà peut-être; pour moi je ne l'appris qu'après sa mort et pourtant je le voyois tous les jours. Nous avons beaucoup perdu, mon ami, et nous ne sommes pas les seuls: nous ne ferons sans doute pas d'élégie sur sa mort, mais malheur à nous, si jamais nous oublions combien nous lui devons de regrets.

Que vous dirai-je de Rodzianka. Il est à la campagne chez son père; toujours malade (d'esprit), mais qui, dit-on, va mieux. Avant son départ il vous a écrit une lettre, dans laquelle il disoit qu'il rompoit avec vous et que vous étiez le plus perfide des hommes. Kayssaroff l'a détourné de vous l'envoyer. Vous ne vous en fâcherez pas et c'est pour cela que je vous le dis. On m'a appris encore que son père avoit le dessein de le marier. A moins qu'il n'ait entièrement changé, je crois qu'une femme lui sera insupportable, et *in vice versa*. En tout cas il est bien malheureux. Il n'a point eu de fièvre brulante, mais la cause de sa maladie a été son entière solitude et surtout son inaction. Il faut avouer que les jeunes gens de quelques talents sont bien embarassés sur le genre de vie. Soyez du monde et vous devenez frivoles, et adieu les talents; vivez seul et vous perdez l'esprit. Heureux qui comme vous peut passer une partie de son temps dans une agréable solitude et l'autre dans la société des gens de lettres.

Vous dites que vous ne faites rien et c'est bien mal faire. Je ne sais pourquoi cette oisiveté, mais si c'est de douleur, j'en suis bien plus fâché encore que du reste. Mon ami, c'est aux occupations à nous consoler, et c'est même le seul moyen de l'être.

...Exilés dans ce séjour profane
Cultivez les arts enchanteurs.

Occupez-vous, mon cher, pour votre bien, et pour le notre et m'écrivez du moins quelques fois. Ignorant si vous êtes à Belief ou à Moscou j'adresse ma lettre à Bosniak. Vous trouverez mon adresse. Pour celle de Kayssaroff elle est inutile: je le vois souvent et puis lui remettre vos lettres.

Mon adresse:

За Литейной улицею, в новой Италианской слободе, в доме Татаринова.

Перевод:

10 декабря <1803 года; Петербург>

Тороплюсь написать тебе, мой добрый друг, пишу красными чернилами, поскольку других нет под рукой. Прости меня за молчание, и еще более за последнее письмо, которое ты, должно быть, получил, и это письмо вертопраха.[1] Чувствую, что тон письма не тот, каким должен бы быть тон письма, обращенного к скорбящему человеку, тем более что и автор письма должен скорбеть, и так оно и есть на самом деле, вопреки видимости. Но я писал к тебе, когда на меня напал приступ безумного веселья, что со мной случается крайне редко и всегда некстати. Я надеюсь, ты простишь меня за все это, хотя бы ради моей искренности. Я надеюсь, ты не станешь судить меня за мое легкомыслие, я кажусь более виноватым, чем я есть на самом деле.

Теперь хочу поговорить о твоем письме, которое я получил через месяц после его отправки.[2] (Вот отложенное удовольствие.) Благодарю тебя и отвечу, как сумею.

Ты меня ругаешь, и ты прав. Ты меня прощаешь, и ты опять прав, так как я этого заслуживаю, по крайней мере, не меньше, чем упреков. Ты меня спрашиваешь, хочу ли я *оставаться* твоим другом.[3] Этот вопрос был бы непростителен при других обстоятельствах; возможно, он справедлив в данной ситуации. В любом случае не следует сомневаться в ответе: я слишком дорожу своими интересами, чтобы потерять дружбу *такого человека, как ты*, и особенно *твою* дружбу. Эта фраза получилась манерной, ну и пусть: она верно передает мою мысль, и я равно люблю тебя самого и уважаю тебя за твои достоинства. Не сомневайся в моих чувствах, друг мой, и позволь мне одному сомневаться, потому что я от природы человек сомневающийся. Не знаю, из вежливости ли ты упрекаешь меня в том, что я не утешал тебя по поводу смерти *нашего* друга. Я знаю, что это не моя стихия, и я не умею утешать как тех, кто действительно скорбит, так и тех, кто равнодушен. Первое невозможно, второе нелепо. Ты — особый человек, но ни я, ни кто другой не в состоянии тебя утешить. Что же нужно было делать? Скорбеть вместе, и я, не сделав этого, многое потерял. Дорогой мой, то, что я решил, чтобы

другие сообщили тебе о смерти Тургенева, — это не из-за равнодушия, а напротив, из сочувствия. Поставь себя на мое место и подумай, каково сообщить тебе такую новость, которой я не мог поверить, когда я ее узнал,[4] и о чем и сейчас не могу думать без страдания. Нет, мой дорогой, сообщать друг другу о горестных событиях следует не тем, кто скорбит: лучше это поручить незаинтересованному лицу или тому, кто только *соболезнует* нашему горю.[5]

Чувствую, что мое письмо получится слишком длинным, но мне столько всего надо тебе рассказать... Ограничимся тем, что касается тебя. Твое поручение было выполнено раньше, чем я получил твое письмо. Бумаги А<ндрея> еще здесь. Кайсаровы колеблются, отослать ли их его отцу или брату, который их запрашивает.[6] Я за последний вариант. Не знаю точно, что они включают, но там есть часть его дневника и разные письма к нему.[7] Все остальное еще в Вене.[8] Впрочем, Кайсаров не захотел сообщить мне подробности обо всем этом, возможно, из соображений корректности. Есть одна особенная вещь, которую я могу тебе рассказать: именно тебе, не боясь показаться смешным, — на последней странице его дневника, где он писал за несколько дней до болезни, он много говорит о смерти и спокойно размышляет о ней.[9] Я не хочу говорить тут о доказательстве предчувствий, в которые я всегда верил, как ты знаешь; но, может быть, утешительно для его друзей думать, что он ушел в мир иной без страха и что его смерть оказалась горем только для других. Без сомнения, ты с удовольствием узнаешь, что этот прекрасный друг был благодетелем.[10] Возможно, ты уже это знал: я об этом узнал только после его смерти, а ведь я его видел каждый день. Мы многое потеряли, мой друг, и не мы одни: мы, конечно, не станем писать элегию на его смерть,[11] но горе нам, если мы забудем, как нам его не хватает.

Что сказать тебе о Родзянке. Он в деревне у отца; по-прежнему болен (душевно), но, говорят, ему лучше.[12] До отъезда он написал тебе письмо, в котором говорил, что порывает с тобой и что ты самый коварный из людей. Кайсаров уговорил его не отсылать письма. Ты на это не рассердишься, потому я тебе об этом и сообщаю. Мне сказали еще, что его отец имел намерение женить его. Если только он совершенно не изменился, думаю, жена для него невыносима, и *in vice versa*.[13] Так или иначе, он очень несчастен. У него не было горячки, но причина его болезни — полное одиночество и, главное, бездеятельность. Надо признать, что молодые люди, наделенные хоть какими-то талантами, оказываются в затруднении перед жизнью. Живите в свете и станете легкомысленны, и тогда прощайте, таланты; живите в одиночестве и лишитесь ума. Счастлив тот, кто, как ты, может проводить часть времени в приятном одиночестве, а другую — в обществе литераторов.

Ты говоришь, что ничем не занимаешься и что это плохо.[14] Не знаю, отчего эта праздность, но, если это от горя, это еще более досадно, на мой взгляд. Друг мой, утешения надо искать в занятиях, и это единственный способ для этого.

...Теперь томяся в злой стране сует и муки,
Старайтесь изучать приятные науки.[15]

Найди занятие, мой дорогой, для твоего блага и для нашего, и пиши мне иногда. Не зная, в Белеве ты или в Москве, посылаю письмо Бошняку.[16] Ты найдешь мой адрес. Что касается адреса Кайсарова, он не нужен: я его часто вижу и могу передать ему твои письма.

Мой адрес:

За Литейной улицею, в новой Италианской слободе, в доме Татаринова.

[1] Имеется в виду первое письмо Блудова от 20 ноября 1803 года.

[2] Речь идет о письме Жуковского к Блудову от 7 ноября 1803 года с упреками в молчании по поводу смерти Тургенева. Блудов пишет, что получил его «через месяц», т. е. 7 декабря 1803 года.

[3] Имеются в виду следующие слова Жуковского в письме Блудову: «Я не могу заставлять любить меня, это твое дело или, лучше сказать, дело твоего сердца. Но если я могу полагаться на свое впечатление, я верю, что ты мне друг, по крайней мере, ты мне казался другом. Теперь твое дело меня разубедить. Мне нужно всё или ничего. В дружбе не бывает середины. Будь добр

написать, если ты не переменился в отношении ко мне» (*Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 15. С. 19, подлинник по-французски).

[4] О значимости для Блудова слов, говоривших Жуковскому о том, что он не присутствовал при «последних минутах» Тургенева, см. вступ. статью.

[5] В письме от 7 ноября 1803 года Жуковский с сожалением писал Блудову о том, что узнал о смерти друга от «чужих» (кого он так охарактеризовал, неизвестно).

[6] «Поручение», о котором говорит Блудов, было дано ему в письме Жуковского от 7 ноября 1803 года: «...нужно узнать, куда делись бумаги и письма Андрея Т<ургенева>; у кого они остались; сделай одолжение, извести меня по этому поводу. Отправь мне <...> адрес Петра Кайсарова» (*Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 15. С. 19). Блудов в ответном письме говорит о Кайсаровых, живших в этом время вместе в Петербурге, имея в виду братьев Петра (1777–1854), чиновника Министерства внутренних дел, и Михаила (1780–1825), чиновника Коллегии иностранных дел (двух других братьев Кайсаровых, Андрея и Паисия, в Петербурге в это время не было). Желание видеть бумаги и письма Тургенева было связано с намерением Жуковского издать их, которое он выразил в двух письмах к И. П. Тургеневу; первое из них не сохранилось, во втором, от 11 августа 1803 года, он писал: «Осмелюсь напомнить Вам <...> о моей просьбе переписать письма и другие интересные бумаги покойника. <...> Итак, Вы позволите мне быть издателем его писем, которые посвящу Вам; Вы позволите приобщить мне к ним краткую историю жизни его: пускай все знают, кто он был и что он был для тех, которые были с ним связаны тесными узами. Вот памятник его достойный!» (Там же. С. 16–17; в письме на с. 16 сделано ошибочное раскрытие «П. С.» как Паисия Сергеевича Кайсарова, хотя речь шла о Петре Кайсарове).

[7] Судьба архива Андрея Тургенева оказалась сложной (о лакунах в нем см.: *Зорин А. Л.* Появление героя. С. 484). Александр Тургенев спрашивал о нем у Жуковского 1 (13) февраля 1804 года из Геттингена: «...уведомь меня, где бумаги братнины, мои письма, книги его, платье и всё, всё; у Батюшки ли всё это или еще в Петербурге? Сохраните все его остатки» (Архив братьев Тургеневых. Вып. 2. С. 272). 7 марта 1805 года Ал. Тургенев сообщал А. С. Кайсарову из Москвы: «Из братниных бумаг я почти ничего не получил, только письма наши, и то не все. Желтой книги нет» (Там же. С. 335); под последней подразумевался, по-видимому, какой-то неизвестный дневник или тетрадь Тургенева с сочинениями, переводами и т. п. Впоследствии, в связи с редакторской работой в «Вестнике Европы», Жуковский не раз обращался к Ал. Тургеневу с просьбой о тех или иных бумагах брата, но никаких публикаций по ним так и не появилось (см.: *Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 15. С. 54, 61, 77, 625, 630, 644).

[8] Имеются в виду бумаги, оставшиеся в Вене в русской дипломатической миссии, куда Андрей Тургенев выезжал в 1802–1803 годах. По-видимому, они не были возвращены в Россию.

[9] Дневниковые записи Тургенева за конец июня 1803 года, с фотографией последней страницы дневника, см.: *Зорин А. Л.* Появление героя. С. 478–479; нельзя, однако, сказать, подобно Блудову, что «на последней странице его дневника <...> он много говорит о смерти и спокойно размышляет о ней».

[10] Речь идет о каких-то актах благотворительности Тургенева.

[11] Вероятнее всего, Блудов не знал о написанной Жуковским элегии «На смерть А<ндрея Тургенева>» (датируется 17–20 июля 1803 года; ср.: *Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 1. С. 59, 439–440; здесь же перечислено несколько копий стихотворения, из которых лишь одна, сделанная рукой неизвестного, вышла не из родственного Жуковскому семейства Протасовых). Элегия была выслана Жуковским в первом же письме в Москву к И. П. Тургеневу (*Истрин В. М.* Из архива братьев Тургеневых. С. 4). Тот вернул ему стихи со словами «не пошлю их Карамзину», разрешив при этом печатать их «в утешение» себе, т. е. автору (Архив братьев Тургеневых. Вып. 2. С. 288). Поэт ответил И. П. Тургеневу 11 августа 1803 года: «А стихов моих не должно печатать: я горд именем его друга, но такими ли стихами я должен почтить кончину его? Они писаны для меня и для Вас. Публика смотрит на стихи, а не на чувства. Она не поймет меня» (*Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 15. С. 17). Сразу же после похорон к И. П. Тургеневу ездил для встречи Петр Кайсаров, но тот, по-видимому, не сообщил ему (или кому-либо другому из друзей сына, например, в Москве) о стихотворении Жуковского. Слова Блудова «мы, конечно, не станем писать элегию на его смерть», обращенные к поэту, трудно объяснимы, но, возможно, они относились только к петербургским друзьям Андрея Тургенева (среди них были поэты, как, например, Петр и Михаил Кайсаровы).

[12] О сумасшествии Семена Емельяновича Родзянко (1782–1808?), поэта и переводчика, в недавнем прошлом соученика Жуковского по московскому Университетскому благородному пансиону, говорилось в его письме к Блудову от 7 ноября 1803 года: «Ради Бога, не забудь мне сказать, что случилось с Родзянкой: мне ничего не известно о его судьбе. Где он? Как его дела? Он очень несчастлив! Дай Бог, что его состояние всего лишь какая-то кратковременная болезнь. <...> Он всегда был незаурядным человеком» (Там же. С. 19). Отвечая ему, Блудов упоминает о «бездеятельности» Родзянко, который не состоял на службе, и его отце Емельяне Семеновиче Родзянко, помещике Полтавской губернии. Архив Родзянко, поэта и переводчика, не сохра-

нился. См.: *Лямина Е. Э.* Родзянко (Родзянка) Семен Емельянович // Русские писатели. 1800–1917. Т. 5. С. 312–313.

[13] наоборот (*лат.*)

[14] Ср. в письме Жуковского: «Я по-прежнему в Белеве. Строю дом, засаживаю сад и ничего не делаю» (*Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 15. С. 19).

[15] Строки из гимна Ж. Делиля «Дифирамб бессмертию души» («Dithyrambe sur l'immortalité de l'âme», 1794). В 1806 году Жуковским был написан «Отрывок из Делилева Дифирамба на бессмертие души» (опубл. 1807). О работе над ним поэта в контексте других русских переводов стихотворения того времени, в том числе А. Ф. Лабзина 1804 года (в сноске к письму Блудова использован перевод Лабзина), см.: Там же. Т. 1. С. 469–471. О «Дифирамбе» Делиля Андрей Тургенев упоминал в письме к Жуковскому от 9 марта 1803 года (Жуковский и русская культура. С. 422).

[16] Бошняк Александр Карлович (1786–1831) — воспитанник московского Университетского благородного пансиона, где учился с 1799 года и где близко сошелся с Жуковским и его кругом, с 1804 года чиновник московского архива Коллегии иностранных дел (см.: *Бочков В. Н.* Бошняк Александр Карлович // Русские писатели. 1800–1917. Т. 1. С. 323). Блудов пользовался его посредничеством в своей переписке, поскольку дом Бошняка находился рядом с домом его матери.

DOI: 10.31860/0131-6095-2022-3-117-126

© ***М. В. Строганов***

А. С. ГРИБОЕДОВ И М. Н. ЗАГОСКИН, ИЛИ О ПРОБЛЕМЕ ОПИСАНИЯ ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОЦЕССА

Процесс профессионализации разных сфер деятельности являлся составной частью формирования публичной сферы и гражданского общества; он сопровождался возникновением сообществ двух типов: организации (профессиональные сообщества, которым свойственна ярко выраженная рефлексия идентичности) и группы (полупрофессиональные, соответственно слабо выраженная или вовсе не выраженная рефлексия) — и многочисленных переходных форм между ними. Интерес к этой области общественной жизни при изучении литературного процесса вполне закономерен.[1] Однако при таком подходе к описанию литературного ряда позиция автора оказывается манифестацией позиции сообщества, хотя, разумеется, постоянно вводятся уточнения о специфике конкретного выступления или личности. Но как ни уточняй эту специфику, она все же остается только спецификой в рамках сообщества, а сами выступление или личность — только функциями, агентами влияния групп и организаций. Неадекватность такого подхода наиболее наглядно становится очевидной при изучении либо реконструируемых групп, либо фигур, которые мы условно назовем периферийными — в том смысле, что они, конечно, не факультативны, но и не отражают ключевые позиции сообщества. Героями настоящих заметок являются А. С. Грибоедов, которого обычно относят к реконструируемой литературной группе младоархаистов, и М. Н. Загоскин, который в дороманный период был периферийной фигурой, поскольку он сам в это время еще не осмыслил свою литературно-общественную позицию со всей определенностью.

1

Согласно общепринятому мнению, Грибоедов вступает в литературу в качестве литературного сторонника князя А. А. Шаховского, а жанр, с которым Грибоедов дебютировал как драматург, зародился в творчестве того же Шаховского.

[1] *Бодрова А. С.* Литературные общества в России первой половины XIX века: проблемы междисциплинарного описания // Русская литература. 2021. № 1. С. 5–18.

Между тем пьеса Шаховского, которая считается первой русской светской комедией, и «Молодые супруги» Грибоедова были созданы фактически параллельно. Причем следует учесть, что хотя Грибоедов писал «Молодых супругов» по совету Шаховского, но закончил комедию, вероятно, даже раньше, чем тот свои «Липецкие воды», в 1814 году, еще до приезда в Петербург.[2] Тем не менее грибоедовская комедия увидела свет рампы позднее, чем «Урок кокеткам». И хотя разница в премьерах составила всего шесть дней, однако, как известно, «липецкий потоп» поглотил в себе комедию Грибоедова, который поэтому и оказался для общественного сознания в фарватере Шаховского. Разумеется, комедия «Урок кокеткам» имела преимущество злободневной сатиры, мастером которой Шаховской являлся со времен «Нового Стерна» (1805). Кроме того, литературный стаж Шаховского был значительнее, чем стаж Грибоедова. И все же выступили они единым строем, однако в истории литературы Грибоедов получил роль только героя второго плана, роль наперсника и литературного сторонника Шаховского, который, впрочем, к 1815 году перевел и сочинил не менее двенадцати драматических произведений.

Быть может, на роль центральной фигуры Грибоедов пока еще и сам не претендовал и поэтому без обиды довольствовался ролью правой руки, ближайшего к сердцу, младшего брата, наследника Шаховского, поскольку все это были весьма почетные места. Но совершенно очевидно, что каждый автор хочет услышать какой-то отклик и на свое сочинение, а откликов фактически и не было. Поэтому Грибоедов написал эпиграмму «От Аполлона». Отлучая в ней от подлинного искусства все толки об «Уроке кокеткам», он на самом деле приглашал поговорить о «Молодых супругах». Не лишено символизма и совпадение дат: цензурное разрешение номера «Сына отечества», в котором была опубликована эпиграмма Грибоедова, состоялось 29 ноября 1815 года, ровно через два месяца после премьеры «Молодых супругов».

Появление эпиграммы «От Аполлона» можно, разумеется, рассматривать как факт литературной полемики: Грибоедов выступил якобы на стороне Шаховского, и мы всегда именно так и смотрим на нее. Но прямой смысл эпиграммы вступает в противоречие с интерпретацией этого текста в рамках только литературной партийной полемики: Грибоедов выступает не от имени какой-то партии, а пытается занять надпартийную позицию. Ему не важно, «в укору» или «в похвалу» пишутся сочинения об «Уроке кокеткам». Важно, чтобы они уже прекратились, потому что есть и другие замечательные произведения, например «Молодые супруги». И дело не в том, что «Молодые супруги» написаны с отличных от Шаховского литературных позиций, а в том, что созданы они Грибоедовым. Это выступление не имеет никакого отношения к журнальным спорам архаистов и новаторов, арзамасцев и беседчиков; оно просто-напросто выражает личную амбицию автора. И в этой амбициозности нет ничего плохого, напротив, она весьма продуктивна. Ведь если бы Грибоедов считал, что его место в литературе — быть только подмастерьем у Шаховского, он никогда бы не написал «Горе от ума».

Но была и другая причина появления этой эпиграммы, которую мы также не учитываем. Противники арзамасцы откликнулись на нее самым адекватным и наиболее приемлемым для ее автора образом. В частности, В. А. Жуковский писал П. А. Вяземскому 12 января 1816 года: «Арзамасцы говорят, что твоего письма в здешних журналах печатать не надобно, потому что *здесь* уже было объявлено в „Сыне Отечества“ о мире — не надобно самим нарушать его!»[3] Архаисты же — в силу своей архаистической привычки XVIII века биться хотя бы до первой крови — никак не могли угомониться.

В ситуации почти одновременного представления своих комедий Шаховской и Грибоедов оказались первооткрывателями жанра светской комедии. По большому счету, комедия Грибоедова была дальновиднее тонкой разработкой психологии героев. Шаховской же брал только тем, что указывал прямо на Жуковского. Но в этот самый момент в окружение Шаховского проникает М. Н. Загоскин с «Комедией после

---

[2] *Грибоедов А. С.* Полн. собр. соч.: В 3 т. / Науч. ред. С. А. Фомичев. СПб., 1999. Т. 2. С. 391 (комм. П. Р. Заборова, Л. А. Степанова).

[3] «Арзамас». Сборник: В 2 кн. / Под общ. ред. В. Э. Вацуро, А. Л. Осповата. М., 1994. Кн. 2. С. 345.

комедии, или Уроком волокитам», премьера которой состоялась 3 ноября 1815 года. Она идеологически и сюжетно сориентирована непосредственно на «Липецкие воды»: если в этих последних преподавался «урок кокеткам», то в «Комедии после комедии» преподавался «уроком волокитам». Но гораздо важнее в комедии Загоскина были обсуждение и защита комедии Шаховского. В научной литературе утвердилось мнение об искательстве Загоскина, восходящее к театральным сплетням современников: «Загоскин сейчас понял, что нужно к нему подделаться и прежде всего получить право на его благодарность».[4] Именно это искательство, полагают современные исследователи, «определило и резкое отношение к „Комедии после комедии“ в кругу А. С. Грибоедова».[5] И если это так, то второй причиной появления эпиграммы Грибоедова «От Аполлона» было стремление Загоскина занять положение, близкое к Шаховскому. Запрещая толки о «Липецких водах», Аполлон фактически запрещал «Комедию после комедии».

Однако было ли со стороны Загоскина на самом деле искательство — вопрос весьма спорный. Почему-то в этой истории мы с большой легкостью отказываем Загоскину в искренности и считаем его выступление в защиту «Липецких вод» намеренным умыслом. Между тем Шаховского в «Беседе» венчали лавровым венком вовсе не за то, что он преуспел в своих литературных происках, а от всей души — за большой успех у публики. И Грибоедова мы относим к сторонникам Шаховского, вовсе не предполагая в нем искательства. И никто из исследователей не пишет о том, что резкости Грибоедова против Загоскина (вообще-то грубости, к которым мы еще обратимся) были обусловлены чувством соперничества, которое испытывал Грибоедов к своему конкуренту, тем более что Грибоедов полагал (в известной мере справедливо), что силы их неравны. «Комедия против комедии» не была для Загоскина дебютным произведением, как и «Молодые супруги» для Грибоедова. До «Комедии после комедии» Загоскин написал комедию «Проказник», которая заслужила комплименты Шаховского, но была представлена на сцене только 15 декабря 1815 года, что и было воспринято современниками как расплата Шаховского за поддержку. Однако Грибоедов до «Молодых супругов» напечатал лишь несколько статей общественно-политического содержания (несомненно, что ему принадлежали и другие собственно литературные сочинения, но они либо оставались неизвестными публике, либо, будучи опубликованы анонимно, не идентифицировались и до сих пор не идентифицируются с ним). Грибоедов как комедиограф был более дебютант, нежели Загоскин, но добился большего успеха на сцене. Если «Комедия против комедии» выдержала всего несколько представлений, а «Проказник» — только два, то «Молодые супруги» долго не сходили со сцены. Однако в печати откликов на «Молодых супругов» по-прежнему не было.

2

На фоне всех этих перипетий становится очевидным, что и в комедии Грибоедова и П. А. Катенина «Студент», написанной летом 1817 года, высмеивался лично Загоскин, шедший в фарватере Шаховского, хотя литературная позиция студента Беневольского (прототипом которого стал Загоскин) была сориентирована на карамзинско-арзамасский кружок. Все это суммировано в комментариях Ю. П. Фесенко,[6] и нам необходимо несколько дополнить эти сведения и сгруппировать должным для нас образом.

Фамилия главного героя Беневольского восходит к псевдониму Ювенал Беневольский под хвалебной рецензией на пьесу М. Н. Загоскина «Г-н Богатонов, или Провинциал в столице».[7] Но дело в том, что и сам главный герой комедии «Студент» Беневольский является «провинциалом в столице». Современники считали, что эта рецензия

---

[4] *Арапов П. Н.* Летопись русского театра. СПб., 1861. С. 243.

[5] *Загоскин М. Н.* Соч.: В 2 т. М., 1988. Т. 2. С. 746 (комм. С. Панова, А. Пескова); ср.: *Степанов Л. А.* Эстетическое и художественное мышление А. С. Грибоедова. Краснодар, 2001. С. 99.

[6] *Грибоедов А. С.* Полн. собр. соч. Т. 2. С. 405–414 (комм. Ю. П. Фесенко).

[7] *Беневольский Ю.* Первое представление *г. Богатонова, или Провинциала в столице* // Северный наблюдатель. 1817. Ч. 1. № 1. С. 22–28.

принадлежит самому Загоскину, во всяком случае А. Е. Измайлов под псевдонимом Ювенал Прямосудов намекал на близкое знакомство рецензента с автором.[8] Об авторстве Загоскина действительно свидетельствует сходство его мыслей с мыслями псевдонима. В заметке от редактора Загоскин пишет о комедии Шаховского «Липецкие воды»: «...служанка, как бы ни умела болтать по-французски, не станет, верно, говорить о филантропии...».[9] А Ювенал Беневольский утверждает: «...служанка, подобная Анюте, есть, по мнению моему, лицо, свойственное иностранной, а не русской комедии; у нас служанки не беседуют столь явным образом с господами. Знаю, что многие писатели, и писатели известные, вводили их в свои комедии; но истинные русские комики убегали сего недостатка...».[10] Студент Беневольский принимает дворянку за крестьянку, и этот поворот сюжета отвечает на рассуждения Загоскина, который писал: «Странно покажется, что в комедии „Игра любви и случая“ (П. де Мариво. — *М. С.*) Сильвия, благородная девица с хорошим воспитанием, так легко влюбляется в Эраста, которого считает простым слугою; а еще страннее, что слуга Эраста, принимая Лизету, горничную Сильвии, за невесту своего барина, думает, что может на ней жениться».[11] Загоскин в статье «Знатоки, или История одного дня» упоминает петербургского ресторатора Бордеро (Бордерона), «содержащего палатку на большом бульваре»,[12] и его также вспоминают герои «Студента». Наконец, по поводу песни «Vive Henri Quatre!..» из пьесы Ш. Колле «Охота Генриха IV» (1766) Загоскин пишет: «Ария на голос „Vive Henri Quatre“ восхищает француза: она напоминает ему одну из самых счастливых эпох в истории его отечества; но что может она напоминать русскому?»[13] Это мнение повторяет и Беневольский, который не понимает значение этой песенки для русских участников Отечественной войны 1812 года: «Но есть ли тут хоть малейшее воспоминание для души русского?» Саблин возражает Беневольскому и Загоскину: «Преславное: наш вход в Париж, мы первые заставили петь эту песню. Вот было житье! Выпьем скорее в память этого счастливого дня!»[14]

Мы мало знаем о степени известности этой не напечатанной и не поставленной комедии. Считается, что Грибоедов принял большее участие в ее создании, чем Катенин,[15] который увез комедию в Москву, где, видимо, неосмотрительно распространял списки.[16] Во всяком случае Загоскин познакомился со «Студентом» и узнал себя в Беневольском. Именно этим можно объяснить тот факт, что, когда 4 октября 1817 года возобновилось представление «Молодых супругов» на сцене Петербургского театра, Загоскин воспользовался этим и напечатал в «Северном наблюдателе» рецензию не на спектакль, а на саму пьесу Грибоедова. Через два года после премьеры «Молодые супруги» не были уже новостью в литературно-театральном мире, поэтому для того, чтобы напечатать критический отзыв об этой пьесе, Загоскин должен был иметь какое-то специальное основание. Никаких других причин для этого мы не знаем. Но знакомство с комедией «Студент» было более чем достаточным основанием для литературного выступления.

В начале рецензии Загоскин пишет о комедии Грибоедова в целом, сравнивая ее с комедией Крезе де Лессера, переложением которой она была: «...разница в достоин-

---

[8] *Прямосудов Ю.* Письмо к издателям С. О. о *Богатонове, или Провинциале в столице* // Сын отечества. 1817. № 29. С. 88–102; см.: *Загоскин М. Н.* Соч. Т. 2. С. 755–757 (комм. С. Панова, А. Пескова).

[9] [Загоскин М. Н.]. Еженедельный репертуар // Северный наблюдатель. 1817. Ч. 2. № 15. С. 55.

[10] *Беневольский Ю.* Первое представление *г. Богатонова, или Провинциала в столице*. С. 16, 26.

[11] *М. З.* Семидневный репертуар // Северный наблюдатель. 1817. Ч. 1. № 1. С. 21.

[12] *М. З. Житель Лиговского канала*. Знатоки, или История одного дня // Там же. № 2. С. 43.

[13] *М. З.* Семидневный репертуар // Там же. С. 71.

[14] *Грибоедов А. С.* Полн. собр. соч. Т. 2. С. 93. Ср.: *Гозенпуд А. А.* Пушкин и русский театр десятых годов XIX в. // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1986. Т. XII. С. 41–42.

[15] *Фомичев С. А.* К творческой предыстории «Горя от ума» (Комедия «Студент») // От «Слова о полку Игореве» до «Тихого Дона». Л., 1969. С. 88–98.

[16] *Кошелев В. А.* А. С. Грибоедов и К. Н. Батюшков: К творческой истории комедии «Студент» // А. С. Грибоедов. Материалы к биографии: Сб. науч. тр. / Отв. ред. С. А. Фомичев. Л., 1989. С. 199.

стве сих двух комедий весьма ощутительна. Мы находим, что русская гораздо лучше; в ней нет тех излишних, растянутых сцен, которые делают французскую комедию отменно утомительною; действие идет быстро; нет ни одной ненужной и холодной сцены: в ней все на своем месте. Муж, который говорит:

Мой будущий удел я знаю наперед;
В наш век степенница по свадьбе через год
Берет любовника; — единобразье скушно,
И муж на то глядеть обязан равнодушно, —

и потом, спустя несколько минут, сходит с ума от ревности; *хладнокровие,* с коим он требует письмо, заключающее в себе, по его мнению, доказательства неверности Эльмиры, — все это весьма забавно».[17]

Вроде бы похвалил, однако коротко. Но после этого Загоскин указал на целый ряд языковых погрешностей (не всегда справедливо), и этот перечень «грамматических» ошибок был очень длинным, а общая оценка их резка: «стихи дурные, шероховатые и выражения, совершенно неприличные действующим лицам»; «Читая подобные стихи, поневоле вспомнишь слова Мизантропа:

Такие, граф, стихи
Против поэзии суть тяжкие грехи».[18]

Загоскин похвалил Грибоедова в целом и поругал в частности. Если рассматривать рецензию как факт полемики литературных партий, тут нет ничего оскорбительного. Но под впечатлением от «Студента» Загоскин совершенно изменил перспективу; он придал частностям общее значение и таким образом отомстил Грибоедову.

3

Грибоедов понял это и взвился, и в письме к Катенину от 19 октября 1817 года так описывал свою реакцию: «Дурак Загоскин в журнале своем намарал на меня ахинею. Коли ты хочешь, непростительно, точно непростительно этим оскорбляться, и я сперва, как прочел, — рассмеялся, но после чем больше об этом думал, тем больше злился. Наконец не вытерпел, написал сам фасесию и пустил по рукам, веришь ли? нынче четвертый день, как она сделана, а вчера в театре во всех углах ее читали, благодаря моим приятелям, которые очень усердно разносят и развозят копии этой шалости. Я тебе ее посылаю, покажи Бегичеву; — покажи кому хочешь, впрочем. Воля твоя, нельзя же молчаньем отделываться, когда глупец жужжит об тебе дурачества».[19] Грибоедов хотел напечатать стихотворение, «он бросился с ним к одному, к другому, к третьему издателю, чтобы напечатать. „Помилуйте, Александр Сергеевич, — отвечали ему всюду, — разве подобные вещи печатаются: это чистые личности“. Еще более раздосадованный такими отказами, Грибоедов нанял писцов, и в несколько дней, через знакомых и знакомых знакомых, по Петербургу разошлось до тысячи рукописных экземпляров „Лубочного театра“. Загоскин все-таки был одурачен».[20] Не успев в Петербурге, Грибоедов хотел напечатать стихотворение в Москве и писал Катенину: «Как ты думаешь? „Вестник Европы“ не согласится у себя напечатать. Бегичев с ним приятель. Я бы подписал свое имя (*коли нельзя иначе*)». Ради публикации он готов был на замены: «Вместо Загоскина: Вот вам *Михайло Моськин*. А в другом месте: Вот *Моськин-*

[17] [Б. п.]. Еженедельный репертуар // Северный наблюдатель. 1817. Ч. 2. № 15. С. 54.
[18] Там же. С. 55–56.
[19] *Грибоедов А. С.* Полн. собр. соч. Т. 3. С. 14.
[20] *Смирнов Д. А.* К биографии А. С. Грибоедова (Из неизданных материалов) // Исторический вестник. 1909. № 4. С. 135.

Наблюдатель».[21] Так появились две редакции: первая с именем Загоскина (сохранились только списки[22]), а вторая с Моськиным (автограф, 16 октября 1817 года, принадлежал Булгарину). А. А. Жандр сообщает о ранней и более краткой редакции: «Конечно, это не апокрифическое: об этом и речи быть не может, но то, что я знал из „Лубочного театра“, то, что мне читал сам Грибоедов, было гораздо короче, сжатей и живее. Не было, например, указания на „Проказника“, комедию Загоскина, и некоторых других мест».[23]

Итак, в «Лубочном театре» злость (если даже не злоба) Грибоедова перехлестнула через все мыслимые нормы приличия. Исчерпывающую информацию о «Лубочном театре» представил Л. А. Степанов.[24] Мы только предложим читателю всю эту информацию перевести с языка борьбы литературных партий на язык бытового человеческого поведения. Возьмем, например, следующее суждение Степанова: «...личностная окраска спора о балладах <...>, конечно же, не покрывает сущностных аспектов статей Гнедича и Грибоедова, но должна быть учтена. Чтобы правильно понять отклик Грибоедова, необходимо вникнуть в комплекс вопросов, поставленных статьей Н. И. Гнедича».[25]

С нашей точки зрения, адекватная интерпретация сформируется в том случае, если мы просто перевернем все это утверждение и переставим составляющие его кубики следующим образом: литературная полемика («комплекс вопросов, поставленных статьей Н. И. Гнедича») «не покрывает сущностных аспектов статей Гнедича и Грибоедова», «но должна быть учтена», а «чтобы правильно понять отклик Грибоедова, необходимо вникнуть» в «личностную окраску литературных споров». В этом, собственно, и состоит различие наших комментаторских позиций.

Ф. В. Булгарин, впервые опубликовавший фрагмент этого стихотворения («Один напишет вздор ~ А вы читайте!») и не знавший, что полемика младоархаистов и новаторов станет определять построение истории литературы, акцентировал частные интересы: «У меня хранится стихотворение покойного автора „Горе от ума“ А. С. Грибоедова, до сих пор нигде не напечатанное. Привожу из него отрывок. Это живая картина нашей мелочной литературы:

Один напишет вздор,
Другой на то разбор,
А разобрать труднее,
Кто из двоих глупее!
Что вы смеетесь, господа?
Писцу насмешка не беда,
Он знает многое смешное за собою,
Да уж давно махнул рукою;
Махнул пером — отдал сыграть,
А вы, пожалуй, рассуждайте.
Махнул пером — и дал в печать,
А вы читайте!»[26]

Впрочем, мы вовсе не намерены сводить всю литературоведческую комментаторскую работу к интерпретационным техникам и в связи с этим пользуемся случаем, чтобы предложить небольшое уточнение к воспроизведению печатного текста «Лубоч-

[21] *Грибоедов А. С.* Полн. собр. соч. Т. 3. С. 15.

[22] *Арапов П.* Летопись русского театра. С. 260–261; *Смирнов Д. А.* К биографии А. С. Грибоедова. С. 133.

[23] *Смирнов Д. А.* К биографии А. С. Грибоедова. С. 135.

[24] *Степанов Л. А.* Эстетическое и художественное мышление А. С. Грибоедова. С. 93–106.

[25] Там же. С. 66.

[26] *Ф. Б.* Заочная болтовня, или по-школярному: Colloquium cum absentibus (Статья вторая). О современной журналистике // Северная пчела. 1837. 15 июня. № 131. С. 524. Помимо нескольких разночтений в пунктуации, эта публикация содержит отличие от автографа в предпоследнем стихе; ср. текст в Полном собрании сочинений: «Махнул пером — отдал в печать» (*Грибоедов А. С.* Полн. собр. соч. Т. 2. С. 215).

ного театра». Список стихотворения, который принадлежал Булгарину, сохранился, первый лист его воспроизведен в Полном собрании сочинений, хотя и назван там автографом.[27] Фактически тот же самый текст (но автограф) был опубликован Л. Н. Майковым в составе письма Грибоедова к Катенину от 19 октября 1817 года. Местонахождение этого автографа в настоящее время неизвестно, но публикатор сообщал: «Правописание подлинников сохранено нами вполне».[28] По непонятной причине текст стихотворения в составе письма в Полном собрании сочинений не опубликован, и редакторы ограничиваются лишь указанием: «<Далее следует текст ст-ния „Лубочный театр“ (см.: Наст. изд. Т. 2. С. 213–215)>».[29] Список, опубликованный Майковым, отличается только одним стихом:

Вот господин Загоскин,
Вот весь его причет:
Княгини и *княжны*, *князь Фольгин* и *князь Блесткин*;
Они хоть не смешны, да сам зато уж он
Куда смешон![30]

И чуть ниже в том же письме Грибоедов просил напечатать стих с перечнем персонажей комедий Загоскина «Пустодомы» каждого на отдельной строке, что и соблюдается в современных изданиях:

Вот господин Загоскин,
Вот весь его причет:
Княгини и
Княжны,
Князь Фольгин и
Князь Блесткин;
Они хоть не смешны, да сам зато уж он
Куда смешон![31]

Вместе с тем совершенно очевидно, что в этом фрагменте трижды нарушено стиходеление, вследствие чего появляются холостые стихи, которых не должно быть по поэтическому заданию. Предложение Грибоедова разбить на отдельные стихи строку про *княгинь, княжен*, *князя Фольгина* и *князя Блесткина* объясняется тем, что оно имитирует театральную афишу, и с ним пришлось бы смириться, если бы мы не могли воспользоваться подачей стихов лесенкой, которую во времена Грибоедова еще не знали. Другое дело объединение в одном стихе двух: «Они хоть не смешны, да сам зато уж он»; это объединение не мотивируется ничем и мешает ритмически адекватному восприятию текста. Поэтому предлагаем придерживаться следующего разбиения стихов:

Вот господин Загоскин,
Вот весь его причет:
Княгини и
Княжны,
Князь Фольгин и
Князь Блесткин;
Они хоть не смешны,
Да сам зато уж он
Куда смешон!

---

[27] См.: *Грибоедов А. С.* Полн. собр. соч. Т. 2. С. 214.
[28] *Майков Л.* Заметки об А. С. Грибоедове // Сборник, издаваемый студентами Имп. Петербургского университета. СПб., 1860. Вып. II. С. 240.
[29] *Грибоедов А. С.* Полн. собр. соч. Т. 3. С. 15.
[30] *Майков Л.* Заметки об А. С. Грибоедове. С. 242.
[31] Там же. С. 213, 215.

Следует заметить, что А. А. Архипова и Л. А. Степанов в своем комментарии к «Лубочному театру» указывали на рифму *княжны/смешны*,[32] но в тексте это не отразилось.

В «Лубочном театре» Грибоедов дал оценку произведениям Загоскина, написанным к октябрю 1817 года: «Комедия против комедии, или Урок волокитам» (граф Фольгин), «Г-н Богатонов, или Провинциал в столице» (князь Блесткин, Богатонов), «Проказник» (первая комедия Загоскина, поставлена в Петербурге 15 декабря 1815 года). Говоря, что Загоскин «с Транжирина кафтан стащил», Грибоедов указывает, что «Богатонов» Загоскина восходит к герою комедии Шаховского «Полубарские затеи, или Домашний театр» (1808), хотя на самом деле обе они восходили непосредственно к комедии Мольера «Мещанин во дворянстве». Наконец, слова «Загоскин-Наблюдатель» намекают на журнал «Северный наблюдатель», где и была напечатана рецензия на «Молодых супругов».

4

Коли речь зашла о стихах, то невозможно удержаться от еще одного замечания. В 1820-е годы отношения Грибоедова и Загоскина стали дружелюбными. Во всяком случае, С. М. Загоскин, сын Загоскина, писал: «В Императорской Публичной библиотеке хранится переданное мною туда нижеследующее стихотворение Грибоедова, писанное им в форме письма к моему отцу, служившему в то время при московском театре». И приводит это послание:

Бич пороков и блинов!
Ныне Щепкин угощает
И приятельский свой зов
Чрез меня он посылает.
Приезжай нас позабавить,
Аппетиту нам прибавить
И съестного поубавить.[33]

С. М. Загоскин считает Грибоедова членом «Арзамаса»: «Все члены „Арзамаса“, за исключением Жуковского и Вигеля, сделались сильными порицателями драматического таланта отца, и в особенности ожесточался против него Грибоедов, который, однако, позднее, познакомившись с ним, полюбил его и остался в приятельских с ним отношениях вплоть до своей трагической кончины».[34] Совершенно очевидно, что С. М. Загоскин исходит из общего представления о том, будто всякая литературная полемика является отражением борьбы литературных группировок. Между тем теоретически это вовсе не так, а в нашем случае и подавно: Грибоедов на самом деле «ожесточался», но, как мы все время стремимся показать, по иным, не партийным причинам.

Известно, что Н. К. Пиксанов безуспешно пытался разыскать стихотворное послание «Бич пороков и блинов!».[35] Эта записка почему-то не вошла в Полное собрание сочинений Грибоедова даже на правах Dubia. Между тем она включена в статью о Загоскине, подготовленную С. А. Фомичевым для Грибоедовской энциклопедии,[36] а в томе писем Полного собрания сочинений — в комментарии к письму Грибоедова к Загоскину,[37] — и оба раза без каких-либо дезавуирующих авторство Грибоедова комментариев. Загоскин уже с 1822 года служил чиновником особых поручений при генерал-губернаторе Москвы с исправлением должности экспедитора по театральному отделению, а с 1823-го курировал хозяйственную часть московских театров. Поэтому

[32] *Грибоедов А. С.* Полн. собр. соч. Т. 2. С. 472.
[33] *Загоскин С. М.* Воспоминания // Исторический вестник. 1900. № 1. С. 48.
[34] Там же.
[35] *Грибоедов А. С.* Полн. собр. соч. Т. 3. С. 459.
[36] *Фомичев С. А.* Грибоедов. Энциклопедия. СПб., 2007. С. 191.
[37] *Грибоедов А. С.* Полн. собр. соч. Т. 3. С. 459.

сближение его с Грибоедовым можно отнести к 1824 году, когда создавалась и ставилась на московской сцене пьеса Грибоедова и П. А. Вяземского «Кто брат, кто сестра, или Обман за обманом». А упоминание блинов еще более конкретизирует датировку. Это же послание дает повод иначе рассмотреть отношения Грибоедова с М. С. Щепкиным, которые сам актер не считал, однако, близкими.[38]

Возвратимся к нашему сюжету. Что же дал наш очень краткий анализ (краткий — потому что все эти перипетии уже многократно описаны и специалистам известны, повторять их сейчас не следует)? Во-первых, мы теперь более ясно видим Грибоедова как человека — достаточно злого, большого забияку, очень амбициозного, человека, не терпящего конкуренции и конкурентов и готового биться из-за каждой мелочи до конца. Во-вторых, мы видим, что на грибоедовском горизонте (во всяком случае, в ранние годы) важнейшее место занимает фигура Загоскина. Между тем эта фигура была просто незаметна вне рамок нашего анализа при обычном историко-литературном подходе, который базируется на представлении о литературном процессе как борьбе литературных направлений (они же принадлежали к одному направлению). В известной книге В. П. Мещерякова, главы которой названы именами литературных противников или союзников Грибоедова, нет главы «М. Н. Загоскин», и весь материал о Загоскине включен в главу «П. А. Катенин».[39] Степанов, который в связи с тем же «Лубочным театром» много написал о Загоскине, место данного писателя в профессионально-писательской жизни Грибоедова тоже специально не выделил. Можно привести и другие примеры, но количество их увеличит и сам читатель. Введение же Загоскина в литературный кругозор Грибоедова дает нам возможность иначе представить расстановку сил в литературной жизни (не борьбе), а известные уже факты могут и должны быть перегруппированы иначе. Наконец, в-третьих, мы видим, что литературная полемика была и остается литературной полемикой, но она обязательно имеет личностную подоплеку. Те, кто сами практикуют литературную критику, хорошо понимают, что о книгах незнакомых людей писать гораздо проще: можно быть и резким, и честным. Писать о книгах знакомых людей всегда труднее: честность и резкость оборачиваются либо личностями, либо комплиментарностью. Всего в меру не бывает, либо пересолишь, либо недосолишь. Именно это мы и видим в маленьком (еще очень маленьком) русском литературно-театральном кругу начала XIX века.

В заключение вернусь еще раз к методу. Я вовсе не против изучения литературы как специальной формы художественного мышления и — как следствие — я не против изучения рифмы и композиции. Но кому нужны будут наши анализы рифмы и композиции, если мы не будем понимать литературного текста как текста о жизни и людях? Если мы претендуем на более тонкое понимание текста, то мы должны строже отнестись и к нашим собственным восторгам по поводу статьи Грибоедова «О разборе вольного перевода бюргеровой баллады „Ленора“», написанной в ответ на статью Н. И. Гнедича «О вольном переводе бюргеровой баллады „Ленора“». Мы обычно восклицаем: какая, мол, статья Грибоедова глубокая и прозорливая! А на самом деле он всего лишь ругается с Гнедичем. И как мелочен Гнедич, так же точно мелочен и Грибоедов (вся литературная критика их времени была еще достаточно мелочна), хотя и есть у Грибоедова пара вполне справедливых замечаний.

Литературный быт не обязательно предполагает борьбу литературных партий. Как совершенно очевидно, никаких литературных партий за полемикой, с одной стороны, М. А. Дмитриева и А. А. Писарева, а с другой — П. А. Вяземского и Грибоедова не стояло. Это была достаточно пустая перепалка, объяснимая только лишь человеческими амбициями. Но в этом нет ничего плохого: в конце концов, это были люди, и они не все время позировали для обложек своих будущих книг, да и нравы общественно-литературной жизни были другие. Они жили и писали не для того, чтобы мы их изучали;

---

[38] Там же. С. 284.

[39] *Мещеряков В. П.* А. С. Грибоедов. Литературное окружение и восприятие (XIX — начало XX в.). Л., 1983.

они жили для самих себя. И как они и не думали, что мы будем священнодействовать над каждым их словом (плохи они были бы как писатели, если бы думали об этом); так и нам не следует священнодействовать, нам следует посмотреть на литературу как на человеческий документ. Наше ви́дение не только Грибоедова во многом изменится.

DOI: 10.31860/0131-6095-2023-3-126-145

© *Лю На* (*КНР*)

РОССИЙСКАЯ ДОСТОЕВИСТИКА 1844–2020 ГОДОВ В ЗЕРКАЛЕ БОЛЬШИХ ДАННЫХ*

За время изучения жизни и творчества Ф. М. Достоевского в России был сформирован основательный корпус научных работ, отмеченных как разнообразными методами, так и значительными результатами. В настоящей статье эти труды анализируются и визуализируются с точки зрения исследования данных и поиска новых инструментов и методов изучения развития академических дисциплин. За долгую историю исследований Ф. М. Достоевского они сложились в самостоятельную научную дисциплину — «достоевистику».

За 170-летний период с 1844 по 2020 год в России было опубликовано более двадцати тысяч статей о Ф. М. Достоевском[1] — самый большой вклад в мировую достоевистику. Этот обширный корпус работ представляет собой сокровищницу мысли, однако в то же время ставит перед исследователем задачу контроля и эффективного использования научной литературы.

В последние годы, с наступлением эры «больших данных», компьютерные сети и интернет-технологии привнесли в литературоведение новые методы и пути исследования. Гуманитарии все чаще употребляют такие термины, как «цифровые гуманитарные науки» («digital humanities»), «цифровая библиография», «визуализация» и «дистанционное / дальнее чтение» («distant reading»). В уже имеющихся научных трудах проведено сравнительно полное теоретическое обоснование с внедрением зарубежного опыта, а также предварительно обобщены некоторые методы исследования и вспомогательные программные средства анализа данных. Исходя из этого, в нашей статье предпринята попытка применить цифровые технологии для изучения истории осмысления произведений Достоевского, визуализировать результаты работ, чтобы представить всестороннюю картину российской достоевистики за 177 лет.

При проведении анализа данных обычно требуется, чтобы источники характеризовались полнотой, нормативностью, последовательностью, точностью, актуальностью.[2]

Источники для этой работы состоят из двух частей.

Данные по литературе за период 1844–2004 годов получены из библиографии С. В. Белова «Ф. М. Достоевский. Указатель произведений Ф. М. Достоевского и литературы о нем на русском языке, 1844–2004 гг.», которая содержит 15027 работ.

Данные с 2005 по 2020 год были собраны автором статьи из российских общедоступных баз данных электронных ресурсов, преимущественно на основе базы данных

* Данная статья выполнена по гранту в рамках проекта Государственного фонда общественных наук КНР «Концепция человека в русской литературе» (22AWW005). Часть данного исследования была опубликована на китайском языке в журнале «Русская литература и искусство» (2021, № 2).

[1] Научные труды в достоевистике, упомянутые в этой статье, относятся к академическим достижениям в изучении жизни и творчества Достоевского.

[2] *Лю Бин, Пан Линь.* Исследование качества больших данных в Китае и за рубежом // Вестник данных. 2019. № 2. С. 220–221. (刘冰，庞琳，国内外大数据质量研究述评 // 情报学报，2019年第2期，第220–221页。)

российской научной электронной библиотеки (elibrary.ru), а также на основе сайтов Российской государственной библиотеки, Института научной информации по общественным наукам Российский академии наук (ИНИОН) и специального сайта для исследования жизни и творчества Ф. М. Достоевского (https://fedordostoevsky.ru/).

После 2005 года насчитывается 10 509 трудов, каждый из которых представляет собой исследовательские материалы. Это журнальные публикации, монографии, диссертации и доклады конференций, в которых имя Достоевского фигурирует в названиях или ключевых словах и аннотациях, размещенных в вышеуказанных четырех базах данных.

В силу ограниченности личных знаний и уровня поиска, этот раздел может быть неполным. Автор будет благодарен за все дополнения и замечания коллег в этой области.

В настоящее время в российской достоевистике существует четыре опубликованных указателя: «Библиографический указатель сочинений и произведений искусства, относящихся к жизни и деятельности Ф. М. Достоевского, собранных в „Музее памяти Ф. М. Достоевского“ в Московском историческом музее. 1846–1903», составленный женой писателя А. Г. Достоевской; «Материалы для библиографии Ф. М. Достоевского 1903–1923 гг.» и «Ф. М. Достоевский. Библиография произведений Ф. М. Достоевского и литературы о нем. 1917–1965 гг.» Н. А. Соколова; «Ф. М. Достоевский. Указатель произведений Ф. М. Достоевского и литературы о нем на русском языке, 1844–2004» С. В. Белова.

Отметим ряд особенностей библиографического указателя С. В. Белова.

Во-первых, полнота материала. Указатель Белова охватывает 160 лет с момента литературного дебюта Достоевского до 2004 года, тогда как три других указателя охватывают только 58, 21 и 49 лет соответственно. В процессе работы над пособием Белов в полной мере использовал три вышеупомянутых указателя, а также библиографические материалы в России и за рубежом.

Во-вторых, рациональность классифицирования. В библиографическом указателе Белова труды расположены в хронологическом порядке, что в значительной степени облегчает их поиск.

В-третьих, поиск настоящих имен авторов. Особенностью библиографического указателя Белова, по сравнению с тремя другими, является раскрытие псевдонимов исследователей: так, к примеру, Я. Я. Я. — псевдоним Л. В. Бранта, а Глаголь С. — псевдоним С. С. Голоушева.[3]

Исходя из вышеперечисленных особенностей, основным источником данных для настоящей статьи является библиографический указатель Белова. Наше изложение в первой части (по данным до 2004 года) будет следовать ему, а потом — данным после 2004 года, которые были собраны автором в Интернете. Поскольку указатель Белова вышел в 2004 году, данные за этот год также могут быть неполными.

Трудности нашего исследования заключаются, прежде всего, в сложной предварительной обработке данных. Необходимо было конвертировать бумажные указатели в электронный вид, а также вручную перепроверить часть неупорядоченных исследований. Данные по достоевистике с 2004 года являются объемными и требуют самостоятельного поиска и сопоставления. Кроме того, за 177 лет своего развития достоевистика в России накопила огромное количество результатов, и, для того чтобы добиться хорошо организованного и глубокого анализа данных, перед исследователями стоит задача найти исходный пункт в сложной структуре и выбрать подходящие инструменты визуализации.

В этой связи, используя библиографический указатель Белова в качестве основной базы, мы применили подход, основанный на самостоятельном программировании и создании базы данных для дальнейшего анализа 22 521 научного результата о жизни и творчестве Достоевского. Для визуализации данных автор использовал также программу Gephi, позволившую создать диаграммы, которые в полной мере представляют

[3] *Белов С. В.* Ф. М. Достоевский. Указатель произведений Ф. М. Достоевского и литературы о нем на русском языке, 1844–2004 гг. М., 2011. С. 4–6.

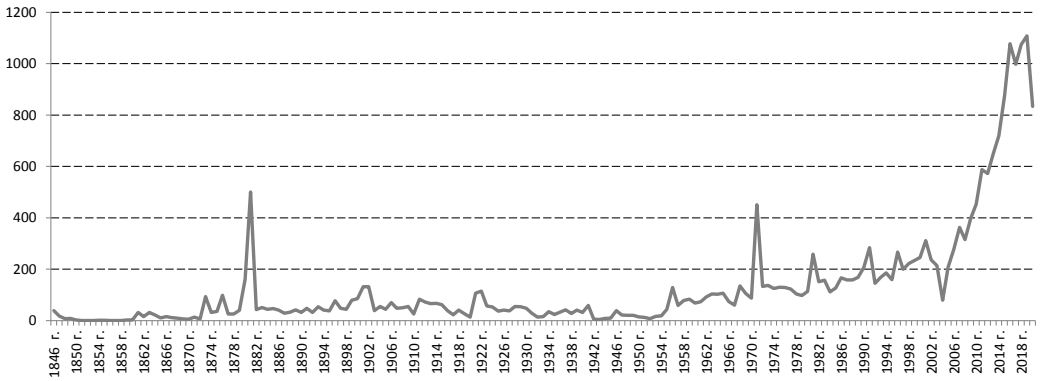


Рис. 1. Складывающийся линейный график ежегодных изменений объема результатов по российским исследованиям достоевистики за период 1844–2020 годов

комплексную картину развития достоевистики в России с 1844 по 2020 год, главным образом, в трех аспектах: хронологическом, тематическом и научно-аналитическом.

Анализ данных о развитии российской достоевистики за 177 лет

Количественное изучение и анализ данной области во временном измерении может наглядно продемонстрировать эволюцию российской достоевистики и дать исследователям материалы для дальнейшего изучения причин, лежащих в основе ее тенденций и закономерностей.

В период с 1844 по 2020 год в России была зарегистрирована 22 521 работа по достоевистике. Представленные в виде линейного графика годовые результаты наглядно показывают изменения объема результатов за 177-летний период (см. рис. 1).

Как видно из приведенного выше графика, в течение 177 лет явные пики наблюдались в 1881, 1971 и 2016–2019 годах. Кроме того, 1901–1902, 1922, 1956, 1965, 1981, 1986, 1991, 1996 и 2001 годы также отмечены небольшими подъемами. Наступление этих пиковых лет связано с годовщинами смерти писателя и празднованиями его юбилеев, с историческими и культурными событиями. Для улучшения базы данных в исследовании допустимо объединить академическую и социальную историю.

Рассматривая как жизнь писателя, так и социально-исторические аспекты, мы разделили процесс российской достоевистики на четыре этапа: при жизни писателя, период между его смертью и созданием Советского Союза, советский период и период после распада СССР.

1846–1881 годы: прижизненная критика

Развитие достоевистики на этом этапе было напрямую связано с жизнью и творчеством писателя. В 1846 году появились первые рецензии на ряд созданных Достоевским произведений.

Всего за период 1846–1849 годов вышло 39 критических статей, 25 из которых посвящены роману «Бедные люди», 7 — повести «Двойник», 3 — шуточной повести «Как опасно предаваться честолюбивым снам», написанной Достоевским совместно с Н. А. Некрасовым и Д. В. Григоровичем, остальные — другим произведениям и обзору творчества писателя. В зрелые годы Достоевский считал это время «лучшим моментом своей жизни».

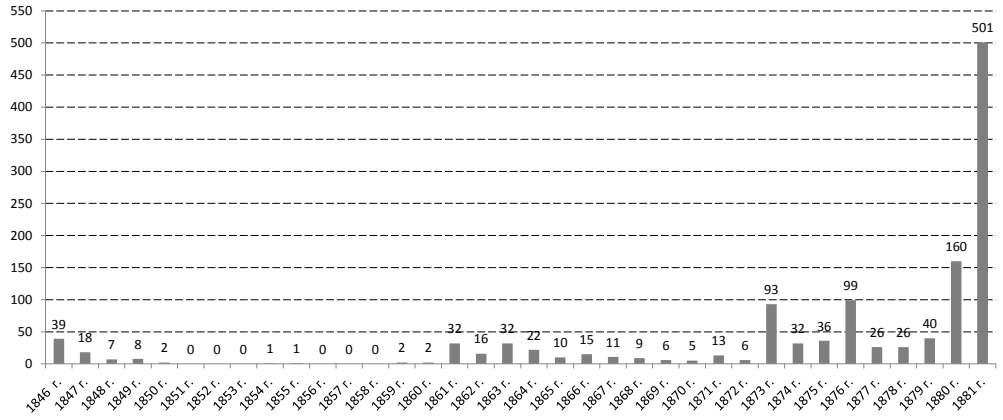


Рис. 2. Гистограмма годовых изменений объема результатов по российским исследованиям достоевистики за период 1846–1881 годов

В 1859 году писатель возвращается к литературной деятельности, и его имя вновь привлекает внимание критиков. Говоря о 1859–1881 годах, стоит упомянуть, что 1873, 1876, 1880 и 1881 годы входят в число пиковых лет. Внимание к Достоевскому в 1873 году было обусловлено двумя факторами. Во-первых, он стал главным редактором журнала «Гражданин» и создал в нем рубрику «Дневник писателя». В этом году вышло 23 отзыва на деятельность Достоевского-редактора и 26 рецензий на «Дневник писателя» и опубликованные в журнале «Гражданин» статьи. Во-вторых, в 1871–1872 годах был опубликован роман «Бесы», вызвавший бурную дискуссию среди критиков, и этот всплеск продолжался в течение нескольких лет. В 1873 году появилось 30 рецензий на роман «Бесы», в том числе полемическая статья известного критика-народника Н. К. Михайловского. В 1876 году Достоевский сам редактирует и выпускает свой собственный ежемесячный журнал «Дневник писателя», где в полной мере проявился его талант политического комментатора и мыслителя. Из 99 рецензий, появившихся в том году, 70 были связаны с «Дневником писателя». Из 160 рецензий 1880 года 93 были посвящены «Пушкинской речи», произнесенной Достоевским на церемонии открытия памятника Пушкину 6 июня того же года (и опубликованной также в рамках «Дневника писателя»), а 23 являются откликами на роман «Братья Карамазовы». В 1881 году Достоевский ушел из жизни. В память о нем вышли статьи в разных журналах. В тот же год число работ в области достоевистики достигло 501, 158 из которых были непосредственно связаны с болезнью и смертью писателя.

Наиболее плодотворным критиком этого периода был журналист, литературный обозреватель газеты «Новое время» В. П. Буренин, на счету которого было 79 фельетонов и критических очерков о Достоевском. Далее выделяются Н. А. Некрасов (27) и В. Г. Белинский (21). Эти три критика сыграли важную роль в осмыслении творческого пути Достоевского: Белинский и Некрасов — в 1840-е годы, а Буренин — в 1860–1880-е. Изменение отношения к творчеству Достоевского было для писателя и движущей силой, и источником недоразумений.

1882–1922 годы: развитие достоевистики в период от смерти писателя до образования СССР

В связи с 80-летием со дня рождения Ф. М. Достоевского в 1901–1902 годах наблюдается всплеск научных исследований, посвященных писателю; в указанные годы вышло по 132 работы. В другие годы их количество колеблется около 50.

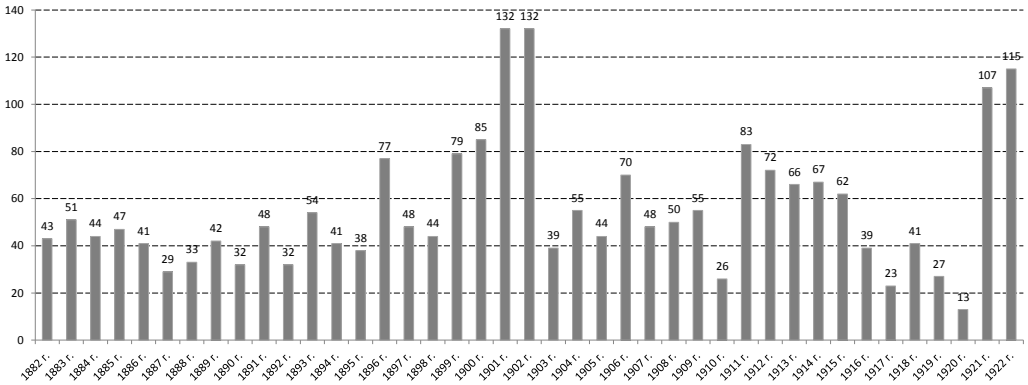


Рис. 3. Гистограмма годовых изменений объема результатов по российским исследованиям достоевистики за период 1882–1922 годов

В этот период происходит переоценка творчества Достоевского. В области достоевистики доминирует модернистская критика, параллельно развиваются различные подходы, такие как академическое изучение и народническая литературная критика. Среди русских академических критиков этого периода наиболее значительные исследования творчества Достоевского принадлежат О. Ф. Миллеру (67) и А. Н. Пыпину (8). Писатели-реалисты, такие как А. П. Чехов, В. Г. Короленко, М. Горький, также посвящают Достоевскому большое количество работ.

При жизни Достоевский выступил в ряде дебатов по политическим, религиозным и другим вопросам с лидером российских народников публицистом Н. К. Михайловским, возглавлявшим с 1860-х годов журнал «Отечественные записки». После смерти Достоевского Михайловский продолжил изучение мировоззрения и творчества писателя, которое включало как положительные оценки (например, «Дневника писателя»), так и полемические выпады: цикл своих статей литературный критик назвал «Дневник читателя». Так, в статье «Жестокий талант» (1882) Михайловский утверждает, что Достоевский «чрезмерно преувеличил страдания», приучив таким образом общество к жестокости и насилию. В таком контексте резко возражал Михайловскому В. С. Соловьев, написав заметку «Несколько слов по поводу „жестокости“». Заметим, что точка зрения Михайловского воспринималась в тот период как «истина в последней инстанции». Однако пушкинист начала XX века А. П. Флеров разбил стереотипы, заявив, что Михайловский сознательно «наносил удар по репутации Достоевского».[4] Природа литературной полемики уходила своими корнями в несовпадение ценностных (мировоззренческих) ориентиров писателя и критика.

В начале 1873 года произошло знакомство Достоевского с В. С. Соловьевым, обратившимся к христианской религии, способной, как верил Соловьев, преобразовать мир. После смерти Достоевского Соловьев выступил с речью на Высших женских курсах 30 января 1881 года, а позже на могиле писателя. В книге «Три речи в память Достоевского» (1884) автор впервые осветил высокие христианские идеалы писателя, который рассматривается им как религиозный философ, мистик, христианский пророк и вождь человечества. Таким образом, В. С. Соловьев, автор 36 статей, посвященных Достоевскому, оказал глубокое влияние на литературные и критические круги.

Религиозная мысль (христианство, богословие) Достоевского привлекала и других деятелей культуры Серебряного века.

---

[4] Цит. по: *Блохин В. В.* Н. К. Михайловский и Ф. М. Достоевский (к пониманию проблемы взаимоотношений народа и интеллигенции в пореформенной России) // Вестник Московского гос. областного ун-та. Сер. «История и политические науки». 2021. № 3. С. 35.

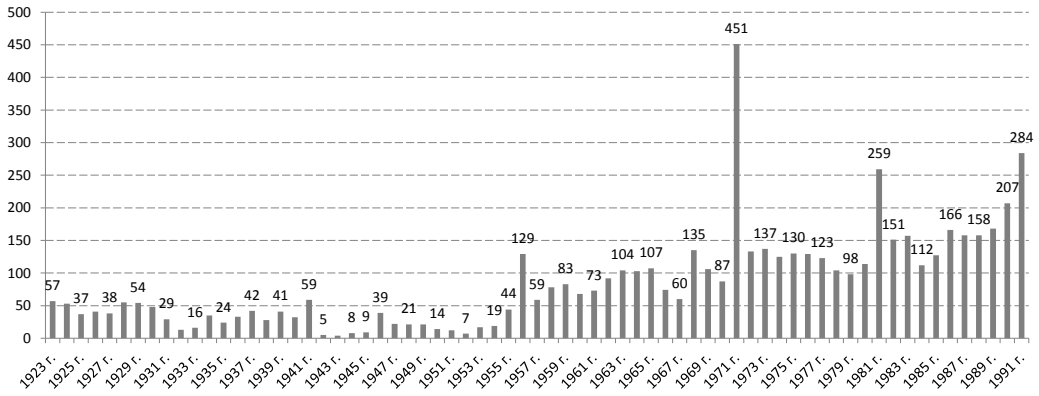


Рис. 4. Гистограмма годовых изменений объема результатов по российским исследованиям достоевистики за период 1923–1991 годов

Одним из основателей философско-религиозной и эстетической критики становится А. Л. Волынский, автор 36 работ о творчестве Достоевского (в том числе под псевдонимом А. Л. Флексер). Его эссе, очерки и статьи о стиле и художественном мышлении русского классика, начиная с 1897 года и заканчивая итоговой книгой 1906 года «Достоевский», оказали влияние на достоевистику этого периода.

Д. С. Мережковский изучал тему религиозно-философских исканий Достоевского, написав 78 статей о нем, представленных в том числе в книгах «Л. Толстой и Достоевский. Жизнь и творчество» (1900) и «Религия Л. Толстого и Достоевского» (1902).

В. В. Розанов развил и разъяснил религиозные идеи Достоевского, опубликовав на эту тему 105 текстов, в основном в жанре эссе.

Мысли Достоевского оказали глубокое влияние на «знаковых» философов-интеллектуалов: Н. А. Бердяева (68),[5] С. Н. Булгакова (29), С. Л. Франка (9), внесших значительный вклад в исследование творчества писателя.

На этом этапе такие писатели и философы, как Мережковский, Розанов и Бердяев, сопоставляют двух литературных гигантов: Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского. Кроме того, большое внимание уделяется таким темам, как «Ф. М. Достоевский и зарубежная литература», «Ф. М. Достоевский и кружок Петрашевского».

1923–1991 годы: развитие достоевистики в советский период

Советская достоевистика претерпела довольно сложный процесс изменений. За 69-летний период зарегистрировано 5822 опубликованных исследования творчества писателя, в среднем 84 в год. В целом, ранний этап этого периода характеризовался относительно небольшим количеством опубликованных работ, тогда как на позднем этапе наблюдался бум исследований, который продолжался почти три десятилетия.

Во время Великой Отечественной войны и в послевоенные годы достоевистика переживала спад: в период с 1942 по 1955 год ежегодное количество исследований было меньше десяти. Причина заключалась в «отлучении Достоевского от русской культуры», в «официальном запрете на его изучение и изъятии его произведений из школьных программ».[6]

---

[5] Здесь и далее число в скобках после фамилии исследователя или темы указывает на количество работ по данному предмету.

[6] *Степанян К. А.* «С подлинным уважением к гению Достоевского...». Беседа с академиком РАН Г. М. Фридлендером // Достоевский в конце XX века / Под ред. К. А. Степаняна. М., 1996. С. 11–12.

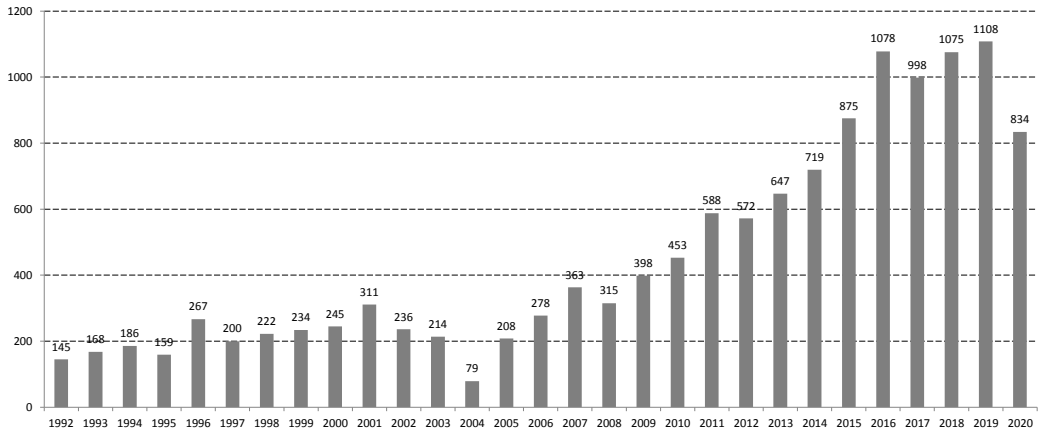


Рис. 5. Гистограмма годовых изменений объема результатов по российским исследованиям достоевистики за период 1992–2020 годов

Но даже в социальной среде, не способствовавшей развитию изучения Достоевского, такие ученые, как М. М. Бахтин, Л. П. Гроссман, Г. М. Фридлендер, Д. С. Лихачев и М. Б. Мейлах, смогли преодолеть множество препятствий и внесли незаменимый вклад в развитие достоевистики.

В 1969 году имя Достоевского вновь появилось в учебниках русской литературы и было включено в список классических писателей,[7] что вызвало новую волну исследований. В 1971 году 150-летие со дня рождения Достоевского было отмечено многочисленными упоминаниями в прессе, опубликована 451 статья. Достоевистика достигла пика, уступающего только 1881 году. Такие титулы, как «великий писатель» и «гений», вернулись к Достоевскому. В «Литературном наследстве», в томах 77 («Ф. М. Достоевский в работе над романом «Подросток»: Творческие рукописи») и 83 («Неизданный Ф. М. Достоевский: Записные книжки и тетради 1860–1881 гг.») опубликовано множество неизвестных текстов писателя, которые стали объектом новых исследований.[8] Собрания сочинений писателя, академические сборники трудов «Ф. М. Достоевский и его время» под редакцией В. Г. Базанова и Г. М. Фридлендера, «Ф. М. Достоевский и русские писатели. Традиции, новаторство, мастерство» под редакцией В. Я. Кирпотина и «Ф. М. Достоевский. Материалы и исследования», подготовленные Институтом русской литературы (Пушкинский Дом), содержат множество ценных публикаций.

1992–2020 годы: развитие достоевистики после распада СССР

За 29 лет, с 1992 по 2020 год, было учтено 13 158 опубликованных исследований Достоевского с наметившейся общей тенденцией к росту — в среднем 453 в год. Достоевистика становится распространенной дисциплиной.

Стоит отметить, что на этом этапе в России существовало пять изданий, посвященных Достоевскому. Серийный сборник «Ф. М. Достоевский. Материалы и исследования» издан уже в 23 томах, а альманах «Ф. М. Достоевский и мировая культу-

[7] *Пономарев Е. Р.* Ф. М. Достоевский в советской школе // Достоевский и XX век: научное издание / Под ред. Т. А. Касаткиной. М., 2007. Т. 1. С. 620.

[8] *Волгин И. Л.* Архивные материалы о Достоевском на территории России и стран СНГ. Новые документальные разыскания и находки (1957–1996). Краткий обзор // Достоевский в конце XX века. С. 195.

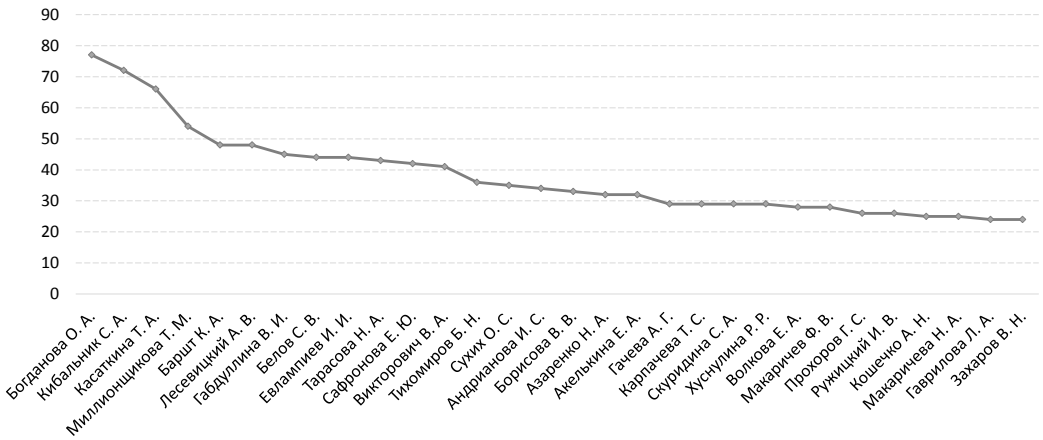


Рис. 6. Складывающийся линейный график первых 30 исследователей по количеству опубликованных работ в области российской достоевистики за период 1992–2020 годов

ра» — в 39 номерах. Издаются материалы ежегодной конференции «Ф. М. Достоевский и современность». По состоянию на май 2020 года было проведено 35 конференций. Журнал «Неизвестный Ф. М. Достоевский» был создан в 2013 году под редакцией В. Н. Захарова, вышло уже 28 выпусков. Данные специализированные журналы являются концентрированным отражением современной достоевистики.

Современная российская достоевистика представлена такими учеными, как В. Н. Захаров, Т. А. Касаткина, И. Л. Волгин, Л. И. Сараскина, Б. Н. Тихомиров, П. Е. Фокин и др. Представленный выше складывающийся линейный график показывает 30 первых исследователей по количеству опубликованных работ за период 1992–2020 годов.

Тематическое распределение российской достоевистики

Использование технологий для извлечения информации из обширного объема литературы, дополненное средствами визуализации, позволяет в сжатой форме представить тематическое распределение достоевистики в России. С одной стороны, это полезно для исследователей Достоевского, так как помогает увидеть наиболее и наименее разработанные темы достоевистики в России и может также служить в качестве справочника для выбора или дополнения собственных исследований. С другой стороны, это помогает исследователям быстрее сфокусироваться на литературе по определенной тематике и сэкономить время на отборе необходимой информации.

Рассматривая общую обзорную картину достоевистики, можно отметить, что прижизненная критика и научные труды создавались в основном в четырех направлениях: произведения Достоевского, идеи, биография, сравнительные исследования. Работы о произведениях писателя составляют значительную часть научной литературы: например, имеется 2191 исследование по роману «Преступление и наказание». Помимо работ, посвященных произведениям писателя, наибольшее внимание уделяется еще пяти темам: Достоевский и философия (598), Достоевский и Л. Толстой (445), Достоевский и Пушкин (357), проблемы поэтики Достоевского (329) и Достоевский и Тургенев (231).

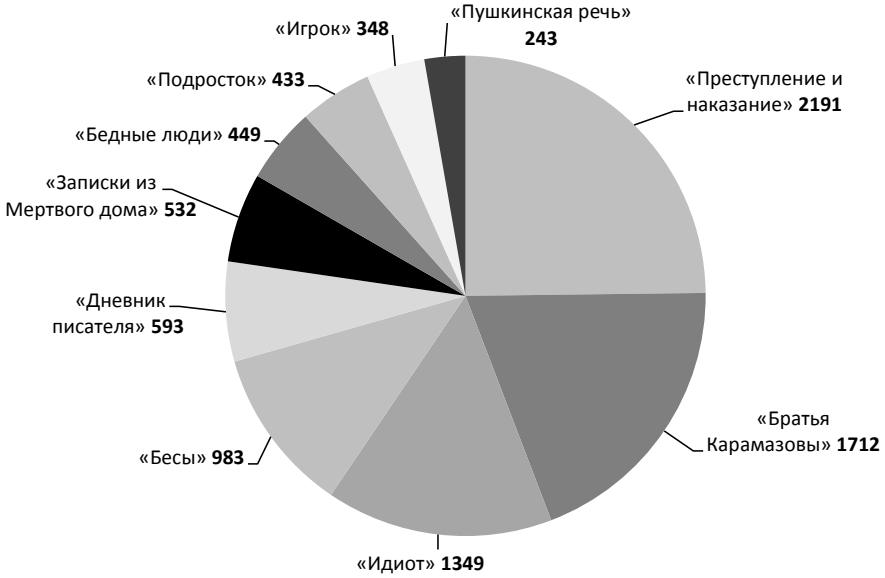


Рис. 7. Круговая диаграмма десяти самых популярных произведений писателя и количества их исследований в российской достоевистике

Изучение произведений писателя

Прежде всего, наибольшее внимание уделяется исследованиям отдельных произведений Достоевского. Десять самых популярных произведений писателя для анализа в период с 1844 по 2020 год — это «Преступление и наказание» (2191), «Братья Карамазовы» (1712), «Идиот» (1349), «Бесы» (983), «Дневник писателя» (593), «Записки из Мертвого дома» (532), «Бедные люди» (449), «Подросток» (433), «Игрок» (348) и «Пушкинская речь» (243). Далее идут публикации о повестях «Дядюшкин сон» (222) и «Двойник» (207). Эти данные показывают, что произведения Достоевского значительно различаются по уровню внимания к ним.

Сделанный вывод имеет определенную справочную ценность для китайской достоевистики. Исследователи в Китае, как правило, фокусируются на нескольких наиболее объемных романах писателя, в то же время такие произведения, как «Дядюшкин сон», получают относительно малое освещение в научных публикациях, а «Дневник писателя» и вовсе привлек внимание исследователей только в последние годы.

Публикации российской достоевистики можно представить в виде диаграммы.

На рис. 8 и 9 представлены результаты визуализации тенденций в исследовании пяти произведений, получивших наибольшее внимание в российской достоевистике. Горизонтальные координаты на рисунках — это время, каждая линия представляет собой произведение, а ее положение по вертикали в определенный момент времени соответствует количеству посвященных ему работ в каждом году. Рисунки наглядно представляют изменение в количестве исследований произведений писателя в истории достоевистики с 1844 по 2020 год.

Показаны тенденции исследований пяти произведений Достоевского с момента их создания: «Преступление и наказание», «Братья Карамазовы», «Идиот», «Бесы» и «Дневник писателя». Источником данных на рис. 8 стал библиографический указатель, составленный С. В. Беловым, а источником данных на рис. 9 является информация, собранная автором из российских баз данных открытых академических ресурсов. Их путь можно условно разделить на три этапа, которые примерно совпадают с описанием этапов в первой части данной работы.

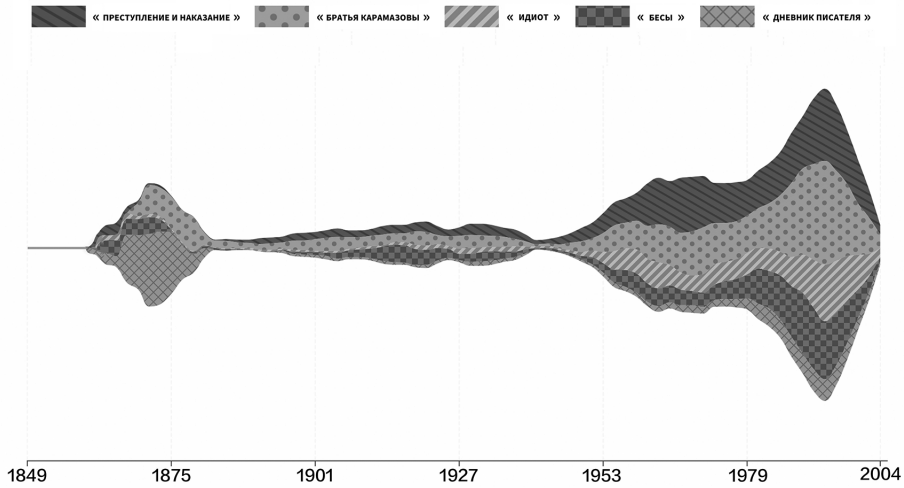


Рис. 8. Потоковый график тенденций исследований для пяти наиболее изученных произведений Ф. М. Достоевского, за период 1844–2004 годов

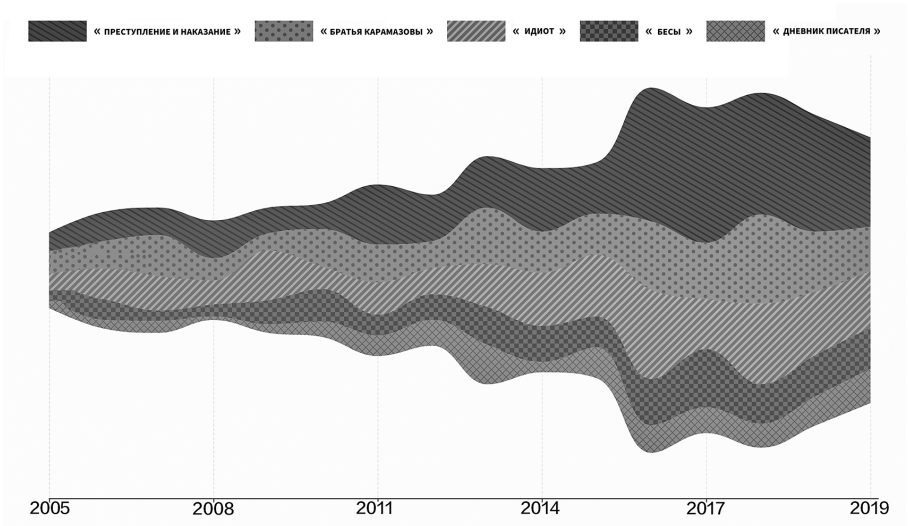


Рис. 9. Потоковый график тенденций исследований для пяти наиболее изученных произведений Ф. М. Достоевского, за период 2005–2020 годов

Кроме того, изучается поэтика, стиль и язык произведений писателя. О поэтике Достоевского написано 329 работ, 121 работа рассматривает язык в творчестве Достоевского, 65 исследований посвящено индивидуальному стилю писателя.

Выпускаются работы, связанные с анализом тематики произведений писателя. Издано 105 работ, рассматривающих тему Петербурга в творчестве Достоевского, и 93 работы, освещающих тему детей и детства в творчестве писателя. Также 31 статья посвящена евреям в творчестве Достоевского, 20 — полякам и 6 — студентам университета.

Имеется 67 опубликованных междисциплинарных исследований на материале творчества Достоевского, объединяющих литературоведение с психологией, психиатрией и психопатологией, а 90 работ связывают изучение творчества Достоевского с юриспруденцией и криминалистикой. Сравнивая, можно сказать, что в китайской достоевистике еще имеются перспективы для междисциплинарных исследований.

Биографические исследования

В центре внимания исследователей находятся различные периоды жизни Достоевского, от его рождения до смерти — всего 832 опубликованные работы. Из них поздним годам жизни Достоевского посвящено 395 работ, что составляет почти половину от общего числа. Об участии писателя в кружке петрашевцев, его ссылке и периоде каторги написано 132 исследования. Что касается конкретных событий, то чаще всего изучают болезнь, смерть и погребение писателя, участие Достоевского в торжественном открытии памятника Пушкину и его речь, а также его арест. В сравнении с российской, в китайской достоевистике было меньше исследований жизни писателя.

Изучение мысли писателя

Исследование идей Достоевского сосредоточено на четырех аспектах: философская мысль, религиозная мысль, социальная мысль, эстетическая и литературно-критическая мысль. Среди них наибольшее количество результатов имеют философская мысль (785) и религиозная мысль (357). С начала XXI века количество исследований философской мысли Достоевского демонстрирует стремительный рост. Внимание, уделенное философским взглядам Достоевского в эти два десятилетия, составляет не менее девяноста процентов от общего количества исследований на эту тему.

Таблица 1. Темы исследований и их количество

Исследование произведений писателя	**Темы**	**Количество научных работ**
Исследования отдельного произведения	«Преступление и наказание»	2191
	«Братья Карамазовы»	1712
	«Идиот»	1349
	«Бесы»	983
	«Дневник писателя»	593
	«Записки из Мертвого дома»	532
	«Бедные люди»	449
	«Подросток»	433
	«Игрок»	348
	«Пушкинская речь»	243
Исследования поэтики, стиля и языка	Поэтика Ф. М. Достоевского	329
	Язык произведений Достоевского	121
	Стиль Ф. М. Достоевского	65
Тематические исследования	Петербург Достоевского	105
	Достоевский и дети	93
	Достоевский и евреи	31
	Достоевский и поляки	20
	Достоевский и студенчество	6
Междисциплинарные исследования	Достоевский и суд, вопросы юриспруденции, криминалистики	90
	Достоевский, психология, психиатрия, психопатология, психоанализ	67

Конкретные темы исследований и количество опубликованных работ представлены в таблице 3.

Сравнительные исследования

Сравнительные исследования всегда были важной частью достоевистики. В сопоставлениях Достоевского и других русских писателей с высокой частотностью встречаются такие имена, как Л. Н. Толстой, А. С. Пушкин, И. С. Тургенев, Н. В. Гоголь, М. Горький и Н. А. Некрасов, количество публикаций составляет 445, 357, 231, 174, 174 и 143 соответственно. Разработанные аспекты включают личные отношения писателей, оценку всего творчества или отдельных произведений, изучение влияния других писателей на творчество Достоевского, воздействие Достоевского на творчество современников, изучение эпистолярного наследия.

Вместе с тем, ряд ученых фокусируется на сравнительных исследованиях Достоевского и макроаспектах русской литературы. В частности, имеется 43 статьи о Достоевском и древнерусской литературе, 30 статей о писателе и русской литературе XVIII века, 9 статей о типологическом сопоставлении с русской литературой XIX века, 8 статей — с русской литературой начала XX века, 83 статьи о воздействии писателя

Таблица 2. Соответствие между событиями и количеством исследований о жизни писателя в российской достоевистике

Периоды биографии	События	Количество результатов	Всего работ
Рождение, детство и ранние годы (1821–1843)	Род Достоевского	66	89
	Жизнь в Москве. Даровое (1821–1837)	8	
	Петербургский период (1837–1849)	1	
	Главное инженерное училище (1838–1843)	14	
Начало литературного творчества (1844–1849)	Начало литературной деятельности (1844–1849)	48	55
	Литературные и идейные связи 1840-х годов	7	
Каторга и ссылка (1849–1859)	Достоевский и петрашевцы, арест, суд, приговор (1849)	98	189
	Каторга (Тобольск, Омск) (1850–1854)	59	
	Военная служба (Семипалатинск, Кузнецк, Барнаул) (1854–1859)	32	
«Возвращение» в литературный мир (1859–1870)	Жизнь в Твери (1859)	2	104
	Петербургский период (1860–1867)	10	
	Издание журналов «Время» (1861–1863) и «Эпоха» (1864–1865)	59	
	Достоевский в общественно-политической борьбе 1860-х годов	14	
	Заграничные путешествия 1860-х годов	4	
	Достоевский и Общество для пособия нуждающимся литераторам и ученым (Литературный фонд)	15	
Поздние годы (1871–1881)	Последнее десятилетие (1871–1881)	25	395
	Редактирование «Гражданина» (1873)	38	
	Жизнь в Старой Руссе	10	
	Поездка в Оптину пустынь (1878)	14	
	Достоевский и правительственные круги 1870-х годов	2	
	Достоевский и царский двор	11	
	Участие в Пушкинских торжествах (1880)	84	
	Болезнь, смерть, похороны	211	

Таблица 3. Соответствие между аспектами изучения мысли писателя и количеством конкретных тематических исследований

Тема исследований	Конкретные темы	Количество научных работ	Итог
Философские идеи	Философские взгляды Достоевского	187	785
	Достоевский и философия	598	
Религиозная мысль	Религиозные и этические взгляды	72	357
	Достоевский и православие	134	
	Достоевский и католичество	8	
	Достоевский и Церковь	124	
	Достоевский и атеизм	19	
Социальная мысль	Общественно-политические взгляды	36	351
	Достоевский и утопический социализм	30	
	Достоевский и славянофильство	48	
	Достоевский и почвенничество	75	
	Достоевский и декабристы. Достоевский и революционные демократы	82	
	Достоевский и революция	80	
Эстетические и литературно-критические взгляды			49

на советскую литературу. Проблеме «Достоевский и зарубежная литература» посвящены 142 статьи.

Исследования персоналий в российской достоевистике

Усилия целых поколений ученых повлияли на то, что Достоевский стал одним из всемирно известных классических писателей. В этой связи изучение персоналий в истории достоевистики также имеет большое значение.

Мы исследуем новые пути использования технологии данных для изучения развития достоевистики посредством составления графы знаний на примере Г. М. Фридлендера, главного редактора издания Полного собрания сочинений Достоевского в 30 томах Академии наук СССР.

Графа знаний (Knowledge graph), также известная как визуализация области знаний или карта отображения области знаний, представляет собой серию различных графических структур, которые показывают процессы и структурные взаимосвязи развития знаний. Технология визуализации используется для описания ресурсов данных и их носителей, а также для анализа, построения и отображения данных и их взаимосвязей.[9] Средства визуализации, такие как диаграммы, рассмотренные в первых двух частях данной статьи, являются инструментами анализа статистических данных, которые обычно используются в макроанализе. А история науки включает в себя различные элементы, такие как исследователи, темы исследований, даты публикаций, платформы публикаций и т. д., которые неразрывно связаны друг с другом. Для такой сложной структуры графа знаний имеет большой потенциал в анализе данных.

В настоящей работе мы рассматриваем графу знаний Фридлендера с помощью методов анализа совпадений (co-occurrence analysis).

С момента публикации своей первой работы о Достоевском в 1951 году Г. М. Фридлендер (1915–1995), член Российской академии наук, активно занимался изучением творчества Ф. М. Достоевского и опубликовал 135 посвященных ему работ.

[9] *Цинь Чанцзан.* Теория и практика построения граф знаний. Пекин, 2020. С. 14. (秦长江: 知识图谱构建的理论与实践，知识产权出版社，2010，第14页。)

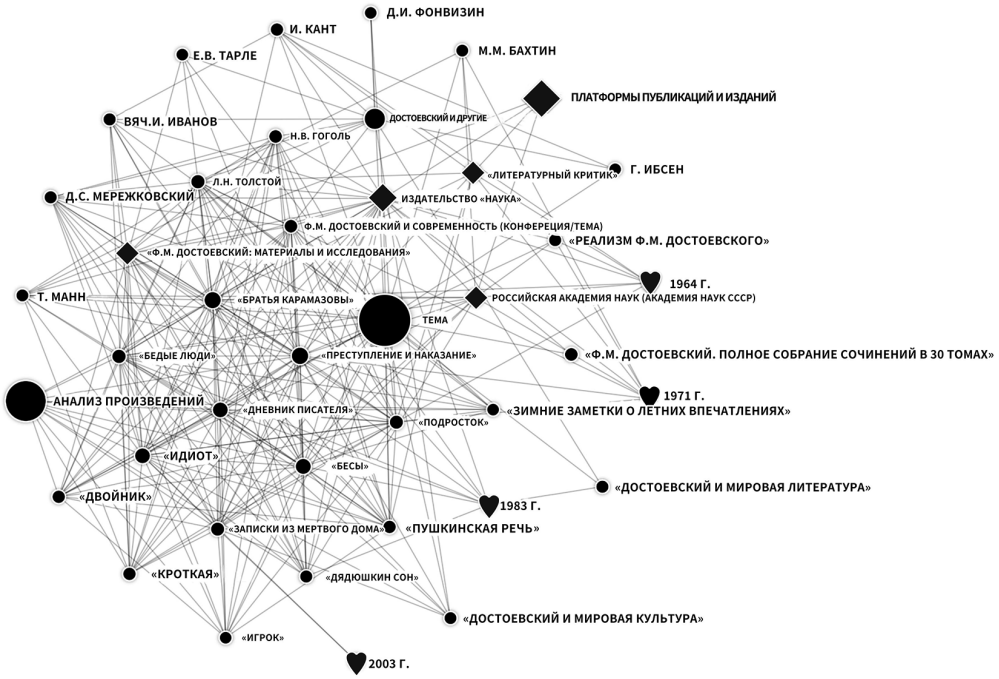


Рис. 10. Графа знаний о результатах исследований Г. М. Фридлендером творчества Ф. М. Достоевского

Исследования Фридлендера о Достоевском сосредоточены в трех областях: сравнительные исследования, исследования творчества и исследования биографии. Являясь самым авторитетным специалистом по Достоевскому в советский период, он был автором специальных глав о писателе в таких изданиях, как «Большая советская энциклопедия» (БСЭ), «История русской литературы», «История русской критики», «Из истории русских литературных отношений XVIII–XX веков», «История русского романа» и др. Ученый сравнивал Достоевского с такими писателями, философами и историками, как Т. Манн, Г. Ибсен, Л. Н. Толстой, Н. В. Гоголь, Д. И. Фонвизин, В. И. Иванов, Д. С. Мережковский, И. Кант, Е. В. Тарле. Его заслуги были отмечены Государственной премией за монографию «Ф. М. Достоевский и мировая литература» (1979). При этом Фридлендер не только имел глубокое представление об этических и эстетических взглядах, социальных мыслях и темах творчества Достоевского, но и занимался анализом отдельных произведений русского классика.

Фридлендер всегда внимательно следил за событиями в области достоевистики. С 1974 года он выпускал серию «Ф. М. Достоевский: материалы и исследования». Под его редакцией вышли первые 12 томов, в которых и сам ученый опубликовал ряд научных работ, сделав издание важным источником для изучения жизни и творчества Достоевского. В таких работах, как «Наука о Ф. М. Достоевском сегодня» и «Новые книги о Ф. М. Достоевском», Фридлендер дал оценку текущих результатов достоевистики.

На основе анализа совпадений (co-occurrence analysis) 135 документов Фридлендера мы получаем вышеупомянутую графу знаний (см. рис. 10). Она состоит из двух элементов: узлов, размер которых зависит от количества соответствующей литературы, и связей, сложность которых показывает степень корреляции. В графе есть три типа узлов: время публикации, издательская платформа и тема опубликованных исследований. Каждый из трех типов узлов представлен своей формой.

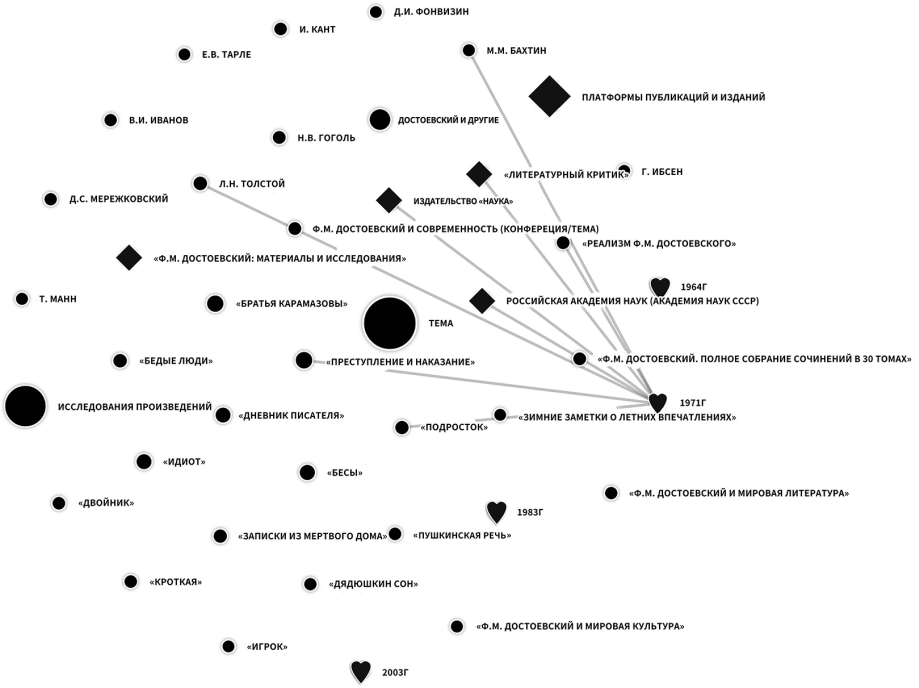


Рис. 11. Извлечение релевантных узлов из временных: 1971 год

Из-за сжатых объемов статьи мы выбрали четыре года, в которые опубликованы или переизданы наиболее значимые результаты научных исследований Фридлендера, журналы и сборники трудов и издательские платформы, опубликовавшие наибольшее количество работ. Тематический узел состоит из двух основных частей: сравнительные исследования и исследования произведений. Сравнительные исследования разделены в качестве узлов по именам конкретных писателей, мыслителей и историков, а также по названиям книг, входящих в контексты «Ф. М. Достоевский и мировая литература» и «Ф. М. Достоевский и мировая культура». Изучение произведений тоже делится на два типа узлов — заглавия произведений Достоевского и названия связанных с ними результатов.

Обращая внимание на размер и связность трех типов узлов в вышеупомянутой графе, можно проанализировать статистическое распределение связанных с результатами Фридлендера исследований по времени, теме и платформе публикации, а также увидеть и определить прямые или косвенные связи между различными узлами. Все узлы и ссылки поддерживаются специфическими данными бэкенда, которые можно просмотреть для любого из них. Если отношения различных ученых вплетены в единую карту, можно лучше рассмотреть взаимосвязи между исследователями, тематикой, временными периодами в академической истории.

Узлы, связанные с годом публикации, представлены в форме персикового сердца, где четыре узла от самого большого до самого маленького — это 2003, 1971, 1964 и 1983 годы, которые соответствуют связанным с ними 11, 8, 7 и 7 источникам. При дальнейшем определении местоположения этих четырех узлов можно найти распределение тем и издательских платформ соответствующих публикаций в каждом году, что дает подсказки для углубленного исследования. Например, в 1971 году, как показано на рис. 11, наибольшую долю площадок занимал журнал «Литературный критик» — четыре публикации, при этом три из издательства «Наука» и одна из издательства АН СССР. Темы соответствующих работ, опубликованных Фридлендером в 1971 году, рас-

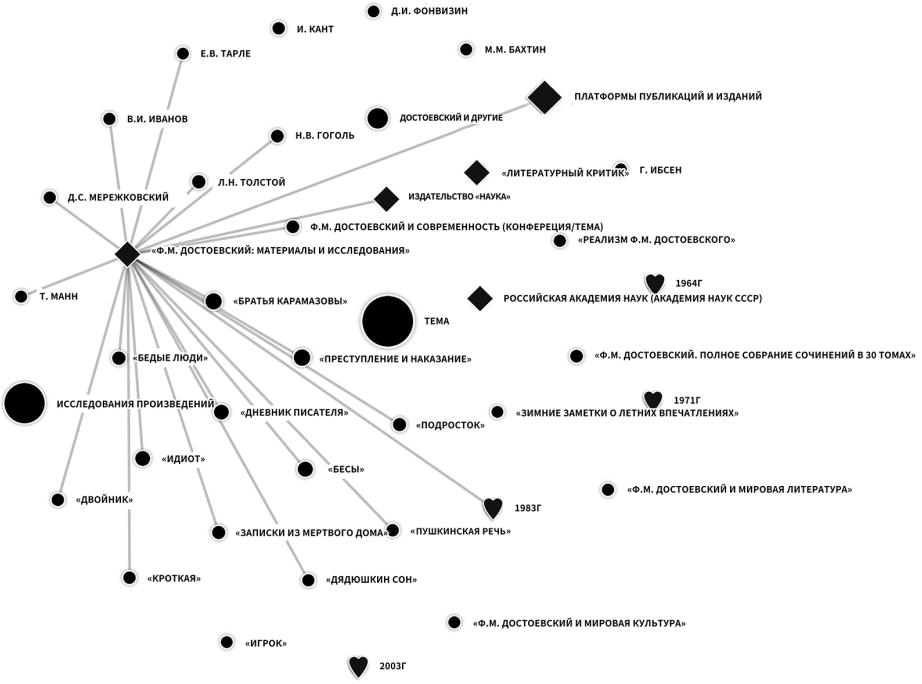


Рис. 12. Извлечение релевантных узлов из платформ публикаций: «Ф. М. Достоевский: материалы и исследования»

пределяются в таких областях, как реализм Достоевского (1), исследование романов «Преступление и наказание» (2) и «Подросток» (1), сопоставление с Л. Н. Толстым (1) и достоевистика М. М. Бахтина (1).

Узлы, связанные с издательской платформой, представлены ромбом, а соответствующие узлы — это, в порядке убывания, издательство «Наука» (28), Издательство АН СССР / РАН (18), журнал «Литературный критик» (18) и серия «Ф. М. Достоевский: материалы и исследования» (14). В качестве примера последней серии представлен рис. 12.

В дополнение к просмотру отношений между узлами, связанными между собой, в анализе графы знаний можно использовать такие методы, как кластерный анализ, многомерное шкалирование (Multidimensional scaling), факторный анализ (factor analysis) и анализ K-ядра (K-core analysis).

Возьмем, к примеру, анализ K-ядра, который является методом сплоченных подгрупп (Cohesive Subgroups). Сплоченная подгруппа — это подмножество факторов, которые удовлетворяют относительно сильным, прямым, близким, частым или активным отношениям между узлами. Вводится ограничение на число соседей каждого узла в подграфе сети,[10] и получается связная подгруппа, построенная по степени точек, которая и является ядром. В K-ядерной подграфе каждый узел должен быть смежным по крайней мере с другими точками этой подграфы в количестве K. По мере увеличения значения K членство в подграфе K-ядра уменьшается, а члены становятся более тесно связанными друг с другом. Различные количества K приводят к различным подграфам.[11]

[10] Подграфа является одним из основных понятий теории граф и обозначает графу, в которой множество узлов и множество ребер соответственно являются подмножеством множества узлов и подмножеством множества ребер конкретной графы.

[11] *Цинь Чанцзан.* Теория и практика построения граф знаний. С. 50.

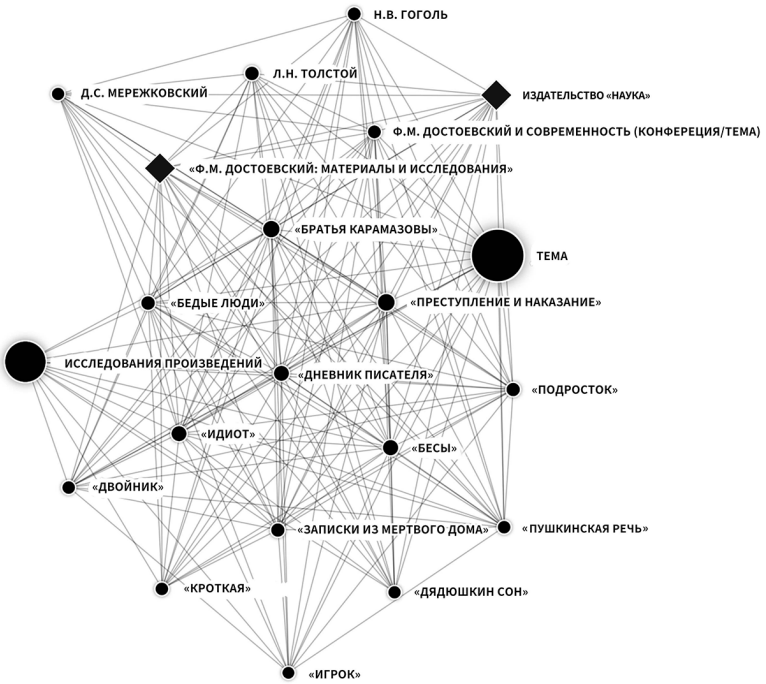
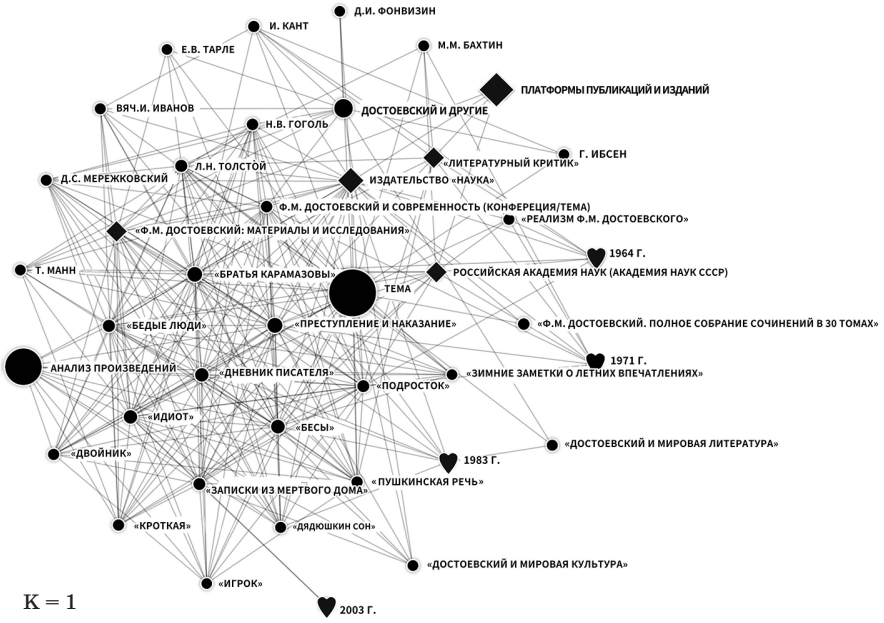
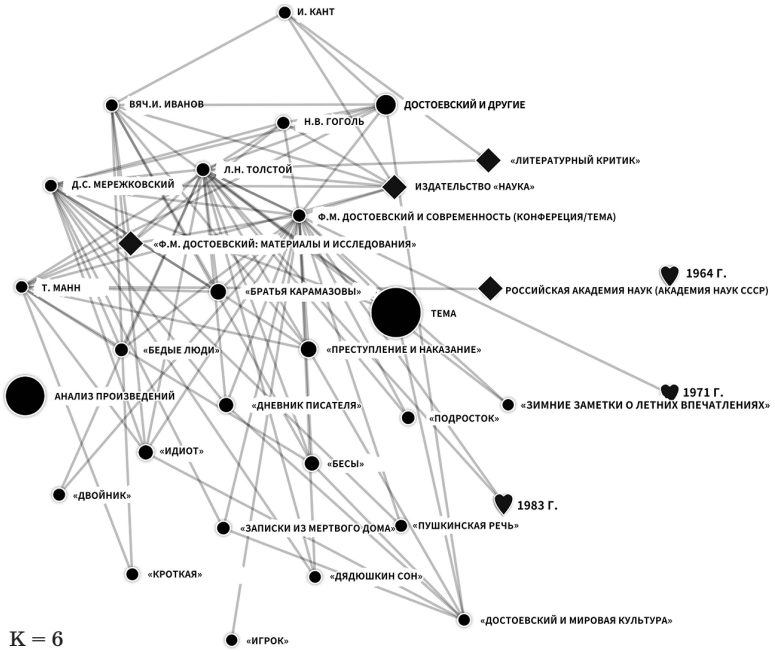


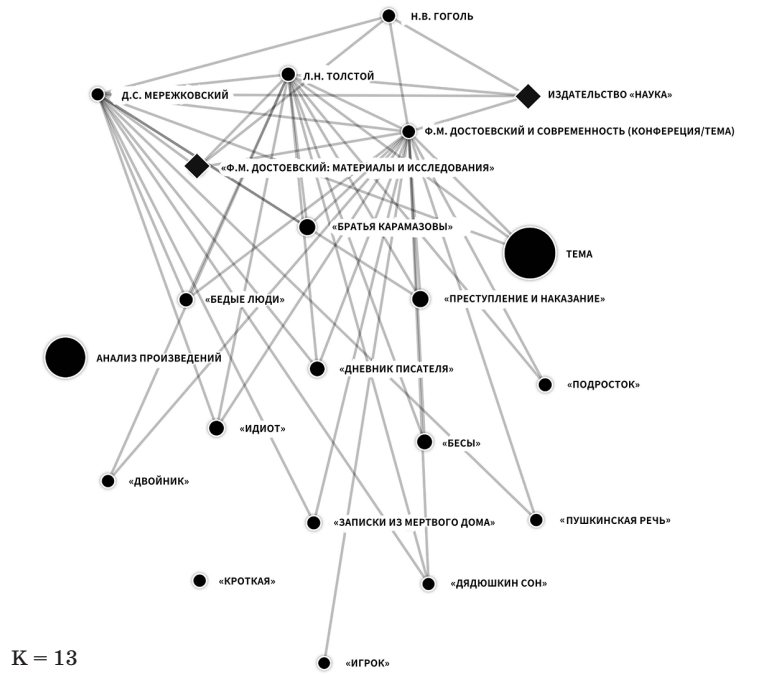
Рис. 13. Сплоченная подгруппа, когда K принимается за 13 в анализе K-ядра



а



б



в

Рис. 14 а–в. Сплоченные подгруппы, когда K присваивается 1, 6, 13 в подмножестве сравнительного исследования

На рис. 10 показана графа знаний для количества K, равного 1. Если мы присвоим K количество, равное 13, то получим следующую подграфу (см. рис. 13). Здесь каждый узел связан как минимум с 13 другими узлами, которые являются ключевыми словами в научной деятельности Фридлендера.

Далее мы ограничиваем анализ K-ядра сравнительными исследованиями Достоевского, проведенными Фридлендером. Когда K присваивается 1, 6 и 13 соответственно, мы получаем следующие различные подграфы (рис. 14), которые показывают тесноту различных связей узлов. Когда K присваивается 13, мы обнаруживаем, что центральными узлами в сравнительном исследовании являются три писателя и мыслителя: Л. Н. Толстой, Н. В. Гоголь и Д. С. Мережковский — и двенадцать произведений, такие как «Братья Карамазовы», «Двойник», «Подросток» и др. По мере уменьшения количества K количество узлов в подграфе увеличивается, и в подграфу постепенно попадают имена таких писателей, как Т. Манн, Г. Ибсен, В. И. Иванов, Д. И. Фонвизин, философ И. Кант, историк Е. В. Тарле. Основываясь на вышеприведенных подсказках, мы можем далее провести иерархический анализ сравнительного исследования Достоевского в рамках концепции Г. М. Фридлендера.

Графы знаний могут наглядно и эффективно продемонстрировать тесноту связей между разными элементами, прямые и косвенные ассоциации между различными узлами и их путями. В данной статье в качестве примера взято только одно из измерений анализа. В анализе графа знаний также существуют различные методы, такие как кластерный анализ, сводный анализ, анализ ассоциаций, анализ структуры ядро-граница и анализ степени. Таким образом, применение картографирования знаний в академической истории очень перспективно.

В целом, использование анализа данных и визуализации для вмешательства в ретроспективный анализ академической истории позволяет наглядно представить распределение научных трудов о Достоевском в России в трех измерениях — времени, темы и исследователей — с 1844 по 2020 год. Историю российской достоевистики за 177 лет можно визуализировать с помощью графиков и гистограмм изменения объема результатов (см. рис. 1–5). Этот процесс делится на четыре этапа: при жизни писателя, после смерти писателя до основания СССР, советский период и после распада Советского Союза. В нем представлены пиковые годы, такие как 1881-й и 1971-й, и провал с 1942 по 1954 год. В будущем, исследуя взаимосвязи и закономерности, можно будет также связать историю развития достоевистики с изучением социальной истории. С точки зрения тематики, работы исследователей в основном сосредоточены на четырех аспектах: произведениях, биографиях, мыслях писателя и сравнительных исследованиях. Почти в каждом аспекте есть вопросы, достойные рассмотрения и признания их научной ценности. Анализ данных представляет количество опубликованных работ по каждой теме (см. таблицы 1–3). При анализе работ Достоевского, представляющих наибольший интерес для российской достоевистики, такие инструменты визуализации, как круговые диаграммы и потоковые графики, могут дать эффективное представление о состоянии исследований по определенной теме как по горизонтали, так и по вертикали (см. рис. 6–9). Создавая базы данных, содержащие различную информацию о времени, теме, исследователе, платформе публикации и т. д., и отображая графы знаний, можно наглядно показывать взаимосвязи между информацией и основными ключевыми словами (см. рис. 10–14).

За 177 лет развития российская достоевистика накопила огромное количество исследовательской литературы. При таком объеме источников в области достоевистики отбирать и пересчитывать их вручную трудоемко и утомительно, а работа над ошибками очень сложна. Однако с помощью программирования и создания базы данных можно быстро извлечь необходимые исследования, централизовать содержащуюся в них информацию, получить эмпирические данные и визуализировать их. Традиционные методы часто полагаются на читательский опыт исследователя, который формирует определенное субъективное впечатление, или на методы выборочных данных, изучая локальную область, а затем обобщая ее. Анализ объективных данных и дальнейшая их визуализация могут эффективно устранить недостатки традиционных методов исследования.

Однако анализ данных является лишь одним из инструментов и методов исследования. Включение методов анализа больших данных в литературоведческую науку не означает отказ от традиционных исследовательских методов для изучения теоретической глубины и эстетической ценности литературы. Выводы, сделанные с помощью технологии данных, могут дополнить человеческое восприятие или дать подсказки для дальнейших исследований, но они также требуют академической проницательности и начитанности. Изучение академической истории не может опираться только на накопление данных и сравнение, оно должно включать в себя исследование и поиск идеологических смыслов, оставленных академической классикой будущим поколениям. Только объединив поиск гуманистического смысла литературы с новыми идеями и методами, вызванными изменениями в технологии передачи данных, литературоведение может адаптироваться к изменениям времени, сохраняя при этом свои традиции и особенности.

Инструменты и методы, рассмотренные в данной статье, применимы к анализу жизни и творчества других писателей, а также литературоведческих исследований на других языках. Существует еще много возможностей для анализа данных, которые можно применить для изучения литературы.

DOI: 10.31860/0131-6095-2023-3-145-151

© *А. В. Романова*

«ЛИТЕРАТОР МАЙКОВ» (ИЗ КОММЕНТАРИЯ К ПИСЬМАМ И. А. ГОНЧАРОВА 1858–1859 ГОДОВ)

Среди эпистолярного наследия И. А. Гончарова 1858–1859 годов сохранилось несколько писем, адресованных А. Н. Майкову или содержащих упоминания о нем.

В первом из них — А. В. Дружинину 22 июля 1858 года — в конце, на полях, вписано: «Завтра уезжают Майков и Льховский в вояж».[1]

Этот «вояж» Майкова был частью той «литературной экспедиции», которая была задумана управляющим флотом и морским ведомством на правах министра вел. кн. Константином Николаевичем и осуществлена в 1855–1861 годах при содействии его секретаря А. В. Головнина.[2] 11 августа 1855 года великий князь отдал приказ директору Комиссариатского департамента морского министерства кн. Д. А. Оболенскому: «Прошу Вас поискать между молодыми даровитыми литераторами (напр. Писемский,

[1] Письма к А. В. Дружинину. М., 1948. С. 79. На самом деле корабль Льховского — корвет «Рында» — ушел из Кронштадта 24 июля, а корабль Майкова — корвет «Баян» — только 5 августа (см. об этом далее). Одновременно с Майковым, на корабле «Ретвизан», уходил Д. В. Григорович, но в предшествующем тексте письма говорится о его безобразном поступке, поэтому, видимо, Гончаров не упомянул его, тем более что о Григоровиче знали все: Новый поэт (И. И. Панаев) оповестил публику, что «вместе с эскадрами, которые, по распоряжению морского министерства, посылаются нынешнее лето в Средиземное море в Архипелаг, отправляются два наши известные писателя гг. *Майков* (А. Н.) и *Григорович*» (Современник. 1858. № 6. С. 226).

[2] *Шевырев А. П.* Во главе «константиновцев»: Великий Князь и А. В. Головнин // Александр Второй: трагедия реформатора. СПб., 2012. С. 51–69. Этнографический аспект акцентирован в работе: *Вдовин А. В.* Русская этнография 1850-х годов и этос цивилизаторской миссии: случай «литературной экспедиции» морского министерства // Ab imperio. 2014. № 1. С. 91–126. В частности, автор отмечает: «Речь идет о разделяемом бюрократами, учеными, писателями и интеллектуалами убеждении, что модернизация империи напрямую зависит от тщательно собираемого знания обо всех сторонах жизни населения во всем его статистическом, географическом, этническом, сословном и религиозном разнообразии» (Там же. С. 92). Вдовин называет Майкова первым из известных литераторов, затронувших тему цивилизаторской миссии России (в 1854 году; см.: Там же. С. 109).

Потехин и т. под.) лиц, которых мы могли бы командировать на время в Архангельск, Астрахань, Оренбург, на Волгу и главные озера наши для исследования быта жителей, занимающихся морским делом и рыболовством, и составления статей в „Морской сборник“, не определяя этих лиц к нам на службу».[3] В циркуляре об экспедиции было сформулировано несколько целей — этнографическая (описание быта и нравов населения разных областей), практическая (чтобы можно было в дальнейшем осуществлять набор матросов из мужчин, с детства обученных морскому делу на берегах морей и рек) и литературная (включая в текст желательные для великого князя сведения, составлять очерки «в духе прекрасных статей г. Гончарова»).[4]

В первой группе литераторов были М. Л. Михайлов, А. Ф. Писемский, А. С. Афанасьев-Чужбинский, А. А. Потехин, А. М. Михайлов, С. В. Максимов, Н. Н. Филиппов, А. Н. Островский, Л. А. Мей, Г. П. Данилевский. Все они (кроме заболевшего Мея, который вернул выплаченные ему деньги на поездку) выполнили возложенные на них обязанности.

Общеизвестен тот факт, что от первой возможности совершить морское путешествие Майков в 1852 году отказался по семейным обстоятельствам, что дало возможность поехать Гончарову.[5] Как оказалось, поэту было сделано еще одно предложение: в 1855 году он мог быть командирован на Дон и берега Азовского моря.[6] Но Майков снова не поехал. Великий князь Константин Николаевич лично просил о нем министра народного просвещения А. С. Норова (Майков в тот момент служил младшим цензором Комитета цензуры иностранной).[7] Норов объяснил, что на восемь месяцев предполагаемой отлучки Майкова для чтения его доли от очень большого количества поступающих в Комитет иностранных книг придется взять другого чиновника и жалованье временно отсутствующего сотрудника выплачивать ему, поэтому встал вопрос — нельзя ли перевести Майкова в это время на службу в морское министерство.[8] В результате поездка была отменена. Поэт писал М. П. Заблоцкому-Десятовскому в конце 1855 — начале 1856 года: «Ох, как бы я теперь желал хоть на год отделаться от Петербурга и пошляться по России, чтобы и для себя начать новую жизнь, и попробовать — может быть, к чему-нибудь послужит опыт литературный — решить для меня самого вопрос, не решаемый другими, — есть ли у меня какой талант или нет. Такой случай представлялся мне. В<еликий> к<нязь> Константин Николаевич вызывал охотников из литераторов ехать в разные концы России для осмотра прибережий и описания их в „Морской сборник“. Я просил, но мое министерство не пустило, а поездка была бы для меня новой эпохой жизни».[9]

Однако Майкову словно бы на роду было написано — ехать. В 1858 году договоренность об этом была достигнута. Ему, как и двум другим литераторам, давшим согласие весной 1858 года, было предоставлено особенное право «пользоваться сочинениями, имеющимися в Библиотеке Гидрографического департамента, на том же основании, как это разрешено офицерам Морского ведомства».[10]

Настроение Майкова весной и летом 1858 года часто менялось. Е. А. Штакеншнейдер записала в дневнике: «...21 апреля. <...> Майков и весел и грустен, ему и хочется, и не хочется уезжать. Он ведь в числе других писателей — Григоровича, кажется, Льговского (Льховского. — *А. Р.*) и не помню еще кого — посылается в<еликим> к<нязем> Константином Николаевичем в экспедицию. Целая компания литераторов ездила уже в прошлом году по России, теперь он посылает их дальше. Майков должен

---

[3] РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 1069. Л. 1. Опубл.: *Максимов С. В.* Литературная экспедиция // Русская мысль. 1890. Кн. II. С. 19.

[4] РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 1069. Л. 7 об. — 8.

[5] *Гончаров И. А.* Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. СПб., 2000. Т. 3. С. 399–400.

[6] РГА ВМФ. Д. 410. Оп. 2. Д. 1069. Л. 44.

[7] Там же. Л. 44–44 об.

[8] Там же. Л. 44.

[9] См.: *Майков А. Н.* Письма / Публ. И. Г. Ямпольского // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1975 год. Л., 1977. С. 84.

[10] Там же. Л. 20.

ехать в Грецию; Григорович в Тихий океан».[11] 26 мая она вновь отметила: «Аполлон Николаевич нет-нет да и вспомнит предстоящее ему путешествие, и задумается; кажется, он охотно отказался бы от него, если бы нашелся благовидный предлог».[12]

Майков должен был путешествовать на винтовом корвете «Баян»[13] под командованием капитана 2-го ранга П. И. Истомина,[14] в составе эскадры, отправленной по приказу великого князя вокруг Европы в Средиземное море.[15] Об этом эпизоде его биографии исследователи всегда упоминают кратко, сосредотачиваясь на стихотворениях, которые поэт тогда сочинил («Неаполитанский альбом» и др.), и на поэме «Сны».

Первый биограф Майкова Д. Д. Языков описал этот эпизод так, не имея, по-видимому, точных сведений: «...вторичная поездка нашего поэта за границу: в августе 1858 года, по поручению великого князя Константина Николаевича, он отправился на корвете „Баян" в Грецию и Архипелаг, оттуда в Рагузу, Ниццу, Неаполь и Палермо, осенью же следующего года вернулся из этой командировки...» — и далее перечислил написанные поэтом в поездке произведения.[16] Даже в словаре «Русские писатели» поездке, хотя и с более корректными данными, уделен минимум внимания.[17]

Наиболее подробно — почти на целой странице — подготовку Майкова к путешествию и переживания в период плавания описала Н. В. Володина: поэт радовался возможности исполнить мечту — посетить Грецию (Архипелаг был его главной целью)

---

[11] *Штакеншнейдер Е. А.* Дневник и записки (1854–1886). М.; Л., 1934. С. 202–203. Она перепутала — к берегам Восточной Сибири отправлялся Льховский.

[12] Там же. С. 212–213.

[13] Парусно-винтовой корвет «Баян» был построен в 1856–1857 годах в Бордо, спущен на воду 11 июля 1857 года. 28 октября 1857-го прибыл в Кронштадт на достройку (*Веселаго Ф. Ф.* Список русских военных судов с 1668 по 1860 год. СПб., 1872. С. 126–127).

[14] Павел Иванович Истомин (1817–1881) происходил из рода военных моряков; начав службу в 1826 году (поступив в Морской корпус кадетом), получал очередные звания, ходя по Балтийскому морю на разных судах. В 1853-м, командуя корветом «Наварин», вышел из Кронштадта для крейсерских плаваний в Охотском море, но из-за повреждения судна во время штормов был вынужден вставать на ремонт; в итоге корвет был продан в силу «неблагонадежности к дальнему плаванию»; в 1854 году за «неосновательное удостоверение в благонадежности» корвета «Наварин» Истомину был объявлен строжайший выговор с внесением в формуляр; в 1854–1855 годах в ходе Крымской войны участвовал в военных действиях против английских кораблей в Балтийском море, был награжден золотой саблей с надписью «за храбрость»; в 1858–1859-м в звании капитана 2-го ранга командовал винтовым корветом «Баян»; в 1859-м в Палермо оказал помощь неаполитанским судам во время бури (за что потом был награжден неаполитанским военным орденом, а члены команды — российскими орденами, медалями и денежными подарками); кавалер русских и иностранных орденов; в 1874 году был произведен в вице-адмиралы с увольнением от службы (см.: Общий морской список. СПб., 2003. Ч. 14. Царствование Александра II. Д–И. С. 229–230). Эти краткие сведения можно дополнить тем, что, возвращаясь из Италии, «Баян» пришел на рейд Сандауна, где его посетили великий князь и адмирал Е. В. Путятин, причем великий князь остался недоволен корветом, так как счел его ужасно грязным. По возвращении же в Кронштадт корвет по заданию великого князя был осмотрен вице-адмиралом фон-Шанцем, было произведено парусное учение, спуск и подъем гребных судов, подъем и спуск гребного винта «весьма хорошо» (Обзор заграничных плаваний русского военного флота с 1850 по 1868 год. СПб., 1871. Т. 2. С. 595). Из этого краткого перечисления заслуг и упущений Истомина можно заключить, что он был безусловно храбр, но не идеален.

[15] «Баян» наряду с «Громобоем» (флагман эскадры), «Ретвизаном», «Рюриком» и «Медведем» был зачислен в эскадру Средиземного моря контр-адмирала К. И. Истомина. Первоначально планировалось, что он должен был нести службу стационера в Афинах (т. е. постоянно находиться на стоянке в иностранном порту с целью охраны или наблюдения за порядком). Но 17 ноября 1858 года «Баян» был включен в состав эскадры под командованием великого князя Константина Николаевича (вместе с «Громобоем» (флагман эскадры), «Ретвизаном», «Палканом» и «Рюриком»), 5 декабря перешел в Тулон, 13 декабря в Виллафранк, 22 декабря в Палермо, с 7 по 26 января 1859 года ходил с депешами в Грецию и обратно, затем был связным между портами — Неаполь, Рагуза и Палермо. С 16 марта по 24 апреля ремонтировался в доке в Неаполе. После этого Майкова на нем уже не было.

[16] *Языков Д. Д.* Жизнь и труды А. Н. Майкова // Русский вестник. 1897. № 12. С. 252. Под Архипелагом подразумеваются острова Греческого архипелага в Эгейском море.

[17] Русские писатели 1800–1917. М., 1994. Т. 3. С. 456.

и систематически изучал греческий язык. Также он переживал за родителей, остававшихся в Петербурге, с нетерпением ждал встреч с семьей, путешествовавшей по Европе, и переписывался с М. Ф. Штакеншнейдер.[18]

Письма Гончарова и архивные разыскания помогают показать этот период жизни Майкова более детально.[19]

Итак, 5 августа Майков отбыл. В составе экипажа «Баяна» он числился, согласно первому рапорту командира корвета управляющему морским министерством (от 20 августа из Копенгагена), как «литератор коллежский советник Майков» в числе лиц, которые «обязанности исполняют по своему званию».[20] В последующих рапортах эта запись была дополнена только именем — Аполлон. Кроме этого повторяющегося текста, вплоть до самого конца пребывания поэта на корабле в рапортах о нем ничего не говорится.

Поэт сначала был настроен бодро. 17 августа он написал родителям о походе по Балтийскому морю до Плимута. Это текст в духе гончаровских очерков. Описаны некоторые спутники, море, ловля акулы, шторм и мучения из-за качки, норвежская шхера и городок Арендаль в ней; также в письме выразилась тревога за жену и детей, которые отправились в путешествие на корабле «Владимир», чтобы в Европе встречаться с Майковым в разных городах, и попали в тот же шторм. При подходе к Плимуту Майков видел крушение двух лодок, на которых местные лоцманы попытались обогнать друг друга, чтобы получить возможность вести «Баян» в английских водах, столкнулись с кораблем и попадали в воду.[21]

Приведем для примера эпизод ловли акулы: «На дороге же из Копенгагена подуло свежо, так что, пройдя Зунд, мы, опасаясь сильного волнения в Скагерраке, бросили якорь близь Ютландского берега, местечко Скаген, — и тут я тотчас хватился за удочки. Оказалось 15 сажен глубины. Я связал две свои удочки, да еще у гардемарина взял, и наконец еще веревку и пустил на дно. Клюет, т<о> е<сть> из рук дергает. Начинаю потихоньку выбирать 15 сажень; чем выше вывожу, тем сердитее. Наконец в зеленой глубине начинает являться перламутровое нечто, белеет, белеет и оказывается рыба в аршин величиною, выплывающая белым брюхом вперед. Я кричу „ведро, ведро!“ Сбежались смотреть — офицеры, — матросы, говорят позвать Разгулова, он архангельский — а я держу рыбу на поверхности, боюсь тащить, ибо высоко, так чтобы не сорвалась, удочки-то мои не для моря, тоненькие и крючки маленькие. Притащили ведро, явился Разгулов, но рыба в ведро нейдет, вырывается. Между тем подходит лоцман, датчанин, которого наняли вести нас до Портсмута, веселый, красный толстый кептен.[22] Он поглядел вниз на мою рыбу и говорит — „это акула“ — акулы в Немецком море[23] маленькие, и от больших акул отличаются только ростом. Можете себе представить, что делается с рыболовом les eaux douces,[24] когда он слышит, что у него на крючке сидит акула! Не ручаясь за себя, я даю удочку Разгулову — на, мол, тащи, ты больше меня знаешь. Он потащил и — трах, оборвалась. Оказалось, что крючок, завязанный узлом на жилке, выскользнул.

Навязав другой крючок, кидаю. Вытаскиваю пресмешную рыбу, с виду похожую на ерша, но вершков 6, с усами и с живописными кругловатыми перьями. Называется Snoreway;[25] потом попадается пара других, witling,[26] род пискарей, но величиною одна в 4, другая в 7 вершков. Но вот опять хватила. Тяжело. Тащу тихо. Посылаю за капи-

---

[18] *Володина Н. В.* Майковы. СПб., 2003. С. 234.

[19] Я не рассматриваю здесь сочиненные им за время путешествия стихи и поэму. — *А. Р.*

[20] РГА ВМФ. Ф. 283. Оп. 3. Д. 415. Л. 9 об.

[21] Эти события (кроме, конечно, тревоги Майкова за семью) отражены в документах. См.: Обзор заграничных плаваний русского военного флота с 1850 по 1868 год. Т. 1. С. 215.

[22] От captain (*англ.*) — капитан.

[23] Современное название — Северное море.

[24] из пресных вод (*фр.*)

[25] Вероятно, один из видов скорпен — морской скорпион (*лат.* Myoxocephalus scorpius).

[26] По-видимому, путассу (*лат.* Merlangius merlangus). Правильное англ. написание — whitling.

таном, чтобы ему доставить удовольствие вытащить — опять акула, и опять оборвалась. В третий раз опять взяла, опять по движению подозреваю акулу, и думаю, ну теперь никому не скажу, вытащу сам, и ровно, ровно тяну, не давая ей опомниться — и вдруг ура! Хлопнулась на палубу, и пошла по ней на брюхе бегать серо-голубовато-лиловая акулка в аршин величиною.[27] Брюхо белое, и рот как у стерляди, зацепила за средний окуний крючок за кончик губы. Эффект страшный. Но что с ней делать. Лоцман говорит, ее не едят. Узнав это, Разгулов решил — врет! — я ему ее отдал, матросы сварили, но, говорят, горькая была.

Вот Вам, рара, подробное описание первого моего рыболовного подвига на море. Надеюсь, что поимка акулы поставится мне в заслугу в глазах настоящих рыболовов и отымет у них право смеяться надо мною, что ловлю только мелочь. Нет, истинное искусство в том, чтобы уметь ловить все, что представляется, не исключая и мелочь».[28]

В конце письма Майков попросил: «Пожалуйста, не делайте из моих писем общественного чтения, а то я не буду писать — но приберегайте их, это для меня будут памятки».[29] То есть можно предположить, что он собирался использовать свои записи так же, как использовал Гончаров.

К последнему он не обращался до апреля 1859 года, что подтверждается ответом писателя от 11 апреля: «Давно бы Вам вспомнить меня на письме, и Вы получили бы не одно известие о том, о другом и о третьем. Ведь я на пароходе, прощаясь, ясно сказал Вам, „что всякий отъезжающий обязан напоминать о себе кругу, из которого выбывает, ибо один всегда нуждается в памяти целого круга“: так я поступал всегда и так обязываю каждого поступать».[30]

Но Гончаров знал все о передвижениях друга. Вероятно, слова об «общественном чтении» не касались ближайших друзей семьи, поэтому старшие Майковы делились новостями с Гончаровым — хотя, возможно, не всегда давая читать сами письма: «Жалею очень, что Вы не пишете записок вояжа, а надо. Читая теперь Ваше письмо, с этим свободно-играющим настроением, приправленным юмором, мыслью и легким изложением, я с досадой думаю: „Да отчего ж он не пишет так о море, о моряках, о корвете, о берегах, встречах, о самых этих видах, которые он ругает?“» (В первом письме Майкова родителям — как раз о моряках, о берегах и встречах.) Но дальше — подтверждение знакомства с текстом какого-то из писем: «Пусть бы писали Вы письма к нам ко всем вдруг или по очереди — и не тратили бы в частных письмах драгоценных заметок, например вроде описания бегавшего от Вас аббата в Палермо и т. п.».

Кроме того, Гончаров встречался с общими знакомыми, с которыми Майков переписывался, — Я. П. Полонским и М. Ф. Штакеншнейдер. Последняя в большом коллективном письме от 21 сентября 1858 года с продолжениями (кроме нее, части текста принадлежат П. Л. Лаврову, В. Г. Бенедиктову и И. К. Гебгардту) сообщала Майкову 5 октября: «Вчера был у нас Ив. Ал. Гончаров. Он читал нам рассказ о поимке акулы...».[31]

Майков сходил на берег и встречался с женой и детьми, потом снова возвращался на корабль. В дневнике Е. А. Штакеншнейдер сохранился текст письма Майкова к М. Ф. Штакеншнейдер, написанного в первой половине октября: «Мы, наконец, добрались до Рагузы, куда на первый призыв переехала из Триеста и жена моя с детьми. Теперь мы опять на некоторое время вместе, и вот третий день все еще рассказываем друг

---

[27] Это мог бы быть катран (*лат.* Squalus acanthias) или некрупная сельдевая акула (*лат.* Lamna nasus) как единственно возможные в этих водах. Однако оба вида съедобны, их мясо считается вкусным.

[28] ИРЛИ. 17020. Л. 30–32. Тексты писем, хранящиеся в этом деле, представляют собой копии неизвестной рукой. Оригиналы на момент сдачи статьи в печать не обнаружены.

[29] Там же. Л. 35.

[30] Здесь и далее это письмо цит. по: Лит. наследство. 2000. Т. 102. И. А. Гончаров: Новые материалы и исследования. С. 358–361. Письмо Майкова Гончарову неизвестно.

[31] ИРЛИ. 16980. Л. 4 об. Это эпизод из главы VI «Фрегата „Паллада“» — «От Манилы до берегов Сибири». Гончаров первоначально опубликовал ее в 1855 году под названием «Заметки на пути от Маниллы до берегов Сибири: (С 27 февр. по 22 мая 1854 г.)» (Морской сборник. 1855. Т. 16. № 5. С. 53–121).

другу то, что прожили розно».[32] 5 ноября Гончаров в письме к Льховскому упомянул, что «Аполлон в Ницце соединился с Анной Ив<ановной>».[33] Корвет «Баян» делал остановки по маршруту во многих европейских портах — при Майкове он совершил 18 переходов, не считая промежуточных стоянок.[34] В Лондоне (во время стоянки «Баяна» в Портсмуте в августе 1858 года) Майков встретился с Льховским и ездил с ним в Париж.[35] Так продолжалось до самого конца путешествия, после чего 20 мая 1859 года Гончаров сообщал Льховскому: «Аполлон, кажется, удрал с корвета под предлогом болезни, и, соединясь в Дрездене с Анной Ивановной — приедут сюда. Он говорит, что написал одну дрянную статью о Неаполе...». Но еще 11 апреля Гончаров спрашивал Майкова: «А куда к Вам писать: ведь Вы теперь на волкане — и буквально[36] и фигурально». Это значит, что Майков известил его об обстоятельствах, вынудивших его окончательно сойти на берег.

Что это были за обстоятельства? Они прослеживаются по письмам Майкова к родителям.

Отсутствие взаимопонимания с командиром корабля Истоминым обнаружилось вскоре после начала путешествия. Если в цитированном выше отрывке от 17 августа Майков писал о том, как предложил капитану самому вытащить акулу (отметим наивность этого жеста, когда сухопутный рыбак, как он думает, оказывает уважение матерому морскому волку), то уже в сентябрьском письме тон изменился: «Офицеры корвета меня полюбили, и я их тоже. С капитаном мне труднее сойтись. Он человек старого века, старого поколения моряков, и все жалеют о прежнем командире. Я не ожидаю, чтобы наше путешествие было интересно. Он не понимает, что для этого нужно; берег его не интересует, разве только трактиры и девки, тогда как весь интерес плаванья — есть берега, народы, на них живущие. Другое главное лицо на корабле есть старший офицер.[37] Этот, напр<имер>, на днях (без меня) велел из кают-компании покидать за борт все книги. Обоих этих лиц я очень стесняю своим присутствием, и они стараются показаться мне в лучшем свете, но, вероятно, не любят от души. Совершенную противоположность этих остатков старины представляет молодежь, с весьма хорошими задатками для более серьезного развития».[38]

Встреча с великим князем Константином Николаевичем на середине путешествия подбодрила его. В дневнике великого князя появилась запись: «*26 ноября* . <...> За завтраком сидел у меня поэт Майков, который сидит на „Баяне“ и в восхищении от него. Он читал чудные отрывки из его новой поэмы „Сны“. Я ему рассказывал „das Marchen von den sieben Katern“».[39] 29 ноября Майков писал родителям: «Я здесь читал ее <поэму «Сны»> Константину Николаевичу — я и забыл Вам сказать, что я был у него и беседовал с ним полтора часа <...>. В<еликий> к<нязь> расспрашивал меня об Баяне, о море, об офицерах, об житье-бытье моем на корвете, и я рассказал ему как офицеры меня полюбили, лелеют и балуют меня. Рассказал, что у нас бывают литературные беседы и чтения по каютам,[40] и сказал, что иначе не могу благодарить их за это, как рассказывая об этом всем и каждому, и очень рад, что могу сказать и ему, что я рад этому тем более, что не принимаю их расположения на свой счет, а приписываю их

---

[32] *Штакеншнейдер Е. А.* Дневник и записки. С. 242 (запись от 3 ноября 1859 года).

[33] *Гончаров И. А.* Собр. соч.: В 8 т. М., 1980. Т. 8. С. 254.

[34] Обзор заграничных плаваний русского военного флота с 1850 по 1868 год. Т. 1. С. 215–218.

[35] ИРЛИ. 17020. Л. 40.

[36] Майков писал Гончарову из Неаполя, где жил во время ремонта «Баяна» в доке. В это время поэт не числился в экипаже корвета (РГА ВМФ. Ф. 283. Оп. 3. Д. 415. Л. 113 об.).

[37] Лейтенант Адольф Иванович Энквист (?–1871).

[38] ИРЛИ. 17020. Л. 39, 40. Вспомним, что в путешествии на «Палладе» Гончаров пользовался библиотекой адмирала Путятина: «Адмирал не может видеть праздного человека; чуть увидит кого-нибудь без дела, — сейчас что-нибудь и предложит: то бумагу написать <...> кому посоветует прочесть какую-нибудь книгу; сам даже возьмет на себя труд выбрать ее в своей библиотеке и укажет, что прочесть или перевести из нее» (*Гончаров И. А.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 2. С. 372).

[39] Дневники великого князя Константина Николаевича. 1858–1864. М., 2019. С. 19 (сер. «Бумаги дома Романовых»). «Das Marchen von den sieben Katern» — «сказка о семи котах» (*нем.*).

[40] Возможно, результат вышеупомянутого выкидывания книг из кают-компании за борт.

любви к русской литературе, которой я живой представитель между ними. В<еликий> к<нязь> ужасно был доволен таким направлением кают-компании».[41]

Однако в последующих письмах возвращается недовольство обстоятельствами плавания. Отсутствие возможности побывать там, где хочется, очень тяготило Майкова. Он как будто не полностью осознавал, где находится. «Баян» был военным кораблем, и замечание о капитане «берег его не интересует» прежде всего совершенно не отвечало тому факту, что капитан выполнял приказы генерал-адмирала. Путешествие имело совсем не тот характер, какой представлялся поэту. Он, по-видимому, не вник в курс на капитальную реорганизацию флота, взятый управляющим морским министерством великим князем Константином Николаевичем: «При деятельной постройке винтовых судов, Морское министерство употребило все усилия, чтобы посылать возможно большее число офицеров и нижних чинов в дальние, продолжительные плавания, как лучшее средство для образования опытных моряков».[42]

В Греции корвет пробыл недолго, имея задание доставлять депеши великого князя в разные пункты. По возвращении в итальянские воды Майков писал 22 января 1859 года: «Я с нетерпением буду ждать, когда опять вернусь в Грецию, да и останусь здесь до конца моего срока и, наплевав на корвет, буду странствовать по Греции и, вероятно, буду возвращаться сухим путем к Вам, подхватив жену в Дрездене. Дай Бог, чтобы этот план удался, тогда я хоть что-нибудь вынесу из путешествия, ибо нелепее плавания вдоль берегов ничего не может быть».[43] И позже, 14 февраля: «Сказать Вам как я скучаю — не могу придумать достаточно сильной фразы. Такой глупости, какую я сделал, отправясь с военным судном странствовать, — не желаю и не советую никому делать, разве врагу, если бы у меня таковой был». И далее: «Я и не воображал, что может быть такая мука на свете — не жить в России».[44]

Майков твердо решил сойти с корабля. Надежд на то, что «Баян» отправится в Архипелаг, не было.[45] Жизнь «на волкане» конфликта с капитаном утомила его. 6 мая 1859 года он написал родителям последнее письмо из поездки на «Баяне»: «...я жив, здоров и весел, ибо замыслил наконец бегство с эскадры, которое скоро и учиню, прибегши к болезни и пр. Уведомлю, как это все удастся. <...> Нет, вперед посоветую всем литераторам, которые поедут по вызовам Морского министерства, смотреть, в какой круг попадают, и главное, каков командир. <...> вся порядочная молодежь целой эскадры нашей удивляется, как можно было выдумать посадить на одно судно Истомина и поэта! Надеюсь скоро увидеть Вас, верно прежде срока».[46] Не совсем ясно, почему Майков писал это 6 мая, потому что рапорт капитана Истомина от 5 мая 1859 года о том, что «Баян» вышел в море из гавани Марселя для следования в Яффу, гласит, что Майков «оставлен за болезнию при бреге».[47] Тем не менее вопрос был решен так, как хотел поэт.

Гончаров уговаривал Майкова 11 апреля 1859 года: «Так жаждут у нас путешествий! Помните, что моя „Паллада“ — уже напечатанная по журналам — почти вся разошлась! Пишите же — и скорей; схваченные наблюдения тотчас записывайте, а то простынут, и тут обделывайте путевую записку из всякой стоянки, даже двухдневной! А говорить об Италии, о Греции — всё это не цель такого путешествия! Море и берега — Ваша поэма, а прочее — роскошь». Но Майков ничего не напечатал.

---

[41] ИРЛИ. 17020. Л. 42.

[42] Обзор заграничных плаваний русского военного флота с 1850 по 1868 год. Т. 1. С. 3.

[43] ИРЛИ. 17020. Л. 45.

[44] Там же. Л. 46, 47.

[45] 7 января корвет по приказу великого князя вышел из Палермо в Пирей, куда прибыл 18 января. По пути он зашел на остров Авило <так в документе. — *А. Р.*>, чтобы взять четырех лоцманов для плавания судов эскадры в Греческом архипелаге, 21 января вышел из Пирея и 26 января был уже в Палермо (РГА ВМФ. Ф. 283. Оп. 3. Д. 415. Л. 102 об.). Это все пункты Греции, которые увидел Майков. Надежд у него не осталось, дальнейших распоряжений великого князя он предвидеть не мог. По иронии судьбы, впоследствии «Баян» все же, правда ненадолго, побывал в желанном Майкову Архипелаге — на островах Родос и Хиос — и прошел через Дарданеллы (Обзор заграничных плаваний русского военного флота с 1850 по 1868 год. Т. 1. С. 218).

[46] ИРЛИ. 17020. Л. 51.

[47] РГА ВМФ. Ф. 283. Оп. 3. Д. 415. Л. 125.

DOI: 10.31860/0131-6095-2023-3-152-159

© *Н. П. Генералова,* © *В. А. Лукина*

ЛУИ ДЬЕМЕР — КОРРЕСПОНДЕНТ И. С. ТУРГЕНЕВА (К ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРНО-МУЗЫКАЛЬНЫХ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫХ КОНЦЕРТОВ В ПАРИЖЕ)

Обосновавшись во Франции после франко-прусской войны 1870–1871 годов, Тургенев на протяжении всех последующих лет организовывал в Париже немало литературно-музыкальных концертов с целью сбора средств на различные благотворительные нужды находящихся за границей соотечественников. К участию в ежегодном «Литературно-музыкальном утре» («Matinée littéraire et musicale»), а впоследствии «Литературно-музыкальном утре в пользу неимущих русских в Париже» («Matinée littéraire et musicale au profit des indigents russes à Paris»), как с 1878 года стали именоваться подобные концерты,[1] писатель привлекал не только именитых музыкантов и литераторов, в числе которых А. Г. Рубинштейн, Г. Венявский, А. Н. Есипова, К. Ю. Давыдов, С. И. Танеев, А. Д. Бродский, К. Сен-Санс, А. А. Брандуков, А. Ф. Писемский, Г. И. Успенский, Н. С. Курочкин, Э. Золя и мн. др., но и начинающих — например, учениц, а также детей и родственников Полины и Луи Виардо. Между тем деятельность Тургенева по организации литературно-музыкальных благотворительных вечеров остается практически неизученной,[2] и даже точными сведениями о количестве, составе исполнителей и гостей, а также о программах концертов мы не располагаем.

Так, сохранилось крайне мало свидетельств о литературно-музыкальном утре, состоявшемся 16 (28) мая 1878 года в салоне Виардо на Rue de Douai, 50. Доподлинно известно только то, что на этом утре Тургенев читал отрывок из еще не напечатанного рассказа А. Н. Луканиной «Березай» и, по собственному признанию, «получил замечательный успех» (П 16-1, 120, № 5040; письмо к М. М. Стасюлевичу от 25 мая (6 июня) 1878 года). Из сохранившейся части корреспонденции писателя за первую половину 1878 года следует, что к подготовке утра приступили еще в феврале по новому стилю (П 16-1, 35, № 4942; письмо к П. Л. Лаврову от 31 января (12 февраля) 1878 года). По всей видимости, это был первый концерт, предназначенный для пополнения средств основанной в начале июня 1877 года «Русской кассы взаимного вспоможения в Париже», которая в скором времени была преобразована или влилась в «Общество взаимного вспоможения и благотворительности русских художников в Париже».[3] Примечательно, что основной фонд «Русской кассы...» составили деньги (1058 франков), также полученные «с литературно-музыкального утра, данного И. С. Тургеневым в начале 1877-го года».[4] Речь идет о концерте 28 февраля (12 марта) 1877 года,

[1] Со временем был даже разработан единый изящный дизайн для оформления программ и входных билетов, которые печатались в типографии зятя Виардо — Жоржа Шамро. Наиболее ранняя из сохранившихся программ относится к концерту 15 (27) февраля 1875 года (РГАЛИ. Ф. 509. Оп. 1. № 14. Л. 4). См. также воспроизведение программ и нумерованных входных билетов к концертам 2 (14) мая 1875 года и 15 (27) мая 1879 года соответственно: И. С. Тургенев и его современницы: Из собрания Российского государственного архива литературы и искусства / Сост., подг. текстов, комм. Е. В. Бронникова, Т. Л. Латыпова, Е. Ю. Филькина. М., 2018. С. 281; *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма: В 18 т. М., 2018. Т. 16. Кн. 2. С. 134–135 (программа и билет; далее ссылки на это издание приводятся в тексте сокращенно, с указанием серии, номера тома и страницы); Лит. наследство. 1964. Т. 73. Кн. 2. С. 41 (билет; приведен с ошибочной датировкой А. Ф. Онегина: 27 мая н. ст. 1875-го вместо 1879 года).

[2] См., например: *Крюков А. Н.* Тургенев и музыка: Музыкальные страницы жизни и творчества писателя. Л., 1963. С. 121–122; этому вопросу уделена одна страница.

[3] См. об этом: *Кузьмина Л. И.* Тургенев и «Русская касса взаимного вспоможения в Париже» // Тургеневский сборник: Материалы к Полному собранию сочинений и писем И. С. Тургенева. Л., 1967. Вып. 3. С. 254–261.

[4] См. составленное Тургеневым «<Обращение ко всем русским в Париже>» («Подписной лист в пользу „Русской кассы взаимного вспоможения“»): С 12, 368.

в котором принимали участие в том числе Полина и Поль Виардо, а также С. И. Танеев. По словам присутствовавшей на нем Е. И. Бларамберг (в замуж. Апрелева), формально утро проходило «в пользу русской библиотеки в Париже» и имело большой успех. «Салон наполнился многочисленною русскою публикой, — писала Бларамберг. — Г-жа Виардо исполнила романс Чайковского „Нет, только тот, кто знал свиданья жажду“, со свойственною ей страстью, выразительностью и безукоризненною дикцией. Тургенев прочитал отрывок из „Дыма“: „Встреча на станции Литвинова с братьями Губаревыми“ и сцену бегства из дома Сипягина Марианны с Неждановым. / Комические сцены удавались ему лучше лирических. <...> В числе исполнителей находились Поль Виардо (скрипка) и, если не ошибаюсь, С. И. Танеев — рояль. Успех утра был во всех отношениях огромный».[5] Несколько любопытных подробностей содержится также в воспоминаниях Д. А. Олсуфьева[6] и в письмах С. И. Танеева,[7] однако приведенными скудными сведениями наши представления об этом концерте исчерпываются.

За первые полгода существования «Русской кассы...» средства ее значительно истощились. В общей сложности в период с июня до 11 декабря н. ст. 1877 года была выдана 41 ссуда на сумму в 1650 франков «тридцати лицам, из коих почти половина принадлежала к учащейся молодежи, а другую половину составляли по большей части рабочие» (С 12, 368). Уже в ноябре 1877 года П. Л. Лавров, имевший прямое отношение к распределению средств, напоминал Тургеневу: «Я Вам говорил последний раз, что к Вам собираются приехать члены комитета кассы, основание которой положили Вы, чтобы поговорить о музыкальном вечере в пользу кассы».[8] Однако в силу различных обстоятельств к этому разговору Тургенев смог вернуться, как уже упоминалось, лишь в феврале н. ст. 1878 года, а именно 1 (13) февраля, когда Лавров, по-видимому, навестил писателя на Rue de Douai, 50.[9] Накануне, 31 января (12 февраля), Тургенев отправил Лаврову какие-то бумаги, за которыми незадолго до того к нему заходил Г. А. Лопатин, но, не обнаружив их у себя, Тургенев тогда заверил Лопатина, что ранее уже передал ему документы обратно через Лаврова. Извиняясь в письме к Лаврову за невольную путаницу, писатель также выражал сожаление, что до сих пор не собрался навестить его, и прибавлял: «...но эту вину я намерен загладить очень скоро — и, кстати, потолковать о чтении и о прочем» (П 16-1, 35, № 4942). Очевидно, по получении этой записки Лавров принял решение сам нанести ему визит, о чем в тот же день

---

[5] *Ардов Е.* [Апрелева Е. И.]. Из воспоминаний об И. С. Тургеневе // Русские ведомости. 1904. 18 янв. № 18. С. 3.

[6] См.: *Олсуфьев Д. А.* Тургенев (Воспоминания и заметки) / Публ. Р. М. Алексиной // Спасский вестник. [Орел,] 1993. Вып. 2. С. 75–76, 79–80. В этом очерке Олсуфьев, по собственному признанию, соединяет воспоминания о двух концертах — 10 (22) апреля 1876 года, с участием Эмиля Золя и ученицы Полины Виардо А. В. Панаевой, и 28 февраля (12 марта) 1877 года. Ярко описал мемуарист, в частности, чтение Тургеневым отрывка из «Нови» на втором концерте: «...помню сцену отъезда Марианны с Неждановым. Вырвавшись из тягостной удушливой атмосферы дома Сипягиных, сидя вдвоем в скромной деревенской тележке, молодые люди радостно жмутся друг к другу и, выехав на простор степи, восторженно восклицают, „А главное, во-оля, во-оля“. Как красиво звучали эти слова в чтении Тургенева. Чтение Тургенева было мастерское, восхитившее все общество. При чтении Тургенев играл лицом: помню, что он представлял, как Сипягин губами перекатывает сигарету из одного угла рта в другой и т. п. Упомяну еще, что стихи Тургенев читал нараспев, почти как музыкальный речитатив или мелодекламацию, то повышая, то понижая тональность голоса. Такова была старая у нас манера еще пушкинского времени чтения стихов. На стихи смотрели не как на рифмованную прозу, но заботились о музыкальности общего впечатления» (Там же. С. 75).

[7] Подробнее см.: П 15-2, 470; прим. 2 к письму № 4615. В «Летописи жизни и творчества И. С. Тургенева (1876–1883)» (СПб., 2003. С. 105–106; автор-составитель Н. Н. Мостовская) сведения об этом концерте отсутствуют.

[8] *Waddington P.* More material by and concerning Turgenev // New Zealand Slavonic Journal. 1985. P. 79. Датировка письма 19 ноября н. ст. 1877 года (в автографе дата читается как 17 ноября) предложена Уоддингтоном и представляется убедительной.

[9] Сведения об этом визите Лаврова к Тургеневу, равно как и приводимые ниже данные из переписки Г. А. Лопатина и Лаврова, в частности по поводу организации благотворительного утра 1878 года, оказались неучтенными в соответствующем томе «Летописи жизни и творчества И. С. Тургенева (1876–1883)».

написал Лопатину: «Думаю завтра быть у Тургенева и Яблочкова».[10] Подтверждает это предположение и письмо Лаврова от 3 (15) февраля, в котором он извещал Лопатина: «Был у Тургенева. Чтение и музык<альное> утро будет недели чрез две».[11]

Тем не менее надежды устроить литературно-музыкальное утро в феврале оказались преждевременными. Уже полторы недели спустя после состоявшейся встречи, 11 (23) февраля 1878 года, Тургенев сообщал Лаврову: «День чтения пока — еще — назначить не могу; — но в марте месяце он будет иметь место непременно. — Благодарю за указание на двух российских пианистов: г-жа Якубович плоха; — но об Нелисове я слышал одобрительные отзывы. — Распределение будущей суммы будет сделано по Вашему указанию; — в объявлении цели чтения можно будет придержаться выражений неопределенных» (П 16-1, 46–47, № 4956).[12] Под «неопределенными» выражениями подразумевалось обыкновенно, что сбор объявлялся в пользу «русской библиотеки в Париже», действительно основанной при прямом содействии Тургенева в 1875 году. Однако и в марте писатель вынужден был вновь оправдываться перед Лавровым. «Насчет *чтения* еще ничего не решено, — писал он 5 (17) марта, — хотя я уже сагитировал г-жу Луканину; Вы можете быть уверены, что прежде всех узнаете о дне и часе этого события» (П 16-1, 67, № 4979; письмо от 5 (17) марта 1878 года).

Подробности состоявшегося в тот же день разговора А. Н. Луканина зафиксировала в своем дневнике: «...Иван Сергеевич сообщил мне о литературно-музыкальном утре, которое они (т. е. он с некоторыми русскими) собираются устроить в пользу русской библиотеки в Париже. / „В прежнее время, — сказал он, — нетрудно было найти исполнителей — теперь не то. Я прочитаю, а ведь больше-то никого и нет. Я подумал о вас: вы читаете просто, вы могли бы что-нибудь хорошо прочесть“».[13] Посетовал писатель также на то, что «вообще на литературные вечера публику и не заманишь, если нет музыки. Вот музыкальное произведение может длиться минут двадцать, если оно инструментальное, но и то с перерывом; пение же, как и чтение, не должно продолжаться больше десяти минут».[14]

Наконец, к 20 марта (1 апреля) 1878 года была вчерне сформирована программа нового концерта, о чем Тургенев поспешил известить Лаврова: «Сегодня составилась программа нашего утра <...> но произойдет это утро не раньше *вторника*, *16-го апр<еля>*» (П 16-1, 78, № 4994). Можно уверенно предполагать, что накануне Лавров вновь

---

[10] Лавров. Годы эмиграции: Архивные материалы: В 2 т. / Отобрал, снабдил прим. и вступ. очерком Б. Сапир. Dordrecht; Boston, [1974]. Т. 1. Лавров и Лопатин (Переписка 1870–1883). С. 493.

[11] Там же. С. 500. Письмо датировано «пятницей» и справедливо отнесено Б. Сапиром к февралю 1878 года (см.: Там же. С. 499). Более точная датировка — 3 (15) февраля 1878 года — устанавливается по содержанию и сопоставлению с письмами Тургенева к Лаврову, в которых речь идет о том же концерте. Сердечно благодарим В. И. Симанкова за это указание. — *Н. Г.*, *В. Л.*

[12] Как видно из переписки Лаврова с Лопатиным, в феврале–марте он предпринял еще несколько попыток поговорить с Тургеневым об организации благотворительного утра. Так, Лавров заезжал к Тургеневу 5 (27) февраля 1878 года, но не застал: «Сейчас был у Тургенева и, увы! Не застал дома. Поеду еще дня чрез 3, но ранее не могу. Такая досада!» (Лавров. Годы эмиграции. Т. 1. С. 508). Судя по одному из мартовских писем к Лопатину, встреча с Тургеневым в назначенный день, скорее всего, состоялась. Во время этой встречи Тургенев поделился с Лавровым, например, следующими подробностями встречи Александра II с В. И. Засулич: «Я Вам позабыл написать, что Тург<енев> рассказывал мне следующее — за верное. Император приказал Тимашеву привезти к нему Засулич и был с нею очень милостив. Он спросил у нее причину ее действий; она рассказала историю Боголюбова. Он спросил Тимашева: правда ли это. Тот должен был подтвердить. Император далее спросил ее, была ли она в связи с Боголюбовым; она ответила, что даже не знает его (Тик-так (А. Ф. Таксис. — *Н. Г.*, *В. Л.*) говорит, что это не верно). Император отпустил ее милостиво и газетам запрещено было ругаться по этому поводу. Вообще слышно с разных сторон, что Импер<атор> защищает молодежь, когда ее бранят, говоря, что за Дунаем она вела себя прекрасно» (см.: Там же. С. 512).

[13] *А. Л.* [Луканина А. Н.]. Мое знакомство с И. С. Тургеневым // Северный вестник. 1887. № 2. С. 50.

[14] Там же. Во время этой встречи Тургенев поделился с Луканиной и навестившим его в тот же день М. М. Антокольским некоторыми колоритными подробностями об уже прошедших концертах, в частности о литературно-музыкальном утре 15 (27) февраля 1875 года, на котором выступал Н. С. Курочкин (см.: Там же. С. 51–52).

навестил писателя, и в ходе этого визита предварительно решено было назначить концерт неделей ранее 4 (16) апреля, отсюда и тургеневская оговорка «но». Это подтверждает письмо Лаврова от 18 (30) марта, в котором он информировал Лопатина: «Чрез 10 дней будет утро у Тургенева: он хотел мне прислать даровые билеты для раздачи. Я думаю передать в администрацию библиотеки и Вам. Как Вы думаете?»[15]

Две недели спустя, однако, Тургенев смог сообщить Лаврову лишь о новой отсрочке: «Наше злополучное утро отложено до *будущего понедельника*, 22-го апр<еля> — (но на этот раз наверное)» (П 16-1, 84, № 4999). Но и 10 (22) апреля, вопреки заверениям писателя, концерт не состоялся, на этот раз из-за наступления Страстной недели, о чем 4 (16) апреля Тургенев предупредил Лаврова: «Поневоле приходится отложить это чтение до *понедельника*, *29-го числа*, — и возложить упование на Всемогущего Бога, Который наконец смилуется над нами» (П 16-1, 88, № 5001).

Очевидно, что к этому времени состав исполнителей предстоящего литературно-музыкального утра был уже определен, в чем Тургенев заверял Лаврова еще в начале апреля н. ст. Каков же он мог быть? Если в отношении литературной составляющей мы располагаем точными данными по крайней мере о двух предполагавшихся чтецах — А. Н. Луканиной (которая должна была прочесть сцену из «Березая») и самом Тургеневе, то о музыкальной части до сих пор оставалось лишь догадываться. Некоторый свет на состав исполнителей, а также на детали музыкальной программы утра проливает ранее не публиковавшееся письмо Тургенева к французскому пианисту, композитору и педагогу Луи-Жозефу Дьемеру (Diémer; 1843–1919), ныне хранящееся в Рукописном отделе Пушкинского Дома и не вошедшее в оба академических Полных собрания сочинений писателя. Оно было приобретено Институтом русской литературы в 1975 году от частного лица (некоего Я. Б. Балабана) вместе с двумя письмами Полины Виардо к неизвестному адресату (поступление № 41).[16]

«50, RUE DE DOUAI
PARIS
Mercredi matin.

Cher Monsieur Diémer,

Vous êtes mille fois aimable — et je vous prie de recevoir mes remercîments les plus chaleureux. — Fischer veut bien aussi nous promettre son concours; cela nous donne la possibilité d'exécuter un fragment du trio de Rubinstein (avec vous et P. Viardot). Il ne s'agit plus maintenant que de savoir quel serait votre solo — (deux petites pièces ou une grande). — Vous seriez bien bon de m'envoyer le titre dès aujourd'hui même — c'est nécessaire pour l'impression du programme. — La matinée a lieu le *lundi 29 avril* à 2 heures, à la Rue de Douai.

Recevez, cher Monsieur, l'assurance de mes sentiments les plus distingués.

Iv. Tourguéneff».

Перевод:

«УЛИЦА ДУЭ, 50
ПАРИЖ
Среда утром.

Дорогой господин Дьемер,

Вы тысячекратно любезны — и я прошу вас принять мою самую горячую благодарность. — Фишер также намерен обещать свое участие; это даст нам возможность

[15] Лавров. Годы эмиграции. Т. 1. С. 526.

[16] Печатается по подлиннику: ИРЛИ. Р. I. Оп. 29. № 421. В соответствующем томе серии Писем (П 16-1) выходящего ныне второго издания Полного собрания сочинений и писем оно оказалось пропущено по недосмотру, так как изначально было ошибочно датировано нами 1875 годом (см. «Указатель имен и названий»: П 16-2, 618). Письмо к Дьемеру будет включено в раздел «Дополнения» последнего тома серии Писем.

исполнить отрывок из трио Рубинштейна (с вами и П. Виардо). Теперь остается узнать лишь то, что вы будете исполнять соло — (две небольшие пьесы или одну большую). — Будьте так добры прислать мне название, прямо с сегодняшнего дня — это необходимо для печатанья программы. — Утро состоится в *понедельник 29 апреля* в 2 часа на улице Дуэ.

Примите, милостивый государь, уверение в моих лучших чувствах.

Ив. Тургенев».

Итак, Тургенев обратился к Дьемеру в «среду утром» («Mercredi matin»), однако точная дата и год в письме не были проставлены. О каком же литературно-музыкальном утре с участием французского пианиста может идти речь? Сопоставление указанного в письме числа и дня недели предстоящего концерта дает всего два возможных варианта: 29 апреля н. ст. выпадало на понедельник в 1872 и 1878 годах. В то же время парижский адрес (RUE DE DOUAI, 50), выставленный в штампе на именной бумаге Тургенева, неопровержимо свидетельствует, что события происходили именно в 1878-м. Дело в том, что в апреле 1872 года, когда теоретически могло быть написано письмо, нумерация домов по улице Дуэ еще не изменилась и номер дома должен был значиться как 48, а не 50.

Таким образом, можно смело утверждать, что настоящее письмо к Дьемеру встраивается в общий корпус писем Тургенева за апрель 1878 года и было написано им в среду 5 (17) апреля, т. е. на следующий день после цитированного выше письма к Лаврову от 4 (16) апреля 1878 года, в котором впервые сообщалось о переносе литературно-музыкального утра на 17 (29) апреля. И наконец, наш вывод о том, что письмо к Дьемеру датируется средой, выпадавшей именно на 5 (17) апреля 1878 года, а не следующей средой, приходившейся на 12 (24) апреля и являвшейся ближайшей к новой назначенной дате концерта, в свою очередь подтверждается письмом Тургенева к М. М. Антокольскому от 8 (20) апреля 1878 года. Из него становится известно о приступе подагры, который приключился у писателя накануне (П 16-1, 90, № 5004), в результате чего утро было вновь отложено, на этот раз до 13 (25) мая (хотя и эта дата оказалась не окончательной). Вряд ли Тургенев стал бы договариваться с Дьемером о дне концерта, не будучи совершенно уверен в том, что успеет поправиться, т. е. публикуемое письмо не могло быть написано позднее 7 (19) апреля, когда у Тургенева начался приступ подагры.

Косвенным подтверждением верности предложенной датировки является также упоминание в письме имени знаменитого бельгийского виолончелиста Адольфа Фишера (Fischer; 1850–1891), с 1868 года обосновавшегося в Париже. Судя по сообщениям, которыми пестрели парижские газеты в апреле 1878 года, как раз накануне предполагаемой даты литературно-музыкального утра Фишер вернулся во Францию из длительного турне по Германии, Австрии, Венгрии, Швейцарии и Голландии, причем в сопровождении двух своих юных сестер, начинающих певиц Елены и Мари Фишер.[17] А уже на 24 апреля н. ст. 1878 года анонсировался первый концерт с участием Фишера, который должен был состояться в зале Эрар и в котором было заявлено участие обеих сестер Фишер, а также Луи Дьемера и Поля Виардо.[18] Оскар Кометтан, постоянный автор музыкального обозрения, еженедельно публиковавшегося в парижской газете

[17] См., например: Le Ménestrel. 1878. 21 avril. № 21. P. 166; Le Soir. 1878. 22 avril. № 3251. P. 3; Le XIXe siècle. 1878. 23 avril. № 2320. P. 3.

[18] «Вечером в среду, 24 апреля, зал Эрар. Концерт г. Ад. Фишера, при участии его сестер (певиц), гг. Луи Дьемера и Поля Виардо» (Le Ménestrel. 1878. 21 avril. № 21. P. 167). Стоит отметить, что в этом же номере еженедельника «Le Ménestrel» сообщалось и о музыкальном вечере, который должен был состояться в зале Эрар 30 апреля н. ст. 1878 года: на нем предполагалось исполнение новых сочинений Дьемера, при участии среди прочих Марианны и Поля Виардо (Ibid.). См. также объявление об этом концерте: Le Bien public. 1878. 26 avril. P. 3; среди других заявленных участников названы певица Генриетта Фукс (Fuchs; 1836–1927), виолончелист Жюль Гризе (Griset; 1854–1915), баритон Леонс Вальдек (Valdec; годы жизни неизвестны) и флейтист Поль Таффанель (Taffanel; 1844–1908).

«Le Siècle», дал этому концерту восторженную оценку в ближайшем фельетоне: «Выдающийся виолончелист г. Фишер возвратился после триумфального продолжительного турне по главным городам Европы. Его возвращение было отпраздновано концертом, данным виртуозом в зале Эрар, при участии замечательного скрипача г. Поля Виардо и пианиста Дьемера, чья репутация не нуждается в рекомендациях. / Г. Фишер, принадлежащий к поголовно музыкальной семье, представил этим вечером парижской публике двух своих юных сестер, которые обещают, вне всякого сомнения, стать когда-нибудь знаменитыми. Г-жа Виардо-Гарсия, оценив редкие способности сестер Фишер, возымела желание завершить их вокальное образование. В подобных руках, под руководством такого педагога можно не сомневаться в будущем этих юных и столь обещающих музыкантш».[19] Забегая вперед, стоит отметить, что в апреле следующего, 1879 года Фишера в Париже уже не было.

Как уже упоминалось выше, 17 (29) апреля 1878 года — т. е. в день, назначенный в публикуемом письме к Дьемеру — концерт так и не состоялся и был вскоре перенесен сначала на 13 (25), а затем окончательно на 16 (28) мая.[20] Анонсируя его, В. В. Чуйко, который находился в это время в Париже и, заручившись рекомендацией Я. П. Полонского, неоднократно встречался с Тургеневым, писал: «Русско-французская колония сегодня должна присутствовать на литературно-музыкальном утре И. С. Тургенева, в доме, где он живет. Это утро представляет значительный интерес, потому что мы услышим не только чтение самого Ивана Сергеевича и пение г-жи Виардо, но также услышим чтение и г-жи Луканиной, талантливого автора „Любушки“, рассказа, напечатанного недавно в „Вестнике Европы“. Г-жа Луканина будет читать отрывки из новой своей повести, еще не напечатанной...».[21]

Однако о фактических участниках и программе этого утра, в особенности о музыкальной ее части, практически ничего неизвестно. «Я была до того взволнована мыслью, что меня заставят читать, — вспоминала, например, Луканина, — что ничего не видела и не слышала. У меня осталось смутное воспоминание о том, что очень хорошо пели и играли. Опомнилась я только тогда, когда Иван Сергеевич взялся читать за меня. Он прочел сцену из „Березая“ (находку Глаши Михайлычем). После этого я ожила и с восторгом слушала прекрасное чтение Иваном Сергеевичем его собственных вещей. Он читал сцену из „Дыма“ и закончил словами Литвинова, когда тот уходит, причем и сам Иван Сергеевич вскочил со стула и вышел. Потом мне рассказывали, что кое-кто даже и надулся за это».[22] Можно предположить, что 16 (28) мая среди выступавших на Rue de Douai был и Луи Дьемер, который мог сыграть дуэтом с Полем Виардо, а также представить слушателям какие-то из своих новых инструментальных сочинений, к примеру некоторые из тех, что звучали 30 апреля н. ст. 1878 года на упоминавшемся концерте в зале Эрар.[23] Мог войти в программу также его романс «A une

---

[19] *Comettant O.* Revue musicale // Le Siècle. 1878. 29 avril. № 16575. P. 2.

[20] См. письма Тургенева к Лаврову от 2 (14) мая, к А. Н. Луканиной и А. Ф. Онегину от 6 (18) мая, а также к А. Н. Луканиной от 15 (27) мая 1878 года: П 16-1, 108, № 5023; 110, № 5025, 5026; 114, № 5032. Как видно из переписки Лаврова с Лопатиным, на этот раз утро было отложено из-за приступа подагры у Тургенева. «Не знаю, писал ли я Вам, — сообщал Лавров в мае 1878 года, — что у Тургенева был опять припадок подагры, но теперь ему лучше и он хочет дать утро 28 мая, а после уедет в Карльсбад, может быть и в Россию». Наконец, 14 (26) мая 1878 года Лавров вновь исправно известил Лопатина: «Послезавтра утро Тургенева» (Лавров. Годы эмиграции. Т. 1. С. 533, 558). Билеты и, очевидно, программу этого концерта Тургенев прислал, например, членам семьи Н. И. Тургенева уже 12 (24) мая (см.: Лит. наследство. 1967. Т. 76. С. 392).

[21] *Старый турист* [Чуйко В. В.]. Из Парижа // Русская газета. 1878. 24 мая. № 98. С. 1.

[22] *А. Л.* [Луканина А. Н.]. Мое знакомство с И. С. Тургеневым. С. 59.

[23] После концерта, состоявшегося 30 апреля н. ст. в зале Эрар, критики особо отмечали прозвучавшее на нем трио Дьемера для фортепиано, скрипки и виолончели, «которым г. Дьемер доказал нам умение соединять грацию и изящество с широтой стиля и достижением гармонии одного и другого» (Le Soir. 1878. 4 mai. № 3262. P. 3). Восторженно отозвался об этом концерте и Жюль Гийемо в газете «Le Soleil»: «В г. Дьемере я, по правде говоря, предпочитаю пианиста композитору. Его игра почти несравненна. Это совершенство, утонченность, которая не исключает ни блеска, ни мощи. Среди оригинальных его творений неоспоримые качества имеют пьесы, написанные для фортепьяно, в них ощущается безупречный талант и опыт виртуоза». Остановился

étoile» на слова А. Мюссе или «Мазурка»[24] (исполнявшиеся Марианной Виардо на концерте 30 апреля н. ст.[25]) или дуэт «Fantaisie» на слова А. Гримо (для фортепиано, сопрано и меццо-сопрано), посвященный дочерям Полины Виардо — Клоди и Марианне.[26] Не исключено, что прозвучало на концерте и трио Рубинштейна для фортепиано, скрипки и виолончели в исполнении Дьемера, Поля Виардо и Фишера, однако никаких данных, подтверждающих это, пока обнаружить не удалось.

Публикуемое письмо является в настоящее время единственным известным письмом Тургенева к Дьемеру, хотя не подлежит сомнению, что их корреспонденция была более обширной. Ранее имя выдающегося французского пианиста в переписке не встречалось, а возникло лишь однажды, в связи с участием Дьемера в другом благотворительном концерте в пользу неимущих русских в Париже, организованном Тургеневым 15 (27) мая 1879 года. В архиве Н. Д. Дмитриева-Оренбургского (ИРЛИ. Ф. 539. № 4. Л. 2, 3), одного из гостей концерта, сохранились входной билет и программа этого утра, в которых среди участников значится и имя Дьемера. Вместе с Полем Виардо они открывали утро исполнением I части Сонаты для скрипки и фортепиано Рубинштейна (ля минор). Кроме того, Дьемер сыграл на концерте три небольшие вещи соло — «Chanson du mai» своего сочинения, «Le Rappel des oiseaux» Ж.-Ф. Рамо и «Вальс-каприз» Рубинштейна. В исполнении Марианны Виардо прозвучал также романс Дьемера «Les Ailes» на слова А. Гримо.[27]

Трудно сказать, когда именно состоялось знакомство Тургенева и молодого талантливого пианиста, которому Чайковский впоследствии посвятит свой Третий фортепианный концерт, однако с большой долей уверенности можно предположить, что оно произошло при посредстве Полины Виардо, которая была знакома с Дьемером еще с 1860-х годов. 7 марта н. ст. 1861 года она, к примеру, выступала в Париже в зале Плейель вместе с совсем еще юным Дьемером на музыкальном вечере, посвященном Баху.[28] Тургенев в это время также находился в Париже и мог присутствовать на этом концерте.[29] Не подлежит сомнению, что и после концерта 1879 года Тургенев и Дьемер неоднократно встречались. Так, писатель был замечен среди посетителей «блестящих» вечеров, проходивших у четы Дьемеров на Rue d'Amsterdam зимой 1881 года, где в числе прочих выступали Марианна и Поль Виардо.[30] А 26 марта н. ст. 1881 года

критик и на участниках вечера: «В этих обстоятельствах г. Луи Дьемеру сопутствовали артисты большого дарования. Среди них были: г-жа Фукс, г. Вальдек, гг. Таффанель и Гризе, наконец г. Поль Виардо и м-ль Марианна Виардо, которые достойно поддерживают традиции и память об одном из великих артистических имен нашего века, первый в качестве скрипача, вторая в качестве певицы» (Le Soleil. 1878. 4 mai. № 120. P. 4).

[24] *Diémer L.* Mazurka chantée. Paris, 1878; с посвящением: «à Mademoiselle Marianne Viardot».

[25] См.: Le Ménestrel. 1878. 5 mai. № 23. P. 183.

[26] *Diémer L.* Fantaisie. Hommage à Madame Chamerot et Mademoiselle Marianne Viardot. Paris, 1879.

[27] В 2018 году, во время юбилейных торжественных мероприятий, в Институте русской литературы состоялась реконструкция этого парижского концерта. См.: *Герашко Л. В.*, *Лукина В. А.* 200-летний юбилей И. С. Тургенева в Пушкинском Доме // Тургеневский ежегодник 2018–2019 года / Сост. и ред. Л. В. Дмитрюхина, Л. А. Балыкова. Орел, 2019. С. 16–18.

[28] «Г. Дамке объявляет о музыкальном собрании в зале Плейель, программа которого посвящена Баху, фуга в исполнении автора, г. Дамке и Луи Дьемера; трио в исполнении г-жи Виардо, Серве и Баччини, два церковных хора, мелодия в исполнении г. Серве; пастораль Баччини и соната в исполнении гг. Серве и Дьемера. Несомненно, все это имеет интерес; вход также по пригласительным билетам в четверг, 7 марта» (Le Ménestrel. 1861. 3 mars. № 14. P. 111).

[29] См.: Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева (1859–1862) / Авт.-сост. Н. П. Генералова, С. А. Ипатова, В. А. Лукина. СПб., 2018. С. 429–430.

[30] «Как никогда блистательны были интересные вечера этой зимой, состоявшиеся у г. и г-жи Дьемер. Среди присутствующих в салоне отеля на Амстердамской улице мы заметили: графиню д'Оссонвиль, г-жу и м-ль Эмиль Перейре, <...> Лало, Видора, Тургенева, <...>, и т. д. и т. д., мы слышали там и аплодировали г-же Батай, м-ль Марианне Виардо и г-же Генриетте Фукс, самым модным светским певицам, разделившим успех этих великолепных концертов с хозяином дома и виртуозами Сарасате, Поппером, Марсиком, Жаккаром, Таффанелем, Полем Виардо и Дельсаром» (Le Ménestrel. 1881. 17 avril. № 20. P. 159).

Дьемер присутствовал на панихиде по Н. Г. Рубинштейну в русской церкви в Париже на улице Дарю вместе с Тургеневым, Полиной Виардо, Камилем Сен-Сансом, Юбером Леонаром, Жюлем Массне, Эдуаром Лало и многими другими.[31] Несомненно, бывал Тургенев и на многочисленных концертах, где выступал Дьемер, нередко вместе с Полем Виардо или Альфонсом Дювернуа.

Возвращаясь к литературно-музыкальному утру 16 (28) мая 1878 года, следует отметить, что за вычетом всех расходов оно собрало 950 франков (т. е., к примеру, вдвое меньше, чем утро, состоявшееся в 1877 году), о чем Тургенев сообщил Лаврову 21 мая (2 июня) 1878 года. «Сию малую лепту, — прибавлял он, — я готов передать Вам, а также если Вы кого пригласите с собою из „библиотеки“» (П 16-1, 119, № 5039). Встреча произошла через два дня — во вторник 23 мая (4 июня), а уже на следующий день Лавров известил Лопатина: «Если Вы приедете не ранее 15, то Вы не застанете уже здесь Тургенева, который уезжает, кажется, чрез неделю. <...> Тургеневское утро дало так мало (950 francs), что пришлось отказаться от надежды выделить что-либо для этапного фонда».[32] Под этапным фондом, или этапной кассой, подразумевались средства, которые собирались комитетом в составе Драгоманова, Лаврова и Лопатина с целью оказания материальной помощи эмигрантам, намеревавшимся вернуться в Россию на революционную работу.

Публикуемое письмо к Луи Дьемеру показывает, насколько заинтересован был Тургенев в организации литературно-музыкальных собраний, которые давали возможность молодым членам семьи Виардо раскрывать свои таланты, а самому писателю укреплять связи с музыкальным миром Парижа. Можно не сомневаться в том, что в дальнейшем наши знания об этой стороне деятельности Тургенева будут лишь расширяться.

[31] См.: Le Gaulois. 1881. 27 mars. № 561. P. 1. Этот факт также не учтен в соответствующем томе «Летописи жизни и творчества И. С. Тургенева (1876–1883)» (с. 389).

[32] Лавров. Годы эмиграции. Т. 1. С. 563.

DOI: 10.31860/0131-6095-2023-3-159-166

НЕИЗВЕСТНЫЕ РЕЦЕНЗИИ В. В. РОЗАНОВА (ПО МАТЕРИАЛАМ АРХИВА П. П. ПЕРЦОВА)

(ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ, ПОДГОТОВКА ТЕКСТА И КОММЕНТАРИИ © Е. И. ГОНЧАРОВОЙ)

Публикуемые рецензии В. В. Розанова написаны в связи с выходом в свет «второго» издания книги «Философские течения русской поэзии» (1899) по просьбе ее составителя и издателя Петра Петровича Перцова, в архиве которого беловые автографы и были обнаружены. В сборник вошли стихотворения 12 поэтов, а также критические статьи о них. Пять очерков были подготовлены самим Перцовым.[1]

«Основная цель, — говорит Перцов в предисловии, — разъяснение и определение философских течений нашей поэзии: вопрос, как согласится читатель, настолько же

[1] Философские течения русской поэзии / Сост. П. П. Перцов. 2-е изд. СПб., 1899. В сборнике опубликованы «характеристики» поэтов, предваряющие публикацию их избранных стихотворений: А. С. Пушкина (автор Д. С. Мережковский — с. 3–86); Е. А. Баратынского (С. А. Андреевский — с. 87–98); А. В. Кольцова (Мережковский и Перцов — с. 111–117); М. Ю. Лермонтова (Андреевский — с. 133–149); Н. П. Огарева (Перцов — с. 163–172); Ф. И. Тютчева (В. С. Соловьев — с. 181–196); А. К. Толстого (Перцов — с. 211–230); А. А. Фета (Б. В. Никольский — с. 239–267); Я. П. Полонского (Перцов — с. 283–303); А. Н. Майкова (Мережковский — с. 317–335); А. Н. Апухтина (Перцов — с. 349–356); А. А. Голенищева-Кутузова (Перцов — с. 365–378).

любопытный, насколько мало разработанный».[2] Такова была идея издания; инициатором оно рассматривалось как определенная веха в новой интерпретации русской поэзии критикой, которая, по его мнению, теперь сдвигалась с «натертых» позиций утилитарной критики Д. И. Писарева и Н. К. Михайловского.[3] Полагая, что в большинстве своем критики смотрели на поэзию исключительно с точки зрения «либеральной свистопляски», Перцов считал, что наступило время установить «новую точку критических умозрений»,[4] и расценивал свой сборник как новаторский.

После выхода в свет «Философских течений...» в 1896 году Перцов пытался завязать знакомство с Розановым. «Странные» писания философствующего литератора привлекали его внимание, и он передал ему через общих знакомых экземпляр книги,[5] вероятно дошедший до адресата. Во всяком случае, Розанов с сочувствием несколько позже отозвался о сборнике. Спустя два года он писал Перцову: «...я взял „Философские течения“ — только еще раз перечел некоторые статьи Ваши и Дм<итрия> Сер<геевича> <Мережковского. — *Е. Г.*> о Кольцове, Огареве, Баратынском, Ал. Толстом. Много там есть хорошего, т. е. в этом сборнике».[6]

Рассчитывая на одобрительный отклик на «второе» издание книги в 1899 году, Перцов и обратился к Розанову. Литераторов в это время уже связывали не только дружеские отношения, но и тесное творческое сотрудничество. Перцов начиная с осени 1898 года готовил к изданию сборники Розанова — сам отбирал материал для книг, держал корректуры за него, т. е. воскрешал «из газетного мусора» и создавал его «как писателя с физиономиею». Правда, тогда же наметилось и их идейное расхождение. Перцов категорически не принимал нападок Розанова на христианство и в ноябре 1898 года написал статью, направленную против него, красноречиво озаглавив «Религиозный дилетантизм».[7] В письме от 20 февраля 1899 года он упрекал Розанова в неискренности его идей и убеждал отречься от Христа: «...надо, дескать, спихнуть Христа, ну не дубьем, так „эклектизмом“».[8]

Историю работы над книгой и отношение к ней критики подробно описаны Перцовым в VI главе воспоминаний.[9] Сборник, вышедший в Петербурге в марте 1896 года, печатался на его средства. Затраты были довольно велики, а реализовывалась книга очень медленно. Даже если бы издание полностью разошлось, то и тогда едва окупило бы себя. Через год Перцов с грустью писал Б. Н. Никольскому, автору статьи о Фете:[10] «„Фил<ософские> Т<ечения>“ идут более нежели плохо — за всю зиму Карбасников[11] продал всего 20 экземпляров. Решительно не хотят нас с Вами читать».[12] Перцов

---

[2] Там же. С. I.

[3] *Перцов П. П.* Литературные воспоминания 1890–1902 гг. / Вступ. статья, подг. текста и комм. А. В. Лаврова. М., 2022. С. 156. См. также: *Крылов В. Н.* «Философские течения русской поэзии» П. П. Перцова как модель религиозно-философского истолкования русской классики в Серебряном веке // Филология и культура. 2013. № 2 (32). С. 144–148.

[4] РГБ. Ф. 386. Карт. 98. № 5 (письмо Перцова к В. Я. Брюсову от 10 августа 1895 года).

[5] Книга была передана Розанову или через юриста Б. Н. Никольского, или через философа Ф. Э. Шперка, друга Розанова, откликнувшегося обширной рецензией на сборник (Новое время. 1896. 8 мая. № 7252. С. 4; раздел: Библиографические новости). См.: Переписка В. В. Розанова и П. П. Перцова (1896–1918): В 2 т. / Вступ. статья Е. И. Гончаровой; сост., подг. текстов и комм. Е. И. Гончаровой и О. Л. Фетисенко. СПб., 2022. Т. 1. С. 81 (письмо Перцова от 9 ноября 1896 года).

[6] Переписка В. В. Розанова и П. П. Перцова. Т. 1. С. 174 (письмо от 1 января 1898 года).

[7] Статья Перцова не была напечатана.

[8] Там же. С. 333.

[9] *Перцов П. П.* Литературные воспоминания 1890–1902 гг. С. 155–162.

[10] Впервые: *Никольский Б. В.* Поэт философов // Русское обозрение. 1894. № 12. С. 1099–1114.

[11] В 1878 году Николай Павлович Карбасников (1852–1922), один из основателей Русского общества издателей и книготорговцев, открыл книжный магазин в Петербурге. В него поступали на реализацию издания Перцова. Так, 18 марта 1896 года, сообщая, что «Философские течения...» на днях появятся в продаже, он писал отцу: «Я сдал все издание (на склад) Карбасникову, что избавляет меня от многих хлопот» (РГАЛИ. Ф. 1796. Оп. 1. № 74. Л. 1).

[12] Переписка П. П. Перцова и Б. В. Никольского (1896–1900). Часть 1 / Подг. текста и прим. О. Л. Фетисенко // Соловьевские исследования. 2020. № 2 (66). С. 129 (письмо от 14 марта 1897 года).

предполагал, что весь тираж был раскуплен не раньше начала нового столетия. Во всяком случае, начинающего предпринимателя медленный сбыт лишил возможности развернуть издательское дело так, как он планировал.[13]

Но невольно возникает вопрос: если первое издание 1896 года не было успешным, то в чем же заключался смысл «второго»? Объявление о выходе вторых изданий сборника и «Вечных спутников» Д. С. Мережковского появилось в газете «Новое время» 22 февраля 1899 года.[14]

Напомним, что еще в конце 1894 года Перцов начал в Петербурге собственную издательскую деятельность, правда, весьма своеобразную. Он печатал «не ходкие» книги. Свой взгляд он изложил после появления в 1897 году «Вечных спутников» Мережковского следующим образом: «...я издаю книги, к<ото>рые считаю хорошими и к<ото>рые автор издать не может, а издатели-купцы не хотят, и может быть по-своему правы: они издают для барышей, а их такая книга, конечно, не даст».[15] Перцов явно не ставил перед собой коммерческие цели. Он знакомил читателей с новыми тенденциями в литературе и обращал внимание на недооцененных авторов — мало известных тогда Мережковского и Розанова. Он не только издавал книги за свой счет, хотя не был особенно богатым человеком, но и редактировал их.[16] «В России, — делился он своими наблюдениями, — публика не покупает книг, кроме беллетристики и известных имен <...> Надо еще заслужить одобрение одного или 5–6 хозяев литературы (из к<ото>рых более половины — либералы, и, след<овательно>, по убеждениям составляют как бы одно лицо), или пропадать в неизвестности. От этого не спасает никакой талант (если он не талант поэта или романиста, особенно). Страхов был первоклассный талант, но его никто не знает. То же Апол. Григорьев. То же теперь Мережковский (как критик)».[17]

«Философские течения...» лежали на складе и продавались «более нежели плохо». Читатели не интересовались книгой, выпущенной приличным тиражом 1200 экземпляров. И тогда, чтобы хоть как-то его реализовать, поздней осенью 1898 года Перцов решился на небольшую хитрость. Он изменил на титульном листе дату выхода в свет — 1896 год на 1899-й и написал: «издание второе».

Дело в том, что «устаревшую» продукцию книготорговцы не берут на реализацию в свои магазины. Интерес для публики дореволюционной эпохи, как, впрочем, и для нынешней, представляют только новинки. Книгу «старше» одного года сложно пристроить. «Я решил для ускорения обращения „Философских течений“ переменить им рубашку, — делился Перцов с Никольским, — снабдив новую спасительной вышивкой „второе издание“ и *1899* годом. Иначе невозможно устроить старые экземпляры даже на комиссию христопродавцам (не говорю уже — увлечь покупателей)».[18] Таким образом в феврале 1899 года и появляется «второе» издание «Философских течений...», о котором сам Перцов отзывался как о «гешефтмахерстве».[19] В письме к Розанову от 20 февраля 1899 года Перцов упомянул это издание как просто «перемену одной обложки».[20] Можно предположить, что эта история была известна только участникам сборника, интересы которых не были задеты.

Во всяком случае, Никольский, который часто бывал у великого князя Константина Константиновича в связи с подготовкой Полного собрания стихотворений А. Фета,

---

[13] *Перцов П. П.* Литературные воспоминания 1890–1902 гг. С. 163.

[14] Новое время. 1899. 22 февр. № 8258. С. 1.

[15] РГАЛИ. Ф. 1796. Оп. 1. № 74. Л. 40–41 об. (письмо Перцова к отцу от февраля 1897 года).

[16] В декабре 1896 года он сообщал о своей работе: «...все это время был занят изданием книги Мережковского <...>. Мне было тут порядочно работы, п<отому> ч<то> переделывал каждую статью и держал все корректуры» (Там же. Л. 32 об.; письмо Перцова к отцу от 18 декабря 1896 года).

[17] Там же. № 75. Л. 7 (письмо к отцу от 24 октября (5 ноября) 1897 года).

[18] Переписка П. П. Перцова и Б. В. Никольского (1896–1900). Часть 4 / Подг. текста и прим. О. Л. Фетисенко // Соловьевские исследования. 2021. № 1 (69). С. 112 (письмо от 13 ноября 1898 года).

[19] Там же. С. 113.

[20] Переписка В. В. Розанова и П. П. Перцова. Т. 1. С. 329.

беседовал с ним о «Философских течениях...» именно в феврале 1899 года. Он писал Перцову, убеждая сделать подарочный экземпляр для великого князя и сопроводить дарственной надписью: «...Вам следовало бы расщедриться на изящный переплет, но — в библиографических целях — сохранить под переплетом обложку кругом. Доставить можете прямо во Мраморный Дворец, на имя Великого Князя. Если затрудняетесь писать препроводительно-благодарственное письмо, а хотите ограничиться подносительной надписью, я охотно возьму на себя передать книгу по принадлежности».[21] Никольский считал, что Перцов не должен упустить случай познакомить великого князя со своей деятельностью: «Если Вы издаете, то, очевидно, для того, чтобы книги шли; а полежать на виду на столе у Августейшего Президента академии хоть одному экземпляру книги — так вперед для всего издания».[22] Не ясно, был ли изготовлен такой подносной экземпляр «Философских течений...», напечатанных весьма скромно, но сам по себе эпизод любопытный. Дарить предлагалось именно «второе» издание.

Перцов приехал из Казани в Петербург в 20-х числах января 1899 года. Поводом для приезда была прежде всего работа над книгами Розанова. Предложив летом 1898 года издать статьи Розанова, чему тот был очень рад, Перцов за короткий промежуток времени в 1899–1900 годах «залпом» выпустил четыре его сборника. Эту неоценимую бескорыстную услугу благодарный Розанов помнил всю жизнь и называл поступок Перцова «подвигом доброты».[23]

«Второе» издание «Философских течений...» вышло в свет почти одновременно со сборником Розанова «Сумерки просвещения». Перцов просил автора о помещении бесплатных рекламных объявлений в газетах, где Розанов сотрудничал, и об отзывах на новоявленные книги: «Дайте непременно рецензию на „Ф<илософские> т<ечения>“ и „В<ечных> с<путников>“ — если можно, в „Новое время“. Надо меня рекламировать»,[24] — просил он Розанова 17 февраля 1899 года. Тот обещал рецензии, заметив, что его «аневрируют» писания по просьбе — такие отклики получаются очень плохими: «...я так *стараюсь*, что „г-но“ выходит».[25]

Через некоторое время Перцов, поглощенный подготовкой второй книги Розанова «Литературные очерки», напомнил о своей просьбе в конце февраля 1899 года: «Нужно еще побеседовать с Вами насчет „Фил<ософских> теч<ений>“ и „Вечн<ых> спут<ников>“».[26]

Поначалу Розанов ответил сочувственной статьей на сборник Мережковского в «Новом времени»,[27] но медлил со следующей. «А написали ли Вы о „Фил<ософских> теч<ениях>“?»,[28] — интересовался Перцов. В конце марта он, наконец, получил долгожданную рецензию.

Прежде чем отправить текст К. С. Тычинкину[29] в «Новое время», Розанов познакомил с откликом Перцова. Они всегда посылали друг другу рецензии на просмотр, чтобы избежать обид в дальнейшем.

Прочитав рецензию, Перцов остался недоволен: «Благодарение богам, милейший Василий Васильевич, что Вы догадались прислать Вашу истинно-„велосипедную“,

---

[21] Переписка П. П. Перцова и Б. В. Никольского (1896–1900). Часть 4. С. 114 (письмо от 16 февраля 1899 года).

[22] Там же. С. 115.

[23] Переписка В. В. Розанова и П. П. Перцова. Т. 1. С. 238 (письмо от конца сентября (после 20-го?) 1898 года).

[24] Там же. С. 331 (письмо от 17 февраля 1899 года).

[25] Там же. С. 337 (письмо от 21 (?) февраля 1899 года).

[26] Там же. С. 335 (письмо от 21 февраля 1899 года).

[27] «Иллюстрированное приложение» к «Новому времени». 1899. 31 марта. № 8291. С. 7 (перепеч.: *Розанов В. В.* Юдаизм. М.; СПб., 2009. С. 144–145 (*Розанов В. В.* Собр. соч. [Т. 27])).

[28] Переписка В. В. Розанова и П. П. Перцова. Т. 1. С. 355 (письмо от 10 марта 1899 года).

[29] Тычинкин Константин Семенович (1865 — после 1925) — сотрудник книгоиздательства А. С. Суворина; заведовал выпуском газеты «Новое время». Розанов предупреждал Перцова: «...терпение Ваше будет испытывать Тычинкин, который, не краснея, положит на 1 месяц в сторону рецензию, — каждый день будет уверять: „уж отдано в типографию“, „в среду непременно“» (Там же. Т. 1. С. 332).

„приятельскую“ рецензию на „Ф<илософские> т<ечения>“ сперва мне — иначе мог бы выйти полный скандал в „благородном семействе“».[30] Несмотря на «разнос» Розанова, послание казалось вполне дружелюбным, но Перцов явно был задет. Об этом свидетельствуют его пометы на автографах рецензий, сделанные позже. «Вообще все рецензии на сборник, где они ни появлялись, были одного жанра, — с горячностью писал он Розанову, — и можно бы с закрытыми глазами написать такую „среднюю“ рецензию: во-первых, сочувствие идее сборника; затем неодобрение исполнению; затем восторги на статью Вл. Соловьева (о Тютчеве — плохенькая); затем жестокая ругань на „Пушкина“ Мережковского, и, наконец, общий реверанс с нашлепкой мне и с воздушным поцелуем Андреевскому...».[31] Перцов не согласился ни с одним выводом Розанова. Например, с заключением, что сборник подвергся либеральной травле. По мнению Перцова, был только один «яркий либеральный бурак» (статья Б. Б. Глинского в «Историческом вестнике»[32]), и под «жестокое бомбардирование» книга попала со стороны В. П. Буренина в «Новом времени», высмеявшего «Философские течения...» на примере разбора творений Козьмы Пруткова.[33] Указав на ошибки, допущенные в рецензии (упоминались журналы, где не было откликов на книгу), Перцов пожурил Розанова за легкомыслие: «И как же, вообще говоря, не ссориться с Вами? Я, конечно, очень благодарен Вам за „доброе намерение“, но, признаюсь, в литературе для меня нет „домашнего камелька“ и „домашних“ возле оного бесед. И потому от таких „домашностей“, к<ак>, напр<имер>, Ваши мне комплименты за „идеализм“, у меня точно першит в горле».[34]

Розанов смиренно согласился с критикой. За время работы Перцова над его статьями он вынужден был выслушивать и более жесткие упреки от него. Он признался, что, действительно, не имеет впечатления от книги, но готов подготовить новую рецензию. «Новой рецензии не пишите, дорогой Василий Васильевич, — не стоит возиться: всё равно никакими рецензиями публику-милочку не проберешь»,[35] — отвечал ему Перцов 2 апреля 1899 года. Однако, вероятно, в начале апреля попытка создания «второй» рецензии все-таки была предпринята, о чем свидетельствует автограф, публикуемый ниже.

Розанов упоминает некую рецензию в письме от 9 апреля 1899 года, опять явно неудавшуюся: «...читал, читал — и ничего не помню. Спрячьте рецензию в стол и дожидайтесь *лета*, когда какой-нибудь *жаворонок* восхитит меня, и я это восхищение *перенесу на книгу* <...> Плачу и обнимаю».[36]

«Вторую» рецензию Перцов расценил как самую печальную для книги, равнозначную тому, что ее не существует. «...Но я другой от Вас и не ждал. <...> Просто, в теперешнем Вашем настроении такие книги для Вас — non sens. <...> Вам нельзя писать ни критику, ни о критике, а нужно давать художественные „фуги“ или „боевые“ рапсодии»,[37] — писал он. По сути, Розанов, действительно, представил антирекламу «Философским течениям...».

На автографах сохранились следы явной обиды на Розанова — более поздние карандашные пометы Перцова, где он упрекал критика в эгоизме и невнимании к окружающим. В конце второго текста сохранилась следующая запись: «Удивительное пустословие — характерное для равнодушия Розанова ко всему „постороннему“». И далее: «Обе рецензии — образцы того, как небрежно и недобросовестно мог относиться Розанов к „дружеским“ работам (обычное его отношение)».

В конце концов Перцов был вынужден сам составить отклик на книгу и поместил его под псевдонимом «Библиофил» в журнале «Мир искусства».[38]

---

[30] Там же. С. 373 (письмо от 1 апреля 1899 года).
[31] Там же. Т. 1. С. 374.
[32] *Глинский Б. Б.* Литературная молодежь // Исторический вестник. 1896. № 6. С. 927–942.
[33] *Буренин В. П.* Опыт философской критики // Новое время. 1899. 23 авг. № 7359. С. 2.
[34] Переписка В. В. Розанова и П. П. Перцова. Т. 1. С. 374.
[35] Там же. С. 379.
[36] Там же. С. 401.
[37] Там же. С. 402–403.
[38] Мир искусства. 1899. Т. 1. № 11/12. С. 133–135.

Рецензии Розанова печатаются по автографам из архива П. П. Перцова: РГАЛИ. Ф. 1796. Оп. 1. № 267. Орфография и пунктуация приведены к современным нормам.

I

Первое издание[1] этой вдумчиво и с любовью написанной и составленной книги вызвало в журналистике то, что можно было бы назвать литературным «воем»; во всех журналах розоватого колёра посыпались голоса, «поющие, взывающие и глаголящие» анафему кружку молодых[2] или еще не старых людей, решившихся — на что бы вы думали?... на истолкование, на критику, на любовь и культ к Тютчеву, Фету, Баратынскому, Огареву, Кольцову, Полонскому, Апухтину. Молодой идеалист, П. П. Перцов, объединил своею восторженною и неопытною душою, исполненною не столько даже любви к литературе, сколько любви вообще к главной задумчивости и вдумчивости, к «вере, надежде и любви» — но на поприще культуры, собрал и связал в своем сборнике букет поэтических и философских цветов. Такое необыкновенное зрелище, как «розы», произвело в «стане» Михайловских, Скабичевских,[3] Южаковых, Протопоповых, Гольцевых и Кареевых[4] впечатление динамического взрыва, «мефистофелевской улыбки» около радикальных Маргарит. Истинная боль почувствовалась «налево», «в крайней левой» нашей журналистике, и потекли обширные и желчные статьи во всяких «Мыслях» и «Богатствах»[5] — российских на иностранный лад. Да, нынче трудно быть «с душою чисто Геттингенской», как выразился Пушкин о помещике Ленском...[6] Тут и Ленскому, и Пушкину, и самому Геттингену прямо переедут велосипедом через живот, и «поэта» или «философа» как не бывало; велосипедом не стальным, а критическим, на котором правит «благополучный россиянин» Скабичевский. Но довольно о впечатлении книги в литературе; скажем о самой книге: «Основная цель сборника — разъяснение и определение философских течений нашей поэзии: вопрос, настолько же любопытный, насколько мало разработанный. Сообразно с этой целью, руководящие критические очерки, посвященные каждому из двенадцати избранных нами поэтов, имеют в виду главным образом его миросозерцанье; рассматривают его как мыслителя, как философа. Если искусство есть лучшая форма выражения индивидуальности, лучший способ раскрытия души человеческой, то, с другой стороны, главным содержанием индивидуальности, определяющим ее моментом является бесспорно ее религия: то или иное отношение человека к важнейшим, к вечным вопросам бытия. Отсюда ясно то значение, тот интерес, который представляет вышеуказанная точка зрения: поэзия в сфере образного мышления дает столь же серьезный и богатый матерьял философского характера, как „философия“ (в техническом смысле этого слова) в сфере мышления логического, научного».[7] Так «запел» было Шиллер, объясняя цель своих собирательных трудов, как из-за угла выехал Скабичевский и «по животу» его, «по животу» его... Но «Сборничек» не был окончательно зашиблен; через три года он отдышался — и вот появляется вторым изданием. Упаси его Бог от новых встреч; да и пусть же несколько станет активною публика, к которой несут слова культурной «веры, надежды, любви...». Бледная наша публика, робкая наша публика...

В. Розанов

Автограф. Помета рукой Перцова: «Первая рецензия», помета рукой Розанова: «Константину Семеновичу Тычинкину от В. В. Розанова».

[1] В преддверии первого издания Перцов писал отцу 18 марта 1896 года: «...сборник мой уже сдан в цензуру и завтра кончается цензурный срок, так что в середине этой недели он появится в продаже и будут напечатаны публикации о нем» (РГАЛИ. Ф. 1796. Оп. 1. № 74. Л. 1). Но вероятно, выход сборника задержался, поскольку 29 марта 1896 года Перцов сообщал Брюсову: «Книга моя „вышла в печать“, но, кажется, еще не „выходила в свет“» (РГБ. Ф. 386. Карт. 98. № 6).

[2] Речь идет о статье Б. Б. Глинского «Литературная молодежь», сопровождавшейся эпиграфом из Н. А. Некрасова: «Юное чадо прогресса / Рвется, брыкается, бьет» («Публика», 1865). Критик писал о молодом поколении «новых людей» с новыми символами веры, потерявшем историческую преемственность и бросившем «перчатку своим отцам». Обозрение литературных про-

изведений, принадлежащих «перьям оппозиционных детей», начиналось с издания Перцова, которое произвело на автора впечатление «душной классной комнаты», обставленной томиками излюбленных писателей (*Глинский Б. Б.* Литературная молодежь. С. 933).

[3] На самом деле из перечисленных на сборник откликнулся только А. М. Скабичевский статьей «Курьезы и абсурды молодой критики (Письмо пятое)» (Новое слово. 1896. № 9 (июнь). С. 176–197). Объясним название статьи: Скабичевский имел в виду не возраст критиков, среди которых были люди почтенного возраста, а идейные расхождения, новую «молодую» критику, выступившую против заблуждений «старой критики» 1860–1870-х годов. Перцов, вероятно, со временем забыл о статье и в более поздней записи на автографе заметил: «Итак, Скабичевский (к<ото>рый, кажется, даже не писал о сборнике), шутя, уничтожил — „переехал“ сборник?..»

[4] Названы «звезды» либерального лагеря. Михайловский Николай Константинович (1842–1904) — публицист, критик, кумир либеральной интеллигенции. Южаков Сергей Николаевич (1849–1910) — публицист и экономист, народник, автор книги «Социологические этюды» (СПб., 1891–1896. Т. 1–2). Протопопов Михаил Алексеевич (1848–1915) — представитель народнической критики. «Протопопова от Южакова не отличишь», — писал Розанов в рецензии на книгу Мережковского «Вечные спутники» («Иллюстрированное приложение» к «Новому времени». 1899. 31 марта. № 8291. С. 7; перепеч.: *Розанов В. В.* Юдаизм. С. 144–145). Гольцев Виктор Александрович (1850–1906) — редактор журнала «Русская мысль»; Кареев Николай Иванович (1850–1931) — историк, который воспринимался Розановым как символ «западничества».

[5] Имеются в виду журналы «Русское богатство» и «Русская мысль», в которых не было откликов на сборник «Философские течения...». Ср. в письме Перцова к Розанову: «Ни „Русс<кая> мысль“, ни „Вест<ник> Европы“, ни „Русс<кое> богатство“ не обмолвились ни словечком о книге; все Михайловские, Скабичевские и Южаковы сидели скромно по своим норам» (Переписка В. В. Розанова и П. П. Перцова. Т. 1. С. 374).

[6] «Молодой идеалист» Перцов напоминал Розанову пушкинского Ленского «с душою чисто геттингенской»; под этим подразумевался душевный идеализм Перцова. См.: письма Розанова к Перцову от 1 января 1898 года (Там же. С. 171) и от 27 (?) ноября 1898 года (Там же. С. 273); письмо Перцова к Розанову от 15 октября 1899 года (Там же. С. 498).

[7] С незначительными неточностями цитируется Предисловие к сборнику.

II

Трудновато становится «быть писателем». Вот книжка, составленная с самыми привлекательными целями, и ряд критических этюдов, ее составляющих, в большей части оставляет также самое привлекательное впечатление. И, странно, все это не вырастает до определения: «быть писателем». Ум, вкус, образованность, величайшая тщательность, так сказать «поделки» (работы, мастерства) чувствуются на каждой странице: но вот статья кончена, вы ее прочитали без утомления, но на заключительный вопрос: «безусловно ли необходимо, чтобы эта статья была написана?» неодолимо отвечаете: «нет, ее можно было бы и не писать». Т. е. за каждою статьею (исключение составляет разве первая работа о Пушкине г. Мережковского,[1] лучший вообще этюд из его критической деятельности, но и то с оговоркою «разве») не чувствуется как безусловной субъективной нужды ее написать, так и безусловной объективной нужды получить статью и прочитать ее. Поэтому «Сборник», составленный из столь образованных статей, в сущности, не имеет образовательного течения. Это не есть «следующий класс» для русского сознания, это есть тот же класс, на второй год в том же классе. Чувство глубокого утомления и умственной скуки, испытываемое учеником при прохождении «повторного курса», где почти все ему полузнакомо, и он неделю должен сидеть в классе, чтобы услышать какое-нибудь мелкое новое известие, это чувство испытывает и читатель названной книги. И между тем — это прежде всего имена образованных и со вкусом людей: отчего же получается такое впечатление? Образование и вкус в не исключительно оригинальных устремлениях — слишком распространены в наше время, а в данном «Сборнике» и в его теме нет ничего, что вызвало бы оригинальное устремление у данных критиков. Для Вл. Соловьева — Тютчев,[2] для г. Андреевского — Лермонтов,[3] для г. Перцова — Огарев и Кольцов[4] — это *проходные* темы, это даже и отдаленно не суть меры их общежизненного развития: и, проходя *мимо* этих прекрасных тем, они, конечно, пишут прекрасные страницы, но в которых нет строгой

необходимости ни для *них*, а равно и для читателя. Вот почему, повторяем, эта «прекрасно сделанная книга» не оставляет живого впечатления, и тем это грустнее, чем прекраснее ее задача, и, так сказать, аккуратнее каждая строка пригнана к строке, страница к странице, и все составляет прекрасное, но не одушевленное целое.

В. Розанов

Автограф. Помета рукой Перцова: «Вторая рецензия».

[1] Мережковский написал статью о Пушкине специально для сборника по просьбе Перцова.

[2] Впервые: *Соловьев В. С.* Поэзия Ф. И. Тютчева // Вестник Европы. 1895. № 4. С. 735–752. Статья была перепечатана в «Философских течениях русской поэзии» в сокращении под заглавием «Ф. И. Тютчев».

[3] Впервые: *Андреевский С. А.* Поэзия Баратынского // Андреевский С. А. Литературные чтения. СПб., 1891. С. 1–36.

[4] Об А. В. Кольцове Перцов высказал суждения, дополнив фрагмент Мережковского о поэте из книги «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы» (СПб., 1893).

DOI: 10.31860/0131-6095-2023-3-166-178

© *А. С. Александров*

«ИДТИ ПО САМОМУ КРАЮ ЦЕНЗУРНОГО ОБРЫВА...»: А. В. АМФИТЕАТРОВ В ГАЗЕТЕ «РУССКАЯ ВОЛЯ» (ПИСЬМО А. В. АМФИТЕАТРОВА К М. М. ГАККЕБУШУ (ГОРЕЛОВУ) ОТ 27 СЕНТЯБРЯ 1916 ГОДА)*

Письмо известного публициста и журналиста Александра Валентиновича Амфитеатрова (1862–1938) к Михаилу Михайловичу Горелову (наст. фам. Гаккебуш; 1874–1929) относится к яркому этапу биографии литератора — периоду соредакторства (вместе М. Гореловым и Л. Андреевым) с середины декабря 1916 года новоорганизованной газеты «Русская воля».

История создания этого печатного органа затрагивалась в ряде обстоятельных работ.[1] Мы остановимся лишь на фактах, связанных непосредственно с участием в проекте Амфитеатрова, деятельность которого в «Русской воле» всесторонне не рассматривалась в отдельных изысканиях. Исследователями подробно установлены причины, по которым в разгар Первой мировой войны в ряду крупных промышленников и банкиров возникла идея создания новой газеты — требовалось усилить свое информационное влияние на общество с определенными политическими задачами, главным образом, из-за надвигающихся выборов в Государственную Думу (не состоявшихся).[2] За организацию этого предприятия взялся А. Д. Протопопов, крупный помещик и промышленник, член Государственной Думы от Симбирской губернии.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РНФ, проект № 19-78-10012-П: «Писатель — критика — читатель (Механизмы формирования литературной репутации в России на рубеже XIX–XX веков)», https://rscf.ru/project/19-78-10012/, в ИРЛИ РАН.

[1] Подробнее о «Русской воле» см.: *Оксман Ю. Г.* «Русская воля», банки и буржуазная литература // Лит. наследство. 1932. Т. 2. С. 165–186; *Майер Л.* «Русская воля» и «Луч»: А. Д. Протопопов и Максим Горький в борьбе за буржуазную общественность накануне Февральской революции // Отечественная история. 1996. № 1. С. 29–52; Переписка [М. Горького] с А. В. Амфитеатровым / Вступ. статья Н. И. Дикушиной; публ. и комм. Ф. М. Иоффе, А. Е. Погосовой [и др.] // Лит. наследство. 1988. Т. 95. Горький и русская журналистика начала XX века: Неизданная переписка. С. 31–473.

[2] См. об этом в показаниях А. И. Шингарева от 21 августа 1917 года (Падение царского режима: Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства / Ред. П. Е. Щеголева. Л., 1927. Т. 7. С. 35).

Изначально Протопопов не предполагал создание собственного печатного органа, а хотел стать компаньоном в газете «Биржевые ведомости», ведущем столичном издании начала XX века, владельцем и редактором которого был С. М. Проппер. Фактически планировалось выкупить газету и через нее проводить намеченную информационную политику. Пропперу было сделано щедрое финансовое предложение — 5 миллионов рублей — однако коллектив «Биржевых ведомостей» выступил категорически против. И. И. Ясинский, тесно связанный с изданием, в своих мемуарах вспоминал: «На совещании сотрудников, на которое был приглашен и я, предложение Протопопова было единогласно отклонено. Сотрудники заявили Пропперу, что или Протопопов, или они и что, как только он заключит условие с правительством, немедленно все должны будут заявить в других газетах, что выходят из „Биржевых ведомостей“, и каждая газета с удовольствием, разумеется, напечатает это. Проппер испугался и переговоры с Протопоповым порвал».[3]

Зашедшие в тупик переговоры вынудили Протопопова отказаться от своей первоначальной идеи и приступить к реализации альтернативного проекта — созданию новой газеты. Ему удалось привлечь на свою сторону М. М. Горелова (Гаккебуша) — опытного редактора «Биржевых ведомостей», который в свою очередь сумел договориться об участии в этом амбициозном проекте с верными ему сотрудниками пропперовского издания, а в качестве соредакторов подключить Л. Н. Андреева и А. В. Амфитеатрова. Введением в редакцию Амфитеатрова организаторы преследовали несколько целей: хотели придать газете «прогрессивный и даже радикальный характер», а также «с его помощью надеялись выйти на группу умеренных русских социалистов в эмиграции, к которой примыкал Г. В. Плеханов».[4]

Амфитеатров к этому времени уже 11 лет находился в эмиграции в Италии. Опальный литератор был чуть ли не «главным борцом с династией», но с началом Первой мировой войны его фельетоны приобрели национал-патриотическое звучание, за что, как отмечает А. И. Рейтблат, он получил «разрешение вернуться на родину».[5]

Такая возможность представилась в связи с проектом новой газеты, где Амфитеатрову была предложена высокая должность и блестящее финансовое обеспечение. Перед публицистом, очевидно, не стояло мучительного выбора: согласиться и вернуться или отказаться и остаться в эмиграции. Находясь все эти годы в Италии, он не терял связи с родиной, сотрудничая как с массовой периодической печатью, так и с книгоиздательствами, потому что главные читатели Амфитеатрова были в первую очередь в России. Не случайно в письме к Горелову главной причиной участия в новом предприятии он назвал «возможность создать большое и хорошее публицистическое дело с широкой и внимательной аудиторией», которой ему «не достает 15 лет».

Приглашение в «Русскую волю» получил целый ряд известных литераторов, но многие, узнав о том, кто стоит за изданием, предпочли уклониться от участия в этом предприятии, среди них М. Горький, Г. В. Плеханов, А. А. Блок, В. Г. Короленко, Е. Н. Чириков, И. С. Шмелев и др. Наиболее скандальным был отказ Короленко, который прояснил в печати мотивы своего решения.[6]

Этот инцидент стал одной из тем обсуждения в письме, а сам скандал Амфитеатров посчитал «самым неприятным и опасным из всех полемических предисловий к новой газете». Ситуация послужила поводом для Амфитеатрова написать Горелову

---

[3] *Ясинский И. И.* Роман моей жизни: Книга воспоминаний: В 2 т. / Сост. Т. В. Мисникевич и Л. Л. Пильд. М., 2010. Т. 1. С. 568.

[4] *Майер Л.* «Русская воля» и «Луч». С. 35.

[5] В статье А. И. Рейтблата «Фельетонист в роли мемуариста» отмечено: «Стоило начаться войне, как выяснилось, что в основе мировоззрения Амфитеатрова — государственнические и националистические взгляды. Он пишет антинемецкие статьи, призывает забыть все разногласия и единодушно встать на защиту отечества» (*Амфитеатров А. В.* Жизнь человека, неудобного для себя и для многих: В 2 т. / Вступ. статья, сост., подг. текста и комм. А. И. Рейтблата. М., 2004. Т. 1. С. 16).

[6] *Короленко В. Г.* Старые традиции и новый орган // Русские записки. 1916. № 8. С. 249–256. С открытым письмом-отказом выступил также Горький в газете «День» (1916. 6 авг. № 214), см.: *Горький М.* Полн. собр. соч. и писем. Письма: В 24 т. М., 2006. Т. 12. С. 58.

о своем видении кадрового состава будущего печатного органа, и основную часть своего обращения он посвятил именно этому вопросу. И здесь публицист, нужно отдать ему должное, проявил блестящее знание и тонкое видение всего информационного поля России, сложившегося к сентябрю 1916 года. Так, Амфитеатров предложил пригласить в издание только что вернувшегося из Италии в Россию после 10 лет эмиграции М. А. Ильина-Осоргина, сотрудника «Русских ведомостей», и В. В. Князева, журналиста и поэта, публиковавшегося в сатирических журналах. Отметил «злободневного хроникера» «Киевской мысли» Н. И. Иванова. Положительно отозвался о А. Ренникове (наст. имя и фам. Андрей Митрофанович Селитренников), фельетонисте «Нового времени» и главном редакторе журнала «Лукоморье» (до № 18), сопоставив его с В. М. Дорошевичем и обрисовав стратегию его вовлечения в издание.

Круг участников газеты был обнародован в первом номере, помимо редакторов, среди авторов были обозначены: «С. А. Адрианов, В. Азов, Г. А. Алексинский, Н. П. Ашешов, проф. М. И. Боголепов, проф. Н. А. Гредескул, проф. <Э. Д.> Гримм, А. И. Куприн, В. В. Муйжель, В. Г. Тан<-Богораз>, проф. М. П. Чубинский, Гюстав Эрвэ».[7]

Значительную часть письма Амфитеатров уделил изложению идеологической платформы будущего издания: в газете следует «наметить твердую политическую линию левее кадетской, но чуждую радикального сантиментально-сенсационного вопля, а очень спокойную и положительную, с вескостью фактических аргументов, а не истерических фраз». Здесь же публицист пишет и о содержательной стороне материалов газеты, считая, что авторы «должны идти по самому краю цензурного обрыва, но так, чтобы в него не валиться».

С первых же выпусков Амфитеатров ярко заявил о своем возвращении на родину: дебютный номер «Русской воли» вышел практически накануне Февральской революции — 15 декабря 1916 года. В нем был помещен фельетон, содержащий резко негативные высказывания в адрес А. Д. Протопопова.[8] Сделано это было отчасти для того, чтобы отмежеваться от связи с «одиозным политиком»,[9] ставшим с 16 сентября 1916 года управляющим Министерством внутренних дел, а с 20 декабря занявшим пост министра. Во втором номере был опубликован сатирический цикл баллад «Министерские мелодии».[10]

И. Ясинский, сохранявший на протяжении многих лет теплые отношения с Л. Андреевым, редактировавшим «Русскую волю» бок о бок с Амфитеатровым, о первых выпусках нового печатного органа отозвался так: «Фельетоны Амфитеатрова дурного тона. Известность Амфитеатрова покоится не на тех основаниях, на каких создалась Ваша слава. Он остался верен себе и в „Русской воле“. По-моему, совсем не надо было ему трогать Протопопова. Просто ограничиться надо было, что Протопопов со дня назначения министром в газете не принимает никакого участия, а поднес ему икону

---

[7] См.: Русская воля. 1916. 15 дек. № 1. С. 3.

[8] Ср.: «Имя А. Д. Протопопова, случайно связанное с первыми проектами и начинаниями той безвинной газеты, которая впоследствии — и уже много после того, как всякая связь между нею и г. Протопоповым была порвана, — получила, по моему предложению, имя „Русской воли“, принесло этой газете столько незаслуженных оскорблений, зла, горя, клевет и всяческого в чужом пиру похмелья, что, именно по этой слишком изобильно накопившейся горечи, я не хочу останавливаться подробно на актах деятельности г. Протопопова, которую нельзя определить иначе, как бурным самоуничтожением» (*Амфитеатров А. В.* Этюды // Там же. С. 4–6). Ясинский считал, что публикация этой статьи была согласована с Протопоповым, ср.: «С Протопоповым связался Амфитеатров и пошел в компанию к нему Леонид Андреев. Хотя, с разрешения Протопопова, Амфитеатров напечатал в „Русской воле“ статью, в которой не особенно одобрительно отзывался о своем же хозяине, тем не менее на газету легла уже тень, какая вообще ложится на официозные органы» (*Ясинский И. И.* Роман моей жизни. Т. 1. С. 568).

[9] Об отношении интеллигенции к Протопопову см.: *Спивак М. Л.* Последний царский министр внутренних дел А. Д. Протопопов в политической публицистике А. А. Блока и его современников // Вестник РГГУ. Сер. «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2016. № 8 (17). С. 102–118.

[10] См.: Русская воля. 1916. 16 дек. № 2. С. 2.

Горелов не как редактор, а как личный друг. А то ведь вышло неловко: Протопопов устроил газету, а его изругали. Стихи с „дураками“ неприличны. Яд должен быть тоньше. Это ведь не „Маленькая газета“ Евгения Венского. Точно так же в передовой газете неприлично было заявлять во всеуслышание о своей набожности».[11]

Цикл баллад Амфитеатрова мгновенно попал в фокус внимания контролирующих органов (в том числе военной цензуры, действовавшей в военное время в условиях мирового противостояния). Сохранившиеся документы Канцелярии Главного управления по делам печати свидетельствуют, что названная публикация стала причиной совещания военных цензоров при Петроградском комитете по делам печати от 16 декабря.[12] Результатом явился Приказ от 22 декабря 1916 года, согласно которому было решено «подвергнуть газету „Русская воля“ предварительной цензуре в полном объеме».[13]

После скандальных первых номеров Амфитеатров возвратился к старому приему — «эзопову языку»: в его «Персидских сказках» был выведен «весьма прозрачно <...> петроградский административный уклад», а Протопопов завуалированно изображен «бешеным душевнобольным».[14] В мае 1918 года в фельетоне, посвященном условиям печати после Октябрьской революции, Амфитеатров так вспоминал начало работы в «Русской воле»: «Время это, адабаше-хабало-протопоповское, каждый здравствующий журналист вспоминает как самое тяжкое для русской печати. С пишущим эти строки тогда произошла такая история. Задушенный тяжкими лапами протопоповских цензоров, лишенный возможности говорить прямым языком о безобразиях, которыми ужаснула меня, только что вернувшегося на родину после многолетней разлуки, царская Россия, я бросился (со скрежетом зубочным) в старую привычную область эзопова иносказания. В ответ на протопоповские бичи и скорпионы я напечатал как „корреспонденцию из Тегерана“ „Персидские письма“. <...> „Персидские письма“ были не замечены, ибо их приняли за настоящую корреспонденцию из Тегерана. Но уже по второму письму публика раскусила, в чем соль, и бросилась на первое. Протопопов пришел в неописуемую ярость. Однако даже он не рискнул „расписаться“. И после разных неистовств чрез частных посредников, и косвенных придирок, и репрессий чрез несчастных безграмотных цензоров предпочел проглотить обиду, расшифрование которой сделало бы его всероссийски смешным...».[15]

Среди материалов Канцелярии Главного управления по делам печати сохранился уникальный документ — докладная записка, касающаяся содержания нескольких публикаций из «Русской воли», приведем выдержки из него: «При систематическом наблюдении за левой и оппозиционной периодической прессой за последнее время обращает на себя внимание то обстоятельство, что органы этой прессы, кроме деловых и серьезных статей, заполнены и другим, на первый взгляд, как бы второстепенным, материалом, но в действительности крайне тенденциозным, а иногда даже преступным. Так, в № 21 (22 января) газеты „Русская воля“ „На местах“, т. е. в отделе обычных провинциальных известий, в корреспонденции „Обилие зверей“, сообщающей об изобилии в Ново-Николаевском хуторе Саратовской губернии зайцев, лисиц и волков, скрыт политический пасквиль, ибо под этим хутором вполне, по аналогии с Августейшим

---

[11] Об этом см.: Переписка Л. Н. Андреева и И. И. Ясинского / Вступ. статья, подг. текста и комм. А. С. Александрова // Русская литература. 2021. № 3. С. 82 (письмо Ясинского к Л. Андрееву от середины декабря 1916 года).

[12] Ср.: «Совещание гг. военных цензоров при Петроградском комитете по делам печати от 16-го декабря сего года, заслушав доклад о помещенном в № 2 газеты „Русская воля“, от 16 декабря, стихотворении под заглавием: „Министерские мелодии“, постановило: ввиду нарушения п. I Обязательного постановления Петроградского градоначальника от 8-го декабря сего года, представить на распоряжение Вашего Превосходительства» (РГИА. Ф. 776. Оп. 10. Ед. хр. 2328. Л. 6; докладная записка, направленная председателю Петроградской военно-цензурной комиссии, от 17 декабря 1916 года).

[13] См. приказ за подписью генерал-майора М. А. Адабаша (председателя Военно-цензурной комиссии при штабе Петроградского военного округа) от 22 декабря 1916 года: Там же. Л. 11.

[14] *Амфитеатров А. В.* Публицистика 1917–1918 годов / Вступ. статья А. С. Александрова; сост., подг. текста и прим. А. С. Александрова, Э. К. Александровой. СПб., 2022. С. 288.

[15] Там же. С. 286–287.

Именем Державного Хозяина, можно разуметь Россию, ставшую для возвратившегося вновь из эмиграции сотрудника газеты известного пасквилянта Амфитеатрова „новой“: в словах корреспонденции „зайцы попадаются матерые, большие, чуть ли не с верблюда“, отсюда и пословица — заяц беги, не то покуют под верблюда, можно видеть перефразировку улично-радикального анекдота — „арестуют тебя как верблюда, а потом доказывай, что ты не верблюд, а заяц“; далее „Лисицы в мохнатой шерсти... путают петли, исповедывают“ — намек на духовенство; „волки особенно жадные собирают реквизиции с баранов, презирая таксы“; „волки почти голубые“ очевидный намек на цвет мундира корпуса Жандармов; „эти особенно свирепы. Делают набеги по ночам“ — несомненно обыски по политическим делам. Применение терминов: исповедают, реквизиции, таксы — делают намеки слишком памятными даже для самых непредубежденных читателей. „Медведи... в берлогах, как заседатели“ — глумление над низшими чинами полиции в Сибири. „Крысы... с погибающего корабля“ — избитая политическая фраза для пресловутого левого лозунга о разложении государственного строя. „Пришли в возбуждение сибирские коты... они в моде, их покупают за очень хорошую цену и отправляют в столицу“ — очевидно относится к недавно погибшему уроженцу Сибири. Фраза „небывалое обилие зверей объясняется отсутствием охотников, которые временно на фронте, а также недостатком пороха в дроби у населения“ — несомненный призыв к вооруженным выступлениям; заканчивающая статью пародия известного выражения Тараса Бульбы: „есть еще порох в пороховницах“ — прямая угроза. В том же номере „Русской воли“ в юмористическом фельетоне „Брызги пера“ помещен особенно пошлый выпад против г. Министра внутренних дел в стихотворении „Где зарыта собака“, издевающемся над семейной невзгодой (болезнь внучки) Его Высокопревосходительства; далее там же прозрачное сожаление, что бюджетные прения в Государственной думе не сопровождались вожделенным скандалом; наконец характерен обмен телеграммами: „Москва. Ну-с“. „Петроград. Трус... А вы-с.“ „Москва. Увы-с“».[16]

Показательно, что цензор в аналитическом отчете, уделив значительное внимание почти рядовым материалам, проглядел куда более серьезную публикацию — фельетон Амфитеатрова из цикла «Этюды». Эта заметка оказалась криптограммой — из первых букв каждого слова этой статьи получается связный текст: «Решительно ни о чем писать нельзя. Предварительная цензура безобразничает чудовищно. Положение плачевнее, нежели тридцать лет назад. Мне недавно зачеркнули анекдот, коим я начинал свою карьеру фельетониста, марают даже басни Крылова. Куда еще дальше идти. Извиняюсь, читатели, что с седою головою приходится прибегать к подобному средству общения с вами, но что поделаешь. Узник в тюрьме пишет, где и в чем может, не заботясь об орфографии. Протопопов заковал нашу печать в колодки; более усердного холопа реакция еще не создавала. Страшно и подумать, куда он ведет страну. Его власть — безумная провокация революционного урагана».[17]

Фактически Амфитеатров был верен своей изначальной программе держаться на «краю цензурного обрыва». Однако появление в условиях военного положения рокового фельетона «Этюды», содержащего «недопустимый текст», было признано поступком «преступным и заслуживающим законного преследования».[18] За эту публикацию Амфитеатров был сослан в Сибирь, однако в ходе этапирования к месту ссылки в Ярославле его застигло известие о Февральской революции, приведшей к свержению монархии и созданию Временного правительства. Вернувшись в Петербург, он приветствовал революцию словами: «Душа рычит от радости».[19] В этот период Амфитеатров в гуще общественной и журналистской жизни столицы: возвратился к работе в газете

[16] РГИА. Ф. 776. Оп. 10. Ед. хр. 2328. Л. 46–48. В докладной записке речь идет о материалах: Обилие зверей // Русская воля. 1917. 22 янв. № 21. С. 7 (без подп.; в рубрике «На местах»); *Селли.* Брызги пера // Там же. С. 3 (в рубрике «Меленький фельетон»).

[17] *Амфитеатров А. В.* Этюды: VI // Там же. С. 2.

[18] РГИА. Ф. 776. Оп. 10. Ед. хр. 2328. Л. 19–19 об. (докладная записка председателю Петроградского комитета по делам печати М. А. Адабашу от Н. Левитского от 24 января 1917 года).

[19] См. его реплику в интервью: *Тиун* [Боцяновский В. Ф.]. Душа рычит // Петроградский листок. 1917. 6 марта. Экстренный выпуск. С. 1.

«Русская воля», правда, ненадолго — из-за конфликта с членами редакции отошел со скандалом от дел.

Письмо к Горелову публикуется по черновику из архива Амфитеатрова: РГАЛИ. Ф. 34. Оп. 2. Ед. хр. 60. На письме помета красным карандашом рукой Амфитеатрова: «М. М. Горелову. План „Русской воли“». Орфография и пунктуация приведены к современной норме, опечатки исправлены без оговорок.

Roma. 1916. IX. 27

Многоуважаемый Михаил Михайлович,

Во-первых, большое спасибо за Ваши любезные телеграммы. Во-вторых, хочу поговорить с Вами о предстоящих совместных делах и работах по новой газете.

Вчера я отправил А. Д. Протопопову большое письмо, в котором изложил свой отрицательный взгляд на название газеты[1] и спешку с ее выходом. Если А. Д. <Протопопов. — *А. А.*> в Петрограде уже, то, чтобы мне не повторять весьма длинного доказательства, возьмите у него мое письмо: в нем нет никаких секретов от редакции, — членами которой я покуда понимаю Вас, Андреева, Гримма, Адрианова.[2]

Деньги (15 992 лиры) я своевременно получил, спасибо. Дела все здешние уже устроены и если бы не паспортная задержка, то я мог бы выехать. Но из Петрограда ни слуха ни духа. Здешнее посольство готово оказать все любезности, от него зависящие, но ни из Министерства внутренних дел, ни из Канцелярии градоначальника нет никаких распоряжений, а без этого все посольские любезности ни к чему, ибо без сказанных распоряжений даже наилучший паспорт для нашего брата есть не иное что, как свободный пропуск в ров львиный, а на сие я, хотя имею сына Даниила,[3] никак не согласен. Потому тормошите власти предержащие, елико возможно, чтобы хоть к концу то русского октября попасть мне в Петроград, а то ведь, право, не сообразишься, даже при условии, что начнем выход 15 ноября. Раньше я почитаю непрактичным и даже просто невозможным, а по-настоящему говоря, следовало бы отложить выход до Рождества (дебютировав блестящим рождественским №) или нового года. Конец же 1916 г. употребить на широчайшую рекламу в виде обстоятельных проспектов газеты с подробною ее программою, начав рассылку этих проспектов, скажем, с второй половины октября (когда я все-таки рассчитываю быть уже в Петрограде) и направив их сперва по длиннейшему радиусу российского круга (Владивосток, Ташкент, Карс[4] etc.) и затем сокращая оный с каждым днем так, чтобы к половине ноября не осталось уголка, в котором бы о газете не знали и ее не ждали. За раннее начало газеты я не вижу других данных, кроме желания сохранить подписной сезон, но отношусь к этой идее весьма скептически. Большой годовой подписки мы на 1917 год все равно иметь не будем, а та, которую будем иметь, придет и в декабре, январе, феврале.

При компромиссе начать газету 15 ноября — 1 декабря мы даже и в этом отношении риска не имеем. Между тем более позднее начало газеты, во-первых, хорошее противоядие против газетного лая, который сейчас ей премного напакостил: конкурирующие шавки или устанут брехать и замолчат, или так надоедят читателям, что их перестанут слушать, как заведомый пустолай.[5] Во-вторых, отсрочка необходима для правильного сформулирования редакции. Тот наспех нахватанный сотруднический состав, который сообщен мне Адриановым, никуда не годится безотносительно к способностям и дарованиям приглашенных, а просто по его простоте, не дающей газете лица, оставляющей ее без ясно выраженного символа ее направления и основной идеи. Метод коммерческого издания, вроде «Биржевых ведомостей», для нас хорош только в информационной части газеты: здесь мы прямо должны его усвоить, ему подражать, создав информацию такую же богатую, как у «Русского слова», но более систематическую и удобочитаемую, без московско-американской перегруженности, весьма смахивающей на азиатский хаос. Но та неразборчивая система и скопление «имен», которые «Б<иржевые> в<едомости>» делали козырем своей игры,[6] для нас безусловно

не годятся. Газета должна получить физиономию вполне определенную, ярко выраженную, без всяких противоречий, без возбуждения в публике сомнения, «в какех <так!> она смыслах изволит быть». Максим Горький мой ближайший друг, которого я сердечно люблю и уважаю, но разве мыслимо было приглашать его, редактора заведомо пораженческой «Летописи»,[7] в газету, руководить которой Вы приглашаете меня, а несколькими важными отделами в ней будет заведовать Леонид Андреев, и, следовательно, орган наш предполагается интервентистским безусловно? М. Горький прислал мне телеграмму, что он не принимает участия в газете, вероятно думая меня предостеречь,[8] между тем я именно только после телеграммы и начал серьезно размышлять о начинании Протопопова как деле, мне подходящем, потому что раньше совмещение Горького с Андреевым (особенно после письма этого второго) сбивало меня с толка, давая картину программы, безразличной к основному политическому вопросу времени. В конце концов стремление окружиться именами ничего нам не дало, кроме неприятнейшего скандала с Короленкою и тем же Горьким,[9] на почве которого конкурирующие газеты нашли весьма твердые точки опоры для нападения, и нельзя не согласиться с прискорбием, что встретили отпор чрезвычайно слабый и неубедительный. И зачем только понадобился Короленко-то, который никогда газетным человеком не был и быть не может? А между тем его протест — самое неприятное и опасное из всех полемических предисловий к новой газете. Ну и, конечно, сняв голову, по волосам не плачут, однако эти плачевные прецеденты особенно строго подчеркивают необходимость для нас железной последовательности в выборе людей и движении идей. Заведующие отделами у нас сложились хорошо (Боголепова[10] не знаю, но Адрианов говорит о нем восторженно, и то, что он говорит, мне очень по душе), и слава Богу. Пока на том и остановимся, чтобы не обрасти ненужною публикою, которая льнет к каждому возникшему ежедневному изданию (особенно с большими средствами) и которую потом очень трудно и дорого будет сбывать с рук, а сбывать будет необходимо, потому что 1) сами человеки эти, обыкновенно, давно набили читателю злейшую оскомину 2) превратясь в нечто вроде профессиональной литературной бюрократии, не дают места притоку новых сил, на который я уповаю и рассчитываю весьма, так как без него, со старьем одним, не стоит и дела начинать: все будет то же самое переливанье из пустого в порожнее, что в «Речах», «Днях», «Биржевке». Нужна талантливая живая молодежь с новыми живыми словами, по-молодому, с соком сказанными. Вот как поеду по провинции, то буду ловить эту рыбу всюду, где замечу. Хорошо было бы взять из «Рус<ских> вед<омостей>» М. А. Ильина-Осоргина[11] и посадить его на московский фельетон. Если бы можно было оборудовать этот ангажемент немедля, было бы пречудесно, но я отсюда не решаюсь писать в Россию, не зная настроений, гонорарных возможностей и т. д. Попробуйте-ка! Вот тоже в «Киевской мысли» вижу я иногда недурного очень злободневного хроникера — куда прытее петроградских! — который подписывается Николаем Ивановым.[12] Если удастся осуществить мою мысль областных фельетонов (Адрианов Вам расскажет), то его весьма положительно будет увести. Что делает В. Князев?[13] Исписался уже или еще годится? Начинал как очень способный малый. Ну да это все до скорого свидания.

Недавно в «Моск<овских> вед<омостях>» была очень ехидная, но весьма неглупая статья,[14] издевавшаяся над конкурентским походом против Протопоповской газеты в том смысле, что, мол, если бы мы, правые, волновались, так это было бы естественно, а вы-то что? Испугались, что вас перелибералят? Не собираясь никого перелибераливать, мы, однако, должны наметить твердую политическую линию, левее кадетской, но чуждую радикального сантиментально-сенсационного вопля, а очень спокойную и положительную, с вескостью фактических аргументов, а не истерических фраз. Должны идти по самому краю цензурного обрыва, но так, чтобы в него не валиться. Идти так, чтобы — до известных точек — нам было по дороге со всеми передовыми группировками русского общества, содействуя каждой из них, пока разум и опыт позволяют, и обгоняя их или отставая от них, когда их ход коснеет или совершает прыжки, вопреки логике и жизни. Плеханов, напр<имер>, прекрасно понял, что, сходясь с ним, мы вовсе не принимаем обязательства его социал-демократической

программы, но, — говорит он, — в вопросах войны, отечества и т. д. нам по дороге, и я пойду с вами. Первая статья его будет носить название «О любви к отечеству и народной гордости»[15] и обещает быть великолепною. Но это — для стен редакции, не далее, пока Адрианов не известит меня и Вас о своих переговорах с группою «Призыва».[16] Sem Benelli[17] дает нам свои стихи и военные очерки. Масарик[18] тоже у нас. С Giornale d'Italia я столковался, чтобы Фомину давались гранки газеты и вообще все нужные для телеграмм сведения.[19]

Я очень рад, что управление делом будет в руках такого опытного практика и техника газетного искусства, как Вы, и, значит, мне придется лишь блюсти общественно-политический строй газеты, в котором, уповаю, столкновений для нас не предстоит: по крайней мере, Адрианов, хорошо Вас знающий и очень тепло о Вас говорящий, за то ручается. Знаю и сам, что Вы человек чрезвычайно энергичный и добрый, здравомыслящий, с большим жизненным опытом, а эти качества всегда привлекают мои симпатии: единственное, кажется, чего я совершенно не выношу, это совместной работы с мямлями, лентяями и тупицами в теоретических шорах. Хорошо столковавшись и поверив друг другу, можем сделать много полезного и своевременного. Столковываться же и приходить к соглашению с умными людьми я умел в старину, полагаю, что не потерял этой способности и по сие время. Равно как и склонности к доверию. Так что уж позвольте мне всегда быть с Вами совершенно откровенным и прямодушным, без опасения, что слова мои будут встречены настороженностью ложного самолюбия, и будьте уверены, что с моей стороны Вы увидите то же самое отношение к вашим возможным указаниям и советам.

Надеюсь, что поэтому Вы не возьмете в дурную сторону моих слов о необходимости отгородить новую газету от кое-каких наследий «Биржевых ведомостей». Как я уже сказал, Вы вели их отлично и достигли блистательного успеха в смысле тиража и известности газеты. Но сенсационный характер их принуждал эту газету к пользованию некоторыми орудиями, которые невообразимы в органе с серьезными политическими задачами. Господа Гессен, Клячко, Ренников и К°[20] весьма ловко использовали эту необходимость, чтобы сцепить начинающую газету с именем Стембо.[21] О сударе этом, ныне ликвидированном рубинштейновской историей,[22] я имею понятие издавна как о проходимце довольно мелкого типа. Однако отличие его от других мелких проходимцев, ютившихся после 1907 года вокруг биржевого, театрального и спортивного репортажа ходких петроградских газет, заключается едва ли не только в том, что он имел несчастие уже попасть с поличным, а другим это несчастье еще предстоит. И вот уже очень хотел бы предохранить новую газету от проникновения в нее сих назревающих фруктов прокурорской оранжереи. Поэтому необходимо особенно строгое и внимательное отношение к выбору лиц, которые должны стоять во главе отделов: 1) городского репортажа и в особенности в областях городского хозяйства и самоуправления, 2) биржевого, 3) спортивного, — с соответственным им репортажем. Отдел театральный берет на себя Л. Н. Андреев, но, конечно, за репортажем он следить не захочет, да и странно было бы взваливать на поэта такую сложную черную работу. Я думаю, что хорошо было бы нам, по возможности, отделиться от циркулярного репортажа нынешних дней и сложить свой собственный — опять-таки из новых людей, еще не развращенных петроградскими знакомствами и соблазнами в области своих «ведомств». Провинция (особенно восточная, с Поволжьем и Закавказьем) в этом случае могла бы отчасти быть источником репортеров, в технике дела своего уже достаточно наметанных, но не испорченных во вкусе Стембо и К°. Только ради Бога не Одесса, не Ростов-на-Дону, не Кишинев, не юго-западные города! Надо сделать так, чтобы этому последнему было невыгодно проникать в нашу газету, а для сего надо изгнать из хроники всякий след профессиональной рекламы, которая сейчас свирепствует во всех без исключения петроградских газетах, усердно помещающих в тексте своем материал, который по существу может попасть в газету только в качестве «стороннего сообщения». Да, обыкновенно это и есть «стороннее сообщение», исходящее прямо от заинтересованных лиц, с тою лишь разницей, что прежде они сдавали свои «сторонние сообщения» в контору по тарифу объявлений, а теперь сдаются репортерам черт их знает

по каким соглашениям, рука руку моющим, но не вымывающим. В некоторые области репортажа эти взаимонежности рекламистов с рекламирующими внесли разложение, граничащее с позорным развратом тех и других, да и читающей публики. Напр<имер>, в театре и спорте я, откровенно говоря, кроме «Русс<ких> вед<омостей>» не вижу газеты, которая в сказанном отношении была бы прилична, а кроме — увы! — «Нов<ого> вр<емени>», такой, которая, по крайней мере, умела бы сохранить вид приличия. Но об этом я буду подробно писать Леониду Николаевичу <Андрееву. — *А. А.*> и надеюсь, что мы втроем — Вы, я, он — осилим это зло, не допустим его в свой орган, а глядя на нас, другие образумятся понемножку. Хорошо знаю, что многие защищают эту свалку оповещений о ложных (по существу) интересах спортсменов, актеров, биржевиков и пр. потребностью газеты в живом репортаже. Но это ошибка, оптический обман. Живой репортаж заключается вовсе не в том, что «Ф. И. Шаляпин купил новое имение», «М. М. Арцыбашев думает писать новую пьесу», «актриса NN намерена гастролировать так-то и там-то» и пр., но в литературности репортера. Слово это странно звучит в наше время, когда большинство репортеров почти безграмотны и излагают свои сообщения таким языком (тот же Клячко), что покойным Кирпичникову и Гилярову[23] приходится непрестанно вращаться в гробах своих. А между тем это так. И я в полной мере понимаю тактику английских газет, которые за быстрое, яркое, сочное изображение факта платят репортеру иной раз дороже, чем литературной знаменитости, но не только ни копейки не платил бы за рекламный репортаж, а и даром не помещал бы его, так как он, в случае дарового предложения, наверное, оплачен деньгами ли, натурою ли, просто ли приятельством и пр. С этим надо покончить решительно и всенепременно, и я думаю, что, возвысив гонорар репортерский при собственном повышении требований, мы этого добьемся.

Весь секрет успеха политической газеты — в ее прямоте, искренности, в твердом убеждении публики, что ее нельзя ни купить, ни улестить, и в строгом единстве и стройности ее построения. Моя бедная покойница «Россия»[24] имела множество пробелов и недостатков, почти непоправимых по ограниченности издательских средств и тайным каверзам ответственного редактора, бывшего в стачке с Главным управлением по делам печати.[25] Но исчисленные мною качества были ей присущи в высокой степени. Возьмите любой № ее первого года, и он прозвучит стройным аккордом, может быть, слабым, но ясным и одинаковым во всех отделах газеты от передовой статьи до репортажа включительно. Я не пропускал в «Россию» буквально ни единой заметки прежде, чем она не принимала печати нашей газеты, не стесняясь в этом случае ни счетом с «именами», ни издательскими соображениями, ни цензурными драмами, которым вторил Сазонов.[26] В результате мы вышли победителями из неравной борьбы с великолепной организацией и информацией «Нов<ого> вр<емени>», до которых нам было далеко как до звезд небесных, и оказалась нам просто смешна конкуренция разных тогдашних «Новостей», «Северного курьера», «Сына отечества», которые стремились задушить нас всякою руганью и клеветою, а того больше перешибить нас красным радикализмом (в то же время фискаля на нас в Гл<авное> упр<авление> по делам печати). К роковому 12 января 1902 года[27] мы имели 42 000 подписчиков, что по тогдашним временам равнялось нынешним 200 000, если не больше. Конечно, симпатии общества к некоторым участникам газеты (Дорошевич,[28] я) играли в этом росте известную роль, но, положа руку на сердце, говорю: все-таки роль второстепенную. Главным магнитом была твердая определенность газеты — уверенность публики, что весь ее коллектив сливается в единстве мысли, что газета всегда говорит то, что думает, а думы ее — сознанные, прочувствованные и хорошо отлитые в яркую словесную форму. Моя главная работа в «России» была не там, где подписаны мой псевдоним или фамилия, но — вот Дорошевич, бывало, отсутствуя из Петрограда, узнавал по номерам «России», в которых не было ни одной моей строки, нахожусь я в Петрограде или нет. И эту ясность редакторской окраски очень хотелось бы мне осуществить и теперь для нового издания, и, авось, не окажусь для того стар.

Хорошо было бы достать нам своего Дорошевича — не нынешнего, конечно, который избарствовался, болеет и с важным видом пережевывает вопросы, до высоты

коих ни одному из смертных не добраться, а ему самому решительно нет никаких дел, что и сказывается в холоде либо неприятном ложном пафосе письма. А прежнего Дорошевича, которого я выписал из Одессы и отправил на дело Скитских,[29] который горел огнем для успеха и завоевания столицы и любил свое дело как сорок тысяч братьев любить не могут. Но где его взять? Единственный за все время человек, подходящий на его роль, которого я за эти последние годы заприметил в печати, захвачен «Новым временем» и испакощен с такою быстротою и основательностью, что сейчас о нем, конечно, и речи быть не может. Я говорю о Ренникове.[30] А вот нельзя ли его как-нибудь отмыть для будущего-то? Например, отправив его за границу на хороших условиях с тем, чтобы несколько месяцев он совсем не писал бы, потом с полгодика писал бы под псевдонимом и установил бы добрую репутацию и авторитет последнего, а затем — пожалуйте обратно на родину, где тогда можно снять и маску. Оговорюсь, что о Ренникове, как личности, я не имею ни малейшего понятия и сказанное мною сейчас относится только к его несомненному публицистическому таланту, которого жаль очень. Он много шире рамок «Н<ового> вр<емени>» и, помяните мое слово, рано или поздно из них вырвется, но уже, по всей вероятности, со сломанными крыльями, так как политических векселей и социальных исполнительных листов написал на себя кучу. Покойник Алексей Сергеевич <Суворин. — *А. А.*> пожалел бы способного человека и не дал бы ему так зарываться, уготовляя себя в литературные арестантские роты, а нынешним — все равно: поддавай жару! Чем горячее, тем лучше! Ну он и поддает и скоро станет таким же нарицательным именем, как Меньшиков, Розанов, Колышко.[31] Не могу я без скорби видеть, как гибнет молодой талант, кто бы он ни был, где бы ни находился. За что, например, пропал Юрий Беляев?[32] А какие задатки были!..

Боюсь, чтобы всего, что я написал в этой длинной рацее, Вы не поняли в смысле проповеди литературного черта, который, состарившись, задумал идти в монахи и приготовлять к этому благочестивому положению и себя самого, и других. Нет, видите ли, старый черт не имеет ни малейшей потребности менять свою натуру и маскировать честные речи и хвост ханжескою рясою — он только желает извещать общества и тактики мелкого беса с еще мельчайшими бесенятами, коих практика умножилась за последнее десятилетие до колоссальных размеров, но оказалась решительно ни на что не способной, кроме покрытия России литературными нечистотами. Мы не обрежем ни одного свободного побега, не затянем в корсет ни одной свежей и сильной мысли, ничего не засушим, никого не замаринуем, мы будем живы, веселы, бойки, смелы и — всецело с искренними мытарями, а не с великолепными фарисеями предвзятых теорий и обрядов. То, что я изложил вам, является лишь плодом долгих наблюдений над русской печатью, которые иногда издали делать удобнее, чем находясь в самом ее кипении. Эти «ума холодные наблюдения и сердца горестные заметы»[33] явили мне много наслоившихся литературных бед, которых необходимо избежать, вступая в большое публицистическое предприятие, да и, вообще, расчистить от них атмосферу, потому что при наличности их свободное слово начинает задыхаться уже не от внешних тисков, а от собственной астмы или водянки. Уверен, что и Ваш взгляд таков же. В предприятие Протопопова я вошел не потому, что мне предложили хорошие литературные условия: я и без того был прекрасно обеспечен в «Р<усском> сл<ове>», где труд мой ценили высоко, а легок был до скуки. А если Сытин в самом деле ухитрится, как грозит, отплатить за мой уход разрывом соглашения с Илларией Владимировной о приложении моих сочинений к «Ниве»,[34] то мой союз с Протопоповым принесет мне колоссальную потерю и окажется весьма в убыток. Но меня взманила возможность создать большое и хорошее публицистическое дело, с широкой и внимательной аудиторией, которой мне недостает 15 лет. До тех пор, пока эта возможность будет осуществляться в условиях независимой и чистой работы, меня не испугают никакие клеветы и нападки ни на газету, ни на ее капитал, ни на ее сотрудников, ни на меня самого (ах, какой только ругани я не жду) — хотя бы против нас выступили не только что Клячки с Гессенами, ни даже Горький с Короленкой, но хоть сам Лев Николаевич <Толстой. — *А. А.*>

выползет из могилы. Сейчас русскому писателю есть, что беречь и за что бороться — поважнее партийных кодексов и сектантского чистоплюйства. И есть точки, стоя на которых, весьма можно и должно сказать всем этим скорострельным ругателям: девушки и дядюшки! не совались бы вы в дело, которого не смыслите, потому что оно ушло слишком вперед от привычного вам равнения и бежит рысью там, где вы привыкли двигаться шагом.

Ну вот покуда на сем поставлю точку, извиняюсь, что заморил Вас чтением чудовищно длинного письма. До свидания — желаю, чтобы, по возможности, скорейшего. Желаю Вам всего хорошего.

Ваш А. Амфитеатров.

P. s.

Прилагаю письмо, полученное от римского корреспондента В. И. Фомина. Прошлые 300 лир я ему послал, равно как ранее 100 лир на проезд его из San Remo в Levanto и Милан для переговоров. Имея, значит, за конторой 400 лир.

[1] Итоговое название газеты было предложено Амфитеатровым. Рассматривались другие варианты названия: «Эпоха», «Заря» и даже «Народная воля» (см.: *Майер Л.* «Русская воля» и «Луч». С. 37).

[2] Официальными издателями газеты были ректор Петроградского университета Эрвин Давидович Гримм (1870–1918) и член Центрального комитета кадетской партии, проф. Николай Андреевич Гредескул (1865–1941). Упомянутый критик и литературовед Сергей Александрович Адрианов (1871–1941) был членом редакции.

[3] Амфитеатров намекает на Пророка Даниила (Дан. 6: 16). Упомянут сын Амфитеатрова — Даниил Александрович Амфитеатров (1901–1983), композитор и дирижер, эмигрировал из России в 1921 году, руководил крупными симфоническими оркестрами в Италии и США.

[4] В 1878–1917 годах Карс — центр Карсской области Российской империи (ныне принадлежит Турции).

[5] Задолго до выхода первого номера газеты, в период информационной кампании в поддержку будущего издания, начинание сопровождалось скандалами. Самый громкий из них произошел примерно в момент написания письма Амфитеатрова и был связан с выходом из предприятия крупных банков: «Первоначальное соглашение об отпуске средств на газету подписано было представителями десяти больших банковских объединений, но слухи, проникшие в августе 1916 г. в печать о секретном свидании А. Д. Протопопова в Стокгольме с д-ром Варбургом, известным гамбургским банкиром и советником германского посольства в Швеции, вызвали некоторое охлаждение к новому издательскому начинанию в торгово-промышленных кругах, связанных с англо-французским капиталом, в результате чего опекунами будущей „Русской воли“ к осени 1916 г. явились лишь три мощных финансовых комбината — банки: Международный коммерческий, Русский для внешней торговли и С.-Петербургский учетный. Эти банки, контролируя 43 крупнейших предприятия русской горнозаводской, металлообрабатывающей и электрической промышленности, издавна и прочно связаны были с германским капиталом, чем и обусловлен был их известный контакт с деятелями правых организаций и придворно-помещичьих верхов так называемой немецкой ориентации» (*Оксман Ю. Г.* «Русская воля», банки и буржуазная литература. С. 171–172).

[6] Амфитеатров точно подмечает специфику редакционной политики «Биржевых ведомостей» в 1914–1915 годах. В этот период в издании сотрудничали ведущие публицисты, прозаики, поэты и философы начала XX века. Добиться их участия удалось в том числе за счет высоких гонораров.

[7] «Летопись» — ежемесячный литературный, научный и политический журнал, издавался в Петрограде в 1915–1917 годах. Одним из основателей журнала был Максим Горький; издатель — А. Н. Тихонов. Подробнее см.: *Коростелев С. Г.* Журнал «Летопись» (1915–1917) и газета «Новая жизнь» (1917–1918) в историко-культурном контексте. СПб., 2015.

[8] Речь идет о несохранившейся телеграмме от 21 июля 1916 года (датируется по ответному письму от 22 июля 1916 года). Ответ на нее Амфитеатрова см.: Переписка [М. Горького] с А. В. Амфитеатровым. С. 456.

[9] См. об этом во вступ. статье.

[10] Боголепов Михаил Иванович (1879–1945) — ординарный профессор (1911), руководил экономическим отделом газеты.

[11] Осоргин Михаил Андреевич (наст. фам. Ильин, 1878–1942) — прозаик, журналист. С 1906 по июль 1916 года — в эмиграции; после возвращения в Россию сотрудничал в газете «Русские ведомости».

[12] Иванов Николай — хроникер газеты «Киевская мысль».

[13] Князев Василий Васильевич (1887–1937) — поэт-сатирик, журналист, сотрудник юмористических журналов начала XX века. Принял участие в «Русской воле» с первого номера, публиковал здесь сатирические стихотворения. См., например: «Современные пословицы» и «Кошмар большого города» в рубрике «Маленький фельетон» (Русская воля. 1916. 15 дек. № 1. С. 5).

[14] О какой заметке идет речь, установить не удалось.

[15] «О любви к отечеству и народной гордости» — название статьи Н. М. Карамзина (1802). По-видимому, этим сообщением Амфитеатров стремился придать особый вес своему участию в «Русской воле» и своим организаторским способностям (именно на него была возложена миссия привлечь к газете Плеханова и сотрудников парижского еженедельника «Призыв»). Говоря о сотрудничестве Плеханова как о решенном вопросе, Амфитеатров блефовал: на протяжении нескольких месяцев он вел переговоры с Плехановым, но так и не достиг успеха. Об участии в новой газете шло также обсуждение с группой публицистов парижского журнала «Призыв», членом которого был Плеханов. Ряд сотрудников согласился работать с «Русской волей»: например, ведущий публицист Г. А. Алексинский (об этом см. письма Плеханова к Алексинскому: *Baron Samuel H.* Plekhanov in War and Revolution, 1914–17 // International Review of Social History. 1981. Vol. 26. Part 3. P. 354–362). Из-за этого в редакции «Призыва» наметился раскол: без ведома Плеханова Алексинский направил в «Русскую волю» его статью «Стоны Бельгии» (опубл.: Русская воля. 1917. 5 янв. № 4. С. 2–3) с уведомлением: «Статья Г. В. Плеханова, предназначенная для № 56 „Призыва“, доставлена нам Г. А. Алексинским в корректурных оттисках для напечатания» (Там же. С. 2). Одновременно статья вышла в парижском еженедельнике: *Плеханов Г. В.* Стоны Бельгии, логика Циммервальда и рабочий Интернационал // Призыв. 1916. № 56 (16 декабря). С. 1–4. Подробнее об этом см.: *Белявский А. Д.* Г. В. Плеханов, «Призыв» и газета «Русская воля» // Учен. зап. Горьковского гос. ун-та. 1967. Сер. историческая. Вып. 85. С. 34–43. По поводу этого инцидента Т. И. Филимонова, публикатор переписки А. И. Любимова и Г. В. Плеханова, справедливо отметила: «Характер всех предшествующих этому инциденту и последовавших за ним телеграмм, отправленных Плеханову Амфитеатровым, Адриановым, Леонидом Андреевым, не позволяет заподозрить их в попытках превратить участие Плеханова в газете в прикрытие ее „проправительственной“ направленности или, тем более, „шантажировать его“» («Необходимо противопоставить революционной фразеологии революционное мировоззрение...»: Из переписки А. И. Любимова и Г. В. Плеханова. 1914–1918 гг. / Публ. Т. И. Филимоновой // Исторический архив. 1998. № 3. С. 151).

[16] «Призыв» — еженедельный русский журнал, орган группы социалистов, выходил в Париже (1915–1917). Руководителями были Н. Д. Авксентьев, Г. А. Алексинский, Г. В. Плеханов. См. прим. 15.

[17] Бенелли Сем (1877–1949) — итальянский поэт и публицист. Принял участие в «Русской воле» с первых номеров, см. его дебютную публикацию: *Бенелли С.* Родина / Пер. с рукописи // Русская воля. 1916. 19 дек. № 5. С. 3.

[18] Масарик Томаш (1850–1937) — политический деятель, социолог и философ; первый президент Чехословацкой Республики (1918–1935). Масарик принял участие в газете, см.: *Масарик Т.* Delenda est Austria! / Пер. с рукописи // Там же. 22 дек. № 8. С. 2–3. («С Австрией надо покончить!» — *лат.*).

[19] «Il Giornale d'Italia» — итальянская ежедневная газета, выходила в Риме. Основана в 1901 году влиятельными либеральными политиками Сиднеем Соннино и Антонио Саландра. Амфитеатров имел прочные связи с редакцией этого издания, был посредником между итальянским печатным органом и редакцией «Русской воли». Упомянутый В. И. Фомин, вероятно, европейский корреспондент «Русской воли», отвечавший за сбор международных телеграмм, предназначавшихся для публикации в газете.

[20] Упомянуты журналисты, принявшие участие в кампании по дискредитации «Русской воли»: Иосиф Владимирович Гессен (1865–1943), юрист и публицист, соредактор (с П. Н. Милюковым) газеты «Речь»; Лев Моисеевич Клячко (1873–1933), журналист; Андрей Ренников (наст. имя Андрей Митрофанович Селитренников; 1882–1957), журналист, редактор.

[21] Стембо Александр Лазаревич (1879–1917) — журналист, сотрудник «Биржевых ведомостей», «Русского слова» и др. столичных газет.

[22] Рубинштейн Дмитрий Леонович (1876–1937) — банкир, приближенный Распутина. Был арестован в июле 1916 года и обвинен в государственной измене. В газете «Русское слово» сообщалось: «Сегодня арестованы в Петрограде председатель правления Русско-французского коммерческого банка Д. Л. Рубинштейн, его братья Алексей и Аполлон Рубинштейны, присяжный поверенный А. В. Вольфсон, А. Л. Стембо, два брата Юнкера, директора правления коммерческого банка „И. В. Юнкер и К°“, организатор сахарного синдиката Л. А. Бродский и друг<ие>. Всего было произведено 48 обысков, арестов же произведено свыше 10-ти. О причинах ареста в осведомленных кругах передают следующее: до сведения правительства дошло, что Рубинштейн и другие близкие к нему лица через посредство подставных лиц скупали на берлинской бирже

русские ценные бумаги и затем продавали их на парижской и лондонской биржах. Другой группе арестованных предъявлено обвинение в злостной спекуляции разными продуктами продовольствия, причем спекуляция эта производилась на немецкие деньги» (Арест Д. Л. Рубинштейна // Русское слово. 1916. 10 июля. № 159. С. 5 (без подп.)).

[23] Подразумеваются педагоги-словесники Ф. А. Гиляров (1841–1895) и А. И. Кирпичников (1845–1903), составители «Русской хрестоматии для младших классов гимназий» (М., 1869).

[24] Речь идет о газете «Россия», редактором которой Амфитеатров был до ноября 1901 года. Издание было закрыто за публикацию 13 января 1902 года фельетона Амфитеатрова «Господа Обмановы», направленного против царствующей семьи и императора Николая II. Подробнее об этом см.: *Букчин С.* Взлет и крах газеты «Россия» // Букчин С. Влас Дорошевич: Судьба фельетониста. М., 2010. С. 314–382. См. также прим. 25.

[25] Подробнее об этом см.: *Амфитеатров А. В.* «Господа Обмановы»: История романа и ссылки // Амфитеатров А. В. Жизнь человека, неудобного для себя и для многих. С. 101–103.

[26] Сазонов Георгий Петрович (1857–1934) — журналист, редактор газеты «Россия», сменил на этом посту Амфитеатрова.

[27] См. прим. 24. Здесь Амфитеатров указывает дату написания фельетона, ср.: «Первая глава романа осталась и последнею. Написана она была в субботу 12 января, на скорую руку, к очередному воскресному фельетону» (см.: Там же. С. 94).

[28] Дорошевич Власий Михайлович (1865–1922) — журналист, фельетонист. О его участии в газете «Россия» см.: *Букчин С.* Взлет и крах газеты «Россия». С. 314–382.

[29] Речь идет о громком судебном процессе: братья С. Л. и П. Л. Скитские были несправедливо обвинены в убийстве секретаря Полтавской консистории Комарова. Дорошевич посвятил этому делу серию репортажей и выступил за пересмотр дела. В итоге подсудимые были оправданы.

[30] См. прим. 20.

[31] Перечислены публицисты правых изданий, «нововременцы» Михаил Осипович Меньшиков (1859–1918), Василий Васильевич Розанов (1856–1919), а также Иосиф Иосифович Колышко (1861–1938), сотрудник газеты «Гражданин».

[32] Беляев Юрий Дмитриевич (1876–1917) — журналист, театральный критик, прозаик и драматург.

[33] Искаженная цитата из вступления к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин».

[34] Сытин Иван Дмитриевич (1851–1934) — предприниматель, книгоиздатель. В 1916 году Сытин купил права на издание еженедельника «Нива» у фирмы А. Ф. Маркса. По-видимому, речь идет о проекте издания собрания сочинений Амфитеатрова в качестве приложения к журналу «Нива», который не был осуществлен. Упомянута Иллария Владимировна Амфитеатрова (урожд. Соколова; 1875–1949), супруга Амфитеатрова, переводчица, автор воспоминаний.

DOI: 10.31860/0131-6095-2023-3-178-195

© *А. Д. Савина*, © *Я. Д. Чечнёв*

ЗАСЕДАНИЕ ПАМЯТИ А. А. БЛОКА ВО «ВСЕМИРНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ» 26 АВГУСТА 1921 ГОДА*

Смерть Блока 7 августа 1921 года стала потрясением для всего литературного мира России и русского зарубежья. Уже современниками кончина автора «Стихов о Прекрасной Даме» и «Двенадцати» воспринималась не только как личная утрата, уход любимого поэта, но как завершение «целой духовной и исторической эпохи».[1]

* Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда (РНФ). Проект № 21-18-00494: «История издательства „Всемирная литература“ в документах: судьбы творческой интеллигенции России в постреволюционном пространстве сквозь призму издательского проекта Максима Горького».

[1] *Лавров А. В.* «Романтика поминовения». Андрей Белый о Блоке // Андрей Белый о Блоке: Воспоминания. Статьи. Дневники. Речи / [Вступ. статья, сост., подг. текста и комм. А. В. Лаврова]. М., 1997. С. 14.

«С ним ушел целый период в жизни русской литературы», — писал Э. Ф. Голлербах в 1923 году.[2]

Сразу после смерти поэта со страниц советской и эмигрантской печати хлынул поток некрологов, воспоминаний, поэтических опусов, посвященных Блоку, и даже мистификаций.[3] Исследователями до сих пор публикуются неизвестные и малодоступные тексты, инспирированные смертью поэта.[4]

После похорон Блока редкий августовский день обходился без памятных мероприятий, устраиваемых различными организациями Петрограда и Москвы.[5] При этом их характер и стиль существенно разнился — от скандального вечера в кафе «Стойло Пегаса»[6] до глубоко проникновенного заседания в Вольной философской ассоциации (Вольфиле).[7] Разумеется, издательство «Всемирная литература», с которым Блок был тесно связан в последние годы жизни,[8] не могло остаться в стороне. И если руководители Вольфилы — Андрей Белый и Иванов-Разумник — сомневались в нужности «панихидного заседания»,[9] то перед редколлегией «Всемирной литературы» такой вопрос

---

[2] *Голлербах Э. Ф.* Образ Блока. Воспоминания, впечатления, наброски // Возрождение. Литературно-художественный и научно-популярный, иллюстрированный альманах. М., 1923. Т. 2. С. 295; переизд.: *Голлербах Э.* Встречи и впечатления / Сост., подг. текста и комм. Е. Голлербаха. СПб., 1998.

[3] См.: Русские советские писатели. Поэты: биобиблиографический указатель. М., 1980. Т. 3. Ч. 2. А. А. Блок. С. 157–171; Блок в критике современников (аннотированная библиографическая хроника 1902–1921) / Сост. В. И. Якубович при участии Н. Г. Захаренко, В. В. Серебряковой, Л. С. Шепелевой // Лит. наследство. 1993. Т. 92. Александр Блок. Новые материалы и исследования: В 5 кн. Кн. 5. С. 796–826.

[4] Среди последних публикаций см.: *Галушкин А. Ю.* «...Кто забудет Блокову кровь?» Неизвестный некролог Б. Пильняка // Блоковский сборник XVI: Александр Блок и русская литература первой половины XX века. Тарту, 2003. С. 180–183; *Бакунцев А. В.* «В газетах — Блок, Блок, Блок...»: Отклик И. А. Бунина на смерть А. А. Блока // Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика. 2015. № 3. С. 100–114; *Дворникова Л. Я.* Заграничная печать о смерти Блока (К неосуществленному замыслу А. М. Ремизова) // Александр Блок: Исследования и материалы. СПб., 2016. [Т. 5]. С. 307–350; *Боцяновский В. Ф.* Трагедия Блока / Публ., предисловие и прим. А. С. Александрова // Там же. С. 372–397; *Белобровцева И. З.* Об одном некрологе Александру Блоку // Литературный факт. 2017. № 5. С. 236–247, и др.

[5] См.: Литературная жизнь России 1920-х годов. События. Отзывы современников. Библиография. М., 2006. Т. 1. Ч. 2. Москва и Петроград. 1921–1922 гг. С. 140–150.

[6] См.: *Крусанов А. В.* Русский авангард, 1907–1932. Исторический обзор: В 3 т. М., 2003. Т. 2. Кн. 1. Футуристическая революция, 1917–1921. С. 380.

[7] Стенограмма выступлений была опубликована: Памяти Александра Блока. Андрей Белый. Иванов-Разумник. А. З. Штейнберг. Пб., 1922. Переизд.: Памяти Александра Блока: [Материалы]. Томск, 1996. См. также: Андрей Белый о Блоке.

[8] А. А. Блок был приглашен во «Всемирную литературу» в сентябре 1918 года, в марте — принят в Коллегию как эксперт по литературе Германии (см.: *Блок А. А.* Записные книжки. 1901–1920 / Сост., подг. текста, предисловие и прим. В. Н. Орлова. М., 1965. С. 428, 451). Основной работой Блока в горьковском издательстве стала подготовка собрания сочинений Гейне: при жизни поэта вышли 1-я и 2-я части «Путевых картин» (*Гейне Г.* Избр. соч. Пб.: Государственное издательство, 1920. Т. 5. Путевые картины. Ч. 1–2; Мемуары / Пер. В. Зоргенфрея; пер. П. И. Вейнберга; под ред. и с предисловием А. Блока), в 1922 году — напечатаны 3-я и 4-я части (*Гейне Г.* Избр. соч. Пб.: Государственное издательство, 1922. Т. 6. Путевые картины. Ч. 3–4 / Пер. В. Зоргенфрея; с предисловием Е. Книпович). Кроме того, Блок редактировал переводы из Вагнера и Гете, писал рецензии на переводы и вступительные статьи других сотрудников. С деятельностью в издательстве связано создание таких работ, как «Гейне в России», «Крушение гуманизма», «Об иудаизме Гейне». О «трудах и днях» Блока во «Всемирной литературе» см., например: *Ланда Е. В.* Мелодия книги: Александр Блок — редактор. М., 1982. С. 70–112; *Гречишкин С. С., Лавров А. В.* 1) Из эпистолярного наследия Александра Блока. Письма к В. А. Зоргенфрею // Гречишкин С. С., Лавров А. В. Символисты вблизи: Статьи и публикации. СПб., 2004. С. 292–315; 2) Александр Блок в «Пантеоне» и «Всемирной литературе»: письма к З. И. Гржебину и П. О. Морозову // Там же. С. 316–332; *Иванова Е. В.* Александр Блок: последние годы жизни. СПб.; М., 2012. С. 282–311; *Орлицкий Ю. Б.* Гейне, Блок и Виктор Коломийцов // Александр Блок: Исследования и материалы. СПб., 2020. [Т. 6]. С. 251–307, и др.

[9] Ср.: «...для нас с Р. В. (Ивановым-Разумником. — *А. С., Я. Ч.*) Блок слишком близок, чтобы о нем устраивали мы словесные поминки. Р. В. сказал мне: „Предоставим «Домам Искусства»,

не стоял. А. Л. Волынский, М. Л. Лозинский и Е. И. Замятин непосредственно участвовали в похоронах Блока, 10 августа выносили гроб с его телом с Офицерской улицы (ныне — ул. Декабристов, 57).[10]

На заседании 12 августа — первом после смерти Блока — было решено «ближайшее очередное заседание, имеющее состояться в пятницу, 26 августа в 4 ч<аса> дня, посвятить исключительно памяти скончавшегося Члена Коллегии А. А. Блока. Предложить А. Белому, Иванову-Разумнику, В. А. Зоргенфрею и сотрудникам Издательства принять участие в заседании».[11] Однако Белый и Иванов-Разумник от участия отказались: «26 августа в 20-ый день состоялась панихида с речами о Блоке во „Всемирной литературе“; были лишь члены Коллегии, а из приглашенных со стороны лишь я да Иванов-Разумник. Мы — не были», — записал Белый.[12] Позднее он узнал некоторые содержательные подробности: «Голлербах сегодня рассказывал мне о поминовении в пятницу во „Всемирной литературе“. Говорили короткие и очень прочувствованные речи: очень будто бы хорошо сказал Лозинский; интимно Алянский, который подчеркнул, что Саша хотел умереть: в разговоре с Чулковым в Москве он спросил Чулкова, хочет ли он умереть. Чулков что-то ответил, а он сказал: „А я вот — хочу!“ Волынский упоминал о своих разговорах с Блоком о 12-ти: между прочим, Волынский указывал Блоку на композиционные дефекты в рисунке 12-ти. Блок отчасти соглашался. Другой раз они говорили о Христе; тут Блок, покраснев, довольно решительно перебил Волынского: „Не будем говорить о Христе“».[13]

Эта запись долгое время оставалась для исследователей важнейшим источником сведений о прошедшей в издательстве встрече.[14] Протокол заседания, помещенный в 4-м томе «блоковского» Литературного наследства, позволял уточнить имена присутствовавших и выступавших, но не отражал содержания произнесенных речей. Публикатор Н. И. Дикушина подчеркивала, что «сохранившиеся в Архиве А. М. Горького протоколы (а сохранились не все) заседаний Секции исторических картин и редколлегии „Всемирной литературы“ (см. фонд А. Н. Тихонова, оп. 2) отличаются крайней скупостью изложения».[15] Однако в Архиве Горького ИМЛИ РАН отложились не только протоколы, содержащие лаконичное перечисление обсуждаемых вопросов и принятых решений, но — в ряде случаев — и стенограммы, в которых зафиксированы реплики выступавших.

Обнаруженная стенограмма (см. Приложение) заседания памяти Блока существенно дополняет сведения о прошедшем во «Всемирной литературе» «поминовении», раскрывая перед исследователями атмосферу встречи и содержание разговоров о Блоке в первые недели после его смерти.

Помимо названных Э. Ф. Голлербахом М. Л. Лозинского, С. М. Алянского и А. Л. Волынского, на заседании выступали члены редакционной коллегии «Всемирной литературы» Е. М. Браудо и Н. О. Лернер, а также сотрудничавшие с издательством и разными нитями связанные с Блоком поэты В. А. Пяст, В. А. Зоргенфрей, Вс. А. Рождественский. Кроме того, присутствовали, но не подавали реплик Б. П. Сильверсван[16] (на тот момент заведующий Немецким отделом издательства),

---

«Домам литераторов» чествовать Блока публично: «Вольфиле» он слишком близок, чтобы и она вошла просто в ранжир официальных панихидных заседаний...“» (*Белый А.* Дневники. К материалам о Блоке // Андрей Белый о Блоке. С. 449).

[10] См.: Там же. С. 453.

[11] АГ. Ф. А. Н. Тихонова. Оп. 2. Ед. хр. 54. [Л. 1]. Опубл.: *Дикушина Н. И.* Из материалов Архива А. М. Горького // Лит. наследство. Т. 92. Кн. 4. С. 269.

[12] *Белый А.* Дневники. К материалам о Блоке. С. 460.

[13] Там же. С. 461.

[14] Краткое сообщение о прошедшем заседании было помещено в берлинской газете: *Р.* Памяти Блока. Литературная хроника // Новый мир (Берлин). 1921. 10 сент. № 187. С. 6.

[15] *Дикушина Н. И.* Из материалов Архива А. М. Горького. С. 269.

[16] О нем см.: *Иванова Е. В., Жуховицкая Л. Г.* Письма Б. П. Сильверсвана М. Горькому (по материалам Архива А. М. Горького ИМЛИ РАН) // Учен. зап. Новгородского гос. ун-та. 2022. № 6 (45). С. 720–726.

переводчица А. В. Ганзен[17] и представители Восточного отдела — синолог В. М. Алексеев[18] и арабист И. Ю. Крачковский.[19] Неизвестно, был ли среди гостей сам Голлербах, давший достаточно точные характеристики речам участников, или же он знал о заседании с чужих слов. Так или иначе, в своей статье 1923 года, посвященной Блоку, Голлербах почти дословно воспроизводит некоторые реплики Алянского (см. прим. 16 в Приложении).

Смерть Блока была не единственным трагическим событием этого времени, напрямую задевшим редколлегию «Всемирной литературы». В начале августа 1921 года был арестован Н. С. Гумилев,[20] затем М. Л. Лозинский;[21] собравшиеся в стенах издательства литераторы участвовали в хлопотах по освобождению своих коллег. И хотя присутствующим, вероятно, еще не было известно о расстреле Гумилева, в выражениях «темный фон <...> жизни», «мрак впереди», «надвигающийся, все застилающий мрак», «черный ветер», прозвучавших из разных уст на «блоковском» заседании, прорывается не только отношение к судьбе Блока, но общее чувство, овладевшее литературным миром в августе 1921 года.

В самом течении вечера чувствуется некоторое напряжение: людям, по-настоящему близким Блоку, слова даются трудно. Зоргенфрей просто отказывается говорить, а выступление Алянского становится возможным только благодаря вопросам председателя. Неудивительно, что тема «немоты», появившаяся во вступительном слове Волынского («Литература нема в настоящее время»), звучит и в последующих его репликах — уже в применении к происходящему: «Ощущается ненужность торжественных докладов и потому-то не говорится вообще. <...> Хочется поэтому тихо помолчать о Блоке, с пиэтетом, с бьющимся сердцем, помолчать и подумать о нем в словесной немоте». Тем не менее сам Волынский не теряет своего ораторского дара, львиная доля текста в публикуемом документе принадлежит именно ему, и именно его усилиями «движется» заседание.

Среди легенд и слухов, окруживших имя Блока, немалое место занимали домыслы о причинах смерти поэта и разговоры о его сумасшествии. Призывая «близких к Александру Александровичу людей» поделиться «сведениями о последних днях его жизни», председатель пытается выяснить правдивость этих слухов («В самом ли деле он умучен условиями тяжелого быта наших дней? Умер ли Блок с отчетливой мыслью, с ясным представлением окружающего и в каких настроениях?»), однако его вопросы встречены «глубоким молчанием». С одной стороны, они могли показаться нескромными и не слишком соответствующими моменту; с другой — ответить на них не с чужих слов мог только Алянский — единственный человек, которому было позволено

---

[17] Анна Васильевна Ганзен для «Всемирной литературы» переводила произведения и писала предисловия к книгам датских и шведских авторов: Х. Бергстедта, Г. Гейерстама, Л. Нордстрема, Й. В. Йенсена.

[18] О деятельности Алексеева во «Всемирной литературе» см.: *Баньковская М. В.* Друзья и недруги Ляо Чжая // Пу Сун-лин. Странные истории из Кабинета Неудачника (Ляо Чжай чжи и). СПб., 2000. С. 726–770; *Рифтин Б. Л.* Новеллы Пу Сун-лина (Ляо Чжая) в переводах академика В. М. Алексеева // Восточная классика в русских переводах: обзоры, анализ, критика. М., 2008. С. 113–203; *Чечнёв Я. Д.* Конфуций во «Всемирной литературе». Доклад В. М. Алексеева о китайском философе в 1921 году (по материалам Архива А. М. Горького ИМЛИ РАН) // Литературный факт. 2022. № 24. С. 230–249.

[19] О его деятельности в горьковском издательстве см.: *Долинина А. А.* Легендарная «Всемирная» // Долинина А. А. Невольник долга: биография И. Ю. Крачковского. СПб., 1994. С. 172–194.

[20] Гумилев был арестован 3 августа, расстрелян в ночь с 25 на 26 августа. Сообщение о расстреле появилось в «Правде» 1 сентября. На следующем после «блоковского» заседании (2 сентября 1921 года) сотрудники «Всемирной литературы» почтили вставанием память Н. С. Гумилева (АГ. Ф. А. Н. Тихонова. Оп. 2. Ед. хр. 57. [Л. 1]).

[21] М. Л. Лозинский был арестован 5 августа. О его аресте и причинах освобождения см.: *Любимова М. Ю.* М. Л. Лозинский и Е. И. Замятин. Новые штрихи к биографиям // История отечественной культуры в архивных документах: сб. статей. СПб., 2021. Вып. 2. С. 185–186, 198–199; *Жуховицкая Л. Г.* Неизвестное письмо А. И. Браудо к М. Горькому об аресте М. Л. Лозинского в августе 1921 года // Русская литература. 2023. № 1. С. 78–82.

навещать Блока в последние месяцы его жизни. Естественно, что именно с Самуилом Мироновичем строится диалог председателя.

Одной из важных тем заседания становится отношение Блока к поэме «Двенадцать». И Волынский, и Лернер, вспоминая свои разговоры с Блоком о поэме, как будто продолжают внутренний спор с ним (первый — о христианстве, второй — о культуре). Разговор о произведениях, написанных «на волне „январских восторгов“»,[22] неминуемо приводит к репликам о поэте и политике. При этом оба оратора — в соответствии со своими убеждениями — делают акцент на постепенном изменении его позиции по отношению к происходящим в России событиям: «Все давало чувствовать, что это уже не тот Блок, который написал поэму „Двенадцать“» (Волынский); «В душе его уже начинало жить, по-видимому, сознание некоторой сделанной ошибки» (Лернер). Вероятно, именно на этом заседании «Всемирной литературы» Алянский впервые публично сообщил о существовании «Записки о „Двенадцати“» и кратко раскрыл ее содержание.

Вместе с дневниками и письмами современников обнаруженная стенограмма дает представление о реакции петербургского литературного мира на смерть поэта. В нее вкраплены темы, которые, преобразуясь и обрастая легендами, окажутся составляющими «мифа о Блоке» — как популярного в эмиграции (смерть от тяжелых бытовых условий, сумасшествие, отречение от «Двенадцати»), так и признанного в Советском Союзе (верность родине, нежелание покидать страну, неприятие «формализма» в поэзии).

Выступления некоторых участников заседания были позднее дополнены и опубликованы; высказывания других так и не обрели печатного воплощения. Переданные Волынским и Лернером разговоры с Блоком о «Двенадцати», краткая, но цельная и лиричная характеристика пути поэта, данная М. Л. Лозинским, воспоминание Е. М. Браудо о последней встрече с Блоком впервые становятся достоянием историков литературы.

В Приложении публикуется стенограмма заседания редакционной коллегии «Всемирной литературы», состоявшегося 26 августа 1921 года и целиком посвященного памяти А. А. Блока. Текст печатается по машинописи, отложившейся в фонде А. Н. Тихонова Архива А. М. Горького ИМЛИ РАН (АГ. Ф. А. Н. Тихонова. Оп. 2. Ед. хр. 56). Орфография и пунктуация приведены к современной норме, сохранены индивидуальные особенности написания, без оговорок исправлены ошибки в инициалах С. М. Алянского (в машинописи — С. Г.).

Мы благодарим М. А. Ариас-Вихиль и М. Ю. Любимову за ценные комментарии и уточнения при подготовке настоящей статьи.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Заседание редакционной коллегии «Всемирной литературы», посвященное памяти А. А. Блока

(присутствуют гости).

Председатель Собрания — А. Л. ВОЛЫНСКИЙ.

ВОЛЫНСКИЙ. Господа, объявляю заседание открытым. Позвольте Вас просить почтить память рыцарски благородного человека, выдающегося по таланту поэта, Александра Александровича БЛОКА вставанием. (Все встают. После нескольких секунд глубокого молчания А. Л. ВОЛЫНСКИЙ, стоя, продолжает:)

Литература нема в настоящее время. Она молча несет в себе святое семя, которое даст новый побег только в условиях будущего времени. Скажу же видоизмененными словами священных писаний, более прекрасными, чем литература. Во блаженном

[22] *Иванова Е. В.* Александр Блок: последние годы жизни. С. 197.

успении вечный покой. Пребывающая причина мира, Господи, сотвори нетленную славу новопреставленному Александру, среди современных скорбящих поколений и ликующих поколений будущего исторического момента, который уже грядет.[1]

(Садится. Несколько мгновений общее молчание. Затем продолжает:)

Близкие к Александру Александровичу люди не пожелают ли поделиться с нами сведениями о последних днях его жизни? В самом ли деле он умучен условиями тяжелого быта наших дней? Умер ли Блок с отчетливой мыслью, с ясным представлением окружающего и в каких настроениях? Для нас всех, его сотоварищей по редакционной коллегии «Всемирной Литературы», краткий рассказ обо всем этом представил бы исключительный интерес, особенно в настоящую минуту. Не время теперь начать беседу о поэтическом таланте Блока. Для этого потребовались бы критические статьи, философские рассуждения, в которых, однако, не всегда может отразиться интимное чувство, владеющее нами ощущение момента. В беседе чисто литературной отпало бы все самое существенное, тревожное и важное, документы эпохи, страх и скорбь окружающих, страдание удушенного человека, — весь мартиролог последних дней Александра Александровича, который должен быть зафиксирован среди печальных памятников наших дней на вечные времена. Легенда уже растет вокруг имени Блока. Но нам нужны факты и правда. Правда же, в конце концов, может оказаться значительнее и даже фантастичнее легенды. Пусть говорят близкие к покойному люди.

(В Коллегии глубокое молчание. Никто еще не решается нарушить его. А. Л. ВОЛЫНСКИЙ, обращаясь к одному из членов Коллегии, Е. М. БРАУДО:[2])

Евгений Максимович, может быть Вы, в таком случае, нам что-нибудь скажете.

БРАУДО. К сожалению, за последний месяц я не видел Александра Александровича Блока. Насколько мне известно, доступ к нему был открыт не для всех.[3] Но и со стороны было понятно, что вопрос об условиях жизни был для него вопросом трагическим. Как раз перед тем, как Блок заболел, я имел с ним короткую беседу. Никогда она не изгладится из моей памяти. Она происходила около «Дома Искусств», в сырой весенний день. «Как выйти из того тяжелого положения, в каком мы очутились», — спрашивал я Александра Александровича. «Что предпринять для будущего и как, вообще, представить себе это будущее?» Настроение Блока поразило меня своей неожиданностью. В словах его ответа сказывалась любовь к России, даже России настоящей минуты — искаженной, потерявшей свой облик. Я говорил ему о том, что следует спасать свой талант, уехать куда-нибудь за границу. Необходимо предотвратить болезнь. Но Блок смотрел на этот вопрос скептически. Покинуть Россию было для него тяжело.[4] Кто-то сравнивал смерть Блока со смертью Гоголя. Но мне кажется, что ужасная смерть его является гармоническим в своем роде завершением скорбной жизни последнего времени. Это минор, неожиданно закончивший симфонию его бытия. Говорят, что разрешение выехать за границу Блок получил чуть ли не в день своей смерти.[5] Но этого отъезда Блока отсюда я себе, откровенно говоря, не представляю. Мои сведения о поэте имеют, однако, лишь фрагментарный характер. Личные же мои отношения с ним за последние два года ограничивались интересами, связывавшими нас обоих с «Всемирною Литературою», главным образом по немецкому ее отделу. Он редактировал Гейне и Вагнера, редактировал с исключительной тщательностью, с беспримерной любовью. Чувствовалось, что Блок вносит в работу горение писательской души своей, преданность литературе. Мне, музыканту по образованию, бросалась в глаза удивительная чуткость Блока к темам звуковой поэзии. Вагнера он знал превосходно.

Прошу извинения. Я говорю без подготовки. Но я не мог не откликнуться на призыв нашего Председателя сказать о Блоке то, что помнится, что запомнилось навсегда. Вот кресло, в котором сидел поэт, среди нас, в этой зале. Кажется, я вижу его самого, светлую фигуру его на темном фоне нашей теперешней жизни.

ВОЛЫНСКИЙ. Нет ли дополнительных каких-нибудь рассказов среди присутствующих? О последних днях Блока мог бы нам поведать С. М. АЛЯНСКИЙ.[6]

АЛЯНСКИЙ. Аким Львович, к сожалению, я ничего не могу сказать. Все перепуталось в голове, и цельной картины последних дней жизни Александра Александровича я дать не в силах.[7]

ВОЛЫНСКИЙ. Но в таком случае, может быть, Вы не откажетесь ответить на некоторые вопросы. Мучительно хотелось бы знать, замечалось ли у Александра Александровича за последнее время некоторое помутнение сознания, или же разговоры на эту тему, циркулирующие в Петрограде, не больше как вымысел.[8]

АЛЯНСКИЙ. Помутнение сознания было безусловно, но частичное. Временами бывали просветы, впрочем, за самые последние дни все реже и реже.

ВОЛЫНСКИЙ. В чем же именно выражалось это помутнение?

АЛЯНСКИЙ. Выражалось оно в разных формах. Он составлял какой-то фантастический каталог. Уже лежа в постели, он занимался приведением в порядок своей библиотеки. Он очищал ее от ненужного. Отдельные книги продавал, чтобы можно было лечиться. Я лично в такие минуты не видал его. Мне об этом рассказывала жена Блока, Любовь Дмитриевна, которую приходилось видеть довольно часто.[9]

ВОЛЫНСКИЙ. Не было ли разговоров о литературе, хотя бы случайных и отрывочных?

АЛЯНСКИЙ. Блок не мог сосредоточиться. Доктору он жаловался, что трагедия его в том, что он не может довести до конца ни одной мысли.[10] Бывали моменты, когда ему рассказывали о событиях внешних — газет он сам не читал. Сначала как будто заинтересуется, а потом проявлял совершенное равнодушие. Видно было, что он не слушал, что слова до него не доходят. А потом вдруг опять спросит....

ВОЛЫНСКИЙ. Не знаю, удобно ли сейчас задать еще один вопрос. Он у меня в мыслях. На ответе же я не настаиваю, если трудно быть откровенным в минуты тяжелых воспоминаний. Каково было материальное положение Александра Александровича? Как обстояло дело с хлебным пайком? Имел ли он все крайне необходимое?[11]

АЛЯНСКИЙ. В конце концов он имел все. Другой вопрос — каким путем добывалось необходимое продовольствие. Оно добывалось через продажу разных вещей и книг. С одной стороны, необходимо было переехать на новую квартиру, а с другой — просто нужны были деньги, чтобы питаться.[12] Питание же само по себе должно было быть особенное. Ни от кого он ничего не получал сверх того, что получают все, не считая авторского гонорара. Но прокормить его гонорар не мог.

ВОЛЫНСКИЙ. Авторский гонорар поступал ли к Блоку только отсюда, из «Всемирной Литературы»?

АЛЯНСКИЙ. Нет, он поступал также и из Издательства «Альконост».[13]

ВОЛЫНСКИЙ. Еще вопрос. Знал ли Блок, что идут хлопоты, довольно энергичные, о разрешении ему выехать за границу?[14]

АЛЯНСКИЙ. Знал, но относился к этому делу чрезвычайно скептически. Сначала он решил отказаться от заграничного паспорта. Но после настояний врача все же подписал анкету.[15] Когда же получилось словесное разрешение на выезд, он проявил полную апатию, заявил даже, что вопрос этот его окончательно не интересует. Блок был убежден, что скоро умрет.

ВОЛЫНСКИЙ. О смерти он говорил?

АЛЯНСКИЙ. За последний год он все время говорил о смерти.

ВОЛЫНСКИЙ. Не осталось ли в памяти Вашей каких-нибудь, хотя бы отрывочных слов Блока на эту тему?

АЛЯНСКИЙ. Я убежден, что Блок умер от того, что хотел умереть, что не хотел жить. В Москве, когда он в последний раз там был, Блок встретился как-то в Союзе Писателей с Г. И. ЧУЛКОВЫМ[16] и задал ему вопрос: «Георгий Иванович, Вы хотели бы умереть?» Чулков говорил о каких-то своих работах. Блоку это было скучно, и он прервал его рассказ. Чулков замялся, и я не помню, что ответил он на вопрос Александра Александровича. Блок же сказал отрывисто и внятно: «А я хочу».[17] Правда, он уже тогда был болен. Из Петрограда он выехал в первый день Пасхи. Это был как раз тот самый день, когда болезнь его обозначилась серьезно. Затем, по возвращении из Москвы, он уже систематически и сознательно готовился к смерти. Отдавал распоряжения, приводил все в порядок. Все записывал. Впечатление получалось такое, что он уходит куда-то от всех окружающих. Отчего Блок хотел умереть — об этом у меня имеются кое-какие соображения. Но говорить сейчас на эту тему трудно. Одно лишь могу

сказать с уверенностью: наша действительность угнетала его ужасно.[18] Пугал и мрак впереди.

ВОЛЫНСКИЙ. Вам трудно говорить, я это понимаю. Но не легко и спрашивать, задавать вопросы. Однако Вы сообщили нам много ценного. Это те самые документы из последних дней жизни Блока, которых мы ищем. Они рисуют нам обстановку смерти его превосходно. Освещение же далось Вам как-то само собой. Оно отлилось в осторожные и чуткие слова. Но как жаль, что фактов все же сравнительно мало. Их жадно хотелось бы собрать побольше. Очевидно, знакомые Блока стесняются говорить. Ощущается ненужность торжественных докладов и потому-то не говорится вообще. Воспоминаниями же делиться чрезвычайно трудно, особенно когда хочется самому уйти в сторону, стушеваться и исчезнуть, чтобы дать рельефно выразиться и выступить умершему человеку — такому особенному человеку, каким был в данном случае для нас Александр Александрович Блок. Мне лично тоже необходимо кое-что рассказать. Один эпизод моей беседы с Блоком врезался мне в память с удивительной четкостью. Помню не только отдельные слова его. Вижу со всей ясностью короткий конвульсивный жест и экспрессию лица, ублаженную женственно страдальческой улыбкой. Превосходная улыбка, не сходившая с лица его во все время разговора, беспыльно чистая и тонкая. У меня давно завелся с ним принципиальный спор на тему о «Двенадцати». Было это в редакции «Всемирной Литературы», еще на Невском проспекте,[19] в одном из уголочков обширного помещения. Со всею возможною резкостью я сказал Блоку, что считаю рисунок поэмы, ее стилистическую раму, литературною фальшью. Почему именно двенадцать? Непременно двенадцать — очевидно, по числу евангельских апостолов. Цифра эта какая-то каноническая и кажется здесь плодом аффектации, вообще говоря, несвойственной его поэтическому письму. Затем этот Христос впереди толпы, идущей на демонскую борьбу, на революционный дебош. Хотя и брошенный туманным очерком в странную обстановку — едва приметно, почти невесомо — Христос все же наступает как-то слишком парадно. Пастырю было бы приличнее идти позади. Наконец, что общего нашел поэт между людьми, ведущими дьявольскую войну с окружающим бытом, с тем, что создано культурою веков, святыми усилиями прошлых поколений, и апостолами евангельских рассказов, никого не терзавшими никогда, не пролившими ни единой капли чужой крови, но шедшими всегда с гордым спокойствием на смерть? В таких приблизительно выражениях, быть может, несколько приподнятых тоном полемики, я выставлял вопросы на обсуждение. Мысль моя была проста, ясна в своей основе: кругом нас нет ни Христа, ни апостолов. Перед глазами встают совсем другие явления, и окраска их, как ни углубляй вопроса, какую бы философию ни подводить под него, отнюдь не религиозная, не метафизическая в отвлеченном смысле слова. Если тут и есть какая-то мистика, то это мистика звериного, а не человеческого типа. Помню ответ Александра Александровича Блока. По вопросу о Христе он говорил с видом полной убежденности. Прошу не забывать, я имею в виду первый наш разговор в редакции «Всемирной Литературы», в помещении ее на Невском проспекте. Для него дело тут не в моральной оценке происходящих событий. «Антигуманизм, — говорил Блок, — тоже может оказаться источником добра».[20] Я подсказал ему мысль из ходкой в недавнее еще время, шумной фразеологии Ницше о равнозначительности Христа и Антихриста.[21] «Да, — подхватил Александр Александрович, — Христос и Антихрист для меня на одной высоте». Блок не приводил аргументов. Слышалось в тоне беседы, в оттенках его голоса, в резком звучании реплик — коротких, почти односложных, что душа его в самом деле скользит по краю бездны, на большой высоте, и соприкасается там со стихией вечных истин, в которых оказываются стертыми наши разграничения всевозможных родов и сортов. Собственных моих аргументов я в ту минуту тоже не напрягал и не развивал до конца. Но через некоторое время мы опять вернулись к нашей теме. Я настаивал на том, что нет сходства между политико-социальной революцией наших дней, имеющей характер движения народных масс, в пустоте и темноте, и революцией времени Христа, прошедшей к свету большой мысли, обновленной концепции мира. Совсем другие лозунги. Принципы противоположные. Там Сын, на почве Духа, ратоборствует во имя Отца. Тут же

от великой триады христианства не осталось ничего. Ни единой черты. Ни Отца: полное отрицание истории, ни Сына, который не может не быть братом окружающих, ни Духа Святого: вместо него дух рассудочных построений, слабых по существу своему, но изъятых от всякой критики. В серьезный анализ предмета я не вдавался тогда. Не вдаюсь и сейчас. Но показалось мне в ту минуту, что Блок отступает, медленно собирается с новыми силами, что-то стал колебать и расшатывать в самом себе. Помнится, что однажды он, при шутливо-полемическом моем упоминании о поэме, полуулыбаясь сказал: «Ну, да ведь я не очень-то стою за нее». Кажется, не мне одному он говорил эту фразу на протяжении последнего года. Имею при этом в виду возобновлявшиеся между нами иногда разговоры в новом помещении «Всемирной Литературы».[22] Во всяком случае, было ясно, что человек меняется, что в нем колеблются прежние внутренние святыни. Мережковский перед отъездом заметил это и подчеркнул в разговоре со мной. Иногда я пробовал возвращать Блока к нашему спору. Но делал я это с величайшей осторожностью, как можно деликатнее. Ведь это был поэт, которого я любил крепче других современных стихотворцев. На собраниях Коллегии «Всемирной Литературы» я иногда испытывал по отношению к нему истинное восхищение. Отбрасываю мелочи. Не хочу вспоминать пустяков. Но вот однажды, на Моховой, в самое последнее время, мы как-то остановились друг против друга, наверху лестницы, у самых дверей. Политические события разыгрывались тогда в Петрограде с чудовищной яркостью.[23] «Вы все-таки считаете, — спросил я Блока, — что Христос впереди толпы?» Он сделал жест, которого я не могу забыть. «О Христе не говорите, Аким Львович, не говорите».[24] Правая рука его, простертая вперед, как бы отмахивающая тяжелое видение, нервно трепетала. Смысл жеста был для меня ясен. Все давало чувствовать, что это уже не тот Блок, который написал поэму «Двенадцать». Таланту его открывались, быть может, новые пути творчества. Это был мой последний разговор с А. А. Блоком об его поэме, хотя не последний разговор вообще. Вот, что я считал своим долгом рассказать в кратких словах.

АЛЯНСКИЙ. Относительно «Двенадцати» я хотел бы добавить следующее. После смерти Блока мы нашли листок бумаги, исписанный карандашом, помеченный 1 Апреля 1920 года. Там он рассказывает о том, что такое для него эта поэма. Записка будет напечатана в скором времени.[25] В ней говорится, что «Двенадцать» есть произведение искусства, но что там имеется одна капля политики, которая может отравить всю поэму. Тогда она погибнет.

ВОЛЫНСКИЙ. Чрезвычайно интересно. В словах Блока, что капля политики может отравить значение всей его поэмы, нет ли отголоска наших с ним споров? «Мы мировой пожар раздуем» — эта кричащая фраза, несомненно политической окраски, играла роль в наших спорах. Она внесена извне в стихотворное произведение Блока. Конечно, все пережито Блоком глубоко. Но в Вашем рассказе мне послышалось нечто знакомое.

АЛЯНСКИЙ. В записке говорится, что сейчас он не мог бы уже написать такой поэмы, но что отказываться от нее ему все же не приходится.

ВОЛЫНСКИЙ. Блока тревожила мысль, что политический элемент может отравить его произведение. Это утешительно. Я знаю ценность его таланта. Но все же должен сказать откровенно, что — увы, поэма его действительно отравлена политикой. Чрезвычайно Вам признателен за Ваше сообщение. Оно превосходно.

(После нескольких секунд молчания, ВОЛЫНСКИЙ обращается к В. А. Пясту:[26])

Владимир Алексеевич, не расскажете ли Вы нам что-нибудь?

В. А. ПЯСТ. Я могу сказать, что о последних днях Александра Александровича Блока мне известно, конечно, не более, чем Самуилу Григорьевичу <так!> Алянскому. После его приезда из Москвы я не видел Блока ни разу. Посещения посторонних людей были ему тяжелы. Но мне известно, что близкий друг его, которому посвящено не одно стихотворение Блока, Е. П. ИВАНОВ,[27] имел возможность видеть его: Любовь Дмитриевна попробовала в виде опыта допустить его к больному. Евгений Павлович вынес тогда впечатление самое тяжелое.[28] Физически он мог бы еще жить, но у Блока не было желания продолжать свое земное существование. Александр Александрович

был приветлив, радовался некоторым событиям, главным образом, интимного характера, происшедшим за последние дни. «На свете все-таки случается кое-что хорошее», — говорил он Иванову. Однако приход друга отозвался ухудшением на здоровье Блока. Доктор же вообще предписывал ему полный покой. В последнее время, когда Блоку стало особенно худо и уже можно было предвидеть конец, была выписана его мать.[29] По какой-то счастливой игре судьбы, именно в тот день, когда приехала Александра Андреевна, Блоку стало лучше. Он узнал мать, имел еще возможность поговорить с ней. Затем началась агония, тянувшаяся четыре дня.

ВОЛЫНСКИЙ (обращаясь к М. Л. Лозинскому). Может быть и Вы, Михаил Леонидович, скажете нам что-нибудь о Блоке.

ЛОЗИНСКИЙ. Аким Львович, к сожалению, я почти ничего не могу сказать. Александра Александровича я в последнее время встречал редко, мало и случайно. Знаю же я его очень давно. Мое первое воспоминание о Блоке совсем особенное. Тогда еще это был Сашура Блок в костюме не то Пьеро, не то Мага.[30] Он показывал нам, его первым знакомым, какие-то фокусы и говорил велеречивые речи о тайнах своего магического искусства. Он произвел на меня, тогда еще совсем малыша, очень сильное впечатление. Казалось, что ему открыты какие-то тайны, нам, простым мальчикам, недоступные. В течение ряда дальнейших лет я встречался с Блоком, но не могу назвать себя близким ему человеком. Хотя я и очень любил его, но все же посещал его довольно редко. Какое-то целомудрие удерживало меня от частых встреч с ним. Что же можно сказать в немногих словах об Александре Александровиче? Поистине он был создан из той чистой земли, из которой создаются подлинные поэты. Он был именно поэт, исключительно поэт. Все он воспринимал как поэт. Свой поэтический дар он использовал и для себя, и для нас до конца. Как всякий поэт, он сознавал, что его долг прежде всего — слушать, прислушиваться ко всему, что происходит кругом нас, вслушиваться в ход тех выше нас лежащих и вне нас протекающих космических событий, которыми мы окружены и которые в земных формах находят только тусклое, бледное отражение. В событиях этих совершается внутренняя борьба, происходит столкновение разных судеб и разных течений. Каждый большой поэт следит за этими событиями и откликается всего созвучнее на те из них, которые ему по природе сродни. Блок сознавал этот лежащий на нем долг прежде всего: слушать и вслушиваться. Слушал же он на большой высоте, на страшной высоте. Те судьбы, которые мимо него протекали, были судьбы страшные. Начав с всевидения озареннейших дней, он — возрастая, мудрея, мужая, — чувствовал надвигающийся, все застилающий мрак.[31] Впервые приближение черного ветра, который он так неожиданно для многих и даже для себя самого уловил, было приближением того жуткого и темного порыва, который охватил нас всех, прочитавших его книгу «Ночные часы».[32] С тех пор ему навстречу шла темнота все большая и большая. Ночь надвигалась на него. Наконец, последний ужасный порыв черного ветра был настолько силен, что загасил его самого. С огромным мужеством, с мужеством отчаяния, Блок выполнил свою задачу. Последний удар он встретил героически. Все безнадежнее и безнадежнее становилась его жизнь, когда-то полная одних надежд.

ВОЛЫНСКИЙ (обращаясь к Н. О. ЛЕРНЕРУ[33]). Николай Осипович, Вы предполагали сделать в Коллегии сообщение о публицистических произведениях Блока.

ЛЕРНЕР. Сообщение это, я думаю, не может быть предметом настоящей интимной беседы. Оно содержит те сведения, которые я предполагаю вместить в специальную статью. Но я позволю себе дополнить Ваши воспоминания о Блоке в связи с поэмою «Двенадцать». Когда поэма эта появилась, она фраппировала всех читателей. Представители господствующих ныне классов были польщены, что самый крупный современный поэт как бы благословил большевистскую политику, да еще благословил дорогим именем — именем Христа. Многие ужаснулись: разбойников ведет Христос. Куда Христос ведет их, Блок не сказал, вероятно потому, что ему самому это было не ясно. Мне часто приходилось беседовать с ним на эту тему, и на меня объяснения Блока производили впечатление не уклончивости, а неясности, которая вообще ему была свойственна. Ведь вся поэзия Блока — поэзия неясных ощущений, недомолвок,

намеков. Несколько месяцев тому назад мы вместе получали в «Доме Ученых» какой-то недоданный нам хлеб. Получивши по куску хлеба, мы вышли в коридор. Видимо, Блок был голоден. Он закусил и сказал: «А все-таки я верю, что впереди русской революции идет Христос». По моей дурной привычке, я ответил шуткой. От спора я уклонился, но закушенный первым русским поэтом ломоть советской кислятины подтвердил мне глубокую искренность Блока. Мне стало понятно, что такой человек никогда не может лгать. Это мое последнее воспоминание о Блоке. Блок умер от болезни довольно странной, и я разделяю общий интерес к последним дням его жизни. Смерть Блока похожа в самом деле на смерть Гоголя, не только по общеисторическим условиям глухого безвременья, но и по самому ее характеру.[34] Блок умер от болезни сердца. Невольно вспоминается при этом смерть другого нашего писателя, Леонида Андреева.[35] Бывают эпохи, когда честные сердца не выдерживают, разбиваются. Так разбилось и сердце Блока. Он смотрел на жизнь с высоты. Мало разбирался он в политике. В политике Блок был, как и подобает истинному поэту, малое дитя. Политика им пользовалась, ею же править он не мог. В душе его уже начинало жить, по-видимому, сознание некоторой сделанной ошибки. Она была сделана не столько в «Двенадцати», сколько в не менее нашумевшей вещи, напечатанной в «Скифах».[36] На смену одряхлевшей Европы, казалось Блоку, идут скифы, вся сила которых лишь в том, что у них нет никаких традиций. Это дает им возможность и даже право стереть с лица земли все старое зло. Но проходили годы. Русская Революция сделалась, можно сказать, нормой русской жизни, бытовым явлением. Она перестала быть революцией, а стала как бы службой, на которую пошел целый народ. Русская Революция стала необыкновенно прозаичною. А скелет Европы, которому Блок предвещал хрустеть в скифских лапах, не хрустит до сих пор.[37] В культурной Европе скифы оказываются побежденными, так и душе Блока в Скифии нечего было делать. Из Скифии бегут. Одни бегут на всепримиряющий и всеобъясняющий Запад, другие бегут в небытие. Туда бежал и Блок. Я думаю, что разочарование в Скифии ускорило его смерть.

ВОЛЫНСКИЙ (предлагает слово поэту Зоргенфрею[38]).

ЗОРГЕНФРЕЙ. Свойство моей памяти таково, что мне трудно восстановить сказанные некогда слова. Но я имею все-таки в виду воссоздать когда-нибудь образ Блока.[39] Это очень трудно сделать. Что же касается последнего времени, то о нем я мог бы говорить только со слов других.

ВОЛЫНСКИЙ (дает слово поэту В. А. РОЖДЕСТВЕНСКОМУ).

РОЖДЕСТВЕНСКИЙ. Я знал Александра Александровича мало, каких-нибудь три года.[40] Но одно время мне приходилось видеться с ним чуть не каждый день. Это было тогда, когда возникал Союз Поэтов. Союзу этому Блок хотел придать настоящий духовный облик. Сейчас не место вступать с кем-либо в полемику. Но все-таки я считаю необходимым указать на то обстоятельство, что Александр Александрович за последнее время резко отошел от всех дел Союза,[41] и мои теперешние воспоминания относятся еще к тому моменту, когда он стоял в центре всех дел этого учреждения. В частности, вспоминаю все то, что Блок говорил как Председатель и Член Приемной Комиссии. Александр Александрович давал отзывы о стихах.[42] Он говорил, что ужас современной поэзии в том, что стихи стали самостоятельной целью.[43] Это запечатлелось в моей памяти потому, что слова его звучали протестом. Мне думается, что все впечатление от «Седого Утра»[44] объясняется под этим углом зрения. У Блока была любовь к поэзии и нелюбовь к стихам. Таков его образ. Таков Блок как поэт.

ВОЛЫНСКИЙ. По-видимому, нет сил продолжать дальше эту беседу. Тема волнует нас. Куда легче думать о Блоке, чем говорить. Таковы именно вещи значительные по своему смыслу и содержанию: для внутреннего нашего Я они ясны, но в передаче другим всегда получается нечто бледное, нечто тусклое. Таково, например, время. Для себя самих мы знаем, что оно такое, но не для других. Такова любовь. Таков любимый человек, особенно же любимый поэт. Что мы можем сейчас сказать о Блоке, какую критическую статью мы могли бы вырвать из себя. Тема все же не будет исчерпана, сколько бы мы ни продолжали нашей беседы. Тема эта полна мотивов, сплетающихся с нашей душою в интимнейших ее глубинах. Хочется поэтому тихо помолчать о Блоке,

с пиэтетом, с бьющимся сердцем, помолчать и подумать о нем в словесной немоте. Мои впечатления от сегодняшней нашей беседы, равно как и впечатления от похорон, в высшей степени отрадны. Блока хоронили прекрасно. Была чистая красота в этих похоронах: символ его жизни сиял в солнечном свету. Какой чудесный был день! Настроение толпы вокруг гроба казалось молитвенным. Панихидные напевы были бесподобны. Над всем кругом реяла поэтическая дымка. Не было ничего крикливого, вызывающего, всплесков выше нормы, выше определенной черты. Превосходные, незабвенные похороны! Все делалось и говорилось гармонически. Кажется мне, что такая гармония удается редко.[45] Был ритуал, проникнутый внутренней прелестью и гипнотизировавший окружающих своими чарами. Так вот и сегодня. Мы говорили недолго. Лично я излагал свои воспоминания с большим внутренним страданием, потому что трудно было отыскать выражения полные и адекватные. Тема уж очень сама по себе поэтическая, вся еще внутренняя. Мы говорили все скромно и тихо, как говорил всегда сам Блок, не поднимая тона, не прибегая к звонким фразам. Хоронили этого человека прекрасно, вспоминали прекрасно, в прекрасной обстановке «Всемирной Литературы», где протекла его деятельность последних лет, деятельность почти ученого редактора и исследователя текстов. Блок приходил здесь в соприкосновение с людьми большой науки и разнообразных знаний. Позвольте же, господа, в последний раз — надеюсь, что это никому не покажется утрировкою — просить Вас почтить память Блока вставанием.

(Все встают. После нескольких секунд глубокого молчания:)

Объявляю заседание закрытым.

[1] Должно быть: «Во блаженном успении вечный покой подаждь, Господи, усопшим рабам Твоим (имярек) и сотвори им вечную память». Волынский модифицирует слова молитвы, цитируя ее буквально в начале своей речи: «Во блаженном успении вечный покой». Далее он обращается к Господу как к причине существования мира и вновь возвращается к словам молитвы, но вместо «сотвори ему вечную память» в его речи звучит «сотвори нетленную славу». Завершается же его речь характерным для 1920-х годов противопоставлением «скорбящего» нынешнего и «ликующего» будущего поколения. Приносим благодарность за это разъяснение Н. В. Рамазановой.

[2] Историк музыки Евгений Максимович Браудо был членом Коллегии Западного отдела практически с основания горьковского издательства. Впоследствии, после эмиграции Б. П. Сильверсвана, стал заведующим Немецким отделом (с осени 1921 года) и пробыл на этом посту до июня 1924 года. Его сменил В. М. Жирмунский (АГ. Ф. А. Н. Тихонова. Оп. 2. Ед. хр. 216. [Л. 1 об.]). С именем Браудо связано издание во «Всемирной литературе» ключевых немецких авторов — И. В. Гете и Э. Т. А. Гофмана, а также сборника статей об экспрессионизме (Экспрессионизм: Сб. статей / Под ред. Е. М. Браудо и Н. Э. Радлова. Пг.; М.: Всемирная литература, 1923). Об авторах-экспрессионистах во «Всемирной литературе» см.: *Чечнёв Я. Д., Савина А. Д.* «Возвращение к первоначальному смыслу слов и есть задача каждого поэта»: неизвестный отзыв Н. С. Гумилева о поэзии Рене Шикеле // Вестник Томского гос. ун-та. 2022. № 475. С. 46–52.

[3] Ср.: «В начале болезни к нему (Блоку. — *А. С., Я. Ч.*) еще кой-кого пускали. У него побывали Е. П. Иванов, Л. А. Дельмас, но эти посещения так утомили больного, что решено было никого больше не принимать, да и сам он никого не хотел видеть. Один С. М. Алянский имел счастливое свойство действовать на Ал. Ал. успокоительно, и потому доктор позволял ему иногда навещать больного. Остальные друзья лишь справлялись о здоровье Ал. Ал.», — писала М. А. Бекетова в первой биографии поэта (цит. по: *Бекетова М. А.* Александр Блок. Биографический очерк // Бекетова М. А. Воспоминания об Александре Блоке / Сост. В. П. Енишерлова и С. С. Лесневского; послесловие А. В. Лаврова; прим. Н. А. Богомолова. М., 1990. С. 196).

[4] О нежелании Блока эмигрировать свидетельствуют многие мемуаристы. Н. А. Павлович вспоминала: «Он (Блок — *А. С., Я. Ч.*) говорил мне в одну из очень мрачных своих минут осенью 1920 года, когда речь зашла о Мережковских и других эмигрантах: „Я могу пройти незаметно по любому лесу, слиться с камнем, с травой. Я мог бы бежать. Но я никогда не бросил бы России. Только здесь и жить и умереть“» (*Павлович Н. А.* Воспоминания об Александре Блоке // Прометей: Историко-биографический альманах серии «Жизнь замечательных людей». М., 1977. № 11. С. 252).

[5] Разрешение Советского правительства на выезд за границу на лечение Блок получил 23 июля 1921 года. Вопрос осложнялся тем, что Л. Д. Блок, которой предстояло сопровождать поэта, к тому моменту не имела пропуска. 1 августа она обращается к Горькому с просьбой ускорить процесс. 6 августа разрешение для нее было готово, однако потребовались заграничные паспорта, за которыми Е. Ф. Книпович собиралась поехать в Москву 7-го августа. Позвонив

с вокзала Л. Д. Блок, она узнала о смерти поэта (см.: Переписка Ленина и Луначарского. Письма и документы (1917–1922 гг.) // Лит. наследство. 1971. Т. 80. С. 292–294; *Дикушина Н. И.* Из материалов Архива А. М. Горького. С. 264–268; Об участии А. М. Горького в судьбе Блока в последние дни жизни поэта / Публ. А. М. Крюковой // Александр Блок. Исследования и материалы. Л., 1987. С. 274–277; «Он будет писать стихи против нас». Правда о болезни и смерти Александра Блока / Публ. В. Шепелева и В. Любимова // Источник. Приложение к российскому историко-публицистическому журналу «Родина». 1995. № 2. С. 33–45).

[6] Состоявшееся 14 июня 1918 года и отмеченное в записной книжке Блока знакомство с С. М. Алянским быстро переросло в деловые и дружеские отношения. С 1918 года Блок преимущественно печатался в основанном Алянским книгоиздательстве «Алконост». Обращение Волынского вызвано тем, что издатель был единственным посетителем Блока в последние месяцы жизни (см. вступ. статью и прим. 3). О сотрудничестве Блока в «Алконосте» см., например: *Чернов И. А.* А. Блок и книгоиздательство «Алконост» // Блоковский сборник <I>: Труды науч. конф., посвященной изучению жизни и творчества А. А. Блока, май 1962 г. Тарту, 1964. С. 530–538; *От редакции* [Динерштейн Е. А.]. Луначарский, Блок и «Алконост» // Вопросы литературы. 1969. № 6. С. 248–249; *Белов С. В.* Блок и первые послереволюционные издательства («М. и С. Сабашниковы», «Алконост») // Лит. наследство. Т. 92. Кн. 4. С. 713–724; *Иванова Е. В.* Александр Блок: последние годы жизни. С. 370–379; *Федотова С. В.* «Мошенником меня еще никто не считал...»: письма С. М. Алянского к Л. Д. Блок (1922–1924) // Литературный факт. 2020. № 4 (18). С. 109–151.

[7] «Цельную картину» С. М. Алянский много позднее дал в мемуарной книге (*Алянский С. М.* Встречи с Александром Блоком. М., 1972).

[8] О подобных слухах свидетельствует, например, воспоминание В. Ходасевича: «<...> В ночь с 3 на 4 августа 1921 г. (со вторника на среду) был арестован Гумилев, о чем я узнал поутру, а в три часа дня ко мне прибежала поэтесса Надежда Павлович и сообщила, что у Блока началась агония <...> Павлович под строгою тайной сообщила мне, что „Блок сошел с ума“ (ее точное выражение)» (*Ходасевич В. Ф.* Три письма Андрея Белого // Современные записки (Париж). 1934. Т. 55. С. 256–257). Представление о слухах, ходивших в Петрограде, дают и записи Андрея Белого: «Блок, очевидно, в бессознательном состоянии очень страдал: в беспамятстве он все кричал: „Боже мой, Боже мой“ — так громко, что в соседней квартире слышали» (16 августа); «Александра Андреевна (Кублицкая-Пиоттух. — *А. С., Я. Ч.*) передавала, что когда Блок был уже в забытьи, он вдруг сказал: „А у нас в доме «столько-то» (не помню цифры) социалистических книг; их — сжечь, сжечь!“» (18 августа); «М. В. Сабашникова рассказывала, что Блок незадолго до смерти в бессознательном состоянии все твердил: „Ну вот — начали колоть мебель: вот и поедем!“» (19 августа; *Белый А.* Дневники. К материалам о Блоке. С. 453, 456, 457).

[9] В своих мемуарах Алянский подробно рассказывает о том, как Блок разбирал книжный шкаф и приводил в порядок архив (*Алянский С. М.* Встречи с Александром Блоком. С. 139–152).

[10] В письме К. И. Чуковскому Е. Ф. Книпович сообщала: «Болезнь развивалась как-то скачками, бывали периоды улучшения, в начале июня стало казаться, что он поправляется. <...> Он не мог уловить и продумать ни одной мысли, а сердце причиняло все время ужасные страдания, он все время задыхался» (*Книпович Е. Ф.* Об Александре Блоке: Воспоминания. Дневники. Комментарии. М., 1987. С. 60).

[11] Слух о смерти Блока от недоедания (быстро ставший популярным в эмиграции) требовал разъяснений, так как включался в политический контекст, соединяясь с вопросом о том, был ли поэт «сторонником» или «жертвой советского режима» (*Бакунцев А. В.* «В газетах — Блок, Блок, Блок...»: Отклик И. А. Бунина на смерть А. А. Блока. С. 105). С другой стороны, вопросы Волынского связаны с тем, что сам он, как и Блок (по воспоминаниям Ю. Анненкова), был плохим «пайковцем» (см.: *Толстая Е. Д.* Бедный рыцарь. Интеллектуальное странствие Акима Волынского. М.; Иерусалим, 2013. С. 428–429).

[12] В начале июля 1921 года Л. Д. Блок писала А. А. Кублицкой-Пиоттух: «Иногда он (Блок. — *А. С., Я. Ч.*) ест с удовольствием и много, очень разбирает еду, иногда один бульон, яйца, кисель. Готовится ему все только „по-прежнему“, по „старому режиму“ <...> Булки тоже „настоящие“ из кофейни. <...> денежные дела неважны — много разочарований <...> Платит Алянский, продаем опять книги и хлам, пока хватает совершенно, но нет того избытка, кот<орого> ожидали для переезда на друг<ую> квартиру, устройства там более или менее комфортабельно и т. д. А переезд необходим не только для меня, особенно для Саши: и ближе ко всему, и удобнее дома. <...> из-за денег я и не начинаю уже сейчас поисков квартиры, в которых поможет и Алянский, и другие» (Блок в неизданной переписке и дневниках современников / Публ. Н. В. Котрелева и Р. Д. Тименчика // Лит. наследство. Т. 92. Кн. 3. С. 527).

[13] Именно так обозначено название издательства на обложке и титульном листе первой книги «Алконоста» — «Соловьиный сад».

[14] О хлопотах Волынский знал не понаслышке: в июне 1921 года В. И. Ленину было направлено письмо от правления Петроградского отделения Всероссийского союза писателей с просьбой

«безотлагательно выдать А. А. Блоку и его жене разрешение на выезд в Финляндию». Волынский подписал письмо как председатель правления (см.: «Он будет писать стихи против нас». Правда о болезни и смерти Александра Блока. С. 36). О разрешении на выезд активно хлопотали А. М. Горький и А. В. Луначарский (см. библиографию в прим. 5).

[15] Ср. строки из письма Л. Д. Блок Горькому (от 21 июня 1921 года): «Что же касается прошения о выдаче паспорта с опросным листом, который я должна была Вам доставить заполненным Ал. Ал., — его мне не удалось приготовить к сегодняшнему дню. Я натолкнулась на болезненное, происходящее от той глубокой и мучительной полосы неврастении, которая сейчас подавляет Ал. Ал., нежелание ничего предпринимать для своего спасения и неверие в осуществимость его. Тем не менее доктору и мне он обещал, в случае если другие откроют ему возможности выздоровления, — ими воспользоваться. Т. е. если Вы достанете согласие в Москве на его выезд, он сделает все необходимое и выполнит все формальности» (*Дикушина Н. И.* Из материалов Архива А. М. Горького. С. 264). 3 августа анкету заполнила Л. Д. Блок (Там же. С. 267–268). В мемуарах Алянский писал: «О поездке для лечения за границу велись разговоры и раньше, когда Блок был еще на ногах, но Александр Александрович все время решительно отказывался что-нибудь предпринимать для этого. Он не видел большой разницы между эмигрантством, которое ненавидел, и поездкой для лечения. / Теперь, когда состояние Блока ухудшилось и организм его ослаб, ослабло и сопротивление поэта. Теперь он уже соглашался на поездку, но просил только, чтобы это было не дальше Финляндии» (*Алянский С. М.* Встречи с Александром Блоком. С. 146–147).

[16] Блок и Чулков были знакомы с 1904 года. Об истории их непростых взаимоотношений см.: Переписка Г. И. Чулкова с Блоком / Вступ. статья, публ. и комм. А. В. Лаврова // Лит. наследство. Т. 92. Кн. 4. С. 370–422; *Михайлова М. В.* Пристрастный летописец эпохи // Чулков Г. И. Годы странствий / Вступ. статья, сост. и комм. М. В. Михайловой. М., 1999. С. 13–18.

[17] Ср. запись в дневнике Белого от 20 августа: «Жить он (Блок. — *А. С., Я. Ч.*) не хотел и, повидимому, к смерти готовился: что-то записывал и приводил в порядок бумаги; в феврале этого (21-го) года он, показывая какую-то бумажку Книпович, сказал ей: „Видите, готовлюсь к смерти“. В бытность свою в Москве Алянский слышал, как в разговоре с Чулковым он сказал, что ничего не имеет против смерти» (*Белый А.* Дневники. К материалам о Блоке. С. 459). В статье, написанной после ухода Блока из жизни, Г. И. Чулков отмечал: «...в последний раз, когда Александр Александрович был в Москве, мы успели поговорить, и он был откровенен, как прежде, как в те года, когда мы были друг другу нечужды» (*Чулков Г. И.* Памяти Александра Александровича Блока // Чулков Г. И. Наши спутники. М., 1922. С. 88). Ни в этих, ни в более поздних воспоминаниях (*Чулков Г. И.* 1) Александр Блок и его время // Письма Александра Блока. Л., 1925; 2) Годы странствий. М., 1930) не отражен приведенный Алянским разговор. Ответы Алянского, по всей видимости, стали одним из источников для статьи Голлербаха, ср.: «Все яснее в нем обозначилась воля к смерти, все слабее становилась воля к жизни. Он избегал говорить о своих настроениях, но иногда они прорывались наружу помимо его воли. Так было однажды, в разговоре с Г. М. (так!) Чулковым, который рассказывал Блоку о своих литературных планах и начинаниях. Блок слушал внимательно, но без всякого интереса, и вдруг прервал рассказчика вопросом: „Георгий Иванович, вы хотели бы умереть?“ Чулков ответил не то „нет“, не то „не знаю“. Блок сказал: „а я очень хочу“. Это „хочу“ было в нем так сильно, что люди, близко наблюдавшие поэта в последние месяцы его жизни, утверждают, что Блок умер оттого, что хотел умереть. Возможность уехать за границу уже не прельщала его. Дадут разрешение или не дадут — стало ему все равно. Мир казался ему страшным... <...> Незадолго до смерти сознание Блока помутилось, он составлял какой-то фантастический каталог своей библиотеки, говорил несвязно и отрывочно» (*Голлербах Э. Ф.* Образ Блока. Воспоминания, впечатления, наброски. С. 294–295).

[18] Ср. с записью Белого от 8 августа: «Что касается трудности для Блока дышать российским воздухом, то, по свидетельству всех лиц, видавших его за 2½ месяца его болезни, — он говорил, что не мог бы выйти даже на улицы Петрограда: не вынес бы чисто внешнего вида теперешней жизни: так резко в нем обострилось за последние месяцы (и даже более году уже длилось это настроение) отношение к нашей действительности» (*Белый А.* Дневники. К материалам о Блоке. С. 450).

[19] То есть до августа 1919 года. Сначала издательство помещалось в бывшей конторе горьковской «Новой жизни» — на Невском проспекте, 64. Со второй половины августа 1919 года заседания «Всемирной литературы» проводились на Моховой улице, 36.

[20] Вероятно, в разговоре звучали отголоски горячих дискуссий, вызванных докладами Блока «Гейне в России» и «Крушение гуманизма», прочитанными на заседаниях соответственно 25 марта и 9 апреля 1919 года. Волынский оказался одним из главных оппонентов Блока, заявившего о «кризисе гуманизма» (подробнее см.: *Иванова Е. В.* Александр Блок: последние годы жизни. С. 293–311).

[21] Если сопоставлять Христа и Антихриста (хотя напрямую о нем не говорится) из эссе Ницше «Антихристианин. Опыт критики христианства» (первое изд. — СПб., 1907; пер. В. А. Флеровой, под ред. А. Я. Ефименко), то их можно отождествить по следующим пунктам: отрицание

церкви (у Христа иудейской, у Антихриста христианской), «инстинкт ненависти» к реальному миру (Христос рассматривается Ницше как отрицатель и уничтожитель жизни, «нигилист», «декадент», «космополит», «социалист» и «анархист»), преступность Христа (с точки зрения римских законов и иудейской веры) и Антихриста (с точки зрения христианской церкви), любовь ко злу (Христос через непротивление злу и всеобщей заповеди любви тем самым заповедовал и любовь к грешникам, совершающим зло). Вместе с тем Ницше обращает внимание на существование двух Христов, церковного и сконструированного Апостолом Павлом. Первый предстает как аналог Будды, «растворивший» мир и Божественное начало в человеке и ничего не говоривший про личное спасение (он, по Ницше, и сам не личность), второй — вариант «для масс», здесь центральным мотивом христианской проповеди становится мотив мести за несправедливость и мирское неравенство, а также появляется концепт личного спасения «больной» личности и воздаяния за грехи в ином мире. Второй Христос, Христос Павла, содержит в себе антихристианское начало. Таким образом, А. Л. Волынский, говоря о «шумной фразеологии» Ницше, не учел направленности филиппики немецкого философа на конкретного, павловского, Христа. Приносим благодарность за это разъяснение Я. И. Арову.

[22] См. прим. 18.

[23] По всей видимости, речь идет о забастовках рабочих, которые на фоне продовольственного кризиса начались в Петрограде в феврале 1921 года. В это же время растет недовольство в Кронштадте, вылившееся в Кронштадтское восстание (28 февраля — 18 марта). 25 февраля из-за волнений на заводах и фабриках в городе было введено военное положение, 3 марта в связи с кронштадтскими событиями в Петрограде и Петроградской губернии было объявлено осадное положение. Ср. ретроспективную запись в дневнике Блока: «3 марта объявили „осадное положение“, потом скоро — „военное“. От канонады дребезжали стекла. 24-го открыли театры» (*Блок А.* Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1963. Т. 7. С. 421).

[24] Этот разговор Волынский ранее передавал Андрею Белому, см. запись последнего: «...Волынский, с которым я видался, мне говорил, что он имел много разговоров о 12-ти с Блоком; между прочим: когда заговорили о Христе («в венчике Христос»), то Блок сказал: „Ах, оставьте: не говорите!“» (*Белый А.* Дневники. К материалам о Блоке. С. 460). Появившийся в финале поэмы Христос оставался объектом рефлексии Волынского и позднее. Как свидетельствует полный сарказма отзыв Голлербаха, на собрании памяти Блока, устроенном в Доме литераторов в годовщину смерти поэта, А. Л. Волынский говорил «о Христе, исключительно и единственно о Христе», стараясь «высвободить „исторического Христа“ из-под „мусора“ и „мишуры“ мифотворчества и ортодоксии» (*Голлербах Э. Ф.* Поминки Блока (Из петербургских впечатлений) // Накануне. 1922. 1 сент. № 122. С. 2). Также см.: *Котельников В. А.* Русский Агасфер: Аким Волынский как мыслитель и критик культуры. СПб., 2023. С. 287–288, 292–295.

[25] Созданная 1 апреля 1920 года блоковская «Записка о „Двенадцати“» была публично прочитана Андреем Белым на заседании Вольной философской ассоциации 28 августа 1921 года и опубликована в составе его речи в сборнике: Памяти Александра Блока. Андрей Белый. Иванов-Разумник. А. З. Штейнберг. Пб., 1922. С. 30–32.

[26] Блок познакомился с Вл. Пястом (В. В. Пестовским) в 1905 году. Как отмечает З. Г. Минц, «их отношения за 16 лет проделали весьма знаменательную эволюцию, включавшую периоды и большой духовной близости, и охлаждений, и разрывов» (Переписка с Вл. Пястом / Вступ. статья, публ. и комм. З. Г. Минц // Лит. наследство. Т. 92. Кн. 2. С. 176). В 1918 году, не приняв поэму «Двенадцать», Пяст порвал отношения с Блоком — примирение произошло только в 1921 году благодаря стараниям Н. А. Павлович. Тем не менее в эти годы Блок с Пястом неоднократно виделись, в том числе и в редакции «Всемирной литературы». Как свидетельствуют протоколы, Пяст подготовил для горьковского издательства переводы швейцарской писательницы И. Эбергард (АГ. КГ-изд. 4-4-22. Л. 6) и Лопе де Веги (АГ. Ф. А. Н. Тихонова. Оп. 2. Ед. хр. 149. [Л. 1]). Однако во «Всемирной литературе» эти переводы не вышли. После смерти Блока Пяст печатал заметки о поэте в различных периодических изданиях (одна из самых ранних публикаций: *Пяст Вл.* Умер Блок // Жизнь искусства. Тематическое приложение «Памяти Блока». 1921. 16–21 авг. № 804. [С. 6]), позднее появились его мемуарные книги: *Пяст Вл.* 1) Воспоминания о Блоке. Письма Блока. Пг., 1923; 2) Встречи. М., 1929.

[27] Д. Е. Максимов отмечал, что «среди друзей Блока не было ни одного, которого бы поэт *любил* с такой нежностью и постоянством, как Евгения Павловича» (*Максимов Д. Е.* Александр Блок и Евгений Иванов // Блоковский сборник <I>. С. 344). См. также: Александр Блок в дневнике Е. П. Иванова (1903–1941) / Подг. текста, вступ. статья и комм. О. Л. Фетисенко // Александр Блок: Исследования и материалы. СПб., 2011. Т. 4. С. 311–436; Александр Блок и Евгений Иванов: В 2 кн. / Отв. ред., сост., вступ. статья, подг. текста и комм. О. Л. Фетисенко. СПб., 2017.

[28] Вероятно, об этом посещении Блок писал матери 28 мая 1921 года: «Третьего дня приходил Женя Иванов. Я почти не говорил с ним, потому что плохо себя чувствовал» (*Блок А.* Собр. соч. Т. 8. С. 538). По свидетельству Н. А. Павлович, «в начале болезни был еще у них Евгений Павлович Иванов. Блок рассказывал ему, что в начале июня ему страшно захотелось к морю,

в Стрельну. Ходил он тогда уже с трудом: взял палку и кое-как добрел до трамвая. У моря было очень хорошо и тихо в тот день. Он долго так сидел один. „А вернулся — и слег“, — сказал Александр Александрович. Последнее свидание двух друзей было недолгим. Евгений Павлович добавил: „Саша тогда прощался со всем, что любил“» (*Павлович Н. А.* Воспоминания об Александре Блоке. С. 251).

[29] А. А. Кублицкая-Пиоттух была вызвана доктором Пекелисом в Петербург, по свидетельству М. А. Бекетовой, «за четыре дня до смерти сына» (*Бекетова М. А.* Александр Блок. Биографический очерк. С. 200).

[30] Лозинского и Блока связывала тонкая генеалогическая цепочка. Дядя Михаила Леонидовича Евгений Яковлевич был женат на Фелиции-Валерии Феликсовне Кублицкой-Пиоттух, сестре Франца Феликсовича, отчима Блока. Подробнее см. черновой набросок письма Г. П. Блоку: «Я, петербуржец». Переписка А. А. Блока и М. Л. Лозинского / Предисловие, публ. и комм. А. Лаврова и Р. Тименчика // Литературное обозрение. 1986. № 7. С. 109. Генеалогическое древо Лозинских см.: *Толстой И.* Внутри расколотой семьи. Лозинские в письмах и домашних воспоминаниях // Connaisseur. Книги, архивы, графика, театр: историко-культурный альманах. Новое о старом. Прага, 2022. № 3. У нас в Ленинграде. Полутом 1 / Сост. и ред. И. Толстой. С. 250–251. О детских играх Блока с Лозинскими вспоминает Ф. А. Кублицкий-Пиоттух: «В сущности говоря, у Саши в детстве и ранней молодости не было настоящих близких товарищей. В детстве друзьями игр были мы, двоюродные братья, и другие родственники нашего возраста (Лозинские, Недзвецкие)» (цит. по: Письма Блока к А. А., С. А. и Ф. А. Кублицким-Пиоттух / Вступ. статья, публ. и комм. В. П. Енишерлова // Лит. наследство. Т. 92. Кн. 4. С. 339).

[31] Ср. с известным признанием Блока в письме к Андрею Белому, в котором он охарактеризовал свой «путь» как «трилогию вочеловечения»: «...от мгновения слишком яркого света — через необходимый болотистый лес — к отчаянью, проклятию, „возмездию“ и... — к рождению человека „общественного“, художника, мужественно глядящего в лицо миру...» (Андрей Белый и Александр Блок. Переписка. 1903–1919 / Публ., предисловия и комм. А. В. Лаврова. М., 2001. С. 406; письмо от 6 июня 1911 года).

[32] «Ночные часы» — четвертый поэтический сборник Блока, вышедший в издательстве «Мусагет» в 1911 году. Большая часть стихотворений из этой книги вошла в третий том «Собрания стихотворений» Блока (см. комм.: *Блок А. А.* Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М., 1997. Т. 3. С. 561–977).

[33] Литературовед, пушкинист Николай Осипович Лернер входил в состав редакционной коллегии «Всемирной литературы». Отредактировал переводы романов Р. Ролана «Кола Бреньон» (Пб.: Государственное издательство, 1922; пер. М. Елагиной) и А. Струга «Деньги» (Пб.; М.: Государственное издательство, 1923; пер. Е. Гонзаго). Написал предисловия и выступил редактором произведений П.-Ж. Беранже и Ж. Ромена. Также был одним из рецензентов произведений М. Пруста, романы которого планировалось издать (подробнее см.: *Любимова М. Ю., Чеснёв Я. Д.* Издательство «Всемирная литература» в творческом дискурсе Е. И. Замятина // Русская литература. 2022. № 4. С. 206–217).

[34] 20 февраля 1852 года консилиум врачей поставил Гоголю диагноз менингит. В. С. Аксакова сообщала М. Г. Карташевской, что о писателе распустили слух, будто он сошел с ума. Появлению подобного рода кривотолков способствовало поведение самого Гоголя (отказ от лечения и пищи), история болезни которого была рассказана многочисленному собранию в доме графа А. П. Толстого доктором А. И. Овером (см.: *Виноградов И. А.* Летопись жизни и творчества Н. В. Гоголя (1809–1852). Научное издание: В 7 т. М., 2018. Т. 7. 1851–1852. С. 322–323).

[35] Андреев, как отмечал его лечащий врач Г. И. Прибытков, страдал от неврастении: «...я заключаю, что Леонид Николаевич Андреев страдает тяжелой нейрастенией [неврастенией] на почве дегенеративного предрасположения, что, в сущности, болезнь его следует считать неизлечимой и что всякие психические и нервные потрясения для него, безусловно, не только вредны, но и опасны» (*Уайт Ф.* «Тайная жизнь» Леонида Андреева: история болезни // Вопросы литературы. 2005. № 1. С. 323). Скончался писатель от кровоизлияния в мозг (см.: *Куприна-Иорданская М. К.* Эмиграция и смерть Леонида Андреева: Воспоминания. [Нью-Йорк, 1920]. Ч. 4).

[36] Судя по продолжению речи, Лернер имеет в виду стихотворение «Скифы», написанное Блоком 29–30 января 1918 года и впервые опубликованное в левоэсеровской газете «Знамя труда» (*Блок А.* Скифы // Знамя труда. 1918. 20 (7) февр. № 137. С. 4). В этой же газете опубликованы статья Блока «Интеллигенция и революция» (1918. 19 янв. (1 февр.). № 122. С. 2–3) и поэма «Двенадцать» (1918. 3 марта (18 февр.). № 147. С. 2). Редактором литературного отдела был один из идеологов «скифства» — критик Иванов-Разумник (Р. В. Иванов). Стихотворение Блока написано во время сближения поэта с литературной группировкой «Скифы» и должно было появиться в третьем выпуске одноименного сборника, который, однако, не состоялся (первые два вышли в 1917–1918 годах). Как пишет современный исследователь, «„Скифы“ Блока во многом перекликаются с декларацией, открывающей первый сборник „Скифы“, где скифов, олицетворение здорового варварства, носителей мятежного максимализма, жажды жизни противопоставляют

больной, склеротической Европе. Именно это стихотворение подтверждало для современников солидарность Блока с указанной группой писателей» (*Блок А. А.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 5. С. 472). Этим и объясняется ошибка Лернера.

[37] Речь идет о строках: «Виновны ль мы, коль хрустнет ваш скелет / В тяжелых, нежных наших лапах» (Там же. Т. 5. С. 79).

[38] Вильгельм Александрович Зоргенфрей был переводчиком и редактором «Всемирной литературы». Для горьковского издательства он подготовил 8 книг. Перевел драму австрийского поэта Ф. Верфеля (Пб.; М.: Государственное издательство, 1922), четыре новеллы К. Штернгейма (Пб.; М.: Государственное издательство, 1923), отредактировал поэму Г. Гауптмана «Зимняя баллада» (Пб.; М.: Государственное издательство, 1923), пьесы Г. фон Клейста для первого (Пг.; М.: Государственное издательство, 1923; пер. Б. Пастернака и А. И. Оношкович-Яцыны) и второго (Пг.; М.: Государственное издательство, 1923; пер. Ф. Сологуба и А. Н. Чеботаревской) томов собрания сочинений писателя. Также помогал Блоку в работе над «Путевыми картинами» Гейне. Зоргенфрей перевел, написал предисловия и примечания к «Сиду» И. Г. Гердера (Пг.: Всемирная литература, 1922) — обработке романсов об испанском национальном герое. 14 января 1921 года заведующий Немецким отделом издательства Б. П. Сильверсван представил отзыв о подготовленной книге с замечаниями. В результате редактору тома — Гумилеву — было поручено «внести в перевод все необходимые исправления» (АГ. Ф. А. Н. Тихонова. Оп. 2. Ед. хр. 11. [Л. 1]). Во «Всемирной литературе» предполагалось издание сочинений немецкого поэта и драматурга Л. Уланда (не осуществилось). Инициатором выступал Гумилев. В качестве редактора предлагалась кандидатура Зоргенфрея (АГ. Ф. А. Н. Тихонова. Оп. 2. Ед. хр. 8. [Л. 1 об.]). На этом его работа в издательстве не исчерпывается. Зоргенфрей подготовил и другие переводы, например пьесу «австрийского Гете» Ф. Грильпарцера «Либуша» (1844), которая была издана в итоге не «Всемирной литературой», а Театральным отделом Наркомпросса (*Грильпарцер Ф.* Любуша: Трагедия в 5 д. / Пер. и предисловие В. Зоргенфрея. Пг.: Театральный отд. Нар. ком. по просвещению, 1919). См. также: *Гречишкин С. С., Лавров А. В.* Из эпистолярного наследия Александра Блока. Письма к В. А. Зоргенфрею. С. 304–307.

[39] «Образ Блока» был воссоздан в развернутой статье, датированной 11 декабря 1921 года (*Зоргенфрей В. А.* Александр Александрович Блок (По памяти за пятнадцать лет: 1906–1921 гг.) // Записки мечтателей. 1922. № 6. С. 123–154). «*Чище, глубже* Вас никто еще не писал о Саше, дорогой Вильгельм Александрович (только что прочла). Весь облик встает перед глазами», — признавалась автору А. А. Кублицкая-Пиоттух (*Васильева И. М.* Из архива В. А. Зоргенфрея // Лит. наследство. Т. 92. Кн. 4. С. 569). Ранее в «Записках мечтателей» был помещен некролог поэту (*Зоргенфрей В.* Блок // Записки мечтателей. 1922. № 5. С. 23–27). По воспоминаниям Зоргенфрея, в последний раз он видел Блока 27 апреля 1921 года, «во вторник, в редакции „Всемирной литературы“» (*Зоргенфрей В. А.* Александр Александрович Блок. С. 123). По-видимому, встреча произошла 26 апреля. В протоколе заседания редакционной коллегии от этой даты не указан состав участников, среди выступающих имя Блока не возникает. Обсуждался перевод «Девяносто третьего года» Гюго в переводе Е. М. Шишмаревой (АГ. КГ-изд. 4-4-15. [Л. 1]).

[40] С 1919 по 1921 год В. А. Рождественский не только помогал Блоку в работе в Петроградском отделении Всероссийского союза поэтов (подробнее см.: *Кукушкина Т. А.* Всероссийский Союз писателей (Петроградское отделение). Период становления. 1920–1923 гг. Дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2008), но и в издательстве «Всемирная литература». Так, известно, что Рождественский работал над переводом стихотворных вставок в прозаических произведениях Гейне. В протоколах издательства сохранился отзыв заведующего редакцией А. Н. Тихонова (АГ. КГ-изд. 4-4-6. Л. 4). Также Рождественский перевел песнь первую, третью, четвертую, пятую, шестую, седьмую и отдельную балладу «Робин Гуд выручает Виля Статли» для книги «Баллады о Робин Гуде» (Пб.: Всемирная литература, 1919), редактором которой выступил Гумилев. В рабочих записях Лозинского сохранились упоминания о редактировании 8 переводов стихотворений, выполненных Рождественским для несостоявшегося издания поэтических произведений В. Гюго (РНБ. Ф. 1437 (Л. М. Лозинский). Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 19–20). Кроме того, Рождественский участвовал в коллективном переводе «Дон Жуана» Байрона. М. Л. Гаспаров опубликовал сохранившиеся отрывки переводов, выполненных Гумилевым, Г. В. Адамовичем и М. А. Кузминым (*Гаспаров М. Л.* Неизвестные русские переводы байроновского «Дон Жуана» // Великий романтик: Байрон и мировая литература. М., 1991. С. 211–221). На заседании редакционной коллегии «Всемирной литературы» 2 мая 1922 года обсуждался другой состав переводчиков. А. Н. Тихонов предлагал разделить работу «между Г. В. Адамовичем, В. А. Рождественским и Г. В. Ивановым, или же взять старый перевод Козлова» (АГ. Ф. А. Н. Тихонова. Оп. 2. Ед. хр. 115. [Л. 1]). 9 мая Замятин, которому поручили сравнить перевод Адамовича и Козлова, отметил, что лучше взять последний, поскольку коллективный перевод может «выйти слишком пестрым» (Там же. Ед. хр. 116. [Л. 1]).

[41] Блок вышел из Петроградского отделения Союза поэтов из-за эстетических разногласий с Гумилевым. Рождественский описал конфликт в Союзе в своем мемуарном очерке: *Рожде-*

ственский В. А. Как это начиналось. Листки воспоминаний // День поэзии. Ленинград. 1966. Л., 1966. С. 87–90. См. также: *Кукушкина Т. А.* Всероссийский союз поэтов Ленинградское отделение (1924–1929). Обзор деятельности // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2003–2004 годы. СПб., 2007. С. 84–85; *Устинов А. Б.* Александр Блок и Николай Гумилев в петроградском Союзе поэтов // Rhema. Рема. 2020. № 2. С. 18–59.

[42] Впервые опубл.: Блок и Союз поэтов. I. Блок в архиве Вс. А. Рождественского / Предисловие и публ. М. В. Рождественской; комм. Р. Д. Тименчика // Лит. наследство. Т. 92. Кн. 4. С. 684–694; Блок и Союз поэтов. II. Отзывы, сохранившиеся в других архивах / Публ. Р. Д. Тименчика // Там же. С. 694–695.

[43] Намек на разногласия с Гумилевым, который полагал, что поэтическому мастерству можно обучить, и, как известно, активно учил всех желающих в многочисленных кружках и студиях Петрограда (см.: Николай Гумилев — учитель поэзии / Публ. Ю. В. Зобнина // Н. Гумилев, А. Ахматова: По материалам историко-литературной коллекции П. Лукницкого. СПб., 2005. С. 69–90). В своих мемуарах Рождественский подчеркивает нелюбовь Блока к «формализму» и описывает его споры с Гумилевым (*Рождественский В. А.* Александр Блок // Рождественский В. А. Страницы жизни. Из литературных воспоминаний. М.; Л., 1962. С. 218–244; впервые: Звезда. 1945. № 3. С. 107–115).

[44] Последний прижизненный сборник Блока. Вышел 23 октября 1920 года в издательстве «Алконост» (Дарственные надписи Блока на книгах и фотографиях / Материалы собр. Н. П. Ильиным и А. Е. Парнисом; вступ. статья и публ. В. Я. Мордерер и А. Е. Парниса; комм. Ю. М. Гельперина, В. Я. Мордерер, А. Е. Парниса, Р. Д. Тименчика // Лит. наследство. Т. 92. Кн. 3. С. 147). Как подчеркивает комментатор, стихотворения, составившие сборник, уже были в «третьем томе», сверстанном в 1918 году в издательстве «Земля» (см.: *Блок А. А.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 3. С. 567).

[45] Похороны Блока описаны в дневниках и мемуарах многих современников поэта. Очень близкое к впечатлению Волынского восприятие отразилось в биографии Блока, написанной М. А. Бекетовой: «Похороны были прекрасные во всех отношениях: торжественные, красивые и благоговейные» (*Бекетова М. А.* Александр Блок. Биографический очерк. С. 201).

DOI: 10.31860/0131-6095-2023-3-195-209

© Г. В. Куницын, © Д. К. Поливанова, © К. М. Поливанов

ТЕМЫ И ВАРИАЦИИ КНИГИ БЫТИЯ: К ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЦИКЛА Б. Л. ПАСТЕРНАКА «НЕСКУЧНЫЙ САД»

В настоящей статье мы хотим предложить интерпретацию первых шести стихотворений, открывающих вторую часть или последний «большой» цикл четвертой книги стихов Бориса Пастернака «Темы и вариации». Эта часть носит общее заглавие «Нескучный сад» и состоит из четырех циклов (или подциклов) по пять стихотворений: «Зимнее утро», «Весна», «Сон в летнюю ночь» и «Осень» (перед последним помещаются также программное стихотворение «Поэзия» и цикл «Два письма»). Интересующие нас тексты стоят перед «календарными» циклами и оказываются, таким образом, своего рода вступлением ко всему «макроциклу» «Нескучный сад». Они составляют, как мы постараемся показать, первый и вступительный цикл ко всей второй части стихотворной книги.

Вступительная, обобщающая роль цикла определяется уже тем, что название, предпосланное всей части, «Нескучный сад» обыгрывается в его первом стихотворении, в котором хорошо известный московский сад, расположенный вдоль набережной Москвы-реки («от набережной до ворот»), становится составляющей развернутого сравнения. Возможно, все тот же сад или его дальний край, примыкающий к Воробьевым горам, может угадываться и в третьем стихотворении, «Орешник». При этом обращение героя с упреками-предупрежденьями к возлюбленной в, надо полагать, комнатном пространстве, во втором, равно как и достаточно условный лес в четвертом или воспоминание о много лет назад завершившемся летнем дачном сезоне в пятом, не

имеют прямого географического отношения к Нескучному. Последнее же стихотворение, «Да будет», также не имея привязки к саду, тем не менее, заключает цикл и выступает своеобразным прологом-обобщением тем любви, творчества и природного мира, которые будут присутствовать во всех календарных подциклах.

Казалось бы, шесть стихотворений тематически (или сюжетно) не связываются в цикл, однако нам представляется, что их объединяют не только общие для всей книги образы и мотивы, связанные с творчеством, природой и любовью, но и насыщенность библейскими ассоциациями, относящимися, главным образом, к самому началу Книги Бытия. Рискнем предложить гипотезу, что среди прочих вариаций на темы и сюжеты Гете, Шекспира, Пушкина, а также, как нам доводилось показывать, Чайковского[1] и Шопена,[2] в этих шести стихотворениях мы сталкиваемся с вариациями на Творчество главного Творца (сотворение мира, Эдемский сад, создание Евы, срывание плода с древа, изгнание из рая и др.).

1. Нескучный

Как всякий факт на всяком бланке,
Так все дознанья хороши
О вакханалиях изнанки
Нескучного любой души.

Он тоже — сад. В нем тоже — скучен
Набор уставших цвесть пород.
Он тоже, как и сад, — Нескучен
От набережной до ворот.

И, окуная парк за старой
Беседкою в заглохший пруд,
Похож и он на тень гитары,
С которой, тешась, струны рвут.[3]

Как уже было отмечено, первое стихотворение цикла (четырехстопный ямб с чередованием *жмжм*), практически ему соименное («Нескучный сад» — «Нескучный»), строится вокруг развернутого сравнения реального московского сада (на который, помимо названия, указывают и присущие ему узнаваемые черты: набережная, ворота, беседка, пруд[4]), его физического пространства — с метафизическим «пространством души».

В первом четверостишии как будто составляется милицейский протокол о произошедшем — с героем, с его душой, «изнанка» которой грешна, как и у любого («О вакханалиях изнанки / Нескучного любой души»). Текст «протокола» даже как будто встраивается в сравнительный ряд души-сада, и здесь, быть может, уместно вспомнить позднейшее уподобление саду стихотворного текста «Я б разбивал стихи, как сад. / <...> Цвели бы липы в них подряд, / Гуськом, в затылок...» (2, 149). Упоминающиеся «вакханалии изнанки», вероятно, в этом саду и происходят, и метафорический «сад души» в таком случае в прямом смысле слова оказывается *не-скучным*.

---

[1] *Поливанова Д., Поливанов К.* Темы и вариации Чайковского: К интерпретации цикла «Зимнее утро» Бориса Пастернака // Russian Literature. 2018. Vol. 100–102. P. 235–251.

[2] *Поливанова Д. К., Поливанов К. М.* Тема рождения искусства и вариации Шекспира в цикле Б. Л. Пастернака «Сон в летнюю ночь» // Русская литература. 2021. № 1. С. 145–157.

[3] *Пастернак Б. Л.* Полн. собр. соч.: В 11 т. М., 2003. Т. 1. Стихотворения и поэмы 1912–1931 / Сост. и комм. Е. Б. Пастернак, Е. В. Пастернак. С. 190–191. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте сокращенно, с указанием номера тома и страницы.

[4] Если обратиться к биографии Пастернака, то легко предположить, что Нескучный сад, как и Воробьевы горы и Сокольники, мог быть местом прогулок поэта с возлюбленной, отразившихся в стихотворениях «Сестры моей — жизни»: «Воробьевы горы» (в реальном московском пространстве непосредственно примыкающие к Нескучному саду), «Свистки милиционеров», «Весенний дождь».

Само слово «сад» появляется только во второй строфе («Он тоже, как и сад...»), где помянутое сравнение задается трижды повторенным «тоже»: «тоже — сад», «тоже — скучен / Набор уставших цвесть пород», «тоже, как и сад, — Нескучен / От набережной до ворот». Помимо лексических повторов, отметим также и заведомую игру слов: скучен — нескучен, которые могут прочитываться и как однокоренные «скуке» (породы *устали* цвесть, и поэтому сад скучен), и как будто бы речь идет о плотности посадки («скученности») деревьев.

В третьем четверостишии сад души, по-прежнему обозначенный местоимением «он», наряду с реальным Нескучным, неожиданно оказывается «похож» на тень гитары, с которой рвут струны. Вероятно, это сопоставление вызвано зрительной ассоциацией: отражение веток окружающих деревьев или колонн беседки в пруду может напоминать струны, рябь на воде — их «срывание». Образ рвущихся струн естественно напоминает о метафорических *струнах* души и как бы подразумевает мучительный, надрывный, чеховский «звук»[5] (заметим, что топор, стучащий по дереву, также вскоре появится в пятом стихотворении цикла). Собственно, в этом последнем четверостишии впервые появляется не только звук, но также и действие, впрочем, воображаемое и возникающее в сравнении, выраженное единственным глаголом в личной форме во всем стихотворении («С которой, тешась, струны *рвут*»). Отражающийся в пруду сад оказывается похожим не на гитару, а на «тень гитары», т. е., опять-таки, на ее *отражение*. Этот мотив позволяет и выше разглядеть своего рода отражения: протокол — одна из форм отражения «на бумаге», изнанка души — как отражение ее лицевой стороны и, в конце концов, два сада, один из которых является отражением другого.

Возникающий в начале отчетливый прозаизм, почти канцеляризм («Как всякий факт на всяком бланке, / Так все дознанья...») сменяется «вакханалией» около-каламбурной игры парадоксально отражающих друг друга «скучен» и «Нескучен». Сложное сочетание неоригинального, извечно-повторяющегося, «скучного» с, очевидно, «нескучными» вакханалиями, игрой («тешась») — вполне реализует важнейший принцип поэтики Пастернака, сформулированный А. К. Жолковским как «чувство причастности человека в его сиюминутном существовании и вообще всего малого и обычного к чуду единого, вечного и бесконечно огромного бытия».[6] Примечательно, что уже в первом стихотворении это странное единство становится не только и не столько составляющей поэтики, сколько предметом подспудной рефлексии Пастернака. Откуда проистекает «скучное», усталость цветущих пород? Где та вечная (и, вроде бы, скучная) «Тема», вариации на которую так «Нескучны»? На этот вопрос мы и постараемся найти ответ, проинтерпретировав одно за другим все стихотворения предполагаемого цикла.

2.

Достатком, а там и пирами,
И мебелью стиля жакоб
Иссушат, убьют темперамент,
Гудевший, как ветвь жуком.

Он сыплет искры с зубьев,
Когда, сгребя их в ком,
Ты бесов самолюбья
Терзаешь гребешком.

В осанке твоей: «С кой стати?»,
Любовь, а в губах у тебя

[5] *Чехов А. П.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Соч.: В 18 т. М., 1986. Т. 13. Пьесы, 1895–1904. С. 254.

[6] *Жолковский А. К.* Поэтика Пастернака: инварианты, структуры, интертексты. М., 2011. С. 13.

Насмешливое: «Оставьте,
Вы хуже малых ребят».

О, свежесть, о, капля смарагда
В упившихся ливнем кистях,
О, сонный начес беспорядка,
О, дивный, божий пустяк!

(1, 191)

«Достатком, а там и пирами...», написанное причудливым 3-иктным дольником (с одним 2-иктным стихом «Насмешливое: „Оставьте...“»; вторая строфа при этом укладывается в 3-стопный ямб), видимо призванным имитировать прямую речь героя, — единственное стихотворение цикла, не имеющее собственного заглавия.

Героиня стихотворения — причесывающаяся утром возлюбленная («сонный начес беспорядка»). Мир буржуазного благополучия («достаток»), сытость («пиры»), дорогая обстановка («мебель стиля жакоб» — мебель красного дерева с бронзовыми или латунными украшениями) грозят испортить ее характер («темперамент, гудевший жуком» — звук жука в цветущей ветке). Сейчас и поза («осанка»), и выражение лица возлюбленной игриво отталкивают героя («оставьте»). Причесываясь, она любуется собой в зеркале, но «бесов самолюбья» при этом не «тешит», как можно было бы ожидать, а «терзает» (в этой подмене ощущается каламбур — «терзать» можно волосы гребешком, по созвучию тот же глагол замещает «тешить» в отношении «самолюбия»). Сама она подобна чудесному результату божественного творчества («О дивный, божий пустяк») и изумруду («смарагду») — капле на мокрой от дождя цветущей ветке («В упившихся ливнем кистях»). Такое уподобление отчетливо напоминает соответствующую метафору из «Сестры моей — жизни»: «Из сада, с качелей, с бухты-барахты, / Вбегает ветка в трюмо! / Огромная, близкая, с каплей смарагда / На кончике кисти прямой...» («Девочка»; 1, 119). Заметим, что в «Девочке» есть и соответствующий мотив покушения на героиню буржуазного мира, противостоящего природе: «Но вот эту ветку вносят в рюмке / И ставят к раме трюмо...» (1, 119).

Мир «достатка» противостоит в стихотворении, как и в книге «Сестра моя — жизнь», не только красоте и природе, но и миру «детства» («хуже малых ребят») — вспомним: «Но люди в брелоках высоко брюзгливы / И вежливо жалят как змеи в овсе. / У *старших* на это свои есть резоны...» («Сестра моя — жизнь и сегодня в разливе...»; 1, 116; курсив наш. — *Г. К., Д. П., К. П.*). То же продолжается и в «Темах и вариациях»: «О детство! Ковш душевной глуби! <...> Правдоподобье бед клевещет, / Соседство богачей...» («Клеветникам»; 1, 186–187).

Соотнесение героини / ее характера с ветвями также легко находится в «Сестре моей — жизни»: «Намокшая воробышком / Сиреневая ветвь...» (в стихотворении, следующем за «Девочкой» — «Ты в ветре, веткой пробующем...»; 1, 120). Такой же образ цветущей ветви («упившихся ливнем кистях») находим и в позднейшем «Пронесшейся грозою полон воздух / Все ожило, все дышит как в раю, / Всем роспуском кистей лиловогроздых / Сирень впивает свежести струю...» (2, 192).

В первой строфе редкие в поэтическом языке «достаток», «темперамент» и тем более «мебель стиля жакоб» подчеркивают враждебность материального благополучия — поэзии, природе и красоте. Сытый буржуазный мир стремится «иссушить и убить», с чем коррелируют и остальные глаголы: «сыпать искры», «терзать», «оставлять», как и отчетливо непоэтическое «сгребать». Восхищенное же описание возлюбленной, подчеркнутое восклицательно-анафорическим «О, <...> о, <...> О, <...> О, <...>!», связанные с ней «свежесть», «капля смарагда», «дивный, божий» — возникают лишь в финале стихотворения.

Постоянен мотив искушения: искушение благополучием в первой строфе, упоминание бесов во второй (бесов можно увидеть и в *бес*порядке, противостоящем божьему пустяку) и любовное искушение — в третьей. Отмеченным антипоэтизмам противостоит повышенная метафоричность: «темперамент гудит жуком» и «сыплет искры»;

героиня, причесываясь и глядя в зеркало, «терзает бесов самолюбья»; двойная метафора заключена в «ветвях, упившихся ливнем»; говорящей оказывается поза («осанка») — «с кой стати?», а насмешливое выражение губ (очевидно, метонимически) способно передать еще больше («оставьте, вы хуже малых ребят»).

Передаваемая словами выразительность позы и складки губ дают основание предположить, что в описании причесывающейся героини присутствует экфрасис автопортрета З. Серебряковой «За туалетом», который был написан в усадьбе села Нескучное. Название усадьбы Лансере и Серебряковой было хорошо известно в живописных кругах рубежа веков и обозначено на многих картинах (не только ее кисти), показанных на выставке 1911 года вместе с большим количеством работ Л. О. Пастернака.

Косвенными указаниями на это могут служить, кроме омонимии с усадьбой Трубецких «Нескучное», от которого происходит название московского сада, возможное каламбурное обыгрывание «кисти» — цветущей и живописной, употребление слова *темпера*мент, и едва ли не анаграмма «З. Серебрякова» во второй строфе: «СгРЕБЯ их в Ком <...> бесОВ <...> тЕРЗаешь гРЕБешком», или, во всяком случае, отчетливая аллитерация на «р» и «б».

Заметим, что, впервые публикуя это «антибуржуазное» стихотворение в 1923 году в книге «Темы и варьяции», Пастернак, скорее всего, знал о полном физическом уничтожении усадьбы Лансере «Нескучное».

3. Орешник

Орешник тебя отрешает от дня,
И мшистые солнца ложатся с опушки
То решкой на плотное тленье пня,
То мутно-зеленым орлом на лягушку.

Кусты обгоняют тебя, и пока
С родимою чащей сроднишься с отвычки, —
Она уж безбрежна: ряды кругляка,
И роща редеет, и птичка — как гичка,
И песня — как пена, и — наперерез,
Лазурь забирая, нырком, душегубкой
И — мимо... И долго безмолвствует лес,
Следя с облаков за пронесшейся шлюпкой.

О место свиданья малины с грозой,
Где, в тучи рогами лишайника тычась,
Горят, одуряя наш мозг молодой,
Лиловые топи угасших язычеств!

(1, 191–192)

Название третьего стихотворения (4-стопный амфибрахий с чередованием *мжмж*) знаменует переход от «сада» к «лесу» и «чаще», орешник (обратим внимание на каламбур, «орешник» фонетически распадается на «*орел*» и «*решк*а», что отмечал сам Пастернак) — характерен и для того, и для другого. Возможно, существенно также, что орешник дает плоды. Единственное стихотворение цикла, в котором два четверостишия срастаются в восьмистишие (центральная строфа). Пассивность лирического героя-наблюдателя в первых двух стихотворениях цикла в третьем сменяется активной вовлеченностью постоянно перемещающегося взгляда.

Герой стихотворения, может быть, и не один, а вместе с возлюбленной («*тебя* отрешает от дня»; «кусты обгоняют *тебя*»; «одуряя *наш* мозг молодой»; «место свиданья»; курсив наш. — *Г. К., Д. П., К. П.*), проходя сквозь орешник, прореженный солнечным светом («мшистые солнца» — солнечные лучи, падающие на «плотное тленье пня» и лягушку, будто играя в орлянку), попадает в знакомую («родимую») чащу / рощу / лес. Своей «безбрежностью» лес напоминает море, это открывает

дальнейший ассоциативный ряд: птичка уподобляется гичке / душегубке / шлюпке, водоплавающему нырку, а песня (героя или птички) — морской пене. С пролетом птички, «забравшей лазурь», приходят «облака» и «гроза», лес «начинает редеть» — судя по всему, герой, выходя из леса, поднимает голову, чтобы посмотреть за полетом птички, и обращает внимание, что наступил вечер («лиловые топи»), обещающий грозу («облака», «свиданье малины с грозой»). Зеркальная поверхность облаков, в сочетании с констатируемым сходством леса и моря, создает ощущение, будто небо и земля меняются местами («безмолвствует лес / Следя с облаков за пронесшейся шлюпкой») — фактическим объяснением этого эффекта может послужить предположение, что лес, как и облака и птичка-лодка, отражаются в пруду или болоте (ср. «лиловые топи»). Пейзаж, в котором закатные цвета сталкиваются с предгрозовыми тучами («место свиданья малины с грозой»), производит на героя / героев дурманящее, околдовывающее впечатление («Горят, одуряя наш мозг молодой, / Лиловые топи угасших язычеств!»).

Соприкосновение героев с «угасшими язычествами» древности напоминает соответствующий сюжет из «Сестры моей — жизни»: «Любимая — жуть! Когда любит поэт, / Влюбляется бог неприкаянный. / И хаос опять выползает на свет, / Как во времена ископаемых...» (1, 155). В свою очередь, любовь, переворачивающая мир с ног на голову, представлена в «Ты так играла эту роль!»: «Вдоль облаков шла лодка...» (1, 124). Вообще характерный для Пастернака мотив уподобления леса — морю наиболее ярко будет выражен в позднейших «Соснах»: «...где-то за стволами море / Мерещится все время мне» (2, 107).

Архаичный оборот «отрешает от дня» задает всему стихотворению тему изоляции от мира, свободы от его пространственно-временных законов. Попадая во вроде бы вполне осязаемое лесное пространство (причем отнюдь не самое идиллическое, что подчеркивается и на зрительном, и на осязательном уровне: «мутно-зеленым», «мшистое», «плотное тленье»), хорошо знакомое (что выражено в каламбурном: «с родимою чащей сроднишься с отвычки»), герои, тем не менее, поддаются его языческому искушению (солнце, играющее в орлянку, может напоминать соответствующие сцены из античной мифологии, где боги бросали жребий о судьбах людей и народов, к примеру, в «Илиаде» — ср. «гомерический хохот» (1, 194) в пятом стихотворении нашего цикла).

Во второй строфе впервые в цикле появляются глаголы движения («обгоняют», «пронесшейся»), соответствующие динамике хода времени (солнце идет к закату), полета птички («проносящейся», как шлюпка), прогулки героев (кусты «обгоняют» — то ли потому, что никак не заканчиваются и как бы обгоняют героя в его стремлении в лес, то ли потому, что герои идут друг другу навстречу, и кусты появляются перед героем раньше героини). Динамика поддержана изломанным синтаксисом с нарастающими придаточными, волной связующих «и» и тире, синтаксическим параллелизмом («и птичка — как гичка, / И песня — как пена, и — наперерез <...> И — мимо...»), эллипсисами («и — наперерез», «и — мимо»), параномасиями (родимой — сроднишься, ряды — редеет), внутренними рифмами (птичка — гичка). Центральный образ птички (по созвучию с лазурью — лазоревка, по созвучию с пеной — пеночка, если же понимать «лазурь забирая» как предвестие вечера и грозы — низколетящая ласточка), сравнивающейся, наряду с другими плавательными средствами, с душегубкой — поддерживает мотив неопределенности судьбы (заданный в первой строфе солнечной игрой в орлянку), придавая ему оттенки дурного предзнаменования гибели души.

В третьей строфе дается патетическая характеристика закатному предгрозовому пейзажу, в котором ветки, покрытые лишайником, метафорически соприкасаются с тучами. «Свиданье» малины с грозой, помимо цветовой интерпретации (малиновое закатное небо), может иметь и символическую: на латыни малина — rubus idaeus, то есть «ягода Иды». Название происходит от мифа, согласно которому Ида, нянчившая Зевса, спрятанного во младенчестве от Кроноса, взяла малину и положила ее громовержцу в рот, чтобы он не кричал. Таким образом, «свиданье малины с грозой» может быть интерпретировано как языческий («топи угасших язычеств») эквивалент ветхо-

заветного сюжета о вкушении плода из рук женщины. Мотив игр судьбы, обещающих гибель, тем самым обретает логическое обоснование и воспринимается как предвестие наказания за то, что герой поддается (под воздействием языческого, «одуряющего» молодой мозг) искушению из второго стихотворения.

Отчасти аргументом в пользу нашей интерпретации может послужить известный пример из «Сестры моей — жизни», где в стихотворении «Наша гроза» строка «К малине липнут комары» (1, 134) обладает отчетливо эротическим подтекстом, а малина, соответственно, предстает как символ женственности. Кроме того, «свиданье малины с грозой» может напоминать конец третьей главы «Евгения Онегина», где свидание Татьяны с Онегиным, который «стоит подобно грозной тени»,[7] предваряется песней девушек, собирающих заветные ягоды.

Текст крайне насыщен метафорами, существительные, употребленные в прямом значении, исчерпываются набором примет лесного пейзажа: солнце, опушка, пень, тленье, лягушка, кусты, чаща, кругляк, роща, птичка, песня, лазурь, лишайник, топи (возможно). Центральная метафора стихотворения, сравнение леса с морем, птички с гичкой / нырком / душегубкой / шлюпкой, переворот земли и неба, откуда лес наблюдает за происходящим, — все это воспринимается как развернутая метафорическая иллюстрация мира в процессе его сотворения, где еще не отделены друг от друга «вода от воды» (Быт. 1 : 6), суша от «воды, которая под небом» (Быт. 1 : 9), где, согласно апокрифам, плавал гоголь (нырковая утка — ср. «нырком»). При этом, конечно, нельзя не заметить, что бытийные ассоциации (дни творения) наслаиваются друг на друга, в мире «Орешника» уже есть и птицы, и гады: орел, птичка, лягушка, но будто бы лишь предсказывается появление зверей, на что намекает сравнение веток с «рогами». Так же, как «лиловые топи угасших язычеств» предрекают «кафедральный мрак» леса из следующего стихотворения цикла — тем самым, история сотворения мира как бы проецируется на историю человечества, перехода из хаоса язычества к христианству.

При всем том сюжет о вкушении плода, о «свиданьи малины с грозой», как кажется, остается центральным. Идущие сквозь языческий лес играют с судьбой, с гибелью, поддаются его дурману и его шепоту. Настойчивая аллитерация на шипящие, проходящая сквозь все стихотворение (оре*ш*ник, отре*ш*ает, м*ш*истые, опу*ш*ки, ре*ш*кой, лягу*ш*ку, ча*щ*ей, сродни*шь*ся, отвычки, ро*щ*а, птичка, гичка, ду*ш*егубкой, пронес*ш*ейся, *ш*люпкой, ли*ш*айника, тычась, на*ш*, угас*ш*их, язычеств), может свидетельствовать о подспудном присутствии еще одного животного — змея искусителя, одуряющего молодой мозг героя / героев.

4. В лесу

Луга мутило жаром лиловатым,
В лесу клубился кафедральный мрак.
Что оставалось в мире целовать им?
Он весь был их, как воск на пальцах мяк.

Есть сон такой, — не спишь, а только снится,
Что жаждешь сна; что дремлет человек,
Которому сквозь сон палит ресницы
Два черных солнца, бьющих из-под век.

Текли лучи. Текли жуки с отливом,
Стекло стрекоз сновало по щекам.
Был полон лес мерцаньем кропотливым,
Как под щипцами у часовщика.

Казалось, он уснул под стук цифири,
Меж тем как выше, в терпком янтаре,

[7] *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: [В 16 т.]. М.; Л., 1937. Т. 6. Евгений Онегин. С. 72.

Испытаннейшие часы в эфире
Переставляют, сверив по жаре.

Их переводят, сотрясают иглы
И сеют тень, и мают, и сверлят
Мачтовый мрак, который ввысь воздвигло,
В истому дня, на синий циферблат.

Казалось, древность счастья облетает.
Казалось, лес закатом снов объят.
Счастливые часов не наблюдают,
Но те, вдвоем, казалось, только спят.

(1, 192–193)

«В лесу» (5-стопный ямб с чередованием *жмжм*) как будто продолжает предыдущее стихотворение, которое кончалось упоминанием лиловых топей — «Луга мутило жаром *лиловатым*...», на смену язычеству возникает «кафедральный мрак» собора. Здесь еще более, чем в предыдущем стихотворении, расширяется пространство: помимо «чащи», возникают и «луга» за ее пределами.

Уподобленный собору, а следовательно, и всему миру лес оказывается в полной собственности влюбленных. Более того, герои участвуют в создании мира (ср. с соответствующими мотивами в «Орешнике»), который еще не затвердел, «как воск». Описанная обстановка жаркого полдня ясно соотнесена с любовным жаром, ведущим к сотворению/продолжению жизни. Герой будто видит себя со стороны в полудреме, полусне. При этом он лежит, и солнечный свет, который падает на его закрытые глаза, делает веки почти прозрачными, метафорически просвечивающие зрачки сравниваются с «двумя черными солнцами».

В третьей строфе продолжается описание окружающего жаркого пространства, парадоксально полного влаги («текли», «отлив», «стекло» — не от пота ли? ср. «кроПОТливый» — в котором есть и пот, и движение влаги) — вновь вспомним о «незастывшести», незавершенности мира. Лежащий герой (или двое) смотрит с земли вверх: деревья, иглы и жуки (подобные часовым винтикам с алмазными головками), а также «стекло стрекоз» представляются элементами часового механизма, которым часовщик управляет сверху, рассматривая их в увеличительное стекло. Часовщик здесь, очевидно, подобен Творцу, создающему мир и, в частности, время. Вслед за героями в своеобразный «сон» погружается и лес, оказывающийся в этот момент как бы вне движения времени (стоящего «на ремонте» у часовщика).

Далее, в пятой строфе, картина происходящего вновь дается глазами лежащих возлюбленных: в проникающих через вершины деревьев лучах солнца, осыпающихся иглах, силуэтах верхушек на синем небе будто бы проступает остановившийся полдень (ср. «полдень мира» (1, 137) в «Воробьевых горах»), фаустовское длящееся мгновение. Время «искусственно» переводится — вспомним о начальной сцене «Горя от ума», которое будет процитировано в шестой строфе («Счастливые часов не наблюдают»), когда Лиза переставляет часы, чтобы прервать затянувшееся ночное свидание Софии и Молчалина («Переведу часы, хоть знаю: будет гонка, / Заставлю их играть...»[8]).

Наверное, в подчеркнуто насильственном переводе времени («часы в эфире / Переставляют», «их переводят», «сотрясают», «сеют тень», «мают», «сверлят») можно не без оснований увидеть намек на вмешательство большевиков в движение времени, создание Декретного времени (Постановление Совнаркома от 30 мая 1918 года о переводе часов на два часа сверх солнечного). Можно вспомнить и то, что в 1918 году «главные часы страны» на Спасской башне Кремля после остановки во время обстрела юнкеров в октябре 1917 года были отремонтированы и начали исполнять «Интернационал».

[8] *Грибоедов А. С.* Соч. в стихах / Вступ. статья В. М. Мещерякова; сост., подг. текста и прим. Д. М. Климовой. Л., 1987. С. 55 (Библиотека поэта. Большая сер.).

Намек на неизбежное пробуждение, заложенный в грибоедовской цитате, отыгрывается в последней строфе, где пробуждение / расставание парадоксальным образом связывается не с восходом, а с закатом (ср. знаменитый эпизод с соловьем / жаворонком из «Ромео и Джульетты»). Тут же, очевидно, возникает центральный подспудный мотив следующего стихотворения — мотив изгнания из рая. При этом «закатная» перспектива дана в подчеркнутой анафорой «кажется» двусмысленности: в «древность счастья облетает», «облетает» может означать как полет, так и падение (подобно «сотрясающимся» иглам хвойных), а в «лес закатом снов объят» «закатом», в первую очередь, относится к «снов», т. е. лес как бы готовится проснуться, сны заканчиваются.

Синтаксически и грамматически в стихотворении создается ощущение взгляда со стороны (глазами часовщика?) на происходящее в лесу и находящихся в нем влюбленных («те вдвоем, казалось, только спят»), которые отчасти владеют этим миром («он весь был их»), отчасти ему подчинены («что оставалось в мире целовать им»). Пространство леса и лугов также пассивно перед гиперболизированными законами мироустройства: «луга мутило», лес «пространством снов объят», «древность счастья облетает». Главным действующим лицом оказывается часовщик, осуществляющий тончайшую настройку («как под щипцами») времени, воплощенного в чем-то вроде огромных часов, составленных из элементов лесного пространства и неба над ним («синий циферблат», иглы хвои, «стекло стрекоз», «жучки с отливом»).

5. Спасское

Незабвенный сентябрь осыпается в Спасском.
Не сегодня ли с дачи съезжать вам пора?
За плетнем перекликнулось эхо с подпаском
И в лесу различило удар топора.

Этой ночью за парком знобило трясину.
Только солнце взошло, и опять — наутек.
Колокольчик не пьет костоломных росинок,
На березах несмытый лиловый отек.

Лес хандрит. И ему захотелось на отдых,
Под снега, в непробудную спячку берлог.
Да и то, меж стволов, в почерневших обводах
Парк зияет в столбцах, как сплошной некролог.

Березняк перестал ли линять и пятнаться,
Водянистую сень потуплять и редеть?
Этот — ропщет еще, и опять вам — пятнадцать,
И опять, — о дитя, о, куда нам их деть?

Их так много уже, что не все ж — куролесить.
Их — что птиц по кустам, что грибов за межой.
Ими свой кругозор уж случалось завесить,
Их туманом случалось застлать и чужой.

В ночь кончины от тифа сгорающий комик
Слышит гул: гомерический хохот райка.
Нынче в Спасском с дороги бревенчатый домик
Видит, галлюцинируя, та же тоска.

(1, 193–194)

«Спасское» написано 4-стопным анапестом, с чередованием *жмжм* — отметим употребления этого метра у Пастернака в связи с осенью — ср. «Город», «Баллада»

(«Бывает, курьером на борзом...»), «Здесь прошелся загадки таинственный ноготь...», «Мельницы» и т. д. Центральный осенний мотив стихотворения — осыпающиеся листья — задается в первых же строках. Вместе с перспективой скорого отъезда с дач возникает и предчувствие зимы. Заготовка дров («в лесу различило удар топора»), как кажется, с отзвуком некрасовского «В лесу раздавался топор дровосека...»,[9] сопутствует необходимости покинуть «сад» — надо думать, с не менее актуальной чеховской нотой, аллюзией на «Вишневый сад» («съезжать вам пора?»).

Во второй строфе возникает сквозной для стихотворения мотив болезненности леса и тем самым всего мира: «знобило трясину», «костоломные росинки», «колокольчик не пьет», «лиловый отек на березах» (отметим, что лиловый цвет связывает стихотворение с двумя предыдущими — «лиловатым жаром» и «лиловыми топями»). «Болезненность» пейзажа, очевидно, имеет фактическое объяснение: укорачивающийся день и повышенная осенняя влажность, подсказывающие наступление зимы, зимней спячки и смерти («Парк зияет в столбцах, как сплошной некролог»). Судя по всему, в этой строчке стволы деревьев каламбурно сопоставляются с типографскими столбцами газетного текста. Заметим, что поздней осенью 1910 года[10] вся российская пресса наполняется «сплошным некрологом» Л. Н. Толстого. С другой стороны, в «почерневших обводах» можно увидеть мотив артистического или траурного грима (ср. «сгорающий комик» в последней строфе).

Видя покрытую листьями землю, герой разражается серией риторических вопросов: «Березняк перестал ли линять и пятнаться, / Водянистую сень потуплять и редеть? / Этот — ропщет еще, и опять вам — пятнадцать, / И опять, — о, дитя, о, куда нам их деть?» В то же время за глаголом «потуплять» проступает не только общая семантика склонения вниз, но и стыдливого склонения головы, опускания взгляда (потупить взгляд), что поддерживается звуковой ассоциацией глагола «редеть» (становиться реже) с «рдеть» (покрываться краской — сложно себе представить парк, где опадающие листья только лишь желтые). Имплицитный мотив стыда согласуется и с «роптанием» мира (березняка: «Этот — ропщет еще...») против мироустройства (кроме того, в «ропщет» фонетически отзывается и отсутствующая «роща»).

Картина осеннего Спасского с еще не осыпавшимся березняком напоминает героям прошлое («и опять вам — пятнадцать»), их встречу здесь же за несколько лет до этой (заметим, обращение «дитя» напоминает и «дивный божий пустяк» из второго стихотворения). Задается двойственность временного измерения: если воспользоваться «внетекстовыми» знаниями о биографии Пастернака, нельзя не упомянуть, что именно на подмосковной даче в Спасском, у Штихов, поэт наблюдал развивающиеся романтические отношения Елены Виноград, будущей адресатки любовных стихов «Сестры моей — жизни» (равно как и нашего цикла) с А. Штихом — ее двоюродным братом. Мотив «и опять вам — пятнадцать» — впрочем, ей тогда было 14 — по-своему корреспондирует с мотивами «первородного греха»[11] и «изгнания из рая» (заметим, что герои впервые в нашем цикле представлены не вдвоем, слышны доносящиеся звуки, которые производят другие: удар топора, «перекличка с подпаском»).

Таким образом, сквозь настоящее (завершение летне-любовной истории) всплывает прошлое (первая любовь героини).[12] Соответственно, в риторическом «о, дитя, о, куда нам их деть?», «их» прочитывается как «листья», а вместе с тем и годы, разделяющие настоящее и прошлое (ср.: «Стучатся опавшие годы, как листья / В садовую изгородь календарей» (1, 85), «Куда часы нам затесать?» (1, 139)) — их уже так много, что пора повзрослеть, пора прекратить «куролесить» и играть.

---

[9] *Некрасов Н. А.* Полн. собр. соч.: В 15 т. Л., 1981. Т. 2. Стихотворения 1855–1866 гг. С. 120.

[10] Исходя из биографического контекста можно предположить, что приезды на дачу к Штихам в Спасское, где автор познакомился с Е. Виноград, которой посвящено стихотворение, имели место в 1909–1910 годах.

[11] Обратим внимание, что Штиху же посвящено стихотворение «Вчера как бога статуэтка...» о потере девственности.

[12] Ср. тургеневское пространство Нескучного сада, описанное в повести «Первая любовь».

В последней строфе герои съезжают (напомним, в начале: «съезжать вам пора»), уже с дороги, как бы галлюцинируя, видят бревенчатый домик и немедленно начинают тосковать. Тоска метонимически замещает героев и оказывается подобна смертной агонии комика, который слышит в бреду «гомерический хохот райка». Как кажется, несмотря на то что «хохот» очевидно подразумевает «профессиональный успех» комика, определение «гомерический», тем не менее, вносит некоторую двусмысленность. Актер будто бы и перед лицом смерти, умирая «на сцене», сталкивается с жестоким равнодушием «райка» (за которым, конечно, слышится маленький «рай» и тем самым абстрактное «высшее», божественное, с воспоминанием о смехе гомеровских богов). Этим сгорающим комиком, возможно, и является постепенно теряющий свою яркую осеннюю окраску и своих обитателей («с дачи съезжать нам пора») лес. Сегодняшний взгляд на прошлое демонстрирует хрупкость и уязвимость, болезненность того, что когда-то могло казаться смешным.

Кроме того, в соотнесенности леса с погибающим «комиком», быть может, содержится легкая аллюзия на недавно прогремевший балет И. Стравинского «Петрушка» (автор либретто — А. Бенуа), в котором главный герой был выряжен в те же красно-желтые цвета, которыми, надо полагать, и «пятнается» лес Спасского. Впрочем, как известно, несчастно влюбленный Петрушка умирает отнюдь не от тифа. На наш взгляд, для начала 1920-х годов эта болезнь, в какой-то мере, выступает синонимом любой смертельной болезни (ср. в «Высокой болезни») и подытоживает общую «болезненность» мира. Собственно, само слово «тиф» происходит от греческого τῦφος, означающего лихорадку или бред, чем, вероятно, обусловлены галлюцинации.

На лексическом уровне бросается в глаза противопоставление «детского» (в связи с «о дитя» и «подпаском») — «пятнаться», «наутек», с сугубо книжными — «незабвенный», «зияет», «ропщет». Синтаксическими средствами людям в этом стихотворении отведена совсем небольшая роль, олицетворенные же элементы пространства то и дело пассивны, что подчеркнуто залогом и возвратными частицами или отрицаниями: «сентябрь осыпается», «знобило трясину», «колокольчик не пьет», хандрящему лесу «захотелось на отдых», «березняк перестал ли линять», листьям «случалось» и др. Эта пассивность людей и природы передает бессилие перед временем, приближающейся зимой, символической смертью («сплошной некролог»).

6. Да будет

Рассвет расколыхнет свечу,
Зажжет и пустит в цель стрижа.
Напоминанием влечу:
Да будет так же жизнь свежа!

Заря, как выстрел в темноту.
Бабах! — и тухнет на лету
Пожар ружейного пыжа.
Да будет так же жизнь свежа.

Еще снаружи — ветерок,
Что ночью жался к нам, дрожа.
Зарей шел дождь, и он продрог.
Да будет так же жизнь свежа.

Он поразительно смешон!
Зачем совался в сторожа?
Он видел, — вход не разрешен.
Да будет так же жизнь свежа.

Повелевай, пока на взмах
Платка — пока ты госпожа,

Пока — покамест мы впотьмах,
Покамест не угас пожар.

(1, 194)

Последнее стихотворение цикла написано 4-стопным ямбом с перекрестной рифмой и сплошными мужскими окончаниями, в двух первых строфах рифмы открытые. Во второй строфе перекрестная рифма сменяется парной, судя по всему, отражая ружейное «Бабах!». Надо полагать, сплошные мужские соответствуют заклинательной жизнеутверждающей интонации текста.

Стихотворение начинается с картины наступающего раннего утра: свеча больше не нужна, и в освещенном пространстве (за окном) появляется стремительно летящий и громко свистящий стриж, уподобленный лучу, пуле, стреле. Поэт устремляется к возлюбленной сообщить о начале нового дня (с очевидной фетовской ассоциацией — «Рассказать, что солнце встало...»[13]). Новость о как бы заново сотворенной, «свежей жизни» передается с присущей Пастернаку интенсивностью: фетовскому «пришел рассказать» соответствует «напоминанием влечу», полет героя и его «неожиданного известия» стремителен, как солнечные лучи, выстрел, стрижи (самые быстрые из пернатых, около 180 км в час). Заметим, что у того же Фета стрижи, вместе с обращением к возлюбленной, появляются и в «Жди ясного на завтра дня...», написанном тем же 4-стопным ямбом со сплошными мужскими окончаниями.

Уже в первой строфе появляется аллитерация на «ж», связывающая жизнь, ее новизну («свежа»), стремительность («стриж»), возлюбленную («госпожа»). В контексте цикла «жужжание» последнего стихотворения должно напоминать «темперамент, / Гудевший как ветвь жуком» из «Достатком, а там и пирами...», где поэт будто бы заклинает не меняться героиню, так же, как здесь саму жизнь. Жизнь, таким образом, как и в «Сестре моей — жизни», приравнивается к возлюбленной.

Во второй строфе метафора пули / стрелы («пустит в цель...») разворачивается указанием на огненную природу выстрела («пожар ружейного пыжа»), у которой тройная мотивировка: огненный цвет (соответствующий рассвету и заре), дым («колыхание» погасшей свечи), звук «Бабах!» (как бы отражающий заклинание героя «Да будет так же жизнь свежа!»). Заря (она же рассвет) оказывается так же стремительна и кратковременна, как огонь выстрела и, в подтексте, счастье героев вместе.

Третья строфа построена как развернутая метонимия. Жались друг к другу, дрожа, очевидно, герои, а не «ветерок» и «прошедший зарею» дождь. При этом возможна и игра со звуком: стук падающих капель может напоминать дрожь от холода («зуб на зуб не попадает»), впрочем, за «дрожью», как кажется, может прочитываться не только холод, но и любовный жар. Потому и «смешон» дождь, как будто пытавшийся помешать их сближению (так в «Бедной Лизе» буря и дождь начались слишком поздно: «Грозно шумела буря, дождь лился из черных облаков — казалось, что натура сетовала о потерянной Лизиной невинности»[14]).

Следующая строфа целиком посвящена дождю, который, судя по всему, видится герою «соглядатаем» их счастья, мешающим, «сторожем», которому — парадоксально — «вход не разрешен». Отметим, что в рамках цикла прослеживается мотив присутствия «третьего-лишнего»: «В лесу» появляется «часовщик», наблюдающий за ними с неба, в «Спасском» — «чужой», которому туманом листьев «случалось застлать» кругозор. Вспомним также об аллюзии на «Горе от ума», где переставление стрелок часов должно разлучить возлюбленных («часов не наблюдают» и «испытаннейшие часы <...> переставляют»).

В последней строфе герой обращается напрямую к возлюбленной: «Повелевай», уподобляя ее даме на рыцарском турнире — «пока на взмах платка», «пока ты госпо-

[13] *Фет А. А.* Стихотворения и поэмы / Вступ. статья, сост. и прим. Б. Я. Бухштаба. Л., 1986. С. 236 (Библиотека поэта. Большая сер.).

[14] *Карамзин Н. М.* Соч.: В 2 т. Л., 1984. Т. 1. Автобиография. Письма русского путешественника. Повести. С. 515.

жа». Повторяющиеся «пока» и «покамест» еще раз свидетельствуют о краткости свидания, которое будет прервано тем, что описано в первых строфах глаголами будущего времени, а здесь императивом («Повелевай...»), возможно обозначающим временной промежуток между настоящим и будущим (М. Л. Гаспаров указывал на подобное использование императива у Пушкина в классической работе «„Снова тучи надо мною“: методика анализа»). Императив присутствует и в заглавии, и в четырехкратном повторении в финалах первых четырех строф — в последней же нужно как раз поймать этот момент «покамест» (нарочито просторечно), продлить неминуемо кончающееся ночное любовное свидание. Тем самым «сюжет» пятой строфы относится к моменту «до» начала, до того, как наступит рассвет («покамест мы впотьмах»), до того, как потухнет «пожар ружейного пыжа» (в пятой строфе «пожар» — с очевидной двусмысленностью, пожар зари и пожар любви — «покамест не угас»). «Покамест не угас пожар» как будто суммирует четырежды повторенное «Да будет так же жизнь свежа».

Возвращение в «исходную» точку, до «изгнания из рая», в «Спасском» отражено и в ключевом рефрене стихотворения («Да будет так же жизнь свежа»), в котором естественно угадывается формула из самого начала Книги Бытия («Да будет свет», Быт. 1 : 3; «да будет твердь...», Быт. 1 : 6 и т. д.). Соответственно, ночное любовное свидание как будто предшествует творению мира, сотворению самого света («покамест мы впотьмах»). Кроме того, возможно, рефрен сближает концовки всех стихотворений цикла: «тешась», «О, *свежесть*, о, капля смарагда», «одуряя наш мозг *молодой*», «*Счастливые* часов не наблюдают», «*хохот* райка» (курсив наш. — *Г. К., Д. П., К. П.*). Жизнь должна быть свежа, как ветерок и дождь, как свежо утро, мир, молодость, героиня и их чувства.

Как было сказано выше, мы не только предполагаем, что шесть стихотворений представляют собой отдельный цикл, но и что в нем предлагаются вариации на Книгу Бытия и тем самым вариации на сотворение мира как таковое. Именно этим объясняются угадываемые мотивы, некоторые из которых уже упоминались: Эдемского сада, грехопадения, изгнания из рая и создания мира (сотворения женщины) и др.

В первом стихотворении, задающем всему циклу «эдемскую огласовку», «дознанья», которые «хороши», кажутся нам намеком на рефрен первой главы книги Бытия («И увидел Бог свет, что он *хорош*» (Быт. 1 : 4), «И увидел Бог, что *это хорошо*» (Быт. 1 : 10, 12, 21, 25), «И увидел Бог все, что Он создал, и вот, *хорошо* весьма» (Быт. 1 : 31); курсив наш. — *Г. К., Д. П., К. П.*). С другой стороны, мотив как бы следовательского «дознанья», требующего заполнения «бланка», расследования произошедшего, может восприниматься как указание на будущее «дознанье», предшествующее изгнанию людей из рая (Быт. 3 : 9–24). В какой-то мере эти ассоциации легитимизируются и рифмой «хороши» — «души», аналогичной постоянной рифме стихотворения «Степь» (1, 140–141) («души» — «мураши» — «разрешит» — «запорошит» — «парашют»), которая, как убедительно показал Р. Д. Тименчик в своей статье, может восприниматься как звукоподражание первым стихам книги Бытия в их оригинальном, древнееврейском виде.[15]

«Набор уставших цвесть пород», наполняющих Нескучный, наравне с «садом души» — вполне соответствует и саду предвечному, чьи «породы» создаются и именуются на страницах Ветхого Завета. Эта ассоциация как будто поддерживается и на уровне звукописи — сотворение растительности в Книге Бытия сопровождается рефреном «по роду» («да произрастит земля зелень, траву, сеющую семя. Дерево плодовитое *по роду* своему плод... И стало так. И произвела земля зелень, траву, сеющую зелень *по роду* ее, и дерево, приносящее плод, в котором семя его *по роду* его...» (Быт. 1 : 11–12)).

Своеобразным намеком на мотив Сотворения мира может видеться и гитара, как правило, шести- или семиструнная, возникающая в конце «Нескучного» и контаминирующая

[15] *Тименчик Р. Д.* Расписанье и Писанье // Themes and Variations: In Honor of Lazar Fleishman = Темы и Вариации: Сб. статей и материалов к 50-летию Лазаря Флейшмана / Ed. by K. Polivanov, I. Shevelenko, A. Ustinov. Stanford, 1994. P. 70 (Stanford Slavic Studies; vol. 8).

мотив творчества с числительными, соответствующими дням Творения. Мотив отражения, заданный тут же («И окуная парк за старой / Беседкою в заглохший пруд») и вновь возникающий во втором, третьем и четвертом стихотворениях — быть может, варьирует «Дух Божий носился над водою» (Быт. 1 : 2). Отдельно хотелось бы отметить мотивы «срывания» («струны рвут») и, имплицитно, «вкушения» (звукописная игра «скучен — Нескучен» в московской произносительной норме звучит не иначе как «ску*ш*ен — неску*ш*ен»), как кажется, предваряющие дальнейшие вариации на тему вкушения плода и познания блаженства. Последующее наказание, выражающееся, в частности, в запрете на возвращение в Рай («И изгнал Адама, и поставил на востоке у сада Едемского Херувима и пламенный меч обращающийся, чтобы охранять путь к дереву жизни»; Быт. 3 : 24) — может соответствовать подчеркнутой огражденности, ограниченности Нескучного («От набережной и до ворот»).

Второе стихотворение представляется нам развернутой вариацией на тему искушения, связанного с женщиной. Как героиня искушается («бесами самолюбья») буржуазным образом жизни («Достатком, а там и пирами / И мебелью стиля жакоб»), так герой, судя по всему, наблюдающий ее туалет, искушается самой героиней, любовью к ней («„С кой стати?“, / Любовь...»), к «дивному, божьему пустяку». Очередным намеком на мотив срывания плода видится и «капля смарагда / В упившихся ливнем кистях», где изумрудная «капля» может напоминать яблоко, традиционно воплощающее в живописи библейский «плод познанья», а «кисти» в подтексте содержат и кисти рук, причесывающейся героини. Обратим внимание и на появление «детской» темы («Оставьте, / Вы хуже малых ребят»), развернутой в пятом стихотворении цикла, «Спасское» — традиционно соотносимое с ветхозаветным раем Царствие небесное открыто тем, кто «будет как дети» (Мф. 18 : 3).

В «Орешнике» описанный нами выше переворот мира с ног на голову, как кажется, в какой-то мере отражает произошедшее вкушение плода и следующее за ним познание добра и зла. «Свиданье малины с грозой», о котором мы писали выше, привносит в «бытийные» ассоциации цикла характерную скорее для раннего Пастернака вариативность христианской и античной мифологии. Кроме того, само название стихотворения «Орешник» бесспорно подкрепляет «плодовые» ассоциации. Подспудный сюжет о женщине, дающей мужчине плод (нимфа Ида и младенец Зевс), который мы попытались расшифровать в «свиданьи малины с грозой», поддерживается бытийными ассоциациями картины слияния неба и земли, о котором также см. выше.

Блаженство познания, как нам кажется, и становится центральной темой четвертого стихотворения цикла, «В лесу». Закономерно, экстатическое состояние по-новому увидевших мир героев, «познавших» его (и друг друга), контаминируется с уже эксплицитно присутствующими мотивами творения мира. Так образ мира, «мякнущего» на пальцах героев, обладая ярко выраженной творческой символикой, в то же время получает и эротические коннотации. Состояние между сном и явью, в котором находятся герои, как бы метонимически переносится на весь мир, «текущий» («Текли лучи. Текли жуки с отливом...»), «мутящийся» («луга мутило жаром лиловатым») от жары, будто бы возвращающийся в момент Сотворения — до затвердевания форм. Тем характернее, что над всей этой картиной доминирует богоподобная фигура часовщика-настройщика, повелевающего течением времени. Эти смысловые коннотации образа часовщика подкрепляются благодаря грибоедовской реминисценции — переставляемые Лизой часы должны были прервать затянувшееся свидание влюбленных, чтобы их не застал вдвоем Фамусов-отец, в финале же комедии он грозит обоим изгнанием из Москвы. Подтверждением наших ассоциаций служит и интертекстуальная перекличка: через строки о «лугах», которые «мутило жаром лиловатым», и сне «тех вдвоем» очевидно устанавливается связь с претекстом, к которому Пастернак уже обращался в первой книге стихов, стихотворением Гумилева «Сон Адама»: «Лиловые тени скользят по лугам...».[16]

[16] *Гумилев Н. С.* Стихотворения и поэмы / Сост., подг. текста и прим. М. Д. Эльзона. Л., 1988. С. 156 (Библиотека поэта. Большая сер.).

Таким образом, ощущение причастности влюбленных творению мира, судя по всему, как и в «Степи», опосредованное эротическим подтекстом, обманчиво, «древность счастья облетает», изгнание / наказание неизбежно. Это и становится основной темой пятого стихотворения цикла, «Спасское», в названии которого парадоксальным образом ощущается сотериологический посыл. Болезненность, которой охвачен осенний пейзаж, поддерживается чеховско-некрасовской нотой, быть может подсказывающей даже наличие в лесу отца. Желание библейских героев спрятаться от него, как уже сказано выше, можно увидеть в глаголах *застлать* и *завесить*. Этот мотив прикрывания наготы листьями мы предлагаем прочесть как намек на стесняющихся своей наготы после грехопадения (осенние листья и туман тем самым «варьируют» листья смоковницы). Напоминание о первородном грехе, о предвечной вине человека перед Богом (а заодно напоминанием о потере невинности), судя по всему, и видится герою в играх его подруги с листьями («И опять, — о, дитя, о, куда нам их деть? / Их так много уже, что не все ж — куролесить»), и в этом отношении нам кажется резонным вспомнить об этимологии слова «куролесить» (петь «Помилуй Господи!»).

Характерен «гомерический хохот райка», возникающий в финале стихотворения — ясно, что в данном случае «раек» обозначает не только верхние ярусы зрительного зала, но и, собственно, «рай». «Гомерический хохот» продолжает отмечавшееся нами дублирование ветхозаветных и античных мотивов (не забудем, что в «Спасском» подразумевается героиня по имени Елена, что вызывает естественные ассоциации с Еленой Прекрасной и, соответственно, яблоком раздора), кроме того, становится как бы финальным аккордом разрыва героев с раем и его Создателем.

Финальное стихотворение вновь повторяет уже возникавшие мотивы: творения, блаженства, грехопадения и изгнания. Очевидный бытийный рефрен («Да будет») как бы возвращает героев и читателей к началу цикла, истории их любви, истории человечества. Характернейший для поэтики Пастернака «фаустианский» прием, возвращение мира в райское («Степь как *до* грехопадения») или даже предшествующее сотворению состояние («хаос опять выползает на свет, как во времена ископаемых») и фиксация этого момента («Да будет так же жизнь свежа»). Отметим, что во «влюбленности неприкаянного бога» (1, 155) («Любимая — жуть! Когда любит поэт...»; курсив наш. — *Г. К., Д. П., К. П.*) анаграммируется имя героя, имплицитно присутствующего и в «Да будет»: «Зарей шел дождь, и он продрог <...> Он поразительно смешон! Зачем совался в сторожа?» Нам кажется, что, как гром в стихотворении «Счастье» («И, как Каин, / Там заштемпелеван теплом / Окраин, забыт и охаян, / И высмеян листьями гром...» (1, 94)), дождь, не сумевший предотвратить свидание героев (а значит и грехопадение?), — уподобляется Каину (который не сторож брату своему — Быт. 4 : 9). В финале же «покамест мы впотьмах» как будто бы снова возвращает к первым дням творения, до создания светил. Заметим, что здесь, как это часто бывает у Пастернака, любовь Адама к Еве оказывается силой принципиально тождественной творческой силе Создателя, а соответственно, промежуточные состояния (мира — до окончательного сотворения, райского блаженства — до изгнания, человечества — до первого убийства) — эквивалентными метафорами для изображения момента наивысшей власти художника над мирозданием. Именно в этом мы и видим назначение вариаций на темы первых глав Книги Бытия — как и вариации на темы Пушкина, Шекспира, Гете, Чайковского, Шопена, это, прежде всего, вариации на тему слияния творчества и мироздания, на тему рождения искусства (всегда повествующего «о своем рожденьи» (3, 185)).

DOI: 10.31860/0131-6095-2023-3-210-217

© *А. М. Грачева*

ОПЫТ АВАНГАРДНОЙ АГИОГРАФИИ: ПОВЕСТЬ А. М. РЕМИЗОВА «В РОЗОВОМ БЛЕСКЕ: ИЗ ПРО́ЛОГА»*

В 1952 году издательство имени Чехова опубликовало роман А. М. Ремизова «В розовом блеске». Исследование его текстологической истории выявило, что в ноябре 1951 года писатель представил в нью-йоркскую редакцию наборную рукопись значительного по объему авангардного произведения под названием «Оля», которое можно очень условно отнести к жанру романа-эпопеи. Как и в случае создания ряда других больших по объему произведений («Взвихренная Русь», «Учитель музыки», «Иверень» и т. д.), Ремизов сформировал «Олю» на основе сопровождаемого творческой переработкой монтажа написанных ранее автономных произведений, начав с одноименной повести 1927 года и закончив текстами 1940-х годов. Их все объединяла общая биографическая канва — история жизни и смерти жены писателя — Серафимы Павловны Ремизовой-Довгелло. После сложных переговоров автора с издателями «Оля» была опубликована не целиком и под названием «В розовом блеске», которое ранее относилось к одной из ее частей.[1] Только в настоящее время коллектив сотрудников Пушкинского Дома готовит это произведение Ремизова к первому изданию в полном виде.

История текста романа-эпопеи «Оля» во многом находится в стадии изучения. Один из ее неисследованных этапов — это процесс создания последних частей этого монументального произведения, появление которых было обусловлено трагическим событием в жизни писателя.

13 мая 1943 года Серафима Павловна скончалась после продолжительной болезни. В конце мая того же года Ремизов смог вновь вернуться к литературному труду после трехлетнего перерыва, связанного с уходом за умиравшей женой. Он возобновил ведение дневника и работу над художественной прозой. Основной темой творчества писателя, развитие которой осознавалось им как выполнение первостепенной нравственной задачи, стало сохранение памяти о Ремизовой-Довгелло. Отображение последних лет ее бытия имело целью не только запечатлеть воспоминания о реальном человеке — ушедшей из мира любимой спутнице жизни, обитательнице русского Парижа, но также, и это было главным, раскрыть метафизический смысл ее явления на земле.

И Ремизов стал работать над произведением, название которого в его творческом сознании варьировалось. В настоящее время в архивной традиции утвердилось единое, во многом формально-общее название «Сквозь огонь скорбей», под которым в описях обозначена группа текстов, реально имеющих и другие заглавия.

Сразу же надо отметить, что при изучении истории первого художественного произведения, созданного после смерти Серафимы Павловны, имеется одно обстоятельство, усложняющее этот процесс. Вспомним, что в 1948 году без согласия Ремизова его парижский знакомый филолог К. И. Солнцев вывез доверенный ему для обработки личный архив писателя в США. В составе документов находились также разновременные черновые и беловые автографы некоторых частей романа-эпопеи «Оля», включая и архивные источники, относящиеся к начальным этапам работы над его последними разделами. В дальнейшем все эти материалы вошли в отдельный фонд «Alexei Remizov and Serafima Remizova-Dovgello Papers», хранящийся в архиве Amherst Center for Russian Culture (США), и в настоящее время нет возможности их исследовать. Исходя из вышесказанного сейчас можно говорить об истории текста частей романа-эпопеи

* Статья подготовлена за счет гранта Российского научного фонда: проект № 22-28-00165 «Первая волна русской эмиграции в 1940-е — 1950-е гг.: культурные институции и межличностные коммуникации (по материалам архивов А. М. Ремизова)»; https://rscf.ru/project/22-28-00165/, ИРЛИ РАН.

[1] См. об этом подробнее: *Ремизов А. М.* В розовом блеске // Ремизов А. М. Собр. соч. СПб., 2019. Т. 15. В розовом блеске. С. 704–737.

«Оля» в границах: 1) анализа рукописей и авторизованных машинописных текстов из той части личного архива писателя, которая осталась у него после 1948 года и в 2014 году поступила на хранение в ГЛМ (Россия); 2) рассмотрения прижизненных публикаций отдельных частей текста.

Результаты самых ранних этапов работы Ремизова над первым художественным текстом, посвященным памяти жены, ныне находятся в американской части его архива.[2] В описи они условно обобщенно обозначены как черновые материалы к «Сквозь огонь скорбей».

Хронологически первый из доступных для изучения материалов, хранящихся в ГЛМ и связанных с указанной темой, — это беловой автограф с правкой в трех тетрадях.[3] На черной ледериновой обложке каждой из них процарапаны название, номер и дата, аналогично помете на первой тетради: «A. Remizov. I. Сквозь огонь скорбей. 1943». В этой тетради на л. 3 записано иное название рукописи. По его тексту произведена позднейшая правка: введена нумерация, изменившая последовательность его составляющих: «1 Алексей Ремизов / 3 Из Пр́олога / 2 *В розовом блеске* / 4 Памяти Серафимы Павловны Ремизовой-Довгелло / 5 † 13.V.1943 / Paris–Bagneux».[4] С этой рукописи была сделана недатированная авторизованная машинописная копия, имевшая следующее название, подзаголовок и «уточнение» к нему: «В розовом блеске / Из Пр́олога / Памяти Серафимы Павловны Ремизовой-Довгелло / 5 † 13.V.1943 / Paris–Bagneux».[5] По косвенным признакам время ее создания можно определить как начало 1944 года. Текст, зафиксированный в беловом автографе и в сделанной с него машинописи, представляет собой законченное прозаическое произведение, основанное на авторской концепции и имеющее целостную художественную структуру. Хотя оно было полностью завершено в 1944 году, но только в 1948 году, в пятилетнюю годовщину смерти Серафимы Павловны, Ремизову удалось опубликовать отдельные главы в периодике.[6]

Несмотря на недоступность для анализа самых ранних автографов, о его изначальном названии можно судить как по исходному порядку заглавия и подзаголовка в беловом автографе ГЛМ, так и по сохранившемуся важному эпистолярному свидетельству. 18 августа 1943 года Ремизов сообщал своему давнему другу Н. В. Зарецкому: «Три месяца я писал. Теперь буду переписывать, называю „Из пр́олога“ — о наших последних днях и годах. Я провел 1075 ночей ночного дежурства без перерыва. <...> Три года не писал».[7]

В древнерусской литературе Пр́ологом называли ведущий свое происхождение от византийских месяцесловов (синаксарей) церковно-учительный сборник сокращенных житий святых, поучений и назидательных рассказов, расположенных по дням года, из месяца в месяц.[8] Основную часть его содержания составляли жития. Это были произведения, относящиеся к определенному жанру церковной литературы, в которых описывалась жизнь, деяния, смерть и посмертные чудеса святого. Жития создавались после смерти того, кому они были посвящены, но не обязательно после его

---

[2] Amherst Center for Russian Culture. Alexei Remizov and Serafima Remizova-Dovgello Papers. Box. 16. F. 21–24.

[3] *Ремизов А. М.* Сквозь огонь скорбей. Беловой автограф с правкой. 1943 // ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 63.

[4] Там же. Л. 1; курсив мой. — *А. Г.*

[5] *Ремизов А. М.* В розовом блеске: Из Пр́олога. Авторизованная машинопись. <1944> // ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 65. Далее ссылки на нее приводятся в тексте сокращенно, с указанием листа.

[6] *Ремизов А. М.* 1) В розовом блеске: из страд «Сквозь огонь скорбей» (Пропад; Сирена; Конец; Омут; Туда; Дупло) // Новоселье (Нью-Йорк). 1948. № 37/38. С. 1–32; 2) В розовом блеске: Из страд «Сквозь огонь скорбей» (Пропад; Сирена) // Новости дня (Тяньцзин). 1948. 6 окт. № 273. С. 7–8.

[7] *Ремизов А. М.* Письмо Н. В. Зарецкому. 18 августа 1943 // Literární archive Památníku národního písemnictví v Praze. Pozůstalost Nikolaj Vasiljevič Zareckij.

[8] См.: *Фет Е. А.* Пролог // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1987. Вып. 1. XI — первая половина XIV в. / Отв. ред. Д. С. Лихачев. С. 376–381.

канонизации, и были написаны в соответствии с жанровым каноном. Медиевист Л. А. Сазонова отмечала: «Одна из идейных задач Про́лога состояла в том, чтобы показать образец поведения человека. Проблему положительного героя Про́лог решает на высоте агиографического идеала, т. е. в нем речь идет только о тех заслугах какого-либо персонажа, благодаря которым он зачислен в ранг святого».[9]

Полный комплекс первоначального названия ремизовского произведения с подзаголовками представляет собой как бы воспроизведение структуры заглавия проложной житийной статьи: «Из Про́лога. Памяти Серафимы Павловны Ремизовой-Довгелло / 5 † 13.V.1943 / Paris–Bagneux». Исследователь греческих житий Хр. М. Лопарев отмечал, что, кроме агиографов, создававших жития-мартирии мучеников за веру, были «лица, которые желали почтить память и в мире скончавшихся новых подвижников. Здесь материал у агиографа был совершенно другого рода, <...> там в основание легли письменные судебные протоколы, регистры, здесь — личные воспоминания о святом <...>. Ученик, пишущий воспоминания о своем любимом учителе <...>, с благоговением останавливается на каждом факте его духовной аскетической жизни, прославляя святость дел его. Воспоминания эти, в виде βιος'а (жизнеописания, жития. — *А. Г.*), пишутся для прославления имени подвижника, следовательно должны отличаться известными литературными приемами и достоинствами...».[10] Так называемое похвальное житие имело свою разработанную жанровую схему,[11] и она явственно прочитывается как одна из структурообразующих основ ремизовского текста о жене, первоначально названного «Из Про́лога».

В заглавии жития обычно указывается месяц и день памяти святого. Аналогичным способом эти сведения представлены в подзаголовке ремизовского текста: «Памяти Серафимы Павловны Ремизовой-Довгелло / 5 † 13.V.1943 / Paris–Bagneux».

В главной части похвального жития традиционно сообщается о достославных и благочестивых предках и родителях прославляемого святого. В произведении Ремизова эта этикетная информация разворачивается в подробный рассказ о древнем и знаменитом роде Довгелло, связанном с королями и гетманами, об их величественном замке и о сокровищах хранившейся в нем библиотеки: «В одной из башен архив с королевскими и царскими грамотами, с фамильными письмами и деловыми бумагами <...> Там же и богатое книгохранилище, собранное поколениями: книги польские и русские» (л. 3). Подробное перечисление книжных богатств Довгелло подчинено задаче не только представления Серафимы Павловны как знатной аристократки, но и, что для Ремизова главное, как аристократки духа, принадлежавшей к роду хранителей мировой культуры, которая воплощена в образе-символе мировой Литературы.

Частью житийного канона является описание обучения и подвигов святого, связанных с родом его занятий. В произведении «В розовом блеске: Из Про́лога» много места уделено описанию учебы Серафимы Павловны и ее дальнейшей научной деятельности как ученого-палеографа и преподавателя. Развивая одну из базовых в религиозной дидактической литературе оппозиций «учитель/ученик», Ремизов позиционирует себя так: «Должен сказать про себя: я верный и, наверное, самый прилежный ученик С. П-ы. <...> мое всегдашнее любопытство и к слову, само-собой, но главное, к ладу природной русской речи, как строится фраза из этих слов. И тут я понял — наука С. П-ы — с чего надо начинать всем русским людям, чтобы усвоить доподлинно русское и в письме, и в речи» (л. 42). Таким образом, он наполняет новым глубоким смыслом нередкое в похвальных житиях утверждение о том, что о прославляемом святом пишет его ученик. Ремизов трактует научно-педагогический труд Серафимы Павловны — осуществляемую ею передачу своих уникальных знаний о языке иным лицам,

---

[9] *Сазонова Л. А.* Про́ложное изложение как литературная форма // Литературный сборник XVII века. Про́лог / Под ред. А. С. Демина. М., 1978. С. 30 (Русская старопечатная литература. XVI — первая четверть XVIII в.).

[10] *Лопарев Хр. М.* Греческие жития святых VIII и IX веков. Опыт научной классификации памятников агиографии с обзором их с точки зрения исторической и историко-литературной. Пг., 1914. Ч. I. Современные жития. С. 13.

[11] См.: Там же. С. 16–35.

и в том числе ему, как деятельность одного из Великих Учителей (Аввакума — Гоголя — Достоевского etc.) — тех, кто хранил, транслировал и развивал из века в век «теорию русского лада» — ключ к соединению элитарной и народной культур, — теорию, утверждение и пропаганда которой в 1940–1950-е годы становится одной из основных идейно-эстетических задач Ремизова как литературного теоретика.[12]

Художественное пространство повести «В розовом блеске: Из Пóлога» соответствует восходящему к средневековым представлениям строению мирового универсума как системы «кругов», от глубин ада восходящих к небесным высотам. В древнерусской литературе такое представление отразилось, в частности, в апокрифах «Хождение Богородицы по мукам», «Видение Исайи», образы и символику которых Ремизов неоднократно использовал в своем творчестве. Писатель осмысляет жизненный путь Серафимы Павловны как движение по кругам универсума.

Одной из важных частей житийного канона было отражение отношения прославляемого лица к супружеству, по выражению Лопарева, «подавляющее число святых бежало брака <...> и жило полными аскетами».[13] Ремизов находит своеобразный «паритет» между фактами реальной биографии Серафимы Павловны (жены и матери) и каноническим требованием отвержения житийного героя от плотских страстей. Он дополняет восходящее к средневековой традиции представление о пирамиде мировых «кругов» созданной им легендой о «зеленом круге», мифопоэтические образы которой восходят к произведениям И.-В. Гете: его философской сказке о зеленой змее и прекрасной лилии из повести «Разговоры немецких беженцев» (1794) и второй части драмы «Фауст» (1774–1831), откуда Ремизов заимствовал символику образов богинь «Матерей». Согласно ремизовской легенде, за мистической, круглой по форме «зеленой оградой» пребывают безгрешные и бессмертные «Матери» — девы-прорицательницы судеб. По воле судьбы Серафима Павловна отступила от своего предназначения: остаться безбрачной и находиться в заповедном «зеленом круге». Замужество и дальнейшая трагическая разлука с дочерью Наташей осмысляются как результат ее перехода в низший бытийный «круг», как проявление некоей кары за нарушение запрета. Ремизов сообщает о постоянном стремлении героини к возвращению в «родное пространство», где ее облик приобретает утопические черты: «Еще она мечтала о монастыре. Не подвижничество, не работа, а тихость, созерцательность привлекали ее <...> И сколько раз за нашу долгую жизнь сквозь горькие слезы — смотреть больно, но бывало <...> просила она меня отпустить ее. И это не то, что не поладили бы друг с другом, нет, совсем, совсем не то. Так она больше не может быть, она будет жить в монастыре и ее никто не тронет, или хотела бы жить одна где-нибудь поближе к церкви, не пропустить ни одной службы <...> Я видел, а с годами уверялся, что ей очень тяжело в этой жизни — кувшины слез были выплаканы! но одной ей, без меня?» (л. 51).

Жизнь Серафимы Павловны за пределами родного ей мира, за «зеленой оградой», осмысляется писателем как этапы ее мытарств («страд»). При этом он использует заимствованный из апокрифов термин «круг» для обозначения разных пространств земного ада: «От революционного круга она отошла, а через меня попала в писательский: из огня да в полымя. Да, в монастырь запросишься» (л. 54). Последующими видами земных «страд» предстают и ее жизнь в годы Второй русской революции, и ее существование в годы эмиграции. Апофеозом перенесенных Серафимой Павловной земных испытаний становится ее последняя «страда» — годы болезни. Ремизов детально отображает этапы развития смертельного недуга, когда его жена, подобно героиням житий-мартириев, кротко и терпеливо переносит выпавшие ей на долю физические страдания: «До последнего дня всякое утро она читала Евангелие и потом писала, но это был не дневник, а молитва: она писала письмо Богородице <...> Три года запись — три года молитвы; в последнем письме строчки не дописаны, писала

---

[12] Подробнее об этом см.: *Грачева А. М.* 1) Истоки и эволюция «теории русского лада» Алексея Ремизова (1900–1920-е гг.) // Проблемы исторической поэтики. 2019. Т. 17. № 3. С. 232–257; 2) «Теория русского лада» Алексея Ремизова (1930–1950-е гг.) // Там же. 2021. Т. 19. № 1. С. 347–374.

[13] *Лопарев Хр. М.* Греческие жития святых VIII и IX веков. С. 25.

из последних. Она родилась с верою и через всю жизнь неотступно пронесла ее, эту веру пламенную и несомненную» (л. 119).

Однако в итоге в произведении Ремизова использование приемов работы средневекового книжника-агиографа приобретает прикладной характер и оказывается подчинено решению более сложной художественной задачи, чем адаптация образа героини к параметрам изображения святой мученицы и написание ее жития.

У Ремизова направление жизненного странствования Серафимы Павловны не было поступательным движением снизу вверх. Сначала это — выход за «зеленую ограду» и «падение» с трансцендентной высоты в земную юдоль, затем, после «страд» хождения по «кругам» испытаний и после физической смерти — преображение, переход из телесной формы в нематериальную сущность и возвращение в исходный, родной ей «зеленый круг».

По ряду аспектов мистико-философские онтологические воззрения Ремизова являли собой, в целом, эклектичное соединение постулатов христианского вероучения с концепциями Я. Беме, И.-В. Гете, Р. Штейнера и других мыслителей. При этом с эпохи Серебряного века у писателя оставалось константным представление о теургической роли искусства, способного к преображению реальности и возрождению ее уже на новом высшем уровне бытия. После ухода из жизни Серафимы Павловны его главной задачей стало ее воскрешение с помощью творчества.

Процесс усложнения идейно-художественной концепции произведения Ремизова отражает появление второго названия повести: «В розовом блеске», оттеснившего первое («Из Пролога») на уровень подзаголовка.

Поскольку в дальнейшем словосочетание «в розовом блеске» стало названием опубликованного в 1952 году романа, то исследователи неоднократно старались найти истоки этого выражения, генетически возводя его то к определениям природы Божественного света на иконах Андрея Рублева, то к индивидуально-авторской интерпретации разных коннотаций, связанных с символикой розового цвета в культуре.[14] Автор этой статьи указала на упоминание поэтического выражения («На хижину сыпался розовый блеск...») в элегии В. А. Жуковского «Теон и Эсхин» (1814).[15]

Но в настоящее время гипотезам может быть подведен итог. В архиве Ремизова удалось найти отдельный листок бумаги, запись на котором позволяет завершить поиски источника названия:

«Свет видит
Светлый воздушный призрак,
Сияющий розовым блеском
Марьина роща
Жуковский
1809 г.
под розовым блеском».[16]

Заметки на листке прямо указывают на факт обращения Ремизова к романтической повести В. А. Жуковского «Марьина роща» (1809). Это представленное в условно-древнерусских «сукнах» повествование о беззаветной любви уехавшего странствовать рапсода («певца») Услада и Марии, вышедшей замуж за другого и убитой мужем из ревности к ее памяти о первом возлюбленном. Вернувшись, Услад искал ее могилу.

---

[14] См.: *Поляков Ф.* «В розовом блеске» Алексея Ремизова: память культуры и ритуал поминовения // From Medieval Russian Culture to Modernism. Studies in Honor of Ronald Vroon / Eds. L. Fleishman, A. Ospovat, F. Poljakov. Frankfurt a/Main et al., 2012. S. 151–161 (Russian Culture in Europe. Vol. 8); *Обатнина Е. Р.* «Книга Жизни» // Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 15. В розовом блеске. С. 644–649.

[15] *Грачева А. М.* Роман-коллаж Алексея Ремизова «В розовом блеске»: к истокам художественной концепции // Долг и любовь: Сб. филологических работ в честь 65-летия профессора М. В. Михайловой. М., 2011. С. 66–75.

[16] *Ремизов А. М.* «Свет видит...». Автограф. <1944> // ГЛМ. Ф. 156. Оп. 6 (в обработке). Текст до даты и сама дата написаны карандашом, последняя строка — позднейшая запись чернилами.

Ночью ему являлся призрак умершей, который приводил рапсода к месту погребения. Верный своей единственной любви, Услад посвящал остаток жизни монашескому служению в часовне на гробе Марии.

По каким же причинам внимание Ремизова привлекло это раннее произведение Жуковского, во многом полное романтических клише?

Писатель, начав создание текста, посвященного памяти Серафимы Павловны, в традициях похвального жития и мартирия, должен был завершить его, согласно жанровой схеме, финалом — отображением кончины святого и его посмертных явлений оставшимся на земле людям. По житийному канону, как отмечал Лопарев, после смерти праведника «от тела распространялось благоухание и над телом почившего с наступлением ночной темноты появлялся свет», а, являясь людям после смерти, святой отделялся «от земли, как бы вися в воздухе».[17]

Для Ремизова задачей финала его произведения было, во-первых, представить изменение земной ипостаси Серафимы Павловны, ее преображение в сверхъестественную сущность, в жительницу мира «за зеленой оградой», а во-вторых, отобразить возникновение своих новых, уже мистических контактов с нею. При этом писатель осознавал то, что умением общаться с обитателями иного мира он наделен потому, что является творцом искусства — демиургом, способным к преображению реальности.

Работая над произведением, Ремизов обращался к своему «Дневнику мыслей», создаваемому параллельно с ним, дневнику особого рода, в котором записи дневных событий соединялись с фиксацией еженощных снов. Писатель неоднократно вставлял незначительно переработанные отрывки из него в ткань повествования. По этим записям можно точно проследить, когда он впервые увидел во сне умершую супругу, которая в дальнейшем стала постоянной спутницей писателя-визионера в его ночных странствиях по временам и пространствам. Это явление Серафимы Павловны зафиксировано в записи сна в ночь с 14 на 15 июня 1943 года: «В первый раз видел во сне С. П. в белом. В ее комнате огромное окно и видно зарево. Мы оба в этой комнате, но странно, ее я вижу, хоть и рядом с собой, а как будто на дальнем расстоянии: лицо „в общих чертах“».[18]

В процессе работы Ремизова над произведением «В розовом блеске: Из Пролога» забытая повесть Жуковского актуализировалась в его творческом сознании благодаря типологическому сходству двух ключевых эпизодов. И в «Дневнике мыслей», и в «Марьиной роще» зафиксирована ситуация первого контакта художника с умершей возлюбленной, представшей в облике неземной сущности. Речь идет об эпизоде повести Жуковского, когда тоскующему рапсоду в первый и единственный раз являлся дух умершей Марии: «Услад задумался <...> Час полночи, всеобщее безмолвие <...> все приготовляло душу его к чему-то необычайному: таинственное ожидание наполняло ее. Услад сидит неподвижно... прислушивается... все молчит... ни звука... ни шороха... Вдруг от дубравы подымается тихий ветерок: <...> ясная луна затуманилась, по всем окрестностям пробежал сумрак, какое-то легкое, почти нечувствительное дуновение прикоснулось к пламенным щекам Услада и заиграло в его разбросанных кудрях: казалось, что в воздухе распространялось благовонное дыхание весны и разливалась приятная, едва слышимая гармония, подобная звукам далекой арфы. Услад поднимает глаза... что же? О ужас, о радость!.. он видит... видит перед собою Марию — светлый, воздушный призрак, сияющий *розовым блеском*; одежда ее, прозрачная, как утреннее облако, летящее перед зарею, расстилалась по воздуху струями; лицо ее, как чистая лилия, казалось прискорбным, на милых устах видима была унылая улыбка; задумчивый взор ее стремился к Усладу. <...> — Ты ли, душа моей Марии? — воскликнул он, простирая к привидению трепещущие руки. <...> Он умолк — ответа не было».[19]

---

[17] *Лопарев Хр. М.* Греческие жития святых VIII и IX веков. С. 31, 34.

[18] *Ремизов А. М.* Дневник мыслей 1943–1957 гг. СПб., 2013. Т. I. Май 1943 — январь 1946 / Отв. ред., автор вступ. статьи А. М. Грачева; подг. текста А. М. Грачевой, Н. М. Конычевой, Л. В. Хачатурян; комм. А. М. Грачевой, Л. В. Хачатурян. С. 38.

[19] Цит. по: *Жуковский В. А.* Марьина роща (1809) // Марьина роща: Московская романтическая повесть / Вступ. статья и прим. В. Муравьева. М., 1984. С. 36; курсив мой. — *А. Г.*

В тексте «В розовом блеске: Из Пр́олога» первое явление Серафимы Павловны Ремизову — это и кульминация, и сюжетный конец произведения: «И в эту ночь, когда я погасил лампу и лежал, не закрывая глаз, вдруг над столом осветилось — и белый блестящий шар, вспыхнув, погас. / Комната с бисерной стеной <...>, а окно во всю стену и из окна далеко даль, и в самой дали над крышами, трубами и пустырями разливается трепещущее зарево. <...> это ночь и свет такой — лунный. <...> Мы стоим рядом лицом к окну: С. П. и я, она в белом, и вся светится: платье, лицо и руки — приподнятые руки — глаза и улыбка — *в розовом блеске*. И одно мне странно, ведь рядом, и, кажется, плечо к плечу, а вижу, как издали, и не подаст голоса. / Через 40 дней — как быстро прошли эти мытарские 40 дней и 40 ночей... <...> Все эти дни и все ночи я писал, очень трудно после трехлетнего перерыва, слова не поддаются, а потом, когда и приходят, разве это то? — и сколько такого, чего и не выговоришь. <...> Только в эту ночь, в первый раз за все 40 ночей вдруг слышу — так ясно и просто зовет. <...> И уж наяву, прислушиваясь к моей звучащей памяти и в ней различая этот голос — он звал меня так ясно и просто, — я подумал: „вот однажды на оклик проснусь, и все, что было, окажется только сон был“» (л. 156–157; курсив мой. — *А. Г.*).

Финалом «В розовом блеске: Из Пр́олога» является действие, совершаемое творцом искусства, — движение *a realibus ad realiōra*, преображение первичной земной реальности, оказавшейся лишь «сном». Житие трансформируется в мистерию, завершающуюся смертью и следующим за ней мистическим *воскрешением*, происходящим по воле не только Создателя, но и демиурга-художника.

Таким образом, можно сделать вывод, что, когда в 1943 году Ремизов смог вновь вернуться к творчеству, он написал авангардное произведение, необычное и новаторское по жанру. Только очень условно его допустимо назвать «повестью». Писатель воспользовался агиографическим жанровым каноном, соединив в своем тексте черты, присущие поджанрам мартирия и похвального жития. Сюжетная схема, способы изображения героини, целеполагающая дидактическая задача повествования — все эти составляющие поэтики житий были применены им для создания идеального образа Серафимы Павловны — праведницы и мученицы. Обратившись к традиции романтизма, преломленной через личный опыт аккомодации мифотворческих практик символистов начала XX века, Ремизов взял из нее идеи абсолютизации и сакрализации Любви и обожествления искусства, творец которого способен преодолеть смерть и установить контакт с существом из высшей реальности.

На рубеже 1940–1950-х годов писатель незначительно переработал свое произведение «В розовом блеске: Из Пр́олога» и включил его в сложную по конструкции монтажную книгу — роман-эпопею «Оля» в качестве двух разделов части, озаглавленной «Сквозь огонь скорбей». Лежащая в основе этого названия метафора была вольным переложением образов псалма 65: «Ввел ны еси в сѣть, положилъ еси скорби на хребтѣ нашем. / Возвелъ еси человѣки на главы нашя: проидохомъ сквозѣ огнь и воду, и извел еси ны въ покой. / Вниду въ домъ Твой со всесожженіемъ, воздамъ Тебѣ молитвы моя, / яже изрекостѣ устнѣ мои, и глаголаша уста моя въ скорби моей» (Пс 65: 11–14). Текстуально точно название «Сквозь огонь скорбей» совпадает с восходящей к тому же библейскому источнику цитатой из письма Святителя Игнатия (Брянчанинова) от 24 марта 1848 года, которое было адресовано пребывавшему в печали архимандриту Игнатию (Васильеву): «Подобает душе и телу истончиться, как паутине, пройти *сквозь огнь скорбей* и воду очистительную покаяния и войти в покой духовный — в духовный разум, или мир Христов, что одно и то же».[20] В настоящее время трудно установить, откуда Ремизову стали известны слова из послания свят. Игнатия. Возможно, его сочинения были среди книг, относящихся к так называемому «душеполезному чтению», которые в первое время после смерти жены приносили Ремизову верующие лица из ближнего круга для утешения в скорби. В его дневниковых записях 1943 года можно

[20] *Игнатий (Брянчанинов), свят.* Письмо архимандриту Игнатию (Васильеву). 24 марта 1848 г. // Игнатий (Брянчанинов), свят. Полн. собр. писем: В 3 т. М., 2011. Т. 2. Переписка с монашествующими / Сост. О. И. Шафранова. С. 342; курсив мой. — *А. Г.*

обнаружить следы чтения подобной литературы. В то же время заглавие «Сквозь огонь скорбей» сохраняло генетическую «память» об исходном тексте «В розовом блеске: Из Пр́олога», повествовавшем о многострадальном жизненном пути Серафимы Павловны. Для Ремизова древнерусское понятие «страды»-страдания было неотъемлемо связано с образностью и сюжетными мотивами апокрифа «Хождение Богородицы по мукам» (ремизовский пересказ этого текста имел заглавие «Страды Богородицы»), в котором Божья Матерь видела муки горящих в огне грешников и сострадала им. И значимо то, что после требования издательства имени Чехова переименовать роман-эпопею «Оля» Ремизов отдал название своего так и не опубликованного целиком автономного произведения всей книге, тем самым сделав центральной идею бессмертия любимой, после краткой земной жизни вечно сияющей «в розовом блеске».

DOI: 10.31860/0131-6095-2023-3-217-230

© *В. Ю. Вьюгин*

ЧТО ХОТЕЛ СКАЗАТЬ СОВЕТСКИЙ КЛАССИК, НО НЕ СКАЗАЛ? (РЕЧЬ М. А. ШОЛОХОВА НА ВТОРОМ ВСЕСОЮЗНОМ СЪЕЗДЕ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ)

Предлагаемая статья продолжает серию публикаций, посвященных Второму Всесоюзному съезду советских писателей, состоявшемуся в декабре 1954 года и до сих пор остающемуся малоизученным событием из истории отечественной культуры периода «оттепели». В 2018 году вышла первая объемная монография о съезде, подготовленная коллективом авторов.[1] За ней последовали публикации, отражающие результаты новых архивных разысканий — дополняющие и уточняющие то, что было известно о нем ранее, с точки зрения «изнаночной», институциональной, стороны дела: когда, кем и как принималось решение о его созыве, как проходила подготовка, какие усилия предпринимались управленческим аппаратом Союза писателей для обеспечения работы и досуга его участников в Москве.[2]

Представленные ниже наблюдения касаются одного из самых эмоционально ярких и одновременно содержательно важных моментов съезда — речи, которую произнес на нем М. А. Шолохов. Общая ситуация вокруг выступления маститого писателя, цели, которые он преследовал, выходя на трибуну, и реакции слушателей на его высказывания, уже обсуждались в ряде исследований.[3] Сейчас же в центре нашего внимания окажется не публичная, а закулисная история речи. Выражаясь точнее — история ее текста, прослеживаемая по нескольким архивным источникам от ранних вариантов до окончательного, опубликованного почти два года спустя после съезда в так называемом «стенографическом отчете».[4] Вместе с тем это повод поговорить

[1] Второй Всесоюзный съезд советских писателей. Идеология исторического перехода и трансформация советской литературы. 1954 / Отв. ред. В. Ю. Вьюгин; сост. К. А. Богданов, В. Ю. Вьюгин. СПб., 2018.

[2] *Вьюгин В. Ю.* 1) Задумано Сталиным — сделано Хрущевым (Еще раз о Втором Всесоюзном съезде советских писателей СССР) // Русская литература. 2020. № 3. С. 232–241; 2) Экономика скуки: Заметки о Втором Всесоюзном съезде советских писателей // Carpe diem: профессору Александру Анатольевичу Карпову ко дню семидесятилетия / Под ред. Е. Н. Григорьевой, Н. А. Гуськова, Н. А. Карпова, Е. М. Матвеева. СПб., 2021. С. 372–379.

[3] *Липовецкий М. Н.* Поэтика скандала: речь Шолохова на Втором съезде писателей // Второй Всесоюзный съезд советских писателей. Идеология исторического перехода и трансформация советской литературы. С. 226–246.

[4] Второй Всесоюзный съезд советских писателей. 15–26 декабря 1954 года. Стенографический отчет. М.: Советский писатель, 1956.

о характере известных на сегодняшний день документов, по которым сейчас приходится восстанавливать картину съезда. Цель, которая ставится в предлагаемой работе, состоит в том, чтобы понять, что хотел сказать Шолохов на втором съезде писателей, но не сказал, что могли бы узнать о ней читатели из публикаций, но не узнали.

К истории текста

Прежде всего имеет смысл охарактеризовать материал, с которым мы будем иметь дело, в целом. Упомянутый стенографический отчет о съезде был сдан в набор 31 декабря 1955 года, но подписан к печати только 19 мая 1956-го, т. е. уже после XX съезда КПСС, который состоялся в феврале. За время, пока отчет готовился (а приступили к этой работе еще в декабре 1954 года), произошло немало изменений как в политике, так и в культуре. Принимая во внимание характерное для СССР стремление к регулярной корректировке истории, вопрос о том, насколько точно задержавшееся издание отражает коллизии 1954 года и можно ли вообще рассматривать его в качестве достоверного свидетельства, напрашивается сам собой.[5] Ответ на него, как теперь уже ясно, очевиден. Если иметь в виду историю самого съезда, а не тот его имидж, который был создан позже, самостоятельного значения опубликованное в 1956 году издание не имеет. Оно может использоваться только как отправная точка для дальнейших разысканий и реконструкций при тщательном сопоставлении с другими сохранившимися документами. Такого рода сопоставление, собственно, и положено в основу предлагаемой статьи. При всем этом выбросить издание 1956 года из истории литературы невозможно, поскольку для последующих поколений оно превратилось в «каноническое», в какой-то степени повлияв даже на личные воспоминания самих участников мероприятия.

Материалы съезда хранятся в разных архивах, но большая их часть аккумулирована в РГАЛИ в фонде № 631 (Союз писателей СССР (Москва, 1934–1991)). В информационном отношении в связи с вопросом о том, что действительно произносилось со съездовской трибуны, вероятно, особую ценность представляет входящий в него корпус так называемых правленых и неправленых «стенограмм» (Ф. 631. Оп. 28, 30 и др.). Впрочем, и они не могут претендовать на роль абсолютно достоверного свидетельства тому, о чем говорилось на съезде, поскольку первоисточника — стенографической записи, осуществлявшейся, как предполагается, во время выступлений, — среди них нет.

Работа по формированию официального отчета о писательском собрании 1954 года *в общих чертах*, видимо, проходила так. С изначальной, отсутствующей, стенограммы были сняты машинописные копии. Эти копии затем раздавались авторам выступлений и редакторам, которые правили их общими усилиями. Некоторые из выступавших передавали редакторам собственные машинописные и рукописные варианты речей, которые тоже принимались во внимание составителями. Затем была сделана еще по меньшей мере одна машинопись, отразившая результаты первоначальной редактуры. В конце 1955 года и в начале 1956 года, перед публикацией, текст снова подвергся правке.

Очевидно, что обнародованный в 1956 году текст, в целом как будто бы отражающий суть происходившего на съезде, был тщательно переработан. Изменения касались главным образом частностей, но совокупность мелочей кардинально изменила первоначальную картину. Прежде всего из текста «стенограммы» были вычеркнуты — за исключением одной, во вступительном слове О. Д. Форш — прямые отсылки к Сталину и похвалы в его адрес, так что писательское собрание сразу превратилось из «сталинистского» в «оттепельное», созвучное XX съезду партии. «Устность», эмо-

[5] Для сравнения — стенографический отчет о Первом Всесоюзном съезде писателей (Первый Всесоюзный съезд советских писателей. 1934. Стенографический отчет. М.: Государственное издательство «Художественная литература», 1934), проходившем в Москве с 17 августа по 1 сентября 1934 года, был сдан в производство 13 октября, окончательно пописан к печати 26 ноября и вышел в том же году.

циональность, конфликтность если не изгонялись из отчета, то сглаживались. Причем в процедуре «гармонизации» принимали участие не только редакторы, но и, как уже отмечалось, сами писатели, старавшиеся, если так можно выразиться, «олитературить» свои выступления, сделать их более нейтральными по тону. Все следы разногласий устранить было трудно, но движение к «риторике согласия» очень заметно.

Такова общая картина. Вместе с тем каждое выступление на съезде имеет свою «микроисторию», которую приходится реконструировать отдельно. Шолоховское — не является исключением, так что прежде всего необходимо просто установить, как соотносятся между собой варианты его речи хронологически. Только после этого можно будет делать предположения о том, что Шолохов хотел сказать на съезде, что он действительно сказал и что было исправлено затем при публикации.

Нам известны пять вариантов речи Шолохова. Опубликованы из них были две. Три хранятся в РГАЛИ. В это число входят:

— «неправленая стенограмма» в форме машинописи (РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 28. № 12. Л. 58–75). Далее — НМС (неправленая машинопись стенограммы);

— первый вариант правленой стенограммы в форме машинописи (РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 30. № 329. Л. 154–171). Датирована 24 декабря 1954 года с указанием размножить в 15 экземплярах. Далее — ПМС (правленая машинопись стенограммы);

— второй вариант так называемой правленой стенограммы в форме машинописи первой закладки (РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 30. № 329. Л. 172–185). Далее — ПМПЗ (правленая машинопись первой закладки);

— речь Шолохова, опубликованная в «Литературной газете» в 1954 году по следам съезда (26 дек. № 159 (3343). С. 2). Далее — ЛГ;

— речь Шолохова, опубликованная в стенографическом отчете в 1956 году (Второй Всесоюзный съезд советских писателей. 15–26 декабря 1954 года. Стенографический отчет. М., 1956. С. 374–378). Далее — СО.

Выстроить архивные источники по хронологии проблематично. Характеристики «правленая» и «неправленая» были даны составителями фонда, но при всем уважении к предшественникам такой информации нельзя доверять без дополнительных подтверждений (вполне можно допустить, что «неправленая» стенограмма была исправлена и потом перепечатана начисто). Кроме того, с первого взгляда непонятно, какой вариант из двух правленых стенограмм более ранний. Датировки на источниках, за исключением ПМС, отсутствуют, хотя и датировкам тоже полностью доверять смысла нет: их могли поставить приблизительно и задним числом. В результате мы имеем три неопубликованных варианта речи Шолохова, хронологические отношения между которыми требуют специального внимания. Не менее важно для ситуации вокруг подготовки, произнесения и рецепции речи знать, какими источниками пользовались ее редакторы при публикации сначала в 1954-м, а затем в 1956 году. Чтобы выяснить все эти нюансы, потребовалось провести дополнительные текстологические разыскания, но повторить те же самые наблюдения может каждый. Вывод, к которому они приводят, состоит в следующем. В поисках ответа на вопрос, о чем Шолохов на самом деле *сказал* на съезде, главными источниками действительно являются варианты стенограммы НМС и ПМС. Причем последний — без учета внесенной в нее задним числом исправлений. В попытке же установить, что Шолохов *хотел сказать* с трибуны, *но не сказал*, основным подспорьем оказывается ПМПЗ, поскольку этот вариант содержит довольно значительную правку, отражающую процесс работы над текстом речи накануне выступления. Зная это, можно перейти к основному сюжету — к тому, как менялось содержание речи от этапа подготовки до ее публикации в 1956 году.

Перформанс

Чтобы лучше понять суть преобразовательской деятельности Шолохова в роли автора и редактора собственного текста, имеет смысл учесть специфику его «перформанса», общий контекст и то, как писатель готовился к речи. Во-первых, его слов ждали.

Во-вторых, Шолохов ожидания оправдал: на фоне «гипнотического» дискурса, характерного для большинства съездовских заседаний, его выход на трибуну произвел эффект если не грома среди ясного неба, то неожиданного пробуждения. Как шутили участники события: «Сперва съезд шел гладковато, а теперь шолоховато...»[6] Кроме Шолохова, лишь малая толика ораторов — таких, как О. Ф. Берггольц, И. Г. Эренбург, В. В. Овечкин — оказалась способной нарушить плавное течение собрания, во время которого доминировали долгие доклады писательской верхушки, а не живое обсуждение насущных проблем. «Суконный» язык съезда был особенно заметен на фоне литературных баталий при подготовке к съезду.

Речь Шолохова звучала на общем фоне бескомпромиссно критично. Он не церемонился даже с именитыми коллегами. В отличие от подавляющего большинства других ораторов, предпочитавших пользоваться обезличенными формулами типа «некоторые литераторы, оторванные от жизни» (СО, с. 9), «некоторые из наших авторов впадают в схематичность и поверхностность» (СО, с. 62), Шолохов часто, хоть и не всегда, обращался к оппонентам адресно. Если же имена не назывались, то они без труда угадывались.

Важно иметь в виду и то, что стиль его выступления выделялся демонстративной «простоватостью», фамильярностью и фигуративностью одновременно. Маска «деревенщины» как бы оправдывала те довольно необычные для съезда формы аргументации, которые писатель избирал. Но несмотря на кажущуюся свободу выражения, Шолохов чрезвычайно тщательно взвешивал каждую фразу, нормируя степень ее инвективности.

Его нападению подверглись представители как возглавляющего съезд «консервативного», так и «либерального», отодвинутого от управления, лагерей писательской элиты. С одной стороны, Шолохов предъявил претензии редактору «Литературной газеты» Б. С. Рюрикову и заместителю генерального секретаря Союза писателей К. М. Симонову, дополнив этот выпад против секретариата атакой на высокопоставленных деятелей советского киноискусства — актрису А. К. Тарасову и кинорежиссера М. Э. Чиаурели. С другой стороны, Шолохов обрушился на И. Г. Эренбурга, которого незадолго до съезда лишили предполагаемого статуса одного из основных докладчиков,[7] но все же попытавшегося обратиться к коллегам на языке «оттепели». Кроме того, Шолохов выразил неудовольствие в адрес выступивших накануне съезда с несколько нестандартными манифестациями советских писательниц, которых, правда, по именам не назвал. Из контекста предсъездовской дискуссии, однако, ясно, что это были в первую очередь О. Ф. Берггольц, В. Ф. Панова, М. С. Шагинян. Наконец, помимо конкретных лиц, писатель выразил возмущение целыми институтами — на тот момент еще *сталинскими* премиями и «писательскими колониями» вроде Переделкина, поддержав в этом начинании весьма ригористичного Овечкина. Против главного писательского института — самого Союза писателей — он обвинений не выдвигал, несмотря на то что необходимость единой писательской организации была поставлена под сомнение группой литераторов накануне съезда и чего-то подобного можно было ожидать.

Нас будет интересовать не только то, чем был недоволен Шолохов, но и то, как он свое недовольство выражал, каким риторико-стилистическим инструментарием пользовался и — главное — как его подбирал и корректировал.

Мы остановимся на основных и самых броских в данном смысле фрагментах его речи, прослеживая их текстологическую динамику. Каждый из этих фрагментов, вместе с правкой, которая в них была внесена, отражает реакцию Шолохова на совершенно определенные темы, обсуждаемые на съезде, что позволяет разбить комментарии к ним на эпизоды, связанные с той или иной конкретной проблематикой или персоналиями. В принципе эти эпизоды, эти «атаки» на институты и личности, довольно автономны, поскольку речь Шолохова если не всецело, то в заметной степени кумулятивна

[6] *Самойлов Д.* Из записей 50-х годов // Октябрь. 2010. № 5. С. 143.
[7] См.: *Вьюгин В. Ю.* Задумано Сталиным — сделано Хрущевым.

с точки зрения композиции. Поэтому обращаться к ним можно в любом порядке. Единственное исключение составляет та тема, которая стала на съезде для Шолохова, как представляется, абсолютным табу. На ней мы остановимся в самом конце.

Атака на институты: «литературная халтура», критика, премии

Среди многочисленных мишеней, в которые метил Шолохов, была «халтура», которая, как в начале 1950-х годов неожиданно выяснилось, переполнила советскую литературу. В основном ее «засилье» связывали с популярностью «теории бесконфликтности», породившей, как многие убеждали, массу произведений бездарных, но крайне востребованных у журналов, книжных издательств, а также у Комитета по Сталинским премиям. Борьбу с ней начали еще при Сталине, но после его смерти кампания только усилилась, причем приняв, на первый взгляд, облик «оттепельного» веяния. Шолохов на съезде прямо о самой «теории» не говорил, но он говорил о поспешности, с которой в последнее время работают даже именитые писатели, включая практически возглавлявшего на тот момент Союз Симонова.

Так или иначе связь между «бесконфликтностью», «халтурой» и «поспешностью» легко восстанавливается из общего контекста съездовских и предсъездовских дискуссий. Поднимаясь один за другим на кафедру, ораторы упорно искали того, кто повинен в появлении и необычайных успехах «серой» и откровенно плохой литературы. Трудно поверить, что разгадка тайны не была им известна заранее, но сообщить ее публично, если отталкиваться от самого факта умалчивания, в 1954 году было просто немыслимо. Недавний диктатор, «учивший» писателей под страхом репрессий «правильно» изображать окружающую действительность, в роли ответчика на съезде никак не фигурировал. Вместо этого всеобщий гнев пал на голову «вестника» этого «бога» — на голову литературной критики. В результате литературную критику наделили свободной волей, тогда как всем уже должно было быть очевидно, что никакого права выбирать собственную позицию без координации с высшими политическими инстанциями у нее уже давно не осталось. Так «литературная халтура» и «литературная критика» превратились на съезде в неразделимую диаду, и Шолохов страстно подключился к общему возмущению этим тандемом.

По сравнению с другими выступавшими его слова с трибуны в любом случае звучали намного резче. Однако если бы аудитории довелось выслушать все, с чем писатель к ней хотел обратиться, реакция на нее, и без того нервная, явно была бы еще более эмоциональной. Для работы писателя над речью характерен систематический «тюнинг» того, что хотелось сказать в первый момент, — «настройка» на более нейтральную шкалу при выражении собственных мнений. Этот «тюнинг» очевиден при обращении как к крупным, так и к мелким исправлениям, нацеленным на то, чтобы устранить тотальность негативных обобщений. Например, свой первоначальный порыв разнести институт советской критики в пух и прах Шолохов успевает сдержать накануне выступления, добавляя почти неприметные «слова-ограничители», такие как «иной» и «некоторый». Если в первоначальном тексте ПМПЗ читаем: «Ну, а что касается критиков, то тут дело обстояло еще хуже...»; или: «Возвращаясь к критикам, можно сказать, что...», — то, перечитывая машинопись, Шолохов поправляет себя: «Ну, а что касается **иных** критиков, то тут дело обстояло еще хуже...» (ПМПЗ, л. 175);[8] «Возвращаясь к **некоторым** критикам, можно сказать, что...» (ПМПЗ, л. 177). В результате обвинение в адрес целого института заменяется критикой некоторой части его представителей. «Вес» похвалы, напротив, увеличивался по сравнению с негативными оценками литературной халтуры.

[8] В цитатах из архивных источников здесь и далее вычеркнутый текст обрамляется квадратными скобками, вставки выделяются полужирным шрифтом, «вставки во вставки» — полужирным шрифтом с разрядкой. Орфография и пунктуация приводятся к современной норме. Курсив во всех цитатах мой. — *В. В.*

Те мелочи, которые Шолохов пропускал, считали своим долгом поправить перед публикацией редакторы. Шолохов, например, пишет, затем говорит, и за ним фиксируют стенографистки: «А редкие подлинно талантливые произведения, появившиеся в послевоенный период, книги Фадеева <...> еще резче подчеркивали художественное убожество и недолговечность произведений-подёнок, произведений, которые смело можно назвать литературными выкидышами» (ПМПЗ, л. 174–175; НМС, л. 60; ПМС, л. 156).

Редактор же не поленился заменить слово «редкие» на другое и именно этот вариант отправить в печать: «А [редкие] **такие** подлинно талантливые произведения...» (ПМПЗ, л. 175).

Вмешиваясь таким образом в текст, он действовал отнюдь не против, а в русле воли автора, поскольку в других местах, автор сам вносит схожие корректировки. Если иметь в виду тот же самый пассаж, в первом порыве Шолохов обрушивается в нем на всю недавнюю литературу в целом: «А редкие подлинно талантливые произведения, появившиеся в послевоенный период, еще резче подчеркивали художественное убожество и недолговечность...» (ПМПЗ, л. 174–175). Однако при перечитывании ему приходит в голову добавить следом за «редкие» большой и открытый список имен «талантливых» писателей, что само по себе уже сглаживает картину, привносит некоторую сбалансированность: «А редкие подлинно талантливые произведения, появившиеся в послевоенный период**, книги Фадеева, Федина, Ауэзова, Павленко, Гладкова, Леонова, Паустовского, Упита, Твардовского, Якуба Колоса, Гончара, Казакевича и др.** еще резче подчеркивали...» (ПМПЗ, л. 174–175).

Полужирным шрифтом с разрядкой в этой цитате передана «вставка во вставку»: Шолохов сначала вписал пять имен, но этого показалось мало, и он буквально «втискивал» межу ними новые.

Выбор имен не был случаен и озаботил редакторов: в опубликованных вариантах вместо имени Э. Г. Казакевича, которого в это время активно атаковали за роман «Двое в степи» (на втором съезде, — в частности, Симонов), появляется имя В. П. Некрасова. Некрасова на съезде тоже критиковали, но делал это не Симонов, а, например, отнюдь не высшего ранга писатель Б. Н. Агапов, чье выступление накануне Шолохова серьезно раздражило. К речи Агапова нам еще предстоит обратиться.

Списки зачисляемых в маститые литераторы во время съездовской дискуссии вообще играли особую роль. Присутствовавшие на заседаниях характеризовали их чтение как скучнейшую церемонию, но по существу это была попытка пересоздать пантеон лидеров писательского ремесла, и Шолохов тоже решил принять в этом участие.

Знаменательно, что Шолохов сводил счеты только с поколениями уже состоявшихся литераторов, чем снова лимитировал свою критику. Желание исключить молодых из разряда «мишеней» заставило его внести в машинопись речи специальную оговорку: «Это, конечно, ни в коем случае не относится к тем молодым силам, которые вливаются в литературу и растут от книги к книге, а к тем, уже известным, кто, потеряв уважение к своему труду и к читателю, увядают на корню и, в конце концов, превращаются из мастеров в ремесленников» (ПМПЗ, л. 173).

Интенции писателя и его редакторов при правке в общем совпадали, но редакторы действовали еще более решительно, чем автор. Если Шолохов, в частности, осмеливался размышлять хотя бы об отдельных недостатках, то редакторов даже это не устраивало. В ПМПЗ и в машинописях стенограммы читаем: «Здесь много говорили *и о наших общих достижениях и об отдельных недостатках*. Но, по-моему, основным нашим недостатком, или даже, если хотите, бедствием, является тот серый поток бесцветной, посредственной литературы, который последние годы хлещет со страниц журналов и наводняет книжный рынок» (ПМПЗ, л. 172; НМС, л. 59; ПМС, л. 155).

В обоих же опубликованных вариантах фраза «и об отдельных недостатках» устранена и вместо нее увеличена «доля достижений»: «Здесь много говорили и о наших общих достижениях. *Спору нет, достижения многонациональной советской литературы за два истекших десятилетия действительно велики.* Вошли в строй немало талантливых писателей. Но при всем этом остается нашим бедствием...» (ЛГ; СО, с. 374).

В ПМПЗ сохранилась рекомендательная правка карандашом, попавшая туда явно после выступления: «...(и об отдельных недостатках**). Спору нет V** Но, по-моему...» (ПМПЗ, л. 172).

Иными словами, редактор заключил слова о недостатках в скобки, а «галочкой» (V) обозначил вставку фрагмента, попавшего в печатный текст и выделенного в предыдущей цитате курсивом.

Для атаки на сформировавшийся институт литературной критики Шолохов прибегает к «скатологической» метафорике, которая на съезде оказывается достоянием гласности. Во время выступления он выкинул совсем немного, ровно столько, чтобы удержаться в рамках эвфемистического высказывания. В данном случае меньше всего информированной о том, что говорил живой классик, оказалась аудитория «Литературной газеты» в 1954 году. На ее страницах сохранился следующий пассаж: «Возвращаясь к некоторым критикам, можно сказать, что обратное перерождение с ними происходило, когда в печати появлялось слабое произведение писателя-середняка или мало известного писателя, или же молодого автора. Вот тут уже лирическое сопрано критиков сразу переходило в начальственные баритоны и басы. Тут уж „раззудись плечо, размахнись рука“! Тут тебя и товарищ Рюриков охотно напечатает, не боясь окрика с улицы Воровского, тут и блеснуть можно вовсю и снисходительным остроумием, и желчным сарказмом» (ЛГ).

В то же время участники и гости съезда, как и читатели «Стенографического отчета» 1956 года, знакомились с расширенной версией, которая включала в себя дополнение, метафорически раскрывающее суть критического «сарказма»: «...и желчным сарказмом. Вместо елея и патоки, которыми недавно миропомазывали знаменитых, той же ложкой и в той же пропорции критики черпали из другой посудины другую жидкость, зачастую отнюдь не благовонную, и все это щедрой рукой выливали на головы литературных горемык, не удостоившихся лауреатства, а стало быть и знаменитости. Иной бедняк не успеет еще, что называется, глаза продрать от первой подачи, а ему уже, зайдя с тыла, очередной критик навешивает вторую» (НПС, 65; ПМС, 161; СО, 376).

В принципе, аудитория еще могла гадать и сомневаться, что же за жидкость имеет в виду Шолохов. Тогда как для самого писателя все было, конечно, очевидно. Причем первоначальные варианты раз за разом показывают, насколько сильно Шолохов был увлечен конструированием метафорических рядов инвективного характера: настолько, чтобы затем время от времени хватать себя за руку и вымарывать их. В машинописи, с которой он работал накануне речи, сохранился еще один вычеркнутый перед выступлением фрагмент: «...критик навешивает вторую. / [не менее пахучую] порцию. / [Где уж там писать новое, впору только вытираться... А чтобы вытереть с лица этот <sic!> дурно пахнущую смесь из ханжества и пристрастия, требуется очень немалое время, да и руки заняты.]».

Несправедливое, по его мнению, присуждение Сталинских премий Шолохов рассматривал в качестве не менее серьезного фактора, влияющего на процветание литературной халтуры. В связи с этим он был особенно эмоционален. По подготовленному для выступления тексту видно, как он был в тот момент поглощен «кулинарной» метафорикой.

Разумеется, и в данном случае с трибуны провозглашалось не все, что изначально было написано, и не все попадало в печать. Однако на этот раз то, что услышали участники съезда, было воспроизведено полностью: «И еще одной из причин снижения ценности художественного произведения является та система присуждения литературных премий, которая существует, к сожалению, и поныне. Об этом подробно говорил здесь т. Овечкин, и мне приходится добавить несколько слов. Прошу прощения, но, ей-богу, деление художественных произведений на первую, вторую и третью степень напоминает мне прейскурант: первый сорт, второй и третий сорт» (НМС, л. 68; ПМС, л. 164; ЛГ; СО, с. 376).

В этом случае сказанное с трибуны было воспроизведено полностью, но все же в редуцированном виде по сравнению с ранним не исправленным и, соответственно, не произнесенным вариантом речи, в котором мы находим другой, более пространный

текст. Для себя лично вокруг метафоры «первый, второй... сорт» Шолохов развернул целый «натуралистический» сюжет: «Прошу прощения, но, ей-богу же, деление художественных произведений на первую, вторую и третью степень чем-то напоминает мне торговлю в мясной лавке. „Вот вам мясцо 1-го сорта, вот похуже — 2-го, ну, а 3-ий — сами понимаете — не очень свежее, постное и, извините, чуточку с душком“. Не так ли? И, если продолжать это, натуралистическое сравнение, то какое же место мы отводим, какое наименование даем тому огромному количеству произведений, которые не удостоены почему-либо [сталинских] премий? Что это — отходы от бараньей тушки? Копыта и рога для изделий дешевого ширпотреба, требуха, печенка и легкие — пища для былого обжорного ряда?» (ПМПЗ, л. 180, л. 184).

Как уже отмечалось, критика Шолохова не была обезличенной. Она была обращена и на конкретных представителей литературного процесса, по самому отбору которых можно судить об их весомости в глазах писателя в роли отрицательных персонажей. Так что теперь, прежде чем чуть позже еще раз вернуться к атакам на институты, обратимся к той тактике, которую Шолохов избрал для критики персоналий.

Атаки ad hominem

Равным образом показательна в рамках этой же тенденции к гармонизации правка тех фрагментов, в которых Шолохов обращается с обвинениями в адрес высокопоставленных членов творческого сообщества. В качестве средства дискредитации оппонентов Шолохов использовал ряд базовых риторических приемов, среди которых доминировал один — ad hominem, или, если конкретней, — апелляция к различного типа метафорике, позволяющей атрибутировать оппоненту некоторые негативные личностные качества. Лексика, на которую Шолохов при этом опирался — и здесь в полную силу срабатывала его «маска деревенщины», — была почерпнута из кластеров физиологической (в частности, скатологической), медицинской (главным образом, геронтологической) и кулинарной лексики. В ранних вариантах речи, как уже не раз отмечалось, критические высказывания и в отношении общей ситуации в литературе, и в отношении ее отдельных представителей выглядят значительно резче: нападки на некоторых конкретных коллег по цеху в них откровенно грубы и даже оскорбительны.

Против Рюрикова

Так, осуждая главного редактора «Литературной газеты» Рюрикова за нерешительную позицию, Шолохов поначалу был предельно категоричен. В неправленом тексте, подготовленном до выступления, находим: «И чем меньше будет в редакциях газет и журналов *трусливых* Рюриковых, тем больше будет в печати смелых, принципиальных и до зарезу нужных литературе статей» (ПМПЗ, л. 176).

Но накануне выступления писатель начинает себя придерживать, заменяя «трусливый» на менее оскорбительное: «И чем меньше будет в редакциях газет и журналов *робких* Рюриковых...» (ПМПЗ, л. 176).

«Робким» главный редактор «Литературной газеты» останется и в публикации 1954-го, и 1956 года. Смягчается перед выступлением, по сравнению с ранней, и оценка отношений между Рюриковым и Симоновым, который, по мнению Шолохова, покровительствовал Рюрикову: «...во главе этой газеты стоит человек, [целиком] **немало** обязанный Симонову своим продвижением...» (ПМПЗ, л. 176).

Против Симонова

Симонова в роли фактического на тот момент руководителя Союза писателей Шолохов не воспринимал, открыто причисляя его к разряду литераторов, пусть и талантливых, но таких, кто пишет скоро, некачественно и в первую очередь ради наживы. Помимо аргументации, связанной, собственно, с оценкой его творчества, вроде: «Но когда я перечитываю его произведения, меня не покидает ощущение того, что писал он, стремясь к одному: лишь бы, лишь бы вытянуть на четверку, а то и на тройку с плюсом» (ПМПЗ, л. 184), — он пытался свести Симонова с пьедестала «хозяина литера-

туры» разными риторическими ухищрениями — от элементарной фамильярности при обращении до довольно изощренной (или, по крайней мере, громоздкой) «геронтологической риторики». Как в машинописи, подготовленной для выступления, так и в машинописях стенограммы, административный лидер Симонов назван просто по имени, причем в гипокористической форме. Так это услышали на съезде: «Не первый год пишет Симонов. Пора уже ему оглянуться на пройденный им писательский путь и подумать о том, что наступит [пора] **час**, когда найдется некий мудрый и зрячий мальчик, который, указывая на Симонова, скажет: „А король-то голый!“ Неохота нам, *Костя*, будет смотреть на твою наготу, а поэтому, не обижаясь, прими наш дружеский совет: одевайся поскорее...» (ПМПЗ, л. 184; ПМС, л. 169; НМС, л. 73).

Если сравнить с опубликованными вариантами, то в 1954 году в «Литературной газете» последнее из процитированных предложений вообще отсутствует, а в 1956 году Шолохова поправили: «Неохота нам, *Константин Михайлович*, будет смотреть на твою наготу...» (СО, л. 337).

Что же касается «геронтологии» Симонова, то Шолохов пытался описать, как будет выглядеть его оппонент через пятнадцать лет, при условии, что его будут каждый год награждать медалями. Нас уже не может удивить, что в первом варианте, так и оставшемся известным только самому оратору, карикатурный потрет Симонова был выписан несколько жестче. Приведу его для наглядности сравнения сразу вместе с правкой, где, помимо зачеркиваний, которые выделены квадратными скобками, фигурными скобками обозначено то, что не попало в стенограмму: «{Понатужившись,} он смело будет давать на гора по одной пьесе, одной поэме, по одному роману, не считая таких „мелочей“, как стихи, очерки и пр. Сейчас Симонов ходит по залам съезда бравой походкой молодого хозяина литературы, а через пятнадцать лет его, как неумеренно [употребившего] **вкусившего** славы, будут не водить [и не] [, а попросту *таскать* на носилках], **а *возить* в коляске»**.

«Понатужившись», ассоциирующееся с физиологическим актом очищения, устранено, пренебрежительное и просторечное «таскать» заменено автором речи на нейтрально-нормативное «возить» и т. п.

Случайные попутчики: Тарасова и Чиаурели

Оказавшись на съезде, Шолохов реагировал не только на то, что на нем говорилось, но и на то, что просто бросалось ему в глаза. Судя по подготовленному до выступления тексту, в пространствах Большого Кремлевского дворца его больше всего поразили две фигуры, причем фигуры в буквальном смысле этого слова. Повод «пройтись» по ним у Шолохова нашелся именно тогда, когда он бранил Симонова за любовь к медалям. Их обладателями были двое коллег по творческому цеху — А. К. Тарасова и М. Э. Чиаурели. Образ Тарасовой мало изменился при правке и публикации. Шолохов просто позволил себе представить: «...женщину, которую все мы любим за ее яркий и светлый талант (я говорю об Алле Константиновне Тарасовой), станут водить под руки, так как самостоятельно она ходить не сможет, будучи жестоко обремененной тяжестью медалей, которые она получила и еще получит» (ПМПЗ, л. 184). Тогда как назвать по имени Чиаурели он, несмотря на заметное желание, в конечном счете не осмелился. В машинописях, сделанных по стенограмме, вместо него описывается лишь неустановленное лицо, которое выглядит так: «На днях я увидел человека в штатском — вся грудь в золоте и медалях. Батюшки, думаю, неужели воскрес Иван Поддубный? Пригляделся, фигура не борцовская, оказывается это известный не то кинорежиссер, не то кинооператор» (НМС, л. 71).

О том, кого на самом деле имел в виду писатель, можно узнать по вычеркнутому фрагменту подготовленного до выступления текста, а именно: «По этой же причине М. Чиаурели и сейчас заметно предрасположенного к полноте — не смогут даже водить, а будут передвигать при помощи больничной коляски» (ПМПЗ, л. 182).

Когда Шолохов взошел на трибуну, Чиаурели исчез — остался лишь «не то кинорежиссер, не то кинооператор». Медицинско-геронтологическая топика в глазах Шолохова, видимо, обладала особо убедительным ироническим потенциалом.

Против Эренбурга

Шолохов на съезде был если не против всех, то, возможно, почти против всех. В речи он персонально и при этом позитивно отнесся только к Овечкину — не благосклонно, как к литераторам-женщинам, начинающим дарованиям или перечисленным им «талантливым писателям», а именно позитивно в том смысле, что он апеллировал к высказанным Овечкиным тезисам и развивал их. Шолохова не устраивал ни лагерь консерваторов, которые казались недостаточно или неправильно консервативными, ни, говоря очень условно, «либеральный» лагерь. Представитель последнего И. Г. Эренбург, вряд ли когда-либо вообще вызывавший симпатию у Шолохова, на этот раз попал в немилость благодаря напечатанной в майском номере «Знамени» 1954 года «Оттепели». Шолохов обыгрывал название романа, характеризуя совсем не привлекавшие его разброд и шатание, почувствовавшиеся сразу после смерти Сталина. Стенографистки и машинистки запечатлели то, как он, отзываясь об этом времени, играл прямыми и метафорическими значениями, с одной стороны, а с другой — паузами: «Кому не известно, что от длительного пребывания в обойме, особенно в дождь или слякотную погоду, именуемую *оттепелью* ..... (аплодисменты) .... <,> патроны в обойме окисляются и ржавеют?»

Аплодисментами сопровождался чуть ли не каждый абзац речи Шолохова, так что они не слишком информативны. А вот обозначающие паузы в речи оратора отточия, встречающиеся в машинописях стенограммы единожды или дважды,[9] действительно показывают, насколько писателю было важно акцентировать внимание аудитории на только входящем в обиход понятии, одновременно дискредитируя его.

Тактику дискредитации Шолохов не оставил и далее, лишь интенсифицировав ее. И снова, как и прежде, вначале, при первом «броске» к бумаге, писатель поддавался эмоциональному порыву, который затем приходилось гасить. Шолохов в своей маске мужика из деревни противопоставил себя слабому городскому интеллигенту и всячески муссировал эту антиномию, представляя, в частности, свой спор с сотоварищем по перу как серьезную драку. В результате же кое-что из сцены «драки» пришлось выкинуть, и поэтому съезд так и не узнал некоторые нюансы, касающиеся, например, отношения Шолохова к идеям гуманизма и как специфически он понимал, казалось бы, привычные максимы. Взглянем сначала на окончательный вариант интересующего нас фрагмента: «По старой дружбе не могу не помянуть здесь И. Г. Эренбурга. Не подумайте, что я снова собираюсь с ним спорить по творческим вопросам. Упаси бог! Хорошо спорить с тем, кто яростно обороняется, а он на малейшее критическое замечание обижается и заявляет, что ему после критики не хочется писать (аплодисменты). Что же это за спор, когда чуть тронешь противника, а он уже ссылается на возраст и будит к себе жалость. Нет, у нас лежачего не бьют. Пусть лучше Эренбург пишет...» (НМС, л. 74).

Совершенно понятно, на первый взгляд, почему Шолохов не хотел «драться»: он не желал идти против заведомо слабого противника. Однако ситуация выглядела совсем по-другому в самом раннем варианте. Вот как выглядит предпоследнее предложение этого пассажа правленой машинописи речи: «Нет, у нас в станице лежа[щ]**ч**его не бьют[, а шагают через него, чтобы достать по скуле следующего противника]» (ПМПЗ, л. 185).

Иными словами, первый вариант выдает секреты настоящей, строящейся отнюдь не на эмпатии, а на весьма прагматичной «деревенской» морали, как ее понимает Шолохов. Шолохов не хочет спорить с Эренбургом не из благородства и не жалости к нему,

[9] По машинописям стенограммы не всегда можно понять, когда Шолохов делал паузу намеренно, а когда его прерывали аплодисментами слушатели. Но по меньшей мере еще один точно такой же случай обнаруживается, причем при схожих обстоятельствах. На этот раз Шолохов хочет вскользь «поддеть» Рюрикова, и стенографистка фиксирует паузу после того, как писатель произносит его фамилию; затем раздаются аплодисменты, после окончания которых писатель продолжает держать красноречивое молчание: «...и чем меньше будет в редакциях газет и журналов робких Рюриковых... (Аплодисменты) .... тем больше будет в печати смелых <...> статей» (НМС, л. 63).

а потому, что есть и другие соперники, посильнее и еще не поверженные. И у нас сейчас будет возможность узнать, кто они.

Упомянем лишь по ходу дела, что Шолохов, готовясь к выступлению, уложил в более конвенциональную форму и предпоследнее предложение абзаца тоже: «Что же это за спор, когда чуть [придавишь] **тронешь** противника, а он [и лапки кверху] **уже ссылается на возраст и будит к себе жалость»** (ПМПЗ, л. 185).

Такой метод трансформации текста нам уже хорошо знаком.

Между Эренбургом и Симоновым

Итак, если не Эренбург, то кто главный, сильный и не поверженный, оппонент Шолохова на съезде, кого он в данной роли видит? Чтобы ответить на этот вопрос, нам придется еще немного задержаться на его критике автора «Оттепели».

Из фрагмента, посвященного Эренбургу, Шолохов вычеркивает еще одну фразу, что как будто бы мало меняет суть его выпада, но серьезно редуцирует его эмотивное содержание. Эта фраза прозвучала, когда Шолохов во второй раз вернулся к «Оттепели», на этот раз реагируя на слова Эренбурга, который накануне, в своем выступлении, помимо прочего, оправдывался за скандальное произведение. Шолохов сначала воспроизвел высказывание Эренбурга, затем пространно прокомментировал цитату: «В своем выступлении он сказал: „Если я смогу еще написать новую книгу, то постараюсь, чтобы она была шагом вперед от моей последней книги“ — то есть от „Оттепели“. По сравнению с [[„Падением] **Парижа“] „Бурей“ и „Девятым валом“** „Оттепель“ бесспорно представляет шаг назад. Теперь Эренбург обещает сделать шаг вперед. Не знаю, как эти танцевальные па называются на другом языке, а на русском это звучит „топтание на месте“. Мало-же утешительного вы нам наобещали, уважаемый Илья Григорьевич! [*Сказал бы я по вашему адресу еще несколько слов, но боюсь, что вы снова обидитесь, не захочется вам после этого писать и, таким образом, чего доброго и обещанного шага вперед не сумеете сделать, а потому умолкаю.*]» (ПМПЗ, л. 185, 179).

При этом, как мы видим, последнее предложение так и не увидело свет: Шолохов в который раз редуцировал свой выпад. Но фрагмент важен для нас только для того, чтобы убедиться в постоянстве выбранной им «политики самообуздания» — он задает контекст для еще одной текстологической и не только текстологической интриги.

В определенный момент, полемизируя с Эренбургом, Шолохов принимает сторону Симонова, который, по его мнению, справедливо критиковал роман Эренбурга. Возьмем цитату из правленой перед выступлением машинописи, учтя, с одной стороны, что верхний слой в ней практически совпадает с произнесенным во время речи, а с другой, что она содержит в себе еще и то, что в последний момент превысило в глазах писателя норму допустимой инвективности: «Вот, в частности, он обиделся на Симонова за его статью об „Оттепели“. Зря обиделся, потому что не вырвись Симонов вперед со своей статьей, другой критик [устроил бы Эренбургу за „Оттепель“ настоящую жару] **по-иному сказал бы об „Оттепели“**. Симонов, по сути, спас Эренбурга от [справедливо] резкой критики» (ПМПЗ, л. 185).

А вот фразу, которой Шолохов завершает эту тираду, — для интриги — сначала приведем по машинописным копиям стенограммы, т. е. только в той форме, в какой ее услышали на съезде: «Но нам особенно беспокоиться по поводу перепалки между Эренбургом и Симоновым не стоит. Они как-нибудь помирятся...» (ПМС, л. 170, НМС, л. 74).

Как мы видим, Шолохов разрешил дело ко всеобщему примирению. Правда, думал он, как и в случае с поговоркой «лежачего не бьют», совсем о другом. Прочитав то, что писатель выкинул перед выступлением, мы можем точно узнать, что он подразумевал: «Но[,] нам особенно беспокоиться по поводу перепалки между Эренбургом и Симоновым нестоит. <sic!> [*Насчет подобной перепалки есть хорошая, утешительная, русская поговорка: „Ворон ворону глаз не выклюет“.*] **Они как-нибудь помирятся...»** (ПМПЗ, л. 185).

«Ворон ворону глаз не выклюет» — таким образом, Шолохов втайне уравнивает при очевидных негативных коннотациях Эренбурга и Симонова как своих оппонентов.

Разница между ними тоже существует, но она лишь в том, что Эренбург, как мы уже убедились, в глазах Шолохова — слабый противник. В конце, говоря об абсолютном табу, мы еще вернемся к этим «высоким отношениям» между товарищами по перу.

Против Сталина — за Партию

Метафоры и сравнения, в рамках которых писательское дело увязывалось с волей партии, шаблонны для советских литераторов, и Шолохов тоже ими охотно пользуется: «...каждый из нас пишет по указке своего сердца, а сердца наши принадлежат партии...» (СО, с. 378). В рассмотренном выше случае мы имеем дело со сравнением, допустимым (раз оно было пропущено) как риторическое средство. Но в тех случаях, когда Шолохов прямо апеллировал к партийным или государственным органам, редакторы, читавшие его текст перед публикацией, настойчиво исключали соответствующие, пусть и немногочисленные, упоминания, да и сам Шолохов корректировал свои такого рода первоначально решительные заявления: «То ли наши дорогие и агрессивные соратницы по перу уже выговорились на собраниях (, на совещании в ЦК,) и теперь находятся в этаком творческом изнеможении, то ли копят новые силы для нового взрыва к концу съезда?» (ПМПЗ, л. 172).

Это пример редакторской деятельности. Выделенное курсивом «на совещании в ЦК», в ПМПЗ заботливо обрамленное редактором карандашными скобками, было зафиксировано стенографистками (НМС, л. 58; ПМС, л. 154), т. е. произнесено с трибуны, однако в опубликованные варианты речи не попало (ЛГ; СО, с. 374).

Теперь об одном случае «автоцензуры». В машинописи, появившейся до выступления, читаем: «...мне непонятно волнение т. Агапова. Будь Овечкин управделами *Совмина* и выступи он с таким пожеланием...» (ПМПЗ, л. 183). Стенограммы же зафиксировали: «Будь Овечкин управделами *союза писателей* и выступи он...» (НМС, л. 71; ПМС, л. 167).

«Совмин» заменен на «союз писателей». Иными словами, хоть писательская организация и признает себя единым целым с Партией и государством, государство и Партия, с одной стороны, и писатели, с другой, — это не одно и то же. Отождествлять писателей с Партией можно, а Партию с писателями — нельзя. Нарушение иерархии в пользу равенства инстанций немыслимо. Такова логика, проявляющаяся в характере как редакторской, так и писательской правки. Все эти правила игры Шолохов с готовностью признает, пусть даже иногда для их соблюдения требуется внимательное око редактора.

А вот с различного рода фигуративными сближениями, построенными по образцу ‘мы говорим партия, подразумеваем *вождь*’, дело обстоит не так просто. Основная работа по «десталинизации» съездовской дискуссии проводилась на той стадии подготовки стенографического отчета, которая пришлась на время после XX съезда партии. Именно тогда из текста было устранено, за одним исключением, имя Сталина.[10] В стенографическом отчете 1956 года оно фигурирует только в географических названиях, именованиях заводов и т. п. Вместе с тем многие писатели, включая Шолохова, начали сторониться упоминаний о «кормчем» еще во время съезда. Никаких открытых нападок на Сталина с их стороны не наблюдалось, но нельзя не отметить тот факт, что, например, Шолохов вообще ни разу не упомянул в своей речи о Сталине, даже косвенно. Более того, кажется, он сам еще до выступления вычеркнул определение «сталинские» из названия литературных премий (ПМПЗ, л. 175, 180, 184). Как участники съезда, так и читатели «Литературной газеты», не говоря уже о тех, кто мог поинтересоваться стенографическим отчетом, слышали и читали не о сталинских, а только о литературных премиях.

---

[10] См.: *Вьюгин В. Ю., Нечаева М. Н., Роженцева Е. А.* Второй съезд писателей как текстологическое событие (К проблеме источников) // Второй Всесоюзный съезд советских писателей. Идеология исторического перехода и трансформация советской литературы. С. 12.

Табу I. Где селиться писателям?

Очевидно, что в своей работе над речью и во время выступления Шолохов, если позаимствовать выражение у антропологов, буквально продирался через «лес табу», как имплицитных, так и явных. Но некоторые оказались для него особенно чувствительными. Вернемся еще раз к критике литературных институтов. В речи Шолохова не так много текста, который не попал в том или ином виде в опубликованные версии. Даже атаки на институт премий и на «столпов» текущей советской литературы, хоть и в несколько смягченном виде, оставались в духе времени и в 1954-м, и в 1956 году. Однако одна тема, вопреки заявлению самого Шолохова о расхождениях только в частностях, была устранена при публикации совершенно. Речь идет о пассаже, касающемся Переделкина — отделившейся, по некоторому мнению, от жизни страны «писательской колонии», на которую на пятый день съезда с критикой обрушился Овечкин. На шестой день с защитой Переделкина от обвинений популярного очеркиста выступил Б. Н. Агапов, а на седьмой — Шолохов встал на сторону Овечкина. Собственно, уже этот сюжет позволяет достаточно точно датировать время работы Шолохова над текстом речи, хотя с точки зрения общей коллизии важен, конечно, сам факт, что именно писательский городок превратился в табу при публикации. Мнение Овечкина не скрывали от широкой публики. Более того, он имел возможность и ответить Агапову лично. Но получается, что он лишился довольно весомого союзника в борьбе за демократизацию образа жизни советских писателей. Остается лишь воспроизвести вычеркнутый перед публикацией фрагмент: «По вопросу о том, где селиться писателю, чтобы быть ближе к жизни, я целиком согласен с т. Овечкиным, и останавливаться на этом не буду. / Меня не устрашило вчерашнее выступление т. Агапова, не столько запальчивое по форме, сколько неумное по существу, и, откровенно говоря, мне непонятно волнение т. Агапова. Будь Овечкин управделами Совмина и выступи он с таким пожеланием, тогда другое дело, тогда пусть бы себе Агапов волновался на здоровье. А так не вижу причин к волнению, которое лишает человека элементарного здравомыслия. **[**Но и зато для меня совершенно ясным представляется другое: из писательских домашних работниц, которые естественно разделяют вместе с хозяевами их литературные симпатии и антипатии и участвуют в окололитературных дрязгах, все равно литературоведов не выйдет. Тогда почему же надо большинству писателей жить вместе. А встречаться **им** можно и живя порознь, поближе к людям иных профессий, любая из которых не менее интересна, чем наша.**]** Нет, без шуток, незачем писателям [кучковаться.] [Нет в этом никакой ни нужды, ни насущной необходимости.**]** **жить обособленными колониями, отгораживаясь от народа»**[11] **(ПМПЗ, л. 183).**

Как мы видим, во все той же уже известной нам манере Шолохов сначала касается даже таких очень «интимных» материй, как роль домработниц в жизни советских литераторов, но только для того, чтобы очень быстро отказаться от обсуждения этого явно буржуазного элемента жизни среди проповедников соцреализма. Само табу указывает на ту ценность, которой больше всего дорожили успешные советские писатели и которая была приобретена ими еще при Сталине.

Табу II. Самокритика и «самоапология»

Если все сказанное выше позволяет задуматься над вопросом, почему Шолохов был настолько нетерпим в своих нападках на институты и личности, то, возможно, наблюдения, представленные ниже, способны подсказать ответ на него.

Шолохов — один из ведущих литераторов СССР — не был позван в руководство Союза писателей и даже не удостоился на нем чести выступить с основным докладом.[12]

---

[11] Целиком фрагмент выброшен позже, перед публикацией, так как есть в ПМС и НМС.

[12] Это вызывало недоумение у писательской общественности. М. С. Бубеннов, например, доносил: «Между тем руководство Союза писателей во главе с А. Сурковым даже не обратилось

Эренбург тоже с основным докладом не выступал, но он, по крайней мере, поначалу был в списке и должен был ознакомить аудиторию съезда с состоянием дел в мировой литературе. Вычеркнули его, судя по всему, после «Оттепели».

Шолохов упоминал о себе в своей речи очень осторожно, прибегая даже — вполне осознанно — к приему умаления. На последнем этапе правки речи, обсуждая проблему деградации «ведущих» писателей, он добавил в нее фрагмент о самокритике: «...термин «ведущий» в применении к человеку, который действительно кого-то ведет, сам по себе хороший термин, но в жизни бывает так: был[-*был*] писатель ведущим, глядь, — а он уже не ведущий, а стоящий. Да и стоит-то как! Не минуту, не час, а этак лет десять, а то и больше. **Скажем, вроде вашего покорного слуги и на него похожих. Вы понимаете, товарищи, такие вещи не всегда приятно говорить про самого себя, но приходится: самокритика**» (ПМПЗ, л. 180).

Тем не менее он ясно позиционировал себя в одном ряду с ведущими писателями. Он, например, иллюстрировал один из своих тезисов (сейчас не важно, какой), приводя следующий ряд имен: «Редакции <sic!> „Литературной газеты“ нам нужен руководитель, стоящий вне всяких групп и группочек, человек, для которого должна существовать только одна дама сердца — большая советская литература в целом, а не отдельные ее служители, будь то *Симонов или Фадеев, Эренбург или Шолохов*» (НМС, л. 64).

Заметим, здесь Шолохов, включая себя самого, называет именно держателей и с большей или меньшей вероятностью претендентов на «престол» — на главенство среди литераторов.

Теперь нам имеет смысл еще раз вернуться к теме ведущих писателей, чтобы обратить внимание на то, чего не было в известной нам машинописи первой закладки и что не было опубликовано, но было произнесено. Если «ведущий» писатель перестает соответствовать своей роли, то: «В партии у нас бывает так — и это всем известно, — работает заслуженный человек секретарем обкома — ведущая фигура, но работает он год — туда-сюда, второй год — еще хуже, и тогда ему вежливо говорят: „Ступай-ка ты, дорогой товарищ, подучись, *а секретарем, может быть, и нам также можно быть*“» (НМС, л. 67; ПМС, л. 163).

Выделенная нами фраза, отражающая претензию на секретарство, при условии, что Шолохов приравнивает писательскую к партийной организации, как и приведенный выше ряд имен, по крайней мере, в какой-то степени (осмелимся сделать такой вывод) отражает его собственные притязания на так и не полученное признание в качестве литературного «администратора» — хотя бы на какую-то его долю.[13] Возможно, это и есть то основное, что не сказал Шолохов на съезде: при всей остроте своей речи он не выразил обиду за то, что при разделе мест его вообще никуда не позвали — ни в администраторы, ни даже в главные ораторы. Вместо этого он просто обошелся тотальной критикой всего и вся.

к Шолохову с просьбой сделать основной доклад (или хотя бы доклад о прозе). Впечатление такое, что руководство Союза писателей почему-то отстраняет Михаила Шолохова от руководящей литературно-общественной деятельности» (Письмо писателя М. Бубеннова члену Президиума ЦК КПСС Г. М. Маленкову в связи с подготовкой Второго Всесоюзного съезда писателей. 24 сентября 1954 г. // Вопросы литературы. 1993. № 3. С. 262).

[13] Шолохов чурался руководящих постов в литературе, хотя избраться в академики и в депутаты Совета Союза Верховного Совета СССР, как и выдвинуться на ряд других выборных должностей, соглашался без особых уговоров. Считается даже, что в 1946 году, несмотря на просьбу Сталина, переданную через Жданова, он отказался управлять главным писательским объединением страны, проявив при этом известную дерзость: «За предложение спасибо. Но дело вот в чем. Через три часа поезд на Ростов, и я уже взял билет...» (Михаил Шолохов: Летопись жизни и творчества (Материалы к биографии) / Сост. Н. Т. Кузнецова. М., 2005. С. 213). Но в декабре 1954 года сложилась иная ситуация: живому классику даже не предоставили возможности отклонить предложения, на которые он по всем меркам вполне мог и даже должен был рассчитывать.

DOI: 10.31860/0131-6095-2023-3-231-239

«Я ИМЕЛ ПРАВО НАПИСАТЬ ОБ АВВАКУМЕ...» ПИСЬМА В. Т. ШАЛАМОВА В. И. МАЛЫШЕВУ

(ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ, ПОДГОТОВКА ТЕКСТА И КОММЕНТАРИИ © К. Н. ТИМАШОВА)*

Общение Варлама Тихоновича Шаламова и Владимира Ивановича Малышева, судя по сохранившимся документам, было непродолжительным и, вероятно, происходило исключительно в переписке. При реконструкции обстоятельств данного эпизода в жизни этих двух очень несхожих по судьбе и роду деятельности людей (один — ныне всемирно известный поэт и прозаик, другой — выдающийся исследователь и собиратель древнерусской литературы) мы располагаем четырьмя видами источников. Во-первых, сохранившаяся в личной библиотеке Малышева книга стихов Шаламова «Дорога и судьба»[1] с дарственной надписью автора, в которой было напечатано в сокращении и с редакторскими изменениями стихотворение «Аввакум в Пустозерске». Во-вторых, машинопись с текстом этой, как называл ее автор, «маленькой поэмы» в авторской редакции, также с дарственной надписью автора. Книга и машинопись хранятся в мемориальном кабинете В. И. Малышева в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. В-третьих, два письма, отправленные Шаламовым Малышеву в августе 1967 года.[2] Наконец, неизданная при жизни и, по-видимому, незавершенная статья Малышева «Протопоп Аввакум в творчестве советских поэтов», в которой процитирован фрагмент стихотворения Шаламова «Аввакум в Пустозерске» и содержится его краткий анализ, а также сообщаются связанные с ним факты, о которых автор мог узнать из письма Шаламова.[3] Что касается писем Малышева к Шаламову, то дополнительных сведений о них не найдено; ни в воспоминаниях, ни в переписке, ни в тетрадях для записей Шаламов Малышева ни разу не упоминает. Местонахождение книги Малышева «Повесть о Сухане»,[4] за присылку которой Шаламов благодарит ее автора во втором письме, неизвестно.

Прежде чем перейти к описанию двух первых источников, необходимо напомнить, что выдающейся заслугой В. И. Малышева перед отечественной наукой стало создание Древлехранилища в Пушкинском Доме в Ленинграде. При этом особый интерес он питал к жизни и деятельности протопопа Аввакума, которому посвящены его многочисленные научные работы, а также публицистика. Отдельного упоминания заслуживают инициативы Малышева по увековечению памяти об Аввакуме и Пустозерске, с которым связан последний период его жизни: он добился установки обелиска в обезлюдевшем Пустозерске, предложил назвать в честь этого города одно из новых судов Северного морского пароходства, с его подачи в Нарьян-Маре появилась Пустозерская улица.[5] У Малышева был также замысел установки памятника протопопу

* Автор выражает глубокую признательность В. В. Есипову и С. М. Соловьеву за неоценимую помощь, оказанную при подготовке статьи, а также Т. Н. Галашевой — за предоставленные материалы.

[1] *Шаламов В. Т.* Дорога и судьба: Книга стихов. М., 1967.

[2] Оба письма, а также один почтовый конверт с пометкой «Об Аввакуме» хранятся в Рукописном отделе ИРЛИ: Ф. 494. Оп. 2. Ед. хр. 1338. Л. 1–3. Первое письмо частично опубл.: *Гречишкин С. С., Маркелов Г. В.* В. И. Малышев в переписке с деятелями советской культуры // Древлехранилище Пушкинского Дома: Материалы и исследования. Л., 1990. С. 293–294.

[3] Текст статьи находится в рабочей (неразобранной) части архива в мемориальном кабинете В. И. Малышева в Древлехранилище Пушкинского Дома; опубл.: *Галашева Т. Н.* Неизданная статья В. И. Малышева «Протопоп Аввакум в творчестве советских поэтов» // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 2017. Т. 65. С. 768–777.

[4] *Малышев В. И.* Повесть о Сухане: Из истории русской повести XVII века. М.; Л., 1956.

[5] *Тунгусов А. А.* В. И. Малышев в Пустозерске // Древлехранилище Пушкинского Дома. С. 274–277.

Аввакуму в Пустозерске, но он не был осуществлен. Своеобразную и важную форму передачи памяти о знаменитом писателе-раскольнике ученый усматривал в творчестве русских поэтов, писателей и общественных деятелей. На протяжении многих лет он собирал материалы для библиографии упоминающих протопопа Аввакума литературных произведений, а также отзывы на них. Частично эти наблюдения публиковались в его статьях уже с начала 1950-х годов.[6] Им составлено несколько библиографических списков. К ним относится перечень «Протопоп Аввакум в русской поэзии XVIII–XX вв. (материалы к библиографии)»,[7] в котором перечислены произведения, не проанализированные в статье «Протопоп Аввакум в творчестве советских поэтов». Кроме того, им был подготовлен «Список неопубликованных стихотворений советских поэтов»,[8] в котором упоминается и «Аввакум в Пустозерске» Шаламова с пометкой «расширенный сравнительно с напечатанным вариант», а также стихотворение «Все те же снега Аввакумова века...», полностью процитированное Шаламовым в своем письме. Именно в контексте исследования Малышевым образа Аввакума в современной поэзии завязалась и происходила короткая переписка с Шаламовым.

Как свидетельствует обширное эпистолярное наследие Малышева, с некоторыми из авторов он был знаком лично или по переписке. Его корреспонденты обычно дарили ему свои книги и копии своих произведений, в том числе неопубликованные. Здесь Малышев выступал в привычном амплуа собирателя, но уже современных произведений. Рукописи и машинописи стихов, в которых фигурирует протопоп Аввакум, ученый хранил в специальной папке в «аввакумовском шкафу» в своем рабочем кабинете в Пушкинском Доме. В ней имеется упомянутая выше машинописная копия стихотворения Шаламова «Аввакум в Пустозерске», на пяти листах с дарственной надписью автора, сделанной шариковой ручкой:

«Владимиру Ивановичу Малышеву,
аввакумоведу с уважением.
В. Шаламов
18 июня 1967».

Аналогичная дарственная надпись (без дня, но с указанием города: «Москва июнь 1967») сделана и на авантитуле сборника Шаламова «Дорога и судьба». Наличие двух текстов — книжного и машинописного — объясняется тем, что в книге стихотворение «Аввакум в Пустозерске» было напечатано в сокращении и с редакторскими изменениями. Очевидно, Шаламов считал необходимым показать Малышеву авторский вариант. По сравнению с машинописью в книжной публикации есть ряд отличий: слова «Господь» и «Бог» написаны со строчной буквы,[9] изменены отдельные слова («Мне» вместо «Нам» в строфе 7, «И» вместо «Нам» в строфе 10), включены только 25 из 37 строф. В машинописи эти расхождения отмечены карандашом рукой Малышева: замены слов обозначены как «варианты с печатным текстом», а отсутствующие строфы — «в печ. нет», «нет».[10]

Каким образом эти книга и машинопись оказались у Малышева, можно только предполагать. Очень вероятно, что о стихотворении «Аввакум в Пустозерске» ему по-

[6] К этим материалам обращались также некоторые коллеги Малышева. См.: *Галашева Т. Н.* Неизданная статья В. И. Малышева «Протопоп Аввакум в творчестве советских поэтов». С. 762.

[7] Опубл.: Там же. С. 778–781.

[8] Опубл.: Там же. С. 777–778.

[9] Так же, как в беловых автографах, хранящихся в РГАЛИ: Ф. 2596. Оп. 3. Ед. хр. 87. Л. 54–64.

[10] Еще одна особенность машинописи — написание слова «Пустозерск» через «ё» — «Пустозёрск» в заглавии и далее в тексте (во второй строфе). В специализированных справочных изданиях, например во втором издании Географического энциклопедического словаря под редакцией А. Ф. Трешникова 1989 года и в третьем издании под редакцией В. М. Котлякова 2003 года, — Пустозерк. Так же в Большой российской энциклопедии 2015 года издания, где, однако, сообщается, что с последней трети XX века распространено написание Пустозёрск. Ошибочное с исторической точки зрения написание через ё встречается в некоторых изданиях, например в справочнике: Этнонимы / [Отв. ред. В. А. Никонов]. М., 1970. С. 201. Во всех имеющихся в архиве Шаламова автографах — «Пустозерск», что позволяет предположить, что ошибка в машинописи была допущена при наборе текста.

ведал А. В. Храбровицкий, которого Шаламов поблагодарил за знакомство с выдающимся ученым в своем первом письме. В пользу этого предположения свидетельствует также сообщение Т. Н. Галашевой о том, что Храбровицкий делал для Малышева выписки об Аввакуме из разнообразных источников.[11] Из воспоминаний Храбровицкого следует, что он впервые встретился с Шаламовым в 1966-м или 1967 году и общался с ним около двух лет.[12] Принимая во внимание даты в дарственных надписях в книге и машинописи и тот факт, что в первом письме к Малышеву от 2 августа 1967 года Шаламов пишет, что отвечает «много позже», возможно выстроить следующую хронологию событий. Примерно весной 1967 года Храбровицкий сообщил Малышеву об опубликованном в сборнике «Дорога и судьба» стихотворении об Аввакуме, тот адресовал Шаламову письмо,[13] в котором попросил рассказать о своем произведении. Со своей стороны Шаламов передал Малышеву дарственный экземпляр своей только что изданной книги и машинопись с авторским вариантом стихотворения, но, как следует из его письма, ответил Малышеву по существу его вопросов с некоторой задержкой (вероятно, через два-три месяца). В знак благодарности Малышев послал Шаламову экземпляр своей книги «Повесть о Сухане», который последний упоминает в своем втором письме от 13 августа 1967 года, и на этом их контакт, по-видимому, прервался.

Можно с уверенностью сказать, что внимание выдающегося филолога-аввакумоведа — как справедливо называет Малышева Шаламов в упомянутых выше дарственных надписях — к только что изданной поэме было для Шаламова ценным выражением признания и побудило его дать глубокий и подробный ответ. Известно, какое большое значение он придавал этой «маленькой поэме». В авторском комментарии к своим опубликованным (или предполагавшимся к публикации) стихам, сделанном на рубеже 1960–1970-х годов, об этом произведении он написал: «Одно из главных моих стихотворений».[14] Всем этим объясняется серьезность, с которой он отнесся к ответу на поставленные Малышевым вопросы, и его исповедальный тон. Как именно звучали эти вопросы, можно судить по ответу Шаламова. По-видимому, они были идентичны тем, которые Малышев задавал другим своим корреспондентам-поэтам, обращавшимся в своем творчестве к образу Аввакума, от чего список вопросов приобрел как бы стандартную форму. Его интересовало, есть ли у автора еще произведения об Аввакуме, затем, почему автор обратился к фигуре опального протопопа и др. Прежде всего Шаламов сообщает об исключительных обстоятельствах и мотивах написания стихотворения «Аввакум в Пустозерске». Затем он помещает его в круг других своих стихотворений на тему раскола, а также противопоставляет его произведениям об Аввакуме других поэтов (Д. Мережковского и М. Волошина). Наконец, полемизируя с Белинским и Маяковским, Шаламов подчеркивает важные для него моменты в поэтике стихотворения и раскрывает свое отношение к герою, проливая свет на замысел произведения. Тем самым письмо Шаламова как по форме, так и по содержанию выходит далеко за рамки сухой анкетной реплики, хотя в нем есть такие слова, как «теперь отвечаю на первый вопрос», «второй вопрос — почему Аввакум?». Шаламов проявил себя как поэт, пишущий прозу, дав многогранный, развернутый и в то же время лаконичный цельный ответ.

Шаламов сообщает, что заинтересовавшее Малышева стихотворение «Аввакум в Пустозерске» написано после возвращения с Дальнего Севера, где он отбывал заключение. Оно включает два срока — по сфабрикованному делу о «контрреволюционной троцкистской деятельности» в 1937 году (на пять лет) и ложному обвинению в «антисоветской агитации» в 1943 году (на десять лет). Досрочно выйдя на свободу в октябре 1951 года, он был вынужден провести около двух лет в Якутии, работая

---

[11] *Галашева Т. Н.* Неизданная статья В. И. Малышева «Протопоп Аввакум в творчестве советских поэтов». С. 764.

[12] *Храбровицкий А. В.* Очерки моей жизни. Дневник. Встречи / Вступ. статья., сост., подг. текста и комм. А. П. Шикмана. М., 2012. С. 207–208.

[13] Шаламов упоминает его в конце своего первого письма. Это письмо не сохранилось.

[14] *Шаламов В. Т.* Стихотворения и поэмы: В 2 т. / Вступ. статья, сост., подг. текста и прим. В. В. Есипова. СПб., 2020. Т. 1. С. 529.

вольнонаемным фельдшером в дорожном управлении Дальстроя. Таким образом, время пребывания Шаламова на Колыме составило около семнадцати лет, как он и пишет в своем письме Малышеву. Еще будучи заключенным, в 1949–1950 годах, почти полтора года Шаламов работал в лесной командировке на ключе Дусканья, где жил в отдельной избушке, в которой был обустроен фельдшерский пункт. Здесь впервые за двенадцать лет у него появилась возможность уединиться и сочинять стихи.[15] Именно тогда им написаны другие упоминаемые в письме стихотворения — «Утро стрелецкой казни», «Боярыня Морозова», а также целиком процитированное короткое стихотворение «Все те же снега Аввакумова века...».[16] Последнее из них содержит глубокое философское обобщение: из заснеженного пейзажа Колымы поэт создает символ слияния исторических эпох — мотив, который зазвучит в полный голос в эмоциональном монологе «Аввакума в Пустозерске».[17] Другие же три стихотворения, которые Шаламов называет в своем письме, образуют небольшой поэтический цикл на историческую тему о расколе. Шаламов подчеркивал тесную связь между ними, когда в авторском комментарии к стихотворению «Боярыня Морозова» отметил: «В русской истории наибольшую твердость, наибольший героизм показали старообрядцы, раскольники. Вот о них-то и написана „Боярыня Морозова“, о них-то и написано „Утро стрелецкой казни“ и моя маленькая поэма „Аввакум в Пустозерске“».[18]

Что касается стихотворений «Утро стрелецкой казни» и «Боярыня Морозова», то оба они вдохновлены картинами В. И. Сурикова и по неосуществленному плану должны были войти в цикл «Третьяковская галерея» в сборнике «Пять времен года». В конечном счете Шаламов включил их в цикл «Сумка почтальона», где они следуют друг за другом. Кроме того, что они были одними из первых записанных на Колыме стихотворений, в своем комментарии поэт указал на тесную связь между ними, а также со стихотворением «Данте»: «...это поиски аналогии к историческим образам прошлого, выражение симпатий и антипатий на историческом материале и в то же время проверка на себе: годятся ли те герои для меня? Или для меня годятся только деревья, скалы, река?»[19]

То же стремление узнать себя в образах прошлого характерно и для «Аввакума в Пустозерске». В письме к Малышеву Шаламов высказывает исключительно важную мысль, объясняющую его выбор именно Аввакума в качестве героя этого стихотворения: «Сюжет „Жития“ берется по сходству, по связи живых судеб». Далее он решается на откровенное признание: «Аввакум — это я».[20] Намеки на это слияние личного и исторического содержатся и в комментарии к этому произведению, сделанном на рубеже 1960–1970-х годов, где он написал: «Формула Аввакума здесь отличается от канонической. Стихотворение мне особенно дорогое, ибо исторический образ соединен и с пейзажем, и с особенностями авторской биографии».[21] Как видно из этих слов, поэт отличал «образ» от «формулы». Можно заметить, что когда в своих текстах Шаламов

---

[15] *Есипов В. В.* Шаламов. 2-е изд., испр. М., 2019. С. 200–201.

[16] Ср. эссе Шаламова 1969 года «Кое-что о моих стихах»: «Стихи, датированные 1949 и 1950 годами, — взяты мной из тетрадей, писанных летом 1949 года, зимой 1949/50 и летом 1950 годов. С осени 1950 года до осени 1951 года я писать стихов почти не имел возможности» (*Шаламов В. Т.* Собр. соч.: В 6 т. + т. 7, доп. М., 2013. Т. 5. С. 108).

[17] В этом маленьком четверостишии исследователь творчества и биограф Шаламова В. В. Есипов слышит «мотив некоей обреченности, некоей вечной неизменности исторической судьбы России» (*Есипов В. В.* «Она еще жива, Расея...» (Мотивы русской истории в «Колымских тетрадях») // Закон сопротивления распаду: Особенности прозы и поэзии Варлама Шаламова и их восприятие в начале XXI века: Сб. науч. трудов / Сост. Л. Бабка, С. Соловьев, В. Есипов, Я. Махонин. Прага; М., 2017. С. 28).

[18] *Шаламов В. Т.* Стихотворения и поэмы. Т. 1. С. 509.

[19] Там же. С. 507.

[20] Слияние, порой до неразличимости, фактов собственной биографии, личного опыта и чужой судьбы — прием, характерный также для поэтики рассказа Шаламова «Шерри-бренди», написанного в 1954 году. В нем описывается смерть О. Мандельштама, при этом Шаламов отмечает, что «это рассказ о самом себе» (см. письмо 1971 года И. Сиротинской: *Шаламов В. Т.* Собр. соч. Т. 6. С. 486). В других рассказах тоже так или иначе отражен его собственный опыт — в соответствии с его принципом «прозы, пережитой как документ».

[21] *Шаламов В. Т.* Стихотворения и поэмы. Т. 1. С. 529.

говорит о «формуле», то он имеет в виду высказывание, облеченную в слова мысль. В отличие от этого, «образ» существует на другом уровне, это более широкое понятие; будучи историческим, он включает личность, поступки и обстоятельства, из которых он вырастает и складывается в некое целое. В свете этого различия следует понимать несовпадение высказываний, которые Шаламов вкладывает в уста своего Аввакума, с теми, что содержатся в «канонических», т. е. собственных текстах Аввакума. Согласно письму Малышеву, Шаламов наличие этого несовпадения прекрасно осознавал, говоря о начальных строках своего произведения: «Это не из Аввакума и не по Аввакуму». Точно так же он намеренно помещает исторический образ пустозерского раскольника в совершенно иную природную среду, отчего его герой как бы переносится на Колыму, т. е. в места заключения самого поэта, и оказывается посреди горного пейзажа, где нет птиц и т. д. Укрепляет «связь живых судеб» автобиографическая отсылка в словах «Я — узник темничный / Четырнадцать лет», которые справедливы по отношению как к Аввакуму, так и к Шаламову.

В отличие от стихотворений на тему раскола, написанных в заключении, эта «маленькая поэма» появилась уже при других обстоятельствах. До своей реабилитации в 1956 году Шаламов не имел права проживать в Москве. С ноября 1953 года по октябрь 1956 года он живет в поселках Туркмен и Озерки Калининской (ныне Тверской) области. Здесь он работает агентом по снабжению на Решетниковском торфопредприятии, находя возможность для кратковременных визитов в Москву, где встречается со своей семьей, Б. Л. Пастернаком и др. На это время приходится очень плодотворный творческий период в жизни Шаламова, когда он написал примерно половину тех стихов, которые вошли в «Колымские тетради», а также первые «Колымские рассказы».[22]

Как поэт сообщает в первом письме Малышеву, с биографией протопопа Аввакума он был знаком с детства.[23] Живя в поселке Туркмен, он мог читать какие-то сочинения о расколе и, по его выражению, «вернуться к Аввакуму», поскольку там имелась довольно богатая библиотека классической литературы, основанная ссыльным инженером Н. В. Кураевым.[24] В авторском комментарии «Аввакум в Пустозерске» датируется 1955 годом, тогда как в письме названа другая дата — 1954 год. Данное расхождение может объясняться тем, что, как подчеркивает Шаламов в тексте «Кое-что о моих стихах», датой создания любого своего стихотворения считал первую его запись.[25] Фактически, судя по архивным материалам, доработка продолжалась и в 1955 году.[26] К 1954 году относится также еще одно стихотворение на тему раскола — «Не успокоит, не согреет...», а также написанное предположительно в том же году стихотворение «Твои речи — как олово...», в котором упоминается двуперстное крестное знамение. В этих условиях, когда Шаламов еще не вернулся в Москву и будущее для него, бывшего заключенного, было весьма туманным, раскольники и самый знаменитый из них, Аввакум, стали для него нравственным ориентиром и примером упорства и сопротивления. Именно в этом ключе Шаламов описывает в своем письме замысел создать произведение о знаменитом протопопе: «„Аввакум“ — это попытка очертить круг нравственных правил для бывшего арестанта — ничего не забыть, ничего не бояться и в этом видеть свою силу и свою судьбу». Даже после освобождения из заключения, но не имея права проживать в Москве, а значит, еще не вполне свободный, Шаламов снова обращается к теме раскола и говорит устами непримиримого Аввакума и в то же время от своего лица, голосом поэта трагического XX века.

О восприятии Малышевым «Аввакума в Пустозерске» можно судить по его уже упомянутой выше статье «Протопоп Аввакум в творчестве советских поэтов». Как

---

[22] *Есипов В. В.* Шаламов. С. 209.

[23] Это свидетельство подтверждает высказанное Есиповым предположение, что Шаламов мог познакомиться с «Житием» Аввакума еще в раннем возрасте в Вологде. См.: *Шаламов В. Т.* Стихотворения и поэмы. Т. 1. С. 527–528.

[24] В мемуарном очерке Шаламова «Слишком книжное» он неточно назван Караевым. См.: *Шаламов В. Т.* Собр. соч. Т. 7. С. 60–62.

[25] Там же. Т. 5. С. 109.

[26] *Шаламов В. Т.* Стихотворения и поэмы. Т. 1. С. 529.

заявляет ее автор, не ставя перед собой цель осуществить полный художественный анализ, он ограничился исследованием вопроса о том, «насколько правильно и полно понят поэтами Аввакум как личность в его связи с исторической действительностью».[27] Ученый рассмотрел опубликованные в период с 1918 по 1969 год произведения более чем двадцати поэтов — М. Волошина, Н. Клюева, О. Берггольц, В. Федорова, Е. Евтушенко, Я. Смелякова и др. Поскольку Малышев имел задачу изучить творчество только советских авторов, он не включил известные ему произведения на русском языке, изданные за рубежом, и решил ограничиться только уже напечатанными произведениями. Этим объясняется то, что он не упоминает неизданное на тот момент стихотворение «Все те же снега Аввакумова века...» и цитирует большой фрагмент «Аввакума в Пустозерске» (семь четверостиший) по сокращенной версии сборника «Дорога и судьба», а не по полному тексту машинописи, который был в его распоряжении.

В своей статье ученый высоко оценивает стихотворение Шаламова, отмечая его своеобразие «по форме и содержанию». Это произведение он называет «исповедью Аввакума» и выявляет в нем, можно сказать, два плана: исторический и автобиографический. С одной стороны, Малышев пишет, что герой стихотворения высказывает свои «взгляды на существо и характер церковных реформ, сущность полемики, которая простирается далеко за пределы церковной проблематики». Он приходит к выводу, что — подобно другим поэтам, для чьих произведений, по его мнению, характерен последовательный историзм, — «автор видит в Аввакуме героя народной борьбы»,[28] и в этом смысле интерпретирует отсылку к произведению Ш. де Костера «Легенда о Тиле Уленшпигеле» в заключительной строфе («пепел, стучащий / В людские сердца»). С этой точки зрения он противопоставляет произведению Шаламова стихотворение «Сибирская родословная, или Сказания о Братском остроге» Михаила Скуратова,[29] в котором, по его словам, Аввакум понимается как исключительно религиозный деятель. С другой стороны, Малышев отмечает, что «стихотворение носит следы автобиографичности, авторского раздумья над некоторыми вопросами современной жизни», но не касается их. Малышев обошел молчанием привнесенные Шаламовым в образ Аввакума и его «формулу» субъективные, автобиографические элементы и, по-видимому, не считал их недостатком. Подытоживая, он дает такую характеристику: «В. Шаламов правдиво подходит к объяснению личности Аввакума. Образ Аввакума у него получился яркий, запоминающийся». Вместе с тем он не мог не обратить внимание на, по его выражению, «вольное обращение с отдельными фактами». И хотя при анализе некоторых других произведений Малышев останавливался на исторических и других несоответствиях более подробно и не скупился на критику, однако в случае Шаламова он посчитал достаточным указать только на один такой факт («протопопу никогда и нигде ноздрей не вырывали»[30]).

Записные книжки Шаламова 1960-х годов свидетельствуют о том, что и после написания «Аввакума в Пустозерске» в его философско-поэтическом сознании сохранялась связь с личностью «огнепального» протопопа. В 1963 году он сделал такую запись: «Жанна д'Арк. Костер сделал ее бессмертной, как Бруно, Аввакума».[31] О том, насколько глубоко личной была эта связь, говорит запись 1966 года, которая, вероятно, отражает безуспешные попытки напечатать свои произведения, в том числе

---

[27] *Галашева Т. Н.* Неизданная статья В. И. Малышева «Протопоп Аввакум в творчестве советских поэтов». С. 777.

[28] Об этой стороне многогранного образа Аввакума вологодский филолог Ю. В. Розанов делает сходный вывод: «Шаламовский Аввакум — это Аввакум образца 1920-х годов, Аввакум в марксистском историографическом освещении» (*Розанов Ю. В.* Протопоп Аввакум в творческом сознании А. М. Ремизова и В. Т. Шаламова // К столетию со дня рождения Варлама Шаламова: Материалы междунар. науч. конф. М., 2007. С. 310). В своей статье Малышев следует этой, ставшей к концу 1960-х годов официальной, советской историографической традиции.

[29] *Скуратов М.* На рубеже времен: Стихотворения и поэмы. М., 1963. С. 126–130.

[30] *Галашева Т. Н.* Неизданная статья В. И. Малышева «Протопоп Аввакум в творчестве советских поэтов». С. 771–772.

[31] *Шаламов В. Т.* Собр. соч. Т. 5. С. 285.

«Колымские рассказы»: «Мне нужно сжечь себя, чтобы привлечь внимание».[32] Небезынтересно отметить, что некоторые современники Шаламова усматривали нечто значительное в его манере держаться, выдававшей сущностные черты его характера. Так, Вяч. Вс. Иванов, хорошо знавший Шаламова, описывая его облик в то время, когда неврологическая болезнь уже изрядно подточила здоровье поэта, вспоминал: «И эта высоченная фигура, все составные части которой двигались порознь, была сверходухотворенной».[33] Он передает также слова Н. Я. Мандельштам, которая поделилась с ним своими впечатлениями от встречи с Шаламовым, внешность которого напомнила ей «современную авангардистскую скульптуру из железа».[34] А одному из присутствовавших на вечере памяти Осипа Мандельштама в МГУ в 1965 году Шаламов, читавший на сцене свой рассказ «Шерри-бренди», напомнил не кого иного, как самого Аввакума.[35] Эти яркие свидетельства говорят о том, что он вызывал у окружающих такое ощущение, будто по-аввакумовски непримиримый характер и неистовость в стремлении к правде наполняли саму его плоть.

В заключение укажем на одно исправление, которое Шаламов сделал в конце своего первого письма, где он пишет: «Я смею надеяться, что эмоциональный заряд этой маленькой поэмы не пропадет даром и поэма будет оценена не как очередное изложение „Жития“, а как поэтическая мета современности, в перекличке извечных русских сюжетов». В машинописи просматриваются зачеркнутые буквы «ст» в слове «известных», а над ними от руки написана буква «ч».[36] Можно предположить, что Шаламов остановился на варианте «извечные сюжеты», потому что «известные сюжеты» звучит как недомолвка, намек на политические репрессии, которым он подвергся, тогда как слово «извечные» подчеркивает и усиливает трансисторическую связь, которую ощущал Шаламов с героем своей поэмы. Преследования, вызванные внутрицерковным расколом конца XVII века, и те, что были вызваны внутрипартийным расколом в рядах большевиков в 20-х годах XX века, предопределившим судьбу таких людей, как Шаламов, и есть те перекликающиеся в его поэтико-философском сознании сюжеты российской истории, которые нашли выражение в его глубоко личном образе Аввакума.

Ниже публикуются два письма Шаламова к Малышеву по материалам, отложившимся в Рукописном отделе ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН (Ф. 494. Оп. 2. Ед. хр. 1338. Л. 1–3). Первое письмо подписано автором. Текст, начиная со слова «Москва», написан от руки. Некоторые предложения и отдельные слова подчеркнуты, очевидно, Малышевым. Второе письмо — автограф. Текст печатается в соответствии с правилами современной орфографии и пунктуации, с сохранением индивидуальных особенностей написания. Описки и иные погрешности текста исправлены без оговорок. Вставки и вычеркивания оговариваются в сносках в тех случаях, когда это важно для понимания смысла. Пунктуация в цитируемых стихотворениях приведена по изданию: *Шаламов В. Т.* Стихотворения и поэмы: В 2 т. СПб., 2020. За помощь в получении доступа к документам публикатор выражает благодарность наследнику авторских прав В. Т. Шаламова А. Л. Ригосику.

1

Дорогой Владимир Иванович.

Я отвечаю Вам много позже, чем должен был — нездоровье мешало. Вот уж никогда не думал, что мне случится возвращаться к строю своих чувств и мыслей того

---

[32] Там же. С. 296.

[33] *Иванов Вяч. Вс.* Избр. труды по семиотике и истории культуры. М., 2000. Т. 2. С. 740.

[34] Там же.

[35] *Есипов В. В.* Шаламов. С. 266.

[36] Слово «известных» фигурирует в обширной цитате из этого письма в статье: *Гречишкин С. С., Маркелов Г. В.* В. И. Малышев в переписке с деятелями советской культуры. С. 294.

времени, когда писался «Аввакум».[1] А ведь вернуться для ответа — для сколь-нибудь серьезного ответа — значит вернуться в настроение, в границы, в надежды, разочарования и тщеты.

«Аввакум» написан в 1954 году, в поселке Туркмен недалеко от ст. Решетниково Калининской железной дороги, где я, вернувшись на материк[2] и не имея права жить в Москве, работал агентом по техническому снабжению и писал, писал, писал день и ночь. После семнадцатилетнего заключения.

«Аввакум» написан в один день, вернее в одни сутки, почти набело.

«Аввакум» — это попытка очертить круг нравственных правил для бывшего арестанта — ничего не забыть, ничего не бояться и в этом видеть свою силу и свою судьбу.

Теперь отвечаю на первый вопрос. Есть. Это стихотворение из «Колымских тетрадей»,[3] небольшое. Вот оно:

«Все те же снега Аввакумова века.
Все та же раскольничья злая тайга,
Где днем и с огнем не найдешь человека,
Не то чтобы друга, а даже врага».[4]

Есть у меня «Боярыня Морозова» и «Утро стрелецкой казни».[5] Оба эти стихотворения написаны на Колыме, недалеко от Оймякона, полюса холода, не то в 1949, не то в 1950 году, в лагере. Эти стихотворения входят в т. н. «Синюю тетрадь» — первую из шести «Колымских тетрадей». «Боярыня Морозова» печаталась в «Огниве»,[6] а «Утро стрелецкой казни» — в сборнике «Дорога и судьба»[7] вместе с «Аввакумом».

Второй вопрос — почему Аввакум? Я знаком с этой биографией с детства. Толстый голубоватый том какого-то церковного писателя возникает из тумана детских воспоминаний. Какие-то комментарии к Житию.

Разумеется, высшая поэзия самого Жития захватила меня уже взрослым, много позже. Я стал видеть в Аввакуме одного из великих русских прозаиков, наравне с Гоголем и Достоевским.

Но и без этого чувства, без этого размышления я написал бы об Аввакуме.

Вернуться к Аввакуму дала мне повод моя собственная жизнь.

Я имел право написать об Аввакуме так, как хотел, понимал, толковал, знал и мог.

Современных поэтов, пишущих об Аввакуме, я не знаю, да и есть ли сейчас стихи? Стихи — это ведь дело очень серьезное, это живая кровь, судьба.

Я знаю сочинения об Аввакуме Мережковского[8] и Волошина.[9] И Мережковский, и Волошин не были поэтами большими. Их стихотворное изложение ЖИТИЯ не представляется мне убедительным. Художественно обе поэмы недостаточны. Ни тот, ни другой автор не сделали и попытки выйти за материал ЖИТИЯ. Каждый пересказал ЖИТИЕ в меру своих сил и способностей. Попытка применить модные в начале века бальмонтовские интонации для изложения ЖИТИЯ потерпела полный провал. Высшая поэзия Аввакумова жизнеописания исчезла.

Вернемся к «Аввакуму в Пустозерске». Сюжет Жития берется по сходству, по связи живых судеб. Аввакум — это я, и с первой строфы я пытался это объяснить: «Не в бревнах, а в ребрах церковь моя».[10] Это не из Аввакума и не по Аввакуму. Кажется, из Поморских ответов,[11] и далее: «Для божьего взгляда Обряд — ерунда», «Наш спор не церковный» и так далее. Так Аввакум бы не сказал. В Житии нет горного ветра. Нет брусничного цвета. Нет терпеливых скал. Не могут быть написаны строки: «Здесь птичьего пенья никто не слыхал».

По тем же причинам я не воспользовался курочкой рябой.

Звуковой строй «Аввакума в Пустозерске» особым образом обдуман и проверен.

Белинский и Маяковский считали, что короткой строкой можно писать только о веселом. Большей чуши и выдумать нельзя. Размер «Аввакума» емче гекзаметра. Почему я обращаю внимание на эти «технические подробности». Потому что для поэта в любом его стихотворении всегда стоит задача новизны, борьбы со словом, сражения и победы. Маленькая поэма «Аввакум в Пустозерске» вооружена всеми достижениями поэтической техники русской лирики середины двадцатого века.

«Аввакум в Пустозерске» — это современность, сегодняшний день. Я смею надеяться, что эмоциональный заряд этой маленькой поэмы не пропадет даром и поэма будет оценена не как очередное изложение «Жития», а как поэтическая мета современности, в перекличке извечных[12] русских сюжетов.

Я прошу прощения за задержку ответа на Ваше любезное письмо. Благодарю А. В. Храбровицкого[13] за знакомство с Вами.

С глубоким уважением [подпись от руки]
/В. Шаламов/

Москва 2 августа 1967 г.

Совсем забыл сказать. У меня нет никаких книг по расколу, и древнерусских рукописей я никогда не собирал.
В. Ш.

[1] Речь идет о поэме «Аввакум в Пустозерске», которая по замыслу Шаламова завершает цикл «Златые горы», четвертую из «Колымских тетрадей».

[2] Под возвращением на «материк» Шаламов подразумевает свое возвращение с Дальнего Севера в европейскую часть России.

[3] Поэтический цикл из шести частей. Приведенное ниже четверостишие входит в «Синюю тетрадь», которую Шаламов упоминает далее в связи с двумя другими стихотворениями.

[4] Стихотворение входит в «Синюю тетрадь», первую из «Колымских тетрадей». Впервые опубл.: *Шаламов В. Т.* Колымские тетради / Сост., подг. текста и прим. И. П. Сиротинской. М., 1994. С. 25.

[5] Оба стихотворения входят в цикл «Сумка почтальона», вторую из «Колымских тетрадей».

[6] Первая книга стихов: *Шаламов В. Т.* Огниво: Стихи. М., 1961.

[7] Третья книга стихов: *Шаламов В. Т.* Дорога и судьба: Книга стихов. М., 1967.

[8] Поэма Д. С. Мережковского «Протопоп Аввакум» впервые вышла в сборнике: *Мережковский Д.* Стихотворения. СПб., 1887. С. 113–167.

[9] Первое издание поэмы М. А. Волошина «Протопоп Аввакум» см.: Родная земля (Киев). 1918. № 1. С. 13–31.

[10] В этой и следующих цитатах из поэмы в тексте письма знаки препинания отсутствуют. Перенос строки здесь никак не отмечен, но в следующей цитате начало строки отмечено заглавной буквой.

[11] «Поморские ответы» — полемико-догматическое сочинение старообрядцев-беспоповцев, составленное в 1723 году книжниками Выго-Лексинского общежительства в ответ на 106 вопросов синодального миссионера иеромонаха Неофита, направленного к старообрядцам в Олонецкий уезд Петром I.

[12] Здесь имеется исправление, сделанное от руки: просматривается первоначальное слово «известных», в котором буквы «ст» зачеркнуты, а над ними написана буква «ч».

[13] Храбровицкий Александр Вениаминович (1912–1989) — литературовед, исследователь творчества В. Г. Короленко, краевед, автор воспоминаний: *Храбровицкий А. В.* Очерки моей жизни. Дневник. Встречи. М., 2012.

2

Дорогой Владимир Иванович.
Благодарю за «Повесть о Сухане».[1] Книга только вчера до меня добралась.
Сердечный Вам привет
С уважением В. Шаламов

Москва 13 августа 1967

[1] *Малышев В. И.* Повесть о Сухане: Из истории русской повести XVII века. М.; Л., 1956.

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

DOI: 10.31860/0131-6095-2023-3-240-242

© *А. Ю. Соловьев*

ЛЮДВИГ ХОЛЬБЕРГ И РОССИЯ*

Изучение восприятия творчества иноязычных писателей и литературных явлений, популярных в свое время, а впоследствии изменивших свою репутацию (например, переход в разряд детского чтения или постепенная утрата интереса вплоть до полного забвения), ставит перед исследователями особую задачу — не исказить, под влиянием современных представлений, действительной роли изучаемого явления в принимающей культуре. Исторический подход блестяще реализован в трудах В. М. Жирмунского, М. П. Алексеева, Ю. Д. Левина, Р. Ю. Данилевского, В. Э. Вацуро и др. Но можно вынести за рамки исследования проблему историко-литературного процесса, сосредоточившись на типологических наблюдениях, и не утратить при этом академическую почву. Данный путь представлен, на наш взгляд, рецензируемой книгой. В кратком введении к ней М. Ю. Люстров отмечает, что Людвиг Хольберг (первоначальное и до сих пор привычное написание фамилии знаменитого датчанина по-русски — Гольберг), по сути, был классиком для русского литературного сознания в XVIII — начале XIX века; имена его персонажей оставались нарицательными; переводы (преимущественно через посредничество немецкого языка) появлялись в течение 70 лет. Но главный объект исследования не столько судьба его наследия в России, сколько «произведения Л. Хольберга, *переводившиеся на русский язык или содержащие рассуждения о России*, ее монархах и ее жителях» (с. 14; курсив мой. — *А. С.*). Эта формулировка дает ключ к пониманию метода, которого придерживается М. Ю. Люстров. Книга уже рецензировалась в целом,[1] но наш обзор коснется прежде всего тех аспектов, которые представляются нам важными в свете указанной проблематики.

Монография построена по тематическому принципу: в каждой из глав рассматривается та или иная группа сочинений Хольберга, оставившего наследие в разных родах словесности: драматургии, поэзии, прозе. Хронологическое расположение материала внутри каждой главы дополняется этюдами, посвященными другим скандинавским авторам и произведениям, имеющим отношение к России или переводившимся на русский язык.

В кратком очерке, открывающем первую, «театральную», главу рассказывается об особенностях переводов комедий Хольберга в сопоставлении с оригиналами и переводами-посредниками, об изменениях, соотносящихся (а иногда нет) с заложенным в оригинале потенциалом.

Сопоставляя «Жана де Франса» Хольберга, «Бригадира» Д. И. Фонвизина и «Русского француза» И. П. Елагина, Люстров вводит в ряд театральных сатир на галломанию комедии Л. де Буасси «Француз в Лондоне» (опираясь на находку А. Г. Евстратова в диссертации «Екатерина II и русская придворная драматургия в 1760-х — начале 1770-х годов» (М., 2009)) и К. Гюлленборга «Шведский щеголь», что значительно расширяет контекст. Именно подключение новых произведений в традиционную триаду позволяет сделать вывод о появляющемся в 1780-е годы «новом отношении к европейским путешествиям молодых русских дворян» (с. 31) — благоразумный путешественник вынесет опыт из посещения и самого Парижа, который так портит остальных: «...путешествие во Францию может быть вредным или полезным в зависимости от того, каким характером обладает предпринявший его юноша» (с. 31). Необходимо уточнить, что новым это отношение предстает только для комедий. В журналах XVIII века был опубликован ряд переводных сочинений, отстаивающих сходную точку зрения.[2]

Анализируя нарушения причинно-следственных связей (с. 23–27), появляющиеся в русских переводах комедий Хольберга и отсутствующие в оригинале, исследователь называ-

---

* *Люстров М. Ю.* Людвиг Хольберг и русско-скандинавские литературные связи в XVIII веке. М.: ИМЛИ РАН, 2021. 272 с.

[1] См.: Альманах североевропейских и балтийских исследований. Петрозаводск, 2021. Вып. 6. С. 396–398 (автор рецензии — Н. Г. Шарапенкова).

[2] См. о них в обзоре Э. Вагеманса, впрочем не устанавливающего источники: *Waegemans E.* Betrachtungen über das Reisen in der russischen Literatur des 18. Jahrhunderts // Zeitschrift für Slawistik. 1985. Bd. 30. № 3. S. 430–435.

ет эту особенность приемом, хотя и делает оговорку, что «приведенных примеров слишком мало, чтобы обнаружить тенденцию» (с. 27). Выскажем предположение, что наличие логических ошибок могло быть связано с предназначением переводов для сцены, что влияло на скорость и, как следствие, качество. Хотя в данном случае М. Ю. Люстров не сообщает об обследовании фондов Театральной библиотеки (возможно, оно ничем не помогло), отметим его внимание к рукописным источникам.

В главе о сумасшедших героях в русских, датских и шведских произведениях XVIII века говорится, что иногда Хольберг «рассуждает о безумии не персонажей, но зрителей пьес» (с. 43), но не поясняется, отзывается ли так комедиограф вообще обо всех зрителях (по аналогии с метафорой «весь мир театр») или только о тех, кто видит на сцене выпады непосредственно против себя. Ответ на этот вопрос был бы интересен в контексте споров в русской литературе о задачах сатиры на конкретное лицо или на порок.

Проведенный анализ позволяет говорить о «северных комедиях», «комедиях северных авторов» (с. 29, 34 и др.). Это не жанр и не направление, но некоторая общность, устанавливаемая отнюдь не исследовательским произволом, как может показаться при поверхностном чтении, а сознательно избранной точкой зрения, к пониманию которой подводит постепенное знакомство с каждой из следующих глав книги.

Особое внимание в книге уделено связям и пересечениям творчества Хольберга и Фонвизина, им посвящена вторая глава. Помимо того, что русский писатель переводил датского, современники видели в них «не только авторов лучших комедий Севера, но и сочинителей одного плана, наделенных схожим „умом острым“» (с. 49). Увлеченность М. Ю. Люстрова жизнью и творчеством Фонвизина, его знакомство с архивными материалами писателя раньше уже отразились в составленной им биографии, изданной в серии «Жизнь замечательных людей» (2013). В рецензируемом исследовании оба героя предстают равновеликими. Не случайно начинается книга с развернутой цитаты из «Ученых записок Московского университета» (1834) о Хольберге как «датском Фонвизине».

Из гипотез и находок М. Ю. Люстрова отметим, что, разрабатывая вопрос о перекличках «Хвастливого солдата» Хольберга с «Бригадиром», он предполагает одновременно ориентацию комедии Фонвизина на «Тресотиниуса» А. П. Сумарокова, тоже основанного на «Хвастливом солдате»; «Бригадир» же, как полагает исследователь, отчасти высмеивает Сумарокова. Шутке в «Недоросле» о древности рода Скотининых (восходящего якобы к доадамовым временам) Люстров находит параллель в герое той же комедии Хольберга, но не проводит прямой линии преемственности, а объединяет их в одну группу сочинений, использующих одну и ту же идею, включая сюда же «Письмовник» Н. Г. Курганова (со ссылкой на статью Д. А. Трушиной «„Родословная“ сатира в „Недоросле“ Д. А. Фонвизина и ее традиция в европейской литературе» (Летняя школа по русской литературе. 2021. Т. 17. № 3–4. С. 256–268)) и вторую сатиру А. Д. Кантемира. В главе о «страшных» сравнениях в произведениях Фонвизина и Хольберга, основанных у последнего в том числе на описаниях Смутного времени, ученый анализирует прием изображения расправы над преступником, который встречается у обоих авторов и при этом «в европейской исторической литературе общепринятым не был» (с. 60), но не делает вывода о его заимствовании, а рассматривает «весьма показательные и имеющие свое объяснение особенности» использования этого приема (с. 61). Компаративистика здесь естественно дополняется россикой.

Анализируя, вслед за А. Стричеком (1976),[3] переводы Фонвизиным басен Хольберга, Люстров обращает внимание на изменение морали басен, тенденцию к сокращению текста оригинала и т. п., внесение Фонвизиным необходимых объяснений, интерес к моральной философии — все это проявляется в мелких деталях перевода. Далее он прослеживает влияние басен — через посредничество фонвизинского перевода — на произведения не знавшего иностранных языков В. И. Майкова, а также А. О. Аблесимова, М. Н. Муравьева (поэзии Хольберга в русских переводах от А. Д. Кантемира до Н. А. Львова посвящен и отдельный очерк, с. 205–209). Сравнительный анализ усложняется тем, что перевод Фонвизина сделан не с датского оригинала, а с немецкого перевода, и в отступлениях от источника он «руководствуется самыми разными соображениями» (с. 78).

Тема нравоучения продолжается и в третьей главе, посвященной появлению и распространению «эпистол» и «нравоучительных мыслей» Хольберга в русской традиции.

Значительный интерес представляют разыскания в главе о Хольберге — историке Московии, занимающей в книге центральное место и по объему, и по композиции.[4] Разбирая известия о России в исторических трудах Хольберга, Люстров делает акцент на том, какая картина русско-датских связей выстраивается автором, в частности, кто из действующих лиц предстает персонажем *чьей истории*. Так, неудачное сватовство датского принца Вальдемара к дочери царя Михаила Федоровича отразилось и в русских, и в датских современных событию сочинениях, но в описание истории России Хольбергом не вошло (т. е. Вальдемар для Хольберга — герой истории только самой Дании), в отличие

[3] Рус. пер.: *Стричек А.* Денис Фонвизин: Россия эпохи Просвещения. М., 1995. С. 44–50.

[4] Отметим, что книга посвящена памяти историка-скандинависта А. С. Кана (1925–2017), много занимавшегося историей русско-шведских отношений.

от сватовства другого датского принца, Магнуса, произошедшего полувеком раньше. В сочинениях Хольберга, касающихся Петра I, русский царь оказывается исключительно англоманом (а не «голландофилом»); здесь сказались не столько личные пристрастия Хольберга, сколько круг источников, бывших в его распоряжении (прежде всего книга Дж. Перри о петровской России). В этой главе также рассматриваются исторические сочинения других авторов (например, шведа У. Далина, который в «Истории шведского государства» описывает «русские эпизоды» подробнее, чем Хольберг), а для соположения почти всегда привлекаются русские источники XVII–XVIII веков, в том числе на первый взгляд неожиданные (например, сочинения Симеона Полоцкого).

Сопоставляя «Путевые записки Великой особы», составленные анонимным автором по маршруту Петра I, с шведскими травелогами конца XVII — начала XVIII века, М. Ю. Люстров подчеркивает различия в описании тех или иных сторон жизни Голландии, ее достопримечательностей и т. д., которые говорят о разнице в восприятии шведами и русскими как достижений, так и изъянов цивилизации. Русский травелог — «перечень „куриозов“, вызывающих изумление непосредственного московита», человека «малосведущего» (с. 181). Этот вывод вписывается в устоявшееся представление о путешествиях петровского времени и умножает материал, на основе которого может быть выстроена история русского нарратива о Европе — задача, которую еще только предстоит поставить. Также заслуживает внимания наблюдение Люстрова, что Хольберг, заимствуя рассказ о набожности русских у А. Олеария, передает русскую лексику по немецкому переводу упомянутой выше книги Дж. Перри (с. 198).

В главе «Вместо заключения», на наш взгляд, можно было вполне обойтись без такого итога: «...в перечнях, появившихся в Дании в середине XIX в., Россия или возглавляет список европейских держав, или его заканчивает, срединное место она не занимает никогда» (с. 231). Подобных мало относящихся к основной теме выводов и оставленных в стороне завязок для отдельных исследований в книге много, но эту особенность не назвать недостатком: думается, что благодаря ей результаты работы М. Ю. Люстрова могут быть использованы в исследованиях самой разной направленности.

В выходных данных книги не указан редактор, его отсутствие, по-видимому, усилило нагрузку на корректора, что привело к большому числу опечаток, особенно в именах, и мелких погрешностей: Трестиниус (с. 41, вместо Тресотиниус), Смирдий (с. 45, вместо Смердий), Артактеркс (с. 46, вместо Артаксеркс), дочь сандмирского палатина (?) (с. 124, вместо сандомирского). На с. 17 в списке пьес Хольберга, переведенных на русский язык, в тексте указан «Превращенный мужик» («Jeppe pae Bierget»), а в примечании вместо нее — «Jean de France», и т. п.

М. Ю. Люстров выказывает приверженность методологическим принципам, принятым в рецензируемой книге, и в следующей своей монографии «Очерки по истории русско-шведских литературных контактов в XVII — начале XIX века» (М., 2022).[5] Яркой иллюстрацией соединения компаративистики и россики здесь служит, например, раздел «Северная война в русской и шведской литературах первой четверти XVIII века», в котором, в частности, рассматриваются шведские и русские панегирики, реляции и «журналы», а также составленные на их основе компиляции. В описании содержания новой книги в целом, данном автором в предисловии, выявляется то же стремление к слиянию двух указанных направлений, несмотря на то, что материал распределяется по трем разделам: «В первом из них <...> рассматриваются переводы на шведский язык <...>, а также оригинальные шведские сочинения второй половины XVIII века, посвященные современным российским монархам или происходящим в России событиям. Во втором <...> сопоставляются шведские и русские сочинения, тематически близкие или принадлежащие к одному жанру <...>. Третий раздел посвящен описанию рукописного сборника, составленного из работ, переведенных (на русский язык. — *А. С.*) с немецкого <...> и повествующих о жизни и войнах Карла XII...» (с. 5). Она тоже будет ценной для специалиста и отдельными сюжетами, и в совокупности как продолжение исследования русско-скандинавских литературных связей.

Подводя итоги, можно сказать, что рецензируемая монография написана не о Хольберге в России, а о Хольберге и России. В ней на первый план выходит не анализ всех переводов и переделок, упоминаний и влияний датского писателя на русскую литературу, но выстраивание интертекстуальных связей. Так, параллелью к комической поэме Хольберга «Педер Порс» выступает переведенный Н. Осиповым сборник рассказов Р. Распе о бароне Мюнхгаузене (с. 219–224). А короткая, но выразительная глава о Й. Баггесене служит примером «сопоставления некоторых аспектов творчества скандинавских и русских авторов — современников» (с. 225). М. Ю. Люстров находит точку соприкосновения двух авторов (далеко не всегда биографическую, это может быть, например, какой-либо мотив или тема) и рассматривает через нее их произведения, и это именно тот тип исследования, который увлекает его больше всего и приносит наиболее интересные результаты.

[5] Благодарю К. Ю. Лаппо-Данилевского, обратившего на нее мое внимание.

DOI: 10.31860/0131-6095-2023-3-243-246

© *В. А. Котельников*

ДВОЙНОЕ ЗРЕНИЕ*

В новой книге Е. В. Степанян-Румянцевой «Глазами текста» мы находим две особенности, которые выделяют ее в ряду современных гуманитарных исследований. Во-первых, здесь действуют, можно сказать, два зрения: филологическое и искусствоведческое. В сложном организме текста активируется зрительный аппарат — и *текст видит* людей, вещи, краски, обозревает пространство, а автор книги *видит текст*, все это созерцающий и отражающий, семантика текста при этом существенно расширяется. Во-вторых же, в книге необычайно разнообразен охватываемый таким двойным зрением материал литературы и изобразительного искусства. Взгляд автора обращается на творчество Б. Л. Пастернака, Н. А. Заболоцкого, А. А. Вознесенского, Ф. М. Достоевского, И. А. Бродского, А. П. Чехова, М. М. Шварцмана, К. Лоррена, К. Коро, П. Н. Филонова, И. И. Левитана, К. А. Коровина, Б. А. Диодорова, Н. Ю. Родионовской и других.

В самом начале книги Степанян-Румянцева по поводу колористического эффекта в полотне О. В. Розановой «Зеленая полоса» высказывает одно из исходных положений своего исследования. О произведенном картиной впечатлении она верно замечает: «Дело в том, что чувственное восприятие не совсем уж бессознательно, не бессловесно, оно сообщает своему носителю нечто важное, содержательное, как бы обходясь (в данном конкретном случае) без языка ясных, привычных, легко читаемых форм» (с. 7). И, призывая на помощь суждение П. Клоделя об изумруде, заключает: «Получается, что *даже* отдельно взятый цвет, причем авангардно примененный, выплеснувшийся за пределы традиционной изобразительной формы, может говорить, более того — проповедовать! Так обстоит дело с цветом, только одним элементом живописи — правда, необыкновенно действенным и мощным. Что говорить тогда о достоверно переданной форме? Форма — это уже своего рода сюжет, уже рассказ. Яблоко, хлеб, дерево, тем более — человеческое лицо и фигура повествовательны, более того — красноречивы» (с. 7–8).

Автор указывает и на примеры непосредственного изобразительно-выразительного эффекта текста — начиная уже с его размера («малая форма, большая форма», «массивы периодов» у М. Пруста) и кончая самой графикой текста, прямо предъявляющей себя как арт-объект, несущий в себе особые значения. Примеров таких множество: «столбцы» Заболоцкого, «лесенки» ступенчатого стиха Маяковского, изопы Вознесенского и прочие подобные. Мы можем еще вспомнить и иллюзивное превращение текста «Черного снега» в сценическую картинку — не плоскую иллюстрацию, а объемное изображение, так что булгаковский Максудов был уверен, что его кошка стала бы скрести буквы на странице, увлеченная этой игрой с текстом.[1]

Вооруженная двойным зрением, Степанян-Румянцева движется сквозь русскую поэзию и прозу разных эпох, разных жанров, разной топики, следуя своим аналитическим взглядом за взглядом текста на мир.

Она находит в стихах Заболоцкого «архитектурное ви́дение природы как здания, мироздания» (с. 63), в котором поэт различает многообразие форм жизни при отмене в ранней поэзии антропоцентристского принципа и при переходе позднее к ви́дению «людей как людей». Точен вывод об эволюции поэтического зрения Заболоцкого: «От героя массовидного, безликого — к индивидуальному, портретному герою, от представления о природе как о некоей конструкции, архитектурном объеме — к представлению о природе как храме <...> Не отказываясь от того, что было сказано в начале о „жадной зрячести“, смолоду свойственной поэту, добавим: эта зрячесть на протяжении жизни обострялась и обогащалась» (с. 76).

Что видит текст Пастернака и что видно в его тексте? Огромное пространство, все «одомашненное» поэтом, переживающим его «как все насквозь родное», в нем «дали и близи совмещаются, самые неказистые детали первого плана не теряются в оправе самых величавых природных фонов», и такая изобразительность, с элементами обратной перспективы, роднит поэзию Пастернака «с миром пластических искусств» (с. 25). Кроме того, в «Докторе Живаго» исследовательница усматривает «романную живопись на религиозную тему, которая хранит преемственность по отношению еще к стихам 1928 года» (с. 40). И вот что еще замечательно: продляя взгляд романа на Москву, Степанян-Румянцева смотрит на то, что читалось как «описание городских декораций», что «до сих пор казалось только фоном» действия, — смотрит уже как на «некий женский персонаж, да еще и главный во всем повествовании» (с. 45), различая в нем свойственные Пастернаку черты «портретной женственности» (с. 46).

И. Бродский выступает в книге как «человек, который <...> хотел стать статуей. И он ею стал

---

* *Степанян-Румянцева Е. В.* Глазами текста. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2022. 312 с.

[1] *Булгаков М. А.* Записки покойника (Театральный роман) // Булгаков М. А. Собр. соч.: В 5 т. М., 1990. Т. 4. С. 434.

при жизни» (с. 84). Автор видит у одного персонажа Бродского «внешнюю оболочку — скульптурность, мраморность» и в ней как будто усматривает скрытое «стоическое перенесение боли бытия» (с. 85), что присуще самому поэту. Такая оболочка с ее содержимым предстает у поэта в классицистическом величии сквозь окутывающую его мифологию, биографическую и литературную, создававшуюся не без его собственного участия. Однако Степанян-Румянцева производит некоторую коррекцию этой видимости: «Да, Бродский — „поэт безутешной мысли“. Но я позволю себе усомниться и в абсолютности его стоицизма, — в том, что он так уж героически и гордо безутешен. Он, отягченный постоянной скорбью (так, во всяком случае, это видится его читателю), находит утешения и отвлечения от сосредоточенной мысли о времени-губителе — и где же? Да нигде более, как в мысли о пространстве и о вещах, расположенных в пространстве» (с. 91). Исследовательница склонна присоединить лирику Бродского скорее к романтической традиции — и не без оснований: невозможно удержаться от аналогий с романтиком Гейне, у которого Weltschmerz имел своим происхождением именно безудержно протекающее личное и историческое время, ранящее и убивающее. Впрочем, «Бродский, — заключает главу о нем автор книги, — мраморный Бродский был и остается провокационной личностью, вовлекающей нас в споры и противоречия. Сознаю, что споры бесполезны, противоречия, быть может, мнимы. Но в полемике с тем, кто сейчас „в стране молчания“, бьется живой нерв. И это лучше всех мифов и мраморов» (с. 100).

В поле зрения автора попали изопы Вознесенского, что здесь можно было бы назвать самоизобразительностью печатного стихотворного текста. Предмет далеко не новый в литературоведении, но найдено убедительное его истолкование применительно к творческой личности поэта. «Нам представляется, — пишет Степанян-Румянцева, — что изопы — результат невероятной наблюдательности Вознесенского (нередко — утилизация отходов этой наблюдательности), его острого и неразборчиво-жадного зрения. Результат, кроме того, его незаурядной изобретательности, которая позволяет автору „Авось“ и „О“ сравнивать все со всем, всему находить соответствия и подобия. В изопах порою теневым, отрицательным образом отражается поэтический произвол Вознесенского. Но именно они показывают, какое внутреннее беспокойство заставляет поэта завоевывать пространство, заниматься пластическими искусствами <...> По Вознесенскому, поэзия непременно должна ожить и стать зрительным образом, поэт же должен стать не меньше, чем творцом зримого мира» (с. 107–108).

Посвященный Достоевскому раздел воспринимается как центр тяжести книги: в нем сосредоточено особенно много весомых суждений о романных персонажах, о художественном пространстве, об идеях писателя.

Здесь верно показано соответствие вещной нагруженности пространства в романе «Идиот» его главной теме — это «теснота хищных человеческих воль, терзающих друг друга. Теснота, из которой никто не выйдет целым и невредимым и где рискует погибнуть лучшее, что еще уцелело в человечестве. Образ пространственной тесноты достигает своего предела, когда читатель видит Рогожина, прячущегося в закоулке у лестницы» (с. 121). Замечает Степанян-Румянцева нечто подобное и в «Бесах», где «возникает что-то вроде пространственной сутолоки, географического столпотворения: маршруты молодого Ставрогина за границей в пределах одной фразы описывают параболу от Иерусалима до Исландии. От него не отстают и другие персонажи», и это порождает «специфическое напряжение пространства» (с. 126).

Поскольку автор упомянула о давнем моем предложении обратиться к вызывающей споры «проблеме бесстрастия князя Мышкина» (с. 148) и о моих суждениях по теме (с. 151), то позволю себе сказать об этом несколько слов. Степанян-Румянцева не сомневается в доминирующей в характере князя бесстрастности и считает ее «алитературной, внехудожественной» (с. 151), в связи с чем определяет статус персонажа «как над-героя», а выход его из романной коллизии как «над-человеческий, над-геройный, никому из персонажей недоступный, его собственный ковер-самолет, исхищающий Мышкина из персонажного мира с его традиционными страстями, — эпилепсия, когда происходит что-то вроде вскипания личности, возгонка всех человеческих качеств и свойств. Нечто, снимающее необходимость персонажной обязательной страстности» (с. 152–153).

Степанян-Румянцева права в том, что трагическая развязка судьбы героя происходит вне обыденной жизни и, соответственно, вне отображавшей ее литературности, даже не только вне, но и над ними. Но ведь это был единственный для Достоевского персонологический исход из неразрешимой, по сути, «проблемы Идиота», возникшей из конфликта замысла с тем материалом, из которого создавался образ князя. Мы помним этот замысел — «изобразить вполне прекрасного человека»,[2] в идеале — «Князя Христа» (9, 246). Одолеваемый сомнениями в возможности вполне воплотить замысел, Достоевский признает мысль «невыношенной», а себя «к ней не приготовленным», хотя он и «рискнул как на рулетке», надеясь, что «под пером разовьется» (28-2, 241), — так писал он уже 31 декабря 1867 года А. Н. Майкову в разгар работы над романом. А работал Достоевский спешно, судорожно вбрасывая в подготовительные материалы самые разнородные заготовки, компоненты главного персонажа, то и дело меняя ход и направление его построения. Устойчивым и сквозным при этом оставался мотив страсти, он занял в композитном образе Мышкина важнейшее

[2] *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1985. Т. 28. Кн. 2. С. 241. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте сокращенно, с указанием номера тома и страницы.

место. В осенних записях 1867 года намечено: «Страсти у *Идиота* сильные, потребность любви жгучая...» (9, 141). И позднее: «Но тот (Идиот) тогда в бешенстве страсти» (9, 152). Мотив переходит в «Опять новый план» и приобретает гиперболический вид: «Идиот вдруг пугает Геро силою своей страсти. Страсть стальная, холодная бритва, безумная из безумных» (9, 161). Такая трактовка получает продолжение в группе записей «Первоначальная тема», где «гордый характер» переживает «бешеную, безжалостную страсть», после чего должен прийти к «высшей любви и обновлению» (9, 171).[3] В окончательной редакции романа мотив страсти в образе Мышкина (имеющий то явную, то скрытую под моральными покровами эротическую окраску) присутствует имплицитно или прямо, но именно он в значительной степени определяет психосоматику героя, тонус его влечения к красоте. И к Аглае его чувства доведены всезнающим Достоевским в не знающем о том Мышкине до степени страсти: «Если бы кто сказал ему в эту минуту, что он влюбился, влюблен страстною любовью, то он с удивлением отверг бы эту мысль и, может быть, даже с негодованием» (8, 301), такова правда писателя о герое. Именно потому, что князь опознает в себе импульсы страстей, он может рассуждать так: «А ему, князю, любить страстно эту женщину — почти немыслимо, почти было бы жестокостью, бесчеловечностью» — здесь важно словечко «почти», исподволь ограничивающее отрицание страстной любви, допускающее ее. Он хочет убедить себя, что в нем такой любви нет: «И разве одну только страстность внушает ее лицо? Да и может ли даже это лицо внушать теперь страсть?» (8, 191). Однако именно страдающая женщина возбуждает в Мышкине страстное влечение к ней — почему Достоевский (сам познавший такую страсть) и приковывает взгляд героя к лицу Настасьи Филипповны, ее страдание выражающему. Ее лицо — *лик* самой женской природы, с ее вакхическими экстазами и болью, образ вечно-женского, таящий *вечное* страдание в глубине *временной* красоты своей, столь влекущей и гибельной. Чувственность Идиота страстно отозвалась на этот лик героини и готова идти за ним до порога смерти. Он бессознательно хотел бы довести и Аглаю до такого страдания и полюбить в ней тот же *лик*, который поразил и увлек его в Настасье Филипповне.

Весьма многозначительны суждения Степанян-Румянцевой о взглядах персонажей в романе «Идиот», чему посвящен в книге отдельный этюд. Она небезосновательно утверждает, что «происходящее пронизывается визуальным лейтмотивом, как бы дополнительно скрепляется им» (с. 153), и предлагает классификацию взглядов: взгляд как средство общей коммуникации; «выслеживание», «высматривание» персонажей-шпионов, персонажей-соглядатаев, которые «хищно приметливы», но не способны смотреть широко и объективно; моменты прямого, активного и агрессивного визуального воздействия или попыток его; наконец, взгляд, не судящий, не провоцирующий, не выслеживающий, а «реабилитирующий», который принадлежит Мышкину, обладающему «глубинным зрением» (с. 154–155). Автор наблюдает героев в моменты, когда они смотрят на кого-то или на что-то, прослеживает «пути зрения» их и устанавливает «связь визуального и пространственного, взгляда и его траектории с пересеченным пространством романа» (с. 155). Многоочитый текст видит многосложный человеческий и вещный мир в его явленности, князь Мышкин всматривается в глубину явлений — а исследователь видит визуальные акты в тексте и осмысляет их.

Не могу упустить еще одно ценное наблюдение Степанян-Румянцевой, оно связано с главкой «Мужик Марей» в «Дневнике писателя». Здесь живописный фон и само событие поначалу вызывают у автора ассоциации со стилистикой передвижников. Но затем исследовательский взгляд простирается гораздо дальше. Перед ним «августовский лес символизирует полноту жизни, радостный покой...», в этом блаженном месте появляется человек, и померещившийся испуганному мальчику волк оборачивается домашней собакой — покой мира не нарушается. «Адам этого детского рая — мужик Марей. Все в воспоминании автора становится на свои места, все проникается чувством домашности, безопасности, приручености природы, родственным тому чувству полной и святой безопасности, которое было у Адама в раю. Именно с этой точки зрения „Мужик Марей“ родствен образу золотого века, возникающему в „Подростке“ и в „Сне смешного человека“. Из этого „природного“ фрагмента „Мужика Марея“ вырастает нечто сверхприродное — мысль о вольном взаимодействии людей, о силе любви, соединяющей их, то есть о Божественном задании Адаму в раю» (с. 181). И это верно, ибо образ Адама — образ первой творящей в мире личности, которая «в то же время была всеми, человеческим родом в его целостности» (с. 181).

О Чехове в книге сказано немногое — но существенное. Во-первых, что в творчестве его есть историзм и что «его прозрачность и достоверность помогают оценить объективную картину дальнейшего развития русской истории, как она самому автору видится» (с. 184–185). Во-вторых, полемичное в отношении мнений некоторых чеховедов утверждение, что писатель «идеен» и что его идеи находят выражение в характерных чеховских деталях, примеры чего и приведены на этой же странице вместе со ссылкой на впечатления Толстого (с. 185).

Увиденное автором представляется мне одной из важных сторон чеховского творчества, наиболее близкой и ценимой Степанян-Румянцевой. При распространении исследовательского взгляда на больший материал, вероятно, может быть усмотрена и другая сторона. Я имею в виду доминирующий в мировосприятии

[3] Должен по первоначальному плану, однако не приходит.

и художественной практике Чехова негативизм. Область его критицизма, в пределе — отрицания (имеющего в повествовании многообразное выражение) — это преимущественно феноменология русского социума. Здесь писатель предлагает свою анатомию, свою симптоматику и диагностику социального тела, в котором его интересует не общая историческая патология, а скорее судьба клеток и отдельных органов, подверженных атрофии, перерождению и утрачивающих живую связь с целым. По этим линиям и происходит у Чехова тематизация и парцелляция русской действительности, порождающие все дробное множество типично «чеховских» фигур, ситуаций, бытовых подробностей.

Но — что гораздо важнее — отрицательное освещение их зачастую зависит не столько от их собственных качеств, сколько от свойств авторского мироотношения. В нем и коренилось отрицание, в нем отсутствовала всесвязующая, «общая идея», исторические и бытийные цели, о чем говорит он в известном письме к А. С. Суворину от 25 ноября 1892 года. Такое убеждение сложилось у писателя из-за глубокого недоверия к существующим религиозным и философским объяснениям мира как внутренне связанного и имеющего смысл в своем целом и в своих частях. Чехов мог признавать лишь эмпирическую данность мира и лишь в пределах обыденного знания об этой данности. Единственной мерой ценности для него был практический гуманизм и житейская правда. Лишенный универсального единства, мир представлялся ему состоящим из разнородных и разрозненных фрагментов. Отсюда проистекало господство малых (и мелких) жанров в его прозе и особое значение детали. В каких-то частицах мира (прежде всего в природных явлениях) была или могла быть своя доля добра, правды, красоты, но все вместе не складывалось в целостную картину, имеющую смысл и оправдание в бытии.

Богатство рассматриваемых Степанян-Румянцевой творческих личностей, текстов, артобъектов значительно пополняется в четвертом и пятом разделах книги. Так, очень интересно представлена фигура искусствоведа Н. А. Дмитриевой, высказаны глубокие суждения о работах А. Флакера, Г. Гордона, Г. Рождественского, Г. Поспелова, Б. Диодорова, М. Шварцмана, Н. Родионовской. В последнем разделе помещены интервью с несколькими деятелями культуры — с Р. Герра, А. Чечиком, М. Сологубом, М. Мечевым, Г. Чурак, С. Чуприниным, здесь же — беседа с протоиереем о. Павлом Карташевым.

Острый взгляд автора рождает острую мысль и увлекательное интеллектуальное повествование.

DOI: 10.31860/0131-6095-2023-3-246-248

© *Т. В. Мисникевич*

«ЧЕТЫРЕ ЖИЗНИ» НИКОЛАЯ МИНСКОГО: ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ*

Уже в само́м названии монографии С. В. Сапожкова отражена его концепция творческой судьбы Н. М. Минского: это не прямой путь, хотя подчас и связанный со сложностями, но так или иначе предопределенный, а именно «тропа», которую начиная с 1880-х годов прокладывали и осваивали «слишком ранние предтечи слишком медленной весны» — первые русские модернисты. Появление многоаспектной работы о поэзии, драматургии и философском наследии Минского чрезвычайно важно, поскольку, при довольно высокой степени изученности состояния русского символизма в начале XX века, фундаментальных трудов о его раннем периоде, т. е. второй половине 1880-х — начале 1890-х годов, где ставилась задача проследить, как сохранялись или, наоборот, видоизменялись заложенные в то время литературно-художественные, эстетические и философские основы в позднейшем творчестве «предтеч», насчитывается не так много.

Книга о Минском в значительной степени является итогом многолетних плодотворных исследований ее автора в области поэзии, критики, публицистики и литературного быта конца XIX — начала XX века, основанных на глубоком знании русской и европейской культуры и, что особенно ценно, тщательном изучении ранее не публиковавшихся архивных материалов.[1]

---

* *Сапожков С. В.* По опасной тропе «холодных слов»: поэзия и судьба Николая Минского. М.: Дмитрий Сечин, 2021. 606 с. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 19-78-10012 «Писатель — критика — читатель (Механизмы формирования литературной репутации в России на рубеже XIX–XX веков)», https://rscf.ru/project/19-78-10012/, в ИРЛИ РАН.

[1] См., например: *Сапожков С. В.* 1) Русские поэты «безвременья» в зеркале критики 1880–1890-х годов. М., 1996; 2) «Пятницы»

Сапожкову в полной мере удалось реализовать обозначенную во «Введении» основную задачу своей работы: «проследить все „четыре жизни“ духовной биографии Минского, объективно оценить его роль и значение в развитии религиозно-обновленческих „идей времени“ и адекватных им „форм времени“, понять логику эволюции его мировоззрения и поэтического стиля, разобраться в причинах и истоках его трагической судьбы как поэта и мыслителя и таким образом придать картине религиозно-философского движения Серебряного века новые смысловые обертоны, делающие ее более объемной и многоаспектной» (с. 21).

Монография состоит из пяти разделов. Четыре из них последовательно воспроизводят «четыре жизни» Минского с помощью вдумчивого анализа фактов биографии писателя, текстов его поэтических и драматических произведений, литературно-философских трактатов, критических выступлений, материалов переписки, мемуарных свидетельств. Пятый раздел посвящен детальному разбору важнейших событий творческой биографии Минского: роли западноевропейских источников, прежде всего эссеистики Шарля Бодлера, в подготовке статьи «Старинный спор», взаимоотношениям с современниками — З. Н. Гиппиус, Д. С. Мережковским, Д. В. Философовым, З. А. Венгеровой, Л. Н. Вилькиной в аспекте их религиозно-философских исканий и создания жизнетворческой утопии, наконец, истории так и не вышедшего в свет тома избранных стихотворений Минского в Госиздате в связи с 50-летием творческой деятельности поэта.

Сам автор определяет жанр своего исследования как очерк жизни и творчества Минского. Однако и по объему, и по полноте оно вполне приближается к научной биографии. Сапожков прослеживает путь своего героя начиная от первых литературных опытов до последней попытки напечататься в уже советской России. Сориентироваться на витиеватой «тропе» исканий Минского читателю помогает разбивка разделов-«жизней» на главы, связанные четко обозначенными смысловыми «мостиками».

Глава 1 первого раздела посвящена колебаниям Минского в начале 1880-х годов между леворадикальными и умеренно-либеральными общественными группами. В этой главе анализируется специфика его народнической лирики, составившей основу запрещенного цензурой сборника «Стихотворения» (1883), — обилие философских рассуждений и обобщений, интерес к острым и трагическим ситуациям, связанным с пребыванием на грани жизни и смерти.

Трансформация построенной на парадоксах поэтической системы в полноценную эстетическую теорию представлена в главе 2. Становление эстетики Минского рассмотрено здесь в контексте его участия в киевском кружке «новых романтиков» (особое внимание исследователь уделяет западноевропейским и отечественным ориентирам его членов) и поисков собственных, отличных, в частности, от построений И. И. Ясинского, идеалов, приведших к принципиальному противопоставлению творческих возможностей науки и искусства. Сапожков приходит к выводу о литературной изоляции Минского к моменту выхода его второго сборника «Стихотворения» (1887): «Уйдя от тенденциозной эстетики, поэт так и не смог пристать к берегу „чистого искусства“, даже в его обновленном „новоромантическом“ варианте» (с. 73).

Анализу поэтики и идейно-художественного содержания этого сборника посвящена глава 3. Основную его особенность ученый усматривает в том, что тот стал декларацией «вполне сложившегося лирического стиля и художественного мировоззрения, со своим оригинальным образным строем и — главное — новым пониманием функционального назначения поэтической книги» (с. 74). В этом первом опубликованном сборнике Минского Сапожков видит прочный фундамент для становления одного из наиболее значимых его творений — «философской поэмы в прозе».

Книга «При свете совести: мысли и мечты о цели жизни» положила начало «второй жизни» Минского. В главе 1 второго раздела подробно рассмотрена религиозно-философская концепция Минского, а именно «мэонизм» и ее творчески переосмысленные источники; место теории Минского в ряду исканий русской философской критики, в первую очередь в трудах Д. С. Мережковского; жанрово-стилевая природа трактата, а также восприятие «мэонизма» в прижизненной критике.

Второй доведенный до печати сборник стихотворений Минского 1896 года, находящийся в центре внимания в главе 2, послужил, как показывает Сапожков, поэтическим воплощением его философских построений и заложил «основы противоречивого по своей художественной природе творческого метода, который можно было бы условно назвать „религиозно-просветительским символизмом“» (с. 162).

К. К. Случевского (по новым материалам) // Новое литературное обозрение. 1996. № 18. С. 232–375; 3) Поэзия и судьба Николая Минского // Минский Н., Добролюбов А. Стихотворения и поэмы. СПб., 2005. С. 7–95 (Новая Библиотека поэта; Ранние символисты); 4) Князь Александр Иванович Урусов — человек эпохи предмодернизма // Вопросы литературы. 2008. № 5. С. 268–315; 5) Творческий путь Константина Фофанова: между классикой и модернизмом // Фофанов К. Стихотворения и поэмы. СПб., 2010. С. 5–64 (Новая Библиотека поэта); Переписка З. Н. Гиппиус с Н. М. Минским (1891–1912) / Вступ. статья, прим. С. В. Сапожкова; сост. и подг. текстов А. В. Сысоевой, С. В. Сапожкова // Лит. наследство. 2018. Т. 106. Эпистолярное наследие З. Н. Гиппиус: В 2 кн. Кн. 1. С. 108–397; Переписка З. Н. Гиппиус с П. И. Вейнбергом (1893–1906) / Вступ. статья и прим. С. В. Сапожкова; сост. и подг. текстов А. В. Сысоевой и С. В. Сапожкова // Там же. С. 398–440.

Рассказ о «второй жизни» Минского завершает в главе 3 история его сотрудничества в органе символистов — журнале «Северный вестник» и анализ причин сближения, а затем резкого расхождения с А. Л. Волынским.

«Третья жизнь» писателя составляет наиболее объемный раздел книги, шесть глав которого посвящены длительному периоду — с 1901 по 1913 год. Открывает раздел аналитическое исследование сборника «Новые песни» (1901), знаменующего следующий этап в творческой и идейной биографии Минского и утверждающего «новый, „остраненный“ взгляд на действительность» (с. 181). Отметив его готовность после выхода сборника «привести в соответствие с новой поэтической системой свою религиозную философию» (с. 193), Сапожков переходит к рассказу об участии своего героя в Религиозно-философских собраниях, журнале «Новый путь», полемике с В. В. Розановым. Обновление духовно-нравственных ориентиров и стремление ответить на вопрос о способе воплощения догматов христианства в жизнь общества, как показывает Сапожков, получили отражение в книге Минского «Религия будущего» (1905), значение которой определяется «ее практическими установками, ее более тесной и адресной ориентацией не на убежденного подвижника веры, а на человека сомневающегося, колеблющегося, готового принять и выслушать иную, отличную от догматического православия, точку зрения на вечные вопросы бытия» (с. 223).

Неоспоримый интерес представляет глава о творческих воплощениях «жизнестроительных» идеалов Минского — его драматических произведениях, и прежде всего о драме «Альма» (1900). Далее Сапожков обращается к сенсационному, с точки зрения современников, повороту в идейных установках писателя — его союзу с марксизмом, воплотившемуся, среди прочего, в издании большевистской газеты «Новая жизнь» (1905) и публикации «Гимна рабочим», и дает тщательное аналитическое описание пути Минского к трагическому итогу его попыток на практике осуществить идеалы «религии будущего» — отъезду в эмиграцию. Завершает рассказ о «третьей жизни» писателя история выхода 4-томного «Полного собрания стихотворений» (1907) и реакции критики на него.

Четвертый раздел монографии, озаглавленный цитатой из Минского «Чем будешь ты, моя четвертая жизнь?..», охватывает период с момента его возвращения в Россию 2 марта 1914 года вплоть до смерти в Париже 2 июля 1937 года. Особое внимание Сапожков уделяет причинам, побудившим писателя к повторному, окончательному отъезду из России летом 1914 года. По мнению исследователя, основная из них заключалась в том, что за время эмиграции Минский «потерял на родине не только бывших единомышленников, но и своих слушателей, свою „паству“» (с. 330). В главе 1 «„Лики войны“ в творчестве Н. М. Минского 1914–1916 годов» представлена его деятельность в качестве парижского корреспондента газеты «Утро России», проанализированы военная лирика и пьеса «Лики войны», ранее не попадавшая в поле зрения исследователей творчества писателя. Далее представлено послевоенное творчество Минского: его сборник стихотворений «Из мрака к свету» (1922), в котором декларировалось «преодоление розни во всех ее формах» (с. 351), участие в литературной жизни русского Берлина в 1921–1923 годах, а также несостоявшиеся планы по возвращению в Россию.

В «Заключении» подведены итоги исследования и расставлены основные акценты.

Чрезвычайно полезным приложением к монографии является библиография текстов Минского и литературы о нем — первый опыт построения персональной библиографии писателя.

DOI: 10.31860/0131-6095-2023-3-248-251

© *Т. В. Игошева*, © *Г. В. Петрова*

О «СРОЧНОЙ СЛОВЕСНОСТИ»*

Поиск новых подходов к исследованию сложно поддающихся систематизации многообразных форм взаимодействия литературы и журналистики начала XX века, которые были бы свободны от какой-либо заданности, от идеологического налета, — одна из актуальных проблем гуманитарного знания, и потому нельзя не приветствовать мысли А. А. Холикова, сформулированной во введении, о необходимости пересмотра методологии изучения культурного ландшафта начала XX века. Очевидно и то, что потенциал русского модерна должен быть связан не только с собственно художественными и аксиологическими открытия-

* Русская литература и журналистика в предреволюционную эпоху: формы взаимодействия и методология анализа: коллективная монография / Отв. ред. и сост. А. А. Холиков, при участии Е. И. Орловой. М.: ИМЛИ РАН, 2021. 768 с.

ми литературы и искусства в целом, но и с коммуникативными стратегиями и практиками, рельефно обозначившимися в истории отечественной культуры этого периода.

Рецензируемая монография состоит из трех частей, каждая из которых имеет свое исследовательское направление.

Первая включает разноплановые работы специалистов в области истории и теории русской литературы и отечественной журналистики конца XIX и первой половины XX века, собранные в четыре тематические главы: «Теоретико-методологические аспекты», «Периодические издания: от центра к окраине», «Стратегии и репутации», «Формы рецепции». Порядок глав исследовательской части монографии, как и внутренний их состав, определяется стремлением авторского коллектива не только представить отдельные примеры взаимодействия литературы и журналистики на уровне «частного случая» и «альтернативной классификации», но и обозначить феномен этого *взаимодействия* как самостоятельный предмет теоретического и исторического осмысления. Такой подход неизбежно потребовал обновления категориального аппарата. Е. И. Орлова, систематизируя разные точки соприкосновения литературы и журналистики, для обобщения результатов своей классификации использует термин «срочная словесность», возникший еще в XIX веке для характеристики исключительно журналистской практики. Применение этого понятия в расширенном значении кажется весьма убедительным, поскольку позволяет подчеркнуть самостоятельность и оригинальность исследуемого феномена несмотря на его метафорическую оболочку.

В свою очередь Ю. Б. Балашова предлагает оперировать для характеристики феномена взаимодействия литературы и журналистики современным термином «медиа» и его разновидностями. Однако медийность — это особое свойство массовой коммуникации конца XX — начала XXI века, и перенос категориального аппарата с современной социально-культурной ситуации на практику столетней давности кажется нам весьма полемичным. При этом мы не оспариваем возможности рассмотрения отдельных периодических изданий начала XX века как вполне состоявшихся медийных проектов или дифференциации биографии литератора (писателя, поэта, публициста, критика) и его медийной личности, о чем идет речь в статье В. Н. Крылова. И все же каждому явлению свой термин и каждому термину своя эпоха. Omnia tempus habent (Еккл. 3: 1).

Завершает эту главу исследование А. А. Гапоненкова и Ю. С. Ромайкиной, значимость которого заключается в попытке построить алгоритм описания журнального (альманашного) контекста как основы для построения комплексной истории периодического издания.

Работы, составившие вторую главу, откликаясь на предложенную алгоритмизацию, как раз и представляют собой аналитическое описание внутреннего или внешнего контекста отдельных периодических изданий: от ведущих столичных газет — «Нового времени» (статья М. А. Фролова), «Русского слова» (статья А. В. Филатова), до провинциальных изданий — новгородской газеты «Ильмень» (статья А. Л. Семеновой); русскоязычной периодики Финляндии (посвященные «Финляндской газете» статьи Е. А. Андрущенко и Л. Ф. Луцевич); газеты «Южный край» (статья Е. М. Захаровой).

В исследованиях, вошедших в третью и четвертую главы монографии, намечено множество точек соприкосновения литературы и журналистики.

Третья глава открывается значимой обобщающей статьей Е. В. Ивановой, в которой подведен итог дискуссии вокруг ключевой роли символистской периодики в развитии русского символизма как литературного направления. В этом же плане стоит рассматривать и работу М. Бёмиг о «Студии импрессионистов».

В поле зрения ученых попали и несостоявшиеся проекты, например журнал группы «Лирика», о котором пишет А. Ю. Сергеева-Клятис.

В статьях Е. А. Тахо-Годи о литературной критике Ю. Айхенвальда, К. А. Баршта, О. В. Федуниной об эстетической позиции и репутации В. П. Буренина, С. А. Казаковой о репутации группы «Гилея», С. А. Кибальника, направленной на развенчание мифа о провале первой постановки чеховской «Чайки», в той или иной степени корректируются уже устоявшиеся и широко распространенные в научном сообществе представления о разных явлениях литературной жизни предреволюционной эпохи.

Отдельный аспект «срочной словесности» освещен в работе С. Г. Коростелева, доказывающего, что замятинские публикации в журналах «Летопись» и «Новая жизнь» стали своеобразной площадкой для формирования творческой концепции главного произведения писателя — романа-антиутопии «Мы».

М. В. Михайлова и А. В. Назарова, анализируя образы журналистов в произведениях Горького, Куприна, Чирикова, фактически выявляют неоднозначный статус русского журналиста. И наоборот, в работе Е. С. Сониной рассматривается карикатурный образ русского литератора на страницах сатирической периодики начала XX века.

Таким образом, взаимодействие литературы и журналистики эпохи осмысляется комплексно как пространство не только диалога, но и противостояния, полемики, борьбы за доминирующее положение в границах «срочной словесности».

Новационным по материалу и подходу следует признать работу Е. Ю. Гордеевой, которая изучила специализированные библиографические издания с точки зрения организационной работы с читательской аудиторией.

Отметим и высоко оценим стремление авторов монографии не только уточнить границы

«срочной словесности», но и ввести в научный оборот большой корпус новых материалов во второй и третьей части, где читательскому вниманию предложены две публикации и две републикации.

А. С. Александров подготовил фрагмент эпистолярного диалога между А. А. Измайловым и И. И. Ясинским за 1915–1916 годы, связанного с литературно-журнальными событиями предреволюционного времени.

При этом нельзя не указать на отдельные ошибки и небрежности, допущенные в комментариях. Так, на с. 381 читаем: «Рождественский номер 1917 года собирался уже в условиях революционной действительности, когда праздник, имеющий глубокую мировую и отечественную традицию, был упразднен одним из Декретов советской власти». На самом деле в письмах речь идет о подготовке рождественского номера «Петроградского листка» 1916 года, увидевшего, как и должно, свет 25 декабря (исчисление, как и положено в это время, ведется по старому календарному стилю). При чем тут 1917 год и революционная действительность, остается непонятным. Кроме того, известно, что среди первых декретов советской власти отсутствовал декрет, упраздняющий Рождество. Запрет прозвучал (да и то косвенным образом) только 24 сентября 1929 года в постановлении Совета народных комиссаров «О рабочем времени и времени отдыха в предприятиях и учреждениях, переходящих на непрерывную производственную неделю».

22 письма Д. В. Философова к К. И. Чуковскому, охватывающие период 1908–1919 годов, обнародовали С. В. Федотова и А. Л. Соболев. Публикация важна в качестве существенного дополнения к уже изданному ранее эпистолярию Д. С. Мережковского и З. Н. Гиппиус к тому же корреспонденту и способствует воссозданию литературных и отчасти личных взаимоотношений Философова и Чуковского. Преамбула, предваряющая письма, выходит далеко за рамки жанра вступительной статьи. В ней прослеживается становление литературной репутации Чуковского — от яркого, но не имеющего собственной идеи молодого критика до влиятельного литератора — и роль в этом процессе его корреспондентов.

Р. А. Поддубцев воспроизвел подборку произведений русских футуристов, размещенную на литературной странице газеты А. А. Суворина «Новь» 20 ноября 1914 года. Она имела собственное заглавие — «Траурное ура», — перекликающееся с антимилитаристскими настроениями ее участников: К. А. Большакова, Б. Л. Пастернака, Н. Н. Асеева, Д. Д. Бурлюка В. В. Маяковского. Значение данной републикации заключается в сопровождающем ее развернутом комментарии, поясняющем разнообразные военные реалии, широко представленные в произведениях футуристов. Столь же важными оказываются и вскрытые автором историко-литературные детали и контекст, в рамках которого необходимо рассматривать подборку «Траурное ура» как цельное художественное высказывание русских футуристов по поводу актуальнейших вопросов жизни и литературы периода первой мировой войны.

Вторая републикация подготовлена Е. И. Погорельской и посвящена раннему периоду творчества И. Э. Бабеля. Речь в ней идет о газетном цикле будущего автора «Конармии», состоящем из 17 очерков, которые были напечатаны А. М. Горьким в редактировавшейся им газете «Новая жизнь» в течение весны и лета 1918 года. Очерки ярко демонстрируют становление стиля и художественных приемов Бабеля. От предыдущих републикаций (две из них сделаны в 1989 году, еще две — в 1990 году) разной степени полноты воспроизведение, осуществленное Погорельской, отличает объем комментария. Вместе с тем он вызывает и ряд вопросов, поскольку зачастую поясняются совершенно банальные вещи (дровни, желоб, крестный ход, феска, фунт и др.).

Часть третья монографии озаглавлена «Приложение» (именно так: в единственном числе), что, думается, не вполне отвечает составу этого раздела, где находим указатели содержания отдельных периодических изданий: журнала «Богема» (1915) — А. Л. Соболева; газеты «Новь» и приложения «Утренний телефон „Нови“» — Р. А. Поддубцева. Здесь же представлен «Опыт росписи архивных материалов, посвященных газете „Русское слово“» О. И. Шапкиной. Традиционно в приложение (приложения) включаются материалы с дополнительной, поясняющей информацией, корреспондирующей с основным текстом. Однако в данном случае этого не происходит: гипертекстовых связей с первым (основным) разделом книги нами не обнаружено. Думается, что эту часть правильнее было бы озаглавить «Библиография».

Безусловно, все три публикации демонстрируют огромную кропотливую работу их авторов. Однако результат получился все же разным.

Выгодно отличается высокопрофессиональной вступительной статьей, основанной на обширных архивных изысканиях и, пожалуй, на сегодняшний день исчерпывающе воссоздающей историко-литературный контекст «Богемы», издававшейся литераторами круга Л. М. Рейнер, «роспись с выносками» А. Л. Соболева.

Весьма обширное содержание газеты «Новь» и приложения «Утренний телефон „Нови“», хотя и представлено выборочно, заслуживает всяческого внимания и одобрения. Вместе с тем вступительная статья, в которой могла бы быть представлена историко-литературная информация об издании (а также его приложении), отсутствует. Аналогичное замечание необходимо адресовать и О. И. Шапкиной, хотя опыт росписи архивных материалов, связанных с одним печатным органом, является весьма интересным и ценным для историков литературы и журналистики.

Научный аппарат в виде именного указателя (его составитель не указан) является просто

необходимым дополнением к такому изданию и позволяет ориентироваться в большом объеме информации.

Рецензируемая монография, безусловно, должна занять свое место в корпусе современных исследований, претендующих на презентацию новых подходов к изучению культурной жизни начала XX века как сложно структурированного феномена, а у вновь обретенного термина «срочная словесность», думается, может быть весьма интересная научная судьба.

DOI: 10.31860/0131-6095-2023-3-251-253

© *Л. В. Хачатурян*

ПРИТЯЖЕНИЕ БУНИНА*

В прошлом году в серии трудов Отдела новейшей русской литературы ИМЛИ РАН «Литература русского зарубежья. Писатель в литературном процессе» вышел сборник статей, приуроченный к 150-летию со дня рождения И. А. Бунина.

В предисловии «От редактора» Ю. А. Азаров определил проблематику издания как попытку создать максимально полную научную интерпретацию наследия Бунина. Центр тяжести закономерно перенесен на архивные исследования, так как буниноведение находится сейчас в стадии активного поиска новых материалов и методологии: «Разрозненный архив писателя, если его рассматривать в целом, содержит многочисленные документы, дневниковые записи, обширную переписку, что открывает широкие возможности для будущих хроникально-биографических разысканий» (с. 9). Заявленная источниковедческая основа вводит бунинский том в контекст другого проекта ИМЛИ РАН — портала «Академический Бунин». И если цель последнего фундаментальна — создать базу для изучения жизни и творчества писателя, то с точки зрения прикладной задачи — подготовки первого Полного собрания сочинений и писем И. А. Бунина — эти исследования можно назвать взаимодополняющими.

Сборник состоит из трех частей: «И. А. Бунин в контексте русской литературы», «И. А. Бунин и его современники» (которая включает раздел «И. А. Бунин и А. М. Горький», что объясняется горьковедческой специализацией Института мировой литературы), «Творческая история, поэтика, текстология». Подавляющее большинство участников издания — сотрудники ИМЛИ РАН. Внутри разделов соблюдается хронологический принцип: от дореволюционного периода к последнему этапу жизненного и творческого пути Бунина.

Первый раздел открывается исследованием Ю. Я. Барабаша «Между Каменкой и Грассом» (отсылка к «Жизни Арсеньева») с подзаголовком «Бунин и Гоголь». В работе прослеживается эволюция оценок Буниным (Арсеньевым) гоголевского творчества — от восхищения «Вечерами на хуторе близ Диканьки» и «Миргородом» (молодой Арсеньев — молодой Гоголь) до резкого неприятия его поздних произведений: «„У Гоголя необыкновенное впечатление произвели на меня «Старосветские помещики» и «Страшная месть». Какие необыкновенные строки! Как дивно звучат они для меня и до сих пор, с детства войдя в меня без возврата <...>“ В Грассе, 30 апреля 1940 г., Бунин делает запись в дневнике: „Не знаю, кого больше ненавижу как человека — Гоголя или Достоевского“» (с. 17). Классическая эстетика модерниста Бунина противопоставлена барочным мотивам зрелого Гоголя: «Все это чуждо Бунину, любые проявления условности, гротеска, сатирического заострения ему не интересны, все эти Добчинские и Бобчинские, Сквозники-Дмухановские, Яичницы, Чичиковы кажутся ему в лучшем случае „плоскими, балаганными“» (с. 39).

В статье В. Н. Терехиной «Бунин и Маяковский: новые аспекты старой темы» (с. 44–63) оппозиция Бунина и Маяковского, классического модернизма и его радикального направления — первого авангарда, представлена не только как политически мотивированная, но и эстетически несовместимая. Исследовательницу интересует не столько характерная для русской эмиграции опосредованная разными политическими позициями рецепция творчества Маяковского,[1] сколько собственно

---

* Литература русского зарубежья, 1920–1940. Писатель в литературном процессе (к 150-летию со дня рождения И. А. Бунина). М.: ИМЛИ РАН, 2022. 976 с. Исследование подготовлено в рамках проекта РНФ № 19-18-00353, https://rscf.ru/project/22-18-35019, в НИУ ВШЭ.

[1] В качестве примера Терехина использует сравнительно нейтральное высказывание Марка Слонима: «Казалось бы, здесь, где можно говорить во весь голос, не опасаясь ГеПеУ, вне досягаемости всяких административных нажимов и полицейских приказаний, можно было проявить объективность в отношении

стилистический антагонизм, в конечном счете потребовавший полного взаимоисключения.[2] Уже в генезисе творчества Бунина заложено тотальное неприятие «всего маяковского» (не только акционизма), резко, с оттенком сарказма выраженное в его дневниках и публицистике. В равной степени без «сбрасывания с корабля современности» «академика»-Бунина было невозможно создание новой эстетики, а затем и новой истории русского авангарда.

Если дихотомия Бунин — Маяковский выстраивается на полном отторжении политического и эстетического оппонента, то отношение критиков к творчеству будущего нобелевского лауреата зачастую становилось своеобразным зеркалом для собственных идей и исканий, что показано в работе «Взаимное отражение: Бунин и критика» (с. 83–96) С. Р. Федякина. Из огромного массива прижизненной критики для исследования тщательно отобраны отзывы «собратьев по цеху». «Каждый отклик не похож на другие: статья дотошного критика (Ходасевича) пронизана „историей вопроса“, статья мыслителя (Степуна) — философией, статья писателя (Сирина) — вздрагивающими, текучими образами» (с. 84). При этом каждое критическое высказывание рассматривается как «я-текст», т. е. тезис, имеющий преимущественное отношение к самому автору, и только потом — к Бунину. «Особенно примечательно в писаниях рецензентов стремление сказать о Бунине так, словно говоришь о себе. „Он не холоден: он целомудрен“, — бросает Ходасевич <...> Из того же ряда и формула Набокова: „Тоска больших поэтов — счастливая тоска“. Стоит лишь подставить вместо Толстого Державина, вместо Бунина самого Ходасевича, и мы увидим характеристику собственного труда» (с. 85).

Тема «я-текста» выходит на первый план в работах О. А. Казниной «Книга И. А. Бунина „Освобождение Толстого“ в контексте литературной и философской критики русского зарубежья» (с. 209–284), Д. Д. Николаева «Бунин в газете „Возрождение“ (1925–1927)» (с. 209–284) и М. М. Полехиной «Поэтика повседневности в дневниках И. А. Бунина 1920–1930-х гг.» (с. 678–702). Бунин, ведущий собственный дневник, обращается к гигантскому дневниковому корпусу Толстого и находит в нем «образец жанра»: «Дневник — одна из самых прекрасных литературных форм. Думаю, что в недалеком будущем эта форма вытеснит все прочие» (цит. на с. 241; запись от 23 февраля 1916 года). Исследование Полехиной сосредоточено на «профессиональной деформации» записей — коммуникативной структуре дневника писателя. Присутствие «скрытого адресата» — имплицитного читателя — делает дневник идеальным материалом для последующей переработки в художественный текст.

Дневниковые записи становятся документальной основой публицистики Бунина («Окаянные дни»). По точному замечанию Николаева, использование «я-текста» позволяет совместить фактическую документальность (применительно к дневнику это точная фиксация переживаний 1918–1920 годов) и необходимую для публицистического текста злободневность, достигаемую актуальной авторской интерпретацией этих же событий в 1925–1926 годах. Безусловным приоритетом «фиксации текущего момента» (с. 220) объясняется сопоставление Бунина-публициста не с Толстым, а с Достоевским: «В самой форме дневника, выбранной для цикла газетных или журнальных публицистических очерков, нет ничего необычного. Самым известным примером могут служить „Дневники писателя“ Ф. М. Достоевского <...> ведь „Окаянные дни“ — это именно дневники писателя» (с. 229). Точная пропорция документального и художественного придает ту современность публицистике, которой одинаково достигали и Достоевский, и Бунин. Достаточно привести короткий отрывок из «Окаянных дней»: «В сущности, всем нам давно пора повеситься, — так мы забиты, замордованы теперь, лишены всех прав и законов, живем в невероятном рабстве и среди непрестанных заушений, издевательств. А все-таки живем...» (цит. на с. 241).

Изучению эдиционной техники Бунина посвящена другая статья Д. Д. Николаева в этом сборнике «От первой публикации — к собранию сочинений: трансформация печатных текстов Бунина в 1920–1930-е гг.» (с. 813–903). Как отмечает исследователь, «публикационная история произведений И. А. Бунина в целом традиционна для XX в. и соответствует общей схеме „печатной жизни“ текстов значительных русских писателей. Как правило, стихотворение или рассказ сперва печатались в газете, журнале, коллективном сборнике или альманахе, затем включались в авторский сборник <...> и, наконец, вершиной пирамиды становилась публикация в собрании сочинений» (с. 812–813). Таким образом, идеальная эдиционная модель Бунина выстраивается как линейная схема, которая отражает последовательное движение к тексту, в максимальной степени выражающему волю автора.

Специфика бытования рукописных текстов, рассмотренная в работе С. Н. Морозова «„Краткие рассказы“ И. А. Бунина. Творческая история цикла» (с. 904–950), во многом зависит от ряда дополнительных факторов.

Маяковского и честно попытаться понять его творчество. Но как там — захлебывание от восторга, так здесь — захлебывание от ненависти. Там политический апофеоз, здесь — политическая анафема» (цит. на с. 45).

[2] Ср. приведенную в работе цитату В. Катаева: «При нем (Бунине. — *Л. Х.*) я боялся даже произнести кощунственную фамилию: Маяковский. Так же, впрочем, как впоследствии я никогда не мог в присутствии Маяковского сказать слово: Бунин. Они оба взаимно исключали друг друга» (цит. на с. 55).

Прежде всего в силу обстоятельств степень сохранности и представительность бунинских рукописных источников значительно меньше, чем у многих других авторов. При этом в архивных собраниях Бунина, даже при работе с объединенным корпусом цифровых рукописей, что сейчас доступно немногим, не отражена вся последовательность работы. Круг автографов разомкнут, текстолог гипотетически восстанавливает исходную целостность наследия классика, нередко используя печатный текст вместо недостающего беловика.

Если же, сопоставляя тезисы двух исследований, попытаться представить себе бытование текста в целом, от первого наброска до последней правки на полях опубликованного Собрания сочинений, то оно будет напоминать уже не прямую (печатный текст) и не разомкнутый круг (рукописи), а поднимающийся вверх серпантин, со множеством тропинок и тупиков, неумолимо сужающийся к финальной точке физического небытия автора.

Вот лишь несколько важных буниноведческих «сюжетов», затронутых в издании. Огромный объем сборника не позволяет в полной мере охарактеризовать каждое исследование в нашей рецензии. Заявленная проблематика фактически неисчерпаема и напоминает о принципе, сформулированном русской школой текстологии еще в 1920-е годы: с максимальной научной полнотой отразить предельное многообразие источников. И в этот процесс новый бунинский сборник вносит очень серьезный вклад.

ХРОНИКА

DOI: 10.31860/0131-6095-2023-3-254-258

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «SOCIALIST CULTURE RECYCLED (EASTERN EUROPE: FROM DISILLUSIONS TO NOSTALGIA AND BEYOND)»*

25–27 июня 2021 года на базе Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН состоялась международная конференция «Socialist Culture Recycled (Eastern Europe: from Disillusions to Nostalgia and Beyond)», организованная В. Ю. Вьюгиным и коллективом исследователей в рамках проекта «Советское сегодня (Формы культурного ресайклинга в российском искусстве и эстетике повседневного. 1990–2010-е годы)». Она проходила онлайн на платформе Zoom и транслировалась на YouTube-канале Пушкинского Дома.

Конференцию открыл инициатор ее проведения — В. Ю. Вьюгин (Санкт-Петербург). Главной целью он назвал теоретическое осмысление концепции «ресайклинга» в исследованиях социалистического прошлого.

Первый доклад З. Васильевой (Германия) «„Ностальгия“ или „ресайклинг“?: Ностальгия как форма критики» был посвящен рефлексии над концепцией ресайклинга и пересмотру теоретических предпосылок понятия «ностальгия». Вслед за М. Тодоровой, Ж. Гилле, Э. Озюрек и Дж. Фергюсоном выступавшая предлагает понимать ностальгию как форму социальной критики.

В докладе «Коммодификация социалистического прошлого в Румынии: коммерческое продвижение клубов между „модернизацией“ и „ретроманией“» А. Бардан (Румыния) провела визуальный анализ рекламы вечеринок в «коммунистическом стиле». Было продемонстрировано, что их популярность совпала с периодом экономического кризиса, возможно, потому что обращение к социалистическому прошлому в Румынии было связано с недовольством настоящим.

Секция завершилась выступлением К. Смолы (Германия) «Искусство переработки? Переработка социализма в современном российском искусстве» о переосмыслении советских культурных практик, предметов и лозунгов в современном российском искусстве.

Вторую секцию о кино и телевидении открыла А. Светлова (Польша) докладом «Культурные герои позднего социализма и их репрезентации в современной российской культуре». Она проанализировала фильмы «Высоцкий. Спасибо, что живой» (П. Буслов, 2011) и «Лето» (К. Серебренников, 2018), интерпретируя обращение к «биографическим мифам» Высоцкого и Цоя как ностальгический жест.

В выступлении «Переосмысление мужественности советского рока в фильме „Лето“ Кирилла Серебренникова» Э. Влеминк и К. Ву (Великобритания) проанализировали типы маскулинности, представленные в этом фильме. Авторы показали, что мужественность «бунтовщиков» советского рока перерабатывается, актуализируя дебаты о доминирующей роли государства, об индивидуальной свободе и национальной идентичности.

В своем докладе «Ре-мейки и ре-интерпретации. Жизнь Ганса Клосса в польской культуре после 1989 г.» Я. Гжеховияк (Польша) обратился к современным переработкам польского военно-шпионского сериала «Ставка больше, чем жизнь», который оказал большое влияние на польскую культуру, но после 1989 года был снят с эфира из-за «искажения истории и пропаганды социалистических ценностей».

Третья секция конференции была сфокусирована на вопросах литературы. Так, Я. Ога (Латвия) в докладе «Латышские романы 1970-х и 1980-х годов: публикации после распада Советского Союза» обратился к текстам и литературным стратегиям самых успешных латвийских писателей, работавших в позднесоветский и постсоветский период.

В выступлении «Перерабатывая критическую теорию: постсоциалистическая меланхолия в романе В. Г. Зебальда „Кольца Сатурна“ (1996)» Т. Аттануччи (Германия) проанализировал указанный роман с помощью понятий «левая меланхолия» (В. Беньямин, Э. Траверсо) и «конец утопии» (В. Лепенис). Исследователь показал, как Зебальд перерабатывает представления о меланхолии, заимствованные у Беньямина, и делает их основой своей поэтики.

Б. А. Горски (США) в докладе «Советский автор для постсоветской мировой литературы» предложил рассматривать международный и российский успех Л. Е. Улицкой как следствие ресайклинга советского. Причиной

* Хроника подготовлена за счет гранта Российского научного фонда № 19-18-00414, https://rscf.ru/project/22-18-35036/, ИРЛИ РАН.

успеха писательницы стало то, что ее тексты и публичный образ оторваны от современности и отсылают к культуре позднесоветской интеллигенции.

Первый день работы конференции завершился секцией о памятниках и архитектуре. В докладе «Тоталитарное наследие и культурная переработка: случай сталинских памятников» Э. Калашников (Канада) поднял вопрос о привлекательности сталинской архитектуры для современной аудитории. Формируя память о своей эпохе так, как это и предполагалось ее создателями, сталинская архитектура становится «инструментом амнезии», позволяющим не рефлексировать о преступлениях режима.

А. Кург (Эстония) обратился к теме «Вмешательства в социалистическую архитектуру, 1970–1980 гг.» и проанализировал работы архитектурных коллективов из Таллина, Риги и Москвы в указанный период. Критикуя массовую жилую застройку, эти коллективы, тем не менее, не отказывались от общей эстетики модернизма. Их проекты следует понимать как переработку и присвоение доминирующих форматов не антагонистичные официальному социалистическому дискурсу, но диалогичные по отношению к нему.

Секция продолжилась докладом Д. Дешеппер (Италия) «Перерабатывая конструктивизм: маркетинг с целью сохранения или сохранение ради брендинга?». Исследовательница рассмотрела стратегии взаимодействия с авангардной архитектурой в Москве и Екатеринбурге, применяя концепцию культурного ресайклинга. В столице маркетизация авангарда стала откликом на низовую практику, а на Урале использование деидеологизированных образов авангардной архитектуры связано с политикой региональных властей по созданию локального «бренда» «столицы конструктивизма».

Б. Дудас (Венгрия) в выступлении «Переработка венгерских социалистических фресок и гобеленов: Случай Дьюлы Хинца» обратилась к монументальным работам венгерского художника Д. Хинца (1904–1986). В современной Венгрии его работы декоммунизируются и деполитизируются. Однако они становятся не «чистой эстетикой» (К. Преда), а коммерциализируются и превращаются в фон для коммерческих съемок.

Второй день работы конференции начался с секции «Литература и язык». В докладе «Советские литературные учреждения в современной Беларуси: попытка возвращения» А. Бязлепкина-Чарнякиевич (Беларусь) сравнила положение писателей и роль литературы на белорусском языке в советском прошлом и белорусском настоящем.

Доклад К. Федоровой (Эстония) «Языковая идеология как постсоветское наследие: пример Эстонии» был сфокусирован на языковой политике и языковых ландшафтах в постсоветской Эстонии, которой пришлось решать вопросы многоязычия, популяризации национальных языков и интеграции русскоязычной части населения.

А. Москвин (Польша) в выступлении «Учебники белорусской литературы: создание нового канона или возврат к „советизму“» показал, что в 2007 году процесс «белорусизации» литературы, начавшийся после распада СССР, был заменен процессом «советизации»: демократические идеи сводятся к минимуму, а тексты националистического и политического содержания не допускаются в учебники.

Финалом секции о языке и литературе стал доклад «Как исцелить историю? (Современная русская проза с точки зрения литературных премий)» В. Ю. Вьюгина (Санкт-Петербург). Автор исследовал проблему ресайклинга советского прошлого в премиальной литературе на материале романов В. П. Аксенова, А. Н. Архангельского, Г. Ш. Яхиной и Н. В. Кононова. Перерабатывая разное советское прошлое, авторы этих романов этически примиряют с ним читателя.

Работа конференции продолжилась секцией о ресайклинге советского культурного и материального наследия. Н. Викулина (США) открыла ее докладом «Созерцательный знак возможной гибели: Взгляд на заброшенные советские города-сады». Исследовательница проанализировала фотопроект «Аркадия» (2016) художницы А. Цайдер о пространствах постсоветских городов, оставшихся без внимания и заботы и захваченных зеленью.

В. Харкун (Украина) представила доклад «Ленинопад: переосмысление истории и переработка памятников в Украине», посвященный массовому сносу памятников В. И. Ленину, начавшемуся 8 декабря 2013 года в Киеве. Избавление от памятников из низовой инициативы протестующих стало государственной политикой, реализующейся в законе о «декоммунизации». Однако такие «мнемонические меры безопасности» не привели к большим изменениям отношения украинцев к советскому прошлому.

Секция продолжилась выступлением «Музеологические интерпретации социализма в Хорватии сегодня» А. Дошен и П. Миловац (Хорватия). Авторы подробно рассмотрели крупные выставочные проекты, состоявшиеся за последние десять лет в галереях и музеях Хорватии. Новому прочтению социализма в рамках этих выставок мешает конкуренция между институциями, которая делает количественные показатели более важными, чем качественные.

С. Неринг (Польша) обратилась к теме «Разочарование и ностальгия в музеях коммунизма в Польше». Исследовательница представила анализ нарративов и репрезентаций, которые используются в экспозициях небольших частных музеев, посвященных периоду Польской Народной Республики. Социалистическое прошлое видится посетителями музеев как более благополучное время с точки зрения социальной стабильности в противовес неопределенностям современности.

Следующая секция конференции была посвящена исследованию кино и театра.

Э. Паркман-Смирнова (Швеция) открыла ее докладом «Нация и память в российских мультфильмах XXI века». Большинство мультфильмов обращаются к образам богатырей и Средневековья, достаточно далеким и беспроблемным, чтобы быть «сказкой». Подобная тематика конструирует образ многовекового существования Российского государства.

Т. Юричич (Великобритания) в выступлении «Загнивающий (decadent) социализм как Belle époque: переделка культурной памяти Югославии в воображаемом микрокосмосе черно-белого мира» проанализировал сюжет хорватского сериала «Черно-белый мир» Г. Куленовича (2015). 1980-е годы в Югославии были годами социально-политических потрясений — в сериале они предстают как belle époque, в отличие от последующего периода. Одинаково положительными оказываются и поездки за покупками на капиталистический Запад, и обязательная служба в армии, и соревнования в масштабах всей страны, и участие в трудовых бригадах.

В докладе «Неоновая реальность» М. Полякова (Польша) предложила анализ отражения современной белорусской действительности в пьесах П. Пряжко. В центре его внимания находится формирование и трансформация поколений, выросших при правлении А. Г. Лукашенко. Драматург высвечивает существующий в Беларуси конфликт между новыми формами модернизированной городской жизни и укорененностью страны в советском наследии.

Т. Ф. Майер (Москва) завершил работу секции докладом «Непрерывная прерывность: ресайклинг жанра деревенской прозы в „Зоне затопления“ Романа Сенчина (2015)». Автор исследовал связи между романом Сенчина и «Прощанием с Матерой» (1976) В. Распутина. «Зона затопления» перерабатывает жанровое наследие «деревенщиков» для описания современных проблем: сибирские деревни, подчиняясь интересам новой финансовой элиты, исчезают и превращаются в предмет ностальгии.

Начиная следующий день конференции, О. Месропова (США) в выступлении «Ностальгия по советскому, музыкальная память и их адаптация (Телевизионные конкурсы песни в новом миллениуме)» проанализировала, как советские песни адаптируются для телевизионных песенных конкурсов «Голос», «Голос. Дети» и «Голос. 60+». Отталкиваясь от исследований К. Платта и Д. Бартански, исследовательница продемонстрировала, что такие конкурсы делают советское наследие понятным для молодежи и формируют чувство преемственности поколений.

М. Липовецкий (США) в докладе «Одевая советское в женское: „Советская“ серия Влада Мамышева-Монро» показал, что Мамышев-Монро, декларативно разделяя с «новыми художниками» (Т. Новиков и др.) восхищение советским «большим стилем», использовал свою манеру с противоположной целью. Художник трансформировал советскую мифологию в миф о трансвестите-трикстере, который бросает вызов не только гендерным рамкам, но и рамкам времени и истории.

В выступлении «Вне режима перемен: устойчивость запаха, „Красная Москва“» Х. Риндисбахер (США) обратился к истории духов «Красная Москва». Он проанализировал, как этот продукт буржуазного консьюмеризма, отсылающий к французской парфюмерной традиции, в советское время превратился в подарок Сталина советским женщинам. В современности же «Красная Москва» стала ядром «ностальгической формации».

Т. Эдкинс (США) в докладе «Бриколаж вчерашнего дня: советские объекты и постсоветская инфраструктура на Алтае» описал, как жители этого региона перерабатывают остатки советской материальности (тракторов, автомобилей, заброшенных складов и т. п.). Повторному использованию инфраструктуры сопутствует специфическое почитание объектов, коренящееся в анималистических верованиях алтайцев.

Следующий день конференции начался секцией о кино, телевидении и музыке. Ее открыл доклад А. Левицкого (Польша) «Ностальгия по юности? Образы 1980-х годов в современном польском кинематографе». Исследователь рассмотрел разные способы ностальгического изображения 80-х годов прошлого века в новейшем (2005–2020) польском кино.

А. Семененко (Швеция) в выступлении «Феномен Лапенко: мифотворчество, основанное на ресайклинге» проанализировал сериал «Внутри Лапенко», который снят в псевдо-VHS стиле и повествует о вымышленной «ретрореальности» 1980–1990-х годов. Выступавший предложил рассматривать сериал в рамках понятия «неосоветский миф».

В докладе «Критика и ностальгия: городская милиция в современной популярной культуре» П. Зверчевски (Польша) на примере историй о капитане Жбике продемонстрировал дуалистичность памяти о прошлом, характерную для современной Польши: критике коммунистической системы сопутствует ностальгическая тоска.

Вторую секцию второго дня открыла Л. Д. Бугаева (Санкт-Петербург) докладом «Мифология и тоталитарное прошлое в перспективе А. Сокурова». Она рассмотрела тетралогию А. Сокурова «Молох» (1999), «Телец» (2001), «Солнце» (2005), «Фауст» (2011) как попытку комплексного понимания прошлого. Обращаясь к биографиям авторитарных правителей — Гитлера, Ленина и японского императора Хорихото, — режиссер фокусируется на тех моментах, когда их власть приходит к концу. Вместе с тем тетралогия посвящена именно власти: рефлексии о ее природе и об отношении к ней.

К. Головина (Япония) прочитала доклад «Неожиданно „советское“: японский дом и материальные практики постсоветских

мигрантов», посвященный «творческому ресайклингу» советских практик в быте россиян, переехавших в Японию с 1990 по 2010-е годы. Даже в новой стране мигранты пытаются искать «советское» или конструируют его сами, что помогает им объединяться с другими мигрантами и адаптироваться к чужому.

В докладе «Бархатное ретро: популярная культура и чешская память о прошлом до 1989 года» В. Пехе (Чехия) предложила понятие «ретро» как одну из форм культурного ресайклинга для объяснения динамики культурной памяти в Чехии. В отличие от ностальгии, которая обращена к прошлому как к лучшей и утраченной эре, ретро обращено в будущее и использует прошлое, чтобы утвердить чувство прогресса в настоящем.

М. Энгстрем (Швеция) в завершающем секцию выступлении «Остранняя (queering) мэйнстрим: Александр Гудков и культурный ресайклинг советских 1980-х» проанализировала культурный ресайклинг эстетики позднесоветской моды и эстрады в творчестве Гудкова. По мнению исследовательницы, оно провозглашает коллапс будущего и отражает ретроспективность современности, состоящей из руин «пересобираемого» прошлого.

Следующая секция была открыта докладом И. Сентевска (Сербия) «Четыре десятилетия ресайклинга образов социалистического прошлого (Случай «Лайбаха»)». Выступавшая обратилась к истории словенского рок-коллектива «Лайбах», который исследует связи между искусством, политикой, национальным строительством и поп-культурой. Сентевска обозначила пока неразрешенный вопрос: может ли современный художник из Центральной и Восточной Европы в условиях неолиберального контекста одновременно иметь глобальный успех и быть политически подрывным.

М. Пуглия (Италия) в докладе «Идеология низкой интенсивности: Offlaga Disco Pax» показала, как влияние социалистической культуры в Италии отразилось в творчестве группы «Offlaga Disco Pax». Цитируя лозунги и идиомы, музыканты смешивают пародию и ностальгию по советскому миру. При этом малоэмоциональный стиль пения, напоминающий выступление в пустом зале, производит остраняющий эффект в отношении к исполняемым текстам. Социалистический мир, опыта жизни в котором у итальянцев никогда не было, становится обещанной, но более недоступной землей.

На необычном опыте культурного ресайклинга остановился А. Гргич (Австрия) в докладе «Ретротопия из музыки: реутилизация заброшенных социалистических мемориалов в качестве музыкальных инструментов для концертов в публичном пространстве в Югославии». В последние годы группы активистов, реагируя на «иконоборчество», жертвой которого после распада Югославии стали социалистические памятники, устраивают в полуразрушенных открытых пространствах концерты. Они трансформируют памятники в музыкальные инструменты и в сценическое оформление для постановок, вовлекая зрителей в исполнение своеобразных экспериментально-индустриальных композиций в героическом социалистическом стиле.

Д. А. Журкова (Москва) в докладе «Поп-исполнители прошлого в современных отечественных байопиках: интеграция западной и восточной драматических стратегий» проанализировала российские фильмы и сериалы в жанре байопик. Было показано, как в сюжетах российских байопиков реализуется слияние двух драматических моделей — «социобиографии» и «психобиографии» (Е. Мазирска). Первая модель используется тогда, когда речь идет об отношениях героев с государственными структурами, а вторая — когда в центре внимания оказывается конфликт «карьера — семья».

В докладе «Воскрешение мертвых: рок-музыка в современном российском кинематографе» Р. Сафариантс (США) сфокусировалась на анализе современных российских фильмов, возрождающих интерес к советскому року. По ее мнению, продюсеры и режиссеры сталкивают историческое воображение позднесоветского и советского поколений и переписывают историю героев советского рока. Так они ставят под сомнение распространенный нарратив о прогрессивном и «искупительном» характере позднесоветской рок-музыки.

Завершающая секция открылась докладом О. Сиберт (Канада) «Разнообразные формы выражения ностальгии в практиках онлайн сообществ: немецкая „остальгия“ и польская пост-крестьянская (post-peasant) ностальгия». Автор сравнила типы ностальгии в разных онлайн-сообществах в Германии, Польше и Словакии. Для польской и немецкой ностальгии характерно чувство бездомности в собственной стране («Heimweh») и противопоставление себя капиталистическим ценностям. Однако ностальгия в Польше и Словакии связана не только с воспоминаниями об экономических гарантиях, но и с идеалами социальной справедливости. Она отсылает к «пост-крестьянской экономике», основанной на деревенских романтизированных идеалах.

Доклад Ф. Декера (США) «Исследование (пост-)советского подземного мира в SCP Foundation» был посвящен писательскому интернет-сообществу «SCP Foundation», специализирующемуся на «паранормальной» литературе. В центре внимания исследователя оказалось описание дистопического «ресоветизированного» города и анализ символических интерпретаций этого объекта.

М. Надкарни (США) в докладе «Ностальгия и остатки социализма в Венгрии» обратилась к критике понятия «ностальгия» на примере венгерской культуры. Ностальгия провоцирует дискуссии как в академических кругах, так и в масс-медиа. Ее или стигматизируют как

знак неудачного перехода, или приветствуют в качестве альтернативы неолиберализму. Однако, как показала на своем материале исследовательница, не все обращения к прошлому могут быть охарактеризованы как ностальгические.

Конференция завершилась кратким выступлением председателя оргкомитета, в котором были подведены итоги работы.

© *Ю. А. Секушина*

DOI: 10.31860/0131-6095-2023-3-258-260

НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ЖИТИЙНЫЕ ТОПОСЫ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ»

15 июня 2022 года в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН состоялась конференция, посвященная 60-летнему юбилею доктора филологических наук, профессора Александра Валерьевича Пигина. Связь ученого с Институтом была заложена еще в студенческие годы, ныне же он является сотрудником Отдела древнерусской литературы. Научные интересы юбиляра затрагивают различные проблемы изучения русской средневековой книжности и рукописного наследия Русского Севера. В числе прочего, немалое внимание уделено Пигиным агиографическим текстам, посвященным преподобным Александру Ошевенскому, Диодору Юрьегорскому, Пахомию Кенскому, Александру Свирскому. Потому тематика прозвучавших на конференции докладов содержала аллюзии на известные топосы житий святых, а их очередность была выстроена в соответствии с композиционной схемой житийного текста: от детства к ученичеству, странствиям среди мест темных и непрохóдных, поискам места для подвизания, подвигу и прославлению.

Первым прозвучал доклад В. В. Головина (Санкт-Петербург) «Недревнерусское пение и музицирование в „Тимуре и его команде“ Аркадия Гайдара». Певческо-музыкальные сюжеты занимают примерно пятую часть повести. Три таких эпизода наиболее показательны: это сцены исполнения Симой Симаковым песни с подтанцовкой, музицирования и пения Ольги, а также оперные репетиции Георгия Гараева. Выступавший заострил внимание на литературных параллелях данных сюжетов и их смысловой нагрузке в произведении. Так, музыкально-ритмическое действо Симы Симакова является парафразом хорошо узнаваемой частушки «под драку», содержащим отрицательную частицу «не» и тем самым противопоставляющим его хулиганской субкультуре. Воткнув палку в землю и начав приплясывать, Сима тем самым имитирует ритуальное исполнение танца перед дракой. Его образ органичен и лишен авторской иронии. Иначе выстроены музыкальные сцены в исполнении взрослых. Пение Ольги и Георгия Гараева выдает их непритязательный музыкальный вкус. Исполненные Ольгой куплеты хотя и выказывают зависимость от текстов популярных в 1939 году романсов, однако содержат следы новин, что в конечном счете приводит к утрате романсового качества и делает ее песни содержательно и поэтически несовершенными. Ария больного старика в исполнении Гараева вторична по отношению к ряду известных музыкальных произведений: в ней видны идейные и текстуальные заимствования из оперных арий Шакловитого и князя Игоря, а также пародия на образы мельника из оперы «Русалка» и юродивого из оперы «Борис Годунов». Взрослые в повести Гайдара исполняют плохие песни, считая это важным делом, и в то же время критикуют детей; тогда как именно дети занимаются настоящим делом — живут подлинной, а не «сценической» жизнью. Таким образом, авторская ирония над музицированием взрослых и серьезное отношение к пению детей являются значимыми для смыслового понимания гайдаровской повести.

Тему детства продолжила А. М. Грачева (Санкт-Петербург) в докладе «О необычайных приключениях вождей Пантеры, Сержанта и их друзей в горах Луизина, лесах Сидонии и в американских прериях: детская проза академика С. Ф. Платонова». Предмет ее изучения — раннее художественное творчество гимназиста Сергея Платонова, а именно т. н. «луизинский цикл» 1873–1875 годов, отложившийся в архиве ученого (РНБ. Ф. 585). Эта группа произведений стала материальным воплощением того виртуального игрового пространства, которое создали Сергей Платонов и четверо его друзей во время ежегодных летних каникул в предместье Петергофа, деревне Луизино. В центре выстроенной по образцу книг Майн Рида ойкумены находилось государство-утопия Луизино. Относящиеся к его жизни сюжеты — будь то экспедиции в неисследованные земли или же противоборство с соседней державой Сидонией — нашли отражение на страницах литературно-политической рукописной газеты «Луизинский вестник», выпускавшейся Сергеем Платоновым и его товарищами. Плато-

нов, носивший в игровой вселенной прозвание Сержант, был наиболее активным издателем «Вестника» и курировал в нем литературный раздел. Уже в этих его произведениях — своеобразной исторической хронике Луизина — видна отчетливая попытка художественного отображения прошедших событий, столь характерного для позднейших научных трудов историка. В «луизинских» текстах Платонова силен нравственный императив, выраженный в заветах юношеского братства. Это чувство высокой нравственности Платонов пронес через всю свою жизнь. Неслучайно, последнее обращение ученого к «луизинскому циклу» произошло в трудный для него период следствия по сфабрикованному «Академическому делу», в начале 1930-х годов.

Доклад А. Б. Беловой (Санкт-Петербург) «Средневековые очки и что с ними делать» касался различных аспектов бытования очков в России XVI–XVII веков. Этот предмет, известный также под именем «очей наемных» и «околяров», был распространен среди жителей страны. Об этом свидетельствуют частые упоминания очков в таможенных книгах и их массовые закупки в Кирилло-Белозерский и Соловецкий монастыри. Очки были дешевы, а следовательно, доступны для широких кругов. Их внешний вид и качество отличались разнообразием: это касалось как материалов оправы (кость, кожа, сталь, медь, драгоценные металлы), так и линз (не только бесцветных, но и зеленых), и конструкции — на что указывает наличие складных очков XVII века в собраниях Музеев Московского Кремля и Государственного исторического музея. Иной раз очки могли принимать форму игрушки с гранеными стеклами — такая диковинка была куплена в 1614 году для юного царя Михаила Романова. Способы хранения очков также могли варьироваться. Обычно для этого использовались футляры: от простых деревянных до богато украшенных серебряных. В России, как и в современной ей Европе, была распространена практика хранения очков в книгах и употребления их в качестве книжных закладок. Свидетельством тому могут служить множественные отпечатки очков на листах русских рукописей XVI–XVII веков. Очки, как и любой оптический прибор, требовали ухода. А потому с их появлением в среде русских книжников возникают и тексты-рекомендации, такие как статья сборника (ГИМ. Щукинское собр. № 795) о протирке очков пеплом «березовой губы».

В докладе Л. В. Соколовой (Санкт-Петербург) «Загадочная „темнота“ „Слова о полку Игореве“» оказалась затронута проблема т. н. «темных мест». Сложность их прочтения, как правило, связывают с испорченностью текста «Слова» переписчиками и/или первыми издателями. Тем не менее главная его трудность, по замечанию Р. О. Якобсона, «лежит отнюдь не в лексике и не в грамматике», а в стиле, который ученый сопоставил с одним из стилистических направлений западноевропейской поэзии, овладевшим, по его словам, на рубеже XII–XIII веков поэзией русской и западной. Этот стиль — Якобсон называет его *ornatus difficilis* и *trobar clus* — зиждется на многоплановом символизме и изобилует сложной игрой тропов и фигур, совмещением несродных жанров, разнородностью языковых средств, сокровенными намеками и загадками. Гипотезу о стиле «Слова» подтверждает факт намеренного затемнения в нем смысла сказанного. Такое затемнение достигается фрагментарностью текста, неясностью границ между частями, скачкообразной краткостью рассказа («пунктирным повествованием»), бессоюзием или паратактическим строем языка и т. н. «биполярными синтаксическими конструкциями». Помимо этих композиционных и синтаксических приемов создания «темного» стиля автор «Слова» широко использует для затемнения смысла лексику и фразеологию, создавая авторские неологизмы, окказиональные фразеологизмы, используя семантические неологизмы, многозначную лексику, редкие и диалектные слова. «Загадочную темноту» придают «Слову» также усложненные тропы и фигуры: метонимии, метафоры, литературные и исторические аллюзии и др.

Ассоциативно связан с темой «темных» или «глухих» мест доклад С. А. Семячко (Санкт-Петербург) «Легенда о гамельнском крысолове в глуши карельских лесов». Предание о крысолове из города Гамельна имеет давнюю историю. Оно получило письменную фиксацию в немецких хрониках конца XIII века, а его «каноничный» сюжет сложился ко второй половине XVI. История обрела популярность лишь в начале XIX столетия, когда была помещена в сборники немецких легенд братьев Брентано и Гримм. С этими сборниками традиционно связывалось проникновение легенды в Россию. Однако теперь текст легенды обнаружен в рукописи 1694 года, происходящей с Важе озера и, вероятно, созданной в Задне-Никифоровской пустыни (ГИМ. Музейское собр. № 2846). В нем содержатся указания на то, что он прошел несколько этапов, прежде чем оказаться в сборнике Муз. 2846. Своим первоисточником легенда в этой рукописи имеет саксонскую хронику середины — третьей четверти XVI века. Потом она была включена в сочинение, возможно послание, некоего «Арнолда Френтаггиа» (1580), вместе с которым была переведена на русский язык. Между начальным текстом и посланием Арнольда был период устного обращения легенды, когда дискутировался вопрос о ее правдоподобии и когда сюжет в той или иной степени мог трансформироваться. В процессе перевода также могли произойти изменения, если переводчик не в полной мере владел лексикой языка оригинала. В результате из легенды исчезла точная дата происшествия в Гамельне, а крысолов из флейтиста превратился в человека, играющего на тимпане. Эта версия сюжета, как кажется, уникальная, не получила дальнейшего развития, оказавшись на Важе

озере, в уединенном месте в глубине карельских лесов.

И. В. Федорова (Санкт-Петербург) в докладе «Паломнический сюжет в „Страшных видениях“ крестьянина Якова Ланшакова» продолжила наблюдения над текстом, издание которого осуществил в 2006 году Пигин. «Страшные видения», записанные со слов заводского крестьянина Нерчинского завода Якова Ланшакова в стенах Киево-Печерской лавры, повествуют о его болезни, видениях и обетном паломничестве в Иерусалим в 1850–1851 годах. Публикатор памятника Пигин рассматривал его как образец видения. Докладчица показала, что для произведения актуален и паломнический сюжет, реализованный двояко — и как паломничество по русским святым местам, и как богомолье на Святую землю в «тонком сне» и наяву. В рассказе сибирского крестьянина этот сюжет прослеживается не только в последовательности описанных событий, но и на уровне образной системы, в темах и мотивах, традиционных для паломнического текста. Гармонизация жанров видения и паломнического рассказа в «Страшных видениях» Якова Ланшакова достигается благодаря «сюжетному параллелизму», при котором сначала событие показано автору в видениях, а затем аналогичный опыт он переживал в реальной жизни.

Доклад М. В. Рождественской (Санкт-Петербург) «Петербург-Ленинград. Два „текста“» был посвящен разным наименованиям Петербурга, который, как и Петрозаводск, связан с именем Петра Великого и также стал местом жизни и работы юбиляра. Материалом стали стихотворения о городе, включенные в антологию «Петербург-Петроград-Ленинград» (Л., 1975). Понятие «ленинградского текста» рассмотрено исследовательницей как продолжение и одновременно противопоставление «тексту» петербургскому. Присущие «петербургскому тексту» природные знаки сопровождаются знаками культурными, выстраивающими петербургскую мифологическую модель — конь, ладья (кораблик на шпиле Адмиралтейства), трубящий ангел, вводящий в петербургскую тему апокалиптический библейский мотив. Эта же модель свойственна не только «петербургскому» тексту, но трансформирована в тексте «ленинградском». Поэтические произведения демонстрируют, как на основе знаковых элементов «петербургского мифа» и «петербургского текста» (вода, воздух, демиург, камень и др.) создается новый советский миф о городе, включающий революционные и блокадные годы (город-воин, город-герой, город-памятник, город-книга и т. д.) — особый «ленинградский текст».

Конференция завершилась выступлением Ф. В. Панченко (Санкт-Петербург) «„Киими дарами духовными похвалит град наш Каргополь преподобнаго Александра?“: К истории певческого цикла Александру Ошевенскому». Житие и служба этому святому были составлены в 1567 году. В то время как Житие получило высокую оценку ученых, служба оказалась на периферии их внимания. Ее текст долгое время признавался неудовлетворительным, о чем сообщал еще чиновни́к Успенского собора XVII века. Бытовало в литературе и мнение об отсутствии официального почитания Александра Ошевенского вплоть до внесения его имени в печатные святцы 1646 года. Однако в состав наиболее полных стихирарей конца XVI и XVII века последовательно входит служба Александру Ошевенскому. Ее образцами и источниками стали службы двум русским святым: Варлааму Хутынскому (для стихир на литии) и Савве Освященному (для группы стихир на хвалитех). Заимствованные из этих служб фрагменты остались почти не тронуты, но все же адаптированы и частично переосмыслены. В рукописной традиции служба Александру Ошевенскому демонстрирует широкую вариативность песнопений, что предоставляет благодатный материал для дальнейших исследований этого текста.

Видеозапись докладов (в двух частях) доступна на официальном YouTube-канале Пушкинского Дома.

© *А. Б. Белова*

DOI: 10.31860/0131-6095-2023-3-260-264

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ПЕРЕХОДНЫЕ ЭПОХИ В ЛИТЕРАТУРЕ: МОТИВАЦИЯ ОБНОВЛЕНИЯ»*

10–11 октября 2022 года в Пушкинском Доме состоялась международная научная конференция «Переходные эпохи в литературе: мотивация обновления», посвященная 85-летию со дня рождения академика А. М. Панченко. Конференция проходила в смешанном формате с параллельной онлайн-трансляцией и собрала интернациональный коллектив исследователей из России, Италии, Китая, Израиля. Со вступительным словом в день открытия

* Исследование выполнено за счет гранта РНФ № 21-18-00527, https://rscf.ru/project/21-18-00527/, в ИРЛИ РАН.

к участникам обратился директор ИРЛИ РАН В. В. Головин.

Программа конференции продемонстрировала широту спектра поднимаемых в рамках изучения феномена переходности вопросов: в докладах рассматривались и частные историко-литературные сюжеты из разных, далеко друг от друга отстоящих эпох и национальных литератур, и общезначимые вопросы теоретического характера. Утреннее заседание первого дня работы научного форума вобрало в себя доклады, которые с разных сторон продемонстрировали актуальность идейного наследия академика А. М. Панченко, который, как подчеркнул С. И. Николаев, «изучением и осмыслением переходных эпох в истории русской литературы занимался всю свою научную жизнь». В выступлении «А. М. Панченко — исследователь переходных эпох» С. И. Николаев (Санкт-Петербург) на примере Петровской эпохи, одного из главных предметов ученых изысканий академика, осмыслил характерные признаки начал и концов переломных этапов. Так, докладчик указал на то, что «одним из признаков приближающегося переходного периода можно счесть возраставшую в обществе атмосферу тревоги», а вот завершение его «обычно отмечено праздничными фейерверками и не вполне оправданным и очень преждевременным оптимизмом». Проанализировав ряд высказываний о новаторской роли Петра I, Николаев показал, что восторг перед беспрецедентностью деяний первого императора и оформлявшая его риторика обновления, акцентировавшая внимание на «невежестве» допетровской культуры, сослужили дурную службу, поскольку «долгое время давали основания для вердикта о разрыве русской культуры и, соответственно, литературы», т. е. утверждали скорее дискретный, нежели континуальный характер русского культурного (и литературного) процесса. А. М. Панченко же, по замечанию докладчика, всегда выступал против этой «дискретности», обращая внимание на существование сложной диалектики приобретений и утрат, а также на то, что все отрезки культурной истории, представляющей собой процесс единый, равноправны.

В выступлении М. Б. Плюхановой (Италия), которым продолжилось заседание, «Барокко у Розарио Виллари и у А. М. Панченко», были проведены параллели между идеями двух выдающихся ученых, исследовавших XVII век. Итальянский историк предложил именовать это время (конец XVI–XVII век) эпохой барокко, чтобы эксплицировать присущие этому времени черты, проявлявшие себя не только в искусстве и литературе, но также характеризовавшие в целом ментальность, социальные структуры, идеологии, институции. А. М. Панченко, употреблявший понятия «эпоха барокко», «люди барокко», предпочитавший, однако, для России использовать определение «бунташный век», с точки зрения Плюхановой, в сходном с Р. Виллари ключе подходил к пониманию единства XVII века и человека XVII века. Оба ученых (один — в применении к западноевропейскому контексту, другой — к российскому) полагали, что эта эпоха отличалась динамизмом, хаотичностью, напряженностью, разного рода столкновениями. Плюханова отметила, что А. М. Панченко, чью исследовательскую оптику, по ее словам, определяла «научная и личная склонность к бунтовскому, „внесистемному“ на фоне системы, „неизящному“ на фоне стройного и культурного», изучал, как демократические, бунтовские элементы сталкивались с культурными традициями. Выделенные же Панченко и Виллари черты, характеризовавшие облик XVII века, позволяют продуктивно сопоставить такие, на первый взгляд, несопоставимые фигуры, как Т. Кампанелла и протопоп Аввакум, что и было сделано докладчицей.

А. В. Пигин (Санкт-Петербург) в своем выступлении обратился к рукописным произведениям XVII–XIX веков, в которых использован мировой сюжет, получивший на русском материале название «Марко Богатый» (СУС 461=930). Докладчиком были рассмотрены четыре произведения: «Приклад» о цесаре Конраде и рыцаревом сыне из Римских Деяний, «Сказание о богатом купце», повесть без заглавия из рукописного сборника Библиотеки Российской академии наук (Архангельское собрание, С. № 138) и «Повесть о богатом и убогом, и еже како неизменяемы суть судьбы Божия» из рукописных сборников печорского старообрядческого книжника XIX века И. С. Мяндина (два последних произведения были введены в научный оборот впервые). Основное внимание было уделено вопросу о генетических связях повестей и их взаимоотношениях с фольклорными сказками «Марко Богатый». Пигин оспорил предположение Е. К. Ромодановской о том, что фольклорные сказки о Марко Богатом возникли на основе литературных сочинений (типа «Сказания о богатом купце»). Текстологический анализ показал, что генетические связи между литературными произведениями не очевидны, а использование при их создании мотивов из устных версий сюжета «Марко Богатый» не подлежит сомнению. Он проник на русскую почву, таким образом, двумя путями — через перевод Римских Деяний, но не позднее XVII века — и через устную традицию, которая стала основным источником для оригинальных русских повестей на этот сюжет. Изучение повестей на сюжет «Марко Богатый» подтверждает ранее сделанные исследователями, в их числе и А. М. Панченко, выводы о путях формирования сюжетного фонда в русской литературе переходной эпохи: источниками для русских повестей XVII века служили в первую очередь переводные сборники и фольклор.

Выступление А. А. Панченко (Санкт-Петербург) «Крестьяне, иконы и матерная брань: к исследованию религиозных и магических контекстов русского сквернословия» завершило заседание. Докладчик, отметив междисциплинарный характер проблемы, а также ее

относительную малоизученность, предложил свою интерпретацию культурно-исторических и фольклорно-этнографических материалов, самые ранние из которых датируются XVI веком, в противовес концепции Б. А. Успенского, основанной на аналогичном материале, который полагал, что сквернословие в дохристианской культуре славян было связано с представлениями об оплодотворении земли. Анализ приведенных в выступлении примеров в их историческом контексте позволил Панченко сделать ряд выводов — в частности, о том, что, во-первых, для предположения о глубинной дохристианской семантике широко понимаемой матерной брани нет достаточных оснований, и, во-вторых, о том, что «изобретение» матерной брани и наполнение ее религиозными смыслами происходит в Московском государстве XVI–XVII веков в контексте нескольких волн борьбы с народными обычаями. Кроме того, можно предполагать и независимое происхождение религиозного прочтения сквернословия.

Вечернее заседание было открыто сообщением Лю Вэньфэя (Китай) о ходе работы над готовящейся «Историей русской литературы в 6 томах», одним из авторов которой докладчик является. Предполагается, что издание увидит свет в конце 2023 года. Объясняя насущную необходимость для китайской русистики в подобном труде, Лю Вэньфэй указал на то, что предпринятая работа должна будет соединить разработки русских и западноевропейских ученых с результатами китайских исследователей за более чем столетие изучения русской литературы. Докладчик выразил надежду на то, что этот многотомный труд станет «историей русской литературы с китайской характеристикой» и ляжет в основу китайской школы исследования истории русской литературы.

В последовавшем затем докладе «Библиотеки в мифотворчестве Москвы XVI в. как культурная новация» Д. М. Буланин (Санкт-Петербург) рассмотрел разные варианты легенды о библиотеке греческих книг, будто бы существовавшей в Константинополе или в Москве (Андрей Курбский, Сказание о Максиме Греке, «Ливонская хроника» Франца Ниенштедта, Иван Пересветов). Идеологи Москвы увидели в такой библиотеке один из атрибутов «сакрального царства», образ которого они моделировали по подобию Византийской империи.

Выступление А. В. Волкова (Санкт-Петербург) «„Келейный летописец“ Димитрия Ростовского: на рубеже традиций» было посвящено последнему крупному сочинению ростовского митрополита, вобравшему в себя основные темы ученых и литературных занятий святителя. «Келейный летописец», представляющий собой комментированное изложение библейской истории, снабженное толкованиями и нравоучениями, а также экскурсами в историю государств Древнего Востока и античную мифологию, основан на большом количестве источников, главным образом сочинениях западноевропейских теологов и историков XVI–XVII веков. Исследователь проанализировал, как в «Келейном летописце» отразились, с одной стороны, традиции славянских рукописных хронографов, а с другой — сведения из западных печатных источников.

В двух заключительных докладах первого дня работы конференции на разном материале ставился масштабный вопрос о необходимости пересмотра устоявшихся представлений об этапах историко-литературного процесса. Доклад М. Н. Виролайнен (Санкт-Петербург) был посвящен тем особенностям литературной культуры Золотого века, которые не соответствовали логике развития русской литературы и даже были прямо противоположны ей. Согласно задуманной Карамзиным реформе, язык литературы должен был сформировать разговорный язык русского общества, привив ему навыки мышления общества европейского, умеющего выражать те оттенки понятий и чувств, для которых в русском языке еще нет слов и выражений. Это был социальный проект, предопределивший фундаментальный сдвиг внутри литературной иерархии: основная нагрузка ложилась на прозу, которая должна была вытеснить поэзию с ее неоспоримо верховного места. Перспектива развития прозы, казалось бы, открывала прямую дорогу русскому реализму. Однако пушкинская генерация поэтов, считавших себя верными карамзинистами, опрокинула вектор, намеченный Карамзиным. В докладе было показано, что язык поэтов Золотого века сформировался как резко выделенный на фоне общеупотребительного и имеющий собственную систему значений, как непереводимый, «а особливо в прозу» (П. А. Вяземский). Социальным условием формирования такого языка было существование сообщества, на таком языке говорящего и все его оттенки понимающего. И именно в такое, достаточно замкнутое сообщество сложился круг «Арзамаса». Языковую выделенность этого круга Вяземский в 1826 году выразительно определял как «чужеязычие в толпе». Это имело направленность, прямо противоположную выдвинутому Карамзиным социальному проекту, который был подхвачен, как это ни парадоксально, тем лагерем, который уже к 1830-м годам проявил себя как «торговое» направление, нашедшее общее языковое поле с читателем. Представители именно этого направления, а не поэты Золотого века, по мысли М. Н. Виролайнен, передали эстафету следующему поколению, из литературной деятельности которого постепенно развился русский реализм.

Заключивший первый день работы конференции доклад Е. Е. Дмитриевой (Москва/Санкт-Петербург) «Веймарская классика: завершение классической эпохи или зарождение новой немецкой литературы?» наглядно продемонстрировал всю сложность определения семантических границ понятия «веймарская классика/веймарский классицизм» и хронологических рамок обозначаемой им эпохи, а также подробно осветил причины, которые «делают всякий разговор о немецком классицизме не только сложным, но порой и заводящим

в эпистемологический тупик». Описание и анализ культурной ситуации в Германии последней трети XVIII и начала XIX века и противоречивой истории ее осмысления приводят к мысли о том, что «эпоха веймарской классики, в хронологическом отношении совпавшая с зарождением романтизма в Германии и оказавшаяся даже более „долгосрочной“, чем романтическая эпоха (если приурочивать закат веймарской классики к 1832 году), опрокидывает наши привычные представления о том, что классика (классицизм) предшествует романтизму».

Утреннее заседание второго и заключительного дня работы конференции открылось выступлением Владимира Паперного (Израиль), рассмотревшего роман И. С. Тургенева «Рудин» как текст, возникший на пересечении трех различных, хотя и связанных друг с другом ситуаций перехода — в «культурном слое» русского общества, в русской литературе и в поэтике Тургенева, о чем свидетельствуют, по мнению докладчика, ход и направление авторской работы над сюжетной линией и в особенности над образом главного героя романа.

Доклад И. Э. Васильевой (Санкт-Петербург) был посвящен не только «случаю Чехова» как знаковой для рубежа XIX–XX веков фигуре, но и теоретическим вопросам изучения явления переходности в литературе. Понимая традицию, вслед за А. В. Михайловым, прежде всего, как мышление формы, что позволяет говорить о надперсональном и надкорпоративном уровне организации материала, докладчица проанализировала такое устойчивое формально-смысловое единство, как лирическое отступление, которое понимается как релевантный для русского литературного процесса маркер традиции и новаторства, и показала, что специфика лирического отступления в прозе Чехова определяет писателя «в большей степени как классика, чем модерниста, поскольку все его новые формы письма встроены в классически-ориентированную систему координат». По мысли исследовательницы, именно лирические отступления в прозе Чехова выполняют функцию того маркера, который позволяет нам установить границу начала переходного периода и отсылают к тем отрезкам литературной истории, когда при всем очевидном декларируемом новаторстве еще были значимы традиционные принципы художественного мышления.

В докладе А. Д. Степанова (Санкт-Петербург) «Литература и живопись эпохи предсимволизма: несколько тезисов» указывалось, что русский литературоцентризм проявлялся в реалистической живописи 1870–1890-х годов как стремление авторов заставить картину «заговорить». Произведение искусства ни в коем случае не должно было представлять собой выхваченную из потока жизни сцену, чьи связи с прошлым и будущим оказались бы оборваны. Наоборот, оно было рассчитано не только на узнавание, но и на домысливание зрителем, которому надлежало не просто проникнуться эмоциями художника, но принять и сформулировать некое вербализуемое послание, а в жанровой живописи — восстановить диалог изображенных лиц и, в идеале, всю предысторию изображенного. При этом нарративность препятствовала распространению в России первого веяния будущего модернистского искусства — импрессионизма в живописи. Цели и ценности этого направления оказывались противоположны привычным для реалистов: вместо «типичности», «цельности», «завершенности», полноты и неизбыточности текста, каждой деталью ясно выражающего общественную позицию автора и/или объявляющего «приговор действительности», — утверждались те ценности, которые ранее приписывались лирическому стихотворению: суггестивность и способность передать зрителю мгновенное чувство, которое по самой своей природе не может быть ни типичным, ни цельным, ни законченным, ни социальным, ни оценочным. На примерах полотен К. А. Коровина и других художников Степанов показал эволюцию творческих установок будущих русских модернистов и то, как «социальное послание» сменяется чистым «цветовым пятном» с высветленной палитрой, работой на пленэре, случайным ракурсом, композиционным произволом, неполной рамкой, принципиальной незавершенностью и другими приметами импрессионизма. В литературе эта эволюция соответствовала если не полному отказу от сюжетности, то изменению отношения к предмету изображения, в качестве которого многие писатели рубежа веков стали рассматривать не «историю», а «настроение». Таким образом, корреляция движения от реализма к модернизму в литературе и искусстве может быть осмыслена в литературных терминах как смещение ценностного центра художественной системы от реалистического романа к лирике, от социальной детерминации — к развитию индивидуальной чувствительности, от критериев полноты, завершенности и неизбыточности — к неотобранности и незавершенности как примете живой жизни.

Д. К. Баранов (Санкт-Петербург) обратился к литературе конца XX века в своем выступлении «Интеллектуальное начало в массовой литературе 1990-х: о поэтике Макса Фрая» и отметил, что одной из черт этой переходной эпохи является размывание границ внутри литературной системы — между жанрами, направлениями, разными видами искусства, текстовой и внетекстовой реальностью, а также между условно «высокой» и «низкой» литературой. Творчество Макса Фрая (коммерчески успешный проект художников-концептуалистов С. Мартынчик и И. Степина), с точки зрения докладчика, является для такой культурной ситуации исключительно показательным. Балансируя на грани между элитарным и массовым, книги Макса Фрая в своей поэтике, описанию которой и был посвящен доклад, сочетают элементы, традиционные для развлекательных фэнтезийных текстов, и приемы, используемые для деконструкции жанра и скорее

характерные для интеллектуальной постмодернистской литературы.

В. Е. Багно и Т. В. Мисникевич (Санкт-Петербург) совместным докладом «Инонациональные „предвестья“ (смена литературных циклов)» открыли вечернее заседание второго дня конференции. Исследователи, прежде всего, отметили, что литературная репутация может претерпевать значительную трансформацию не только на родине писателя, но и в инонациональном контексте, где часто происходят неожиданные повороты и изменения. При этом речь идет не только о приглушении или усилении значимости автора, но и о радикальном переосмыслении, беззастенчивом приспособлении его наследия к идеологическим и эстетическим потребностям других культур при полном игнорировании представлений о нем в национальном обиходе. Докладчики полагают, что крайне любопытной, обусловливающей одни и те же особенности, вне зависимости от эпохи, страны и писательской индивидуальности, является репутация, которая могла бы быть охарактеризована, как «предтеча», «предшественник», «учитель». В этом отношении чрезвычайно показательна эпоха русского модернизма. Деятели эпохи модернизма в России опирались на европейских «учителей» для решения новых задач, но при этом исправляли, дополняли и творчески переосмысляли их. В отличие, например, от литераторов XVIII — начала XIX века они не воспринимали себя учениками знаменитых западноевропейских писателей и мыслителей. Едва ли не все они пытались найти, более того, успешно находили «скрытое» в шедеврах мировой литературы предназначенное для них содержание. Применение этого «тайного знания» и позволяло им, по мнению докладчиков, творить новое искусство.

В сообщении О. В. Макаревич (Санкт-Петербург) была затронута проблема соотношения в малой прозе последних десятилетий XIX века реального, современного, с одной стороны, и условного/выдуманного/давно прошедшего — с другой. Если традиционная легенда обладает замкнутым, исторически локализованным хронотопом, выражая при этом общефилософские, нравственные идеи, то в творчестве Н. С. Лескова легенды, напротив, тесно связаны с современностью. Этот эффект достигается благодаря отсылкам к современной литературе, современным событиям, детализации, а также с помощью особого, «чрезмерного» стиля и лейтмотивного сопоставления тогда/сейчас, которое звучит в речи рассказчика. Схожая трансформация происходит с жанром «рассказа кстати» в лесковском цикле. Лесков усложняет свои произведения: кроме времени события и времени рассказывания, традиционных для жанра анекдота, в его текстах появляется еще и рамочная композиция, позволяющая так или иначе пояснить и уточнить ситуацию рассказывания. Присутствующий в этой рамке рассказчик наделен правом давать оценки и выводить ситуацию на обобщающий уровень. Как и «проложным» легендам, рассказам à propos свойственно противопоставление настоящего и прошедшего, приводящее в итоге к общефилософскому, не относящемуся к конкретному времени заключению. Указанные особенности двух циклов позволяют говорить о них как о текстах переходных, отражающих отход от реалистической поэтики.

Михаил Вайскопф (Израиль) выступил с докладом «„Желтая опасность“ в культуре Серебряного века». Возводя генеалогию понятия ко второй половине XIX — началу XX века, эпохе, когда, с одной стороны, Китай сотрясал жесточайший перманентный политический кризис, а с другой — Японская империя стремительно превращалась в грозную мировую державу, исследователь продемонстрировал, как представления об «азиатской угрозе» находили свое отражение в творчестве В. С. Соловьева, В. Я. Брюсова, Андрея Белого и т. д. Анализируя этот сюжет, исследователь также указывает на мотив «внутренней Монголии», проявившийся, например, в 1917 году в стихотворении З. Гиппиус «Веселье» — мгновенном отклике поэтессы на большевистский переворот. Кроме того, в своем выступлении ученый также приводит ряд фактов, выпавших из советской историографии.

Вечернее заседание заключительного дня конференции было завершено выступлением А. В. Сысоевой (Санкт-Петербург) «В поисках нового метода: дискуссия 1930-го года о психологическом реализме», которое было посвящено конфликту между налитпостовцами и литфронтовцами. В докладе была рассмотрена развернувшаяся внутри РАПП дискуссия по поводу опубликованного в июне 1930 года романа Ю. Н. Либединского «Рождение героя», который стал восприниматься как творческое выражение лозунгов налитпостовцев и метода психологического реализма. При этом термин «психологический» обозначал в первую очередь тематику — то, что в тексте на первый план были выведены личная жизнь и мысли героя, а не его трудовая деятельность. Как отметила докладчица, в дискуссии «за» или «против» психологического реализма не было победителей, не правы оказались обе стороны: одних после ее завершения обвиняли в схематизме, других — в индивидуализме.

Подводя итог конференции «Переходные эпохи в литературе: мотивация обновления», можно сказать, что этот научный форум наглядно продемонстрировал многоаспектность проблемы переходности и ее значительный исследовательский потенциал. Объединившая ученых оптика, с помощью которой был осмыслен круг географически, хронологически и методологически разнообразных вопросов, довольно убедительно показала свою широкую применимость.

© *И. В. Аршинова*

DOI: 10.31860/0131-6095-2023-3-265-268

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «НАСЛЕДИЕ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ XX В.: ВОПРОСЫ ЭДИЦИОННОЙ ПРАКТИКИ»

27 октября 2022 года в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН состоялась научно-практическая конференция «Наследие русских писателей XX в.: вопросы эдиционной практики». В ней приняли участие ученые из Института мировой литературы РАН, Санкт-Петербургского государственного университета, Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. С приветственным словом перед участниками конференции выступила заведующая Отделом новейшей русской литературы ИРЛИ РАН А. М. Грачева.

Утреннее заседание открыла Г. Н. Воронцова (Москва) с докладом «Роман А. Н. Толстого „Восемнадцатый год“: принципы комментирования в Полном собрании сочинений». В нем шла речь о подготовке в Институте мировой литературы им. А. М. Горького РАН Полного собрания сочинений А. Н. Толстого, а также о принципах научного комментирования второго романа трилогии писателя «Хождение по мукам» — «Восемнадцатый год», написанного в 1927–1928 годах. Рукописей произведения не сохранилось. Главным источником сведений о работе автора над ним стала переписка Толстого с редактором «Нового мира» В. П. Полонским, которая описана в текстологическом разделе комментария. Здесь же представлены примеры авторской правки романа в различных изданиях и воспроизведены фрагменты, исключенные Толстым из текста «Восемнадцатого года». Насколько возможно подробно остановилась выступавшая на задачах реального комментария к роману. Одной из главных стало раскрытие документальных, исторических и литературных источников, использованных писателем при создании произведения, в том числе сохранившихся в его архиве в ИМЛИ РАН. Среди них мемуарный труд А. И. Деникина «Очерки русской смуты», книга С. З. Федорченко «Народ на войне» и др.

Г. В. Петрова (Санкт-Петербург), поднявшая тему «Эдиционные подходы к изданию рисунков поэта-художника М. А. Волошина», осветила перед слушателями малоизвестную часть творческого наследия поэта — его графику, представленную на страницах 62 альбомов, хранящихся в Рукописном отделе Пушкинского Дома. По мысли исследователя, альбомы художника, сопровождавшие его на протяжении большей части «земного странствия», можно с полным правом назвать и записными книжками поэта, поскольку содержат они не только рисунки, но и поэтические пассажи, черновые фрагменты стихотворений, статей, конспективные и библиографические записи, наконец, хозяйственные расчеты, адресные ссылки. Таким образом, эдиционные подходы к изданию этого корпуса материалов Волошина непосредственно связаны с определением жанра этих альбомов как графических записных книжек поэта, а потому требуют соединения хронологического и жанрово-тематического подходов. Петрова показала, что творчество Волошина-рисовальщика представлено на страницах альбомов разнообразно и разножанрово. Оно включает автопортреты и портреты его современников: литераторов, музыкантов, артистов, художников, политических деятелей, ученых, шаржи, сюжетные картинки, реальные и символические пейзажи, книжную графику. Этот корпус материалов расширяет наши представления о творческой биографии поэта-художника, его литературных и культурных связях, конкретизирует понимание отдельных событий и тенденций в развитии культурного процесса первой половины XX века.

В выступлении Е. И. Погорельской (Москва) «О подготовке пятитомного научного собрания сочинений И. Э. Бабеля в ИМЛИ РАН» были рассмотрены основные задачи и принципы, состав и структура издания, которое готовится в настоящее время. Главной задачей является публикация выверенных и подробно прокомментированных текстов в максимально полном объеме; впервые планируется публикация всего сохранившегося эпистолярного наследия Бабеля. Собрание сочинений строится по жанрово-хронологическому принципу. В первом томе будет представлена книга «Конармия» (35 рассказов), дневник 1920 года. Во второй том войдут все остальные рассказы, а также известные переводы Бабеля с французского языка и с идиша. Содержание третьего тома составят пьесы, киносценарии, статьи, очерки, выступления. Четвертый и пятый тома — письма. Комментарии к томам включают сведения об истории создания произведения, прижизненных изданиях, источниках текста, датировку, историко-литературный, текстологический, критический и реальный комментарии. Также в докладе были охарактеризованы доступные рукописи и другие архивные документы писателя, находящиеся в государственных хранилищах и частных собраниях.

А. М. Грачева (Санкт-Петербург) в докладе «Неизвестная авангардная книга Алексея Ремизова „С.П.Р.-Д.“» рассмотрела идейно-художественную концепцию и поэтику обнаруженного в архиве писателя художественно-документального произведения, которое будет опубликовано в XVII томе Собрания сочинений А. М. Ремизова. «С.П.Р.-Д.» основано на материалах архива жены писателя — С. П. Ремизовой-Довгелло. В книге ее эго-документы (письма, дневники, воспоминания) и деловые бумаги перемежаются с обширными «дополнениями»

Ремизова — мемуарными текстами, эссе, отрывками из произведений. В результате сложной системы монтажа разноликих материалов Ремизову удалось раскрыть главную тему «С.П.Р.-Д.» — через перипетии судьбы отдельного человека показать трагические катаклизмы истории России в XX веке.

Доклад В. Н. Быстрова (Санкт-Петербург) «„Дон Карлос“ Шиллера в неизданном переводе А. И. Куприна. Информация к размышлению перед публикацией» был посвящен истории создания перевода драматической поэмы Ф. Шиллера «Дон Карлос», осуществленного А. И. Куприным накануне эмиграции (конец 1918 — начало 1919 года). Особое внимание было уделено перипетиям его дальнейшей судьбы — неудачным попыткам опубликовать текст в России и за рубежом. Кратко охарактеризованы хранящиеся в Пушкинском Доме и в РНБ источники текста: черновой автограф (первоначальная редакция), авторизованный список 3-го акта и две машинописные копии, одна из которых представляет собой полный текст перевода и станет основой готовящейся публикации. Быстров отметил чрезвычайно кропотливую работу Куприна, о чем свидетельствует огромное количество вариантов (особенно в первоначальной редакции).

В своем выступлении «К вопросу об эпистолярном источнике рассказов Алексея Ремизова из цикла „Семидневец“. Дополнение к комментарию» О. А. Линдеберг (Санкт-Петербург) рассказала об источниках текстов двух рассказов Алексея Ремизова — «Крестовая барышня» (1917) и «Изошел» (1919). Они были созданы под впечатлением писем и рассказов И. А. Рязановского, историка-архивиста, юриста, коллекционера рукописей и редких изданий, неоднократно снабжавшего Ремизова источниками новых сюжетов. В 1917 году Рязановский, поступивший на службу в петроградскую тюрьму «Кресты», находился в эпицентре самых тревожных и опасных событий Петрограда тех дней. Своими наблюдениями он делился с Ремизовым. Они и послужили основой для создания писателем двух произведений, посвященных «тюремной» теме. Однако в центре внимания автора оказались не тревожные впечатления революционного Петрограда, а повседневная жизнь обычных «маленьких людей, служащих в тюрьме». Можно предположить, что игнорирование военных и революционных событий и тревог, в равной мере относящееся и к другим произведениям цикла «Семидневец», выбрано писателем намеренно и, вероятно, связано с компенсаторным механизмом психики человека, пытающегося таким образом преодолеть трагические жизненные обстоятельства.

В докладе «Цикл „Из писем с дороги“ О. Ф. Берггольц: история текста и проблема эдиции» Н. А. Прозорова (Санкт-Петербург) поведала о многолетней работе поэтессы над циклом, написанным в условиях жесткой цензуры и впервые опубликованным в подборке «На сталинградской земле» в журнале «Знамя» в 1953 году. Выступавшая обратила внимание на изменение состава, композиции, контекстного окружения и названия цикла. Она показала, как в ходе творческих поисков Берггольц наращивала смысл и трансформировала семантику циклического образования. В работе была выявлена устойчивость текста исследуемого цикла в трех прижизненных книгах. Прозорова указала на некорректность публикации «Из писем с дороги» в посмертных изданиях (*Берггольц О. Ф.* 1) Избр. произведения. Л., 1983 (Библиотека поэта. Большая сер.); 2) Собр. соч.: В 3 т. Л., 1989. Т. 2) и подчеркнула, что сохранение «границ» цикла (в особенности с такой сложной историей текста) непреложно для эдиционной практики.

Ю. Б. Орлицкий (Москва), выступивший с темой «„Проверка реальности“: проблемы публикации незавершенных циклов Генриха Сапгира», проанализировал проблемы, возникающие при переходе авторов конца XX века от «бумажных» черновиков к электронным. Одним из первых крупных русских поэтов, «пересевших» за компьютер, стал именно Сапгир. Его поздние стихотворные произведения дошли до нас в виде файлов и папок, причем, как правило, сохранившихся в нескольких различных копиях, что ставит перед публикатором сложную, если не сказать неразрешимую, проблему выбора «основного» текста, особенно в случае циклов, иногда оставшихся в нескольких вариантах. Кроме того, от версии к версии серьезно меняется и текст стихотворений; исследователем эта проблема была рассмотрена на материале стихотворения с говорящим названием «Памятник», в котором упоминается и А. С. Пушкин.

Утреннее заседание завершилось докладом Н. В. Корниенко (Москва) «История советской литературы в свете текстологии (из опыта подготовки тома литературно-критических статей А. Платонова 1930-х годов)». Ситуация с историей издания литературно-критических статей Платонова 1936–1941 годов (3-я книга 6-го тома «Сочинений» А. П. Платонова, утверждена к печати, планируется к выходу в начале 2023 года) проанализирована в контексте заявленной общей темы. Показательна статистика: при жизни писателя из написанных им во второй половине 1930-х годов литературно-критических текстов (всего их 71) были опубликованы 61 статья и рецензия; в посмертных изданиях, выходивших в 1970-м и 1980-м годах под авторским названием «Размышления читателя» (запрещенная к выходу в свет книга литературно-критических статей писателя 1939 года), были републикованы 18 текстов в первом издании, 20 — во втором. Эта статистика отражает общую источниковедческую и текстологическую ситуацию с литературным наследием этого советского десятилетия не только Платонова. При републикации или первой публикации прозаических текстов Платонова 1930-х годов предстояло исключить из них имя Сталина или заменять его на Ленина или ЦК, в отношении литературно-критических тек-

стов ситуация была не менее сложной. На анализе разных издательских ситуаций 1930-х, 1940-х и 1950-х годов докладчица показала, как шло формирование текстологических принципов издательской политики в отношении классических текстов советской литературы. На высокий государственно-политический уровень вопрос издания советской классики был выведен в 1952 году статьями в «Правде» (от 20 мая), «Литературной газете» (от 7 февраля) и принятием постановления Секретариата ЦК ВКП(б) 24 апреля 1952 года «О фактах грубейших политических искажений текстов произведений Демьяна Бедного». Ситуация с изданиями Д. Бедного выстраивалась как показательная: из нее следовали государственные решения по вопросу последней воли автора и статуса последнего прижизненного издания, а издателям сделано указание, как нужно относиться не просто к текстам первого советского десятилетия, но и к первым редакциям. В многочисленных текстологических дискуссиях 1952–1954 годов перед текстологами ИРЛИ и ИМЛИ была поставлена задача создания «стабильного текста» классических произведений. Если для русской литературы XIX века это была архисложная задача, то для XX века и советской литературы — почти невыполнимая, ибо реальная история этого периода русской литературы выглядит как история постоянно изменяемого и изменяющегося текста произведений. Без исторической реконструкции и текстологического описания большого потока редакций классических текстов вряд ли можно говорить, что здание научной истории русской литературы XX века будет выстроено на прочном фундаменте.

Вечернее заседание открыло выступление В. Н. Терехиной (Москва) «Книжно-плакатное творчество В. Маяковского в полном собрании его произведений», посвященное принципам воспроизведения в академическом издании не чисто вербальных материалов. Современная текстологическая наука дает возможность в полной мере учесть одну из отличительных особенностей творческого облика Маяковского, который был не только писателем, но и профессиональным художником, благодаря сложной природе своего таланта создавшим ряд новых жанров (или существенно видоизменившим некоторые бытовавшие ранее). Впервые в рамках академического издания выделяется серия агитационных произведений Маяковского, состоящая из шести томов, включающих вербально-визуальные жанры (плакаты, реклама, агитлубки и др.), а также живописные и графические произведения поэта. Основным текстологическим принципом всего издания является жанрово-хронологический принцип, в соответствии с которым многообразие жанров и видов разделено по томам. Наиболее сложным в этой серии становится поиск общего модуля для воспроизведения материалов, например, на одной полосе плакат, на следующей — текст плаката «Окна РОСТА». Подобный прием действует в отношении рекламных плакатов, но книги-лубки печатаются иначе — постранично, поскольку рисунок и текст в рамках страницы составляют художественное целое. Публикация текста и изображения плакатов «Окна РОСТА», работа над которыми уже началась, будет сопровождаться комплексным историко-литературным, искусствоведческим, историческим комментарием, основанным на новейших отечественных и зарубежных исследованиях и публикациях на данную тему. Подобный научный проект осуществляется впервые. В предшествующих научных изданиях наследия Маяковского печатались только тексты, принадлежавшие поэту, а в подлинном виде, с изображением, агитационные произведения приводились лишь в качестве иллюстраций. Именно по этой причине научные коллективы, готовившие все предшествовавшие издания, называли их Полными собраниями сочинений, а не Полным собранием произведений, как в нашем случае.

А. С. Александров (Санкт-Петербург) в докладе «Дневник Б. А. Лазаревского: проблемы эдиции» осветил факты биографии популярного в начале XX века беллетриста. Акцент был сделан на эдиционных проблемах, связанных с проектом издания дневников Лазаревского, и путях их решения. Исследователь также представил записи о встречах Лазаревского с С. А. Есениным, Н. А. Клюевым, В. В. Маяковским, В. Хлебниковым, А. И. Куприным и др.

В своем выступлении «О „мелочи“ и мелочах в „большой“ текстологии (из опыта подготовки ПССиП А. А. Блока)» Н. В. Лощинская (Санкт-Петербург) отметила особую роль текстологии в осмыслении творческого наследия писателей-модернистов, подчеркнув, что при издании символистских произведений незначимых мелочей нет. В частности, исследовательница указала на эдиционную дилемму, которая возникает при публикации блоковского текста в соответствии с новыми нормами правописания, упраздняющими тонкие различия прежней орфографии. В качестве примера было рассмотрено неоднозначное по смыслу словосочетание «слезы *первые* любви» / «слезы *первыя* любви» в стихотворении «Россия» («Опять, как в годы золотые...», 1908). С учетом инверсии оно полностью укладывалось в рамки дореволюционной орфографии. Как было отмечено выступавшей, при текстологической интерпретации этого словосочетания может идти речь не о вариантах (их по старым правилам быть не могло), а о важной для символистской поэтики текстовой неопределенности. В случае архаизации данного поэтического высказывания в контексте современного правописания акцентируется его расширительный смысл, но редуцируется второй план, присутствующий в блоковском стихотворении. Был также обрисован сюжет о «мелочи», касающийся текстологической подачи и комментирования денежных подсчетов и других бытовых реалий на материале 6-й записной книжки Блока.

Заседание продолжил доклад А. А. Кобринского (Санкт-Петербург) «Некоторые проблемы издания записных книжек Д. И. Хармса», в котором приводились примеры сложных ситуаций, требующих особых методов презентации текста, разбирались ошибки и неточности первого их издания.

В докладе С. Д. Титаренко (Санкт-Петербург) «О проблемах разночтения различных вариантов статей Вячеслава Иванова» была затронута проблема, которая возникла в связи с комментированием статьи Вяч. Иванова «АНИМА» (1935) и вышедшей на немецком языке в Тюбингене в 1932 году его книги «Достоевский. Трагедия — миф — мистика» («Dostoewskij: Tragödie — Mythos — Mystik»), в которых были переработаны ранее написанная статья «Ты еси» (1907) и статьи о Достоевском 1910-х годов. Речь шла об основных вариантах одного и того же текста и проблеме авторской воли. На материалах эпистолярного характера, точек зрения комментаторов и исследований Р. Берда, Д. Сегала и др. Титаренко показала, что предоставляемые Ивановым для перевода на немецкий и другие языки статьи, написанные в период символизма, все время дорабатывались и перерабатывались для вхождения в европейский интеллектуальный контекст 1920–1930-х годов. Автор считал некоторые свои идеи устаревшими и нуждающимися в уточнении в римский период творчества, но «внутренняя форма» и основные положения его суждений остались прежними, изменился лишь тезаурус. Это было учтено М. Ю. Кореневой при подготовке перевода книги Вяч. Иванова «Достоевский. Трагедия — миф — мистика» (СПб., 2020). Она выполнила с учетом этого реконструкцию текста книги с сохранившегося немецкого перевода А. Крейслинга, исключив простое «мозаичное» включение старых статей в переработанный текст. Проблема «темных мест» существует, но выход можно видеть при подготовке нового комментария в разъяснении разночтений, чтобы исключить эклектичное смешение текстов, созданных в разный период творчества.

А. А. Холиков (Москва) выступил с текстологическим анализом сборника Д. С. Мережковского «Невоенный дневник. 1914–1916» (1917), опираясь как на печатные источники — газетно-журнальную периодику и альманахи времен Первой мировой войны, так и на архивные материалы из Рукописного отдела ИРЛИ и РГАЛИ: подготовительные заметки и выписки автора, черновые и беловые рукописи, машинописи. На конкретных примерах демонстрировалось, что ценность выявленных публикаций и рукописных документов определяется задачами не только текстологии и эдиционной практики, но также истории литературы и интерпретирующей поэтики. В результате удалось охарактеризовать логику доработки текстов писателем (от рукописи к газетной публикации и далее — к сборнику); уточнить представления по проблеме разграничения цензорских/редакторских и авторских купюр в статьях Мережковского; расширить знания об источниках, которыми он пользовался; выявить скрытую полемику писателя с современниками.

В докладе Т. В. Игошевой (Санкт-Петербург) «О неисправностях текста романа М. А. Зенкевича „Мужицкий сфинкс“ в издании 1994 г.» приводилась критика текста названного романа Зенкевича. Будучи написанным в 1928 году, произведение впервые опубликовано в 1990-е годы, и сделано это было по одному-единственному источнику, без обращения к другим источникам текста. Сопоставление опубликованного текста с черновым автографом романа (РО ИРЛИ) и авторизованной машинописью, хранящейся в музее А. А. Ахматовой в Фонтанном Доме, позволили выступавшей сделать вывод: главным источником текста необходимо признать авторизованную машинопись из Фонтанного Дома, в которой наиболее полно отражена авторская воля и которая в связи с этим должна считаться основным текстом при дальнейших изданиях произведения.

Также на конференции был представлен стендовый доклад М. С. Щавлинского (Москва) «Исчезновение национального и колониального дискурсов: текстология очерка „Тень Птицы“ И. А. Бунина». В исследованиях буниноведов существует консенсус, что книга «Храм Солнца» антиколониальна и антинационалистична на фоне травелогов эпохи. Это действительно так, однако данный тезис релевантен исключительно для последней редакции текста (1936), на которую опирались почти все исследователи. В действительности редакций текста было четыре (1915, 1917, 1931, 1936), и все они сильно отличаются друг от друга. Их можно редуцировать и объединить до условно двух редакций и двух разных литературных фактов: доэмигрантская редакция (1915, 1917) и эмигрантская редакция (1931, 1936). В доэмигрантской редакции нарратор часто обращается к теме национального и колониального: позволяет себе пренебрежительное отношение и к иностранцам, и к соотечественникам; использует национальные коды описания, при этом стремится к подчеркнуто отстраненной (космополитической) позиции наблюдателя; желает продемонстрировать известную и доступную только ему «подлинность» Востока и пр. В рамках доклада на основании подробной текстологической работы анализируется, какого рода правку производит Бунин от редакции к редакции и по какой причине из текста исчезают национальный и колониальный дискурсы.

Конференция завершилась оживленным обсуждением докладов и подведением итогов. Организаторы и участники выразили уверенность в целесообразности проведения конференций по эдиционным вопросам и текстологии на регулярной основе.

© *О. А. Линдеберг*

DOI: 10.31860/0131-6095-2023-3-269-272

XXVI НАУЧНЫЕ ЧТЕНИЯ РУКОПИСНОГО ОТДЕЛА ПУШКИНСКОГО ДОМА

Ежегодная конференция, состоявшаяся 31 октября 2022 года, прошла в так называемом штатном режиме совместной работы сотрудников Рукописного отдела и представителей других институций, исследовательский поиск которых сосредоточен на архивных материалах ИРЛИ. Однако даже в спонтанно сложившейся программе выступлений сразу обозначилась тематическая доминанта профессионального дискурса, связанная с выявлением и введением в научный оборот отдельных материалов из необработанных фондов, которая, в свою очередь, может быть конструктивным решением проблемы информирования и организации доступа исследователей к редким документам. По совпадению три типологически близких доклада оказались прямо или косвенно посвящены пушкиноведению.

В выступлении Т. С. Царьковой (Санкт-Петербург) «Прообраз Ежегодника Рукописного отдела Пушкинского Дома» была воссоздана история неопубликованного альманаха, названного, в честь дня рождения А. С. Пушкина, «26 мая» (по ст. ст.). Папка, объединившая 53 статьи и публикации (среди авторов имена впоследствии выдающихся ученых — Д. И. Абрамович, М. К. Азадовский, М. Д. Беляев, В. Е. Евгеньев-Максимов, М. К. Клеман, Б. И. Коплан, Б. Л. Модзалевский, Б. В. Томашевский, Б. М. Энгельгардт), пролежала в хранилище необработанных материалов ровно сто лет. Судьба рукописи сопровождалась фатальными трудностями. Анализируя вступительную статью составителя и ответственного редактора Б. Л. Модзалевского, исследовательница сделала вывод, что содержание альманаха в его «пушкинской» части первоначально было ориентировано на научное осмысление материалов выставки «Пушкин и его современники», открывшейся в стенах Пушкинского Дома в июне 1922 года. В этом формате книге не суждено было выйти из печати «по скудости», — как выразился редактор-составитель, характеризуя реалии первых лет советской власти, — «издательских возможностей», а также «по причине полного расстройства типографского дела в современной России». Некоторые анонсированные публикации по пушкинской эпохе вскоре появились в других изданиях Пушкинского Дома. С кончиной Модзалевского в 1928 году рукописная книга «26 мая» стала никому не известным архивным документом, а часть подготовленных в ней публикаций автографов нашла исследователей в новых поколениях. Этот процесс также был освещен в докладе. Заключительный вывод Царьковой состоял в обозначении обратной перспективы, выстроенной от возникших впоследствии академических изданий, посвященных рукописному наследию русской литературы, к первому пушкинодомскому альманаху, появившемуся под началом одного из основателей Рукописного отдела. Таким типологически близким академическим проектом, сходным по структуре с составом альманаха «26 мая», стал «Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома», первый выпуск которого увидел свет в 1969 году под редакцией К. Д. Муратовой. У коллег выступление вызвало глубокую заинтересованность, поскольку они также обращались к рукописи «26 мая» для своих научных целей. Т. И. Краснобородько добавила несколько наблюдений, касающихся эстетической идеи неизданного, но проанонсированного сборника. Продолжая рассуждения о преемственности «Ежегодника», она предложила сопоставление современного издания с таким недолговечным, но также близким по строению разделов и научным целям предшественником, как «Временник Пушкинского Дома», первая книга которого увидела свет в 1913 году.

Сходная методика реконструкции истории нереализованного издательского проекта, подготовленного в стенах Пушкинского Дома, была продемонстрирована в докладе В. В. Турчаненко (Санкт-Петербург) «Незавершенный редакторский труд Д. П. Якубовича (седьмой «Временник Пушкинской комиссии»)». Объектом исследования также стали материалы необработанной части архивного хранения. Однако если сборник «26 мая» можно считать вообще выпавшим из истории пушкиноведения, то долгое время значившийся утраченным седьмой том серийного издания «Пушкин. Временник Пушкинской комиссии» является отрефлексированной учеными лакуной, восполнение которой мыслилось целесообразным не только для истории фундаментального академического проекта, но и для пушкиноведения в целом. Как известно, редактирование этого выпуска, как и пяти (из семи) предыдущих, осуществлялось Якубовичем. Однако внезапная смерть пушкиниста в 1940 году и вскоре начавшаяся война создали ряд непреодолимых трудностей, в связи с которыми налаженная работа остановилась практически на десять лет. В обширном экскурсе к главной теме — содержанию новонайденной рукописи — докладчик изложил основные вехи короткой, но чрезвычайно плодотворной научной биографии Якубовича как представителя второго поколения ученых Пушкинского Дома, оказавшего существенное влияние на принципы и методологию подготовки академического Пушкина. Научно значимым результатом работы является аналитическое описание редакционного портфеля несостоявшегося «Временника». Сверка с библиографическими сводами привела к впечатляющему итогу: из отобранных Якубовичем для седьмого тома 18 научных текстов

так и остались неопубликованными 15. Докладчик досконально проследил дальнейшую эдиционную судьбу этих трудов. Продуктивным оказался и текстологический анализ редакционной правки, которая была начата Якубовичем, а после него продолжена Б. В. Томашевским. Вспомогательную роль в установлении датировок сыграли вторичные материалы архивной папки, в частности газеты, послужившие обложками для рукописей. Таким образом обозначились крайние даты редактирования рукописи, последняя из них — весна 1941 года. В заключение выступления докладчик объявил о завершении архивной обработки рукописи седьмого «Временника Пушкинской комиссии»: материалы, долгое время остававшиеся вне исследовательского доступа, уже внесены в опись Пушкинского фонда и, таким образом, в ближайшее время будут предоставлены для научной работы посетителей Читального зала Рукописного отдела.

В ходе последовавшего обсуждения прозвучал вопрос, обращенный к содержанию вводной части, в которой были сопряжены обстоятельства похорон Якубовича и два поэтических свидетельства современников, наполнивших это печальное событие символическими подтекстами. Интерес вызвала личность малоизвестного в наши дни поэта Ю. М. Магалифа. По убеждению Турчаненко, он «точно» был на гражданской панихиде по скончавшемуся Якубовичу, состоявшейся в стенах Пушкинского Дома. Действительно, его стихотворение, продекламированное в начале выступления, носит соответствующее название «Воспоминание» (первая известная публикация в авторском сборнике 1988 года). Особенно любопытно, что в образе музы или, вернее, «свидетельницы века» в этом поэтическом тексте воспроизведен образ А. А. Ахматовой, экфрастически повторяющий известный портрет работы Н. Альтмана (1915) в обстановке едва ли ни того же Малого конференц-зала, где проходило заседание Чтений. Присутствие поэтессы среди прощавшихся с ученым подтверждается строфой из «Поэмы без героя» (Ч. 2 «Решка». XIV) и верифицируется таким надежным источником, как «Записки об А. А. Ахматовой» Л. К. Чуковской. Однако является ли стихотворение Магалифа художественным свидетельством факта его личной биографии (в те поры поэту было двадцать два, его имя не встречается ни в окружении поэтессы, ни в академической среде), или же этот текст следует считать поэтической рефлексией чужого рассказа, осталось без документальных подтверждений.

Теоретический и научно-практический метод анализа материалов, отражающих описание ценного историко-литературного источника, был представлен в докладе Н. А. Хохловой (Санкт-Петербург) «„Слово о полку Игореве“: экземпляр А. И. Тургенева в библиотеке Пушкина». Вначале выступавшая предложила аудитории краткий экскурс в историю конкретного экземпляра из тиража первого издания «Слова» (1800). Эта книжная редкость, как и другие сохранившиеся после пожара 1812 года экземпляры, приравненная по своей исторической значимости к рукописи, попала в коллекцию Тургенева, уже имея на своих полях значительное количество маргиналий ориенталиста и дипломата А. Я. Италинского. Актуализируя задачи собственных изысканий, связанных с фондом братьев Тургеневых (ИРЛИ. Ф. 309), докладчица рассказала об обстоятельствах приобретения книги, до сих пор не известных, и указала предполагаемую дату покупки. Наличие помет авторитетного ученого и выдающегося коллекционера придавало этому книжному раритету особую ценность. В письме Жуковскому Тургенев сообщал, что пометы содержали «объяснения по восточным языкам». Акад. И. Ю. Крачковский в статье «Один из первых исследователей восточных элементов в „Слове о полку Игореве“», посвященной Италинскому, попытался выяснить, каково могло быть содержание этих «объяснений». В 1834 году Тургенев «ссудил» книгу Пушкину в связи с работой поэта над переводом «Слова». В рамках темы «Пушкин и „Слово о полку Игореве“» экземпляр Тургенева с маргиналиями Италинского принято рассматривать как важный источник. Книга находилась в библиотеке поэта вплоть до его гибели. Остается неизвестным, вернулась ли она к владельцу; ее местонахождение считается неустановленным. Практическая часть исследования Хохловой состояла в применении всей собранной ею суммы сведений о разыскиваемом экземпляре в отношении к экземпляру «Слова» из собрания БАН (шифр: 1800/113). Согласно однажды высказанной гипотезе М. И. Гиллельсона, он мог оказаться искомым уникумом. Несмотря на прогнозируемый отрицательный результат, исследовательница провела сверку почерка маргиналий с выявленными образцами письма Италинского и убедилась в несостоятельности предположения Гиллельсона, что представляет объективные условия для продолжения поиска. Доклад сопровождался демонстрацией иллюстративных материалов.

Другой полюс деятельности архивистов, связанный с атрибуцией и изучением новых поступлений, также нашел свое отражение в программе Чтений. Доклад М. В. Кужлева (Санкт-Петербург) «„Как радостно знать, что Вы есть!..“: письмо М. А. Чехова к М. В. Сабашниковой 1945 года (из новых поступлений РО ИРЛИ)» был посвящен отдельным эпизодам биографии двух известных представителей русского модернизма, ассимилировавшихся в зарубежной культуре волею судьбы, а также согласно собственным творческим и духовным устремлениям. Эпистолярный документ был передан в дар Пушкинскому Дому от В. В. Чахотиной (Берлин), в детском возрасте лично знавшей М. В. Сабашникову. Раскрытию контекста этих отношений способствовала такая важная часть архивной работы, как интервьюирование дарителя. Почерпнутые Кужлевым из рассказа Чахотиной сведения позволили объективировать неизвестные ранее дружеские

связи, которые соединили художницу с семьями Чахотиных и Майер-Смитсов и во многом определили обстоятельства ее эмигрантской жизни (после 1922 года), прежде всего касающиеся Штутгарта как одного из центров антропософского движения в Германии. В докладе также была прослежена история приобщения Чехова к учению Р. Штайнера, которая в свою очередь послужила поводом к развитию дружеских отношений артиста и Сабашниковой, ставшей убежденной последовательницей учения Доктора еще в России, с 1905 года. Фрагмент переписки, обнаруженный благодаря установленным Кужлевым контактам с Чахотиной, привносит дополнительные обертоны в историю русского зарубежья и отчасти раскрывает характер общения двух многолетних собеседников, восстановивших прерванные контакты на исходе Второй мировой войны.

В сообщении Е. Р. Обатниной (Санкт-Петербург) «Вещественная память: новые поступления к фонду А. М. Ремизова» речь шла скорее о материальной культуре, чем о текстах, которые в разном выражении обычно становятся объектами хранения Рукописного отдела. В формате стендового доклада была раскрыта история взаимоотношений дарительницы Ольги Вадимовны Андреевой-Карлайл и ее родителей — поэта Вадима Леонидовича Андреева и переводчицы Ольги Викторовны Черновой-Андреевой — с супругами Ремизовыми. Новые материалы в действительности представляют собой предметы бытовой культуры, сопровождавшие Серафиму Павловну Ремизову-Довгелло в детстве, в студенческой юности и первые годы петербургской жизни, начатой как заново, с чистого листа, после северной ссылки. Свое «наследство» она постепенно передавала крестнице — младшей Оле Андреевой. Так собралась небольшая памятная коллекция (ученическая тетрадь, старинное украшение, маленькие подарочки, о которых упоминает дарительница в своих воспоминаниях). Ремизов спустя год после кончины супруги (13 мая 1943 года) продолжил эту традицию, подарив дочери своих ближайших друзей еще несколько предметных знаков памяти о ее крестной, сопроводив своими пояснениями и рисунками. В таком оформлении личные вещи становились духовным наследством, сохраняющим непосредственность Серафимы-ребенка — в ее «девичьем» альбомчике гимназистки седьмого класса, составленном из стихотворных автографов сверстников; восторженность юной курсистки-бестужевки, полюбившей Петербург — в фотографическом складне городских пейзажей; и наконец, глубинную религиозность — в рукописном молитвослове, в 1906–1907 годах заполненном специально для Серафимы Павловны рукой З. Н. Гиппиус. Гимназический альбомчик, несомненно оставаясь отражением душевной организации обладательницы, теперь является достойным предметом изучения детской субкультуры конца XIX века, типологические образцы которой обнаруживаются и в других фондах Рукописного отдела. Однако трудно переоценить поступление в состав описи материалов Ремизовой-Довгелло (фонд Ремизова № 256) тетради с текстами канонических молитв в редакции Гиппиус — одной из основательниц так называемой «Церкви Третьего Завета» — уникального явления русского религиозного модернизма. Доклад сопровождался фотофиксацией и текстовыми фрагментами. В своих комментариях к обретенной архивом «вещественной памяти» о жене писателя Ремизова исследовательница обозначила коннотации с его художественными произведениями, объединенными судьбой главной героини Оли Ильменевой — литературного воплощения Серафимы Довгелло.

Интересный ракурс анализа новых поступлений в свете уже сложившейся коллекции Пушкинского Дома предложили Л. Д. Зародова и Е. С. Левшина (Санкт-Петербург) в своего рода научном отчете о подготовленной выставке «Отец и сын Набоковы: „встреча“ архивов на берегах Невы», которая была развернута в Большом зале Института осенью минувшего года. Выставочно-экспозиционная деятельность сотрудников Рукописного отдела ИРЛИ является одной из продуктивных форм изучения архивных документов. В целом экспозиционный проект посвящался памяти политика и общественного деятеля В. Д. Набокова, погибшего 100 лет назад. Однако авторы-составители, будучи непосредственными участниками первичной обработки недавно поступившего в Рукописный отдел швейцарского архива его знаменитого сына — писателя В. В. Набокова, не пошли на поводу шаблонных решений в организации юбилейной выставки и осуществили идею объединения новых поступлений с материалами старейших фондов из коллекции Пушкинского Дома (Рукописного отдела, Литературного музея, а также Отдела БАН при ИРЛИ РАН). Сформированная аналитическая композиция позволила представить в обновленном свете биографические материалы двух героев. Воссозданный в витринах обширный «семейный» континуум включал в себя письма ближайших родственников В. В. Набокова: его прадеда — купца Василия Никитича Рукавишникова, деда — сенатора, министра юстиции Дмитрия Николаевича Набокова, его супруги Марии Фердинандовны, матери — Елены Ивановны. Среди собранных на выставке материалов — содержательные письма В. Д. Набокова к соратникам по юридическому цеху — А. Ф. Кони и К. К. Арсеньеву, с которыми автора связывали и многолетние дружеские отношения; к издателю, общественному деятелю Л. Ф. Пантелееву. Специальный подраздел выставочного пространства посвящался корреспонденции политика с представителями мира искусства и литературы — М. В. Ватсон, А. Н. Чеботаревской, Ф. Д. Батюшкова, С. Л. Бертенсона, М. Б. Черкасской, Е. П. Карпова. В ходе подготовки проекта, в частности, были тематически обозначены малоизученные страницы биографии В. Д. Набокова, например связанные с его деятельностью

в Обществе пособия нуждающимся литераторам и ученым, известном как «Литературный фонд». Доклад сопровождался виртуальным обзором материалов выставки.

Колорит эго-материалов и отдельных художественных текстов, незаслуженно оставшихся на периферии истории литературы своей эпохи, был внесен в тематическую палитру программы Чтений двумя постоянными участниками. Сообщение А. В. Вострикова (Санкт-Петербург) посвящалось обзору материалов по истории Петербургского/Петроградского университета в 1910-е годы, сосредоточенных в архиве Александра Александровича Бардовского (1893–1942) (ИРЛИ. Ф. 49). В дневниковых записях сохранились впечатления студента от лекций С. Ф. Платонова, А. И. Введенского, А. Ф. Каля и др., а также описание студенческих волнений, вспыхнувших в феврале 1912 года. Докладчик остановился на рассказе об учиненной универсантами обструкции профессора В. А. Удинцева, закончившейся с появлением полиции. Оживление и даже смех слушателей вызвали сатирические характеристики профессоров и преподавателей из составленного Бардовским тогда же пародийного «Отчета о деятельности... Историко-филологического факультета». В противовес этим документам юношеской биографии своего героя Востриков также познакомил аудиторию с содержанием написанной Бардовским в 1925 году статьи «Памяти А. И. Введенского как методиста», в которой серьезный анализ педагогических принципов и методических приемов покойного философа соединился с личными воспоминаниями слушателя и ученика. Выступление сопровождалось слайдами с интересным иконографическим и документальным материалом.

В докладе А. В. Сысоевой (Санкт-Петербург) «Театр марионеток Союза советских писателей: пьеса к 23 февраля 1935 г.» шла речь о несостоявшемся спектакле. Авторы пьесы — известные писатели Л. С. Соболев и Б. А. Лавренев — еще только работали над ее текстом, а в прессе уже появился анонс о премьере, готовящейся к вечеру Красной армии в Доме писателя им. Маяковского. Вместе с тем закономерно, что представление не упоминалось в документах руководителя Театра марионеток Л. В. Шапориной. Поводом для сатирических эскапад послужило закрытие ленинградского журнала «Залп», которому в ряду идеологических изданий отводилась ответственная задача по созданию литературы на военную тему. Представление в жанре «комедии положений» демонстрировало негативное отношение части писателей к военизации их творчества, что выделялось на фоне обычной праздничной риторики годовщины РККА, прославляющей армию и идею укрепления обороны страны. В ироническом свете здесь изображались известные лица, события и творческие проблемы. С точки зрения взаимодействия государства и культуры сохранившаяся в Рукописном отделе Пушкинского Дома шуточная пьеса подтверждает сосуществование несообразных тенденций предвоенного десятилетия. Выбранная тематика «капустника» является объективацией взятого партией и правительством курса на милитаризацию не только специальных производственных отраслей, но и культуры в целом. В этом смысле «театр марионеток» недвусмысленно и наглядно интерпретировал роль писателя в государственной политике. С другой стороны, сатира и шутка в литературе всегда считались действенными способами выражения внутрицеховой позиции, направленной на идеологические директивы.

Чтения Рукописного отдела транслировались на YouTube-канале ИРЛИ РАН.

© *Е. Р. Обатнина*

DOI: 10.31860/0131-6095-2023-3-272-275

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «„МЫСЛЯЩИЕ МИРЫ“ Ю. М. ЛОТМАНА», ПОСВЯЩЕННАЯ 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ УЧЕНОГО*

16–18 декабря 2022 года в онлайн- и офлайн-форматах прошла научная конференция «„Мыслящие миры“ Ю. М. Лотмана: Международная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения Юрия Михайловича Лотмана». Она была организована Институтом иностранных языков, Научно-исследовательским центром россиеведения и Издательством Нанкинского университета (Нанкин, Китай). В заседаниях приняли участие более 80 исследователей из Армении, Беларуси, Венгрии, Италии, России, Китая, США и Эстонии.

* Исследование выполнено при поддержке особо значимого государственного гуманитарного проекта КНР «Китайский перевод и исследование сборников Юрия Лотмана» (尤里 • 洛特曼著作集汉译与研究, номер проекта: 21&ZD284) и проекта В для выдающихся аспирантов Нанкинского университета (номер проекта: 202202B011).

Церемонию открытия конференции и презентацию новой книги «Жизнь и творчество Ю. М. Лотмана» (китайский перевод) возглавил директор Научно-исследовательского центра россиеведения Нанкинского университета, главный специалист ключевого государственного гуманитарного проекта КНР «Китайский перевод и исследование сборников Юрия Лотмана» профессор Ван Цзясин. С приветственным словом к участникам обратились проректор Нанкинского университета профессор Лу Яньцзин, директор Издательства Нанкинского университета профессор Цзинь Синьжун и директор Иностранных языков Нанкинского университета профессор Хэ Нин. На церемонии открытия выступила госпожа Т. Б. Миллер, дочь автора книги «Жизнь и творчество Ю. М. Лотмана» Б. Ф. Егорова.

В конференции приняли участие известные китайские и зарубежные ученые, которые занимаются исследованиями трудов Ю. М. Лотмана. Они обменялись мнениями и подробно обсудили актуальные вопросы в данной области, были затронуты такие темы, как построение корпуса и основные понятия концепции Лотмана, применение его теории, развитие тартуской семиотической школы, семейные и социальные отношения Лотмана, межкультурные «путешествия» теории ученого и т. д.

Ю. М. Лотман внес значительный вклад в изучение литературы и культуры. Чжоу Цичао (Китай) в выступлении «Структура художественного текста, вторичная моделирующая система и межкультурная взаимная переводимость: об основной структуре главных концепций Ю. Лотмана» отметил, что теоретические искания Лотмана охватывают, по меньшей мере, три основные дисциплины — литературоведение, семиотику и культурологию. Основу его концепции можно рассматривать с разных точек зрения. Если «взаимодействие и симбиоз текстовых и внетекстовых структур» является осью теоретической конструкции Лотмана, то «вторичная моделирующая система» и «межкультурная взаимная переводимость» — двумя крыльями этого корпуса. Художественный текст, эстетический знак, культура семиозиса — это основные предметы теоретического анализа Лотмана, а структура «текст–знак–культура» — стержень его теоретической конструкции. Исследование механизма генерации смыслов «текста–знака–культуры» было главной целью на протяжении всей жизни ученого.

Исходя из подхода культурной когнитивности, Чжао Айго (КНР) в докладе «К вопросу о характере культурной когнитивности русской семиотики культуры» сделал попытку рассмотреть русскую семиотику культуры в следующих аспектах: философские освещения культурной когнитивности; семиотические дефиниции понятия культуры; культурная когнитивность в научном подходе; культурная когнитивность в дисциплинарном подходе. Его исследования показывают, что русская семиотика культуры является настоящим представителем семиотики третьего поколения в мире после американской логической семиотики и французской нарративной семиотики, ее можно также называть культурно-когнитивной семиотикой.

И. В. Кондаков (Москва) в выступлении «Ю. М. Лотман: уроки культуры для XXI века» отметил, что великий ученый XX века оставил в наследство XXI веку не только свои выдающиеся труды по различным отраслям гуманитарного знания, но и важные методологические, культурно-исторические, мировоззренческие и просветительские уроки, на многие десятилетия вперед определившие пути развития исследовательских практик в сфере культуры. По мнению Лотмана, основной единицей (первоклеточкой) культуры во всех многообразных ее проявлениях является текст в широком понимании: он может быть научным и художественным, философским и деловым; он может представлять собой природу и социум, город и историю, национальный образ мира и повседневность. При этом он является не только порождением творчества, но и сам становится смыслопорождающим, а по своей семантике, функциям и исторической динамике — многозначным, многомерным и практически неисчерпаемым. Докладчик подчеркнул, что историческая динамика культуры определяется их общей бинарной или тернарной структурой, складывающейся исторически. В кризисные периоды истории, сопровождаемые взрывными процессами, они ведут себя по-разному. Тернарные культуры (Запад), сталкиваясь с социокультурным взрывом, стремятся сохранить «в изменениях неизменность», а «неизменность сделать формой изменения»; бинарные культуры (Россия) абсолютизируют необратимость изменений и предполагают разрушение прошлого и отмену памяти, возникновение «нового» на обломках «старого». Отсюда идет представление о непредсказуемых последствиях культурного взрыва.

В докладе С. Т. Золяна (Армения/Калининград) «Семиопоэзис как модус самоорганизации и существования семиосферы» предлагалось возможное развитие концепции Ю. М. Лотмана о семиосфере путем дополнения ее идеей семиопоэзиса. Выдвинутое в 1984 году понятие семиосферы значительно изменило предмет семиотики: не столько знак или знаковая система, сколько динамическое взаимодействие различных гетерогенных языков и текстов становится центральным объектом изучения. Но столь сложные и непредсказуемые механизмы уже не могут быть описаны как результат сознательной деятельности человека, как это принято делать в случае функционирования отдельных знаковых систем. Кто является субъектом семиотической деятельности, создающим и организующим семиотические отношения как между системами, текстами, знаками и контекстами, так и внутри них, — этот вопрос вряд ли можно считать проясненным. В работах Лотмана можно найти

принципиальную схему решения данной проблемы. Семиосфера описывается как иерархически организованное интегральное пространство и в то же время система систем; она функционирует как единый самодостаточный организм без какого-либо внешнего контроля. Она не создается путем поэтапного добавления отдельных элементов, а возникает в результате собственной деятельности. Рассмотрение процессов происхождения, эволюции и функционирования генетического кода позволяет описать основные механизмы этого процесса. Семиопоэзис — рекурсивная автореференция семиотической системы — становится формой организации биомира, когда в нем определяющими оказываются такие параметры, как смысл и цель. Подобное понимание этих процессов позволяет развить лотмановскую концепцию семиосферы и, во-первых, подтвердить его предположения о том, что семиозису может предшествовать только предыдущая семиотическая форма, а во-вторых, показать исходные механизмы самоорганизации и автономного функционирования семиосферы. Сам дуализм генетического кода, его одновременную биохимическую и лингвосемиотическую организацию, а также процессы экспрессии генов можно сравнить с тем, что Лотман считал основным принципом функционирования семиосферы, — взаимодействием противоположно организованных гетерогенных механизмов.

Ван Юн (КНР) обратилась к высказываниям Лотмана об исследовании литературы методами «точной науки» в докладе «Теоретические истоки квантитативных литературных исследований: развитие идей Ю. М. Лотмана о точных исследованиях в литературе». Предложения ученого можно рассматривать в трех аспектах: связь между литературой и математикой, реляционная модель языковых единиц и моделирование эмоций. Докладчица отметила, что идеи Лотмана очень перспективны, и его представления о науке могут послужить теоретической основой для квантитативных литературных исследований.

Одной из наиболее обсуждаемых тем конференции был анализ основных понятий теории Лотмана: И. А. Калинин (США) и Пэн Чжэнь (КНР) провели научно-исторические исследования понятий «символ» и «точка зрения текста» в работах Лотмана; Чжэн Вэньдун (КНР) рассмотрела термины «биполярная структура взаимодействия» и «монада» и их структурные особенности, а также основные идеи культурной семиотики Лотмана. Кроме того, ряд экспертов использовали компаративный подход для выявления особенностей академических взглядов Лотмана. Например, И. А. Пильщиков (Эстония/США) обратился к сходствам и различиям между литературными и культурно-семиотическими теоретическими перспективами пушкинистов Лотмана и Р. Якобсона; Ван Цзясин (КНР) сравнил взгляды Ю. М. Лотмана, М. М. Бахтина и В. В. Виноградова на литературный язык.

Хотя со дня смерти Ю. М. Лотмана прошло почти 30 лет, его работы не теряют своей актуальности и переиздаются в России, Эстонии и во многих других странах. Многие участники конференции в своих исследованиях использовали теории Лотмана для анализа и интерпретации литературных, кинематографических и культурных текстов. Например, Н. В. Пятаева (Беларусь) провела структурно-семиотический анализ концепта «Правда» в русской языковой картине мира и творчестве А. С. Пушкина.

Чжан Сяодун (КНР) рассмотрел семиотическую интерпретацию Лотманом классического фильма «Фотоувеличение» Микеланджело Антониони. Выстраивая семиотическую структуру и семантические уровни фильма, Лотман указал, что одно из отличий кинотекста от научного текста состоит в том, что художнику необходимо сознательно находиться «вне» своего героя. Более того, превосходство Антониони по отношению к киноискусству неореализма, как отметил Лотман, состоит и в идейном плане.

Доклад И. В. Леонова (Санкт-Петербург) «Семантика отсутствия: на примере работы с памятниками культурного наследия» был посвящен феномену «отсутствия» в работе с историко-культурным наследием. «Отсутствие», которое в той или иной форме затрагивает различные артефакты, это не только пустота и стирание всякой проявленности объектов, но и специфический фактор, несущий информацию о том, что утрачено, как хранящий память об ушедшем и способный сообщить о нем. По мнению Леонова, практики упоминания «отсутствия» в изучении культурного наследия носят весьма распространенный характер, но не получили при этом досконального осмысления в научной литературе. Для работы со значимыми артефактами докладчик предложил типологию, включающую шесть подгрупп памятников, сопряженных с феноменом отсутствия.

Ю. М. Лотман был наиболее ярким представителем Тартуско-Московской семиотической школы. В последние годы, когда стал доступен архив ученого, его семейные и социальные отношения оказались актуальной темой академических исследований. В предисловии к книге «Жизнь и творчество Ю. М. Лотмана» Б. Ф. Егоров говорит об их дружбе так: «Я был единственным человеком, которому Ю. М. Лотман всегда доверял все свои идеи, замыслы, душевные тайны, и одним из немногих, кто так тесно интеллектуально и сердечно общался с ним в течение многих десятилетий».[1] А. П. Дмитриев (Санкт-Петербург) кратко описал 42-летние взаимоотношения Лотмана и Егорова. Он считает, что если в быту между ними, людьми высокой внутренней культуры и тонкой душевной организации, никогда не случалось недоразуме-

[1] *Егоров Б. Ф.* Жизнь и творчество Ю. М. Лотмана. М., 1999. С. 5.

ний и несогласий, то в научной деятельности иногда возникали ситуации, вызывавшие расхождения и разногласия, изредка переходившие в споры или более серьезную полемику. Это касается в первую очередь проблемных моментов в интерпретации жизни и творчества А. С. Пушкина. Существенно, что эти споры всегда велись доброжелательно и не имели негативного влияния на личное расположение: обоим ученым было важно уяснить для себя контраргументы, выдвигавшиеся товарищем, и, скорректировав свою позицию, сообща достичь истины.

А. А. Строканов (США) рассказал о книге «Лотманы: семейные переписки 1940–1946», вышедшей в издательстве Таллинского университета в 2022 году (подготовлена Д. В. Дорвингом, Д. Э. Кузовкиным, Т. Д. Кузовкиной). Стоит отметить, что в ней представлены все обнаруженные на сегодняшний день 356 писем семьи Лотманов этого периода (329 из них публикуются впервые). Основные материалы взяты из семейных архивов родственников и архивов Ю. М. Лотмана и З. Г. Минц (в Тарту и Таллине). По словам Строканова, письма являются ценнейшим историческим источником сведений об участии Ю. М. Лотмана в Великой Отечественной войне, жизни его семьи в блокадном Ленинграде и эвакуации. Книга позволяет получить новые данные по истории становления личностей, формирования литературных вкусов и профессиональных интересов не только Юрия Лотмана, но и его сестер (литературоведа Лидии, композитора и музыковеда Инны, врача Виктории). В совокупности с уже широко известной публикацией «Не-Мемуары» Ю. М. Лотмана она открывает уникальную возможность познакомиться со многими чертами известного семиотика, литературоведа и культуролога, а также глубже погрузиться в осмысление его наследия в целом ряде областей знаний и человеческой деятельности.

Участники конференции также обратились к вопросам развития семиотики культуры, перспективам Тартуской семиотической школы. М. Ю. Лотман (Эстония) в докладе «Актуальные проблемы семиотики культуры» систематически рассмотрел этапы развития: культура как текст, типология культуры, семиотика смуты, семиотика взрыва, и указал на одну из современных проблем — семиотику страха. Последняя упомянута в трудах Ю. М. Лотмана, а продолжена и развита его сыном.

Чжан Цзе (КНР) в выступлении «Новый поворот в тартуской семиотической школе в эпоху искусственного интеллекта» сосредоточился на отношениях между семиотикой культуры Лотмана и экосемиотикой Якоба фон Уэкскулла.

Среди обсуждаемых тем важное место занимало восприятие теории Лотмана в разных странах. В своем докладе М. Б. Плюханова (Италия) рассказала о рецепции исторических и культурных трудов Ю. М. Лотмана в Италии. Она отметила, что при жизни ученого Италия выступала как сторона, ожидающая от него все более расширяемой теории культуры. Теперь идеи Лотмана в Италии интегрированы в разные области гуманитарной деятельности, наибольший резонанс получили исследования исторической динамики культурных процессов.

Ян Синь (КНР) проанализировала усвоение идей Лотмана в англоязычном мире и выявила стремление подчеркнуть универсальность теоретических мыслей ученого и большие надежды на прорывы и трансграничные интерпретации его семиотических теорий. Но несмотря на принятие и интерес к Лотману, его работы о русской литературе и культуре представлены недостаточно полно.

В других докладах были затронуты самые разные темы и проблемы, связанные с трудами Лотмана: эволюция механизма культуры (О. Н. Астафьева, Москва); концепт «культура» до и после 1968 года (Б. М. Гаспаров, США); полихрония в Российской империи (Е. В. Дуков, Москва); опыт реконструкции русской культуры (О. А. Жукова, Санкт-Петербург); метаязык типологических описаний культуры в семиотике (А. К. Забулионите, Санкт-Петербург); семиозис и мимесис (С. Н. Зенкин, Москва/Санкт-Петербург); принципы дифференцирования и транспозиции в семиотике литературы (Каталин Кроо, Венгрия); идея построения личности по модели искусства в концепции семиосферы, исследование культурной памяти (Кан Чэн, КНР), творческая интерпретация искусства и его функций (Ху Сюесин, КНР) и др.

В течение трехдневной конференции исследователи свободно общались и участвовали в научных дебатах. На церемонии закрытия профессор Чжоу Цичао подвел итоги и отметил, что данный международный форум был академическим мероприятием высокого уровня, который получил внимание и высокую оценку со стороны международных и отечественных академических кругов, и стал достойным завершением года 100-летия Ю. М. Лотмана и важным шагом к увековечению его памяти во всемирно-историческом масштабе.

© ***Дин Лян*** (*КНР*)

ПАМЯТИ РОСТИСЛАВА ЮРЬЕВИЧА ДАНИЛЕВСКОГО

13 апреля 2023 года на 90-м году жизни скончался Ростислав Юрьевич Данилевский, доктор филологических наук, главный научный сотрудник Отдела взаимосвязей русской и зарубежных литератур Пушкинского Дома. Он начал работать в институте в 1958 году, сразу после окончания Ленинградского университета, став членом референтной группы, а затем научным сотрудником Сектора взаимосвязей русской и зарубежных литератур. Пройдя под руководством академика М. П. Алексеева обучение в аспирантуре, Р. Ю. Данилевский успешно защитил кандидатскую диссертацию и продолжил научную деятельность как первоклассный и преданный делу специалист по истории русско-немецких и русско-швейцарских литературных связей. Этой последней теме была посвящена его докторская диссертация, защищенная в 1984 году.

Всю свою жизнь Ростислав Юрьевич занимался изучением немецкой классической литературы и ее русских отражений. Благодаря его трудам мировая наука обогатилась фундаментальными исследованиями о русской судьбе немецких классиков — Гердера, Гете, Шиллера, Лессинга, Виланда, Тика, Новалиса и др. Монографии Р. Ю. Данилевского «„Молодая Германия“ и русская литература (Из истории русско-немецких литературных отношений первой половины XIX в.)» (1969), «Россия и Швейцария. Литературные связи XVIII–XIX вв.» (1984), «Schiller in der russischen Literatur: 18. Jahrhundert — erste Hälfte 19. Jahrhunderts» (1998), «Пушкин и Гете» (1999), «Г. Э. Лессинг и Россия: Из истории русско-европейской культурной общности» (2006) уже давно вошли в золотой фонд сравнительного литературоведения, а сам ученый как признанный авторитет в области исследования немецкой классики был привлечен к работе «Общества Гете» в Веймаре, «Петербургского общества Гете», «Немецкого Шиллеровского общества». Опытный текстолог и комментатор, он едва ли не с первых лет своего пребывания в Пушкинском Доме принимал активное участие в подготовке Полного собрания сочинений и писем И. С. Тургенева. Статьи Р. Ю. Данилевского о творчестве писателя регулярно печатались в ежегоднике Музея-заповедника И. С. Тургенева Спасское-Лутовиново «Спасский вестник». В последние годы он был одним из членов авторского коллектива, взявшегося за публикацию европейских дневников Н. И. Тургенева (1824–1825). Книга вышла из печати в 2017 году. В ходе работы над ней Ростислав Юрьевич ввел в научный оборот несколько десятков неизвестных архивных документов, часть из которых представлена в альбоме «Россия. Запад. Восток. Культурные связи: документы и материалы из собраний Пушкинского Дома» (2018).

Более двадцати лет Р. Ю. Данилевский являлся членом редколлегии «Литературных памятников». Его стараниями многие уникальные тексты впервые увидели свет на русском языке именно в этой легендарной серии. Ростислав Юрьевич выступал в одних случаях как переводчик, в других как составитель, автор комментария и послесловия или как ответственный редактор, в частности, в изданиях: «История абдеритов» К. Виланда (1978), «Страдания юного Вертера» Гете (1999), «Генрих фон Офтердинген» Новалиса (2003), «История жизни бедного человека из Токкенбурга» швейцарского писателя У. Брекера (2003), «Духовидец» Ф. Шиллера, «Гений» К. Гроссе и «Абеллино, великий разбойник» Г. Цшокке (2009), «Домашние и семейные сказки» братьев Гримм (2020).

Ростислав Юрьевич был многолетним автором и рецензентом «Русской литературы». Высококлассный германист, он с неизменной готовностью консультировал редакторов журнала при работе с немецкоязычными пассажами в научных статьях.

От каждого из своих любимых героев Ростислав Юрьевич взял понемногу: от Шиллера — идеальные мечтания о благе человечества, от Гете — веру в возможность построения гуманного человеческого сообщества (пусть даже в границах Пушкинского Дома), от Тургенева — беспристрастную любовь к истине, от Пушкина — гармоническое мироощущение и волю к свету. И всеми названными качествами щедро делился с сотрудниками Пушкинского Дома, вызывая их искреннее восхищение, уважение и признательность. Память об этом замечательном ученом и достойном человеке они сохранят навсегда.

В. Е. Багно,
П. Р. Заборов,
М. Ю. Коренева

SUMMARIES

Татьяна Ивановна Краснобородько

ведущий научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Tatiana Ivanovna Krasnoborod'ko

Leading Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0001-9841-3193

tak204@yandex.ru

Владимир Владимирович Турчаненко

младший научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Vladimir Vladimirovich Turchanenko

Junior Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0003-0573-4583

vladimir.turchanenko@mail.ru

ПУШКИНСКИЙ ДОМ И ПРОЦЕСС КОНЦЕНТРАЦИИ В СССР РУКОПИСЕЙ ПУШКИНА (1930–1940-е ГОДЫ): ПО АРХИВНЫМ ИСТОЧНИКАМ

PUSHKIN HOUSE AND THE PROCESS OF CONCENTRATING PUSHKIN'S MANUSCRIPTS IN THE USSR (1930s–1940s): ARCHIVAL SOURCES

Статья посвящена малоизученному периоду существования Пушкинского рукописного фонда в ИРЛИ РАН. Основное внимание авторов статьи, построенной на архивных источниках, уделено анализу ситуации, в которой Институт оказался во время подготовки Всесоюзной Пушкинской выставки 1937 года, посвященной 100-летию гибели поэта, и последовавшего за ней постановления СНК СССР от 4 марта 1938 года «Об организации Государственного музея А. С. Пушкина». В строгом соответствии с этим документом Пушкинский Дом обязан был передать все пушкинские материалы вновь организуемому московскому музею. С их изъятием, по существу, прекратилась бы история Пушкинского Дома в том виде, как он был задуман его основателями, и «родовое» имя Института русской литературы навсегда бы ушло из его названия. Авторы статьи вводят в научный оборот неопубликованные документы, которые позволяют воссоздать —

в существенных и главных эпизодах — картину того, как в предвоенные годы усилиями руководителей Института и архивных хранителей был спасен для Пушкинского Дома его главный рукописный фонд. Позднейшее распоряжение Президиума АН СССР от 2 июня 1948 года закрепило за Пушкинским Домом архивные и музейные фонды Государственного музея А. С. Пушкина, состоявшего в ведении Института мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР. Именно с этого времени рукописи Пушкина (за редким исключением) сосредоточены в Рукописном отделе Института русской литературы РАН.

Ключевые слова: А. С. Пушкин, рукописи Пушкина, история Пушкинского Дома, Л. Б. Модзалевский, М. А. Цявловский, Всесоюзная Пушкинская выставка 1937 года.

The article explores the underresearched period of the existence of the Pushkin Manuscript Collection at the Institute of Russian Literature of the Russian Academy of Sciences. The authors focus on the analysis of the situation the Institute had to face while preparing for the 1937 National Pushkin Exhibition honoring the 100th anniversary of the poet's death, and on the subsequent decree of the USSR Council of People's Commissars of March 4, 1938, *On the Organization of the State Pushkin Museum*. In strict accordance with this document, Pushkin House was obliged to transfer all Pushkin-related data to the newly organized museum in Moscow. After their withdrawal, the history of the Pushkin House as it was conceived by its founders would *de facto* come to an end, and the «generic» name of the Institute of Russian Literature would be lost forever. The authors introduce the academic community to unpublished documents that recreate — via significant and fundamental episodes — the process of saving the main manuscript collection of the Pushkin House through the efforts of its managers and archive curators in the pre-War years. A later decree of the Presidium of the USSR Academy of Sciences dated June 2, 1948 assigned to the Pushkin House the archival and museum funds of the State Pushkin Museum, which was under the jurisdiction of the Gorky Institute of World Literature of the USSR Academy of Sciences. Since that time, Pushkin's manuscripts (with a few exceptions) were concentrated in the Manuscript Department of the Institute of Russian Literature of the Russian Academy of Sciences.

Key words: A. S. Pushkin, Pushkin's manuscripts, history of the Pushkin House, L. B. Modzalevsky, M. A. Tsyavlovsky, All-Union Pushkin Exhibition of 1937.

Список литературы

1. *Азадовский М. К., Оксман Ю. Г.* Переписка. 1944–1954 / Сост., вступ. статья, комм. К. М. Азадовского. М., 1998.

2. *Баскаков В. Н.* Пушкинский Дом. 2-е изд., доп. Л., 1988.

3. *Баскаков В. Н.* Пушкинский Дом: Исторический очерк. 1905–1930–1980. Л., 1980.

4. В. А. Рышков и его «Дневник» / Публ. В. П. Степанова // Пушкинский Дом. Статьи. Документы. Библиография. Л., 1982.

5. *Гречанинова В. С.* Место хранения на «вечные времена» // Наше наследие. 1999. № 50–51.

6. *Иванова Т. Г.* Рукописный отдел Пушкинского Дома: Исторический очерк. СПб., 2006.

7. Из истории концентрации архивного наследия Пушкина (1930–1940-е годы) / Публ. подг. Н. Б. Волкова // Отечественные архивы. 1999. № 4.

8. *Измайлов Н. В.* О рукописях Пушкина // Белые ночи. Л., 1974.

9. «Искренне Ваш Юл. Оксман» (письма 1914–1970-х годов) / Публ. М. Д. Эльзона, предисловие В. Д. Рака, прим. В. Д. Рака и М. Д. Эльзона // Русская литература. 2003. № 3, 4; 2004. № 1, 2; 2005. № 4; 2006. № 1.

10. *Курилов А. С.* Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской Академии наук. Предпосылки. Предыстория. Начало. Становление. 1932–1945. М., 2022.

11. *Любимова М. Ю.* Пушкинские материалы в Публичной библиотеке // История в рукописях и рукописи в истории: Сб. науч. трудов к 200-летию Отдела рукописей Российской национальной библиотеки. СПб., 2006.

12. *Мстиславская Е. П.* Окружение А. С. Пушкина в дневнике Е. А. Соймоновой 1833–1835 гг. (по материалам Отдела рукописей Российской государственной библиотеки) // Пушкинские материалы в архивах России: Материалы научно-практической конференции 16 февраля 1999 г. М., 1999.

13. Новое в русской лексике. Словарные материалы — 82 / Под ред. Н. З. Котеловой. М., 1986.

14. Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 80-х годов / Под ред. Е. А. Левашова. СПб., 1997.

15. Памяти основателей Пушкинского Дома Академии наук / Публ. Т. И. Краснобородько // Пушкинский Дом: Материалы к истории. 1905–2005. СПб., 2005.

16. Рукописи Пушкина, поступившие в Пушкинский Дом после 1937 года: Краткое описание / Сост. О. С. Соловьева. М.; Л., 1964.

17. *Солдатова Л. М.* Традиция памяти Пушкина на виражах политической жизни России XX века // Русская литература. 2006. № 1.

18. *Соломина О. Л.* Судьба архива А. С. Пушкина в Московском публичном и Румянцевском музеях в XIX–XX вв. // Вопросы источниковедения и текстологии русской литературы XIX века: Сб. статей по материалам Международной науч. конф. М., 2022.

19. *Степанов А. Н.* У книг своя судьба... Л., 1974.

20. *Турчаненко В. В.* Научные заседания, организационные собрания и совещания Пушкинской комиссии Академии наук СССР в Ленинграде в 1931–1936 гг. (по материалам Санкт-Петербургского филиала Архива РАН) // Временник Пушкинской комиссии. СПб., 2020. Вып. 34.

21. *Хитрово Л. К.* Л. Б. Модзалевский: материалы к биографии по документам личного архива в Рукописном отделе Пушкинского Дома // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2020 год. СПб., 2020.

22. *Ходасевич В. Ф.* Колеблемый треножник. Избранное. М., 1991.

23. *Цявловский М. А.* Статьи о Пушкине. М., 1962.

24. *Цявловский М. А., Цявловская Т. Г.* Вокруг Пушкина / Изд. подг. К. П. Богаевская и С. И. Панов. М., 2000.

25. *Эйдельман Ю. М.* Дневники Натана Эйдельмана. М., 2003.

References

1. *Azadovskii M. K., Oksman Iu. G.* Perepiska. 1944–1954 / Sost., vstup. stat'ia, komm. K. M. Azadovskogo. M., 1998.

2. *Baskakov V. N.* Pushkinskii Dom. 2-e izd., dop. L., 1988.

3. *Baskakov V. N.* Pushkinskii Dom: Istoricheskii ocherk. 1905–1930–1980. L., 1980.

4. *Eidel'man Iu. M.* Dnevniki Natana Eidel'mana. M., 2003.

5. *Grechaninova V. S.* Mesto khraneniia na «vechnye vremena» // Nashe nasledie. 1999. № 50–51.

6. «Iskrenne Vash Iul. Oksman» (pis'ma 1914–1970-kh godov) / Publ. M. D. El'zona, predislovie V. D. Raka, prim. V. D. Raka i M. D. El'zona // Russkaia literatura. 2003. № 3, 4; 2004. № 1, 2; 2005. № 4; 2006. № 1.

7. *Ivanova T. G.* Rukopisnyi otdel Pushkinskogo Doma: Istoricheskii ocherk. SPb., 2006.

8. Iz istorii kontsentratsii arkhivnogo naslediia Pushkina (1930–1940-e gody) / Publ. podg. N. B. Volkova // Otechestvennye arkhivy. 1999. № 4.

9. *Izmailov N. V.* O rukopisiakh Pushkina // Belye nochi. L., 1974.

10. *Khitrovo L. K.* L. B. Modzalevskii: materialy k biografii po dokumentam lichnogo arkhiva v Rukopisnom otdele Pushkinskogo Doma // Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 2020 god. SPb., 2020.

11. *Khodasevich V. F.* Koleblemyi trenozhnik. Izbrannoe. M., 1991.

12. *Kurilov A. S.* Institut mirovoi literatury im. A. M. Gor'kogo Rossiiskoi Akademii nauk. Predposylki. Predystoriia. Nachalo. Stanovlenie. 1932–1945. M., 2022.

13. *Liubimova M. Iu.* Pushkinskie materialy v Publichnoi biblioteke // Istoriia v rukopisiakh i rukopisi v istorii: Sb. nauch. trudov k 200-letiiu Otdela rukopisei Rossiiskoi natsional'noi biblioteki. SPb., 2006.

14. *Mstislavskaia E. P.* Okruzhenie A. S. Pushkina v dnevnike E. A. Soimonovoi 1833–1835 gg. (po materialam Otdela rukopisei Rossiiskoi gosudarstvennoi biblioteki) // Pushkinskie materialy v arkhivakh Rossii: Materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii 16 fevralia 1999 g. M., 1999.

15. Novoe v russkoi leksike. Slovarnye materialy — 82 / Pod red. N. Z. Kotelovoi. M., 1986.

16. Novye slova i znacheniia. Slovar'-spravochnik po materialam pressy i literatury 80-kh godov / Pod red. E. A. Levashova. SPb., 1997.

17. Pamiati osnovatelei Pushkinskogo Doma Akademii nauk / Publ. T. I. Krasnoborod'ko // Pushkinskii Dom: Materialy k istorii. 1905–2005. SPb., 2005.

18. Rukopisi Pushkina, postupivshie v Pushkinskii Dom posle 1937 goda: Kratkoe opisanie / Sost. O. S. Solov'eva. M.; L., 1964.

19. *Soldatova L. M.* Traditsiia pamiati Pushkina na virazhakh politicheskoi zhizni Rossii XX veka // Russkaia literatura. 2006. № 1.

20. *Solomina O. L.* Sud'ba arkhiva A. S. Pushkina v Moskovskom publichnom i Rumiantsevskom muzeiakh v XIX–XX vv. // Voprosy istochnikovedeniia i tekstologii russkoi literatury XIX veka: Sb. statei po materialam Mezhdunarodnoi nauch. konf. M., 2022.

21. *Stepanov A. N.* U knig svoia sud'ba... L., 1974.

22. *Tsiavlovskii M. A.* Stat'i o Pushkine. M., 1962.

23. *Tsiavlovskii M. A., Tsiavlovskaia T. G.* Vokrug Pushkina / Izd. podg. K. P. Bogaevskaia i S. I. Panov. M., 2000.

24. *Turchanenko V. V.* Nauchnye zasedaniia, organizatsionnye sobraniia i soveshchaniia Pushkinskoi komissii Akademii nauk SSSR v Leningrade v 1931–1936 gg. (po materialam Sankt-Peterburgskogo filiala Arkhiva RAN) // Vremennik Pushkinskoi komissii. SPb., 2020. Vyp. 34.

25. V. A. Ryshkov i ego «Dnevnik» / Publ. V. P. Stepanova // Pushkinskii Dom. Stat'i. Dokumenty. Bibliografiia. L., 1982.

Максим Андреевич Фролов

старший научный сотрудник
Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН

Maksim Andreevich Frolov

Senior Researcher, A. M. Gorky Institute of World Literature,
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0002-9694-6583

m.a.frolov@gmail.com

Н. К. ГУДЗИЙ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ АКАДЕМИИ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ НАУК: К ИСТОРИИ СОТРУДНИЧЕСТВА ЧАСТЬ 2: 26 НОЯБРЯ 1924 ГОДА — 7 ДЕКАБРЯ 1928 ГОДА

N. K. GUDZIJ AT THE *STATE ACADEMY OF ART SCIENCES*: THE HISTORY OF COOPERATION PART 2: NOVEMBER 26, 1924 — DECEMBER 7, 1928

Публикация, основанная на материалах архивного фонда Государственной академии художественных наук (РГАЛИ) и личного архива Н. К. Гудзия (РГБ), восстанавливает историю работы историка литературы, текстолога, педагога в легендарном научном учреждении с богатой и трагической историей и вводит в научный оборот тексты докладов ученого и отзывов его коллег в прениях. Документы отражают различные формы сотрудничества Гудзия в ГАХН и проблемно-тематическое разнообразие его выступлений и исследований, подготовленных в рамках работы в ГАХН (1922–1929).

Ключевые слова: Н. К. Гудзий, Государственная академия художественных наук, история филологической науки, русская литература, Ф. И. Тютчев, Н. Л. Бродский, Н. П. Сидоров.

The publication, based on the data from the archival fund of the State Academy of Art Sciences (RGALI) and the personal archive of N. K. Gudzij (Department of Manuscripts, Russian State Library), traces the history of the work of a literary historian, textual critic, professor at a legendary academic institution with a rich and tragic history, and introduces unpublished texts of the scholar's reports, as well as the feedback of his colleagues provided during the debates. The texts and documents reflect the various forms of Gudzij's involvement in the work of GAKHN and the problem-thematic diversity of his speeches and studies, produced as a part of his work at the Academy (1922–1929).

Key words: N. K. Gudzij, *State Academy of Art Sciences*, history of philological science, Russian literature, F. I. Tyutchev, N. L. Brodsky, N. P. Sidorov.

Список литературы

1. *Винокур Г. О.* Баратынский и символисты / Публ. и прим. К. Саливетти // Russica Romana. 1994. Vol. 1.

2. *Гершензон М. О.* Избранное: [В 4 т.]. М.; Иерусалим, 2000. Т. 2. Молодая Россия.

3. *Гужиева Н. В.* «Русские символисты» — литературно-книжный манифест модернизма // Русская литература. 2000. № 2.

4. *Дружинин А. В.* Прекрасное и вечное / Вступ. статья и сост. Н. Н. Скатова; комм. В. А. Котельникова. М., 1988.

5. *Иванова Е., Щербаков Р.* Альманах В. Брюсова «Русские символисты» — судьбы участников // Блоковский сборник. Вып. XV: Русский символизм в литературном контексте рубежа XIX–XX вв. Тарту, 2000.

6. *Клейнборт Л. М.* Встречи. Федор Сологуб / Публ. М. М. Павловой // Русская литература. 2003. № 2.

7. *Нефедьев Г. В.* К истории русского символизма: С. Н. Дурылин о Ш. Бодлере // Книгоиздательство «Мусагет»: История. Мифы. Результаты: материалы и исследования. М., 2014.

8. *Павлова М. М., Богомолов Н. А.* Из воспоминаний Л. Я. Гуревич о журнале «Северный вестник». Статья первая // Литературный факт. 2021. № 1 (19).

9. Переписка В. Ф. Ходасевича и М. О. Гершензона / Публ. И. Андреевой // De Visu. 1993. № 5.

10. Переписка В. Я. Брюсова с Н. Н. Бахтиным (Н. Новичем) / Вступ. статья, подг. текста и комм. Е. В. Ивановой и Р. Л. Щербакова // Русская литература. 2004. № 4.

11. *Перцов П. П.* Литературные воспоминания / [Вступ. статья, сост., подг. текста и комм. А. В. Лаврова]. М., 2002.

12. *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: [В 16 т.]. М.; Л., 1949. Т. 3. Кн. 2. Стихотворения, 1826–1836. Сказки.

13. *Саливетти К.* О статье Винокура «Баратынский и символисты» // Russica Romana. 1994. Vol. 1.

14. *Сурат И.* Пушкинист Владислав Ходасевич. М., 1994.

15. *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч.: В 90 т. М., 1937–1953. Т. 66, 86.

16. *Трифонов Н. А.* Из дневника читателя 1920-х годов // Шестые Тыняновские чтения. Тезисы докладов и материалы для обсуждения. Рига; М., 1992.

17. *Тяпков С. Н.* К истории первых изданий русских символистов (В. Брюсов и А. Емельянов-Коханский) // Русская литература. 1979. № 1.

18. *Фролов М. А.* Н. К. Гудзий в Государственной Академии Художественных Наук: к истории сотрудничества. Часть 1: 7 мая 1923 года — 28 мая 1924 года // Русская литература. 2023. № 2.

19. *Ходасевич В.* Пушкин и поэты его времени: В 3 т. / Под ред. Р. Хьюза. Berkeley, 1999. Т. 1. Статьи, рецензии, заметки 1913–1924 гг.

20. *Ходасевич В. Ф.* Письма к М. А. Цявловскому / Публ. Р. Хьюза // Русская литература. 1999. № 2.

References

1. *Druzhinin A. V.* Prekrasnoe i vechnoe / Vstup. stat'ia i sost. N. N. Skatova; komm. V. A. Kotel'nikova. M., 1988.

2. *Frolov M. A.* N. K. Gudzii v Gosudarstvennoi Akademii Khudozhestvennykh Nauk: k istorii sotrudnichestva. Chast' 1: 7 maia 1923 goda — 28 maia 1924 goda // Russkaia literatura. 2023. № 2.

3. *Gershenzon M. O.* Izbrannoe: [V 4 t.]. M.; Ierusalim, 2000. T. 2. Molodaia Rossiia.

4. *Guzhieva N. V.* «Russkie simvolisty» — literaturno-knizhnyi manifest modernizma // Russkaia literatura. 2000. № 2.

5. *Ivanova E., Shcherbakov R.* Al'manakh V. Briusova «Russkie simvolisty» — sud'by uchastnikov // Blokovskii sbornik. Vyp. XV: Russkii simvolizm v literaturnom kontekste rubezha XIX–XX vv. Tartu, 2000.

6. *Khodasevich V.* Pushkin i poety ego vremeni: V 3 t. / Pod red. R. Kh'iuza. Berkeley, 1999. T. 1. Stat'i, retsenzii, zametki 1913–1924 gg.

7. *Kleinbort L. M.* Vstrechi. Fedor Sologub / Publ. M. M. Pavlovoi // Russkaia literatura. 2003. № 2.

8. *Nefed'ev G. V.* K istorii russkogo simvolizma: S. N. Durylin o Sh. Bodlere // Knigoizdatel'stvo «Musaget»: Istoriia. Mify. Rezul'taty: materialy i issledovaniia. M., 2014.

9. *Pavlova M. M., Bogomolov N. A.* Iz vospominanii L. Ia. Gurevich o zhurnale «Severnyi vestnik». Stat'ia pervaia // Literaturnyi fakt. 2021. № 1 (19).

10. Perepiska V. F. Khodasevicha i M. O. Gershenzona / Publ. I. Andreevoi // De Visu. 1993. № 5.

11. Perepiska V. Ia. Briusova s N. N. Bakhtinym (N. Novichem) / Vstup. stat'ia, podg. teksta i komm. E. V. Ivanovoi i R. L. Shcherbakova // Russkaia literatura. 2004. № 4.

12. *Pertsov P. P.* Literaturnye vospominaniia / [Vstup. stat'ia, sost., podg. teksta i komm. A. V. Lavrova]. M., 2002.

13. *Pushkin A. S.* Poln. sobr. soch.: [V 16 t.]. M.; L., 1949. T. 3. Kn. 2. Stikhotvoreniia, 1826–1836. Skazki.

14. *Salivetti K.* O stat'e Vinokura «Baratynskii i simvolisty» // Russica Romana. 1994. Vol. 1.

15. *Surat I.* Pushkinist Vladislav Khodasevich. M., 1994.

16. *Tiapkov S. N.* K istorii pervykh izdanii russkikh simvolistov (V. Briusov i A. Emel'ianov-Kokhanskii) // Russkaia literatura. 1979. № 1.

17. *Tolstoi L. N.* Poln. sobr. soch.: V 90 t. M., 1937–1953. T. 66, 86.

18. *Trifonov N. A.* Iz dnevnika chitatelia 1920-kh godov // Shestye Tynianovskie chteniia. Tezisy dokladov i materialy dlia obsuzhdeniia. Riga; M., 1992.

19. *Vinokur G. O.* Baratynskii i simvolisty / Publ. i prim. K. Salivetti // Russica Romana. 1994. Vol. 1.

20. *Khodasevich V. F.* Pis'ma k M. A. Tsiavlovskomu / Publ. R. Kh'iuza // Russkaia literatura. 1999. № 2.

Александр Валерьевич Пигин

ведущий научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Aleksandr Valerievich Pigin

Leading Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0002-9306-1421

av-pigin@yandex.ru

ДНЕВНИКИ Л. А. ДМИТРИЕВА И Е. А. МАЙМИНА: АРХЕОГРАФИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ В ЗАОНЕЖЬЕ В 1948 ГОДУ

THE DIARIES OF L. A. DMITRIEV AND E. A. MAIMIN: AN ARCHEOGRAPHIC EXPEDITION TO ZAONEZHYE IN 1948

В научный оборот вводятся новые источники, представляющие интерес для изучения истории российской археографии — дневники Л. А. Дмитриева и Е. А. Маймина, составленные во время поездки за старинными книгами в Заонежье летом 1948 года. В дневниках содержатся ценные сведения о материальной и духовной культуре послевоенного Заонежья, о местных жителях, старообрядцах, владельцах книг, носителях фольклорной традиции. Приобретенные в ходе экспедиции рукописные и печатные книги хранятся в наши дни в Древлехранилище им. В. И. Малышева в ИРЛИ РАН. Публикуемые тексты сопровождаются комментариями.

Ключевые слова: Л. А. Дмитриев, Е. А. Маймин, археография, Заонежье, Древлехранилище имени В. И. Малышева, дневники.

New sources relevant to the study of the history of Russian archeography are published, i. e. the diaries of L. A. Dmitriev and E. A. Maimin that cover the period of their trip to Zaonezhye with the purpose of purchasing old books in the summer of 1948. The diaries contain valuable information on the material and spiritual culture of the post-war Zaonezhye, on local residents, Old Believers, book owners, performers of folk texts. The handwritten and printed books acquired during the expedition are kept today in the V. I. Malyshev Ancient Sources Repository at the IRLI RAS. The published texts are carefully annotated.

Key words: L. A. Dmitriev, E. A. Maimin, archeography, Zaonezhye, V. I. Malyshev Ancient Repository, diaries.

Список литературы

1. *Дмитриев Л. А.* Археографические экспедиции в Заонежский район Карело-Финской ССР // Доклады и сообщения Филологического института Ленинградского государственного университета. Л., 1951. Вып. 3.

2. *Дмитриев Л. А.* Состояние и перспективы изучения книжно-рукописных традиций Заонежья // Рукописное наследие Древней Руси: по материалам Пушкинского Дома. Л., 1972.

3. *Дмитриев Л. А., Копанев А. И.* Археографическая экспедиция в Беломорский, Кемский и Лоухский районы Карельской АССР летом 1959 г. // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1961. Т. 17.

4. *Дмитриев Л. А., Копанев А. И.* Археографическая экспедиция в Мурманскую область и Карельскую АССР летом 1960 г. // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1962. Т. 18.

5. Древнерусские рукописи Пушкинского Дома (обзор фондов) / Сост. В. И. Малышев. М.; Л., 1965.

6. *Зернова А. С.* Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI–XVII веках. Сводный каталог. М., 1958.

7. Из солдатского дневника Л. А. Дмитриева (1939–1942 гг.) // Лев Александрович Дмитриев. Библиография. Творческий путь. Воспоминания. Дневники. Письма. СПб., 1995.

8. Исполнители фольклорных произведений (Заонежье. Карелия) / Изд. подг. Т. С. Курец. Петрозаводск, 2008.

9. Когда поет самовар: Сб. стихов и рассказов / Сост. Л. В. Герасева. СПб., 2022.

10. *Маймин Е. А.* Бунт профессора Аврова / Публ. Е. Е. Дмитриевой-Майминой // Евгений Александрович Маймин и его время: Материалы Междунар. науч. конф. «VIII Майминские чтения». 22–24 октября 2015 г. Псков, 2017.

11. *Маймин Е. А.* Лев Александрович Дмитриев (К 70-летию со дня рождения) // Русская литература. 1991. № 3.

12. *Маймин Е. А.* Лев Александрович Дмитриев // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 1993. Т. 48.

13. *Маймин Е. А.* Памяти друга // Лев Александрович Дмитриев. Библиография. Творческий путь. Воспоминания. Дневники. Письма. СПб., 1995.

14. *Мильчик М. И.* Заонежье. История и культура. Очерки. Фотографии. СПб., 2007.

15. *Набокова И. И.* Коллекция космозерских иконописцев Абрамовых в собрании музея-заповедника «Кижи» // Искусство Евразии [Электронный журнал]. 2022. № 2 (25).

16. *Петтерссон Л.* Иконописная мастерская в Заонежье // Памятники культуры: Новые открытия. Ежегодник 1993. М., 1994.

17. *Пигин А. В.* Об археографической работе В. И. Малышева в Карелии: К истории Карельского собрания Древлехранилища Пушкинского Дома // Литература и история в контексте археографии: Сб. науч. трудов. Новосибирск, 2022.

18. Сводный каталог русской книги кирилловской печати XVIII века / Сост. А. С. Зернова, Т. Н. Каменева. М., 1968.

19. Севернорусские сказки в записях А. И. Никифорова / Изд. подг. В. Я. Пропп. М.; Л., 1961.

20. Сказки Заонежья / Сост. Н. Ф. Онегина. Петрозаводск, 1986.

21. *Харебова Л. С.* Новые биографические материалы о космозерских иконописцах Абрамовых // Кижский вестник. Петрозаводск, 2015. Вып. 15.

22. *Чистов К. В.* Одни и те же боги нас посещали, милый друг // Лев Александрович Дмитриев. Библиография. Творческий путь. Воспоминания. Дневники. Письма. СПб., 1995.

References

1. *Chistov K. V.* Odni i te zhe bogi nas poseshchali, milyi drug // Lev Aleksandrovich Dmitriev. Bibliografiia. Tvorcheskii put'. Vospominaniia. Dnevniki. Pis'ma. SPb., 1995.

2. *Dmitriev L. A.* Arkheograficheskie ekspeditsii v Zaonezhskii raion Karelo-Finskoi SSR // Doklady i soobshcheniia Filologicheskogo instituta Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta. L., 1951. Vyp. 3.

3. *Dmitriev L. A.* Sostoianie i perspektivy izucheniia knizhno-rukopisnykh traditsii Zaonezh'ia // Rukopisnoe nasledie Drevnei Rusi: po materialam Pushkinskogo Doma. L., 1972.

4. *Dmitriev L. A., Kopanev A. I.* Arkheograficheskaia ekspeditsiia v Belomorskii, Kemskii i Loukhskii raiony Karel'skoi ASSR letom 1959 g. // Trudy Otdela drevnerusskoi literatury. M.; L., 1961. T. 17.

5. *Dmitriev L. A., Kopanev A. I.* Arkheograficheskaia ekspeditsiia v Murmanskuiu oblast' i Karel'skuiu ASSR letom 1960 g. // Trudy Otdela drevnerusskoi literatury. M.; L., 1962. T. 18.

6. Drevnerusskie rukopisi Pushkinskogo Doma (obzor fondov) / Sost. V. I. Malyshev. M.; L., 1965.

7. Ispolniteli fol'klornykh proizvedenii (Zaonezh'e. Kareliia) / Izd. podg. T. S. Kurets. Petrozavodsk, 2008.

8. Iz soldatskogo dnevnika L. A. Dmitrieva (1939–1942 gg.) // Lev Aleksandrovich Dmitriev. Bibliografiia. Tvorcheskii put'. Vospominaniia. Dnevniki. Pis'ma. SPb., 1995.

9. *Kharebova L. S.* Novye biograficheskie materialy o kosmozerskikh ikonopistsakh Abramovykh // Kizhskii vestnik. Petrozavodsk, 2015. Vyp. 15.

10. Kogda poet samovar: Sb. stikhov i rasskazov / Sost. L. V. Geraseva. SPb., 2022.

11. *Maimin E. A.* Bunt professora Avrova / Publ. E. E. Dmitrievoi-Maiminoi // Evgenii Aleksandrovich Maimin i ego vremia: Materialy Mezhdunar. nauch. konf. «VIII Maiminskie chteniia». 22–24 oktiabria 2015 g. Pskov, 2017.

12. *Maimin E. A.* Lev Aleksandrovich Dmitriev (K 70-letiiu so dnia rozhdeniia) // Russkaia literatura. 1991. № 3.

13. *Maimin E. A.* Lev Aleksandrovich Dmitriev // Trudy Otdela drevnerusskoi literatury. SPb., 1993. T. 48.

14. *Maimin E. A.* Pamiati druga // Lev Aleksandrovich Dmitriev. Bibliografiia. Tvorcheskii put'. Vospominaniia. Dnevniki. Pis'ma. SPb., 1995.

15. *Mil'chik M. I.* Zaonezh'e. Istoriia i kul'tura. Ocherki. Fotografii. SPb., 2007.

16. *Nabokova I. I.* Kollektsiia kosmozerskikh ikonopistsev Abramovykh v sobranii muzeia-zapovednika «Kizhi» // Iskusstvo Evrazii [Elektronnyi zhurnal]. 2022. № 2 (25).

17. *Pettersson L.* Ikonopisnaia masterskaia v Zaonezh'e // Pamiatniki kul'tury: Novye otkrytiia. Ezhegodnik 1993. M., 1994.

18. *Pigin A. V.* Ob arkheograficheskoi rabote V. I. Malysheva v Karelii: K istorii Karel'skogo sobraniia Drevlekhranilishcha Pushkinskogo Doma // Literatura i istoriia v kontekste arkheografii: Sb. nauch. trudov. Novosibirsk, 2022.

19. Severnorusskie skazki v zapisiakh A. I. Nikiforova / Izd. podg. V. Ia. Propp. M.; L., 1961.

20. Skazki Zaonezh'ia / Sost. N. F. Onegina. Petrozavodsk, 1986.

21. Svodnyi katalog russkoi knigi kirillovskoi pechati XVIII veka / Sost. A. S. Zernova, T. N. Kameneva. M., 1968.

22. *Zernova A. S.* Knigi kirillovskoi pechati, izdannye v Moskve v XVI–XVII vekakh. Svodnyi katalog. M., 1958.

Татьяна Николаевна Галашева

младший научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Tat'iana Nikolaevna Galasheva

Junior Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0002-9516-8513

ta.ni.ma@yandex.ru

ПРЕДАНИЯ О ТРЕХ БРАТЬЯХ И ГЛАВЕ ГЕОРГИЯ УГРИНА В ЖИТИИ ЕФРЕМА НОВОТОРЖСКОГО

THE LEGEND OF THE THREE BROTHERS AND OF THE HEAD OF GEORGE THE HUNGARIAN IN THE *LIFE OF ST. EPHRAIM OF TORZHOK*

Житие Ефрема Новоторжского интересно не только новым обращением к истории Бориса и Глеба, но также включенными в него преданиями о трех братьях-угринах и об отсеченной голове Георгия Угрина. В статье делаются предположения об истоках этих сюжетов, рассматривается движение текста от редакции к редакции; ставятся вопросы об источниках, с которыми работали составители редакций; о методах и целях их работы.

Ключевые слова: Ефрем Новоторжский, Торжок, Борис и Глеб, Моисей Угрин, Георгий Угрин, отсеченная глава, три брата.

The *Life of St. Ephraim of Torzhok* is interesting not only because of the references to the history of Boris and Gleb, but also because of the incorporated legends about the three Hungarian brothers and the severed head of George the Hungarian. The article offers suggestions concerning the origins of these plots, and describes the dynamics of the text in its various versions; the sources of the editors' work, as well as their methods and goals are investigated.

Key words: Ephraim of Torzhok, Torzhok, Boris and Gleb, George the Hungarian, Moses the Hungarian, severed head, three brothers.

Список литературы

1. *Алешковский П. М.* Крепость: Роман. М., 2015.
2. *Андерсен Г. Х.* Снежная королева и другие сказки / Пер. А. В. Ганзен, П. Г. Ганзена. М., 2013.
3. *Артамонов Ю. А., Преображенский А. С.* Георгий Угрин // Православная энциклопедия. М., 2006. Т. 11.
4. *Боккаччо Дж.* Декамерон / Пер. Н. Любимова. М., 2008.
5. *Бродовая Ю. В.* «Усекновение главы св. Иоанна Крестителя» в древнерусском искусстве XV — первой половины XVII веков // Искусство христианского мира: Сб. статей. М., 2004. Вып. 8.
6. *Бугославский С. А.* Текстология Древней Руси. М., 2007. Т. 2. Древнерусские литературные произведения о Борисе и Глебе.
7. *Будовниц И. У.* Повесть о разорении Торжка в 1315 г. // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1960. Т. 16.
8. *Васкул А. И.* Экспедиции к старообрядцам-филипповцам Вятского края 2014–2015 гг. // Кижский вестник. Петрозаводск, 2017. Вып. 17.
9. *Галашева Т. Н.* К истории текста Жития Ефрема Новоторжского // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 2020. Т. 67.
10. Древнерусские патерики: Киево-Печерский патерик. Волоколамский патерик / Подг. Л. А. Ольшевская, С. Н. Травников. М., 1999.
11. *Дьердь Р.* К иконографии Георгия Угрина // Византийский временник. М., 1976. № 37.
12. Житие Ефрема Новоторжского: Из фонда «Редкая книга» Тверского государственного объединенного музея / Вступ. статья, пер. и комм. В. З. Исакова; археограф. описание Г. С. Гадаловой; науч. ред. П. Д. Малыгин. Торжок, 2011.

13. *Ильин Н. Н.* Летописная статья 6523 года и ее источник. М., 1957.

14. *Кавельмахер В. В., Чернышев М. Б.* Древний Борисоглебский собор в Старице. М., 2008.

15. *Кузнецов В. В.* Житие Ефрема Новоторжского как часть народнопоэтической традиции Торжка // Из истории и теории культуры. Труды Филиала ГАСК в г. Твери. Тверь, 2004. Вып. II.

16. *Кузнецов В. В.* Предания Верхневолжья: генезис и жанровые особенности. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2005.

17. *Кузнецов В. В.* Преподобный Моисей Угрин в житии Ефрема Новоторжского // Родная словесность в современном культурном и образовательном пространстве. Тверь, 2021. Вып. 10 (16).

18. *Лебедева И. Н.* Библиотека Петра I. Описание рукописных книг. СПб., 2003.

19. *Легких В.* Венгры среди русских святых: Служба на успение прп. Ефрема Новоторжского // Słowianie w monarchii Habsburgów. Literatura, język, kultura / Red. M. Cistiakova, M. Kuczyńska, Ja. Stradomski. Kraków, 2020.

20. *Лепахин В. В.* Преподобный Моисей Угрин — «второй» или «другой» Иосиф // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 2003. Т. 54.

21. *Малыгин П. Д., Кузнецов В. В.* Житие св. прп. Ефрема Новоторжского — исторический и литературный источник // «Государева дорога» и ее дворцы: Материалы межрегиональной науч. конф. 19–21 ноября 2002 г. Тверь, 2003.

22. *Малыгин П. Д.* К топографии Торжка XII–XIII вв. // История и археология Новгородской земли: Тезисы науч.-практич. конф. Новгород, 1987.

23. *Малыгин П. Д., Салимов А. М., Зайцев А. А.* К изучению плинфы собора Борисоглебского монастыря в Торжке // Архитектурно-археологический семинар: Из истории строительной керамики средневековой Восточной Европы. СПб., 2003.

24. *Михеев С. М.* Золотая гривна Бориса и родовое проклятье Инглингов: к проблеме варяжских источников древнерусских текстов // Славяноведение. 2005. № 2.

25. *Новицкий И. А.* Первый монастырь Руси // Вестник славянских культур. 2017. Т. 45.

26. *Овчинникова Е. С.* Икона «Георгий с отсеченной головой» в собрании Московского исторического музея // Византия. Южные славяне и Древняя Русь. Западная Европа: Сб. статей в честь В. Н. Лазарева. М., 1973.

27. *Плотников (Фудель) Н. С.* Георгий Угрин: Повесть. М., 2000.

28. *Плюханова М. Б.* Сюжеты и символы Московского царства. СПб., 1995.

29. Повесть о разорении Рязани Батыем / Подг. текста, пер., комм. И. А. Лобаковой // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 1997. Т. 5.

30. *Пономарева И. Г.* Конюшие XV в. // Грани русского Средневековья: Сб. статей к 90-летию Ю. Г. Алексеева. М., 2016.

31. *Пропп В. Я.* Эдип в свете фольклора // Пропп В. Я. Фольклор и действительность. М., 1976.

32. *Пучков В. М.* Над вечным покоем // Аркадий Вяземский: По материалам I Аркадьевских чтений. Вязьма, 2010.

33. *Салимов А. М.* Древний собор Борисоглебского монастыря в Торжке // Academia. Архитектура и строительство. 2009. № 3.

34. Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI–XIII вв. М., 1984.

35. *Семячко С. А.* Житие преподобного Иннокентия Комельского. Вологда, 2021.

36. *Сиренов А. В.* Святой князь Владимир как креститель Северо-Восточной Руси: несостоявшееся «место памяти» // «Места памяти» руси конца XV — середины XVIII в. М., 2019.

37. Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка / Сост. Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. Л., 1979.

38. *Стефанович П. С.* Боярство и церковь в домонгольской Руси // Вопросы истории. 2002. № 7.

39. *Сукина Л. Б.* Борисоглебский культ в Переславле-Залесском в XII–XIII вв.: источники и проблемы исследования // История и культура Ростовской земли. Ростов, 2010.

40. Успенский сборник XII–XIII вв. / Изд. подг. О. А. Князевская, В. Г. Демьянов, М. В. Ляпон. М., 1971.

41. *Феринц И.* Моисей Угрин и его братья // Studia Slavica. Academiae scientiarum hungaricae. Budapest, 1993. T. 38. Fasc. 1–2.

42. *Юрганов А. Л.* Отражение политической борьбы в памятнике архитектуры (Борисоглебский собор в Старице) // Генезис и развитие феодализма в России. Проблемы идеологии и культуры: К 80-летию проф. В. В. Мавродина. Л., 1987.

43. *Янин В. Л.* Церковь Бориса и Глеба в Новгородском детинце (о новгородском источнике «Жития Александра Невского») // Янин В. Л. Очерки комплексного источниковедения: Средневековый Новгород. М., 1977.

44. *Янин В. Л., Зализняк А. А., Малыгин П. Д.* Берестяные грамоты из новгородских и новоторжских раскопок 2001 г. // Вопросы языкознания. 2002. № 6.

45. *Thompson S.* Motif-index of folk-literature: A classification of narrative elements in folktales, ballads, myths, fables, mediaeval romances, exempla, fabiaux, jest-books, a. local legends. Bloomington; London, 1966.

46. *Tubach Fr. C.* Index exemplorum. A handbook of medieval religious tales. Helsinki, 1969 (Folklore Fellows Communications; № 204).

References

1. *Aleshkovskii P. M*. Krepost': Roman. M., 2015.
2. *Andersen G. Kh*. Snezhnaia koroleva i drugie skazki / Per. A. V. Ganzen, P. G. Ganzena. M., 2013.
3. *Artamonov Iu. A., Preobrazhenskii A. S*. Georgii Ugrin // Pravoslavnaia entsiklopediia. M., 2006. T. 11.
4. *Bokkachcho Dzh*. Dekameron / Per. N. Liubimova. M., 2008.
5. *Brodovaia Iu. V*. «Useknovenie glavy sv. Ioanna Krestitelia» v drevnerusskom iskusstve XV — pervoi poloviny XVII vekov // Iskusstvo khristianskogo mira: Sb. statei. M., 2004. Vyp. 8.
6. *Budovnits I. U*. Povest' o razorenii Torzhka v 1315 g. // Trudy Otdela drevnerusskoi literatury. M.; L., 1960. T. 16.
7. *Bugoslavskii S. A*. Tekstologiia Drevnei Rusi. M., 2007. T. 2. Drevnerusskie literaturnye proizvedeniia o Borise i Glebe.
8. *D'erd' R*. K ikonografii Georgiia Ugrina // Vizantiiskii vremennik. M., 1976. № 37.
9. Drevnerusskie pateriki: Kievo-Pecherskii paterik. Volokolamskii paterik / Podg. L. A. Ol'shevskaia, S. N. Travnikov. M., 1999.
10. *Ferints I*. Moisei Ugrin i ego brat'ia // Studia Slavica. Academiae scientiarum hungaricae. Budapest, 1993. T. 38. Fasc. 1–2.
11. *Galasheva T. N*. K istorii teksta Zhitiia Efrema Novotorzhskogo // Trudy Otdela drevnerusskoi literatury. SPb., 2020. T. 67.
12. *Ianin V. L*. Tserkov' Borisa i Gleba v Novgorodskom detintse (o novgorodskom istochnike «Zhitiia Aleksandra Nevskogo») // Ianin V. L. Ocherki kompleksnogo istochnikovedeniia: Srednevekovyi Novgorod. M., 1977.
13. *Ianin V. L., Zalizniak A. A., Malygin P. D*. Berestianye gramoty iz novgorodskikh i novotorzhskikh raskopok 2001 g. // Voprosy iazykoznaniia. 2002. № 6.
14. *Il'in N. N*. Letopisnaia stat'ia 6523 goda i ee istochnik. M., 1957.
15. *Iurganov A. L*. Otrazhenie politicheskoi bor'by v pamiatnike arkhitektury (Borisoglebskii sobor v Staritse) // Genezis i razvitie feodalizma v Rossii. Problemy ideologii i kul'tury: K 80-letiiu prof. V. V. Mavrodina. L., 1987.
16. *Kavel'makher V. V., Chernyshev M. B*. Drevnii Borisoglebskii sobor v Staritse. M., 2008.
17. *Kuznetsov V. V*. Predaniia Verkhnevolzh'ia: genezis i zhanrovye osobennosti. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Tver', 2005.
18. *Kuznetsov V. V*. Prepodobnyi Moisei Ugrin v zhitii Efrema Novotorzhskogo // Rodnaia slovesnost' v sovremennom kul'turnom i obrazovatel'nom prostranstve. Tver', 2021. Vyp. 10 (16).
19. *Kuznetsov V. V*. Zhitie Efrema Novotorzhskogo kak chast' narodnopoeticheskoi traditsii Torzhka // Iz istorii i teorii kul'tury. Trudy Filiala GASK v g. Tveri. Tver', 2004. Vyp. II.
20. *Lebedeva I. N*. Biblioteka Petra I. Opisanie rukopisnykh knig. SPb., 2003.
21. *Legkikh V*. Vengry sredi russkikh sviatykh: Sluzhba na uspenie prp. Efrema Novotorzhskogo // Słowianie w monarchii Habsburgów. Literatura, język, kultura / Red. M. Cistiakova, M. Kuczyńska, Ja. Stradomski. Kraków, 2020.
22. *Lepakhin V. V*. Prepodobnyi Moisei Ugrin — «vtoroi» ili «drugoi» Iosif // Trudy Otdela drevnerusskoi literatury. SPb., 2003. T. 54.
23. *Malygin P. D*. K topografii Torzhka XII–XIII vv. // Istoriia i arkheologiia Novgorodskoi zemli: Tezisy nauch.-praktich. konf. Novgorod, 1987.
24. *Malygin P. D., Kuznetsov V. V*. Zhitie sv. prp. Efrema Novotorzhskogo — istoricheskii i literaturnyi istochnik // «Gosudareva doroga» i ee dvortsy: Materialy mezhregional'noi nauch. konf. 19–21 noiabria 2002 g. Tver', 2003.
25. *Malygin P. D., Salimov A. M., Zaitsev A. A*. K izucheniiu plinfy sobora Borisoglebskogo monastyria v Torzhke // Arkhitekturno-arkheologicheskii seminar: Iz istorii stroitel'noi keramiki srednevekovoi Vostochnoi Evropy. SPb., 2003.
26. *Mikheev S. M*. Zolotaia grivna Borisa i rodovoe prokliat'e Inglingov: k probleme variazhskikh istochnikov drevnerusskikh tekstov // Slavianovedenie. 2005. № 2.
27. *Novitskii I. A*. Pervyi monastyr' Rusi // Vestnik slavianskikh kul'tur. 2017. T. 45.
28. *Ovchinnikova E. S*. Ikona «Georgii s otsechennoi golovoi» v sobranii Moskovskogo istoricheskogo muzeia // Vizantiia. Iuzhnye slaviane i Drevniaia Rus'. Zapadnaia Evropa: Sb. statei v chest' V. N. Lazareva. M., 1973.
29. *Pliukhanova M. B*. Siuzhety i simvoly Moskovskogo tsarstva. SPb., 1995.
30. *Plotnikov (Fudel') N. S*. Georgii Ugrin: Povest'. M., 2000.
31. *Ponomareva I. G*. Koniushie XV v. // Grani russkogo Srednevekov'ia: Sb. statei k 90-letiiu Iu. G. Alekseeva. M., 2016.
32. Povest' o razorenii Riazani Batyem / Podg. teksta, per., komm. I. A. Lobakovoi // Biblioteka literatury Drevnei Rusi. SPb., 1997. T. 5.
33. *Propp V. Ia*. Edip v svete fol'klora // Propp V. Ia. Fol'klor i deistvitel'nost'. M., 1976.
34. *Puchkov V. M*. Nad vechnym pokoem // Arkadii Viazemskii: Po materialam I Arkad'evskikh chtenii. Viaz'ma, 2010.
35. *Salimov A. M*. Drevnii sobor Borisoglebskogo monastyria v Torzhke // Academia. Arkhitektura i stroitel'stvo. 2009. № 3.

36. *Semiachko S. A.* Zhitie prepodobnogo Innokentiia Komel'skogo. Vologda, 2021.
37. *Sirenov A. V.* Sviatoi kniaz' Vladimir kak krestitel' Severo-Vostochnoi Rusi: nesostoiavsheesia «mesto pamiati» // «Mesta pamiati» rusi kontsa XV — serediny XVIII v. M., 2019.
38. Sravnitel'nyi ukazatel' siuzhetov. Vostochnoslavianskaia skazka / Sost. L. G. Barag, I. P. Berezovskii, K. P. Kabashnikov, N. V. Novikov. L., 1979.
39. *Stefanovich P. S.* Boiarstvo i tserkov' v domongol'skoi Rusi // Voprosy istorii. 2002. № 7.
40. *Sukina L. B.* Borisoglebskii kul't v Pereslavle-Zalesskom v XII–XIII vv.: istochniki i problemy issledovaniia // Istoriia i kul'tura Rostovskoi zemli. Rostov, 2010.
41. Svodnyi katalog slaviano-russkikh rukopisnykh knig, khraniashchikhsia v SSSR. XI–XIII vv. M., 1984.
42. *Thompson S.* Motif-index of folk-literature: A classification of narrative elements in folktales, ballads, myths, fables, mediaeval romances, exempla, fabiaux, jest-books, a. local legends. Bloomington; London, 1966.
43. *Tubach Fr. C.* Index exemplorum. A handbook of medieval religious tales. Helsinki, 1969 (Folklore Fellows Communications; № 204).
44. Uspenskii sbornik XII–XIII vv. / Izd. podg. O. A. Kniazevskaia, V. G. Dem'ianov, M. V. Liapon. M., 1971.
45. *Vaskul A. I.* Ekspeditsii k staroobriadtsam-filippovtsam Viatskogo kraia 2014–2015 gg. // Kizhskii vestnik. Petrozavodsk, 2017. Vyp. 17.
46. Zhitie Efrema Novotorzhskogo: Iz fonda «Redkaia kniga» Tverskogo gosudarstvennogo ob'edinennogo muzeia / Vstup. stat'ia, per. i komm. V. Z. Isakova; arkheograf. opisanie G. S. Gadalovoi; nauch. red. P. D. Malygin. Torzhok, 2011.

Елена Дмитриевна Кукушкина

старший научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Elena Dmitrievna Kukushkina

Senior Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0002-3972-0238

horaz007@mail.ru

ТЕМА ВОСПИТАНИЯ И ИЗОБРАЖЕНИЕ ДЕТЕЙ В ПРИТЧАХ А. П. СУМАРОКОВА

PARENTING AND IMAGES OF CHILDREN IN A. P. SUMAROKOV'S PARABLES

Педагогические и философские трактаты западноевропейских ученых, появившиеся в России в 1760-е годы в русских переводах, привлекли внимание российского общества к детству как важному этапу формирования личности. Басня, будучи жанром, обращенным к людям разного возраста, приобретает в это время, по мнению русских литераторов, особый воспитательный потенциал. Перелагая басенные сюжеты античных и западноевропейских авторов, персонажами которых были дети, Сумароков переносил события, изображенные в них, на отечественную почву, вносил в изображение детей свои изменения, эмоционально их интерпретировал. В баснях на собственные сюжеты Сумароков рассказал о поведении, чувствах и эмоциях детей в разных ситуациях, об их стремлении к самоутверждению и попытках в критической ситуации постоять за себя. Эти рассказы наполнены авторским присутствием и авторским сочувствием. Своими литературными сочинениями Сумароков способствовал осознанию специфической природы детства и его самостоятельной ценности, а также появлению в России художественной литературы, обращенной к детям и изображающей детей.
Ключевые слова: Эзоп, Лафонтен, Летранж, Дж. Локк, А. П. Сумароков, С. А. Порошин, Л. С. Выготский, притчи, переложения, А. С. Шишков.

Pedagogical and philosophical treatises by Western European scholars made their way to Russia in the 1760s via Russian translations and drew the attention of the Russian society to childhood as an important formative stage of the human self. According to the Russian writers, the fable, as a genre targeting people of all ages, acquired a major educational potential at the time. Re-working the fables

by the Ancient and Western European authors who used children for their characters, Sumarokov replanted the events into the domestic soil, modified the images of children, added emotional interpretation. In the fables based on his own stories, Sumarokov described the behavior, feelings and emotions of children in various situations, their search for self-affirmation and attempts to stand up for themselves in critical situations. The stories are permeated by the author's spirit and empathy. Sumarokov's literary work contributed to the awareness of the specific nature of childhood, its inherent value, and to the emergence of child-oriented and child-depicting fiction in Russia.

Key words: Aesop, Lafontaine, Letrange, J. Locke, A. P. Sumarokov, S. A. Poroshin, L. S. Vygotsky, parables, transcriptions, A. S. Shishkov.

Список литературы

1. *Аникин В. П.* Начало всех начал // Мудрость народная: Жизнь человека в русском фольклоре. [Сб.]: В 10 вып. М., 1991. Вып. 1.

2. Античная басня / Пер. с греч. и лат. М. Гаспарова; сост., предисловие и комм. М. Гаспарова. М., 1991.

3. *Виниус А. А.* Зрелище жития человеческого. В нем же изъявлены суть дивные беседы животных со истинными, к тому приличными, повестми в научение всякого чина и сана человеком. Ныне новопреведено с немецкого языка всем в общую пользу трудолюбием А. А. с. В. в царствующем великом граде Москве в лето от воплощения бога слова 1674 // Эзоп на Руси. Век XVII: Исследование, тексты, комментарии: [Очерк истории басни в России XVII века] Р. Б. Тарковский и Л. Р. Тарковская; [исследование и комм. Р. Б. Тарковского; подг. текста Р. Б. Тарковского и Л. Р. Тарковской]. СПб., 2005.

4. *Выготский Л. С.* Детская психология / Под ред., [с послесловием и комм.] Д. Б. Эльконина // Выготский Л. С. Собр. соч.: В 6 т. М., 1984. Т. 4.

5. *Головин В. В.* Русская колыбельная песня в фольклоре и литературе. Турку, 2000.

6. *Головин В. В., Николаев О. И.* Г. Кампе «Winterlied» — А. С. Шишков. «Николашина похвала зимним утехам» // Детские чтения. 2017. № 2.

7. *Демин А. О.* «Наставление младенцам» А. П. Сумарокова: порядок чтения // Commentarii literarum. Ad honorem viri doctissimi Valentini Colovin / Отв. ред. М. Л. Лурье. СПб., 2020.

8. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. 1738–1757: В 2 кн. СПб., 2021. Кн. 1. Текст / Подг. текста А. Ю. Веселовой, А. Л. Толмачева.

9. *Левин Ю. Д.* Начало 1760 — середина 1780-х годов: Просветительство // История русской переводной художественной литературы. Древняя Русь. XVIII век. СПб., 1995. Т. 1. Проза / Отв. ред. Ю. Д. Левин.

10. Мудрость народная: Жизнь человека в русском фольклоре. [Сб.]: В 10 вып. М., 1991. Вып. 1. Младенчество. Детство / Сост., подг. текста, вступ. статья и комм. В. П. Аникина; под ред. В. П. Аникина.

11. *Николаев С. И.* Кантемир Антиох Дмитриевич // Словарь русских писателей XVIII века. СПб., 1999. Вып. 2. К–П.

12. *Тарковский Р. Б.* «Зрелище жития человеческого» // Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1969. Т. 24. Литература и общественная мысль Древней Руси.

13. *Тарковский Р. Б.* Старшие русские переводы как сюжетные источники притч А. П. Сумарокова // Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1971. Т. 26. Древнерусская литература и русская культура XVIII–XX вв.

References

1. *Anikin V. P.* Nachalo vsekh nachal // Mudrost' narodnaia: Zhizn' cheloveka v russkom fol'klore. [Sb.]: V 10 vyp. M., 1991. Vyp. 1.

2. Antichnaia basnia / Per. s grech. i lat. M. Gasparova; sost., predislovie i komm. M. Gasparova. M., 1991.

3. *Demin A. O.* «Nastavlenie mladentsam» A. P. Sumarokova: poriadok chteniia // Commentarii literarum. Ad honorem viri doctissimi Valentini Colovin / Otv. red. M. L. Lur'e. SPb., 2020.

4. *Golovin V. V.* Russkaia kolybel'naia pesnia v fol'klore i literature. Turku, 2000.

5. *Golovin V. V., Nikolaev O. I.* G. Kampe «Winterlied» — A. S. Shishkov. «Nikolashina pokhvala zimnim utekham» // Detskie chteniia. 2017. № 2.

6. *Levin Iu. D.* Nachalo 1760 — seredina 1780-kh godov: Prosvetitel'stvo // Istoriia russkoi perevodnoi khudozhestvennoi literatury. Drevniaia Rus'. XVIII vek. SPb., 1995. T. 1. Proza / Otv. red. Iu. D. Levin.

7. Mudrost' narodnaia: Zhizn' cheloveka v russkom fol'klore. [Sb.]: V 10 vyp. M., 1991. Vyp. 1. Mladenchestvo. Detstvo / Sost., podg. teksta, vstup. stat'ia i komm. V. P. Anikina; pod red. V. P. Anikina.

8. *Nikolaev S. I.* Kantemir Antiokh Dmitrievich // Slovar' russkikh pisatelei XVIII veka. SPb., 1999. Vyp. 2. K–P.

9. *Tarkovskii R. B.* «Zrelishche zhitiia chelovecheskogo» // Trudy Otdela drevnerusskoi literatury. L., 1969. T. 24. Literatura i obshchestvennaia mysl' Drevnei Rusi.

10. *Tarkovskii R. B.* Starshie russkie perevody kak siuzhetnye istochniki pritch A. P. Sumarokova // Trudy Otdela drevnerusskoi literatury. L., 1971. T. 26. Drevnerusskaia literatura i russkaia kul'tura XVIII–XX vv.

11. *Vinius A. A.* Zrelishche zhitiia chelovecheskogo. V nem zhe iz'iavleny sut' divnye besedy zhivotnykh so istinnymi, k tomu prilichnymi, povestmi v nauchenie vsiakogo china i sana chelovekom. Nyne novoprevedeno s nemetskogo iazyka vsem v obshchuiu pol'zu trudoliubiem A. A. s. V. v tsarstvuiushchem velikom grade Moskve v leto ot voploshcheniia boga slova 1674 // Ezop na Rusi. Vek XVII: Issledovanie, teksty, kommentarii: [Ocherk istorii basni v Rossii XVII veka] R. B. Tarkovskii i L. R. Tarkovskaia; [issledovanie i komm. R. B. Tarkovskogo; podg. teksta R. B. Tarkovskogo i L. R. Tarkovskoi]. SPb., 2005.

12. *Vygotskii L. S.* Detskaia psikhologiia / Pod red., [s poslesloviem i komm.] D. B. El'konina // Vygotskii L. S. Sobr. soch.: V 6 t. M., 1984. T. 4.

13. Zhizn' i prikliucheniia Andreia Bolotova, opisannye samim im dlia svoikh potomkov. 1738–1757: V 2 kn. SPb., 2021. Kn. 1. Tekst / Podg. teksta A. Iu. Veselovoi, A. L. Tolmacheva.

Светлана Вениаминовна Березкина

ведущий научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Svetlana Veniaminovna Berezkina

Leading Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0003-1845-6834

s.berezkina@mail.ru

Нина Львовна Дмитриева

старший научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Nina L'vovna Dmitrieva

Senior Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0003-1925-3721

ninalvovna@mail.ru

О СМЕРТИ АНДРЕЯ ТУРГЕНЕВА ПО НЕОПУБЛИКОВАННЫМ ПИСЬМАМ Д. Н. БЛУДОВА К В. А. ЖУКОВСКОМУ 1803 ГОДА

CONCERNING THE DEATH OF ANDREI TURGENEV; BASED ON UNPUBLISHED LETTERS OF D. N. BLUDOV TO V. A. ZHUKOVSKY, 1803

Публикация двух писем Д. Н. Блудова к В. А. Жуковскому за ноябрь–декабрь 1803 года является новым вкладом в круг источников сведений о смерти Андрея Тургенева (1781–1803), исследованию которых были посвящены работы В. М. Истрина (1910) и А. Л. Зорина (2016). Во вступительной статье к публикации приводятся отрывки из писем Блудова за 1802–1803 годы, которые касаются неизвестных доныне фактов из биографии Андрея Тургенева, а также автора писем и его адресата. Отражения жизни Жуковского в письмах Блудова затрагивают его творческую работу, проясняя историю замысла, связанного с записями о «Макбете» Ж.-Ф. Дюси. Письма Блудова содержат важные сведения о судьбе архива Андрея Тургенева.

Ключевые слова: Д. Н. Блудов, В. А. Жуковский, переписка, Андрей Тургенев, биография, судьба архива Андрея Тургенева.

The publication of the two letters of D. N. Bludov to V. A. Zhukovsky, written in November–December 1803, is an important addition to the plethora of sources concerning the death of Andrei Turgenev (1781–1803), that was formerly researched by V. M. Istrin (1910) and A. L. Zorin (2016). The introductory article contains excerpts from Bludov's 1802–1803 letters, where the hitherto unknown facts from the biography of Andrei Turgenev are outlined and both correspondents are described. Bludov's references to Zhukovsky's life and creative activities help to clarify the history of his endeavor, associated with the notes on *Macbeth* by J. F. Ducie. Besides, Bludov's letters contain important information on the fate of Andrei Turgenev's archive.

Key words: D. N. Bludov, V. A. Zhukovsky, correspondence, Andrei Turgenev, biography, fate of archive of Andrei Turgenev.

Список литературы

1. *Бочков В. Н.* Бошняк Александр Карлович // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. М., 1989. Т. 1.

2. *Вацуро В. Э., Виролайнен М. Н.* Письма Андрея Тургенева к Жуковскому // Жуковский и русская культура. Л., 1987.

3. *Вигель Ф. Ф.* Записки. М., 2000.

4. *Долгих Е. В.* К проблеме менталитета российской административной элиты первой половины XIX века: М. А. Корф, Д. Н. Блудов. М., 2006.

5. *Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М., 1999–2019. Т. 1, 12, 15.

6. *Заборов П. Р.* От классицизма к романтизму // Шекспир и русская культура. М.; Л., 1965.

7. *Зорин А. Л.* Появление героя: Из истории русской эмоциональной культуры конца XVIII — начала XIX века. М., 2016.

8. *Левин Ю. Д.* Шекспир и русская культура. Л., 1988.

9. *Лямина Е. Э.* Родзянко (Родзянка) Семен Емельянович // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. М., 2007. Т. 5.

10. *Майофис М. Л.* Воззвание к Европе: литературное общество «Арзамас» и российский модернизационный проект 1815–1818 годов. М., 2008.

11. *Песков А. М.* Блудов Дмитрий Николаевич // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. М., 1989. Т. 1.

12. *Ружицкая И. В.* Государственный совет при Николае I: особенности функционирования. М.; СПб., 2018.

13. *Ружицкая И. В.* Законодательная деятельность в царствование императора Николая I. М.; СПб., 2015.

14. *Ружицкая И. В.* Просвещенная бюрократия (1800–1860-е гг.). М., 2009.

References

1. *Bochkov V. N.* Boshniak Aleksandr Karlovich // Russkie pisateli. 1800–1917: Biograficheskii slovar'. M., 1989. T. 1.

2. *Dolgikh E. V.* K probleme mentaliteta rossiiskoi administrativnoi elity pervoi poloviny XIX veka: M. A. Korf, D. N. Bludov. M., 2006.

3. *Levin Iu. D.* Shekspir i russkaia kul'tura. L., 1988.

4. *Liamina E. E.* Rodzianko (Rodzianka) Semen Emel'ianovich // Russkie pisateli. 1800–1917: Biograficheskii slovar'. M., 2007. T. 5.

5. *Maiofis M. L.* Vozzvanie k Evrope: literaturnoe obshchestvo «Arzamas» i rossiiskii modernizatsionnyi proekt 1815–1818 godov. M., 2008.

6. *Peskov A. M.* Bludov Dmitrii Nikolaevich // Russkie pisateli. 1800–1917: Biograficheskii slovar'. M., 1989. T. 1.

7. *Ruzhitskaia I. V.* Gosudarstvennyi sovet pri Nikolae I: osobennosti funktsionirovaniia. M.; SPb., 2018.

8. *Ruzhitskaia I. V.* Prosveshchennaia biurokratiia (1800–1860-e gg.). M., 2009.

9. *Ruzhitskaia I. V.* Zakonodatel'naia deiatel'nost' v tsarstvovanie imperatora Nikolaia I. M.; SPb., 2015.

10. *Vatsuro V. E., Virolainen M. N.* Pis'ma Andreia Turgeneva k Zhukovskomu // Zhukovskii i russkaia kul'tura. L., 1987.

11. *Vigel' F. F.* Zapiski. M., 2000.

12. *Zaborov P. R.* Ot klassitsizma k romantizmu // Shekspir i russkaia kul'tura. M.; L., 1965.

13. *Zhukovskii V. A.* Poln. sobr. soch. i pisem: V 20 t. M., 1999–2019. T. 1, 12, 15.

14. *Zorin A. L.* Poiavlenie geroia: Iz istorii russkoi emotsional'noi kul'tury kontsa XVIII — nachala XIX veka. M., 2016.

Михаил Викторович Строганов

ведущий научный сотрудник
Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН

Mikhail Viktorovich Stroganov

Leading Researcher, A. M. Gorky Institute of World Literature,
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0002-7618-7436

mvstroganov@gmail.com

А. С. ГРИБОЕДОВ И М. Н. ЗАГОСКИН, ИЛИ О ПРОБЛЕМЕ ОПИСАНИЯ ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОЦЕССА

A. S. GRIBOYEDOV AND M. N. ZAGOSKIN, OR CHALLENGES OF DESCRIBING LITERARY PROCESS

Автор статьи рассматривает литературный быт не в ракурсе полемики, разворачивающейся между различными сообществами, а в контексте взаимоотношений конкретных людей, с их характерами, симпатиями и ожиданиями. Подробно прослежены литературные и личные контакты А. С. Грибоедова и М. Н. Загоскина, что позволяет иначе представить расстановку сил в литературной жизни начала XIX века.

Ключевые слова: литературный процесс, полемика, А. С. Грибоедов, М. Н. Загоскин.

The article describes literary mores in the context of the relationships of specific personalities, with their own mentalities, preferences and expectations, rather than as the polemics between various communities. The literary and personal contacts of A. S. Griboyedov and M. N. Zagoskin are traced in detail, and this throws new light on the balance of forces in the literary life of the early 19th century.

Key words: literary process, polemic, A. S. Griboyedov, M. N. Zagoskin.

Список литературы

1. «Арзамас». Сборник: В 2 кн. / Под общ. ред. В. Э. Вацуро, А. Л. Осповата. М., 1994. Кн. 2.
2. *Бодрова А. С.* Литературные общества в России первой половины XIX века: проблемы междисциплинарного описания // Русская литература. 2021. № 1.
3. *Гозенпуд А. А.* Пушкин и русский театр десятых годов XIX в. // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1986. Т. XII.
4. *Грибоедов А. С.* Полн. собр. соч.: В 3 т. / Науч. ред. С. А. Фомичев. СПб., 1999. Т. 2, 3.
5. *Загоскин М. Н.* Соч.: В 2 т. М., 1988. Т. 2.
6. *Кошелев В. А.* А. С. Грибоедов и К. Н. Батюшков: К творческой истории комедии «Студент» // А. С. Грибоедов. Материалы к биографии: Сб. науч. тр. / Отв. ред. С. А. Фомичев. Л., 1989.
7. *Мещеряков В. П.* А. С. Грибоедов. Литературное окружение и восприятие (XIX — начало XX в.). Л., 1983.
8. *Степанов Л. А.* Эстетическое и художественное мышление А. С. Грибоедова. Краснодар, 2001.
9. *Фомичев С. А.* К творческой предыстории «Горя от ума» (Комедия «Студент») // От «Слова о полку Игореве» до «Тихого Дона». Л., 1969.
10. *Фомичев С. А.* Грибоедов. Энциклопедия. СПб., 2007.

References

1. «Arzamas». Sbornik: V 2 kn. / Pod obshch. red. V. E. Vatsuro, A. L. Ospovata. M., 1994. Kn. 2.
2. *Bodrova A. S.* Literaturnye obshchestva v Rossii pervoi poloviny XIX veka: problemy mezhdistsiplinarnogo opisaniia // Russkaia literatura. 2021. № 1.
3. *Fomichev S. A.* Griboedov. Entsiklopediia. SPb., 2007.
4. *Fomichev S. A.* K tvorcheskoi predystorii «Goria ot uma» (Komediia «Student») // Ot «Slova o polku Igoreve» do «Tikhogo Dona». L., 1969.
5. *Gozenpud A. A.* Pushkin i russkii teatr desiatykh godov XIX v. // Pushkin: Issledovaniia i materialy. L., 1986. T. XII.

6. *Griboedov A. S.* Poln. sobr. soch.: V 3 t. / Nauch. red. S. A. Fomichev. SPb., 1999. T. 2, 3.
7. *Koshelev V. A.* A. S. Griboedov i K. N. Batiushkov: K tvorcheskoi istorii komedii «Student» // A. S. Griboedov. Materialy k biografii: Sb. nauch. tr. / Otv. red. S. A. Fomichev. L., 1989.
8. *Meshcheriakov V. P.* A. S. Griboedov. Literaturnoe okruzhenie i vospriiatie (XIX — nachalo XX v.). L., 1983.
9. *Stepanov L. A.* Esteticheskoe i khudozhestvennoe myshlenie A. S. Griboedova. Krasnodar, 2001.
10. *Zagoskin M. N.* Soch.: V 2 t. M., 1988. T. 2.

Лю На

преподаватель Тяньцзиньского педагогического университета;
постдоктор Столичного педагогического университета, Китай

Liu Na

Lecturer, Tianjin Normal University;
Postdoctor, Capital Normal University, China

ORCID: 0009-0004-2128-6981

liunasdu@126.com

РОССИЙСКАЯ ДОСТОЕВИСТИКА 1844–2020 ГОДОВ В ЗЕРКАЛЕ БОЛЬШИХ ДАННЫХ

RUSSIAN STUDIES ON DOSTOEVSKY FROM THE PERSPECTIVE OF BIG DATA ANALYSIS (1844–2020)

С развитием информационных технологий цифровые науки актуализируются в области гуманитарных исследований. Соединение анализа данных и гуманитаристики открывает новый путь в академическом изучении истории литературы. В статье предпринята попытка использовать технологию данных для визуализации развития достоевистики в России, представления тематики исследований ученых, изучающих творчество Достоевского. Цель статьи заключается в обобщении истории российской достоевистики, ее закономерностей и методов, в сопоставлении результатов на основе аналитики больших данных.
Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, российская достоевистика, большие данные, Digital Humanities, визуализация.

The development of information technology gradually turned *Digital Humanities* into a new hotspot in the field of humanities research. The combination of data analysis and humanities research, the data-based thinking and presentation of research objects, will open up a new path for the studies in academic history. This article attempts to use data technology to analyze the research documents of Russian studies on Dostoevsky from 1844 to 2020, and to visualize the development track, research topics and research of representative Dostoevsky scholars, so as to comprehensively outline the development process, appearance, characteristics and rules of Dostoevsky studies in Russia, sort and analyze the methods and achievements by big data analysis in Dostoevsky studies.
Key words: F. M. Dostoevsky, Russian studies on Dostoevsky, big data, Digital Humanities, visualization.

Список литературы

1. *Белов С. В.* Ф. М. Достоевский. Указатель произведений Ф. М. Достоевского и литературы о нем на русском языке, 1844–2004 гг. М., 2011.
2. *Блохин В. В.* Н. К. Михайловский и Ф. М. Достоевский (к пониманию проблемы взаимоотношений народа и интеллигенции в пореформенной России) // Вестник Московского гос. областного ун-та. Сер. «История и политические науки». 2021. № 3.
3. *Волгин И. Л.* Архивные материалы о Достоевском на территории России и стран СНГ. Новые документальные разыскания и находки (1957–1996). Краткий обзор // Достоевский в конце XX века / Под ред. К. А. Степаняна. М., 1996.
4. *Лю Бин, Пан Линь.* Исследование качества больших данных в Китае и за рубежом // Вестник данных. 2019. № 2 (刘冰，庞琳，国内外大数据质量研究述评 // 情报学报，2019年第 2期).

5. *Пономарев Е. Р.* Ф. М. Достоевский в советской школе // Достоевский и XX век: научное издание / Под ред. Т. А. Касаткиной. М., 2007. Т. 1.
6. *Степанян К. А.* «С подлинным уважением к гению Достоевского...» Беседа с академиком РАН Г. М. Фридлендером // Достоевский в конце XX века / Под ред. К. А. Степаняна. М., 1996.
7. *Цинь Чанцзан.* Теория и практика построения Граф знаний. Пекин, 2020 (秦长江：知识图谱构建的理论与实践，知识产权出版社，2020).

References

1. *Belov S. V.* F. M. Dostoevskii. Ukazatel' proizvedenii F. M. Dostoevskogo i literatury o nem na russkom iazyke, 1844–2004 gg. M., 2011.
2. *Blokhin V. V.* N. K. Mikhailovskii i F. M. Dostoevskii (k ponimaniiu problemy vzaimootnoshenii naroda i intelligentsii v poreformennoi Rossii) // Vestnik Moskovskogo gos. oblastnogo un-ta. Ser. «Istoriia i politicheskie nauki». 2021. № 3.
3. *Liu Bin, Pan Lin'.* Issledovanie kachestva bol'shikh dannykh v Kitae i za rubezhom // Vestnik dannykh. 2019. № 2 (刘冰，庞琳，国内外大数据质量研究述评 // 情报学报，2019年第 2期).
4. *Ponomarev E. R.* F. M. Dostoevskii v sovetskoi shkole // Dostoevskii i XX vek: nauchnoe izdanie / Pod red. T. A. Kasatkinoi. M., 2007. T. 1.
5. *Stepanian K. A.* «S podlinnym uvazheniem k geniiu Dostoevskogo...» Beseda s akademikom RAN G. M. Fridlenderom // Dostoevskii v kontse XX veka / Pod red. K. A. Stepaniana. M., 1996.
6. *Tsin' Chantszan.* Teoriia i praktika postroeniia Graf znanii. Pekin, 2020 (秦长江：知识图谱构建的理论与实践，知识产权出版社，2020).
7. *Volgin I. L.* Arkhivnye materialy o Dostoevskom na territorii Rossii i stran SNG. Novye dokumental'nye razyskaniia i nakhodki (1957–1996). Kratkii obzor // Dostoevskii v kontse XX veka / Pod red. K. A. Stepaniana. M., 1996.

Александра Владимировна Романова

научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Aleksandra Vladimirovna Romanova

Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0001-8475-4122

alice122@yandex.ru

«ЛИТЕРАТОР МАЙКОВ» (ИЗ КОММЕНТАРИЯ К ПИСЬМАМ И. А. ГОНЧАРОВА 1858–1859 ГОДОВ)

«MAYKOV, A MAN OF LETTERS» (COMMENTING THE LETTERS OF I. A. GONCHAROV, 1858–1859)

Статья посвящена поездке А. Н. Майкова в 1858–1859 годах на корвете «Баян» в Средиземное море в составе организованной великим князем Константином Николаевичем «литературной экспедиции». Целью путешествия было написание очерков, предназначенных для публикации в «Морском сборнике» и ориентировавшихся на описание И. А. Гончаровым подобной поездки на фрегате «Паллада».

Ключевые слова: А. Н. Майков, корвет «Баян», путешествие, И. А. Гончаров, «Фрегат „Паллада“», очерк, письмо.

The article describes A. N. Maykov's voyage on the corvette *Bayan* to the Mediterranean Sea in 1858–1859, that was undertaken as a part of the «literary expedition» organized by Grand Duke Konstantin Nikolayevich. The goal was to write a series of sketches, to be published in the *Marine Collection*; I. A. Goncharov's description of his trip on the frigate *Pallada* was used as a pattern the writers were expected to follow.

Key words: A. N. Maykov, corvette *Bayan*, voyage, I. A. Goncharov, *Frigate* „*Pallada*“, essay, letter.

Список литературы

1. *Вдовин А. В.* Русская этнография 1850-х годов и этос цивилизаторской миссии: случай «литературной экспедиции» морского министерства // Ab imperio. 2014. № 1.
2. *Володина Н. В.* Майковы. СПб., 2003.
3. *Гончаров И. А.* Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. СПб., 2000. Т. 2, 3.
4. *Гончаров И. А.* Собр. соч.: В 8 т. М., 1980. Т. 8.
5. Дневники великого князя Константина Николаевича. 1858–1864. М., 2019 (сер. «Бумаги дома Романовых»).
6. Лит. наследство. 2000. Т. 102. И. А. Гончаров: Новые материалы и исследования.
7. *Майков А. Н.* Письма / Публ. И. Г. Ямпольского // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1975 год. Л., 1977.
8. Общий морской список. СПб., 2003. Ч. 14. Царствование Александра II. Д–И.
9. Письма к А. В. Дружинину. М., 1948.
10. Русские писатели 1800–1917. М., 1994. Т. 3.
11. *Шевырев А. П.* Во главе «константиновцев»: Великий Князь и А. В. Головнин // Александр Второй: трагедия реформатора. СПб., 2012.

References

1. Dnevniki velikogo kniazia Konstantina Nikolaevicha. 1858–1864. M., 2019 (ser. «Bumagi doma Romanovykh»).
2. *Goncharov I. A.* Poln. sobr. soch. i pisem: V 20 t. SPb., 2000. T. 2, 3.
3. *Goncharov I. A.* Sobr. soch.: V 8 t. M., 1980. T. 8.
4. Lit. nasledstvo. 2000. T. 102. I. A. Goncharov: Novye materialy i issledovaniia.
5. *Maikov A. N.* Pis'ma / Publ. I. G. Iampol'skogo // Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 1975 god. L., 1977.
6. Obshchii morskoi spisok. SPb., 2003. Ch. 14. Tsarstvovanie Aleksandra II. D–I.
7. Pis'ma k A. V. Druzhininu. M., 1948.
8. Russkie pisateli 1800–1917. M., 1994. T. 3.
9. *Shevyrev A. P.* Vo glave «konstantinovtsev»: Velikii Kniaz' i A. V. Golovnin // Aleksandr Vtoroi: tragediia reformatora. SPb., 2012.
10. *Vdovin A. V.* Russkaia etnografiia 1850-kh godov i etos tsivilizatorskoi missii: sluchai «literaturnoi ekspeditsii» morskogo ministerstva // Ab imperio. 2014. № 1.
11. *Volodina N. V.* Maikovy. SPb., 2003.

Наталья Петровна Генералова

ведущий научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Natalja Petrovna Generalova

Leading Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0003-3427-5590

generalovanatalia@gmail.com

Валентина Александровна Лукина

старший научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Valentina Aleksandrovna Lukina

Senior Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0002-9085-1065

valentina_step@hotmail.com

ЛУИ ДЬЕМЕР — КОРРЕСПОНДЕНТ И. С. ТУРГЕНЕВА (К ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРНО-МУЗЫКАЛЬНЫХ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫХ КОНЦЕРТОВ В ПАРИЖЕ)

LOUIS DIÉMER AS A CORRESPONDENT OF I. S. TURGENEV (TOWARDS THE HISTORY OF LITERARY AND MUSICAL BENEFIT CONCERTS IN PARIS)

Статья посвящена малоизученной истории благотворительных литературно-музыкальных концертов в Париже, активную роль в организации которых принимал И. С. Тургенев. Он же был непосредственным участником этих концертов, как и Полина Виардо и многие другие исполнители. Публикуемое впервые письмо Тургенева к известному французскому пианисту и композитору Луи Дьемеру, хранящееся в Рукописном отделе Пушкинского Дома, позволяет уточнить не только дату одного из музыкальных собраний, но и состав исполнителей, среди которых, очевидно, был корреспондент Тургенева. Письмо к Дьемеру также значительно расширяет наши представления о связях Тургенева с музыкальным миром Парижа и вносит немало уточнений в Летопись его жизни и творчества.

Ключевые слова: И. С. Тургенев, Луи Дьемер, литературно-музыкальные утра, Н. Г. Рубинштейн, П. Л. Лавров, Г. А. Лопатин.

The article concentrates on the little-known aspects of the history of literary and musical matinées held in Paris by I. S. Turgenev, and explores his active contribution to them. The writer is known to have taken part in the benefit concerts together with Pauline Viardot and numerous other performers. Turgenev's letter to the celebrated French pianist and composer Louis Diémer, kept at the Manuscript Department of Pushkinskij Dom, is introduced here for the first time. This newly published letter makes it possible to date one of the matinées, as well as to reproduce the list of the performers. The letter also traces Turgenev's links with the Parisian musical world and adds a number of corrections to the Chronicle of Ivan Turgenev's life and literary career.

Key words: I. S. Turgenev, Louis Diémer, literary and musical matinées, N. G. Rubinstein, P. L. Lavrov, G. A. Lopatin.

Список литературы

1. *Герашко Л. В.*, *Лукина В. А.* 200-летний юбилей И. С. Тургенева в Пушкинском Доме // Тургеневский ежегодник 2018–2019 года / Сост. и ред. Л. В. Дмитрюхина, Л. А. Балыкова. Орел, 2019.

2. Из собрания Российского государственного архива литературы и искусства / Сост., подг. текстов, комм. Е. В. Бронникова, Т. Л. Латыпова, Е. Ю. Филькина. М., 2018.

3. *Крюков А. Н.* Тургенев и музыка: Музыкальные страницы жизни и творчества писателя. Л., 1963.

4. *Кузьмина Л. И.* Тургенев и «Русская касса взаимного вспоможения в Париже» // Тургеневский сборник: Материалы к Полному собранию сочинений и писем И. С. Тургенева. Л., 1967. Вып. 3.

5. Лавров. Годы эмиграции: Архивные материалы: В 2 т. / Отобрал, снабдил прим. и вступ. очерком Б. Сапир. Dordrecht; Boston, [1974]. Т. 1. Лавров и Лопатин (Переписка 1870–1883).

6. Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева (1876–1883) / Авт.-сост. Н. Н. Мостовская. СПб., 2003.

7. Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева (1859–1862) / Авт.-сост. Н. П. Генералова, С. А. Ипатова, В. А. Лукина. СПб., 2018.

8. Лит. наследство. 1964. Т. 73. Кн. 2.

9. Лит. наследство. 1967. Т. 76.

10. *Олсуфьев Д. А.* Тургенев (Воспоминания и заметки) / Публ. Р. М. Алексиной // Спасский вестник. [Орел], 1993. Вып. 2.

11. *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма: В 18 т. М., 2018. Т. 15. Кн. 2; Т. 16. Кн. 1, 2.

12. *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Соч.: В 12 т. М., 2018. Т. 2, 12.

13. *Waddington P.* More material by and concerning Turgenev // New Zealand Slavonic Journal. 1985. P. 47–80.

References

1. *Gerashko L. V., Lukina V. A.* 200-letnii iubilei I. S. Turgeneva v Pushkinskom Dome // Turgenevskii ezhegodnik 2018–2019 goda / Sost. i red. L. V. Dmitriukhina, L. A. Balykova. Orel, 2019.

2. Iz sobraniia Rossiiskogo gosudarstvennogo arkhiva literatury i iskusstva / Sost., podg. tekstov, komm. E. V. Bronnikova, T. L. Latypova, E. Iu. Fil'kina. M., 2018.

3. *Kriukov A. N.* Turgenev i muzyka: Muzykal'nye stranitsy zhizni i tvorchestva pisatelia. L., 1963.
4. *Kuz'mina L. I.* Turgenev i «Russkaia kassa vzaimnogo vspomozheniia v Parizhe» // Turgenevskii sbornik: Materialy k Polnomu sobraniiu sochinenii i pisem I. S. Turgeneva. L., 1967. Vyp. 3.
5. Lavrov. Gody emigratsii: Arkhivnye materialy: V 2 t. / Otobral, snabdil prim. i vstup. ocherkom B. Sapir. Dordrecht; Boston, [1974]. T. 1. Lavrov i Lopatin (Perepiska 1870–1883).
6. Letopis' zhizni i tvorchestva I. S. Turgeneva (1859–1862) / Avt.-sost. N. P. Generalova, S. A. Ipatova, V. A. Lukina. SPb., 2018.
7. Letopis' zhizni i tvorchestva I. S. Turgeneva (1876–1883) / Avt.-sost. N. N. Mostovskaia. SPb., 2003.
8. Lit. nasledstvo. 1964. T. 73. Kn. 2.
9. Lit. nasledstvo. 1967. T. 76.
10. *Olsuf'ev D. A.* Turgenev (Vospominaniia i zametki) / Publ. R. M. Aleksinoi // Spasskii vestnik. [Orel], 1993. Vyp. 2.
11. *Turgenev I. S.* Poln. sobr. soch. i pisem: V 30 t. Pis'ma: V 18 t. M., 2018. T. 15. Kn. 2; T. 16. Kn. 1, 2.
12. *Turgenev I. S.* Poln. sobr. soch. i pisem: V 30 t. Soch.: V 12 t. M., 2018. T. 2, 12.
13. *Waddington P.* More material by and concerning Turgenev // New Zealand Slavonic Journal. 1985. P. 47–80.

Елена Ивановна Гончарова

старший научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Elena Ivanovna Goncharova

Senior Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0003-1441-7037

el-goncharova@yandex.ru

НЕИЗВЕСТНЫЕ РЕЦЕНЗИИ В. В. РОЗАНОВА (ПО МАТЕРИАЛАМ АРХИВА П. П. ПЕРЦОВА)

UNKNOWN REVIEWS BY V. V. ROZANOV (BASED ON THE DATA FROM P. P. PERTSOV ARCHIVES)

В статье подробно освещена история появления в 1899 году «второго» издания подготовленного П. П. Перцовым сборника статей «Философские течения русской поэзии» (первое издание — 1896) в результате попыток обратить на книгу внимание публики и распродать отпечатанный тираж. Рассматривается история создания двух неопубликованных ранее рецензий В. В. Розанова, написанных по просьбе составителя.
Ключевые слова: В. В. Розанов, П. П. Перцов, «Философские течения русской поэзии», рецензия.

The article details the history of the publication, in 1899, of the «second» edition of the collection of articles *Philosophical Currents of Russian Poetry* prepared by P. P. Pertsov (the first edition was published in 1896), which emerged as the result of the attempts to draw the attention of the readers to the book and sell out the printed copies. The article analyzes the history of the two unpublished reviews by V. V. Rozanov, written at the request of the compiler.
Key words: V. V. Rozanov, P. P. Pertsov, *Philosophical Currents of Russian Poetry*, review.

Список литературы

1. *Крылов В. Н.* «Философские течения русской поэзии» П. П. Перцова как модель религиозно-философского истолкования русской классики в Серебряном веке // Филология и культура. 2013. № 2 (32).
2. Переписка В. В. Розанова и П. П. Перцова (1896–1918): В 2 т. / Вступ. статья Е. И. Гончаровой; сост., подг. текстов и комм. Е. И. Гончаровой и О. Л. Фетисенко. СПб., 2022. Т. 1.

3. Переписка П. П. Перцова и Б. В. Никольского (1896–1900). Часть 1 / Подг. текста и прим. О. Л. Фетисенко // Соловьевские исследования. 2020. № 2 (66).
4. Переписка П. П. Перцова и Б. В. Никольского (1896–1900). Часть 4 / Подг. текста и прим. О. Л. Фетисенко // Соловьевские исследования. 2021. № 1 (69).
5. *Перцов П. П.* Литературные воспоминания 1890–1902 гг. / Вступ. статья, подг. текста и комм. А. В. Лаврова. М., 2022.
6. *Розанов В. В.* Юдаизм. М.; СПб., 2009 (*Розанов В. В.* Собр. соч. [Т. 27]).

References

1. *Krylov V. N.* «Filosofskie techeniia russkoi poezii» P. P. Pertsova kak model' religiozno-filosofskogo istolkovaniia russkoi klassiki v Serebrianom veke // Filologiia i kul'tura. 2013. № 2 (32).
2. Perepiska P. P. Pertsova i B. V. Nikol'skogo (1896–1900). Chast' 1 / Podg. teksta i prim. O. L. Fetisenko // Solov'evskie issledovaniia. 2020. № 2 (66).
3. Perepiska P. P. Pertsova i B. V. Nikol'skogo (1896–1900). Chast' 4 / Podg. teksta i prim. O. L. Fetisenko // Solov'evskie issledovaniia. 2021. № 1 (69).
4. Perepiska V. V. Rozanova i P. P. Pertsova (1896–1918): V 2 t. / Vstup. stat'ia E. I. Goncharovoi; sost., podg. tekstov i komm. E. I. Goncharovoi i O. L. Fetisenko. SPb., 2022. T. 1.
5. *Pertsov P. P.* Literaturnye vospominaniia 1890–1902 gg. / Vstup. stat'ia, podg. teksta i komm. A. V. Lavrova. M., 2022.
6. *Rozanov V. V.* Iudaizm. M.; SPb., 2009 (*Rozanov V. V.* Sobr. soch. [T. 27]).

Александр Сергеевич Александров

старший научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Aleksandr Sergeevich Aleksandrov

Senior Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0001-8611-6490

aspiros.83@mail.ru

«ИДТИ ПО САМОМУ КРАЮ ЦЕНЗУРНОГО ОБРЫВА...»: А. В. АМФИТЕАТРОВ В ГАЗЕТЕ «РУССКАЯ ВОЛЯ» (ПИСЬМО А. В. АМФИТЕАТРОВА К М. М. ГАККЕБУШУ (ГОРЕЛОВУ) ОТ 27 СЕНТЯБРЯ 1916 ГОДА)

«TO WALK ON THE VERY EDGE OF THE CENSORSHIP CLIFF...» A.V. AMFITEATROV IN THE NEWSPAPER *RUSSKAIA VOLIA* (A. V. AMFITEATROV'S LETTER TO M. M. GAKKEBUSH (GORELOV), SEPTEMBER 27, 1916)

Работа посвящена яркому этапу биографии известного журналиста и публициста А. В. Амфитеатрова — периоду соредакторства (вместе М. Гаккебушем (Гореловым) и Л. Андреевым) с середины декабря 1916 года новоорганизованной газеты «Русская воля». В работе с привлечением архивных материалов реконструируется этап подготовки газеты к выпуску, процесс привлечения новых сотрудников, выработка идеологической платформы, прослежена роль Амфитеатрова в этих процессах; рассмотрены его публикации и их рецепция современниками. В приложении к статье публикуется письмо Амфитеатрова к М. М. Гаккебушу с изложением его взглядов на будущее издание.

Ключевые слова: А. В. Амфитеатров, М. М. Гаккебуш, Г. В. Плеханов, «Русская воля», фельетон, цензура, скандал.

The work is devoted to a bright stage in the biography of the famous journalist and publicist A. V. Amfiteatrov — the period of co-editing (together with M. Gakkebush (Gorelov) and L. Andreev) from mid-December 1916 of the newly founded newspaper *Russkaia Volia*. Involving the archival data, the article analyzes the stage of preparing the newspaper for publication, the process of

attracting new employees, the development of an ideological platform; the role of Amfiteatrov in these processes is traced; his publications and their reception by contemporaries are considered. Amfiteatrov's letter to M. M. Gakkebush is published in the appendix to the article, outlining his views on the future edition.

Key words: A. V. Amfiteatrov, M. M. Gakkebush, G. V. Plekhanov, *Russkaia Volia*, feuilleton, censorship, scandal.

Список литературы

1. *Амфитеатров А. В.* Жизнь человека, неудобного для себя и для многих: В 2 т. / Вступ. статья, сост., подг. текста и комм. А. И. Рейтблата. М., 2004. Т. 1.

2. *Амфитеатров А. В.* Публицистика 1917–1918 годов / Вступ. статья А. С. Александрова; сост., подг. текста и прим. А. С. Александрова, Э. К. Александровой. СПб., 2022.

3. *Белявский А. Д.* Г. В. Плеханов, «Призыв» и газета «Русская воля» // Учен. зап. Горьковского гос. ун-та. 1967. Сер. историческая. Вып. 85.

4. *Букчин С.* Взлет и крах газеты «Россия» // Букчин С. Влас Дорошевич: Судьба фельетониста. М., 2010.

5. *Горький М.* Полн. собр. соч. и писем. Письма: В 24 т. М., 2006. Т. 12.

6. *Коростелев С. Г.* Журнал «Летопись» (1915–1917) и газета «Новая жизнь» (1917–1918) в историко-культурном контексте. СПб., 2015.

7. *Майер Л.* «Русская воля» и «Луч»: А. Д. Протопопов и Максим Горький в борьбе за буржуазную общественность накануне Февральской революции // Отечественная история. 1996. № 1.

8. «Необходимо противопоставить революционной фразеологии революционное мировоззрение...»: Из переписки А. И. Любимова и Г. В. Плеханова. 1914–1918 гг. / Публ. Т. И. Филимоновой // Исторический архив. 1998. № 3.

9. Переписка [М. Горького] с А. В. Амфитеатровым / Вступ. статья Н. И. Дикушиной; публ. и комм. Ф. М. Иоффе, А. Е. Погосовой [и др.] // Лит. наследство. 1988. Т. 95. Горький и русская журналистика начала XX века: Неизданная переписка.

10. Переписка Л. Н. Андреева и И. И. Ясинского / Вступ. статья, подг. текста и комм. А. С. Александрова // Русская литература. 2021. № 3.

11. *Спивак М. Л.* Последний царский министр внутренних дел А. Д. Протопопов в политической публицистике А. А. Блока и его современников // Вестник РГГУ. Сер. «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2016. № 8 (17).

12. *Ясинский И. И.* Роман моей жизни: Книга воспоминаний: В 2 т. / Сост. Т. В. Мисникевич и Л. Л. Пильд. М., 2010. Т. 1.

13. *Baron Samuel H.* Plekhanov in War and Revolution, 1914–17 // International Review of Social History. 1981. Vol. 26. Part 3.

References

1. *Amfiteatrov A. V.* Publitsistika 1917–1918 godov / Vstup. stat'ia A. S. Aleksandrova; sost., podg. teksta i prim. A. S. Aleksandrova, E. K. Aleksandrovoi. SPb., 2022.

2. *Amfiteatrov A. V.* Zhizn' cheloveka, neudobnogo dlia sebia i dlia mnogikh: V 2 t. / Vstup. stat'ia, sost., podg. teksta i komm. A. I. Reitblata. M., 2004. T. 1.

3. *Baron Samuel H.* Plekhanov in War and Revolution, 1914–17 // International Review of Social History. 1981. Vol. 26. Part 3.

4. *Beliavskii A. D.* G. V. Plekhanov, «Prizyv» i gazeta «Russkaia volia» // Uchen. zap. Gor'kovskogo gos. un-ta. 1967. Ser. istoricheskaia. Vyp. 85.

5. *Bukchin S.* Vzlet i krakh gazety «Rossiia» // Bukchin S. Vlas Doroshevich: Sud'ba fel'etonista. M., 2010.

6. *Gor'kii M.* Poln. sobr. soch. i pisem. Pis'ma: V 24 t. M., 2006. T. 12.

7. *Iasinskii I. I.* Roman moei zhizni: Kniga vospominanii: V 2 t. / Sost. T. V. Misnikevich i L. L. Pil'd. M., 2010. T. 1.

8. *Korostelev S. G.* Zhurnal «Letopis'» (1915–1917) i gazeta «Novaia zhizn'» (1917–1918) v istoriko-kul'turnom kontekste. SPb., 2015.

9. *Maier L.* «Russkaia volia» i «Luch»: A. D. Protopopov i Maksim Gor'kii v bor'be za burzhuaznuiu obshchestvennost' nakanune Fevral'skoi revoliutsii // Otechestvennaia istoriia. 1996. № 1.

10. «Neobkhodimo protivopostavit' revoliutsionnoi frazeologii revoliutsionnoe mirovozzrenie...»: Iz perepiski A. I. Liubimova i G. V. Plekhanova. 1914–1918 gg. / Publ. T. I. Filimonovoi // Istoricheskii arkhiv. 1998. № 3.

11. Perepiska [M. Gor'kogo] s A. V. Amfiteatrovym / Vstup. stat'ia N. I. Dikushinoi; publ. i komm. F. M. Ioffe, A. E. Pogosovoi [i dr.] // Lit. nasledstvo. 1988. T. 95. Gor'kii i russkaia zhurnalistika nachala XX veka: Neizdannaia perepiska.

12. Perepiska L. N. Andreeva i I. I. Iasinskogo / Vstup. stat'ia, podg. teksta i komm. A. S. Aleksandrova // Russkaia literatura. 2021. № 3.

13. *Spivak M. L.* Poslednii tsarskii ministr vnutrennikh del A. D. Protopopov v politicheskoi publitsistike A. A. Bloka i ego sovremennikov // Vestnik RGGU. Ser. «Istoriia. Filologiia. Kul'turologiia. Vostokovedenie». 2016. № 8 (17).

Анфиса Даниловна Савина

старший научный сотрудник
Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН

Anfisa Danilovna Savina

Senior Researcher, A. M. Gorky Institute of World Literature,
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0002-8081-5159

anfisa.savina@yandex.ru

Яков Дмитриевич Чечнёв

старший научный сотрудник
Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН

Iakov Dmitrievich Chechnev

Senior Researcher, A. M. Gorky Institute of World Literature,
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0001-9439-0430

ya.d.chechnev@yandex.ru

ЗАСЕДАНИЕ ПАМЯТИ А. А. БЛОКА ВО «ВСЕМИРНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ» 26 АВГУСТА 1921 ГОДА

THE MEETING IN MEMORIAM OF A. A. BLOK AT THE *VSEMIRNAYA LITERATURA* PUBLISHING HOUSE, AUGUST 26, 1921

В статье рассматривается заседание памяти А. А. Блока, состоявшееся 26 августа 1921 года в издательстве «Всемирная литература», с которым поэт сотрудничал в последние годы жизни. Публикуемая в Приложении стенограмма включает в себя выступления членов редакционной коллегии (Е. М. Браудо, А. Л. Волынского, Н. О. Лернера, М. Л. Лозинского), поэтов, в разной степени связанных и с издательством, и с Блоком (Вл. Пяста, В. А. Зоргенфрея, В. А. Рождественского) и книгоиздателя С. М. Алянского. Документ позволяет восстановить содержание речей, ранее известных только в пересказе современников.

Ключевые слова: А. А. Блок, А. Л. Волынский, Е. М. Браудо, Н. О. Лернер, М. Л. Лозинский, С. М. Алянский, В. А. Зоргенфрей, Вл. Пяст, В. А. Рождественский, «Всемирная литература», поэма «Двенадцать».

The article describes the meeting at the *Vsemirnaya Literatura* publishing house commemorating A. A. Blok. It took place on August 26, 1921. The transcript of the meeting is attached. It includes speeches by the members of the editorial board (E. M. Braudo, A. L. Volynsky, N. O. Lerner, M. L. Lozinsky), poets associated with the publishing house and with Blok (Vl. Piast, V. A. Sorgenfrei, V. A. Rozhdestvensky) and a book publisher S. M. Alyansky. The document allows to restore the content of speeches, previously known only in the rendition of the contemporaries.

Key words: A. A. Blok, A. L. Volynsky, E. M. Braudo, N. O. Lerner, M. L. Lozinsky, S. M. Alyansky, V. A. Zorgenfrey, Vl. Piast, V. A. Rozhdestvensky, *Vsemirnaya Literatura* publishing house, poem *The Twelve*.

Список литературы

1. Александр Блок в дневнике Е. П. Иванова (1903–1941) / Подг. текста, вступ. статья и комм. О. Л. Фетисенко // Александр Блок: Исследования и материалы. СПб., 2011. Т. 4.

2. Александр Блок и Евгений Иванов: В 2 кн. / Отв. ред., сост., вступ. статья, подг. текста и комм. О. Л. Фетисенко. СПб., 2017.

3. Андрей Белый и Александр Блок. Переписка. 1903–1919 / Публ., предисловия и комм. А. В. Лаврова. М., 2001.

4. *Бакунцев А. В.* «В газетах — Блок, Блок, Блок...»: Отклик И. А. Бунина на смерть А. А. Блока // Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика. 2015. № 3.

5. *Баньковская М. В.* Друзья и недруги Ляо Чжая // Пу Сун-лин. Странные истории из Кабинета Неудачника (Ляо Чжай чжи и). СПб., 2000.

6. *Бекетова М. А.* Александр Блок. Биографический очерк // Бекетова М. А. Воспоминания об Александре Блоке / Сост. В. П. Енишерлова и С. С. Лесневского; послесловие А. В. Лаврова; прим. Н. А. Богомолова. М., 1990.

7. *Белобровцева И. З.* Об одном некрологе Александру Блоку // Литературный факт. 2017. № 5.

8. *Белов С. В.* Блок и первые послереволюционные издательства («М. и С. Сабашниковы», «Алконост») // Лит. наследство. 1987. Т. 92. Александр Блок. Новые материалы и исследования: В 5 кн. Кн. 4.

9. *Блок А. А.* Записные книжки. 1901–1920 / Сост., подг. текста, предисловие и прим. В. Н. Орлова. М., 1965.

10. *Блок А. А.* Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М., 1997–1999. Т. 3, 5.

11. *Блок А.* Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1963. Т. 7, 8.

12. Блок в критике современников (аннотированная библиографическая хроника 1902–1921) / Сост. В. И. Якубович при участии Н. Г. Захаренко, В. В. Серебряковой, Л. С. Шепелевой // Лит. наследство. 1993. Т. 92. Александр Блок. Новые материалы и исследования: В 5 кн. Кн. 5.

13. Блок в неизданной переписке и дневниках современников / Публ. Н. В. Котрелева и Р. Д. Тименчика // Лит. наследство. 1982. Т. 92. Александр Блок. Новые материалы и исследования: В 5 кн. Кн. 3.

14. Блок и Союз поэтов. I. Блок в архиве Вс. А. Рождественского / Предисловие и публ. М. В. Рождественской; комм. Р. Д. Тименчика // Лит. наследство. 1987. Т. 92. Александр Блок. Новые материалы и исследования: В 5 кн. Кн. 4.

15. Блок и Союз поэтов. II. Отзывы, сохранившиеся в других архивах / Публ. Р. Д. Тименчика // Лит. наследство. 1987. Т. 92. Александр Блок. Новые материалы и исследования: В 5 кн. Кн. 4.

16. Блок и Чулков были знакомы с 1904 года. Об истории их непростых взаимоотношений см.: Переписка Г. И. Чулкова с Блоком / Вступ. статья, публ. и комм. А. В. Лаврова // Лит. наследство. 1987. Т. 92. Александр Блок. Новые материалы и исследования: В 5 кн. Кн. 4.

17. *Боцяновский В. Ф.* Трагедия Блока / Публ., предисловие и прим. А. С. Александрова // Александр Блок: Исследования и материалы. СПб., 2016. [Т. 5].

18. *Васильева И. М.* Из архива В. А. Зоргенфрея // Лит. наследство. 1987. Т. 92. Александр Блок. Новые материалы и исследования: В 5 кн. Кн. 4.

19. *Виноградов И. А.* Летопись жизни и творчества Н. В. Гоголя (1809–1852). Научное издание: В 7 т. М., 2018. Т. 7. 1851–1852.

20. *Галушкин А. Ю.* «...Кто забудет Блокову кровь?» Неизвестный некролог Б. Пильняка // Блоковский сборник XVI: Александр Блок и русская литература первой половины XX века. Тарту, 2003.

21. *Гаспаров М. Л.* Неизвестные русские переводы байроновского «Дон Жуана» // Великий романтик: Байрон и мировая литература. М., 1991.

22. *Голлербах Э.* Встречи и впечатления / Сост., подг. текста и комм. Е. Голлербаха. СПб., 1998.

23. *Гречишкин С. С., Лавров А. В.* Александр Блок в «Пантеоне» и «Всемирной литературе»: письма к З. И. Гржебину и П. О. Морозову // Гречишкин С. С., Лавров А. В. Символисты вблизи: Статьи и публикации. СПб., 2004.

24. *Гречишкин С. С., Лавров А. В.* Из эпистолярного наследия Александра Блока. Письма к В. А. Зоргенфрею // Гречишкин С. С., Лавров А. В. Символисты вблизи: Статьи и публикации. СПб., 2004.

25. Дарственные надписи Блока на книгах и фотографиях / Материалы собр. Н. П. Ильиным и А. Е. Парнисом; вступ. статья и публ. В. Я. Мордерер и А. Е. Парниса; комм. Ю. М. Гельперина, В. Я. Мордерер, А. Е. Парниса, Р. Д. Тименчика // Лит. наследство. 1982. Т. 92. Александр Блок. Новые материалы и исследования: В 5 кн. Кн. 3.

26. *Дворникова Л. Я.* Заграничная печать о смерти Блока (К неосуществленному замыслу А. М. Ремизова) // Александр Блок: Исследования и материалы. СПб., 2016. [Т. 5].

27. *Дикушина Н. И.* Из материалов Архива А. М. Горького // Лит. наследство. 1987. Т. 92. Александр Блок. Новые материалы и исследования: В 5 кн. Кн. 4.

28. *Долинина А. А.* Легендарная «Всемирная» // Долинина А. А. Невольник долга: биография И. Ю. Крачковского. СПб., 1994.

29. *Жуховицкая Л. Г.* Неизвестное письмо А. И. Браудо к М. Горькому об аресте М. Л. Лозинского в августе 1921 года // Русская литература. 2023. № 1.

30. *Иванова Е. В.* Александр Блок: последние годы жизни. СПб.; М., 2012.

31. *Иванова Е. В., Жуховицкая Л. Г.* Письма Б. П. Сильверсвана М. Горькому (по материалам Архива А. М. Горького ИМЛИ РАН) // Учен. зап. Новгородского гос. ун-та. 2022. № 6 (45).

32. *Книпович Е. Ф.* Об Александре Блоке: Воспоминания. Дневники. Комментарии. М., 1987.

33. *Котельников В. А.* Русский Агасфер: Аким Волынский как мыслитель и критик культуры. СПб., 2023.

34. *Крусанов А. В.* Русский авангард, 1907–1932. Исторический обзор: В 3 т. М., 2003. Т. 2. Кн. 1. Футуристическая революция, 1917–1921.

35. *Кукушкина Т. А.* Всероссийский Союз писателей (Петроградское отделение). Период становления. 1920–1923 гг. Дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2008.

36. *Кукушкина Т. А.* Всероссийский союз поэтов. Ленинградское отделение (1924–1929). Обзор деятельности // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2003–2004 годы. СПб., 2007.

37. *Лавров А. В.* «Романтика поминовения». Андрей Белый о Блоке // Андрей Белый о Блоке: Воспоминания. Статьи. Дневники. Речи / [Вступ. статья, сост., подг. текста и комм. А. В. Лаврова]. М., 1997.

38. *Ланда Е. В.* Мелодия книги: Александр Блок — редактор. М., 1982.

39. Литературная жизнь России 1920-х годов. События. Отзывы современников. Библиография. М., 2006. Т. 1. Ч. 2. Москва и Петроград. 1921–1922 гг.

40. *Любимова М. Ю.* М. Л. Лозинский и Е. И. Замятин. Новые штрихи к биографиям // История отечественной культуры в архивных документах: сб. статей. СПб., 2021. Вып. 2.

41. *Любимова М. Ю., Чечнёв Я. Д.* Издательство «Всемирная литература» в творческом дискурсе Е. И. Замятина // Русская литература. 2022. № 4.

42. *Максимов Д. Е.* Александр Блок и Евгений Иванов // Блоковский сборник <I>: Труды науч. конф., посвященной изучению жизни и творчества А. А. Блока, май 1962 г. Тарту, 1964.

43. *Михайлова М. В.* Пристрастный летописец эпохи // Чулков Г. И. Годы странствий / Вступ. статья, сост. и комм. М. В. Михайловой. М., 1999.

44. Николай Гумилев — учитель поэзии / Публ. Ю. В. Зобнина // Н. Гумилев, А. Ахматова: По материалам историко-литературной коллекции П. Лукницкого. СПб., 2005.

45. Об участии А. М. Горького в судьбе Блока в последние дни жизни поэта / Публ. А. М. Крюковой // Александр Блок. Исследования и материалы. Л., 1987.

46. «Он будет писать стихи против нас». Правда о болезни и смерти Александра Блока / Публ. В. Шепелева и В. Любимова // Источник. Приложение к российскому историко-публицистическому журналу «Родина». 1995. № 2.

47. *Орлицкий Ю. Б.* Гейне, Блок и Виктор Коломийцов // Александр Блок: Исследования и материалы. СПб., 2020. [Т. 6].

48. *От редакции* [Динерштейн Е. А.]. Луначарский, Блок и «Алконост» // Вопросы литературы. 1969. № 6.

49. *Павлович Н. А.* Воспоминания об Александре Блоке // Прометей: Историко-биографический альманах серии «Жизнь замечательных людей». М., 1977. № 11.

50. Памяти Александра Блока: [Материалы]. Томск, 1996.

51. Переписка Ленина и Луначарского. Письма и документы (1917–1922 гг.) // Лит. наследство. 1971. Т. 80.

52. Переписка с Вл. Пястом / Вступ. статья, публ. и комм. З. Г. Минц // Лит. наследство. 1981. Т. 92. Александр Блок. Новые материалы и исследования: В 5 кн. Кн. 2.

53. Письма Блока к А. А., С. А. и Ф. А. Кублицким-Пиоттух / Вступ. статья, публ. и комм. В. П. Енишерлова // Лит. наследство. 1987. Т. 92. Александр Блок. Новые материалы и исследования: В 5 кн. Кн. 4.

54. *Рифтин Б. Л.* Новеллы Пу Сун-лина (Ляо Чжая) в переводах академика В. М. Алексеева // Восточная классика в русских переводах: обзоры, анализ, критика. М., 2008.

55. *Рождественский В. А.* Александр Блок // Рождественский В. А. Страницы жизни. Из литературных воспоминаний. М.; Л., 1962.

56. *Рождественский В. А.* Как это начиналось. Листки воспоминаний // День поэзии. Ленинград. 1966. Л., 1966.

57. Русские советские писатели. Поэты: биобиблиографический указатель. М., 1980. Т. 3. Ч. 2. А. А. Блок.

58. *Толстая Е. Д.* Бедный рыцарь. Интеллектуальное странствие Акима Волынского. М.; Иерусалим, 2013.

59. *Толстой И.* Внутри расколотой семьи. Лозинские в письмах и домашних воспоминаниях // Connaisseur. Книги, архивы, графика, театр: историко-культурный альманах. Новое о старом. Прага, 2022. № 3. У нас в Ленинграде. Полутом 1 / Сост. и ред. И. Толстой.

60. *Уайт Ф.* «Тайная жизнь» Леонида Андреева: история болезни // Вопросы литературы. 2005. № 1.

61. *Устинов А. Б.* Александр Блок и Николай Гумилев в петроградском Союзе поэтов // Rhema. Рема. 2020. № 2.

62. *Федотова С. В.* «Мошенником меня еще никто не считал...»: письма С. М. Алянского к Л. Д. Блок (1922–1924) // Литературный факт. 2020. № 4 (18).

63. *Чернов И. А.* А. Блок и книгоиздательство «Алконост» // Блоковский сборник <I>: Труды науч. конф., посвященной изучению жизни и творчества А. А. Блока, май 1962 г. Тарту, 1964.

64. *Чечнёв Я. Д.* Конфуций во «Всемирной литературе». Доклад В. М. Алексеева о китайском философе в 1921 году (по материалам Архива А. М. Горького ИМЛИ РАН) // Литературный факт. 2022. № 24.

65. *Чечнёв Я. Д., Савина А. Д.* «Возвращение к первоначальному смыслу слов и есть задача каждого поэта»: неизвестный отзыв Н. С. Гумилева о поэзии Рене Шикеле // Вестник Томского гос. ун-та. 2022. № 475.

66. «Я, петербуржец». Переписка А. А. Блока и М. Л. Лозинского / Предисловие, публ. и комм. А. Лаврова и Р. Тименчика // Литературное обозрение. 1986. № 7.

References

1. Aleksandr Blok i Evgenii Ivanov: V 2 kn. / Otv. red., sost., vstup. stat'ia, podg. teksta i komm. O. L. Fetisenko. SPb., 2017.

2. Aleksandr Blok v dnevnike E. P. Ivanova (1903–1941) / Podg. teksta, vstup. stat'ia i komm. O. L. Fetisenko // Aleksandr Blok: Issledovaniia i materialy. SPb., 2011. T. 4.

3. Andrei Belyi i Aleksandr Blok. Perepiska. 1903–1919 / Publ., predisloviia i komm. A. V. Lavrova. M., 2001.

4. *Bakuntsev A. V.* «V gazetakh — Blok, Blok, Blok...»: Otklik I. A. Bunina na smert' A. A. Bloka // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 10. Zhurnalistika. 2015. № 3.

5. *Ban'kovskaia M. V.* Druz'ia i nedrugi Liao Chzhaia // Pu Sun-lin. Strannye istorii iz Kabineta Neudachnika (Liao Chzhai chzhi i). SPb., 2000.

6. *Beketova M. A.* Aleksandr Blok. Biograficheskii ocherk // Beketova M. A. Vospominaniia ob Aleksandre Bloke / Sost. V. P. Enisherlova i S. S. Lesnevskogo; posleslovie A. V. Lavrova; prim. N. A. Bogomolova. M., 1990.

7. *Belobrovtseva I. Z.* Ob odnom nekrologe Aleksandru Bloku // Literaturnyi fakt. 2017. № 5.

8. *Belov S. V.* Blok i pervye poslerevoliutsionnye izdatel'stva («M. i S. Sabashnikovy», «Alkonost») // Lit. nasledstvo. 1987. T. 92. Aleksandr Blok. Novye materialy i issledovaniia: V 5 kn. Kn. 4.

9. *Blok A. A.* Poln. sobr. soch. i pisem: V 20 t. M., 1997–1999. T. 3, 5.

10. *Blok A. A.* Zapisnye knizhki. 1901–1920 / Sost., podg. teksta, predislovie i prim. V. N. Orlova. M., 1965.

11. *Blok A.* Sobr. soch.: V 8 t. M.; L., 1963. T. 7, 8.

12. Blok i Chulkov byli znakomy s 1904 goda. Ob istorii ikh neprostykh vzaimootnoshenii sm.: Perepiska G. I. Chulkova s Blokom / Vstup. stat'ia, publ. i komm. A. V. Lavrova // Lit. nasledstvo. 1987. T. 92. Aleksandr Blok. Novye materialy i issledovaniia: V 5 kn. Kn. 4.

13. Blok i Soiuz poetov. I. Blok v arkhive Vs. A. Rozhdestvenskogo / Predislovie i publ. M. V. Rozhdestvenskoi; komm. R. D. Timenchika // Lit. nasledstvo. 1987. T. 92. Aleksandr Blok. Novye materialy i issledovaniia: V 5 kn. Kn. 4.

14. Blok i Soiuz poetov. II. Otzyvy, sokhranivshiesia v drugikh arkhivakh / Publ. R. D. Timenchika // Lit. nasledstvo. 1987. T. 92. Aleksandr Blok. Novye materialy i issledovaniia: V 5 kn. Kn. 4.

15. Blok v kritike sovremennikov (annotirovannaia bibliograficheskaia khronika 1902–1921) / Sost. V. I. Iakubovich pri uchastii N. G. Zakharenko, V. V. Serebriakovoi, L. S. Shepelevoi // Lit. nasledstvo. 1993. T. 92. Aleksandr Blok. Novye materialy i issledovaniia: V 5 kn. Kn. 5.

16. Blok v neizdannoi perepiske i dnevnikakh sovremennikov / Publ. N. V. Kotreleva i R. D. Timenchika // Lit. nasledstvo. 1982. T. 92. Aleksandr Blok. Novye materialy i issledovaniia: V 5 kn. Kn. 3.

17. *Botsianovskii V. F.* Tragediia Bloka / Publ., predislovie i prim. A. S. Aleksandrova // Aleksandr Blok: Issledovaniia i materialy. SPb., 2016. [T. 5].

18. *Chechnëv Ia. D.* Konfutsii vo «Vsemirnoi literature». Doklad V. M. Alekseeva o kitaiskom filosofe v 1921 godu (po materialam Arkhiva A. M. Gor'kogo IMLI RAN) // Literaturnyi fakt. 2022. № 24.

19. *Chechnëv Ia. D., Savina A. D.* «Vozvrashchenie k pervonachal'nomu smyslu slov i est' zadacha kazhdogo poeta»: neizvestnyi otzyv N. S. Gumileva o poezii Rene Shikele // Vestnik Tomskogo gos. un-ta. 2022. № 475.

20. *Chernov I. A.* A. Blok i knigoizdatel'stvo «Alkonost» // Blokovskii sbornik <I>: Trudy nauch. konf., posviashchennoi izucheniiu zhizni i tvorchestva A. A. Bloka, mai 1962 g. Tartu, 1964.

21. Darstvennye nadpisi Bloka na knigakh i fotografiiakh / Materialy sobr. N. P. Il'inym i A. E. Parnisom; vstup. stat'ia i publ. V. Ia. Morderer i A. E. Parnisa; komm. Iu. M. Gel'perina, V. Ia. Morderer, A. E. Parnisa, R. D. Timenchika // Lit. nasledstvo. 1982. T. 92. Aleksandr Blok. Novye materialy i issledovaniia: V 5 kn. Kn. 3.

22. *Dikushina N. I.* Iz materialov Arkhiva A. M. Gor'kogo // Lit. nasledstvo. 1987. T. 92. Aleksandr Blok. Novye materialy i issledovaniia: V 5 kn. Kn. 4.

23. *Dolinina A. A.* Legendarnaia «Vsemirnaia» // Dolinina A. A. Nevol'nik dolga: biografiia I. Iu. Krachkovskogo. SPb., 1994.

24. *Dvornikova L. Ia.* Zagranichnaia pechat' o smerti Bloka (K neosushchestvlennomu zamyslu A. M. Remizova) // Aleksandr Blok: Issledovaniia i materialy. SPb., 2016. [T. 5].

25. *Fedotova S. V.* «Moshennikom menia eshche nikto ne schital...»: pis'ma S. M. Alianskogo k L. D. Blok (1922–1924) // Literaturnyi fakt. 2020. № 4 (18).

26. *Galushkin A. Iu.* «...Kto zabudet Blokovu krov'?» Neizvestnyi nekrolog B. Pil'niaka // Blokovskii sbornik XVI: Aleksandr Blok i russkaia literatura pervoi poloviny XX veka. Tartu, 2003.

27. *Gasparov M. L.* Neizvestnye russkie perevody bajronovskogo «Don Zhuana» // Velikii romantik: Bajron i mirovaia literatura. M., 1991.

28. *Gollerbakh E.* Vstrechi i vpechatleniia / Sost., podg. teksta i komm. E. Gollerbakha. SPb., 1998.

29. *Grechishkin S. S., Lavrov A. V.* Aleksandr Blok v «Panteone» i «Vsemirnoi literature»: pis'ma k Z. I. Grzhebinu i P. O. Morozovu // Grechishkin S. S., Lavrov A. V. Simvolisty vblizi: Stat'i i publikatsii. SPb., 2004.

30. *Grechishkin S. S., Lavrov A. V.* Iz epistoliarnogo naslediia Aleksandra Bloka. Pis'ma k V. A. Zorgenfreiu // Grechishkin S. S., Lavrov A. V. Simvolisty vblizi: Stat'i i publikatsii. SPb., 2004.

31. «Ia, peterburzhets». Perepiska A. A. Bloka i M. L. Lozinskogo / Predislovie, publ. i komm. A. Lavrova i R. Timenchika // Literaturnoe obozrenie. 1986. № 7.

32. *Ivanova E. V.* Aleksandr Blok: poslednie gody zhizni. SPb.; M., 2012.

33. *Ivanova E. V., Zhukhovitskaia L. G.* Pis'ma B. P. Sil'versvana M. Gor'komu (po materialam Arkhiva A. M. Gor'kogo IMLI RAN) // Uchen. zap. Novgorodskogo gos. un-ta. 2022. № 6 (45).

34. *Knipovich E. F.* Ob Aleksandre Bloke: Vospominaniia. Dnevniki. Kommentarii. M., 1987.

35. *Kotel'nikov V. A.* Russkii Agasfer: Akim Volynskii kak myslitel' i kritik kul'tury. SPb., 2023.

36. *Krusanov A. V.* Russkii avangard, 1907–1932. Istoricheskii obzor: V 3 t. M., 2003. T. 2. Kn. 1. Futuristicheskaia revoliutsiia, 1917–1921.

37. *Kukushkina T. A.* Vserossiiskii Soiuz pisatelei (Petrogradskoe otdelenie). Period stanovleniia. 1920–1923 gg. Dis. ... kand. filol. nauk. SPb., 2008.

38. *Kukushkina T. A.* Vserossiiskii soiuz poetov. Leningradskoe otdelenie (1924–1929). Obzor deiatel'nosti // Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 2003–2004 gody. SPb., 2007.

39. *Landa E. V.* Melodiia knigi: Aleksandr Blok — redaktor. M., 1982.

40. *Lavrov A. V.* «Romantika pominoveniia». Andrei Belyi o Bloke // Andrei Belyi o Bloke: Vospominaniia. Stat'i. Dnevniki. Rechi / [Vstup. stat'ia, sost., podg. teksta i komm. A. V. Lavrova]. M., 1997.

41. Literaturnaia zhizn' Rossii 1920-kh godov. Sobytiia. Otzyvy sovremennikov. Bibliografiia. M., 2006. T. 1. Ch. 2. Moskva i Petrograd. 1921–1922 gg.

42. *Liubimova M. Iu.* M. L. Lozinskii i E. I. Zamiatin. Novye shtrikhi k biografiiam // Istoriia otechestvennoi kul'tury v arkhivnykh dokumentakh: sb. statei. SPb., 2021. Vyp. 2.

43. *Liubimova M. Iu., Chechnëv Ia. D.* Izdatel'stvo «Vsemirnaia literatura» v tvorcheskom diskurse E. I. Zamiatina // Russkaia literatura. 2022. № 4.

44. *Maksimov D. E.* Aleksandr Blok i Evgenii Ivanov // Blokovskii sbornik <I>: Trudy nauch. konf., posviashchennoi izucheniiu zhizni i tvorchestva A. A. Bloka, mai 1962 g. Tartu, 1964.

45. *Mikhailova M. V.* Pristrastnyi letopisets epokhi // Chulkov G. I. Gody stranstvii / Vstup. stat'ia, sost. i komm. M. V. Mikhailovoi. M., 1999.

46. Nikolai Gumilev — uchitel' poezii / Publ. Iu. V. Zobnina // N. Gumilev, A. Akhmatova: Po materialam istoriko-literaturnoi kollektsii P. Luknitskogo. SPb., 2005.

47. Ob uchastii A. M. Gor'kogo v sud'be Bloka v poslednie dni zhizni poeta / Publ. A. M. Kriukovoi // Aleksandr Blok. Issledovaniia i materialy. L., 1987.

48. «On budet pisat' stikhi protiv nas». Pravda o bolezni i smerti Aleksandra Bloka / Publ. V. Shepeleva i V. Liubimova // Istochnik. Prilozhenie k rossiiskomu istoriko-publitsisticheskomu zhurnalu «Rodina». 1995. № 2.

49. *Orlitskii Iu. B.* Geine, Blok i Viktor Kolomiitsov // Aleksandr Blok: Issledovaniia i materialy. SPb., 2020. [T. 6].

50. *Ot redaktsii* [Dinershtein E. A.]. Lunacharskii, Blok i «Alkonost» // Voprosy literatury. 1969. № 6.

51. Pamiati Aleksandra Bloka: [Materialy]. Tomsk, 1996.

52. *Pavlovich N. A.* Vospominaniia ob Aleksandre Bloke // Prometei: Istoriko-biograficheskii al'manakh serii «Zhizn' zamechatel'nykh liudei». M., 1977. № 11.

53. Perepiska Lenina i Lunacharskogo. Pis'ma i dokumenty (1917–1922 gg.) // Lit. nasledstvo. 1971. T. 80.

54. Perepiska s Vl. Piastom / Vstup. stat'ia, publ. i komm. Z. G. Mints // Lit. nasledstvo. 1981. T. 92. Aleksandr Blok. Novye materialy i issledovaniia: V 5 kn. Kn. 2.

55. Pis'ma Bloka k A. A., S. A. i F. A. Kublitskim-Piottukh / Vstup. stat'ia, publ. i komm. V. P. Enisherlova // Lit. nasledstvo. 1987. T. 92. Aleksandr Blok. Novye materialy i issledovaniia: V 5 kn. Kn. 4.

56. *Riftin B. L.* Novelly Pu Sun-lina (Liao Chzhaia) v perevodakh akademika V. M. Alekseeva // Vostochnaia klassika v russkikh perevodakh: obzory, analiz, kritika. M., 2008.

57. *Rozhdestvenskii V. A.* Aleksandr Blok // Rozhdestvenskii V. A. Stranitsy zhizni. Iz literaturnykh vospominanii. M.; L., 1962.

58. *Rozhdestvenskii V. A.* Kak eto nachinalos'. Listki vospominanii // Den' poezii. Leningrad. 1966. L., 1966.

59. Russkie sovetskie pisateli. Poety: biobibliograficheskii ukazatel'. M., 1980. T. 3. Ch. 2. A. A. Blok.

60. *Tolstaia E. D.* Bednyi rytsar'. Intellektual'noe stranstvie Akima Volynskogo. M.; Ierusalim, 2013.
61. *Tolstoi I.* Vnutri raskolotoi sem'i. Lozinskie v pis'makh i domashnikh vospominaniiakh // Connaisseur. Knigi, arkhivy, grafika, teatr: istoriko-kul'turnyi al'manakh. Novoe o starom. Praga, 2022. № 3. U nas v Leningrade. Polutom 1 / Sost. i red. I. Tolstoi.
62. *Uait F.* «Tainaia zhizn'» Leonida Andreeva: istoriia bolezni // Voprosy literatury. 2005. № 1.
63. *Ustinov A. B.* Aleksandr Blok i Nikolai Gumilev v petrogradskom Soiuze poetov // Rhema. Rema. 2020. № 2.
64. *Vasil'eva I. M.* Iz arkhiva V. A. Zorgenfreia // Lit. nasledstvo. 1987. T. 92. Aleksandr Blok. Novye materialy i issledovaniia: V 5 kn. Kn. 4.
65. *Vinogradov I. A.* Letopis' zhizni i tvorchestva N. V. Gogolia (1809–1852). Nauchnoe izdanie: V 7 t. M., 2018. T. 7. 1851–1852.
66. *Zhukhovitskaia L. G.* Neizvestnoe pis'mo A. I. Braudo k M. Gor'komu ob areste M. L. Lozinskogo v avguste 1921 goda // Russkaia literatura. 2023. № 1.

Георгий Владимирович Куницын

аспирант Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» (Москва)

Georgii Vladimirovich Kunitsyn

Student, Master's-PhD program, Department of Humanities,
National Research University *Higher School of Economics* (Moscow)

ORCID: 0000-0002-6542-0503

georg2399@yandex.ru

Дарья Константиновна Поливанова

старший преподаватель Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» (Москва)

Daria Konstantinovna Polivanova

Senior Lecturer, National Research University *Higher School of Economics* (Moscow)

ORCID: 0000-0003-0185-5361

dasha.polivanova@gmail.com

Константин Михайлович Поливанов

профессор Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» (Москва)

Konstantin Mikhailovich Polivanov

Professor, National Research University *Higher School of Economics* (Moscow)

ORCID: 0000-0002-0647-3162

polivanovnew@gmail.com

ТЕМЫ И ВАРИАЦИИ КНИГИ БЫТИЯ: К ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЦИКЛА Б. Л. ПАСТЕРНАКА «НЕСКУЧНЫЙ САД»

THEMES AND VARIATIONS OF THE GENESIS: TO THE INTERPRETATION OF B. L. PASTERNAK'S CYCLE *NESKUCHNY SAD*

В работе предлагается интерпретация шести стихотворений, открывающих «Нескучный сад» — вторую часть четвертой книги стихов Б. Л. Пастернака «Темы и вариации» как первого и вступительного микроцикла к этой части. Анализ семантики и образного ряда каждого конкретного стихотворения подводит к связи универсального библейского прообраза с центральной для всей книги стихов темой рождения искусства.

Ключевые слова: Б. Л. Пастернак, «Нескучный сад», «Темы и вариации», Книга Бытия, А. С. Грибоедов, З. Е. Серебрякова, И. Ф. Стравинский.

The article offers an interpretation of the first six poems from the cycle *Neskuchny Sad* (*The Neskuchny Garden*) — the second part of B. L. Pasternak's fourth poetry collection *Themes and Variations* (*Temy i Variatsii*) as the first and introductory microcycle of this part. The analysis of the semantics and imagery of each poem reveals the connection between the universal biblical prototype and the theme of the birth of art, the central one for the entire poetry collection.

Key words: B. L. Pasternak, *Neskuchny Sad*, *Temy i Variatsii*, Book of Genesis, A. S. Griboyedov, Z. E. Serebriakova, I. F. Stravinsky.

Список литературы

1. *Грибоедов А. С.* Соч. в стихах / Вступ. статья В. М. Мещерякова; сост., подг. текста и прим. Д. М. Климовой. Л., 1987 (Библиотека поэта. Большая сер.).
2. *Гумилев Н. С.* Стихотворения и поэмы / Сост., подг. текста и прим. М. Д. Эльзона. Л., 1988 (Библиотека поэта. Большая сер.).
3. *Жолковский А. К.* Поэтика Пастернака: инварианты, структуры, интертексты. М., 2011.
4. *Карамзин Н. М.* Соч.: В 2 т. Л., 1984. Т. 1.
5. *Некрасов Н. А.* Полн. собр. соч.: В 15 т. Л., 1981. Т. 2.
6. *Пастернак Б. Л.* Полн. собр. соч.: В 11 т. М., 2003–2004. Т. 1–3.
7. *Поливанова Д. К., Поливанов К. М.* Тема рождения искусства и вариации Шекспира в цикле Б. Л. Пастернака «Сон в летнюю ночь» // Русская литература. 2021. № 1.
8. *Поливанова Д., Поливанов К.* Темы и вариации Чайковского: К интерпретации цикла «Зимнее утро» Бориса Пастернака // Russian Literature. 2018. Vol. 100–102.
9. *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: [В 16 т.]. М.; Л., 1937. Т. 6.
10. *Тименчик Р. Д.* Расписанье и Писанье // Themes and Variations: In Honor of Lazar Fleishman = Темы и Вариации: Сб. статей и материалов к 50-летию Лазаря Флейшмана / Ed. by K. Polivanov, I. Shevelenko, A. Ustinov. Stanford, 1994 (Stanford Slavic Studies. Vol. 8).
11. *Фет А. А.* Стихотворения и поэмы / Вступ. статья, сост. и прим. Б. Я. Бухштаба. Л., 1986 (Библиотека поэта. Большая сер.).
12. *Чехов А. П.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. М., 1986. Т. 13.

References

1. *Chekhov A. P.* Poln. sobr. soch. i pisem: V 30 t. M., 1986. T. 13.
2. *Fet A. A.* Stikhotvoreniia i poemy / Vstup. stat'ia, sost. i prim. B. Ia. Bukhshtaba. L., 1986 (Biblioteka poeta. Bol'shaia ser.).
3. *Griboedov A. S.* Soch. v stikhakh / Vstup. stat'ia V. M. Meshcheriakova; sost., podg. teksta i prim. D. M. Klimovoi. L., 1987 (Biblioteka poeta. Bol'shaia ser.).
4. *Gumilev N. S.* Stikhotvoreniia i poemy / Sost., podg. teksta i prim. M. D. El'zona. L., 1988 (Biblioteka poeta. Bol'shaia ser.).
5. *Karamzin N. M.* Soch.: V 2 t. L., 1984. T. 1.
6. *Nekrasov N. A.* Poln. sobr. soch.: V 15 t. L., 1981. T. 2.
7. *Pasternak B. L.* Poln. sobr. soch.: V 11 t. M., 2003–2004. T. 1–3.
8. *Polivanova D. K., Polivanov K. M.* Tema rozhdeniia iskusstva i variatsii Shekspira v tsikle B. L. Pasternaka «Son v letniuiu noch'» // Russkaia literatura. 2021. № 1.
9. *Polivanova D., Polivanov K.* Temy i variatsii Chaikovskogo: K interpretatsii tsikla «Zimnee utro» Borisa Pasternaka // Russian Literature. 2018. Vol. 100–102.
10. *Pushkin A. S.* Poln. sobr. soch.: [V 16 t.]. M.; L., 1937. T. 6.
11. *Timenchik R. D.* Raspisan'e i Pisan'e // Themes and Variations: In Honor of Lazar Fleishman = Temy i Variatsii: Sb. statei i materialov k 50-letiiu Lazaria Fleishmana / Ed. by K. Polivanov, I. Shevelenko, A. Ustinov. Stanford, 1994 (Stanford Slavic Studies. Vol. 8).
12. *Zholkovskii A. K.* Poetika Pasternaka: invarianty, struktury, interteksty. M., 2011.

Алла Михайловна Грачева

главный научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Alla Mikhailovna Gracheva

Chief Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0002-4708-098X

ichnelat@rambler.ru

ОПЫТ АВАНГАРДНОЙ АГИОГРАФИИ: ПОВЕСТЬ А. М. РЕМИЗОВА «В РОЗОВОМ БЛЕСКЕ: ИЗ ПРО́ЛОГА»

AN ATTEMPT OF VANGUARD HAGIOGRAPHY: A. M. REMIZOV'S NOVELLA *IN PINK GLOW: FROM THE PROLOGUE*

Статья посвящена анализу истории и поэтики первого произведения, созданного писателем после смерти жены — С. П. Ремизовой-Довгелло. Экспериментальный авангардный текст Ремизова основан на соединении поэтик древнерусской литературы и русского романтизма начала XIX века. В статье раскрыты источники названий «В розовом блеске» и «Сквозь огонь скорбей».

Ключевые слова: А. М. Ремизов, авангард, агиография, романтизм, В. А. Жуковский, Игнатий (Брянчанинов).

The article analyzes the history and poetics of the first work created by the writer after the death of his wife, S. P. Remizova-Dovgello. In his experimental vanguard text, Remizov merges the poetics of the ancient Russian literature and Russian Romanticism of the early 19th century. The article reveals the sources of the titles *In Pink Glow* and *Through the Fire of Sorrows*.

Key words: A. M. Remizov, vanguard, hagiography, Romanticism, V. A. Zhukovsky, Ignatius (Bryanchaninov).

Список литературы

1. *Грачева А. М.* «Теория русского лада» Алексея Ремизова (1930–1950-е гг.) // Проблемы исторической поэтики. 2021. Т. 19. № 1.

2. *Грачева А. М.* Истоки и эволюция «теории русского лада» Алексея Ремизова (1900–1920-е гг.) // Проблемы исторической поэтики. 2019. Т. 17. № 3.

3. *Грачева А. М.* Роман-коллаж Алексея Ремизова «В розовом блеске»: к истокам художественной концепции // Долг и любовь: Сб. филологических работ в честь 65-летия профессора М. В. Михайловой. М., 2011.

4. *Жуковский В. А.* Марьина роща // Марьина роща: Московская романтическая повесть / Вступ. статья и прим. В. Муравьева. М., 1984.

5. *Игнатий (Брянчанинов), свят.* Полн. собр. писем: В 3 т. М., 2011. Т. 2. Переписка с монашествующими / Сост. О. И. Шафранова.

6. *Обатнина Е. Р.* «Книга Жизни» // Ремизов А. М. Собр. соч. СПб., 2019. Т. 15. В розовом блеске.

7. *Поляков Ф.* «В розовом блеске» Алексея Ремизова: память культуры и ритуал поминовения // From Medieval Russian Culture to Modernism. Studies in Honor of Ronald Vroon / Eds. L. Fleishman, A. Ospovat, F. Poljakov. Frankfurt a/Main et al., 2012 (Russian Culture in Europe. Vol. 8).

8. *Ремизов А. М.* В розовом блеске // Ремизов А. М. Собр. соч. СПб., 2019. Т. 15. В розовом блеске.

9. *Ремизов А. М.* Дневник мыслей 1943–1957 гг. СПб., 2013. Т. I. Май 1943 — январь 1946 / Отв. ред., автор вступ. статьи А. М. Грачева; подг. текста А. М. Грачевой, Н. М. Конычевой, Л. В. Хачатурян; комм. А. М. Грачевой, Л. В. Хачатурян.

10. *Сазонова Л. А.* Про́ложное изложение как литературная форма // Литературный сборник XVII века. Про́лог / Под ред. А. С. Демина. М., 1978 (Русская старопечатная литература. XVI — первая четверть XVIII в.).

11. *Фет Е. А.* Пролог // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1987. Вып. 1. XI — первая половина XIV в. / Отв. ред. Д. С. Лихачев.

References

1. *Fet E. A.* Prolog // Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi. L., 1987. Vyp. 1. XI — pervaia polovina XIV v. / Otv. red. D. S. Likhachev.
2. *Gracheva A. M.* «Teoriia russkogo lada» Alekseia Remizova (1930–1950-e gg.) // Problemy istoricheskoi poetiki. 2021. T. 19. № 1.
3. *Gracheva A. M.* Istoki i evoliutsiia «teorii russkogo lada» Alekseia Remizova (1900–1920-e gg.) // Problemy istoricheskoi poetiki. 2019. T. 17. № 3.
4. *Gracheva A. M.* Roman-kollazh Alekseia Remizova «V rozovom bleske»: k istokam khudozhestvennoi kontseptsii // Dolg i liubov': Sb. filologicheskikh rabot v chest' 65-letiia professora M. V. Mikhailovoi. M., 2011.
5. *Ignatii (Brianchaninov), sviat.* Poln. sobr. pisem: V 3 t. M., 2011. T. 2. Perepiska s monashestvuiushchimi / Sost. O. I. Shafranova.
6. *Obatnina E. R.* «Kniga Zhizni» // Remizov A. M. Sobr. soch. SPb., 2019. T. 15. V rozovom bleske.
7. *Poliakov F.* «V rozovom bleske» Alekseia Remizova: pamiat' kul'tury i ritual pominoveniia // From Medieval Russian Culture to Modernism. Studies in Honor of Ronald Vroon / Eds. L. Fleishman, A. Ospovat, F. Poljakov. Frankfurt a/Main et al., 2012 (Russian Culture in Europe. Vol. 8).
8. *Remizov A. M.* Dnevnik myslei 1943–1957 gg. SPb., 2013. T. I. Mai 1943 — ianvar' 1946 / Otv. red., avtor vstup. stat'i A. M. Gracheva; podg. teksta A. M. Grachevoi, N. M. Konychevoi, L. V. Khachaturian; komm. A. M. Grachevoi, L. V. Khachaturian.
9. *Remizov A. M.* V rozovom bleske // Remizov A. M. Sobr. soch. SPb., 2019. T. 15. V rozovom bleske.
10. *Sazonova L. A.* Prólozhnoe izlozhenie kak literaturnaia forma // Literaturnyi sbornik XVII veka. Prólog / Pod red. A. S. Demina. M., 1978 (Russkaia staropechatnaia literatura. XVI — pervaia chetvert' XVIII v.).
11. *Zhukovskii V. A.* Mar'ina roshcha // Mar'ina roshcha: Moskovskaia romanticheskaia povest' / Vstup. stat'ia i prim. V. Murav'eva. M., 1984.

Валерий Юрьевич Вьюгин

ведущий научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН;
профессор Санкт-Петербургского государственного университета

Valerii Iurevich Viugin

Leading Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences;
Professor, St. Petersburg State University

ORCID: 0000-0002-5806-4264

valeryvyugin@gmail.com

ЧТО ХОТЕЛ СКАЗАТЬ СОВЕТСКИЙ КЛАССИК, НО НЕ СКАЗАЛ? (РЕЧЬ М. А. ШОЛОХОВА НА ВТОРОМ ВСЕСОЮЗНОМ СЪЕЗДЕ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ)

WHAT THE FAMOUS SOVIET WRITER WANTED TO SAY, YET DIDN'T (M. A. SHOLOKHOV'S SPEECH AT THE SECOND NATIONAL CONGRESS OF THE SOVIET WRITERS)

Статья продолжает серию публикаций, посвященных Второму Всесоюзному съезду советских писателей, состоявшемуся в декабре 1954 года. В 2018 году вышла первая коллективная работа об этом съезде, за которой последовали публикации, отражающие результаты новых архивных разысканий. Предлагаемые наблюдения касаются одного из самых ярких моментов съезда — речи, которую произнес на нем М. А. Шолохов. В центре внимания — история текста выступления писателя, прослеживаемая по нескольким архивным и опубликованным источникам, показывающим динамику того, как текст эволюционировал от ранних вариантов до

«окончательного», появившегося почти два года спустя после ее произнесения в так называемом стенографическом отчете.

Ключевые слова: Второй Всесоюзный съезд советских писателей, Союз писателей СССР, речь М. А. Шолохова.

This article is yet another contribution to the history of the Second National Congress of the Soviet Writers, held in December 1954. In 2018, the first collection of articles on this topic was published, followed by several other papers that presented the results of further archival research. This contribution focuses on one of the most significant events that took place at the Congress, i. e. on Mikhail Sholokhov's speech. Comparing various versions of Sholokhov's speech, both published and unpublished, I seek to trace how it was gradually evolving before and after delivering.

Key words: Second Congress of the Soviet Writers, Union of Soviet Writers, Mikhail Sholokhov's speech.

Список литературы

1. Второй Всесоюзный съезд советских писателей. 15–26 декабря 1954 года. Стенографический отчет. М., 1956.

2. Второй Всесоюзный съезд советских писателей. Идеология исторического перехода и трансформация советской литературы. 1954 / Отв. ред. В. Ю. Вьюгин; сост. К. А. Богданов, В. Ю. Вьюгин. СПб., 2018.

3. *Вьюгин В. Ю.* Задумано Сталиным — сделано Хрущевым (Еще раз о Втором Всесоюзном съезде советских писателей СССР) // Русская литература. 2020. № 3.

4. *Вьюгин В. Ю.* Экономика скуки: Заметки о Втором Всесоюзном съезде советских писателей // Carpe diem: профессору Александру Анатольевичу Карпову ко дню семидесятилетия / Под ред. Е. Н. Григорьевой, Н. А. Гуськова, Н. А. Карпова, Е. М. Матвеева. СПб., 2021.

5. *Вьюгин В. Ю., Нечаева М. Н., Роженцева Е. А.* Второй съезд писателей как текстологическое событие (К проблеме источников) // Второй Всесоюзный съезд советских писателей. Идеология исторического перехода и трансформация советской литературы. 1954. СПб., 2018.

6. *Липовецкий М. Н.* Поэтика скандала: речь Шолохова на Втором съезде писателей // Второй Всесоюзный съезд советских писателей. Идеология исторического перехода и трансформация советской литературы. 1954. СПб., 2018.

7. Михаил Шолохов: Летопись жизни и творчества (Материалы к биографии) / Сост. Н. Т. Кузнецова. М., 2005.

8. Письмо писателя М. Бубеннова члену Президиума ЦК КПСС Г. М. Маленкову в связи с подготовкой Второго Всесоюзного съезда писателей. 24 сентября 1954 г. // Вопросы литературы. 1993. № 3.

9. *Самойлов Д.* Из записей 50-х годов // Октябрь. 2010. № 5.

References

1. *Lipovetskii M. N.* Poetika skandala: rech' Sholokhova na Vtorom s'ezde pisatelei // Vtoroi Vsesoiuznyi s'ezd sovetskikh pisatelei. Ideologiia istoricheskogo perekhoda i transformatsiia sovetskoi literatury. 1954. SPb., 2018.

2. Mikhail Sholokhov: Letopis' zhizni i tvorchestva (Materialy k biografii) / Sost. N. T. Kuznetsova. M., 2005.

3. Pis'mo pisatelia M. Bubennova chlenu Prezidiuma TsK KPSS G. M. Malenkovu v sviazi s podgotovkoi Vtorogo Vsesoiuznogo s'ezda pisatelei. 24 sentiabria 1954 g. // Voprosy literatury. 1993. № 3.

4. *Samoilov D.* Iz zapisei 50-kh godov // Oktiabr'. 2010. № 5.

5. *V'iugin V. Iu.* Ekonomika skuki: Zametki o Vtorom Vsesoiuznom s'ezde sovetskikh pisatelei // Carpe diem: professoru Aleksandru Anatol'evichu Karpovu ko dniu semidesiatiletiia / Pod red. E. N. Grigor'evoi, N. A. Gus'kova, N. A. Karpova, E. M. Matveeva. SPb., 2021.

6. *V'iugin V. Iu.* Zadumano Stalinym — sdelano Khrushchevym (Eshche raz o Vtorom Vsesoiuznom s'ezde sovetskikh pisatelei SSSR) // Russkaia literatura. 2020. № 3.

7. *V'iugin V. Iu., Nechaeva M. N., Rozhentseva E. A.* Vtoroi s'ezd pisatelei kak tekstologicheskoe sobytie (K probleme istochnikov) // Vtoroi Vsesoiuznyi s'ezd sovetskikh pisatelei. Ideologiia istoricheskogo perekhoda i transformatsiia sovetskoi literatury. 1954. SPb., 2018.

8. Vtoroi Vsesoiuznyi s'ezd sovetskikh pisatelei. 15–26 dekabria 1954 goda. Stenograficheskii otchet. M., 1956.

9. Vtoroi Vsesoiuznyi s'ezd sovetskikh pisatelei. Ideologiia istoricheskogo perekhoda i transformatsiia sovetskoi literatury. 1954 / Otv. red. V. Iu. V'iugin; sost. K. A. Bogdanov, V. Iu. V'iugin. SPb., 2018.

Константин Николаевич Тимашов

старший преподаватель Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург)

Konstantin Nikolaevich Timashov

Senior Lecturer,
National Research University *Higher School of Economics* (St. Petersburg)

ORCID: 0000-0001-5749-5321

timashovkn@yandex.ru

«Я ИМЕЛ ПРАВО НАПИСАТЬ ОБ АВВАКУМЕ...» ПИСЬМА В. Т. ШАЛАМОВА В. И. МАЛЫШЕВУ

«I HAD THE RIGHT TO WRITE ABOUT AVVAKUM...» V. T. SHALAMOV'S LETTERS TO V. I. MALYSHEV

Публикация вводит в научный оборот два письма В. Т. Шаламова (1907–1982) к археографу и исследователю древнерусской литературы В. И. Малышеву (1910–1976). Основным содержанием писем являются комментарии Шаламова к своему стихотворению «Аввакум в Пустозерске», написанные в качестве ответов на вопросы Малышева. В статье реконструируются обстоятельства этой переписки, а также на ее основе и на материале других источников проанализированы особенности восприятия Шаламовым героя своего стихотворения.

Ключевые слова: В. И. Малышев, В. Т. Шаламов, переписка, протопоп Аввакум, советская поэзия.

The purpose of this article is to introduce into the academic discourse two letters of V. T. Shalamov (1907–1982) to the archeographer and Old Russian literature scholar V. I. Malyshev (1910–1976). Shalamov's comments to his poem «Avvakum in Pustozersk» form the bulk of the letters; he provides detailed answers to Malyshev's questions. The article reconstructs the background of this correspondence, using it, as well as the other sources, to specify Shalamov's perception of the protagonist of his poem.

Key words: V. I. Malyshev, V. T. Shalamov, correspondence, Archpriest Avvakum, Soviet poetry.

Список литературы

1. *Галашева Т. Н.* Неизданная статья В. И. Малышева «Протопоп Аввакум в творчестве советских поэтов» // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 2017. Т. 65.
2. Географический энциклопедический словарь: географические названия / Гл. ред. А. Ф. Трешников. М., 1989.
3. Географический энциклопедический словарь: географические названия / Гл. ред. В. М. Котляков. 3-е изд., доп. М., 2003.
4. *Гречишкин С. С., Маркелов Г. В.* В. И. Малышев в переписке с деятелями советской культуры // Древлехранилище Пушкинского Дома: Материалы и исследования. Л., 1990.
5. *Есипов В. В.* «Она еще жива, Расея...» (Мотивы русской истории в «Колымских тетрадях») // Закон сопротивления распаду: Особенности прозы и поэзии Варлама Шаламова и их восприятие в начале XXI века: Сб. науч. трудов / Сост. Л. Бабка, С. Соловьев, В. Есипов, Я. Махонин. Прага; М., 2017.
6. *Есипов В. В.* Шаламов. 2-е изд., испр. М., 2019.
7. *Иванов Вяч. Вс.* Избр. труды по семиотике и истории культуры. М., 2000. Т. 2.
8. *Малышев В. И.* Повесть о Сухане: Из истории русской повести XVII века. М.; Л., 1956.
9. *Розанов Ю. В.* Протопоп Аввакум в творческом сознании А. М. Ремизова и В. Т. Шаламова // К столетию со дня рождения Варлама Шаламова: Материалы междунар. науч. конф. М., 2007.
10. *Скуратов М.* На рубеже времен: Стихотворения и поэмы. М., 1963.
11. *Тунгусов А. А.* В. И. Малышев в Пустозерске // Древлехранилище Пушкинского Дома: Материалы и исследования. Л., 1990.
12. *Храбровицкий А. В.* Очерки моей жизни. Дневник. Встречи / Вступ. статья., сост., подг. текста и комм. А. П. Шикмана. М., 2012.
13. *Шаламов В. Т.* Стихотворения и поэмы: В 2 т. / Вступ. статья, сост., подг. текста и прим. В. В. Есипова. СПб., 2020. Т. 1.

14. *Шаламов В. Т.* Дорога и судьба: Книга стихов. М., 1967.
15. *Шаламов В. Т.* Колымские тетради / Сост., подг. текста и прим. И. П. Сиротинской. М., 1994.
16. *Шаламов В. Т.* Огниво: Стихи. М., 1961.
17. *Шаламов В. Т.* Собр. соч.: В 6 т. + т. 7, доп. М., 2013. Т. 5–7.
18. Этнонимы / [Отв. ред. В. А. Никонов]. М., 1970.

References

1. *Esipov V. V.* «Ona eshche zhiva, Raseia...» (Motivy russkoi istorii v «Kolymskikh tetradiakh») // Zakon soprotivleniia raspadu: Osobennosti prozy i poezii Varlama Shalamova i ikh vospriiatie v nachale XXI veka: Sb. nauch. trudov / Sost. L. Babka, S. Solov'ev, V. Esipov, Ia. Makhonin. Praga; M., 2017.
2. *Esipov V. V.* Shalamov. 2-e izd., ispr. M., 2019.
3. Etnonimy / [Otv. red. V. A. Nikonov]. M., 1970.
4. *Galasheva T. N.* Neizdannaia stat'ia V. I. Malysheva «Protopop Avvakum v tvorchestve sovetskikh poetov» // Trudy Otdela drevnerusskoi literatury. SPb., 2017. T. 65.
5. Geograficheskii entsiklopedicheskii slovar': geograficheskie nazvaniia / Gl. red. A. F. Treshnikov. M., 1989.
6. Geograficheskii entsiklopedicheskii slovar': geograficheskie nazvaniia / Gl. red. V. M. Kotliakov. 3-e izd., dop. M., 2003.
7. *Grechishkin S. S., Markelov G. V.* V. I. Malyshev v perepiske s deiateliami sovetskoi kul'tury // Drevlekhranilishche Pushkinskogo Doma: Materialy i issledovaniia. L., 1990.
8. *Ivanov Viach. Vs.* Izbr. trudy po semiotike i istorii kul'tury. M., 2000. T. 2.
9. *Khrabrovitskii A. V.* Ocherki moei zhizni. Dnevnik. Vstrechi / Vstup. stat'ia., sost., podg. teksta i komm. A. P. Shikmana. M., 2012.
10. *Malyshev V. I.* Povest' o Sukhane: Iz istorii russkoi povesti XVII veka. M.; L., 1956.
11. *Rozanov Iu. V.* Protopop Avvakum v tvorcheskom soznanii A. M. Remizova i V. T. Shalamova // K stoletiiu so dnia rozhdeniia Varlama Shalamova: Materialy mezhdunar. nauch. konf. M., 2007.
12. *Shalamov V. T.* Doroga i sud'ba: Kniga stikhov. M., 1967.
13. *Shalamov V. T.* Kolymskie tetradi / Sost., podg. teksta i prim. I. P. Sirotinskoi. M., 1994.
14. *Shalamov V. T.* Ognivo: Stikhi. M., 1961.
15. *Shalamov V. T.* Sobr. soch.: V 6 t. + t. 7, dop. M., 2013. T. 5–7.
16. *Shalamov V. T.* Stikhotvoreniia i poemy: V 2 t. / Vstup. stat'ia, sost., podg. teksta i prim. V. V. Esipova. SPb., 2020. T. 1.
17. *Skuratov M.* Na rubezhe vremen: Stikhotvoreniia i poemy. M., 1963.
18. *Tungusov A. A.* V. I. Malyshev v Pustozerske // Drevlekhranilishche Pushkinskogo Doma: Materialy i issledovaniia. L., 1990.

Андрей Юрьевич Соловьев

научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Andrei Iurievich Solovev

Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0003-0851-4199

an.solovjov@gmail.com

ЛЮДВИГ ХОЛЬБЕРГ И РОССИЯ

LUDVIG HOLBERG AND RUSSIA

Рец. на: *Люстров М. Ю.* Людвиг Хольберг и русско-скандинавские литературные связи в XVIII веке. М.: ИМЛИ РАН, 2021. 272 с.

[Review:] *Liustrov M. Iu.* Liudvig Khol'berg i russko-skandinavskie literaturnye sviazi v XVIII veke. M.: IMLI RAN, 2021. 272 s.

Владимир Алексеевич Котельников

главный научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Vladimir Alekseevich Kotel'nikov

Chief Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0002-5135-6782

irliran@mail.ru

ДВОЙНОЕ ЗРЕНИЕ

DOUBLE VISION

Рец. на: *Степанян-Румянцева Е. В.* Глазами текста. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2022. 312 с.

[Review:] *Stepanian-Rumiantseva E. V.* Glazami teksta. M.; SPb.: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2022. 312 s.

Татьяна Владимировна Мисникевич

старший научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Tatiana Vladimirovna Misnikevich

Senior Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0001-6430-2778

tamisnikevich@yandex.ru

«ЧЕТЫРЕ ЖИЗНИ» НИКОЛАЯ МИНСКОГО: ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ

THE «FOUR LIVES» OF NICHOLAS MINSKII: ATTEMPTED RECONSTRUCTION

Рец. на: *Сапожков С. В.* По опасной тропе «холодных слов»: поэзия и судьба Николая Минского. М.: Дмитрий Сечин, 2021. 606 с.

[Review:] *Sapozhkov S. V.* Po opasnoi trope «kholodnykh slov»: poeziia i sud'ba Nikolaia Minskogo. M.: Dmitrii Sechin, 2021. 606 s.

Татьяна Васильевна Игошева

ведущий научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Tatyana Vasilievna Igosheva

Leading Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0001-7988-204X

tigosheva@mail.ru

Галина Валентиновна Петрова

ведущий научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Galina Valentinovna Petrova

Leading Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0003-4956-2293

pgv6@yandex.ru

О «СРОЧНОЙ СЛОВЕСНОСТИ»

ON «LITERATURE OF THE MOMENT»

Рец. на: Русская литература и журналистика в предреволюционную эпоху: формы взаимодействия и методология анализа: коллективная монография / Отв. ред. и сост. А. А. Холиков, при участии Е. И. Орловой. М.: ИМЛИ РАН, 2021. 768 с.

[Review:] Russkaia literatura i zhurnalistika v predrevoliutsionnuiu epokhu: formy vzaimodeistviia i metodologiia analiza: kollektivnaia monografiia / Otv. red. i sost. A. A. Kholikov, pri uchastii E. I. Orlovoi. M.: IMLI RAN, 2021. 768 s.

Любовь Валерьевна Хачатурян

докторант Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН;
доцент Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» (Москва)

Liubov' Valerievna Khachaturian

Doctoral Student, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences; Docent, National Research University
Higher School of Economics (Moscow)

ORCID: 0000-0002-2689-5186

rgali2010@yandex.ru

ПРИТЯЖЕНИЕ БУНИНА

THE ALLURE OF BUNIN

Рец. на: Литература русского зарубежья, 1920–1940. Писатель в литературном процессе (к 150-летию со дня рождения И. А. Бунина). М.: ИМЛИ РАН, 2022. 976 с.

[Review:] Literatura russkogo zarubezh'ia, 1920–1940. Pisatel' v literaturnom protsesse (k 150-letiiu so dnia rozhdeniia I. A. Bunina). M.: IMLI RAN, 2022. 976 s.

Юлия Андреевна Секушина

аспирант Европейского Университета в Санкт-Петербурге

Iuliia Andreevna Sekushina

PhD Student, European University at St. Petersburg

ORCID: 0009-0000-0516-7342

isekushina@eu.spb.ru

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «SOCIALIST CULTURE RECYCLED (EASTERN EUROPE: FROM DISILLUSIONS TO NOSTALGIA AND BEYOND)»

SOCIALIST CULTURE RECYCLED (EASTERN EUROPE: FROM DISILLUSIONS TO NOSTALGIA AND BEYOND) INTERNATIONAL RESEARCH CONFERENCE

[*Meeting Abstract*]

Анна Борисовна Белова

младший научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Anna Borisovna Belova

Junior Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom), Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0002-7912-4959

beloniria@mail.ru

НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ЖИТИЙНЫЕ ТОПОСЫ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ»

HAGIOGRAPHIC TOPOS IN RUSSIAN LITERATURE RESEARCH CONFERENCE

[*Meeting Abstract*]

Ирина Владимировна Аршинова

младший научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Irina Vladimirovna Arshinova

Junior Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom), Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0001-5947-3935

ivarshinova@gmail.com

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ПЕРЕХОДНЫЕ ЭПОХИ В ЛИТЕРАТУРЕ: МОТИВАЦИЯ ОБНОВЛЕНИЯ»

TRANSITIONAL EPOCHS IN LITERATURE: MOTIVATION FOR RENEWAL INTERNATIONAL RESEARCH CONFERENCE

[*Meeting Abstract*]

Ольга Александровна Линдеберг

научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Ol'ga Aleksandrovna Lindeberg

Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0001-8738-618X

olinde08@gmail.com

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «НАСЛЕДИЕ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ XX В.: ВОПРОСЫ ЭДИЦИОННОЙ ПРАКТИКИ»

THE LEGACY OF RUSSIAN WRITERS OF THE 20TH CENTURY: EDITING PRACTICES RESEARCH AND PRACTICAL CONFERENCE

[*Meeting Abstract*]

Елена Рудольфовна Обатнина

ведущий научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Elena Rudol'fovna Obatnina

Leading Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0003-1823-6321

lena.eo@mail.ru

XXVI НАУЧНЫЕ ЧТЕНИЯ РУКОПИСНОГО ОТДЕЛА ПУШКИНСКОГО ДОМА

26TH ACADEMIC READINGS OF THE MANUSCRIPT DEPARTMENT, PUSHKIN HOUSE

[*Meeting Abstract*]

Дин Лян

аспирант
Института иностранных языков Нанкинского университета

Ding Liang

PhD student, School of Foreign Studies, Nanjing University

ORCID: 0000-0002-7710-8138

dingliang1994@yandex.ru

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «„МЫСЛЯЩИЕ МИРЫ“ Ю. М. ЛОТМАНА», ПОСВЯЩЕННАЯ 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ УЧЕНОГО

YU. M. LOTMAN'S UNIVERSE OF THE MIND INTERNATIONAL RESEARCH CONFERENCE, HONORING THE SCHOLAR'S 100TH ANNIVERSARY

[*Meeting Abstract*]

Учредители:
Российская академия наук
Отделение историко-филологических наук РАН
119991, Москва, ГСП-1, Ленинский пр., 32а
Телефон: (495) 938-17-63, факс: (495) 938-17-64
oifn@mail.ru; www.hist-phil.ru
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук
199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4
Телефон: (812) 328-19-01, факс: (812) 328-11-40
irliran@mail.ru; www.pushkinskijdom.ru

Журнал зарегистрирован
Министерством печати и информации Российской Федерации
Регистрационный номер 0110194 от 4 февраля 1993 г.

Адрес редакции: 199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4
Телефон/факс: (812) 328-16-01, rusliter@mail.ru; www.pushkinskijdom.ru

Зав. редакцией *И. Ф. Данилова*
Редакторы *О. В. Макаревич, В. В. Филичева, А. Ю. Соловьев*
Корректор *Т. А. Румянцева*
Компьютерная верстка *Е. А. Назаровой*
Оригинал-макет подготовлен ООО «Издательство „Чистый лист“»

Сдано в набор 05.05.23. Подписано к печати 31.07.23. Дата выхода в свет 31.08.23.
Формат 70 × 100 $^{1}/_{16}$. Гарнитура SchoolBook. Цифровая печать.
Уч.-изд. л. 31. Тираж 220 экз.
Тип. зак. № 16/3а. Цена свободная

16+

Издатель: Российская академия наук
20 экз. распространяется бесплатно
Исполнитель по контракту № 4У-ЭА-131-22
ООО «Интеграция: Образование и Наука»
105082, г. Москва, Рубцовская наб., д. 3, стр. 1, пом. 1314
Отпечатано в ООО «Институт информационных технологий»